

Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей

гда я думаю о безымянных источниках, породивших половодье сказок, ий и преданий, я волей-неволей обращаюсь сердцем к безымянным гор- оэтессам.

оворить от имени горянок» я почитаю своим неустанным долгом. Те, кто л колыбельные, были так же безымянны, как и сказители.

Ни имени, ни славы, ни могилы...
Но был им дан необычайный дар:
Все их мечты, страдания и силы
Хранила верность вековых чинар.
Благодарю горянок безымянных,
Чьи губы были песней сожжены,
За три струны, бессонных, неустанных,
Объединивших время, три струны.

рпая в щедрых народных кладовых, сочинял сказки великий Пушкин. сегодняшние поэты моей республики восходят в своем творчестве к не- имости народной мудрости. У сказок появились авторы. Но и теперь тивный разум народа создает штрихами продолжение своей истории в абвенных сказках, сказаниях и преданиях, которые собраны в этой книге. ша страна издает фольклор всех республик на многих языках планеты. ка оказывается полпредом моих многонациональных земляков в самых уголках Земли. Пожалуй, нет другого такого жанра, всем необходи- понятного. Первой идет сказка, за ней — песня, потом — стихи... И, нись понимать друг друга, люди во всех странах мира начинают откры- я себя мир большого эпического романа — ведь когда душа народа по- раздо легче понять незнакомые реалии.

обую прелесть сказка, как и стихи, имеет на том языке, на котором , но и близкий к оригиналу перевод может донести до читателя всю ь и красоту и сказки, и предания, и сказания. Поэтому внимательно есь в эту книгу, откройте для себя мир наших предков, и это поможет адывать будущее. А я совершенно уверена в том, что будущее это не не быть прекрасным.

сть слова этих сказок, сказаний и преданий освещают вам дорогу во тумане, словно огонек гостеприимного дома, где вам всегда рады. эта книга послужит вам путеводной тропинкой в горах и, рассказывая о м, заставит задуматься о сегодняшнем дне Чечено-Ингушетии со всеми сменными проблемами.

эты приходят на смену друг другу, сказочники сплетают радугу из меч- сех людей, живших на этой земле.

Туман редеет на рассветных кручах
И опадает каплями веков.
И день встает — один из самых лучших,
Из самых добрых дней для земляков.
А где-то девочка на зов рассвета

Бежит из сакли маленькой своей...
Призванье пондуриста и поэта
Теперь доступно, как мужчине, ей.
Она смеется звонко и счастливо,
Она меня торопится сменить...

Так пусть эта девочка смеется и плачет над страницами книги, созданной ее предками, пусть мечтает о будущем. Я в чем-то завидую ей!

РАИСА АХМАТОВА,
народная поэтесса Чечено-Ингушетии

Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества...

М. Горький

СКАЗКИ, СКАЗАНИЯ И ПРЕДАНИЯ

В фольклоре любого народа нашли свое отражение его история, думы и чаяния, мировоззрение и художественное мышление. Период развития устного народного творчества чеченцев и ингушей охватывает многие века и имеет давнюю, активную художественную традицию. Поэтому фольклор чеченцев и ингушей представлен развитой системой жанров, большим разнообразием сюжетов и художественных средств.

В прежние времена фольклор бытовал устно и в определенной национальной среде: имели место лишь изустные контакты между народами. В наше время сфера бытования фольклора значительно расширилась. Он бытует у чеченцев и ингушей, как и у всех народов нашей страны, не только устно, но и письменно, — в переводах на русский язык их фольклор становится достоянием всех народов нашей страны. Таким образом необычайно расширилась вторичная форма существования фольклора разных народов нашей страны.

При оценке культурного наследия прошлого советские ученые всегда руководствуются учением В. И. Ленина о двух культурах народа в прошлом: демократической и порожденной господствующим классом. Вторая культура включает в себя откровенно реакционные идеи. Воспринимая фольклорное произведение демократической ориентации, мы всегда должны помнить, что в нем отразились древние и позднейшие взгляды на окружающий мир и человеческое общество. Не учитывая этого, можно впасть в вульгаризаторство и «обвинять» многие поколения создателей и хранителей фольклора в недостаточной, по нашим представлениям, идейной зрелости. Создатели, простые горцы-крестьяне, были сынами своей эпохи, а поэтому их фольклор неотрывен от нее. Это необходимо помнить, когда в фольклорном произведении имеет место обращение героя к богам, стремление совершить кровную месть, пойти в набег на княжеские табуны... Все это было следствием отсутствия государственности, а значит — выработанных общенародных законов, способных покарать преступника. Ко всему этому необходимо, как учил В. И. Ленин, подходить исторически, а следовательно — с пониманием и известной долей снисходительности.

«Творцы фольклора, — как отмечал М. Горький, — жили тяжело и мучительно — рабский их труд был обессмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и беззащитна». Одновременно великий пролетарский писатель подчеркивал, что фольклору совершенно чужд пессимизм.

Интерес к фольклору чеченцев и ингушей начал проявляться уже два

...зад, когда народы Чечни и Ингушетии соединили свою историче-
...ю судьбу с другими народами России. К фольклору горских народов обра-
щались и такие гении русской литературы, как Пушкин, Лермонтов, Толстой,
и многие ученые. А с прошлого века фиксаторами и публикаторами фольклора
наравне с русскими стали представители зарождающейся местной интеллиген-
ции. Проделанная ими всеми работа весьма значительна, но приходится отме-
тить, что работа по записи, и тем более по изучению фольклора чеченцев и ин-
гушей носила неистемный характер. Записи производились не на родном язы-
ке, а некоторые из них подвергались литературной обработке, всегда не в луч-
шем смысле этого понятия. Подобные недостатки начали изживаться в совет-
ское время, когда появилась письменность на родном языке и начали функцио-
нировать научные учреждения по записи и изучению народного творчества.
Многочисленны имена дореволюционных и советских специалистов, изучавших
фольклор чеченцев и ингушей, все они названы в комментариях к данной книге.

Устное народное творчество чеченцев и ингушей включает в себя большой
арсенал жанров: мифы, обрядовый фольклор, легенды, предания, сказания,
сказки, героико-эпические, исторические и лирические песни, пословицы, пого-
ворки.

Жанровые разновидности героического эпоса чеченцев и ингушей пред-
ставлены нарт-орстхойскими сказаниями, волшебными сказками и преданиями.
Они и включены в данную книгу. Это вторая столь объемная книга о чечено-
ингушском фольклоре, изданная в последнее десятилетие.

Свидетельством большой фольклорной общности многих народов Кавказа
является наличие у них нартского эпоса, имеющего у каждого народа свои
особенности. Если у абхазско-адыгских народов и у осетин нарты постоянно
идеализируются, то этого постоянства нет в сказаниях о нартах чеченцев и ин-
гушей. Да и название этого эпоса у них своеобразное — нарт-орстхойский эпос.
Причем наукой еще не выяснено, почему к слову «нарт» добавлено название
одного из вайнахских племен — орстхойцев (карабулаков).

В древнем общекавказском пласте эпоса чеченцев и ингушей нарты наде-
лены положительными чертами. Позднее же нарты стали трактоваться как
пришельцы и насильники, которым противопоставлены положительно оцени-
ваемые местные герои-богатыри.

Нарт-орстхойцев в сказаниях бывает тринадцать или, чаще, — шестьдесят
три. Это спаянная дружина, предводителем которой выступает главный среди
нарт-орстхойцев Сеска Солса. Чудесным и загадочным представляются рожде-
ние из камня этого предводителя нарт-орстхойцев, способы его закалки, дру-
гие фантастические ситуации. Сеска Солсе приписываются подвиги эпического
характера и «культурные» деяния, в результате которых он изобрел или при-
обрел для людей различные блага. С именем Сеска Солсы связаны изрублен-
ные вершины Цай-лоам. Этому герою посвящено специальное святилище, с его
именем связаны названия горных местностей. Неуязвимо и булатное тело Сеска
Солсы, конь же его перескакивает через глубокие ущелья и высокие горы. По-
добными же чертами наделены Хамчи Патараз, Толам-Аго, Ачамаз, Орзми,
Оршамар Эрш и другие нарт-орстхойцы.

Особняком среди нартов стоит герой Боткий Ширтка. Он и с нартами, и

помогает им или враждует с ними, но он не представитель нартского племени.
Это скорее древний мифический герой, позднее вошедший в нарт-орстхойский
эпос. Боткий Ширтка при желании способен отправляться в потусторонний
мир, а затем вновь возвращаться в этот солнечный мир. Боткий Ширтка как
положительный и справедливый герой особенно близок сказителям, так как в
отличие от нартов предстает человеком мирного труда, умелым землепашцем
и мудрым советчиком. Сами же нарт-орстхойцы постоянно в походах, набегах.
Причем набеги совершают не на княжеские табуны, отдавая добычу бедным
людям, как это делают народные герои, а часто нападают на слабого, добычу
же оставляют себе. Разумеется, таких героев народ осуждал.

Вероятнее всего, в рамках старинных, не дошедших до нас преданий оформился поздний эпический пласт, в котором стали возвеличиваться местные герои, а роль их антиподов досталась нарт-орстхойцам. Новые народные идеалы стали утверждаться в образах могучих местных богатырей, а отрицательные качества достались нартам.

Одним из самых положительных местных героев является, пожалуй, Колой Кант — обобщенный идеальный образ мирного пастуха и одновременно храброго воина. Даже шестьдесят три нарт-орстхойца не осмеливаются померяться с ним силою и пускаются на коварство. Внешний облик Колой Канта, его поведение и поступки свидетельствуют о том, что перед нами эпический герой-богатырь, ничего общего не имеющий с сильными, но глуповатыми и до предела наивными великанами. Непомерная сила героя — это прежде всего прием эпической гиперболизации. Колой Канта характеризуют трудолюбие, искренность и простота, в высшей степени гуманное отношение к женщине, широкое гостеприимство. Он изготавливает свирель и сам является прекрасным музыкантом. Одна из старинных мелодий в народе считается сочиненной Колой Кантом. Подобные герои олицетворяют в себе лучшие народные черты: трудолюбие, справедливость, силу, ум, гостеприимство, умение постоять за себя.

Положительными в нарт-орстхойском эпосе чеченцев и ингушей предстают и женские образы. Много чудесного в рождении и жизни единственной женской представительницы из нартского племени Села Саты. Она причисляется к нартам, и она же персонаж мифический, хотя бы потому, что является дочерью бога грома и молнии Селы. В образе этой героини угадывается «время матриархата», эта героиня представлялась как образец женской красоты, доброты, чистоты и хорошей хозяйки.

Наиболее яркий из женских образов — это образ Жера-Бабы. Само имя героини нарицательное, в переводе на русский язык обозначает «вдовая старуха». Она какими-то личными действиями не совершает героических поступков. Ей в эпосе принадлежит особая роль. К верному совету старухи прислушиваются все. Она предельно спокойна и по-житейски мудра. Образ этой героини весьма древен и восходит ко временам, когда женщина в обществе занимала ведущую роль. Поэтому-то Жера-Баба является носительницей особой благодати, якобы бывшей у людей в незапамятные времена. Поскольку Жера-Баба олицетворяет мир и благодать, а нарт-орстхойцы — разорение и войну, эти герои предстают диаметрально противоположными, и симпатии народа, естественно, на стороне Жера-Бабы. Она персонифицированный образ спра-

ведливости, добра и чести. В ней воплощен идеал трудового народа. Мудрая старуха обычно предотвращает кровопролитие, вражду и насилие. Даже враги-насильники настолько проникаются к ней уважением, что по ее совету (или по ее укору) добровольно покидают захваченные ими земли или устанавливают дружеские связи со своими противниками.

Идеал верной жены раскрывается в образе мудрой Альбики — жены прославленного местного героя Охкарой Канта, который дружит с партом Сеска Солсой, но последний начинает исподволь домогаться любви Альбики. Перед ней ставится дилемма: сказать обо всем мужу и довести дело до смертельной вражды, или же сохранить и свою честь и дружбу мужчин. Из этого щекотливого и затруднительного положения героиня выходит с честью.

К замечательным женским образам относятся и мудрые, храбрые безымянные жены местных героев Барахой Канта, Баркин Канта.

Нартский эпос весьма древен и, конечно же, дошел до нас на стадии значительного его изменения и исчезновения. Даже многие из записанных лет сто назад сказаний сегодня уже не обнаруживаются, что может служить примером того, что фольклорные произведения как никогда быстро уходят в область забвения. Как следствие постепенного исчезновения нарт-орстхойского эпоса можно считать наличие в нем довольно большого удельного веса сказаний о гибели нарт-орстхойцев. Хотя в других нартских сказаниях их герои и отрицательные персонажи, но в момент гибели они предстают весьма героизированными. По одним версиям, они решают свести с жизнью счеты расплавленной меди. Это уже эпизированная героическая смерть, а не обычное самоубийство. По другой версии, имеющей более психологический оттенок, нарты добровольно погибают такой же смертью из-за того, что им стало известно: по их вине в мире исчезла благодать и наступили плохие времена.

Чисто эпических нартских сюжетов больше зафиксировано (Ч. Ахриев, Б. Далгат) среди ингушей, у чеченцев нарты еще выступают в роли великанов, нечеловекоподобных существ. В прошлом веке П. Услар верно отмечал, что с удалением от центрального Кавказа на восток нартские сюжеты предаются забвению, а их главные персонажи приобретают гиперболизированный характер.

Нарт-орстхойские сказания во многом закономерно связаны с героико-волшебными сказками, но последние предстают более самостоятельным, художественно оформившимся, активно бытующим и значительным жанром в фольклоре чеченцев и ингушей.

Основным положительным персонажем героических сказок является или вдовий сын, или презираемый старшими младший брат, — вообще выходец из социальных низов. В этом ярко выражен демократизм героико-волшебной сказки. Их герой гиперболизируется безмерно. Он может одним щелчком осадить огнедышащего богатырского коня, молниеносным ударом сабли разрубить сармака — дракона, сражаться с морскими великанами — вампалами и легко вбивать их по уши в землю. В минуту смертельной опасности герой спокоен, согласно горской этике стремится не начинать бой первым, доверчив, добр и чуток, всегда верен своим друзьям.

Надежными друзьями и советчиками положительного героя выступают

мать, сестра, невеста, вдова. Когда юный герой (нередко ему еще нет и пятнадцати лет) отправляется мстить за поруганную честь своего племени, рода, семьи, со свойственной ей любовью к сыну мать отговаривает его от этой опасной поездки. Но уж коли он отправился, то она ждет справедливого мщения. И вот, когда сын стал настоящим героем-защитником и вернулся домой с победой, радость матери не знает предела: она, как обычно говорится в сказках, танцует так легко, что даже не оставляет следа, который оставил бы муравей, проползая по золе. В ряду прекрасных женских образов заметное место занимает и возлюбленная, которая, случается, переодевшись в мужской костюм, мстит врагу-насильнику, воюющему с ее мужем.

Мудрыми советами юному герою помогают и три неземные девушки, каждая из которых готова выйти за него замуж. В сказках, где конфликт происходит между героем и его старшими братьями, концовки часто дружелюбные, и братская любовь торжествует. Иную концовку получает сюжет, когда сначала подспудным, а потом открытым противником юного героя выступает князь — коварный и бесчестный насильник. Столкновения между героями, происходящие из-за сказочной красавицы, часто трагические, но будущая невеста юного героя отвергает ухаживания князя и подолгу ждет возвращения юноши. Сказка благополучно завершается его возвращением, и все перипетии разрешаются посрамлением князя невестой и всем народом. В других сказках юноша смело вступает в бой с семиголовыми вампалами, отрицательными персонажами Эржи Хожей, Аржи Неге, драконом-сармаком и во многих сказках, исполняя свой долг, погибает. Но об этой трагической гибели узнают друзья и близкие, которые оживляют его. Иной раз герой умирает неоднократно и воскрешается, чтобы вновь вступить в бой с ненавистным врагом. По законам жанра волшебной сказки она не может завершиться окончательной гибелью героя. Сказка всегда кончается победой героя над злыми силами, но в ходе самого действия сказки герой, случается, погибает не раз. Все это призвано возвеличить героя. Сказки часто состоят из двух-трех самостоятельных, но позднее объединившихся, сюжетов, в которых юноша богатырь совершает уже не один, а ряд богатырских поступков. Хотя герой чаще всего и обладает умом, силою и мужеством (зачастую скрытыми), но побеждает он часто благодаря не только им, а и с помощью «чудесных» друзей и предметов, богатырского коня, волшебства и пр.

Положительные персонажи героико-волшебных сказок идеализируются. Значительную помощь в их борьбе со злыми силами оказывают герои, ведущие свое происхождение от тотемных животных (сокола, голубя, ястреба и др.). Некоторые герои происходят от бывших когда-то небесных божеств, таких как Молодец Солнца, Молодец Луны, Молодец Звезд. Одновременно они могут являться и ранее неизвестными и где-то далеко живущими зятьями положительного героя, что мотивирует оказание ими помощи герою в его поисках похищенной врагом невесты. Космогонические — небесные — герои могущественны, они способны видеть все, что происходит во вселенной, даже рыбка, притаившаяся под камнем на дне моря, не ускользает от их всевидящего ока. Сказители считают недостаточным, если герой совершит один-два героических поступка. Чаще всего он совершает их три и более. Обычно герой убивает трех сармаков, попадает в три подземных мира, у злых сил отбивает свою невесту. Герой

действует в рамках динамичного и полного интриги и конфликтов сюжетного действия. Характерно, что активность героя не выпячивается, иногда даже создается впечатление, что он побеждает лишь благодаря «чудесным» помощникам и предметам (оселок, волшебные волосы, зеркало, плетка и пр.).

Вампалы, гарбаши, ешапы, Эржи Хожа, Аржи Неге, Бийдолг-Бяре, Энжал и прочие противники героя предстают существами огромной величины (или чрезмерно малыми, как Бийдолг-Бяре); враги глупы и жестоки, живут в безлюдных местах, ненавидят людей и вредят им. Некоторые из них человекоподобны (ешап, гарбаш, гам), имеют подобных себе дочерей и всегда стремятся выпить кровь героя или съесть его вместе с друзьями или братьями. Ешапы и гарбаши имеют огромные клыки, о которые точат ножи. Волос их настолько крепок, что связанный им человек беспомощен. В обликах этих врагов проглядывают и зооморфные черты, эти существа могут превращаться в различных птиц и животных.

Ешап внешне безобразное существо и сродни грузинским гвелвешапи, персонажу русских сказок Бабе-Яге, но, пожалуй, более человеконенавистное и кровожадное существо. Живет ешап в отдалении, чаще под землею, где иногда охраняет ворота в царство мертвых.

Гарбаш по своим функциям аналогична ешап. Первоначальное значение слова «гарбаш» — невольница, рабыня, позднее изменилось и приобрело еще одно значение — огромное, враждебное человеку, глупое и кровожадное существо, живущее в отдалении от людей.

Наиболее опасным противником героя является сармак — змей, дракон. Герой его всегда побеждает, и как свидетельство своей силы, шашкой пригвождает к земле тело или голову сармака. Эту шашку никто кроме самого героя не может вытащить. Сам же юный герой одним мизинцем подбрасывает шашку высоко в небо.

В ингушских, а чаще в чеченских сказках встречается и одноглазый великан, подобный греческим циклопам. Обычно к этому отдаленно живущему существу попадают заблудившиеся семеро братьев. Шестерых из них циклоп съедает, а младшему брату удается спастись подобно греческому Одиссею. Эти циклопоиды обитают высоко в горах или в далеких степях.

Близки к подобным циклопам энджалы, дажалы и Эржи Хожи. По своей функции они близки грузинским дэвам, дагестанским нартам, кабардинским иныжам и осетинским уангам. Когда идет подобное существо, земля дрожит, головой он упирается в тучи, глаза у него огромные как сито, а зубы — что серпы. Эти чрезмерно гиперболизированные существа олицетворяют непознанные силы природы и несут в себе только отрицательное начало.

Помощь юному герою оказывают муравей, мышь, кошка и другие существа. Это наиболее архаические образы, наверное восходящие к предкам — тотемам — и имеющиеся не только в фольклоре чеченцев и ингушей, но и в фольклоре других народов Кавказа.

Другой тип отрицательных образов волшебных и героических сказок, как это не покажется странным, нарты (нарт-орстхойцы), распространенные в основном на востоке Чечни и в Дагестане. Сказочные нарты — это уже совсем другие герои, не похожие на героев эпоса. Нарты в сказках подменяют собою

враждебных человеку (редко добрых) великанов, с присущими этим существам отрицательными чертами.

И наконец, антиподами младшего брата выступают старшие братья. Чаще всего они враждебно настроены против него, не признают никаких его прав, относятся к нему высокомерно и пренебрежительно. Наукою доказано, что появление этого мотива было обусловлено существовавшими в древности социальными причинами, обусловленными правами наследования, которые у старших и у младших братьев были неодинаковыми. В сказках же представление старших братьев врагами младших выполняет определенную художественную роль — этот антагонизм дополняет и без того многие беды, которые падают на героя, а чем больше бед и несчастий герой преодолел, тем он, конечно же, становится более героичным.

Довольно часто драматизм сказочных сюжетов создается приемом трехкратных повторений, переходом повторяющихся общих мест из одной сказки в другую. Например, такие общие места: приручение коня; вбивание противника в землю; взаимные угрозы противника и богатыря; предвестия опасности и благополучия (кровь и пена на море, ржавчина и кровь на ноже); описание длины пути героя (всадник прилип к седлу, седло прилипло к коню); хвастовство своей силой и поиски более сильного противника; мотивы змееборчества и многие другие.

Для волшебной и героической сказки, как правило, обязательны присказка и концовка. Во многих присказках, где речь идет о времени действия, повторяются ритмичные словосочетания типа: «Давным-давно, в далекие времена...», а затем следуют пространственные понятия: «За девяносто девятью горами, где волны моря, набегая друг на друга, плачут, где скалы, ударяясь друг о друга, высекают молнии...» В присказках и концовках часто звучат пожелания благополучия сказочнику и слушателю.

Нож-меч между ними,
Козел-баран между нами...

Пусть им [героям сказки] сопутствует удача,
Пусть нас не минует добро...

Сказители, как и слушатели, понимают, что в сказке преобладают фантастика, выдумка. Как правило, уже сама присказка настраивает слушателя на веселый лад, переносит его в фантастический и чудесный мир. Однако вымысел сказок, несмотря на чрезмерную фантастичность, невидимыми нитями связан с объективным миром, реальностью.

Читая сказки чеченцев и ингушей, представитель какого бы народа он ни был, найдет в них много родного и близкого себе. И неудивительно, ведь сказки всего мира во многом родственны между собою. Особенно интересно сказки слушать, интересно их и читать, потому что они доставляют человеку истинное художественное наслаждение. Вместе с тем сказки и многому учат нас. Все это делает сказку близкой и понятной человеку, представителем какой бы эпохи он ни был.

Легенды и предания особенное развитие получили у тех народов, которые из-за отсутствия письменности, свое прошлое, как это имело место у чеченцев и ингушей, стремились зафиксировать в устных рассказах, ибо всегда последующие поколения проявляли живой интерес к жизни старшего поколения, к истории народной.

Передача исторических событий была изустной, а такая передача — часто ненадежный исторический источник. Ведь со временем в зародившееся от действительных событий предание обязательно проникнет вымысел, а со временем он просто вытеснит из предания его историческую суть, и оно станет псевдоисторическим. Иногда же эта суть в силу ее важности, исключительности оказывается весьма устойчивой, и тогда предание более или менее исторично.

Прошло время, когда некоторые специалисты ошибочно не считали легенды и предания подлинными произведениями фольклора. Эти взгляды советской фольклористикой пересмотрены, и данные жанры изучаются наравне с другими.

Надо отметить, что предания, как и легенды, по своему стилю всегда тяготеют к изложению, правдивому по форме. Сказитель, рассказывая сказку, знает, что сказка — ложь, но рассказывая предание, он всегда стремится убедить слушателя, что предание — правда, для чего довольно часто в текст повествования вводятся различные «доказательства» типа: событие произошло там-то, его очевидцем был тот-то (или с очевидцем разговаривал тот-то), об этом имелась такая-то грамота и пр.

Предания по своей образной структуре несомненно являются интересными произведениями народной словесности, о чем свидетельствуют многие их специфические художественные признаки. Особенно исторические предания насыщены поучениями, образцами этических норм, выработавшихся в народе. В силу этого предания и сегодня продолжают за внешним видом «историзма» оставаться произведениями-поучениями, не потерявшими своей эстетической значимости. Также, если раздвинуть завесу вымысла, предания дают нам немало материала о прошлой истории народа, о его обычаях, чаяниях и надеждах. Например, нет никаких исторических источников, в которых бы определенно сообщалось о взаимоотношениях предков чеченцев и ингушей и жестокого завоевателя Тамерлана. Обратившись к произведениям фольклора чеченцев и ингушей, выясняем, что их предкам приходилось непосредственно иметь дело с полчищами Тамерлана, воевать с ними, а некоторые роды, видимо, и сотрудничали с ними. В любом случае, в фольклорных образцах фиксировались основные исторические события. Как сказано, принять предание за безусловную правду также ошибочно, как и считать их произведениями, не имеющими исторического содержания, разумеется, в его фольклорно-фантастическом обрамлении.

Предания чеченцев и ингушей были удостоены внимания едва ли не с первых их публикаций. Но все же работа по записи легенд и преданий долго носила случайный и бессистемный характер, а их исследованием практически никто не занимался. В данном сборнике приведены тексты, в разное время записанные на русском, чеченском и ингушском языках, а также приведено много текстов, ранее нигде не публиковавшихся. Предания чеченцев и ингушей столь

объемным и отдельным изданием публикуются впервые, и все же этот раздел еще не полон. Предстоит проделать работу по подготовке к изданию свода местных легенд, которые не включены в данный сборник.

Основные темы анализируемых преданий следующие: происхождение различных вайнахских племен и родов; расселение первопредков и их потомков; деяния родовых богатырей; основание различных сел; межродовые и межплеменные взаимоотношения в прошлом; объяснения различных топонимов (названий сел, рек, гор, склонов, переправ и др.); исторические персонажи и их подвиги; народная борьба с иноземными завоевателями; славные подвиги различных народных героев; антифеодальная борьба; любовь.

Чеченцы называют себя «нохчо», ингуши — «гIалгIа» — «галга». Наука еще не дала исчерпывающего объяснения происхождению этих этнонимов — самоназваний народов, народ сам искал объяснение своих племенных и народных названий. Причем это народное, следовательно, ненаучное и наивное объяснение проводится довольно легко: для этого часто достаточно, чтобы название одного предмета (явления) и название другого были бы сходными по звучанию. Отсюда в преданиях появляются такие мотивы: предок чеченцев якобы при рождении держал в руке сыр — «нахча», а предок ингушей — «лист» — «га» («гIа»). У нашего современника такие объяснения вызывают скептическую улыбку, что вполне естественно, но мы должны помнить, что творцы фольклора в силу своей родоплеменной ограниченности были очень далеки от научных объяснений.

Вместе с тем, читая генетические предания (предания о происхождении рода, народа), мы видим, насколько ярко и по-своему разносторонне народ идеализирует своих прадедов, тем самым стремясь эту идеализацию распространить и на их потомков, то есть — на себя. К имени этнарха часто добавляется определение «турпал» — герой, богатырь. Этот первопредок наделяется многими положительными чертами, из чего мы узнаем, какие качества считались в народе идеальными.

Конечно же, не может быть и речи о том, что целый народ произошел от одного человека. В таком утверждении с очевидностью видна родовая идеология, по которой большое значение придавалось кровнородственным связям и был силен, как это доказывают этнографы, культ предков. По преданиям предки чеченцев и ингушей предстают братьями. Также братьями объявляются мифические первопредки различных чечено-ингушских родоплеменных обществ. Подобные мотивы были призваны утверждать идеи общенародной консолидации разрозненных племен и прекращения случавшихся между ними усобиц. Есть и такие предания, в которых мифические предки чеченцев и ингушей объявляются братьями предков других народов. В этом, а также в том, что якобы такой-то предок произошел от других народов (грузин, кабардинцев и черкесов, русских, дагестанцев), видно давнее стремление народов жить в мире и дружбе между собою. А вот провозглашение первопредка происходящим от арабов (чаще всего из Сирии) надумано религиозными авторитетами с целью убедить народ в его якобы исконной принадлежности к исламу. Хорошо известно, что чеченцы и ингуши относятся к кавказской семье языков, а мусульманство среди них окончательно укоренилось сравнительно недавно (в XVIII—

XIX веках). Совершенно ясно, что среди чеченцев и ингушей никак не могли быть потомки арабов.

Некоторые первопредки носят тотемистические имена. Так, один из народных предков назван именем «Малх», то есть «Солнце», другой назван именем «Ляча» — «Сокол». В последнем герое видны следы тотемизма настолько, что даже сохранилось два тотемистических рудимента: отцом героя был сокол, а сам герой имеет крылья. Несомненно, что в начале был тотем, имевший птичий облик, который затем перешел в разряд человекоподобного предка.

Предания о происхождении народа (племени, рода) имеют в себе много фольклорного вымысла. И хотя историческая основа этого цикла преданий сводится почти к нулю, в этих преданиях ярко представлены перед слушателем героизированные предки и их деяния. Они люди умные и распорядительные, сами не ввязываются в драки и споры, справедливы, трудолюбивы и, что особенно характерно, имеют миролюбивый характер. В этом точно отразилось мировоззрение сказителя-труженика, который создавал идеалы сообразно со своими чаяниями.

Пристальное внимание в генетических преданиях отводится месту поселения предка. Обычно он поселяется на необжитых местах, земли которых затем распределяет между сыновьями на длину полета стрелы. Довольно часто утверждается, что ранее, дескать, жили на занятой предком территории такие мифические народы, как: мида, джай, тинды, джелты, девы и др. Лишь в одном-двух преданиях первопредок вступает с ними в борьбу. Кто эти народы — установить не удалось, и удастся ли, — ведь эти имена скорее всего фантастического наполнения. Например, девы чеченцев и ингушей и по названию, и по функции действований родственны грузинским и иранским мифическим жестоким великанам дэвам. Сообразно с этим и другие из перечисленных персонажей также могут быть признаны мифическими и некогда являвшимися более активными героями фольклорных произведений чеченцев и ингушей.

Каждый род или родо-племенная группа чеченцев и ингушей имели свое собственное предание о предке или какой-то другой героической личности. Эти предания рассказывались с целью самоутверждения рода, возвеличения его среди других народов. Как следствие разложения родовых отношений многие эти предания ушли в область забвения, но какая-то их часть сохранилась в дореволюционных публикациях, и некоторые еще известны представителям старшего поколения. Образы родовых предков весьма похожи на образы народных героев. И те и другие предстают людьми мужественными, сильными, мудрыми, воспитанными в духе народной этики. Наделение этих героев многими положительными качествами имело в прошлом большое воспитательное значение для молодежи. Родовые предания донесли до нас сведения о том, что в прошлом случались кровавые межродовые распри, типичные для периода, когда господствующим был родовой строй на стадии его разложения. По этим преданиям в результате столкновений родов иногда почти вся мужская часть одного из них истреблялась полностью, дабы не осталось мстителя. Но обычно в таких преданиях всегда кто-то один «случайно» остается в живых и от него вновь воскресает род. В этом виден народный оптимизм, он как бы

утверждает, что человеческий род неистребим. Подобным междоусобным преданиям противостоят и другие, в которых повествуется о мире и союзе родов.

О том, что ни горные кряжи, ни бурные реки, ни глубокие ущелья не изолировали предков чеченцев и ингушей от других народов, наглядно видно из преданий, героями которых выступают известные исторические личности. В преданиях чеченцев и ингушей слышны отзвуки походов войск Чингисхана и Мамая, угадываются имена их полководцев, описывается жесточайшая и непримиримая борьба горцев против нашествия завоевателей. Тамерлан, разгромивший Золотую Орду и огнем, и мечом прошедший по Руси и Кавказу, предстает жестоким героем многочисленных преданий кавказских горцев. Большая часть этих преданий зародилась на местной основе, а какая-то часть или какие-то мотивы возможно привнесены из иноэтнической среды. Характерно, что образ Тамерлана, или как его называют чеченцы и ингуши «Астах Темар» (Хромой Тимур), не однотипен в своей трактовке, хотя известно, что в фольклоре герои приобретают однозначный — или положительный, или отрицательный — характер. Двойственное отношение к Тамерлану возможно идет от того, что он заодно громил и ненавистную Золотую Орду, и с какими-то родами (по преданию с гендергеноевцами) имел союз. Встречается в преданиях даже такой мотив, как происхождение целого местного рода от военачальника Тамерлана по имени Баркин. В различных средневековых хрониках упоминается немало личностей как из золотоордынцев, так и из числа сподвижников Тамерлана, которые в смутные времена искали прибежища в горах Кавказа. Военачальник Баркин якобы поссорился с завоевателем, бежал в горы к чеченцам и ингушам и сплачивал их для ведения боевых действий. С именем Тамерлана связываются различные местности, а прежде даже была народная игра, пародировавшая борьбу народного войска с войском Тамерлана.

Грузинские цари Тамар и Ираклий являются героями чечено-ингушских преданий. Это закономерно, ведь чеченцы и ингуши издревле имели с грузинскими племенами самые дружественные связи. Трактовка этих героев во многом идентична у чеченцев и ингушей и граничащих с ними грузинских горцев, что указывает на межнациональную фольклорную общность. Образ царицы Тамар приобретает народные черты: она патриотка, умна и мужественна, одновременно она не лишена и слабостей. Царь Ираклий же часто выступает союзником чеченцев и ингушей, их другом, но иногда он находится и в конфликте с местным героем.

Герои освободительной борьбы начала прошлого века, например Бибулат Таймиев, мало представлены в прозаическом фольклоре, в этом сборнике имеется всего один текст, но наверняка про него и подобных ему героев в народе есть еще незафиксированные предания. Имеются предания о Шамиле и Хаджи-Мурате. Не все горцы разделяли политику Шамиля. Это убедительно видно на примере трагической судьбы действительной исторической личности Малсага Уциговича. В преданиях обычно повествуется не столько о его мужестве, сколько о его личном этикете и высокой нравственности. Эти качества также увязываются и с борцами против социальной несправедливости, абреками Варой, Зелимханом, Сулумбеком. Как видно из преданий, эти герои пользуются

большой любовью простого народа, особенно отмечаются такие их качества, как справедливость, мужество, защита обездоленных.

Большим событием в истории чеченцев и ингушей был выход горных племен на равнины, который ускорился в XVIII веке, когда Россия стала проводить на Северном Кавказе свою активную политику в связи с завершением вхождения вайнахов в состав Российского государства в 1762—1781 годах. Несомненно, что с давних времен эти равнины, простиравшиеся до Волги, были известны чеченцам и ингушам, которые проходили по ним в своих дальних странствиях, о чем говорится в преданиях и поется в старых песнях. Волны могущественных кочевых племен, прокатывавшихся по Северному Кавказу, оттесняли мирных жителей с плодородных равнин в горы. Жить среди гор было тяжело, но они защищали горцев от завоевателей как естественные крепости.

С XV—XVII веков на Северном Кавказе стали складываться относительно благоприятные условия для выхода горцев на равнины и освоения ими вожделенных благодатных земель. Первые выселенцы (как, например, аккинцы) подпадали под власть кумыкских или адыгских князей, но вместе с тем находились и под защитой России. Об этом свидетельствуют многие исторические данные. По другим преданиям мы видим, что основавшиеся в предгорной зоне горцы ставили сторожевые посты (обычно на курганах) против набегов феодальных дружин. Такие посты со временем превращались в новые села, которые, в свою очередь, выдвигали новые посты еще дальше на равнину. В результате освоения равнинных земель произошли значительные социально-политические и экономические изменения, которые не могли не отразиться на культуре народа. Именно к этому героическому периоду относится расцвет жанра героико-эпической песни — «илли». Но этот важный исторический период сказался на развитии и других жанров фольклора чеченцев и ингушей, особенно на их преданиях. Теперь в них усиливаются мотивы, образы и идеи, созвучные новой исторической обстановке. Большое развитие получают идеалы консолидации разрозненных племен в единую народность. В этот новый период восхваление родовых личностей стало уходить в прошлое. Деятельность героя становилась значимой уже в более обширных рамках общенародных задач. Эта личность становилась выразительницей чаяний и стремлений всего консолидирующегося народа. Защита сел от вражеских нападений, создание круговой обороны, упорядочение и ведение внутриобщинных дел способствовали большему развитию культа героизма, мужества и благородства. Все эти качества в преданиях теперь воспеваются, если они служат решению общенародных задач. В этот же период сложились благоприятные возможности для усиления процесса феодализации. Закономерно, что в преданиях того периода отразилась борьба сельских общинников против феодалов, как выдвигавшихся из своей среды, так и против насаждаемых извне.

В преданиях повествуется о набегах героев на княжеские табуны и стада, а порой и о набегах за добычей на соседей. Ф. Энгельс отмечал, что разложение родо-племенного общества и появление имущественного и социального неравенства обусловило то, что «война и организация для войны становятся теперь функциями народной жизни», а приобретение богатств с помощью военной силы уже «кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд»[1]. Порабощая рядовых общинников, захватывая земли, феодалы потом и кровью простых людей увеличивали свои богатства, основу которых составлял, в частности на Северном Кавказе, скот. В преданиях и героико-эпических песнях вайнахов набег чаще всего совершается как акт социального возмездия князьям и лишь изредка — из удальства. Народные демократические взгляды видны в том, что в преданиях набеги проводятся не ради грабежа и своего личного обогащения, наоборот, в произведениях фольклора угнанный у князей скот прежде всего раздается бедствующим семьям, сиротам. В фольклоре хорошо видно, что набеги не имели никакой национальной окраски. Наоборот, порабощенные князьями единоплеменные ему горцы часто становятся друзьями героя, совершающего набег, помогают ему в этом. Конечно, сегодня набеги уже не могут поэтизироваться, и мы должны относиться к ним как к исторически отжившему факту, но в силу фольклорной традиции еще находящему место в преданиях о прошлом.

Особое место занимают так называемые топонимические предания. В них названия того или другого села, склона, переправы и прочего часто объясняется на основе сходства этого названия с каким-то другим словом. Например, название села Ялхой-Мохк народ в преданиях склонен объяснять от слов «яй» — котел или «ялх» — шесть. Как следствие этих звуковых схождений народ начинал творить предания о том, что на месте этого села будто бы жило шесть богатырей или на том месте находился котел и пр. Все это не имеет никакой исторической основы, но зато свидетельствует о своеобразии народной фантазии. Некоторые же топонимические предания наверняка могли иметь в своей основе какое-то историческое ядро, например, название обрыва «Место падения Байтмара» могло получить свое название от какого-то происшедшего трагического события. И все же большая часть объяснений, даваемых народом топонимам, далека от исторической реальности и скорее соседствует с вымыслом. Вместе с тем в некоторых топонимах и связанных с ними преданиях иногда слышны отзвуки каких-то давних исторических событий.

Начало отмирания героико-эпических песен «илли» явилось причиною того, что некоторые «илли» уже не пели, а их содержание просто излагали живым, разговорным языком. Какая-то часть преданий появилась и самостоятельно, имеются в виду предания о деяниях авторитетных в народе героев эпических песен «илли». Неверно было бы думать, что предание, появившееся как результат прозаического изложения эпической песни, является лишь слабой копией. Совсем нет. Это новое произведение начинало уже жить своей самостоятельной жизнью. Способы обрисовки героев, стиль, идеалы преданий начинали отличаться от генетически связанных с ними эпических песен. Например, Адий Сурхо в чечено-ингушских героико-эпических песнях показан как герой богатырского сложения и проводящий жизнь в бранных делах и охоте. Тот же герой уже в предании предстает человеком среднего роста, одетым в латаную одежду и убирающим навоз. Но этот же герой совершает поступок, который не под силу и тринадцати прославленным мужчинам. А затем в предании появляется резюме: разве по внешности надо судить о человеке, разве

[1] Фридрих Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1980, с. 189.

рука, приученная к труду, не способна держать шашку, когда это потребуется. На подобном примере видно, что эти новые предания дают уже более реалистическую трактовку личности и что в этих преданиях усиливаются демократические тенденции.

Карл Маркс писал, что в наше время уже не может быть создана «Илиада» и не может появиться в фольклоре такой ее герой, как Ахиллес, но далее он отмечал: «...они [«Илиада» и «Одиссея»] еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недосягаемым образцом»[1]. Этими словами К. Маркс выразил отношение общества к фольклору любого народа. Жизнь показала глубокую истинность и этой мысли К. Маркса. В век атома, космоса, научно-технического прогресса наш современник с особой любовью открывает книгу фольклорных текстов любого народа и, читая их, учится добру, справедливости и вместе с тем получает истинное эстетическое наслаждение.

ИБРАГИМ ДАХКИЛЬГОВ, АХМЕТ МАЛЬСАГОВ

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, с. 203.

1. ЗОЛОТЫЕ ЛИСТЬЯ

Давным-давно, в далекие времена, за девяносто девятью горами, где волны моря, набегая друг на друга, плачут, где скалы, ударяясь друг о друга, высекают молнии, жил князь с тремя сыновьями. У князя был большой сад. Днем сад сиял под лучами солнца. Ночью, споря с сиянием солнца, сад освещало дерево с медными ветвями и золотыми листьями. Эти листья каждую ночь похищала какая-то неведомая сила. И князь ничего не мог с этим поделать. Однажды старший сын князя сказал:

— Отец, я пойду охранять дерево.

— Иди, — сказал отец, — только смотри не усни.

Старший сын отправился караулить. В полночь вдруг поднялся сильный ветер, все небо покрылось тучами. От страха, что ветер унесет его, сын князя обхватил ствол дерева, а злая сила унесла золотые листья.

— Ты узнал, куда деваются листья? — спросил князь у старшего сына, когда тот вернулся утром.

— Я уснул и никого не видел, — ответил он.

На следующую ночь средний сын князя сказал:

— Сегодня, отец, я пойду охранять дерево.

— Иди, — сказал отец, — только смотри не усни.

В полночь вдруг поднялся сильный ветер, все небо покрылось тучами. Средний сын испугался, накрылся полушубком, обхватил ствол дерева и уснул. Когда он проснулся, золотых листьев на дереве уже не было.

— Ты узнал, куда деваются листья? — спросил князь у среднего сына.

— Я уснул крепким сном и никого не видел, — ответил средний сын.

На третью ночь младший из сыновей сказал отцу:

— Сегодня, отец, я пойду охранять дерево.

— Не уподобься старшим братьям, — сказал отец.

И на третью ночь поднялся сильный ветер. Вскочил младший сын князя и вступил в борьбу со злой силой, которая тучами

заволокла небо. Высоко, три раза на пятнадцать локтей[1], подпрыгивал он и наносил удары шашкой. С полночи до рассвета сражался младший сын со злой силой. Только на рассвете ветер стих, а небо просветлело. И тогда увидел младший сын чью-то голову, черный палец с большим ногтем и кровавый след — он вел из сада, куда ушла эта неведомая сила. Утром младший сын князя никому не сказал ни слова, вооружился и отправился по кровавому следу.

В пути он встретил человека, который вырывал с корнями деревья, растирал их ладонями и превращал в порошок.

— Какие чудеса ты совершаешь! — удивился сын князя.

— То, что я делаю, неудивительно — чудеса совершает сын князя! — сказал человек, растиравший деревья в порошок.

— Я — младший сын князя, будем друзьями!

Отправились они дальше вместе и встретили человека, который одним глотком выпивал море, а потом смотрел на рыб, оставшихся без воды, и этим забавлялся.

— Вот чудо! — удивился сын князя.

— Это не чудо, — сказал человек, одним глотком выпивавший море, — чудеса совершает сын князя.

— Я — младший сын князя, стань нашим другом!

И они продолжали путь втроем. В пути встретили еще одного человека, который подбрасывал папаху, стрелял в нее, а затем ловил и пулю и папаху.

— Вот чудо! — удивился сын князя.

— Это не чудо. Вот сын князя — чудо, — сказал и этот.

Стали они четверо друзьями и отправились по кровавому следу. Дошли до одного отверстия в земле. Кровавый след вел к нему.

— Я спущусь, а вы поставьте здесь шалаш и ждите меня, — сказал сын князя.

Вырывавший деревья добывал дрова, стрелявший в папаху охотился, выпивавший море доставал рыбу, а сын князя спустился в отверстие.

Он попал в большой лес, посреди леса был луг, а на лугу бил чистый родник.

«Кто-нибудь должен прийти к этому роднику», — подумал сын князя.

И действительно, вскоре пришла к этому роднику красивая девушка с двумя кувшинами. Она долго плакала, а потом набрала в кувшины воды и ушла.

Пришла девушка еще раз и тоже заплакала, потом набрала

---

[1] Цифра здесь и далее объясняется в комментарии, а непереведенные этнографические и бытовые реалии, помеченные при первом упоминании в тексте звездочкой, даются в словаре.

воды и пошла обратно. Сын князя вышел из укрытия и заговорил с девушкой:

— Почему ты плачешь? Кто обидел тебя?

— Нас было три сестры в верхнем мире[2], — сказала девушка. — Отец наш был падчах*. Однажды ночью трехголовый орел унес нас из башни и привел на этот свет. Чтобы мы не скучали, он каждую ночь приносил нам золотые листья. Вчера он возвратился без одной головы и без пальца. Мои сестры положили себе на колени его оставшиеся головы, сидят и плачут, а я ношу им воду. Когда вода кончается, орел встряхивает головами и до смерти пугает моих сестер.

— Ты скажи орлу, что не можешь больше приносить воды, и спроси: «Что бы могло убить тебя?» — сказал сын князя.

— Осмелюсь ли я? — спросила девушка.

— Не бойся, ничего с тобой не случится.

Девушка, горько плача, с водой пришла в дом и спросила:

— Я не могу больше приносить воды. Что бы могло убить тебя?

— Ха-ха, вы ждете моей смерти, но ваше потомство исчезнет еще до моей кончины, — сказал орел. — Отсюда за семью горами находится баран, который может съесть сено, скошенное шестьюдесятью тремя[3] косарями. Внутри этого барана — заяц, а внутри зайца — утка. В утке три птенца с моей душой[4].

Девушка пришла к роднику и передала сыну князя слова орла.

Отправился сын князя за семь гор. Он подкараулил барана, уснувшего после того, как съел сено; три раза на пятнадцать локтей подпрыгнул и шашкой ударил его. Только он отсек ему голову, как из него выскочил заяц. Стрелой из лука юноша убил зайца. Как только стрела попала в зайца, из него вылетела утка. Три раза на пятнадцать локтей подпрыгнул сын князя и меткой стрелой сбил утку. Разорвал он утку, вытащил из нее трех черных, как уголь, птенцов и завернул их в платок.

Долго ли, коротко ли шел он и вновь пришел к роднику.

Пришла к роднику и девушка. Из ее глаз вместо слез текла кровь. Увидев сына князя, она очень обрадовалась. Он отдал ей одного птенца и сказал:

— Как только придешь домой, убей его и посмотри, как будет чувствовать себя орел.

Девушка ушла и вскоре вернулась. Она сказала, что орел, видимо, сдох.

Сын князя направился к отверстию и потряс веревкой. Первой подняли старшую сестру, второй — среднюю. Третья сказала:

— Неизвестно, что за люди твои друзья, поэтому лучше сначала поднимись ты.

— Нет, — сказал сын князя, — они не поступят плохо, поднимайся ты.

— Возьми себе это кольцо, вдруг что-нибудь случится, — сказала младшая сестра. — Если они совершат подлость и ты останешься, то в пятницу в полдень здесь появятся три коня. Дотронешься до белого[5] — очутишься в верхнем мире, дотронешься до красного — останешься здесь, дотронешься до черного — очутишься в нижнем мире.

Младшая девушка была самой красивой.

Как только ее подняли, спутники княжеского сына решили:

— Если поднять сына князя, то он может взять девушек себе, а мы останемся ни с чем.

И они бросили веревку в яму, а сами вместе с девушками ушли.

В пятницу перед сыном князя появились три огнедышащих коня, из их ноздрей выбивалось пламя того же цвета, какой была масть каждого коня.

Как ни старался сын князя дотронуться до белого коня, не смог. Коснулся он черного коня и оказался в нижнем мире.

Юноша вошел в саклю, стоявшую на краю села.

— Умри, тебя не родившая мать![6] У кого нет сына, к тому сын идет, — с такими словами вышла навстречу ему из сакли старушка.

— Голоден я, нани*, накорми меня, — сказал сын князя.

Услыхав такие слова, старушка горько заплакала.

— Почему ты плачешь? — спросил сын князя.

Старушка сказала:

— У меня нет воды. Сармак[7] захватил реку, и если ему каждый день не приводить по девушке, он не будет давать воды. Сегодня ему должны привести дочь падчаха, а до этого он воды не даст.

— Я пойду к нему, — сказал сын князя.

Он на десять пальцев повесил десять ведер и пошел к реке.

— Не подходи! — закричал сармак.

Но юноша подошел, набрал десять ведер воды и отправился в обратный путь.

— Я тебя отпускаю потому, что ты гость, но не вздумай больше приходить сюда[8], — сказал сармак.

На дороге играли дети. Они бросились к сыну князя и выпили все десять ведер воды. И снова пошел сын князя за водой.

— Не подходи! — опять закричал сармак.

Но юноша подошел, набрал воды. На обратном пути налетели на него утки и гуси и выпили всю воду. И он опять отправился за водой.

— Не подходи! — снова закричал сармак.

Но сын князя опять набрал воды.

— Ты приходишь в третий раз. Я пощадил тебя, потому что ты гость. Но если ты придешь еще раз, я съем тебя.

Когда сын князя возвращался, на него набросилось стадо коров и выпило всю воду. В одном ведерке на дне осталось несколько капель, и он пришел к старушке, месившей муку. Тесто затворила, пошел к сармаку.

— Не подходи! — скрипя зубами, сармак двинулся на юношу, из его пасти вырывалось синее пламя.

Сын князя разрубил сармака шашкой на шестьдесят три части, проткнул их шашкой и пригвоздил к земле со словами: «Пусть никто не сможет тебя выдернуть, кроме того, кто воткнул». А сам набрал воды и пошел к старушке.

Увидев убитого сармака, все очень удивились.

— Тому, кто убил сармака я отдам полцарства и дочь, — сказал падчах.

«Я, я убил сармака», — говорили пузачи, усатые богачи, известные воины, но выдернуть шашку никто из них не смог.

— Кто не может выдернуть шашку, тот не мог убить сармака, — сказал падчах. — Есть ли еще кто-нибудь в моем царстве, кто не явился на мой зов? — спросил он.

Дети сказали, что не явился только один человек — сын старухи, который ведрами носил воду с реки.

Падчах велел привести его. Сын князя подошел, мизинцем подбросил шашку, а когда она полетела вниз, с маху вложил ее в ножны.

Падчах сказал юноше, что ему принадлежит полцарства, и теперь он его зять.

Сын князя отказался. Удивился падчах.

— Что же тебе нужно? Все, что запросишь, мы тебе дадим! — упали перед ним люди на колени.

— Мне нужно подняться в верхний мир, — сказал сын князя.

Все понурили головы.

— Это не в наших силах, дорогой гость. На черной горе свила гнездо орлица. Птенцов этой орлицы поедает большая змея. Если ты спасешь птенцов орлицы, она постарается вынести тебя в верхний мир, — сказал падчах.

Взобрался сын князя на черную гору, спрятался под гнездом орлицы и стал выжидать.

Когда он увидел, что змея поднимается к орлиному гнезду, он шашкой изрубил ее на куски. Птенцы, услышав, что ползет змея, заклекотали, и орлица на их крики полетела к гнезду. Самый маленький птенец видел, как юноша изрубил змею. Он сказал сыну князя:

— Сейчас прилетит орлица, если она увидит тебя, то съест. Спрячься под нашими крыльями.

Только спрятался сын князя, как появилась огромная орлица, изрыгавшая из клюва пламя. Увидела она убитую змею и спросила птенцов:

— Кто вас спас, мои птенчики?

— Если ты не сделаешь ему ничего плохого, мы скажем тебе, — сказали они.

— Не сделаю.

И птенцы показали ей сына князя.

— Что тебе нужно? — спросила орлица.

— Мне нужно подняться в верхний мир, — сказал он.

Немного подумала орлица и сказала:

— Ты просишь меня о трудном деле: если на каждое мое «вак» ты будешь давать мне по быку и бочке воды, я смогу поднять тебя. Если этого не будет, у меня не хватит сил подняться в верхний мир.

Сын князя уставил на спине орлицы шестьдесят быков и шестьдесят бочек воды. И они отправились в путь.

Орлица говорила «вак», и он бросал ей быка и бочку воды, и так шестьдесят раз. Когда они были уже недалеко от верхнего мира, кончились и быки и вода. «Вак», — сказала орлица, и сын князя отрезал от левой ноги икру и бросил ей в рот. «Вак», — сказала орлица, и он бросил ей в рот икру правой ноги. Опять подала сигнал орлица — он бросил мышцу левой руки, в следующий раз — мышцу правой руки. И когда еще раз орлица сказала «вак», сын князя произнес:

— Да умри у твоего отца семь человек[9], у меня ничего больше нет, если не отдать самого себя.

Взмахнув крыльями, орлица сбросила седока, но вскоре подлетела и снова усадила его на спину.

— Я хотела испытать тебя, — сказала орлица, и вскоре они достигли верхнего мира.

Здесь орлица выплюнула икры и мышцы княжеского сына, и они мгновенно приросли[10].

Поблагодарили они друг друга и расстались.

Пошел сын князя по селу.

— Кому нужен даровой пастух, даровой пастух кому нужен?

— Мы и за деньги не можем найти работника, — сказал один богач и нанял его.

Сын князя заметил, что хозяева готовятся к какому-то празднику.

— Куда вы собираетесь? — спросил он.

— На свадьбу спасителей девушек, которых когда-то унесла черная сила, — ответили ему. — Разве ты не слышал об этом?

— Если вы позволите, я пойду с вами, — попросил сын князя. — Может, мне дадут там милостыню.

Когда младший брат опускал поводья, конь его спорил с ветром, когда натягивал их — к небу взмывал. Так доскакал младший брат до аула, где князь устраивал скачки.

Прибыл младший брат в аул, подъехал к князю, поздоровался и сказал:

— Я слышал, что князь отдает свою дочь за того, кто придет первым на скачках.

— Ты опоздал, всадник, — ответил князь, — три дня и три ночи прошло с тех пор, как всадники отправились на скачки.

— Скажи мне, светлый князь, получит ли в жены твою дочь тот, кто придет первым на скачках?

Князь ответил:

— У подножия Казбека есть родник, у которого растет груша. Под ней стоит кувшин моей дочери, в нем золотое кольцо. Кто первым доскачет до кувшина и привезет это кольцо, за того я и выдам свою дочь.

Выслушал младший брат ответ князя, натянул поводья, и конь, споря с ветром, поскакал вперед.

Прошло немного времени, и младший брат настиг всадников по пути к Казбеку. Он обогнал их, прискакал к роднику, взял из кувшина кольцо княжеской дочери, прискакал обратно, подпрыгнул на коне к окну башни, где сидела дочь князя, и отдал ей кольцо.

Князь выдал свою дочь за младшего брата, и три дня и три ночи играли они свадьбу. Потом младший брат отправился домой с дочерью князя. Приехал он домой и спрятал дочь князя в комнате, а сам стал дожидаться приезда братьев.

Через некоторое время вернулись братья домой, и младший спросил:

— Кто выиграл на скачках, кто прискакал первым?

Старшие братья ответили:

— Какое тебе дело до того, кто прискакал первым и кто выиграл дочь князя? Во всяком случае, он ни капли не был похож на тебя.

На следующий день прослышали братья, что князь выдаст вторую дочь за того, кто достанет двух соколов из гнезда, а гнездо это находится на вершине скалы такой высокой, что с нее не видно дна черной пропасти, а со дна пропасти не видно вершины скалы.

Старшие братья и на этот раз отказались взять с собой младшего и вдвоем выехали на своих ослах.

Младший достал волос серого коня и сжег его. Не успел волос догореть, как перед ним появился серый конь. Младший брат оделся в дорогие одежды и поскакал к князю. По дороге он догнал старших братьев, поприветствовал их и, обдавая пылью, проскакал мимо.

Братья посмотрели вслед всаднику, но не узнали в нем брата. Младший брат прискакал к башне князя, где собрались храбрецы со всего края.

— Я выдам свою вторую дочь за того, кто достанет соколов из гнезда на вершине высокой скалы, — провозгласил князь.

Младший брат отправился вместе со всеми к этой скале и спросил своего коня:

— Как победить нам в этих состязаниях?

Серый конь ответил:

— Сожми мои бока так, чтобы сердце мое сжалось в комок, и огрей меня так, чтобы от крупа моего полетели искры. Крикни так, будто крикнули шестьдесят три всадника. Передними ногами я пробью такую тропу, по которой свободно пройдет пеший. Задними ногами я пробью дорогу, по которой сможет проехать арба. Так и доберемся до соколиного гнезда.

По совету коня младший брат так сжал коленями его бока, что сердце коня сжалось в комок, огрел коня кнутом так, что с него посыпались искры, и крикнул так, будто крикнули шестьдесят три всадника. Передними ногами конь пробил такую тропу, по которой мог свободно пройти пеший, задними ногами — дорогу, по которой могла свободно проехать арба. Копытами отсекая глыбы, серый конь примчал младшего брата к соколиному гнезду. Достигнув соколиного гнезда, младший брат крикнул князю:

— В гнезде только двое соколят, сокола нет. Как быть?

Князь сказал, чтобы он взял двух соколят. Младший брат взял соколят и бросил их в окно дочери князя.

Князь выдал свою дочь за младшего брата. Три дня и три ночи играли свадьбу, а потом младший брат отправился домой со второй дочерью князя.

Приехал он домой, спрятал вторую дочь князя в той комнате, где находилась первая, а сам стал дожидаться приезда старших братьев.

Когда они вернулись, он спросил:

— Кому досталась средняя дочь князя? Кто смог достать двух соколят?

Братья ответили:

— Соколят достал всадник на сером коне. Какое тебе дело до него? Он ни капли не был похож на тебя.

— Пусть он на вас двоих был бы похож, я и этому был бы рад.

На следующий день братья прослышали, что князь выдаст свою третью, младшую, дочь за того, кто на всем скаку достанет барана из колодца глубиной в шестьдесят три аршина.

Старшие братья и на этот раз отказались взять с собой младшего, сели на ослов и поехали. Через некоторое время после их отъезда младший брат достал из кармана третий волос и сжег его. Не успел волос догореть, как перед ним появился конь гнедой масти. Украсив своего коня, как невесту, снарядившись, словно жених, младший брат поскакал ко двору князя.

По дороге младший брат догнал братьев, поприветствовал их и, обдав пылью, проскакал мимо.

— Я выдам свою третью дочь за того, кто на всем скаку достанет барана из колодца глубиной в шестьдесят три аршина, — провозгласил князь.

Младший брат обратился к своему коню:

— Сумеем ли мы достать барана из такого колодца?

Конь гнедой масти ответил:

— Ударь меня кнутом без жалости и крикни так, чтоб не только люди, но и поля оглохли. Передними копытами я прокопаю землю, а задними выброшу ее, и доставлю тебя на дно колодца. Точно так мы и выскочим из него.

Младший брат по совету гнедого коня изо всех сил огрел его кнутом и крикнул так громко, что не только люди, но и поля оглохли. Передними ногами конь прокопал землю, а задними выбросил ее и доставил младшего брата на дно колодца.

Младший брат схватил барана за рог и поскакал. Рог обломился, и баран упал обратно в колодец. Младшая дочь князя следила из окна своей комнаты за младшим братом. Увидела она, что всадник не смог вытащить барана, и крикнула:

— Не падай духом, юноша! Хватай барана так, как обычно его хватают волки.

Младший брат снова схватил барана так, как его обычно хватают волки, выскочил из колодца и на всем скаку бросил барана в окно девушки.

Князь выдал свою дочь за младшего брата. Три дня и три ночи играли они свадьбу, потом он отправился домой, спрятал младшую дочь князя в той же комнате, где находились ее старшие сестры, и стал дожидаться прихода братьев.

Через некоторое время вернулись старшие братья. Младший брат спросил:

— Кто смог достать барана из колодца? Кому досталась младшая дочь князя?

Братья ответили:

— Барана из колодца достал всадник на гнедом коне. Какое тебе дело до него? Он нисколько не был похож на тебя.

— Был бы он похож на вас, я и этому был бы рад. Я же покажу вам трех дочерей князя и трех коней: черного, серого и гнедого.

И младший брат вывел из конюшни трех коней, а из комнаты — трех сестер.

Оделись братья в лучшие одежды, снарядили трех коней и с тремя сестрами отправились во двор князя.

Князь семь дней и семь ночей играл свадьбу, подарил дочерям половину своего скота.

Три брата и три сестры-жены вернулись домой и стали счастливо жить.

3. ЧАЙТОНГ — СЫН МЕДВЕДЯ

Жили-были муж с женой. У них была единственная дочь. Как-то ночью девушка вышла во двор. На нее напал медведь и утащил ее. Стала она жить с медведем. Прошло около года, и у нее родился от медведя сын. Накормила она мальчика грудью — он стал ходить, накормила второй раз — мальчик заговорил, накормила третий раз — стал он настоящим молодцем. Повзрослевший юноша сказал матери:

— Нани, давай сходим к твоим родителям.

— Хорошо, — ответила мать.

Отправились они в гости. Подошли к калитке и остановились. И говорит мать сыну:

— Заходи первым ты.

Сын ответил:

— Нет, первой заходи ты.

Мать зашла в дом, а сын постоял-постоял и ушел. Шел он, шел и повстречался с юношей, который мизинцем играл огромным бревном.

— Вот это чудо! — удивился Чайтонг [1].

— Это пустяк, — ответил юноша. — Чудо то, что совершает сын медведя Чайтонг.

— Это я и есть, — сказал Чайтонг. — Будем друзьями.

И они отправились вдвоем. Шли, шли и повстречали еще одного человека — он сидел на земле и прислушивался к разговору муравьев.

— Вот это чудо! — удивился Чайтонг.

— Это пустяк, — ответил встречный. — Чудо то, что совершает сын медведя Чайтонг.

— Это я и есть, — сказал Чайтонг. — Будем друзьями.

Отправились они дальше. Шли, шли и увидели посреди леса избушку. Три друга остановились здесь отдохнуть. Оставили они в избушке юношу, который мизинцем подбрасывал бревна, попросили его приготовить к их возвращению еду, а сами отправились на охоту.

Юноша прибрал в комнате, приготовил обед и стал дожидаться своих друзей. В это время в избушку вошел ешап [2].

— Проходи в комнату, — пригласил юноша, — садись.

— Я и без твоего разрешения сяду, ублюдок, — сказал ешап и сел.

Юноша пригласил ешапа к столу и поставил перед ним мясо и халтамаш *.

Ешап все съел и приказал подать еще мяса и халтамаш. Юноша сказал, что с охоты должны прийти его друзья, и он обещал приготовить им еду.

— Дай мне еще поесть! — прорычал ешап.

Юноша вновь отказался. Ешап вырвал из своей бороды волос, привязал им юношу к койке и, забрав всю еду, скрылся. Долго вырывался юноша, наконец освободился и лег спать. Друзья вернулись с охоты голодными и спрашивают:

— Приготовил ли ты что-нибудь поесть?

— Я был болен и не смог ничего сделать.

Недовольные охотники сами сварили себе ужин.

На следующий день дома остался человек, подслушивающий разговор муравьев, а друзья отправились на охоту.

Тот, кто подслушивал разговор муравьев, прибрал в комнате, приготовил обед и стал дожидаться друзей. В это время к избушке подошел ешап.

— Проходи в комнату, — пригласил тот, кто подслушивал разговор муравьев, — садись.

— Я и без твоего разрешения сяду, ублюдок, — сказал ешап и сел.

Тот, кто подслушивал разговор муравьев, поставил перед ним мясо и халтамаш. Ешап все съел и приказал дать еще, но тот сказал, что не даст, — с охоты должны возвратиться проголодавшиеся друзья.

— Дай мне еще поесть! — прорычал ешап.

И когда тот, кто подслушивал разговор муравьев, вновь отказался, ешап вырвал из бороды волос, привязал им его к койке и, забрав всю еду, скрылся.

Приложив немало усилий, тот, кто подслушивал разговор муравьев, наконец освободился и лег отдохнуть. Охотники вернулись домой и спрашивают:

— Приготовил ли ты что-нибудь поесть?

— Я был болен и не смог ничего сделать.

Недовольные охотники сварили себе ужин, поели и легли спать.

На третий день дома остался Чайтонг, а его друзья отправились на охоту. Чайтонг приготовил обед, прибрал в комнате и стал дожидаться друзей. В это время, как и в первые два раза, к избушке подошел ешап.

— Проходи в комнату, — пригласил Чайтонг, — садись.

— Я и без твоего разрешения сяду, ублюдок, — сказал ешап и сел.

— Отведай хлеба-соли, — сказал Чайтонг, едва сдерживая гнев.

— Я и без твоего разрешения съем все, что мне хочется, ублюдок, — продолжал издеваться ешап.

— Если я не позволю, ничего ты не съешь, — вскочил Чайтонг, схватил ешапа за усы и ими привязал его во дворе к столбу.

Долго бился ешап и, наконец, вырвав из земли столб и оставляя за собой кровавый след, бросился бежать. В это время пришли с охоты проголодавшиеся друзья и спросили:

— Приготовил ли ты что-нибудь поесть?

— Конечно, приготовил, — ответил Чайтонг, — а чем это вы болели?

Друзья не отвечали. Но вскоре они во всем признались Чайтонгу.

— Вот что, друзья, — сказал Чайтонг, рожденный от медведя, — давайте пойдем по следу ешапа!

Шли они, шли и увидели посреди дороги стальную трубу. Кровавый след вел вверх по трубе, а затем по ее внутренней стороне опускался вниз.

— Кто спустится по этой трубе? — спросил Чайтонг.

Юноша, подбрасывавший мизинцем бревна, и человек, подслушивавший разговор муравьев, не решились спуститься вниз.

— Хорошо, тогда спущусь я, — сказал Чайтонг, рожденный от медведя. — Все, что там есть, я буду подавать вам, а потом вытащите и меня.

Чайтонг обвязал себя веревкой и спустился. Вошел он в первую комнату. В ней сидела старшая жена ешапа.

— Спрячься поскорее, — сказала она, — если ешап проснется, он убьет тебя!

Чайтонг махнул рукой и вошел во вторую комнату. В ней сидела вторая жена ешапа. И она сказала:

— Спрячься скорее, если ешап проснется, он убьет тебя!

Чайтонг махнул рукой и вошел в третью комнату. В ней сидела невиданной красоты девушка: на ее коленях лежала голова ешапа.

— Ой, не входи! — сказала она. — Если ешап проснется, он убьет тебя!

Ешап имел обыкновение спать подряд двенадцать дней и двенадцать ночей.

— Сбрось собачью голову со своих колен, — сказал Чайтонг.

Девушка не согласилась. Чайтонг повторил еще раз:

— Сбрось собачью голову со своих колен!

И девушка сбросила на пол голову ешапа. Ударился ешап головой о пол, проснулся и стал драться с Чайтонгом. Дрались они, дрались, да так долго, что от их пота появились лужи, а от пара — туман. Стал ешап одолевать Чайтонга, и тогда Чайтонг взмолился:

— Могучий боже! Пусть солнце и месяц станут между нами!

Солнце и месяц стали между ними, и они продолжали драться, да так сильно, что от их пота появились лужи, а от пара — туман. Тогда взмолился ешап:

— Пусть станут между нами солнце и луна!

— Вот тебе солнце и луна, — крикнул Чайтонг, рожденный от медведя, и ударом шашки снес голову ешапу.

После этого он поднял наверх старших жен ешапа, а когда стал поднимать третью девушку, они обменялись кольцами, и она сказала ему:

— Я не доверяю твоим друзьям: В конюшне ешапа стоят белый, красный и черный жеребцы. Если ты, не дотрагиваясь до красного и черного, коснешься белого жеребца, он поднимет тебя в тот мир, где нахожусь я.

Друзья Чайтонга подняли девушку, но не стали поднимать Чайтонга и вместе с женщинами убежали.

Вошел Чайтонг в конюшню и случайно коснулся черного жеребца; в тот же миг очутился он в самом нижнем мире. Там он увидел домик, из которого курился дым. В нем жила одна старушка. Он вошел в дом.

— Нани, есть ли у вас что-нибудь поесть? — спросил проголодавшийся Чайтонг, рожденный от медведя.

— Ничего нет, — ответила старушка, — я сейчас тебе приготовлю.

Налила она грязной воды и стала готовить еду.

— Что ты делаешь?

— Еду готовлю, — ответила старушка.

— Разве у вас нет чистой воды? — спросил Чайтонг.

— Клянусь, мальчик, нет, — ответила она. — У источника лежит сармак. Если ему не приведут девушку, он не дает воды.

— Дай-ка мне ведра, — сказал Чайтонг, — воду-то я нам принесу.

Десятью пальцами Чайтонг захватил десять ведер и отправился к источнику. Набрал полные ведра воды и пошел обратно.

— Сейчас я тебя отпускаю как гостя, но не вздумай больше приходить за водой, — сказал сармак.

Набежавшие коровы выпили всю воду у Чайтонга. Вновь набрал Чайтонг десять ведер воды.

— Не вздумай больше приходить, — сказал сармак, — и второй раз я тебя отпускаю как гостя.

Чайтонг раздал всю воду людям и в третий раз пошел за водой.

В это время он встретил всадника, который вез плачущую девушку, дочь падчаха, чтобы отдать ее на съедение сармаку. Отправились они втроем и подошли к источнику. Чайтонг, рожденный от медведя, подвел девушку ближе к сармаку. Сармак заскрежетал зубами так, что посыпались искры, еще ближе подвел

Чайтонг девушку, и вновь сармак заскрежетал зубами и снова посыпались искры.

Когда в третий раз Чайтонг подвел девушку, сармак так сильно щелкнул зубами, что сломал себе челюсть. Чайтонг подошел к сармаку и большим пальцем вонзил в него кинжал, мизинцем подбросил его, потом вновь большим пальцем всадил кинжал в сармака и убил. При этом Чайтонг сказал:

— Пусть кинжал этот вытащит тот, кто его вонзил.

А всаднику он сказал:

— Расскажешь всем, что ты убил сармака, спас дочь падчаха и принес воды.

Родственники падчаха и все люди с большими почестями встретили всадника и спросили:

— Как тебе удалось спасти девушку?

— Я убил сармака, спас девушку и принес воды, — сказал всадник.

Двенадцать дней и двенадцать ночей кормили и поили всадника, укладывали спать на пуховых постелях. У источника люди увидели сармака, пригвожденного кинжалом к земле. Никто — ни молодые, ни старые не могли вырвать этот кинжал.

— Вот из того дома, где курится дым, нужно бы пригласить юношу, — сказала одна девочка.

Пригласили Чайтонга и спросили:

— Попробуй, может быть, ты сможешь вытащить этот кинжал.

— Если вы не могли его вытащить, то как же я его вытащу? — сказал Чайтонг.

Подошли к сармаку. Чайтонг, рожденный от медведя, мизинцем руки подбросил кинжал, затем большим пальцем вновь вонзил и снова мизинцем вытащил. Тогда падчах сказал всаднику:

— Не ты спаситель моей дочери. Ее спаситель — Чайтонг, рожденный от медведя.

Пятнадцать дней и пятнадцать ночей кормили и поили Чайтонга, укладывали спать на пуховых постелях.

Говорит падчах Чайтонгу:

— Одарю тебя всем, только оставайся с нами!

— Ничего мне не нужно. У меня одно желание — подняться в верхний мир.

— Я расскажу тебе, как выбраться туда, и дам еду на дорогу, — сказал падчах. — Есть одна орлица. Ее птенцов поедает сармак. Если ты спасешь ее птенцов от сармака, она поможет тебе выбраться в верхний мир.

Как только орлица вылетела из гнезда, Чайтонг отправился к ее птенцам. Он подкараулил сармака, убил его и спас птенцов. Птенцы сказали ему:

— Скоро вернется наша мать. Она подумает, что ты сармак, и убьет тебя. Поэтому спрячься под нашими крыльями.

Как только Чайтонг спрятался, вернулась орлица. Она стала спрашивать:

— Как вам удалось спастись от сармака?

— Мы покажем тебе нашего спасителя, если ты не сделаешь ему ничего плохого.

— Я не сделаю ему ничего плохого.

Птенцы показали Чайтонга:

— Вот наш спаситель и убийца сармака!

От радости орлица обняла Чайтонга так, что переломала ему ребра, а затем лизнула языком, и они срослись. Чайтонг попросил орлицу:

— Подняла бы ты меня в верхний мир.

— Приготовь нам еду на двенадцать дней и двенадцать ночей: десять пудов мяса, десять пудов хлеба, десять ведер воды.

Падчах дал Чайтонгу все, что просила орлица. Чайтонг положил на спину орлицы еду, и они полетели.

— Как только я скажу «кахк» — бросишь мне мясо, скажу «вахк» — бросишь мне хлеба, скажу «чахк» — дашь воды, — сказала орлица.

В полете орлица сказала «кахк» — Чайтонг бросил ей мясо, «вахк» — бросил хлеба, произнесла «чахк» — дал воды.

Еда кончилась. «Кахк», — снова сказала орлица. Чайтонг оторвал икру ноги и бросил ей. Произнесла она «вахк» — бросил он икру второй ноги, произнесла «чахк» — бросил мышцу руки.

И еще раз сказала орлица «кахк».

— Пусть тебе «кахк» будет ядом, а «вахк» — желчью!

— Что, кончилась еда? — спросила орлица.

— Кончилась, — ответил Чайтонг.

— Зажмурь глаза и держись за меня крепче, — сказала орлица.

Только он закрыл глаза — они очутились в верхнем мире. Орлица выплюнула его икры и мышцы, приложила к телу, лизнула, и раны зажили.

В одном селе проходила свадьба. На этой свадьбе Чайтонг узнал ту девушку, которую поднял он в верхний мир. Подошел он к ней и показал кольцо.

Девушка бросилась к нему и заплакала от радости.

Бывшие друзья, узнав Чайтонга, убежали, а он женился на этой девушке и счастливо живет с нею до сих пор.

4. ЧУДНЫЙ МАЛЬЧИК, БРОСАВШИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ СТОЛБ

Отец посадил сына около гумна, чтобы он охранял пшеницу от птиц.

Сын уснул, а птицы тем временем склевали зерно.

— Почему ты позволил птицам клевать пшеницу? — спросил его отец, когда он проснулся.

— Я уснул и видел интересный сон, — ответил мальчик.

Отец попросил рассказать сон, но мальчик отказался. Не рассказал он сон и своей матери. Он убежал из дому и жил у реки, а питался травой.

К этой речке приходила за водой дочь князя.

— Я хочу задать тебе вопрос, — сказала дочь князя. — Если ответишь правильно, я дам тебе две лепешки.

Принесла она лепешки и спросила:

— Моему отцу князь-чужестранец прислал два ножа и спрашивает: «Какой нож принадлежит рабу, а какой князю? Если отгадаешь — я выдам за тебя свою дочь, если же не отгадаешь — отрублю голову». Не отгадаешь ли ты эту загадку?

— Эти два ножа надо положить в огонь, — сказал мальчик.— С ножа раба польется жир, а нож князя накалится [1].

С такими словами ножи отослали князю-чужестранцу, и мальчик оказался прав.

На второй день девушка вновь спросила у мальчика:

— Двух петухов прислал нам князь и велел отгадать, какой из них молодой, а какой — старый?

— Не кормите петухов два дня, затем дайте им пшеницы. Молодой будет клевать, повернувшись к ветру хвостом, а старый — став против ветра.

Ответ мальчика и на этот раз оказался верным.

Опять пришла девушка к мальчику и задала вопрос:

— Два черепа прислал князь с условием отгадать, какой из них принадлежит женщине, а какой мужчине?

— Положите их на печную трубу, а собравшимся женщинам скажите: «Пойдемте оплакивать покойника». Тогда женский череп скатится с печки, а мужской останется на месте.

Наконец, князь-чужестранец прислал отцу девушки железный столб:

— Если сможешь бросить столб в мой двор — выдам за тебя дочь, а не сможешь — снесу тебе голову.

Собрал князь всех своих людей, но никто не смог забросить столб во двор князя, а про мальчика-то забыли.

Наконец пришла девушка к реке и попросила мальчика бросить железный столб.

— Столб я переброшу, — сказал мальчик, — если зарежете трехгодовалую телку и накормите меня мясом и бульоном.

Когда ему сварили мясо трехгодовалой телки, мальчик все съел и приготовился бросить железный столб.

— Ударить мне этим столбом в окраину шахара* или прямо в башню князя? — спросил мальчик.

— В башню не нужно, ударь в окраину шахара и разрушь его, — сказали мальчику.

Бросил мальчик железный столб и разрушил окраину шахара.

Князь-чужестранец прислал человека с известием:

— Можете приехать за своей невестой, я больше не буду вас испытывать.

Не было человека, который осмелился бы пойти за дочерью князя.

За ней пошел мальчик. Шел он, шел и увидел одного человека, который незаметно для голубей менял у них перья.

— Вот чудеса ты проделываешь! — сказал мальчик.

— Это не чудо! — ответил встретившийся. — Вот мальчик, бросивший железный столб, — чудо!

— Это я, — сказал мальчик. — Я иду за дочерью князя, пойдешь ли ты со мной?

— Пойду.

Шли они, шли и встретили еще одного человека, который втягивал море в рот и говорил:

— Меня мучает жажда.

— Вот чудо! — сказал мальчик.

— Это не чудо. Вот мальчик, бросивший железный столб, — чудо!

— Это я, пойдешь ли ты вместе с нами?

— Пойду.

Отправились они дальше и встретили человека, который так быстро бегал, что гладил по спине мчавшуюся лань, хотя одна его нога была привязана к телу, а другая волочила мельничный жернов.

— Вот чудо!

— Это не чудо. Вот мальчик, бросивший железный столб, — чудо!

И его они взяли с собой.

Отправились они дальше и встретили человека, который приложив ухо к земле, прислушивался к шороху муравьев, находившихся за семью горами.

— Вот чудо!

— Это не чудо. Вот мальчик, бросивший железный столб, — чудо!

— Это я, пойдешь ли ты вместе с нами?

— Пойду.

И его они взяли с собой.

Наконец, они встретили человека, который переносил села с мокрого места на сухое.

— Вот чудо!

— Это не чудо. Вот мальчик, бросивший железный столб, — чудо!

И его они взяли с собой.

Тогда мальчик сказал:

— Нам нужен ястреб для драки с петухом и волк для драки с собакой.

Поймали они волка и ястреба и подошли ко двору князя.

Их встретили люди князя:

— Если у вас нет петуха для петушиного боя, можете не входить.

Выпустили они ястреба, и он вырвал у княжеского петуха все перья.

— Если у вас нет собаки, чтобы стравить с нашей, можете не входить, — сказали тогда люди князя.

Друзья выпустили волка. Он схватил собаку за горло, и она испустила дух.

— Заходите, — сказали хозяева и усадили их в одной комнате.

В другой комнате им готовили еду.

— Послушай-ка, ты, чутко слышащий, — сказал мальчик.

Тот подслушал: им, гостям, приготовили пищу с ядом, а хозяевам без яда.

Мальчик попросил того, кто менял перья у голубей, переменить блюда так, чтобы им досталась пища без яда, а хозяевам с ядом.

Тот переменил блюда. Гости ели-пили, а люди князя умирали.

— Гости нас перехитрили, нужно обложить дом соломой и поджечь, — сказали хозяева.

— Выпусти море, — сказал мальчик путнику, который мог втянуть в рот море.

Тот выпустил море, и все чашки-ложки заиграли на поверхности воды.

— Перенеси село на сухое место, — сказал мальчик тому, кто переносил села с мокрого места на сухое.

Тот перенес село.

— Если у вас есть человек, чтобы побежать наперегонки с нашей ведьмой, тогда мы отдадим дочь князя, — сказали хозяева.

Тот, кто гладил по спине мчащуюся лань, опустил одну ногу, а с другой снял мельничный жернов. Ведьма и он бросились наперегонки за семь гор. На седьмой горе ведьма опоила его, и он уснул, а ведьма бросилась бежать обратно.

— Послушай-ка, всеслышащий, что с ними происходит? — спросил мальчик.

— Наш товарищ спит, у его изголовья лежит пустая бутылка, ведьма же пересекла третью гору.

— Я хочу ударить железным столбом, — сказал рассердившийся мальчик. — Ударить по бутылке, чтобы разбудить его, или по голове, чтобы убить?

— Ударь по бутылке и разбуди его.

Ударил мальчик столбом по бутылке и разбудил уснувшего.

Быстро бегавший протер глаза кулаком, вскочил и увидел, что ведьма пересекает третью гору. Бросился он вслед за ней, нагнал ведьму, толкнул ее в спину, сбил и первым прибыл на место.

Взял мальчик дочь князя, а его товарищи разошлись по домам. По дороге он рассказал ей сон, который видел, и добавил:

— Отец сказал мне: «Расскажи». — «Пусть умрут все в доме моего отца, если расскажу», — ответил я. Мать сказала: «Расскажи». — «Пусть умрут все в доме моей матери, если расскажу», — ответил я. Все остальное я видел во сне.

Мальчик отдал девушку князю, а сам снова стал жить у реки.

Прибывшая девушка рассказала все дочери князя. Князь вызвал мальчика и отдал за него свою дочь.

5. ТАМАШ-ТАШТАМИР

Жил, говорят, Тамаш-Таштамир[1]. Больше себя он любил свою жену. А жена больше себя любила своего возлюбленного. У них была волшебная плеть.

Однажды жена ударила Тамаш-Таштамира этой плетью и сказала:

— Надоел ты мне! Превратись в огромную сову и исчезни со двора![2]

В ту же минуту Тамаш-Таштамир превратился в огромную сову, взмахнул крыльями и улетел со двора. Долго эта сова летала, летала и вернулась.

— Пропади ты пропадом! — вскрикнула жена и, ударив сову плеткой, сказала:

— Превратись в кобеля и исчезни со двора!

Тамаш-Таштамир превратился в огромного белого кобеля и убежал со двора. Шел кобель, шел и очутился у отары овец. Все собаки, сторожившие овец, бросились на него. Несколько собак он разорвал, а других — разогнал.

— Это добрый кобель, надо его оставить у нас, — решили пастухи и оставили кобеля у себя.

Как-то темной ночью к овцам подкрались волки. Воют волки, а кобель им говорит:

— Не подходите близко, добром я вас не отпущу.

— Тамаш-Таштамир, хоть ты и превратился в огромного белого кобеля, но мы тебя не боимся.

Только волки приблизились к овцам, как все собаки, жалобно

скуля, разбежались. Белый кобель кинулся на волков; многих задушил, а остальных — разорвал.

Увидели это утром пастухи и стали доказывать, что с волками расправились их собаки. Тогда один пастух и говорит:

— В одного убитого волка надо выстрелить из ружья; тогда собака, убившая волка, бросится на него.

Выстрелили в одного волка. Все собаки разбежались, а белый кобель бросился к волку и разорвал его.

— Это добрый кобель, за ним надо хорошо ухаживать, — сказали пастухи, прирезали барана и его мясом накормили белого кобеля.

Больше волки не появлялись у отары овец.

Однажды к отаре овец подъехал падчах со своей свитой. Белый кобель задержал всю свиту вместе с падчахом. Как ни старались падчах и его свита проехать, белый кобель не давал им тронуться с места. Падчах решил купить храброго кобеля у пастухов.

Пастухи долго не соглашались продать его. Только когда падчах дал им по два талса золота и серебра, пастухи уступили, и падчах забрал белого кобеля.

Падчаху такой кобель был очень нужен. Каждую ночь гам сосала кровь его сына, и падчах хотел, чтобы он поймал гам. Он велел слуге пустить кобеля в комнату сына и привязать его в углу.

А слуга этот был в сговоре с гам. Ночью она вошла в комнату. Бросился кобель на гам, но цепь была короткой, и он не смог ее достать. Испуганная гам мало крови выпила в ту ночь у сына падчаха и на рассвете исчезла.

Утром падчах вошел в комнату сына.

— Как провел ночь? — спросил он у сына.

— Сегодня мне было легче. Если бы этот кобель не был привязан, тогда было бы еще лучше, — ответил сын.

Падчах прогнал слугу и снова пустил кобеля в комнату. Лег кобель так, будто он был привязан на цепи. В середине ночи вновь явилась гам.

— Можешь лаять сколько тебе угодно, а я займусь своим делом, — сказала она и принялась сосать кровь у юноши.

Кобель бросился на нее и схватил за горло.

— Не убивай меня, я сделаю тебе три добрых дела! — взмолилась гам. — Больше я не буду сосать кровь сына падчаха — это первое доброе дело, а два других сделаю позже.

И гам сказала, где и когда она выполнит обещание.

Кобель отпустил гам.

— Как провел ночь? — спросил утром падчах у сына.

— Хорошо. Кобель так напугал гам, что больше она сюда не придет.

Падчах обрадовался, повесил на спину кобеля два талса — один с золотом, другой с серебром — и сказал:

— Пусть твоему хозяину это принесет счастье, — и отпустил кобеля.

Пришел кобель в назначенное время к гам. Она говорит:

— Ты — Тамаш-Таштамир. Твоя жена превратила тебя ударом плетки в кобеля. Я достану эту волшебную плеть, снова превращу тебя в Тамаш-Таштамира и отдам тебе эту плеть.

Нанялась гам к жене Тамаш-Таштамира в прислуги. Прошло некоторое время, и она нашла волшебную плеть, украла ее и принесла кобелю:

— Я украла плеть и вновь превращу тебя в Тамаш-Таштамира. Это мое второе доброе дело. Потом отдам тебе эту плеть. Вот мое третье доброе дело.

Ударила гам кобеля плеткой и сказала:

— Превратись в прежнего Тамаш-Таштамира!

И кобель превратился в Тамаш-Таштамира. Гам отдала ему волшебную плеть, и он с двумя талсами золота и серебра и с волшебной плетью отправился домой. Только он вошел в комнату, его жена бросилась за плетью, но не нашла ее на месте. Тамаш-Таштамир ударил плетью жену и ее любовника и сказал:

— Превратитесь в осла и ослицу, у которых не держится пища в желудке.

Жена и ее любовник превратились в осла и ослицу и стали пастись на краю села. Прожеванную пищу они не могли удержать в желудке, и поэтому всегда паслись, не поднимая от земли морд.

Как-то проезжал мимо них падчах. Увидел он осла и ослицу и сказал:

— Вот диковина! Такой я еще не видел!

— Это не диковина! Вот пусть расскажет Тамаш-Таштамир о диковинных делах, — ответили осел и ослица.

Отправился падчах к Тамаш-Таштамиру. Тот обо всем рассказал ему. Удивленный падчах выдал за него свою дочь.

Теперь у Тамаш-Таштамира было много золота, серебра, жена — дочь падчаха, а для забавы он иногда гонял по полю осла и ослицу.

6. МАЛЬЧИК С СОЛНЦЕМ ВО ЛБУ И МЕСЯЦЕМ МЕЖДУ ЛОПАТОК

Жили-были отец, три дочери и мачеха. Мачеха невзлюбила падчериц. Она сказала, что, если отец не прогонит с глаз долой дочерей, она не будет жить в его доме.

Отец посадил дочерей на арбу и сказал им, что повезет их

в лес за яблоками. В лесу он их оставил, а сам возвратился домой.

Ночью девушки взобрались на деревья, что стояли у дороги.

По дороге ехал князь с шестьюдесятью всадниками.

— Люди вы или джины? — спросил князь у девушек.

— Мы не джины, а люди, — ответили девушки.

— Что же вы делаете здесь?

— Нас бросил в лесу отец.

— Что ты можешь делать? — спросил князь у старшей дочери.

— Я за одну ночь могла бы сшить одежду для твоих шестидесяти эздиев*.

— А ты что можешь делать? — спросил князь среднюю сестру.

— Из пшеницы, что уместится в медном наперстке, я могла бы приготовить еду и накормила бы шестьдесят эздиев.

— А ты что можешь делать? — спросил князь у младшей сестры.

— Я могу родить мальчика, у которого во лбу сияет солнце, а между лопаток — месяц.

Князь выдал старших сестер за двух своих эздиев, а младшую взял в жены.

Прибыли они в село князя.

Старшие сестры подослали к младшей гам проследить, родит ли она такого мальчика, как обещала. Гам принесла в рукаве щенят. Когда младшая сестра родила мальчика, гам вывела из ее комнаты женщин, подложила щенят и забрала мальчика, у которого во лбу сияло солнце, а между лопаток — месяц.

Она бросила мальчика овцам, чтобы они съели его.

Мальчик сосал молоко овцы, а на баране катался верхом и так рос.

Гам бросила его в табун лошадей. Он сосал у кобылиц молоко, а на жеребцах катался и еще больше вырос.

Тогда гам положила его в сундук и бросила в реку. Сундук поймала одна бездетная женщина и взяла мальчика к себе. Когда она ввела его в комнату, в комнате стало светло-светло.

Женщина вырастила мальчика. Он стал большим, стрелял в своих теток из рогатки[1] и не давал им покоя.

Тогда гам пошла на хитрость: она сказала князю, что один мальчик хвастает, будто он может привести красного жеребца, подобного тигру.

Князь велел доставить мальчика и приказал ему привести красного жеребца, подобного тигру:

— Говорят, ты хвастал, что можешь это сделать.

— Пусть у твоего лжеца язык отсохнет, — сказал мальчик, — но жеребца я приведу.

Князь дал ему лучшего коня и отправил в путь. Ехал мальчик, ехал, и конь говорит ему:

— Когда мы подъедем к красному жеребцу, подобному тигру, он начнет драться, поэтому нужно смазать меня клеем и песком, чтобы от его ударов мне не было больно. Мы встретим жеребца, когда он сделает третий круг вокруг земли; от усталости хвост жеребца будет цепляться за его ноги. Мы начнем драться. Когда он упадет на передние ноги, ты должен оседлать его.

И вот они подъехали к жеребцу. Дважды пропустили жеребца мимо, а на третий раз кони подрались, и мальчик оседлал жеребца. Они тронулись в обратный путь.

Тогда красный жеребец, подобный тигру, сказал:

— По пути мы зайдем в одно место, где будет хежа*. Как только войдешь, попроси у нее воды в бездонной чаше. Она будет стараться принести тебе воды и сильно устанет. От усталости хежа перебросит свои груди через плечи, а ты приникни к ним. Если ты сделаешь это, она скажет, что ты ее сын и оставит тебя в живых[2]. Если не сделаешь — съест.

Как красный конь, подобный тигру, сказал, так мальчик и поступил: он приложился к груди хежи.

— Ах ты, сукин сын, теперь ты стал моим сыном, а я намеревалась тебя съесть, — сказала она с досадой.

Вернулся мальчик с красным жеребцом, подобным тигру, и отдал его князю.

Как и раньше, он стал стрелять в своих теток из рогатки.

Тогда гам сказала князю:

— Есть одна прекрасная девушка, и мальчик хвастает, будто может ее привести.

Как и прежде, князь позвал мальчика и приказал ему добыть прекрасную девушку:

— Говорят, ты хвастал, что можешь ее привести.

— Пусть у того язык отсохнет, кто сказал тебе это, но если велишь, я приведу эту девушку.

Мальчик поехал на жеребце, подобном тигру. Конь ему говорит:

— Кто подходит к этой девушке, тот превращается в камень.

Зашел он к пастухам переночевать. Пастухи сказали:

— Если ты обратишься к ней пять раз и девушка не выйдет, ты превратишься в камень. Многие наши ходили к ней, и их постигла та же участь, осталось нас очень мало.

Когда мальчик прибыл к тому месту, где жила девушка, он увидел каменные изваяния.

Мальчик сказал девушке:

— Не делай греха мне и людям!

Он до колен превратился в камень.

— Пожалуйста, не делай греха, — попросил еще раз мальчик. Он окаменел до пояса, а его конь — до стремян.

Когда он в третий раз попросил ее, девушка сказала:

— Если твой конь плохой, не увози меня, так как все камни превратятся в людей и бросятся за нами.

— Конь мой не подведет, садись на его круп, — сказал мальчик и, усадив ее, пустил коня вскачь. Все камни превратились в людей и бросились за ними. Когда они ехали рысью, люди скакали галопом. На ходу мальчик крикнул пастухам, у которых ночевал:

— Ваши люди-камни идут домой, задержите их.

Они их остановили. Мальчик вернулся домой и отдал девушку князю.

По дороге мальчик поведал девушке о себе.

Девушка рассказала князю, что мальчик — его сын.

Мать мальчика жила в курятнике и грудью кормила щенят — она думала, что это ее дети. Князь взял ее к себе в дом, а девушку сделал женой сына; двух его теток и гам привязали к хвосту красного жеребца, подобного тигру, и пустили по полю.

А сами стали жить счастливо.

7. ХРАБРЫЙ ПАХТАТ

Жили старик и старуха. Они были очень богаты. В горах их табуны лошадей пас один пастух. Второй пастух пас на равнине стада коров. Всего у них было в достатке, но не было у них детей. На старости лет они и мечтать перестали о ребенке.

Однажды пришел пастух, который пас коров, и говорит:

— Стада коров сильно расплодились, и нет места их пасти. Не знаю, что и делать.

Старик вместе с пастухом отправился к стадам.

В это время к нему подошла стельная корова.

«Вот теперь и эта отелится, и ее теленку нужно будет место», — думал старик про себя.

А корова принесла не теленка, а мальчика[1]. Старик, удивленный и обрадованный, разорвал свою шелковую черкеску, завернул в нее мальчика и, забыв о пастбищах для коров, бегом бросился домой.

Старики обрадовались ребенку и назвали его Махтат, рожденный коровой. Мальчик сосал вымя коров, садился верхом на жеребят и быстро подрастал. Через семь месяцев он стал как пятнадцатилетний юноша.

Старику не давали покоя три брата-вампала*. Один из них украл мальчика, игравшего в поле. Опечаленные сидели старик и старуха. В это время пришел с гор пастух, который пас табуны лошадей.

— Сильно расплодились твои лошади — им не хватает пастбищ. Я не знаю, что с ними делать, — сказал пастух.

Отправился старик вместе с пастухом в горы. Табуны его увеличились в три раза. Он не знал, что с ними делать. В это время к нему подошла жеребая кобыла.

«И жеребенку, принесенному тобой, понадобится место», — подумал старик.

В это время кобыла родила мальчика с солнцем и месяцем между ребрами.

Обрадованный старик завернул мальчика в красную шелковую черкеску и прибежал с ним домой. Его покормили три раза, и он стал как семилетний мальчик. Старики гордились сыном. С каждым днем он становился сильнее, донимал сельских детей, растирал их альчики* в порошок. Исполнилось ему пятнадцать лет, и назвали его Пахтат, рожденный кобылой. Ребята, которым он не давал покоя, сказали ему однажды:

— Чем спорить с нами, лучше бы ты отомстил вампалу, который украл твоего брата. Покажи свое мужество перед вампалом, а не перед нами.

Разгневанный Пахтат спросил у матери и отца:

— Скажите, что за брат был у меня? Кто его украл? Я не позволю людям смеяться над собой!

Старики боялись, что лишатся сына, и поэтому ничего не говорили ему.

— Лучше скажите! Я не позволю оскорблять себя.

Делать нечего, и старики рассказали, что рожденного коровой Махтата украл вампал. И посоветовал отец, как нужно поступить:

— Если ты поднимешь во дворе нашего дома большой синий камень, то заметишь дверь в подземелье, открой ее и увидишь другую дверь. Всего их — девять. Откроешь замки всех дверей — увидишь коня, на которого садятся лишь раз в год. Если щелчком по лбу ты осадишь коня, то сможешь оседлать его и повелевать им.

Рожденный кобылой Пахтат отодвинул большой камень и начал срывать замки с дверей. Сорвал один, два, три, четыре, пять. Стал срывать шестой и услышал шум. Сорвал седьмой — услышал громкие крики. Сорвал восьмой — земля ходуном ходила. Сорвал девятый — на него бросился подобный тигру жеребец, у которого во лбу звезда, из глаз исходит сияние, из ноздрей вылетают искры. Он хотел растоптать Пахтата. Дал Пахтат щелчок в лоб по звездочке и осадил коня на задние ноги. А когда конь хотел вырваться, Пахтат проговорил:

— Поднимайся в небо и опускайся на землю. Теперь тобой будет повелевать сын, не имеющий отца.

Конь перестал сопротивляться. Вывел Пахтат коня, стоявшего по пояс в навозе, на солнечный свет, искупал, накормил и оседлал.

Отец снова не хотел отпускать сына. Он плотно закрыл двери своего фарфорового двора[2] и сказал:

— Если ты разрушишь стены и ворота двора, ты сможешь повелевать этим конем. Тогда отправляйся в путь-дорогу.

Пустил сын коня вскачь и вдребезги разбил фарфоровые стены и ворота.

— С миром оставайтесь, не переживайте. Останусь жив, вернусь с братом, — попрощался Пахтат с матерью и отцом и ускакал.

Его конь встречные горы перескакивал, густые леса проходил, текущие реки вспять обращал.

Через день Пахтат встретил одного всадника. От пота, стекавшего с его коня, разливались озера, от пара, бьющего из ноздрей, стлался туман, — таким страшным был встречный всадник, во лбу которого сияло солнце.

— Ассалам-алейкум! — обратился к нему Пахтат, рожденный кобылой.

— Ва алейкум-салам!* Извини, что не могу останавливаться больше чем на приветствие[3]. Я прослышал, что со своего двора сегодня выехал Пахтат, рожденный кобылой. Хочу завязать с ним дружбу и боюсь разминуться с ним, — сказал всадник с солнцем во лбу и пустил коня вскачь.

— Рожденный кобылой Пахтат — это я. И мне хочется дружить с тобой.

Повернул коня всадник с солнцем во лбу.

— Я сын Солнца. С этой минуты мы — верные друзья. Куда путь держишь?

— Враг моего отца, вампал, украл моего брата. Я слышал, что он в пастухах у него. Я хочу убить этого вампала и вернуть брата.

— Ты не сможешь вернуть брата. Одолеть этого вампала никто не может. Не ездил бы ты.

— Лишь бы мне добраться до него, а там будь что будет. Я не оставлю брата в беде.

— Ну, тогда поезжай, — сказал сын Солнца. — А если тебе понадобится моя помощь, как я об этом узнаю?

Рожденный кобылой Пахтат протянул ему пулю.

— Когда из этой пули ударит струя крови[4], знай, что мне нужна твоя помощь, — сказал он сыну Солнца.

Попрощались они, сын Солнца взял пулю и уехал.

На второй день Пахтат встретил всадника с полумесяцем во лбу. От него исходило сияние, летели искры, от пота, стекавшего с его коня, разливались озера, от пара из ноздрей коня стлался туман.

— Ассалам-алейкум! — сказал Пахтат. — Куда путь держишь?

— Ва алейкум-салам! Извини, что не могу задерживаться для расспросов. Я прослышал, что со своего двора выехал Пахтат, рожденный кобылой. Хочу подружиться с ним и поэтому спешу, — сказал всадник с полумесяцем во лбу и ускакал.

— Пахтат, рожденный кобылой, которого ты ищешь, — я. И согласен быть твоим другом.

Услыхав эти слова, всадник с месяцем во лбу вернулся и сказал:

— Я сын Месяца. Мы теперь верные друзья. Куда путь держишь?

— Враг моего отца, вампал, украл моего брата. Он теперь в пастухах у него. Хочу убить вампала и выручить брата.

— Никто не смог еще одолеть вампала, не спасти тебе брата. Ты можешь лишиться жизни, лучше не езди.

— Нет, я непременно верну брата. Каким бы вампал ни был, но я не успокоюсь, пока не убью его.

— Делать нечего, поезжай, — сказал сын Месяца, — но как я узнаю, когда тебе будет нужна моя помощь?

Протянул ему Пахтат пулю:

— Когда из этой пули ударит струя крови, знай, что я нуждаюсь в твоей помощи.

Попрощались они, сын Месяца взял пулю и уехал.

На третий день рожденный кобылой Пахтат встретил всадника со звездами во лбу. Из глаз его коня сыпались искры, тонкие ноги по колена уходили в землю, от пота его возникали моря, от пара из ноздрей — облака.

— Ассалам-алейкум! — приветствовал его Пахтат.

— Ва алейкум-салам! Извини, молодой человек, я не могу останавливаться. Прослышал я, что рожденный кобылой Пахтат выехал из своего дома. Хочу встретиться с ним и подружиться.

— Пахтат, рожденный кобылой, которого ты ищешь, — я. И готов подружиться с тобой.

Всадник повернул коня и говорит:

— Я сын Звезды. Будем верными друзьями и молочными братьями. Куда путь держишь?

— Враг моего отца, вампал, украл моего брата, который теперь в пастухах у него. Хочу убить вампала и вернуть брата.

— Нежелательно это. Трудно будет с ним сражаться, но если решил — поезжай, — сказал сын Звезды. — А если понадобится моя помощь, как я узнаю об этом?

Протянул Пахтат пулю:

— Когда из этой пули ударит струя крови, знай, что я нуждаюсь в твоей помощи.

Сын Звезды взял пулю, попрощался и уехал.

Ехал-ехал Пахтат, рожденный кобылой, и очутился на развилке девяти дорог. В этом месте сидел Бийдолг-Бяре[5] величиной с локоть. Вокруг него лежали листочки. Бийдолг-Бяре предсказывал всем судьбы со дня их рождения.

— Что ты сидишь, Бийдолг-Бяре? — подъехал к нему Пахтат.

— Я предсказываю судьбу женщинам и мужчинам со дня их рождения, — ответил он.

— Да лишишься ты отца своего, Бийдолг-Бяре, если не укажешь мне самую опасную из девяти дорог.

— Ненужное дело ты затеял. Я не могу лишиться своего отца. Вот тебе самая опасная дорога, — указал Бийдолг-Бяре на одну из девяти дорог. — Никто туда не отправлялся, а кто и направился, — не возвращался. Не одолеешь ты этого вампала. Видишь — вдали три холма. Их возвел вампал из человеческих тел. По его земле человек не проходил, и по небу птица не пролетала. Это — брат вампала, который украл Махтата.

Отправился Пахтат по дороге, по которой никто не ходил, а кто отправлялся по ней, никогда не возвращался.

Навстречу ему шел вампал, на плечах он держал булаву весом в шестьсот тридцать пудов. Он поднимался в небо и опускался на землю, горя желанием убить всадника, ступившего на его землю. От его крика земля дрожала:

— Как ты очутился в моем краю? Здесь даже птица не пролетала и волк не пробегал. Или тебе жить надоело?

— У тебя, вампал, в сердце злоба кипит, что я ступил на твою землю, где птица не пролетает и зверь не пробегает. Сразимся врукопашную или будем стреляться из луков?

— Я дерусь только врукопашную, — ответил вампал.

Сошлись они и стали драться врукопашную.

— Если победителем стану я, то божье золотое солнце — на моей стороне[6], — сказал вампал.

— Ты не окажешься им, грязный вампал! Если я одержу победу, то божье золотое солнце — на моей стороне, — сказал Пахтат, рожденный кобылой, схватил вампала и по пояс всадил его в землю.

С трудом вылез из земли вампал и снова бросился драться.

— Если победителем стану я, то божье золотое солнце — на моей стороне, — сказал вампал.

— Ты не окажешься им, грязный вампал! Если я одержу победу, божье золотое солнце — на моей стороне, — сказал Пахтат, рожденный кобылой, и, подбросив его до небес, по горло всадил в землю.

Вампал не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой и остался торчать в земле.

Ударом шашки Пахтат снес вампалу голову и сделал из нее холм. Вытащил тело из земли, разрубил его пополам и сделал еще два холма. Три черных холма установил Пахтат, рожденный

кобылой. И на этой земле стало шесть холмов. Беспрепятственно поехал он по земле вампала.

Видит он башню вампала и его хозяйство. В этой башне жила привезенная три года назад самая красивая девушка на свете по имени Тани Гук. Три года уговаривал ее вампал стать его женой. Эти три холма вампал сделал из тел тех, кто хотел освободить ее. Пахтат, рожденный кобылой, увидел Тани Гук, сидевшую у окна. И девушка его увидела. Пахтат помахал плеткой и попросил ее спуститься вниз. Тани Гук с первого взгляда полюбила молодого человека.

— Да поможет тебе бог в твоих несчастьях! Напрасно ты сюда приехал. Убегай быстрее: сейчас явится вампал, голова у него величиной с медный котел. Он убивает всех, кто приходит сюда.

— Ты не бойся, девушка что краше солнца. Посмотри на землю вампала. Что ты видишь?

— Я вижу шесть холмов вместо трех. Еще три холма появилось. Я не могу больше терпеть, чтобы из-за меня убивали людей. Лучше умереть. — И она хотела броситься с башни.

— Не губи своей жизни, не спеши. Эти три холма я воздвиг из тела вампала, — сказал Пахтат.

Обрадованная Тани Гук сбежала с башни и угостила Пахтата, рожденного кобылой, ласковыми речами и обильной едой.

— Если ты хочешь, я стану твоей женой, — сказала Тани Гук.

Стали они мужем и женой. И жили в башне вампала из золота, серебра и жемчуга. Пахтат каждый день ходил на охоту.

Вампалов было три брата. Младшего убил Пахтат. Второй — тот, кто украл Махтата. Старший брат хотел отобрать у младшего Тани Гук. Дошел до него слух, что младший брат убит, а Тани Гук живет с Пахтатом. Он знал, что ему не одолеть того, кто победил брата-вампала, и он обратился к гамсельг*. Второй брат-вампал сказал гамсельг:

— Ты будешь обеспечена на всю жизнь, на пуховых постелях будешь спать, в шелках ходить, есть будешь только сладкое и жирное, если исполнишь мою просьбу[7]. Ты должна убить Пахтата и привести Тани Гук.

Гамсельг согласилась. Когда Пахтат ушел на охоту, она в нищенских одеждах под видом дряхлой старушки пришла к Тани Гук. Из жалости Тани Гук приняла ее, напоила и накормила.

— Женщина без дочери — сирота. Мать без дочери — тем более сирота. Мы будем жить, как мать и дочь. Пусть Пахтат не ходит на охоту в незнакомые места. Его могут убить. Пусть все время будет дома, — уговаривала старуха Тани Гук.

С убитым оленем возвратился домой Пахтат. В этот день, как ей советовала старуха, Тани Гук сказала мужу:

— Плох этот край, тебя в нем не знают, и тебе эти места незнакомы, не ходил бы ты на охоту. Тебя легко могут убить.

— Меня не так-то легко убить, потому что душа моя живет не в моем теле.

— Где же живет твоя душа?

— Моя душа в том столбе, что стоит во дворе, — нарочно сказал Пахтат жене и снова отправился на охоту.

Обо всем рассказала Тани Гук гамсельг.

Гамсельг знала, что в столбе нет души Пахтата. Почистила она столб и так смазала его маслом, что он стал блестеть.

Когда Пахтат возвратился, он все это увидел. Улыбнулся и нарочно сказал,что его душа в ножке стула.

На следующий день Пахтат снова отправился на охоту.

Доверчивая Тани Гук рассказала все гамсельг. Как и столб, почистила гамсельг ножку стула и так смазала маслом, что ножка стула заблестела.

Возвратился Пахтат, увидел сверкающую ножку стула, поверил жене и, чтобы больше не беспокоить ее, рассказал всю правду:

— Под моей черепной коробкой находится коробочка. В этой коробочке три птенчика. Только убив их, можно лишить меня жизни.

И об этом рассказала Тани Гук гамсельг.

— Ты должна охранять его, дорожить им, — сказала гамсельг.

Ложится Пахтат спать и просыпается на вторые сутки. В середине ночи гамсельг вошла к нему в комнату, приподняла черепную коробку, вынула оттуда коробочку с тремя птенчиками и бросила ее в море.

Тут и скончался Пахтат.

Делать было нечего. Тани Гук постелила под него мягкую постель, накрыла буркой и надела на его палец свое кольцо. Гамсельг позвала слуг и насильно отправила Тани Гук ко второму вампалу.

Как только рожденный кобылой Пахтат умер, у его друзей, связанных с ним клятвой, из трех пуль ударили струи крови. Бросились на помощь другу сын Солнца, сын Месяца и сын Звезды.

Два с половиной года искали они Пахтата и наконец нашли. Он был накрыт буркой, а на пальце его было кольцо. Стали они оказывать ему помощь, но ничего не помогало. Стали искать лекарство. Сын Солнца искал его везде, где светит солнце, сын Месяца — где светит месяц, сын Звезды — между звезд и среди рыб в воде. Среди звезд не было снадобья и в воде его не было. И рыбы не могли найти снадобья для оживления Пахтата. Наконец сын Звезды увидел на берегу моря пузатую рыбешку, которая все время пряталась. Всех звезд и рыб призвал он на помощь и на дне моря поймал эту рыбешку. Разрезали ее и внутри нашли коробочку. Вскрыли коробочку и увидели двух мертвых птенчиков и одно-

го живого. Выбросили они мертвых и, закрыв коробочку с живым птенчиком, вложили ее снова в черепную коробку Пахтата. Глубоко вздохнул Пахтат:

— Уфф, как долго я спал, — сказал он и приподнялся.

— Да, ты спал все три года и никогда не проснулся бы.

— Что случилось? Расскажите, — попросил Пахтат.

Обо всем рассказали ему друзья — о подлости гамсельг и о том, что его жена находится у вампала.

— Так ли это?

— Да, так. В пятницу будет свадьба и обильное угощение. Когда вампал увел Тани Гук, он хотел сделать ее своей женой. Но твоя жена сказала: «Я стану твоей женой лишь после трех лет траура по любимому мужу». В эту пятницу истекает три года ее траура.

— Друзья, мы должны туда поехать. Этот вампал дважды мой враг. Он украл моего брата Махтата, рожденного коровой, и мою жену. Я отомщу ему за все!

Поехали они и по дороге встретили человека, пасшего пятьсот овец. Он был бледен и худ. Приближаясь к овцам, он плакал, а подходя к суме, смеялся[8]. Подозвали они его и спрашивают:

— Кто ты? Почему плачешь, приближаясь к овцам? И почему смеешься, подходя к суме?

— Я — Махтат, рожденный коровой, достойный сын своего отца. Меня украл вампал, и я пасу его овец. Моего брата Пахтата, которого я не видел, убил вампал, забрал его жену и хочет на ней жениться. Завтра будут варить мясо в шестидесяти трех котлах, а накипью с бульона будут брызгать в меня. Помня об этом, я плачу. Но завтра же с полной сумой мяса я пойду пасти овец. Вспомнив об этом, я смеюсь.

— Бедный мой братишка, как трудно тебе приходилось! Не беспокойся, мы отомстим за тебя. Я — Пахтат, рожденный кобылой, — твой брат.

Бросились братья в объятия, поговорили обо всем.

— Брат, надо торопиться, — сказал Махтат.

— Что случилось?

— Срок, назначенный вампалом, истекает завтра. Чтобы не стать женой вампала, Тани Гук покончит с собой.

— Этого нельзя допустить! — И Пахтат отдал кольцо, оставленное женой. — Незаметно отдай ей это кольцо, и не надо ничего говорить. Если тебя обрызгают накипью бульона, ты должен стерпеть. За все отомстим сполна.

Отправился Махтат выполнять поручение брата.

Идет он по двору, пастухи и слуги брызгают в него накипью бульона из шестидесяти трех котлов.

Ничего не сказал им Махтат и незаметно отдал кольцо Тани

Гук. Она сразу поняла, что ее муж жив. Сбросила с себя траур и пустилась в пляс. И комнаты засверкали от ее красоты.

Об этом узнали вампал и гамсельг. Они обрадовались, ведь три года не могли заставить Тани Гук снять траур и произнести хоть одно слово.

Выполнив поручение, Махтат вернулся к брату и его друзьям. Они переночевали в поле, и на второй день отправились на свадьбу, где множество людей пили, ели и веселились.

Говорит Пахтат, рожденный кобылой:

— Покажи, братец, где твои и мои враги.

— Вот они, — указал Махтат, рожденный коровой, на окно.

Взглянули друзья и видят — сидит у окна грязный вампал, а рядом с ним восседает на мягких шелковых постелях вся в золоте и серебре гамсельг.

— Кого убьем из них первым, кого вторым? — спросил Пахтат.

— Лучше сначала убить гамсельг, — сказал Махтат.

Натянул Пахтат лук, который не смогли бы натянуть и шестьдесят человек, пустил стрелу и сбил с места гамсельг, словно птичку. Затем пустил стрелу в вампала и вышиб ему мозги. Люди разбежались, свадьба не состоялась.

Пахтат забрал всех коров, отары овец, богатство двух вампалов и со своей женой, братом и верными друзьями отправился домой. В каждом селе они устраивали веселье.

Приехал он к дому отца. В высоких башнях отца птицы свили гнезда, весь двор зарос бурьяном, по двору ходили дикие собаки. Из курятника доносились жалобные стоны.

Заглянул Пахтат в курятник и увидел мать и отца, ослепших от пролитых слез.

— Что вы сидите? Выходите, ваши сыновья Пахтат и Махтат вернулись домой.

— Убирайся, не терзай наши души, наших детей убили грязные вампалы, а старший вампал разрушил наше хозяйство. Мир велик, уходи, оставь нас!

Жители села подтвердили, что перед ними их сыновья. А те рассказали, что убили двух вампалов.

— Я поверю вам, если будет убит старший вампал, — сказал отец.

Убили и старшего вампала и привезли его голову на арбе, запряженной шестью быками. Только прикоснулись мать с отцом к голове убитого вампала — тут же прозрели.

Устроили они пир для всего села. Друзья Пахтата возвратились на небо, а сам он остался с Тани Гук.

Пусть у того, кто распустит о них сплетни, язык отсохнет, у доносчика пусть душа оборвется!

Пусть недостойный не родится, а если и родится, пусть умрет!

8. ОВДИЛГ

Жил-был один старик. У него было три сына. Когда сыновья подросли, старик тяжело заболел. Умирая, он завещал сыновьям:

— За три дня до болезни я видел во сне большое диво. Боюсь, что после смерти оно будет меня беспокоить. Поэтому прошу вас первые три ночи сторожить мою могилу.

Дав сыновьям наказ, старик умер. Сыновья устроили большой тязет* и похоронили отца.

В первую ночь жребий идти сторожить могилу отца выпал старшему. Старший струсил и ласково попросил младшего брата:

— Пойди, пожалуйста, вместо меня, а я пойду вместо тебя.

Самого младшего братья и все люди прозвали Овдилг[1].

Овдилг подумал: «Какая разница, в какой день идти, один раз все равно надо, а сейчас сделаю брату доброе дело. Что будет, то будет».

Вечером младший сын пришел на могилу отца. Посреди ночи прибежал красный жеребец, подобный барсу, — только земля дрожит, из глаз синие искры сыплются, дым столбом валит. Прыгнул конь на могилу отца и копытами начал разгребать землю. Вцепился Овдилг в коня и только успел сесть на него, как конь поднял его до семи небес и опустил вниз под седьмую землю. Заговорил тогда конь человеческим языком:

— Сын суки, сын мухи, слезай с меня!

— Я не сын суки, не сын мухи, а с сегодняшнего дня твой хозяин, — промолвил Овдилг.

Коню ничего не оставалось делать, как признать Овдилга хозяином.

— Вырви из моей гривы волос и, когда я понадоблюсь тебе, сожги его — я приду к тебе на помощь, — проговорил красный конь и исчез.

Овдилг спрятал конский волос в карман, а рано утром пришел домой. Старший брат стал расспрашивать:

— Как ты провел ночь? Что видел?

— Кроме волчьей ночи[2], ничего не было, — ответил Овдилг.

— А где волк? Что за волк? — испугался и хотел бежать старший брат.

— Я говорю, что ночь была холодная и темная, — ответил Овдилг, успокаивая его.

На второй день средний сын должен был идти сторожить могилу отца.

— Эй, Овдилг, пойди вместо меня, а я хочу пойти на базар в соседнее село. Пойди, пожалуйста, а за это я привезу тебе кукурузной муки.

— Хорошо, я пойду сторожить вместо тебя, — сказал младший брат, а про себя подумал: «Все-таки он старше меня. Может быть, и на этот раз появится на могиле отца какое-нибудь диво».

Как и в первую ночь, прибежал белый конь, подобный барсу, — только земля дрожит, из глаз синие искры сыплются, из ноздрей дым столбом. Вцепился и на этот раз Овдилг в коня. И только успел сесть на него, как конь стал то поднимать его в небеса, то опускать к земле, то мчать по морям. Заговорил конь человеческим языком:

— Сын суки, сын мухи, слезай с меня!

— Я буду сыном суки и сыном мухи, если отпущу тебя. Ты пригодишься мне.

— Делать нечего, я должен подчиниться храброму канту*, который одолел меня. Вырви из моей гривы волос. Как только сожжешь его, я сейчас же предстану перед тобой, — проговорил белый конь, подобный барсу, и исчез.

Овдилг спрятал конский волос в карман и пришел утром домой.

— Как ты провел ночь? Что видел? — спросил средний сын.

— Кроме волчьей ночи, ничего не было, — ответил Овдилг.

— Что за волк? Где он? — закричал средний брат и бросился бежать.

— Ай, я говорю, что ночь была холодная и темная, но я-то знаю, ты сильнее волка.

На третий день младший брат должен был сам караулить могилу отца. Ни старший, ни средний не хотели идти вместо него и лишь посмеивались над ним:

— Сегодня ты должен идти сам за себя!

«Вы смейтесь, смейтесь, но будет дело, если мне снова попадется конь», — думал про себя Овдилг.

В третью ночь светила луна и небо было звездное. Внезапно прибежал черный конь, подобный барсу, — только земля дрожит, из очей синие искры сыплются, из ноздрей дым столбом. И стал конь копытами разгребать землю. В третий раз вцепился Овдилг в коня. Только успел одной рукой ухватиться за его гриву, а второй обвязать себя хвостом, как конь поднял его выше солнца, носил его целую ночь по морям и горам. Пот скакуна превращался в море, и ему ничего не оставалось, как остановиться:

— Сын суки, сын мухи, а ну слезай с меня!

— Я буду сыном суки и сыном мухи, если слезу с тебя! Ты мне еще пригодишься, — сказал Овдилг.

— Мне ничего не остается делать, лишь только сослужить тебе службу. Вырви из моей гривы волос. Если я понадоблюсь тебе, сожги его, и в ту же минуту я буду рядом с тобой, — проговорил конь и исчез.

Овдилг спрятал конский волос в карман и рано утром пришел домой.

Недалеко от братьев жил князь. У него было шесть дочерей. А три сестры были незамужние. Среди них самой красивой была младшая, Харсен Нарс — с золотой головой и серебряными руками.

Созвал князь людей и говорит:

— Выросли мои дочери, и пришло время выдать их замуж. Построил я для них башни с тройными оградами. Вершины этих башен достигают облаков, а основания упираются в землю. Кто на коне допрыгнет до дочерей, за того и выдам их замуж.

У старших братьев коней не было — только два быка. Сели они на быков и отправились в путь. Младший брат стал их умолять:

— Долгой жизни вам, братья! Взяли бы меня с собой, коли не добьюсь дочери князя, то хоть на людей посмотрю.

— Пошел вон, плешивый! Лучше в золе возись, на большее ты не способен, — сказали братья и тронулись в путь.

«Хорошо, тогда докажу вам, какой я дурак!» — решил Овдилг, достал из кармана волос красного коня, подобного барсу, и поджег его.

Не успел Овдилг и глазом моргнуть, как конь предстал перед ним; на его спине были одежды для всадника. Овдилг сбросил с себя лохмотья, оделся в одежды из красного шелка и отправился следом за братьями, чтобы добыть себе невесту. В пути он догнал братьев.

— Ассалам-алейкум, всадники на быках! Далеко путь держите? — спросил Овдилг.

— Ва алейкум-салам, всадник на коне! Едем мы во двор князя добыть себе в жены его дочерей, — ответили старшие братья, не узнавшие Овдилга.

У князя во дворе собралось много людей. Здесь были известные во всем крае храбрецы и все, кто хотел добиться руки дочери князя. Старшая дочь сидела у окна башни. Никто не мог допрыгнуть на коне до нее. Тогда Овдилг пришпорил коня, разрушил тройные фарфоровые ограждения и подскакал к башне, в которой сидела дочь князя. Вершина башни упиралась в облака, а основание — в землю.

Допрыгнул он на коне до окна башни и воскликнул:

— Пусть я буду счастлив с тобой, а ты — со мной!

Усадил он девушку впереди себя и поскакал домой. Никто не мог заметить, в каком направлении он скрылся. Дома Овдилг отпустил коня, а девушку спрятал в кадушку, стоявшую за дверью. Сам же принялся возиться в золе.

Старшие братья вернулись расстроенные.

— Что случилось, братья? Чем вы так опечалены? — спросил Овдилг.

— Во двор князя прискакал всадник на красном скакуне,

красивый, как картинка. Он и увез старшую дочь князя, — рассказали братья.

Овдилг поднялся из золы и спросил братьев:

— Скажите, ради бога, не был ли он хоть немного похож на меня?

— Перестань, дурень! Куда тебе до него? Ты хоть понимаешь, что говоришь?! Лучше продолжай возиться в золе, — ответили братья.

На второй день Овдилг опять стал просить братьев взять его с собой. Братья и слушать не стали, а лишь обругали его. Сами же сели на быков и поехали во двор князя.

Овдилг вытащил из кармана волос коня, подобного белому барсу, и сжег его. Не успел Овдилг и глазом моргнуть, как конь, подобный белому барсу, предстал перед ним; на его спине были одежды для всадника. Овдилг оделся в белые шелковые одежды и отправился во двор князя. Догоняет он братьев и говорит:

— Ассалам-алейкум, всадники на быках! Далеко ли путь держите?

— Ва алейкум-салам, всадник на коне! Едем мы во двор князя добиться руки одной из его дочерей. А ты куда путь держишь?

— И я по тому же делу, — промолвил Овдилг, пришпорил коня, поднял облако пыли и, обдав ею братьев, поскакал вперед.

Братья так и остались стоять с разинутыми ртами.

— Да, далеко нам до него. Вряд ли и на этот раз нам добиться дочери князя, — ворчали они.

Вторая дочь князя сидела у окна высокой башни. Народу во дворе было видимо-невидимо. Никто из присутствующих не мог допрыгнуть до окна дочери князя.

Пришпорил Овдилг коня, разрушил тройные фарфоровые ограждения и взлетел к вершине башни, у окна которой сидела дочь князя. Вершина этой башни упиралась в облака, а основание — в землю. Подпрыгнул он до окна башни и воскликнул:

— Пусть я буду счастлив с тобой, а ты — со мной!

Усадил он девушку впереди себя и поскакал домой. Никто не мог заметить, в каком направлении он скрылся. Дома Овдилг отпустил коня, а вторую дочь князя спрятал в ту же кадушку. Сам же принялся возиться в золе.

Через некоторое время вернулись домой расстроенные братья. На вопросы Овдилга рассказали о всаднике, который увез вторую дочь князя.

Овдилг поднялся и спросил братьев:

— Скажите, не был ли этот храбрый всадник похож на меня?

— Что ты мелешь, дурень? Если бы он был похож на тебя, то, как и ты возился бы у очага в золе.

На третий день чуть свет отправились братья добиваться руки

самой красивой дочери князя по имени Харсен Нарс. На просьбы Овдилга взять его с собой они не обратили никакого внимания.

«Можете ехать, но возвратитесь ни с чем», — подумал младший брат, достал из кармана черный волос и сжег его.

Появился черный конь, подобный барсу; на его спине были одежды для всадника. Овдилг оделся в черные шелковые одежды и верхом на черном коне отправился следом за братьями.

Как и прежде, он догнал братьев, ехавших на быках, поприветствовал их, расспросил о житье-бытье и, оставив их далеко позади, прибыл во двор князя.

Пришпорил он черного коня, разрушил тройные фарфоровые ограждения и взлетел к вершине башни, у окна которой сидела прекрасная Харсен Нарс.

Вершина этой башни скрывалась в облаках, а основание ее упиралось в землю.

Харсен Нарс сидела, выставив свою золотую голову и серебряные руки. Допрыгнул Овдилг до окна башни и воскликнул:

— Харсен Нарс! Пусть я буду счастлив с тобой, а ты — со мной!

Усадил он ее впереди себя и поскакал домой. Дома Овдилг отпустил коня, а Харсен Нарс посадил в кадушку вместе с сестрами.

Через некоторое время возвратились домой на уставших быках старшие братья.

— Что случилось с вами, добрые молодцы? Чем вы так озабочены?

— Три наши поездки не увенчались успехом. Всадник на черном коне и в черном одеянии увез прекрасную Харсен Нарс, будто ветром гонимый репейник, — стали причитать братья.

— Богом молю вас, скажите правду, не был ли этот всадник похож на меня?

— Ты что, ослиного мозга объелся, несчастный? Соображаешь, что говоришь? Если бы он возился в золе, как и ты, где бы ему состязаться со всеми? Не мели чепуху.

— Три всадника, о которых вы говорили, на самом деле был один всадник, и этим всадником был я! Если не верите, посмотрите в кадушку, что стоит за дверью, — сказал Овдилг.

Посмотрели братья и увидели трех сестер, одну красивее другой.

Понурив головы, стояли удивленные братья.

— А откуда у тебя жеребцы, прекрасные одежды? — стали они спрашивать.

На это Овдилг ответил, что когда он сторожил три ночи могилу отца, то каждую ночь одерживал верх над жеребцами, подобными барсу.

— С тремя девушками мне делать нечего, старших двух отдаю

вам, а себе оставляю милую моему сердцу Харсен Нарс, которую люблю больше всего на свете. Будьте и вы счастливы!

Справили братья пышные свадьбы и стали жить со своими женами.

Вдали от братьев жил Бийдолг-Бяре. Его прозвали «низким ослом». Ростом он был невелик, зато обладал непомерной силой. С отцом Харсен Нарс он вел войну из-за нее целых тринадцать лет. Когда Овдилг женился на ней, он кружил вокруг его дома в надежде украсть Харсен Нарс.

Однажды, когда Овдилг был на охоте, Харсен Нарс пошла по воду. Сидевший в засаде Бийдолг-Бяре украл ее.

Возвратился с охоты Овдилг и узнал, что жена его похищена. Не теряя времени, он сжег красный волос и призвал красного жеребца, подобного барсу. Жеребец появился и привез с собой одежды из красного шелка. Овдилг оделся в красные одежды и на жеребце отправился на поиски Харсен Нарс. Он скакал до тех пор, пока седло не прилипло к коню, а сам он — не прирос к седлу. Наконец он увидел вдали среди камышей клубившийся дымок. Овдилг подъехал и нашел небольшую землянку. Только он подошел к дверям, как из землянки вышла красивая женщина. Она спросила:

— Что ты за человек? Как попал в края, куда не ступала нога человеческая? Что привело тебя сюда?

— Я — Овдилг, копавшийся в золе. Мою жену похитил Бийдолг-Бяре. Я должен отобрать свою жену и убить Бийдолг-Бяре.

— Ой, ты же мой зять. Я — самая старшая сестра Харсен Нарс. Мой муж — сын Солнца. Он скоро должен прийти домой. Как можно скорее убегай; если он увидит тебя, то непременно убьет и съест.

— Я не вернусь назад и буду искать Харсен Нарс, — твердо сказал Овдилг.

— Что с тобой делать, заходи, я постараюсь остановить сына Солнца.

Она повела Овдилга в комнату, накормила и уложила спать под кроватью.

В сумерки возвратился сын Солнца. Ростом он был с высокую башню. На одной ручище у него висел олень, а на другой — чинара. Бросил он посреди двора оленя и чинару, подвесил в небе Солнце, посмотрел по сторонам и сказал:

— Кто-то здесь был. Жена, скажи, где он? Не-то плохо будет!

— Никого здесь не было, тебе просто показалось, — сказала испуганная жена.

— Не перечь мне, все равно не проведешь, лучше говори правду!

— Что бы ты сделал, если бы в гостях у тебя оказался один из твоих свояков?

— Старших можно и меж ладоней растереть, а с младшим и развлечься можно.

— В гостях у тебя младший свояк.

— Приведи его, я ему ничего плохого не сделаю, он хороший человек.

Жена пошла и привела своего зятя. Сын Солнца разрубил чинару, развел огонь, изжарил оленя и пригласил Овдилга ужинать.

— Я не прикоснусь к еде[3], пока ты не скажешь, где живет Бийдолг-Бяре. Я должен отобрать у него свою жену.

— Ой-ой-ой! Не ходил бы ты лучше к нему — живым от него не вернешься, — сказал сын Солнца.

Наконец он указал ему путь-дорогу, которая вела к Бийдолг-Бяре. Сели они, поели, переночевали, а утром Овдилг уехал.

Шестьдесят три дня ехал он по колючкам репейника, шестьдесят три дня ехал по стеблям кукурузы, шестьдесят три дня ехал по острым каменьям, пока седло не прилипло к коню, а он сам не прирос к седлу. Овдилг добрался до жилья Бийдолг-Бяре, который ложился спать в пятницу и спал целую неделю до следующей пятницы. Боясь, что Харсен Нарс могут украсть, он ложился спать, положив голову ей на колени. Овдилг пришел в тот день, когда Бийдолг-Бяре только уснул. Заглянув в окно, он увидел Харсен Нарс и спящего на ее коленях Бийдолг-Бяре. И она увидела его и от радости улыбнулась, а потом заплакала. Овдилг спросил:

— Почему ты сначала улыбнулась, а потом заплакала?

— Увидев тебя, я улыбнулась от радости, а заплакала потому, что боюсь, как бы Бийдолг-Бяре, проснувшись, не убил тебя.

— Выходи скорее, пока он спит, мы убежим подальше.

— Оставь меня, а сам уходи! Пусть со мной случится что угодно, лишь бы ты остался жив! — так говорила Харсен Нарс, но Овдилг все же усадил ее на своего жеребца и ускакал.

У Бийдолг-Бяре был гулинг* — трехногий конек, которому не было равных на свете. Как только Овдилг и Харсен Нарс ускакали, трехногий конек стал яростно кричать[4], звать на помощь и разбудил своего хозяина. Бийдолг-Бяре вскочил и увидел, что Харсен Нарс нет рядом. Спросил он у трехногого гулинга:

— Что произошло? Где Харсен Нарс?

— Ее увез муж, Овдилг, усадив впереди себя, — сказал трехногий гулинг.

— После обеда догоним их или не обедая? — спросил Бийдолг-Бяре.

— Мы догоним их и не обедая, и после обеда.

Бийдолг-Бяре взял волчью палицу, сел на трехногого гулинга и поскакал за ними в погоню; догнал их и волчьей палицей искромсал Овдилга на куски.

От горя Харсен Нарс слезами плакала — сколько лилось воды, кровью плакала — сколько лилось крови! Стала она просить Бийдолг-Бяре:

— Ты убил его, дай мне хоть собрать останки тела, чтобы птицы не клевали, дождь не размывал, а солнце не пекло их.

Бийдолг-Бяре не стал перечить Харсен Нарс. Она быстро собрала останки тела Овдилга, положила их в талс и привязала его к седлу жеребца. Бийдолг-Бяре вместе с Харсен Нарс вернулись обратно, а жеребец Овдилга с сумой побежал к дому сына Солнца.

Когда его жена увидела талс с останками тела Овдилга, она горько заплакала.

— Чем плакать, сделай лучше из останков Овдилга его подобие, — сказал сын Солнца.

Жена сына Солнца сделала из останков Овдилга его подобие. Сын Солнца потер покойника бруском, смазал клеем и оживил его.

— Из мертвых воскрес ты, Овдилг, что ты теперь думаешь делать? — спросил сын Солнца.

— Не успокоюсь, пока не отобью Харсен Нарс.

— Не успокоишься?

— Нет, не успокоюсь!

— Тогда пойди к твоему второму свояку, сыну Луны, он поможет тебе, — сказал сын Солнца и отправил его в путь.

Овдилг вырвал у красного жеребца волосок и отпустил. Затем достал из кармана белый волос и сжег его. С небес мгновенно спустился прекрасный жеребец, подобный белому барсу, с белыми одеждами.

Уселся Овдилг на коня и стал пугать его криком. С неба все птицы попадали на землю, все звери ушли в норы. Прыгнул прекрасный жеребец, подобный белому барсу, — ударами копыт разрушал горы, грудью валил лес, головой разгонял тучи, гривой подымал ветер — летел пулей. Через некоторое время он подъехал к горной пещере, из которой навстречу ему вышла женщина.

— Что ты за человек? Куда путь держишь?

— Я — Овдилг, мою жену Харсен Нарс похитил Бийдолг-Бяре. Я хочу найти сына Луны и с его помощью отнять свою жену.

— Твой свояк, сын Луны, живет здесь, а ты — мой зять. Мне тебя жаль. Уходи отсюда скорее; если он застанет тебя здесь, непременно убьет, — сказала женщина.

Овдилг не послушал ее. Она пригласила его в дом, зарезала трехгодовалого бычка, накормила, напоила, а затем спрятала в сарае. В сумерки возвратился сын Луны. Он нес в одной ручище оленя, в другой — чинару.

— Жена, кто у нас?

— У нас никого нет. Почему ты спрашиваешь?

— Не лги. Следы одного человека остановились у нашей пещеры. Если у него нет крыльев взлететь в небо и нет когтей уйти под землю, ему больше некуда деваться.

— Что бы ты сделал, если бы к тебе в гости пришел твой свояк?

— Старших можно и меж ладоней растереть, а с младшим и развлечься можно.

— У тебя в гостях младший свояк.

— Хорошо, приведи его. Я не причиню ему зла.

Он подвесил в небе Луну, разрубил чинару и развел огонь, зажарил оленя, приготовил ужин и пригласил Овдилга поужинать.

— Я не прикоснусь к еде, если ты не скажешь, как одолеть Бийдолг-Бяре.

— Не говори о невозможном, лучше поговорим о возможном.

Но Овдилг стоял на своем.

— Ладно, так уж и быть, скажу тебе. Как только приедешь к Бийдолг-Бяре, взнуздай его трехногого конька, — дал совет сын Луны.

Тогда они сели и поужинали.

Шестьдесят три дня ехал Овдилг по колючкам репейника, шестьдесят три дня ехал по стеблям кукурузы, шестьдесят три дня ехал по острым каменьям, пока седло не прилипло к коню, а сам он не прирос к седлу. И вновь подъехал Овдилг к жилью Бийдолг-Бяре, который и на этот раз спал. Подъехав, он быстро взнуздал трехногого конька. Под голову Бийдолг-Бяре он положил чурбак, усадил Харсен Нарс на круп коня и изо всей мочи погнал прекрасного жеребца, подобного барсу.

Через семь дней и семь ночей в пятницу, проснулся Бийдолг-Бяре. Под своей головой он заметил чурбак, а трехногого гулинга нашел взнузданным. Разнуздал его Бийдолг-Бяре, и обо всем поведал ему трехногий гулинг.

— После обеда догоним их или не обедая догоним? — спросил Бийдолг-Бяре.

— Мы догоним их и не обедая, и после обеда.

Перекусив, Бийдолг-Бяре взял волчью палицу, уселся на трехногого гулинга и пустился в погоню. Догнал он Овдилга и Харсен Нарс и ударом волчьей палицы вдребезги раскрошил Овдилга.

От горя Харсен Нарс слезами плакала — сколько лилось воды, кровью плакала — сколько лилось крови.

— Ты убил его, дай мне хоть собрать останки тела, чтобы птицы не клевали, дождь не размывал, а солнце не пекло их, — стала умолять Харсен Нарс Бийдолг-Бяре.

Бийдолг-Бяре и на этот раз разрешил ей собрать останки тела Овдилга. Наполнив два талса, она приторочила их к седлу и пустила прекрасного жеребца, подобного белому барсу. Переваливаясь с боку на бок, конь пришел к дому сына Луны. Собрав

останки тела, сын Луны потер их бруском, смазал клеем и вновь оживил Овдилга.

— Теперь-то ты, Овдилг, перестанешь добиваться своего? — спросил сын Луны.

— Не перестану до тех пор, пока бьется сердце, — ответил Овдилг.

Тогда сын Луны указал ему дорогу к третьему свояку — сыну Звезды.

Овдилг вырвал у белого коня волосок и отпустил его. Достал из кармана черный волос и сжег его. С неба слетел черный жеребец, подобный барсу. Ноги его по брюхо увязли в земле. Затем он встрепенулся, встал на дыбы и произнес:

— Что будем делать?

Овдилг надел черные одежды и помчался к жилью сына Звезды.

От пота коня разливались лужи, от дыхания стлался туман, седло к спине прилипло, так долго они ехали.

Однажды к вечеру в огромном лесу они наткнулись на отверстие в земле. Из него вышла красивая женщина и спросила:

— Что ты за человек? В эти края и волк не забредает, а ты зачем пришел?

— Я — Овдилг, муж Харсен Нарс и твой зять.

— Как хорошо, что это так, что поделывает моя сестренка?

— Ее похитил Бийдолг-Бяре. Дважды я пытался ее возвратить, но из этого ничего не вышло, поэтому я пришел просить помощи у сына Звезды.

— Не будь несчастным! Если не уйдешь до его прихода, то плохо тебе придется.

— Я шел сюда, чтобы или умереть, или возвратить Харсен Нарс.

— Делать нечего, заходи в дом, — пригласила Овдилга женщина, зарезала трехлетнего бычка, накормила его, напоила и спрятала.

Возвратился сын Звезды. Подбросил он свои звезды в небеса и спросил у жены:

— Кто к нам пришел?

— Кто к нам может прийти? Никто не приходил.

— Не перечь мне. Я знаю, что к тебе в гости пришел один человек. Кто он, где он? Говори!

— Что бы ты сделал, если бы к тебе в гости пришел один из твоих свояков?

— Старших можно и меж ладоней растереть, а с младшим и развлечься можно.

— У тебя в гостях младший.

Она привела к нему Овдилга. Сын Звезды изжарил оленя, пригласил Овдилга поужинать:

— Отведай ужина, своячок!

— Не притронусь к еде, сын Звезды, до тех пор, пока не скажешь, как мне одолеть Бийдолг-Бяре, — сказал Овдилг и рассказал ему о помощи сына Солнца и сына Луны. — Я не успокоюсь до тех пор, пока не отобью Харсен Нарс.

— Ничего с тобой не поделаешь. Я доволен тем, что ты добиваешься своего, и сделаю все, что в моих силах. А сейчас спокойно ужинай.

После ужина сын Звезды сказал Овдилгу:

— Собирайся, пойдем на охоту, — и взял его с собой.

Они охотились целую неделю и наполнили высокие корзины дичью. Сын Звезды сказал:

— В понедельник возьмешь эти корзины с мясом и отправишься в сторону захода солнца. Пересечешь три горы. Там ты увидишь лысую гору, на которой не растут трава и лес, а лежат лишь камни и гравий. Раз в год на эту гору приходит кобыла, которая там жеребится, от нее и пошли гулинги. Трехногий гулинг Бийдолг-Бяре — тоже от нее. Когда она приходит жеребиться на эту гору, туда со всего света собираются звери и птицы, чтобы съесть этого гулинга. Как только кобыла ожеребится, ты разбросай куски мяса из своих корзин. Съев мясо, звери и птицы уйдут. Напоследок придет голодный волк. Сколько бы ты ни взял с собой мяса, к приходу волка оно кончится. Тогда оторви мышцы со своих рук и брось их волку. Если так не сделаешь, то твой гулинг тоже будет трехногим — ногу съест волк. Возьми вот это снадобье; если им смажешь руки, они сразу станут прежними. Это снадобье не было известно Бийдолг-Бяре, и поэтому его гулинг остался трехногим. Если поступишь так, твой гулинг будет четвероногим, и трехногий гулинг Бийдолг-Бяре никогда его не догонит. Тогда ты сможешь спасти Харсен Нарс.

— Большое спасибо за совет, — попрощался Овдилг и отправился в путь.

Преодолев три горы, он очутился у той, про которую ему рассказывал сын Звезды. Вокруг горы Овдилг поставил корзины с мясом и сел отдыхать.

В понедельник на этой горе появилась кобыла, а за ней звери и птицы. Когда кобыла начала жеребиться, Овдилг стал разбрасывать куски мяса. Наевшись досыта, звери и птицы покинули это место. Издали послышалось завывание волка. Появился голодный волк с впалыми боками. Овдилг вырвал мышцы со своих рук и бросил волку. Затем смазал раненые места снадобьем — руки стали прежними. Когда жеребенок трижды пососал свою мать, он окреп настолько, что на нем можно было ездить.

— Спасибо тебе за жеребенка. Ты спас его от смерти. Я дарю его тебе, — сказала кобыла.

Отпустив черного коня, Овдилг сел на гулинга и поехал к Бийдолг-Бяре.

Шестьдесят три дня ехал он по колючкам репейника, шестьдесят три дня ехал по стеблям кукурузы, шестьдесят три дня ехал по острым каменьям, пока не приехал к Бийдолг-Бяре. Была пятница, Бийдолг-Бяре положил голову на колени Харсен Нарс и уснул до следующей пятницы.

Вспоминая про смерть мужа, Харсен Нарс обливалась слезами — сколько текло воды, кровью оплакивала его — сколько лилось крови!

Увидев перед собой живого Овдилга, она очень обрадовалась и спросила:

— Не сон ли это? Неужели ты снова живой передо мной?

— Как видишь, не теряй даром времени, бросай эту грязную голову и уйдем отсюда.

Харсен Нарс потихоньку положила на пол голову Бийдолг-Бяре и с Овдилгом ускакала на четвероногом гулинге.

— О боже, как хорошо, что ты пришел вовремя! Через семь дней и семь ночей я должна была стать женой Бийдолг-Бяре. Если бы ты не пришел через семь дней, то вместо меня увидел бы мой труп. Я покончила бы с собой, лишь бы не стать его женой.

Как птицы, выпорхнувшие из гнезда, поскакали Овдилг с Харсен Нарс. Как и прежде, трехногий гулинг поднял шум и разбудил Бийдолг-Бяре. Проснувшийся Бийдолг-Бяре спросил своего гулинга:

— Ну как, после обеда догоним их или не обедая догоним?

— Теперь хоть пообедаем, хоть не пообедаем, все равно не догоним, — ответил трехногий гулинг.

— Что за разговоры! Я перебью тебе оставшиеся ноги.

— Дело в том, что у меня три ноги, а гулинг Овдилга о четырех ногах.

— Или умрешь, или догонишь их! — воскликнул Бийдолг-Бяре и бросился в погоню.

Но как ни старались, догнать их не могли. Бийдолг-Бяре стал избивать коня палицей.

Обливаясь кровью, гулинг заржал и стал молить о помощи скачущего впереди гулинга:

— Смилуйся надо мной, подожди хоть немножко, ведь мы от одной матери, не дай мне умереть жестокой смертью. Скажи своему хозяину, чтобы он сбросил черную бурку, и я, испугавшись, скину с себя Бийдолг-Бяре.

Четырехногий гулинг сделал, как просил его брат.

Овдилг сбросил с себя черную бурку, и Бийдолг-Бяре ушел в землю на глубину три раза по пятнадцать локтей. Там и пришел смертный час Бийдолг-Бяре.

А Овдилг со своей ненаглядной Харсен Нарс на четырехногом гулинге направились к сыну Звезды.

Оставим их наедине друг с другом, а тем временем поговорим о братьях Овдилга.

Надоели сестрам Харсен Нарс трусливые мужья, и они выгнали их из дому:

— Вашего брата давно нет дома. Не спите, подобно женщинам, поезжайте и разузнайте, жив Овдилг или нет. Не нужна ли ему помощь? Будьте наконец людьми!

Уселись братья на быков с истертыми шеями и поехали в путь. Ехали они, ехали и через некоторое время прибыли в местечко, где жил сын Солнца. Встретила их жена сына Солнца. Братья рассказали ей, кто они и зачем приехали.

— Уезжайте, пока не возвратился сын Солнца. Он говорил, что сотрет вас в порошок.

— Боже упаси нас! — сказали братья и убежали.

— Погодите, — сказала она, — поезжайте к сыну Луны, — и жена сына Солнца указала им дорогу.

Мало ли, долго ли они ехали и прибыли к сыну Луны. Встретила их жена сына Луны и расспросила. Братья ей обо всем поведали.

— Сын Луны говорил, что сотрет вас в порошок, поезжайте лучше к сыну Звезды, куда и отправился ваш брат, — и она указала им дорогу.

Испугались они сына Луны и поехали в ту сторону, где жил сын Звезды.

Тихо ли ехали, быстро ли, но приехали на усталых быках к сыну Звезды.

— Вы откуда едете, всадники на быках? По какому важному делу выехали? — встретила их жена сына Звезды.

— Мы преспокойно сидели бы дома, да жены нас выгнали. Был у нас брат Овдилг, играющий в золе. Если мы возвратимся без него, нас не впустят в дом, нам нужно живым или мертвым найти его.

— Ой, если возвратится сын Звезды, он сотрет вас в порошок, вы не сможете устоять перед ним.

Собрались братья снова бежать.

— Подождите, — сказала им жена сына Звезды, — вот по этому пути отправился ваш брат, — и она указала им дорогу.

Испуганные братья не успели даже поблагодарить жену сына Звезды и бросились бежать.

«Пусть этот Овдилг в могиле окажется, лишь бы нам выжить», — рассуждали они.

Через некоторое время они встретили Овдилга; он ехал вместе с Харсен Нарс на четырехногом гулинге.

— Ассалам-алейкум!

— Ва алейкум-салам!

Здесь они обо всем и поговорили. Овдилг очень обрадовался встрече с братьями. Радостные, веселые, отправились они в путь в родные края. Как только стало темнеть, Овдилг быстро разбил шалаш, затем побежал в лес и принес трех оленей. После ужина Харсен Нарс и братья улеглись спать, а Овдилг не спал.

В полночь засверкала молния, загремел гром, задрожала земля. Удивленный Овдилг увидел энджала*. От скрипа его зубов гремел гром, от искр вспыхивала молния. Под его ногами земля превращалась в жидкую кашу.

— Кто это такие, словно мухи, оказавшиеся на моей земле?! — заревел энджал.

Удары энджала не попадали в Овдилга, а удары Овдилга приходились тому прямо в сердце. Иссякли силы энджала, и он упал. Овдилг достал из ножен шашку и сильным ударом снес ему голову. В одну сторону он бросил тело энджала, в другую — голову, и только потом лег спать. Братья все это видели, но из трусости боялись шелохнуться.

На второй день после длительного пути ночь застала их в лесу. После ужина братья легли спать, а Овдилг не спал. Как и в первый раз, ночью пришел энджал, огромнее первого. В битве Овдилг победил и его. Потом лег спать.

И на третий день Овдилг разбил шалаш, убил оленей, приготовил ужин, а после ужина не стал спать. В эту ночь пришел такой огромный энджал, по сравнению с которым первые два казались котятами. Головой энджал разгонял тучи, от удара его ног земля качалась. Овдилг первым начал битву. От пота, лившегося с них, появлялись лужи. Четырехногий гулинг бросился на помощь хозяину, они вдвоем свалили на землю энджала, и Овдилг шашкой снес ему голову.

Испуганные братья Овдилга подумали: «Овдилг превзошел нас во всем. Убьем его. Но голыми руками нам его не одолеть, оружием не победить».

И решили они, когда он заснет глубоким сном, положить на его ноги острием вниз шашку.

Положили они шашку, отошли немного в сторону и крикнули:

— Энджалы идут, энджалы идут!

— Где энджалы? — спросонья вскочил Овдилг и лишился обеих ног.

Братья оставили его истекающим кровью. Рядом с ним, плача, сидела Харсен Нарс. Братья забрали с собой гулинга и довольные отправились домой.

Некоторое время Овдилг был в бреду. Он не умер, но и не мог двигаться. И стали они с Харсен Нарс жить в шалаше.

Однажды к их шалашу подошел слепец. Он был высокого роста, ударом ноги швырял деревья в небеса, ломал их бедрами.

— Я вас всех вылечу, не убивайте меня. Дома у меня остались голодные детки.

— Как ты нас вылечишь?

— У меня есть живительное колесо[7], которым стоит лишь потереть — и оно вылечит. Поводи им по себе и проверь, — сказала ешап и выбросила изо рта колесо.

Овдилг согласился и прокатил это колесо по дворовой собаке. Колесо перерезало собаку и опять возвратилось к нему.

— Ты снова за свое?! — взмахнул шашкой Овдилг.

— Нет, нет, не спеши, я больше не буду. Вот брусок, он вылечит вас, — со слезами сказала ешап.

Взял Овдилг брусок и потер им собаку. Собака ожила и стала вилять хвостом.

— Вот это хорошую вещь ты нам дала, но жить тебе осталось недолго, — и ударом шашки Овдилг убил ешап.

Потерли бруском глаза слепца — стал он зрячим, потерли безрукого — руки стали прежними, провели бруском по телу Харсен Нарс — она стала прежней, потерли Овдилга по ногам — он стал ходить.

Вынул Овдилг из кармана три конских волоса и сжег их. Тотчас появились три жеребца с шелковыми одеждами. Приладились три друга: бывший слепец получил жеребца, подобного красному барсу, безрукий — жеребца, подобного белому барсу, а черного, барсу подобного жеребца, Овдилг оставил себе.

И отправились они в родные края.

Вместе с Харсен Нарс и со своими друзьями приехал Овдилг к сыну Звезды. Тот их хорошо принял, и затем они все вместе отправились к сыну Луны. Погостили они у него и отправились к сыну Солнца. Затем все вместе прибыли в родной край Овдилга и увидели его братьев, похвалявшихся перед своими женами: «Мы отомстили за смерть Овдилга и привели гулинга».

Увидели они Овдилга — и души их в пятки ушли.

— Бесстыжие вы люди! — воскликнул Овдилг и, пустив коло лесо, разрезал их пополам. — Если бы вас родила не моя мать, я бы не оживил вас! — И, вновь оживив, прогнал их вон со двора.

Жен братьев он отдал своим друзьям. Сын Солнца, сын Луны, сын Звезды, Овдилг и его два названых друга, их жены, шесть сестер, младшей из которых была Харсен Нарс, стали жить, как хорошие родичи.

Вершины их башен упирались в облака, а основания — в землю; шесть таких огромных башен выстроили они и стали в них жить[8].

Сын Солнца поигрывал Солнцем, сын Луны — Месяцем, сын Звезды — Звездами.

Пусть им сопутствует удача, пусть нас не минует добро!

9. ЧЕРНЫЙ ХОЖА*

У одного отца было три сына и три дочери. Из трех сыновей младший был самым любимым и дорогим. И за то, что отец любил его больше всех, старшие братья возненавидели его. Перед смертью отец завещал:

— Выдайте замуж своих сестер за того, кто их посватает, пусть то будет птица или зверь.

После смерти отца прошло много времени, и сватать старшую сестру прилетел голубь. Братья помнили завещание отца и выдали ее за голубя.

Через некоторое время прилетел ястреб сватать среднюю сестру. Братья выдали ее за ястреба. После этого прилетел сокол — выдали за него третью сестру.

Братья не знали, где и как живут их сестры, и очень о них беспокоились. И решили они поехать на поиски своих сестер. Оседлали коней, опоясались оружием и отправились в путь. Мало ли ехали, много ли, но оказались братья в далеком необитаемом краю. Там они увидели трехъярусную башню.

— Войди в эту башню и посмотри, что в ней, — говорят старшие младшему.

Поднялся младший брат на третий этаж башни, открыл дверь и увидел трех девушек. Старшей из них понравился младший брат, и она сказала:

— Если ты посватаешь меня, я согласна выйти за тебя замуж.

— За меня не выходи, лучше выйди за моего брата, ты будешь моей снохой, — сказал младший брат.

И средняя сказала, чтобы он посватал ее. Младший брат предложил ей стать женой среднего брата. Себе же в жены выбрал младшую сестру, а двух старших привел для своих братьев. Все отправились домой, усадили на круп коней по невесте и взяли все богатства.

По дороге им встретился человек высотой в локоть, а борода у него была длиной в два локтя. Он попросил старшего брата взять его с собой, пообещав, что будет ухаживать за лошадьми.

— За лошадьми есть кому ухаживать, — сказал старший и проехал мимо.

И среднего брата попросил карлик о том же.

— Ты мне не нужен, обойдусь и без тебя, — сказал средний и проехал мимо.

С этой же просьбой карлик обратился к младшему брату. Тот пожалел карлика и усадил его на круп коня позади невесты. Незаметно для младшего брата карлик соскочил с коня и скрылся с его невестой. Он, оказывается, превращался в кого желал, и был на самом деле Черным хожей. Увидел младший брат, что

карлика и невесты нет, не сказал братьям ни слова и тронулся в обратную дорогу.

«Если бы я знал, где он, я б с ним вступил в бой и убил его. Без невесты я не вернусь», — решил он.

Мало ли он ехал, долго ли ехал, но через некоторое время очутился в одном селе. Пришел он к роднику[1] и не знал, к кому пойти в гости. У родника к нему подошла старшая сестра, которая вышла замуж за голубя.

— Вай, вай, да умрет у тебя сестра![2] Откуда ты? — сказала сестра, быстро повела его в свою комнату и усадила.

Расседлала она коня брата, а в это время прилетел голубь. Влетел он в комнату, сбросил свое оперение, переоделся в новые одежды и приветствовал своего шурина. Сидят они, веселятся, и младший брат спрашивает зятя:

— Ты летаешь по всему свету. Нет ли у тебя каких-нибудь новостей?

— Больших новостей нет, но сегодня я видел чудо. На трехногом коне Черный хожа увозил красивую девушку. Больше я ничего не видел и не слышал, — ответил зять-голубь.

— В какую сторону поскакал Черный хожа? — спросил шурин.

— Он поскакал в сторону восхода солнца, — ответил зять-голубь.

Больше ни о чем не стал расспрашивать младший брат у зятя и отправился в сторону восхода солнца. Мало ли он ехал, долго ли, но очутился в одном селе. Остановился он у родника. Подходит к нему сестра, вышедшая замуж за ястреба.

— Вай, вай, да умрет у тебя сестра! — обняла она брата и ввела его в дом.

Расседлала коня брата, и через некоторое время прилетел ястреб. Влетел он в комнату, сбросил оперение, надел новые одежды и приветствовал своего шурина.

Посидели они, поговорили, и шурин спрашивает своего зятя-ястреба:

— Ты летаешь по всему свету, расскажи, что нового ты видел или слышал?

— Ничего особенного не произошло. Но вчера я видел, как Черный хожа увозил на трехногом коне красивую девушку. Я погнался за ним, но не смог догнать. Больше ничего особенного я не видел, — ответил зять-ястреб.

— В какую сторону он поскакал?

— В сторону восхода солнца.

На другое утро младший брат собрался и отправился в сторону восхода солнца. Мало ли он ехал, много ли, но через некоторое время очутился в одном селе. Остановился он у родника. Тут к нему подошла сестра, которая вышла замуж за сокола.

— Вай, вай, да умрет у тебя сестра! — И она привела брата к себе, расседлала его коня и завела в дом.

Через некоторое время прилетел сокол, сбросил оперение, надел новые одежды и приветствовал своего шурина. Посидели они, поговорили, и младший брат спрашивает:

— Ты летаешь по всему свету, сокол! Не расскажешь ли чего-нибудь нового?

— Ничего особенного нет. Но я видел, как Черный хожа увозил на трехногом коне красивую девушку. Я полетел вслед за ним, но догнать его не смог. Мне было жаль эту девушку.

— В какую сторону он поскакал?

— В сторону восхода солнца.

На другое утро младший брат отправился в сторону восхода солнца.

Мало ли он ехал, долго ли, но через некоторое время очутился в одном селе.

Сидит он у родника вблизи этого села, и тут к нему подходит его невеста, увезенная Черным хожей.

— Вай, вай, да умрет у тебя сестра! — воскликнула она. — Как ты очутился здесь?

— Мало ли ехал, долго ли, но вот очутился здесь, теперь торопись, нам нужно уезжать, — сказал младший брат.

— Мы-то убежим, но какой толк от этого? У похитившего меня хожи есть трехногий конь. Черный хожа обладает непомерной силой. Боюсь, как бы он не изувечил тебя, — сказала невеста.

— Если удастся — спасемся, не удастся — умрем, но уходить отсюда нужно! — сказал младший брат и ускакал со своей невестой.

В это время уставший от дороги Черный хожа крепко спал. А спал он так: подложив одно ухо и накрывшись другим, он засыпал в одну пятницу, а просыпался только в следующую. Трехногий конь Черного хожи все понимал и разговаривал на человеческом языке. Узнал конь, что девушку увезли, сломал запор у сарая и, ударив Черного хожу по уху передней ногой, разбудил его.

— Что случилось? — спросил Черный хожа.

— Нашу девушку увозят, — ответил трехногий конь.

— После обеда догоним их или не обедая догоним?

— Догоним и не обедая, и после обеда, — ответил конь.

Они не торопясь пообедали, а потом Черный хожа схватил трехпудовую дубину и бросился в погоню. Через некоторое время он догнал девушку и младшего брата, забрал девушку, ударил младшего брата дубиной и убил его.

Девушка говорит Черному хоже:

— Позволил бы ты мне собрать его кости в талс и приторочить их к седлу коня.

Черный хожа разрешил собрать кости в талс. А конь младше-

го брата спустя некоторое время очутился у сестры — жены сокола. Диким криком кричала она, слезы дождем лились из ее глаз. В это время прилетел сокол. Увидел он мертвого шурина и, успокаивая жену, сказал:

— Не горюй и не плачь! Я оживлю его, и он станет прежним.

Вырвал он из своего оперения три пера, потер ими кости шурина, и тот ожил.

— Долго же я спал! — промолвил младший брат и встал.

На второй день утром он снова остановился у родника, где проживал Черный хожа. Приходит его невеста по воду, и говорит он ей:

— Так нам не спастись от Черного хожи. Любым путем узнай, где он добыл трехногого коня. Тогда я добуду такого же гулинга и увезу тебя от него.

Стала невеста расспрашивать Черного хожу, где достал он своего коня.

Черный хожа поведал ей всю правду:

— На востоке, где встает солнце, в далеком краю, у моря на песке стоит кобыла. Она каждый год приносит одного жеребенка, и тут же съедает его — в пустыне нет травы. В эти дни она должна ожеребиться. Когда я отправился туда, она успела съесть лишь одну ногу жеребенка. Я накормил кобылу и забрал жеребенка. Эта кобыла ест мясо и молоко.

Девушка передала все, что сказал Черный хожа, младшему брату. И младший брат отправился в те края. Мало ли ехал, долго ли, но очутился в краю, где в песках стояла кобыла. Стал он кормить кобылу мясом и молоком. Спустя немного времени она начала жеребиться. Довольная угощением младшего брата, кобыла дала ему совет:

— Кант, только появится морда жеребенка, сразу же взнуздай его, только появится круп, сразу же оседлай, подтяни тремя подпругами, укрепи подхвостник, только он станет на четыре ноги — вскочи на него.

Младший брат исполнил все советы кобылы и вскочил на жеребенка. Жеребенок носился по всему свету и очутился опять около своей матери-кобылы.

— Есть ли на мне кто-нибудь? — спрашивает жеребенок у матери.

— Я, кант, на тебе, — ответил младший брат и сжал бока жеребенка.

— Тогда пусть я буду тебе впрок. Дай мне лишь насытиться молоком матери, и мы отправимся, куда хочешь, —сказал жеребенок.

Досыта пососал жеребенок материнского молока и потом проделал за час многодневный путь до Черного хожи и очутился в его дворе.

Вызвал младший брат свою невесту, усадил ее на круп коня и поскакал. Узнал об этом трехногий конь Черного хожи и ударил передней ногой спящего хозяина по уху, разбудил его и сообщил о случившемся.

— После обеда догоним их или не обедая догоним? — спросил Черный хожа.

— И не обедая не догоним, и после обеда не догоним, — ответил трехногий конь.

Черный хожа быстро схватил трехпудовую дубину и бросился вдогонку. Молодой гулинг совсем близко подпускал к себе Черного хожу, а затем тут же исчезал. Трехногий конь Черного хожи стал уставать. Когда они еще раз были совсем близко, трехногий конь крикнул молодому гулингу:

— Мы братья, рожденные одной матерью. Дай мне догнать себя! Видишь, как мучает меня мой хозяин!

— Ты возишь подлого седока. И мне тебя не жаль. Я скажу своему хозяину, чтобы он бросил бурку, а ты, будто от испуга, отпрянь, сбрось его с себя, убей ударами копыт и следуй за мной, — сказал молодой гулинг.

На всем скаку младший брат сбросил с себя бурку. Испуганный трехногий конь резко шарахнулся в сторону, и Черный хожа слетел с него. Ударами копыт трехногий конь убил Черного хожу, а сам отправился вслед за молодым гулингом.

Вместе с невестой и двумя конями младший брат прибыл к зятю-соколу.

Три дня и три ночи играли они свадьбу. Зять-сокол одарил шурина богатыми подарками и проводил с почестями.

Прибыл младший брат к зятю-ястребу. И там три дня и три ночи играли свадьбу. Зять-ястреб одарил его подарками и проводил к свояку.

Прибыл он к зятю-голубю, где его хорошо приняли, одарили подарками и проводили домой.

Братья не надеялись его больше увидеть и, радостные от встречи с братом, устроили большой той*, стали счастливо жить.

10. СЕМЕРО ТОВАРИЩЕЙ

В давнее время жила вдовая старуха с пятнадцатилетним сыном. Дочь ее была замужем. Вдовая мать с сыном жили бедно. Однажды они пошли на речку, чтобы промыть полмешка пшеницы. Промыли пшеницу и положили сушить. Мать говорит сыну:

— Охраняй пшеницу от птиц, я скоро приду.

— Хорошо, — сказал мальчик и стал охранять пшеницу.

Спустя некоторое время он уснул. Проснулся он от пинка матери и видит, что пшеницу поклевали птицы и над ним стоит мать.

— Напрасно ты меня разбудила, я видел хороший сон. Если бы ты знала, какой это был красивый сон, то не ругала бы меня, — сказал он ей.

— Пусть умру я вместо тебя[1], если ты мне не расскажешь свой сон.

— Пусть умрет моя мать, если я расскажу!

— Будь проклят! — сказала мать и избила его.

От матери он убежал к сестре. Месяц, два, три провел у сестры. Говорит ему сестра:

— Нашей матери трудно, наверное, приходится, возвратись к ней, посмотри за старой.

— Нет, не пойду. Когда я, уснув, увидел сон и не рассказал ей, она меня избила.

— Пусть умрет твоя сестра, если не расскажешь мне об этом, — попросила сестра.

— Пусть умрет, если расскажу.

Прогнала его и сестра.

Шел он, шел и дошел до владений одного падчаха.

— Ва, люди, кому нужен человек, искусный в воинских делах? — кричал он, идя по селу.

Эти слова услышал падчах и позвал его к себе. Падчаху молодой человек показался неказистым.

— Разве из него выйдет воин? Дайте ему хромого коня и заржавленную шашку, — сказал падчах.

— Мне не нужны эти вещи, они не по мне.

— Ишь ты! Какой гордец! Кто ты и откуда путь держишь?

— Я сын вдовы. Однажды я уснул у реки и увидел хороший сон. Этот сон я не рассказал ни матери, ни сестре, и поэтому они прогнали меня.

— Пусть у тебя умрет падчах, если не расскажешь этот чудесный сон.

— Большое дело — твое царствование! Умри ты, если расскажу.

Разгневанный падчах сказал, чтобы его не убивали, а посадили в мусорную яму. Яма была очень глубокая и из нее невозможно было выбраться. Молодой человек как ни в чем не бывало сделал из корня крапивы зурну* и играл на ней.

Однажды к этой яме пришла дочь падчаха. Услышала она мелодичные звуки и увидела молодого человека. Он ей понравился, и дочь падчаха сказала:

— Что ты делаешь в яме? Я принесу веревку и вытащу тебя.

— Я не выйду, сюда бросил меня твой отец. Пусть он и вытаскивает. Придет день, когда я буду нужен ему.

С тех пор дочь падчаха приносила юноше вкусную, жирную пищу, кормила его и часто слушала его игру на зурне.

У падчаха не было жены, и он надумал жениться на дочери

соседнего князя. Но каждый раз сваты получали отказ — князь не хотел брать в зятья старого падчаха.

Просьбы падчаха ему надоели, и он прислал ему лук и тетиву, которую не могли натянуть шестьдесят человек, со словами: «Если в твоем царстве найдется человек, способный натянуть тетиву этого лука, то я выдам за тебя свою дочь и подарю половину княжества».

Ни падчах, ни его эздии, ни рабы[2] не могли натянуть тетиву лука. Тогда падчах дал приказ своим эздиям пройти по всему царству в поисках человека, который натянул бы тетиву. Пришли к падчаху и говорят, что во всем царстве нет человека, который мог бы натянуть тетиву княжеского лука. Опечаленный сидел падчах. К нему пришла дочь и говорит:

— В твоем царстве есть человек, который не испробовал свои силы.

— Кто он?

— Это молодой человек, брошенный тобой в мусорную яму.

— Пойди и приведи его, — послал он своего раба.

— Нет, не пойду, если сам падчах не попросит, — ответил юноша.

Падчах послал своих эздиев — он и им отказал. Пришлось идти самому падчаху.

— Забудь обиду и выйди из ямы.

Только тогда вышел юноша из ямы. Натянул лук.

— Куда пустить стрелу: в башню, где сидит дочь князя, или в башню, где сидит князь? — спросил юноша.

— В башню князя, — сказали все.

Юноша натянул тетиву, пустил стрелу и разрушил угол башни князя.

Тогда князь сообщил: присылайте сватов за девушкой. Он думал, что вряд ли найдутся такие сваты, которые наберутся решимости приехать за его дочерью. Об этом догадывался и падчах.

— Только ты в моем царстве можешь привести дочь князя, поехал бы за ней.

Отправился юноша к князю и по дороге увидел человека, который приложил ухо к земле, а другое — к небу.

— Что ты делаешь? — спросил юноша.

— За семью горами, за семью морями играют в альчики дети ешап. Я прислушиваюсь к их игре, и это меня веселит.

— Вот это чудо! — сказал юноша.

— Это не чудо. Чудо — юноша, который выстрелом из лука разрушил угол башни князя.

— Этот человек — я.

— Тогда будем друзьями, — сказал слышащий все, что происходит за семью горами, за семью морями.

По дороге они встретили человека, который сидел на берегу моря и менял зобы у голубей по другую сторону моря.

— Вот это чудо! — сказал юноша.

— Это не чудо, — ответил тот. — Чудо — юноша, который выстрелом из лука разрушил угол башни князя.

— Этот человек — я.

— Тогда будем друзьями, — сказал встречный.

Шли они, шли и встретили человека, который одну ногу подвязал к поясу, а на другой гонялся за ланями и оленями, ловил их, затем отпускал и снова ловил.

— Вот это чудо!

— Это не чудо. Чудо — юноша, который выстрелом из лука разрушил угол башни князя.

— Этот человек — я.

— Тогда будем друзьями, — сказал встречный.

Пошли все вместе дальше и встретили человека, который стрелял из ружья в барса, находившегося за семью горами.

— Вот это чудо! — сказал юноша.

— Это не чудо. Чудо — юноша, который выстрелом из лука разрушил угол башни князя.

— Этот человек — я.

— Тогда будем друзьями, — сказал встречный.

Шли они, шли и повстречали у моря еще одного человека. У него был испорченный зуб, в дупло которого он втягивал море, а потом снова выпускал его.

— Вот это чудо! — сказал юноша.

— Это не чудо. Чудо — юноша, который выстрелом из лука разрушил угол башни князя.

— Этот человек — я.

— Тогда я ваш друг, — сказал встречный и втянул море в дупло зуба.

Отправились они вместе и встретили человека, который взваливал на спину село с девятью тысячами очагов и переносил его на другое место.

— Есть ли на свете что-либо удивительнее этого?! — сказал молодой человек.

— Есть! Это не чудо. Чудо — юноша, который выстрелом из лука разрушил угол башни князя.

— Этот человек — я.

— В таком случае я ваш друг, — сказал встречный, поставил село на место и отправился вместе с ними.

Юноша и шесть товарищей пришли к князю. Князь не хотел отдавать им свою дочь. Принял он сватов и усадил их в отдельной комнате. Сидят они и думают, чем их будут угощать хозяева.

— Это мы сейчас узнаем, — сказал хорошо слышащий.

Он приложил одно ухо к земле, а другое — к потолку и через некоторое время сказал:

— Я подслушал разговор людей, которые готовят нам еду. Они готовят два стола — один вкусный для своих родственников, а другой с ядом — для нас.

Сидят они и думают, что же им теперь делать.

Менявший зобы у голубей незаметно для всех заменил столы. Вкусная и обильная пища досталась юноше и его друзьям, а отравленная — родственникам князя. Друзья сытно поели, а те — вспухли и умерли.

Присылает к ним князь посланца с таким поручением:

— Можете ли вы выделить человека, который состязался бы с нашим наперегонки?

Друзья ответили:

— Готовьте своего, а наш сейчас придет.

Князь подговорил гам. Состязаться с ней наперегонки вышел тот, который на одной ноге догонял ланей, косуль.

Отметили им вдали одно место. И условились, что победит тот, кто первый добежит до этого места и возвратится обратно.

Гам-плутовка была очень хитрой. Она захватила с собой карак* и еду. Изо всей мочи мчалась гам, и на одной ноге бежал быстро бегающий. Добежали они до отмеченного места.

— Давай отдохнем немного, — сказала гам.

— Я вовсе не устал, — ответил человек.

— Куда ты спешишь, садись. У меня есть карак и еда. Посидим немного.

Сели они. Гам сама не пила, а бегавшего на одной ноге опоила, и он уснул. Гам подложила ему под голову чашу, из которой он пил карак, а сама бросилась бежать.

Шестеро товарищей увидели бегущую изо всех сил гам. Тогда хорошо слышащий приложил ухо к земле, а другое — к небу и прислушался.

— Мне кажется, что наш товарищ спит. Что нам делать?

Хорошо стрелявший выстрелил из ружья и вдребезги разбил чашу, лежавшую в головах уснувшего. Бегун вскочил, опустил свою вторую ногу и бросился вдогонку гам. Нагнал ее, сбил с ног и возвратился первым.

— Наш бегун прибыл первым, давайте нашу девушку, — сказали товарищи.

— Уже вечер, завтра отдадим вам невесту, — сказал князь, а сам задумал злое дело.

Среди ночи весь дом, в котором спали друзья, обложили соломой и подожгли, чтобы ни один из них не остался в живых.

Спохватились друзья, но прорваться сквозь огонь были не в силах. Тогда втягивающий в рот морскую воду выпустил ее из дупла зуба и потушил пожар.

— Уже наступило утро, нам пора возвращаться, — сказали друзья.

Но князь и не думал отдавать дочь.

«Надоели нам проделки князя», — подумал юноша, выстрелом из лука разрушивший угол башни, и говорит товарищу, который перетаскивал село с одного места на другое:

— Люди князя не отдадут нам невесту, взвали это село вместе с невестой на спину.

Тот взвалил село на спину, и они тронулись в обратный путь.

Все жители села стали просить юношу, чтобы друзья поставили село на прежнее место. Последними стали просить слепой старик и хромая старуха:

— Поставьте наше село на место, мы отдадим вам невесту.

Поставили они село на прежнее место и отправились к падчаху.

И стал думать юноша: «Жениться мне на дочери падчаха или на дочери князя? Обе они красивые, какая же из них лучше?»

— Проснись, мой мальчик, пшеница уже подсохла, пора возвращаться домой, — разбудила мальчика мать.

— Все, что я рассказал, случилось со мной во сне, — сказал мальчик.

Взяли они полмешка пшеницы и отправились домой.

11. КНЯЗЬ И ЖЕРА-БАБА

У Жера-Бабы[1] умер муж, и осталась она с семью сыновьями. У них был только домик. Сыновья все время лежали в соломе, стеснялись выйти даже во двор — у них не было одежды. Жера-Баба работала на князя. Возвращаясь домой, она приносила сыновьям по комку толокна[2].

Как-то раз Жера-Баба услышала, что сармак украл дочь князя. Князь потерял покой и интерес к жизни, часто плакал, переживая за дочь. Вернулась Жера-Баба домой и спрашивает у младшего сына:

— Есть ли в твоем теле хоть капля мужества?

— Мужества у меня нет, но я смог бы пойти по следу, который в прошлом году оставил муравей.

И у второго сына мать спросила:

— Есть ли в тебе капля мужества?

— Мужества у меня нет, но я смог бы незаметно для кобылы вытащить из ее чрева жеребенка.

Спросила третьего. Тот ответил, что обгонит любого человека или зверя на земле.

Когда она спросила о мужестве четвертого, тот ответил:

— Мужества у меня нет, но я смог бы одной рукой схватить, а другой отбросить шестьдесят три человека.

Пятый сказал, что смог бы играть в поднебесье, шестой, что смог бы подпрыгнуть на сорок пять локтей в высоту и поймать любого в поднебесье. Спросила у седьмого и тот ответил:

— Мужества у меня нет, но я попал бы стрелой меж глаз того, кто спрячется в небесах.

Тогда Жера-Баба спросила, не могли бы они отыскать дочь князя. Пошла она к князю и сказала, что ее сыновья готовы освободить его дочь. Князь обрадовался ее словам, дал ей семь рубашек, семь штанов, семь папах и еду. Пришла она с этими вещами и собрала сыновей в дорогу.

По следу сармака пошел младший сын, который мог отыскать след прошлогоднего муравья. Пересекли они семь гор и за восьмой увидели спящего сармака, свернувшегося в кольцо. А в середине кольца сидела дочь князя. Второй брат, незаметно для кобылы вытаскивающий из ее чрева жеребенка, взял дочь князя. Третий, самый быстрый, увез ее.

Проснулся через некоторое время сармак и бросился в погоню. Тогда четвертый брат, который одной рукой останавливал, а потом отбрасывал шестьдесят три человека, схватил сармака и всадил его в землю так, что из земли торчали только морда и кончик хвоста.

Девушка попросила семерых братьев одним ударом лишить сармака жизни. Только они ударили сармака, как тот вырвался из земли и вместе с дочерью князя взлетел на небо. Тогда пятый, который точно попадал в цель, пустил стрелу, попал меж глаз сармака и сбил его с небес. Не успел сармак долететь до земли, как шестой, подпрыгивающий на сорок пять локтей, подпрыгнул и вырвал из его пасти дочь князя.

И возвратились сыновья Жера-Бабы с дочерью князя.

Предложили девушке выбрать в женихи любого из семерых братьев, но ей все они нравились одинаково.

Тогда люди обратились к вещему человеку. Он сказал, что девушка принадлежит тому, кто вытащил ее из круга сармака, то есть второму брату, который незаметно мог вытащить жеребенка из чрева кобылы.

Князь отдал все свои богатства Жера-Бабе и ее сыновьям.

12. СЫН ВДОВЫ ЖАТИК

В одном селе пас телят и этим кормил мать и себя плешивый мальчик. Его звали Жатиком. Он часто приходил к роднику, куда ходят по воду девушки, и играл на чондарге*.

Однажды, когда он играл, за водой пришла дочь падчаха. Она издали прислушивалась к грустной мелодии. После этого она каждый раз приходила к роднику слушать его игру. Жатик сильно ее полюбил. И дочь падчаха его полюбила. Однажды Жатик сказал матери:

— Я даю тебе неделю времени. Передай падчаху, что я хочу жениться на его дочери, и пусть он скажет, какой урду* он потребует.

— Ай, он же нас убьет, я не осмелюсь ему это сказать, — ответила мать.

— Что он тебе сделает? Убьет? Если же ты не передашь ему мои слова и вернешься, я сам тебя убью, — сказал Жатик.

Медленно побрела мать ко двору падчаха.

— У наших ворот попрошайка. Дайте ей милостыню и отпустите, — сказал падчах.

Слуги падчаха дали женщине подарки и отпустили.

— Я не попрошайничать тебя послал, — стал браниться Жатик. — Тебе осталось шесть дней для сватовства.

Так два или три раза возвращалась мать с подарками — подаянием от падчаха.

— Если и теперь не передашь мои слова падчаху, — сказал Жатик матери, — не миновать тебе смерти. Мы ни в чем не уступаем падчаху, чтобы он не выдал за меня свою дочь.

Опять пришла мать ко двору падчаха и, когда ей стали давать подаяние, сказала:

— Я не попрошайка. У меня есть разговор к падчаху.

— О чем она говорит? — спросил падчах у эздия.

— Она пришла свататься, — сказал он.

— Натравите на нее злых собак и прогоните... Разве слыхано такое сватовство, или она с ума спятила? — разгневался падчах.

Выпустили на мать Жатика злых собак и прогнали. Сидевшая у окна башни дочь падчаха видела все это, пришла к отцу и сказала:

— Постеснялся хотя бы ее седин. Так поступать не к лицу падчаху. Теперь тебя люди будут упрекать в этом. Если ты недоволен, потребуй от них невыполнимый урду.

Пришлось старушку вернуть и извиниться перед ней. Падчах сказал:

— Я выдам свою дочь за твоего сына, если он пригонит шестьдесят три жеребца, подобных барсу, шестьдесят три стельных коровы, шестьдесят три годовалых бычка, отары овец и тюк геза-дяри*.

Плача возвратилась старая вдова и передала сыну требования падчаха. Тогда Жатик спросил:

— Остались ли в нашем доме доспехи моего отца?

— Доспехи-то есть, но совладаешь ли ты с ними? У твоего дады* был красный жеребец, подобный барсу, который находится за семью замками. Это не простой жеребец. Если ты разобьешь семь замков, мизинцем осадишь жеребца, не дашь ему шелох-

нуться, оседлаешь, а затем опояшешься оружием, которое найдешь там же, тогда ты достоин имени своего отца. Если же ты не в силах этого сделать, не ходи туда, где конь.

Жатик искупался, переоделся и отправился в подземелье.

Только он вошел, как на него бросился красный жеребец, подобный барсу, пугавшийся своего дыхания. Искры сверкали от скрежета его зубов. Только жеребец бросился на него, Жатик ударом мизинца осадил его. Не успел конь шелохнуться, Жатик оседлал, уселся на него и опоясался оружием. Выскочил из подземелья красный жеребец, подобный барсу, думая, что на нем сидит какая-то муха. Поднимался он в небеса, опускался на землю в надежде сбросить или разбить наездника. Но Жатик оказывался под брюхом коня, когда тот поднимался в небеса, и на его крупе, когда конь ударялся о землю. Устал конь и присмирел.

— Только твоему отцу я подчинялся. Теперь знаю, что и ты можешь управлять мной. Пусть я буду тебе впрок, а ты — мне. Я готов выполнить твои приказания. Мы отправляемся в бой или на мировую? — спросил он.

— Мы отправляемся в далекие степи, чтобы угнать у одноглазого вампала табуны коней и скота.

— Этот вампал лишил жизни твоего отца. Мы идем на битву. Ускорить ли нам отъезд?

Жатик прогарцевал несколько раз на коне по двору:

— Оставайся с добром, нани! — сказал Жатик матери, перескочил на коне через ограду и отправился в дорогу.

Едут они, едут и, насколько заметно глазу, видят в поле всадника. Подъезжает всадник и приветствует Жатика. Ответил на приветствие Жатик и спрашивает:

— Кто ты такой и как попал в эти края?

— Я сын князя, — ответил всадник, — и полюбил дочь падишаха. Но ее отдадут лишь за табуны коней и скота. Поэтому я очутился здесь.

— И я поэтому нахожусь здесь, — сказал Жатик, — поедем вместе, если ты согласен.

— Я бывал в этих краях и хорошо знаю их. Если я стану поджарым волком, станешь ли ты следовать за мной щенком волка?

— Если ты будешь идти впереди, то я щенком волка последую за тобой, — сказал Жатик.

И они отправились дальше.

Едут они, и встречается им речка, на берегу которой растет большое дерево. Говорит конь Жатику:

— В этом месте твой отец часто отдыхал.

Переночевали друзья и отправились дальше. Ехали они, ехали и приехали к огромному синему морю. Говорит сын князя Жатику:

— Мы прибыли с тобой в степи вампала. Больше я впереди не поеду.

И говорит ему тогда Жатик:

— Если поджарым волком я пойду впереди, последуешь ли ты щенком волка за мной?

— Если поджарым волком ты пойдешь впереди, то щенком волка я последую за тобой, — ответил сын князя.

— Ты останешься здесь отбивать добычу у проезжих или пойдешь на дно морское угонять табуны вампала? — спросил Жатик у сына князя.

— Я останусь здесь отбивать добычу у проезжих, — сказал сын князя.

— Хорошо. Тогда я спущусь на дно морское. Если на море появится красная пена, знай, что я возвращаюсь с боем. Тогда можешь уезжать. Если появится на море белая пена, знай, что я возвращаюсь с миром, и жди меня! — И Жатик бросил коня в море.

Говорит конь Жатику:

— Сейчас вампал спит, проснется он только через неделю, если его не разбудит поводырь табуна — красный жеребец, подобный барсу. Он сильнее меня, так как сосал грудь моей матери три раза, а я — только один. Твой отец угнал меня из табуна вампала. Этот табун не трогается с места, если жеребец не пойдет впереди. Сначала надо выгнать жеребца, за ним и табуны.

Прибыли они на дно морское. Взял Жатик из-под головы вампала тюк геза-дяри, погнал жеребца впереди, а табуны коней — за ним. В это время оставшийся у моря сын князя отбивал у проезжих добычу; собрал много золота, серебра и, увидев на море белую пену, очень обрадовался. Жатик выгнал табуны из моря и сказал своему другу:

— Жеребец вампала хочет снова уйти в море. Если он уйдет от нас, то разбудит вампала. Ты возьмешь его за узду и пойдешь впереди или пойдешь сзади?

— Я пойду впереди, — сказал сын князя и взял жеребца за узду.

Едут они, и конь Жатика говорит:

— Жеребец вырвался из рук князя. Табуны скачут за жеребцом. Если он вернется в море, то нам туго придется. Ударь меня кнутом с такой силой, будто ударили семеро вампалов, напряги свое тело так, будто напряглись пятнадцать всадников.

Нанес Жатик коню плеткой удар с такой силой, будто ударили семеро вампалов, напряг свое тело, словно напряглись пятнадцать всадников, пустил коня вслед жеребцу вампала, подобному барсу. Но не успел его догнать, и жеребец вампала ушел в море.

Говорит конь Жатику:

— Окутай меня шестьюдесятью тремя лошадиными шкурами. Сейчас из моря выскочит вампал на жеребце. Ты станешь драться с ним, а я — с конем. В этом жеребце — сила вампала. Проиграет жеребец — проиграет и вампал. Жеребец будет срывать с меня куски лошадиных шкур, а я с него — куски мяса. Станет его конь опускаться на колени, и тогда вампал скажет: «Солнце мое, если я победитель!» Тогда ты не забудь и скажи: «Куда тебе, собаке, солнце?! Божье золотое солнце мое, если я одержу победу!» Тогда силы вампала иссякнут. В это время и сними ему голову: Если здесь оплошаешь, вампал победит нас, и я не смогу помочь тебе.

Жатик исполнил все советы коня и сказал другу:

— Мне здесь придется драться. Табуны коней и стада коров гони к дому падчаха, — и расстался с ним.

Поднялся ветер, загремел гром, засверкали молнии.

— Вампал вышел из моря, — сказал конь. — Поднявшийся ветер — его дыхание. Гром — скрежет его зубов. Молнии — искры от скрежета зубов. Не пугайся и смело вступай с ним в бой.

На ходу вампал стал кричать:

— Ах ты, жалкий ублюдок! Я думал тебе и пяти лет нет и поэтому был спокоен. Живым твой отец не давал мне покоя. Я оторвал ему голову, теперь и ты меня в покое не оставляешь? Ты лишишься головы, как и твой отец!

— Прошедшее и будущее одному богу известно. Спешивайся с коня, черный вампал. Я отцовской шашкой терсмайла* снесу твою голову. И без твоей головы не вернусь. Приготовь оружие и начинай бой, — сказал Жатик.

И начали они драться. Дрались они так, что пар, струившийся с них, превращался в тучи. Так же дрались и их кони. Жеребец вампала вырывал лошадиные шкуры, а конь Жатика вырывал куски мяса. Жеребец вампала устал и еле стоял на ногах. И принялся он просить коня Жатика:

— Мы рождены одной матерью, сжалься, не убивай меня.

— Мой наездник — достойный человек, а твой хозяин — черный вампал. Мой хозяин никогда не обижал меня, и я его в обиду не дам. Упади на передние ноги, будто от бессилия.

Жеребец вампала упал на передние ноги. Увидел это вампал и крикнул:

— Солнце мое, если я победитель!

— Куда тебе, собаке, солнце?! Божье золотое солнце мое, если я одержу победу! — крикнул Жатик и ударом шашки снес голову вампала.

Жатик положил голову вампала в талс и поехал на то место, где останавливался отдыхать его отец. Прилег он там в тени и не мог встать от тяжких ран. Неподалеку он пустил пастись своего коня.

В это время сын князя прибыл к падчаху. Выходит утром падчах и видит огромные табуны коней и скота.

— Кто пригнал эти табуны? — спросил он.

— Сын князя, — ответили ему.

И хотел выдать падчах свою дочь за сына князя, но дочь не согласилась:

— Я не согласна выйти за него замуж, так как он не привез отрезы геза-дяри.

Она попросила отложить свадьбу на неделю, а потом стала умолять отца:

— Запряги для меня трех лучших коней и разреши мне одной осмотреть наш край.

Хоть и не понравилось это падчаху, но все-таки он отпустил дочь. А она направилась в далекие степи. Прискакала к чуть живому Жатику. Вырвала из его ножен шашку, острие направила в свою грудь, а рукоять приложила к груди Жатика и решила: «Если он умрет, то и я покончу с собой».

Увидев все это, говорят, ангел полетел к богу и обо всем ему рассказал. Бог дал ангелу яблоко и сказал:

— Брось им это яблоко! Оно исцелит их.

Бросил ангел яблоко.

— Вот чудо! Откуда же это яблоко? А вдруг оно целебное? — подумала девушка и взяла его.

Очистила яблоко и из одной дольки выжала каплю сока надо ртом Жатика. Зашевелился Жатик. А когда она выжала еще каплю, он открыл глаза и произнес:

— Как ты очутилась здесь?

Дочь падчаха поведала ему обо всем и сказала, что не хочет выходить замуж за сына князя. Тогда Жатик сказал девушке:

— Теперь я чувствую себя лучше. Возвращайся домой. Заживут раны, и я сразу же приеду следом за тобой.

— Я дарю тебе вот это кольцо, оно известит меня о твоем возвращении. Доешь это яблоко, — сказала дочь падчаха и вернулась домой.

Съел Жатик все яблоко и окончательно выздоровел. Сел он на своего коня, положил голову вампала в талс и вернулся домой. В этот день во дворе падчаха играли свадьбу. Дочь падчаха выходила замуж за сына князя. А мать Жатика плакала, думая, что ее сын погиб. В это время вернулся Жатик. Увидела мать сына и говорит:

— Если ты везешь голову вампала, пусть молоко моей груди будет тебе впрок. Если же ты не отомстил за кровь отца, пусть молоко моей груди будет тебе ядом[2].

Вытащил Жатик из талса голову вампала и бросил к ногам матери. И мать Жатика так легко пустилась в пляс, что не оставляла следов на поверхности золы[3]. Жатик спросил у матери:

— Что за веселье во дворе падчаха? Там было так много людей.

— Дочь падчаха выходит замуж за сына князя, — сказала мать.

Вскочил Жатик на коня и отправился к роднику. Туда же пришла по воду служанка дочери падчаха.

— Ты почему пришла по воду так далеко? — спросил ее Жатик.

— Сегодня дочь падчаха выходит замуж. Она пожелала выпить воды из этого родника, — сказала девушка-служанка.

— Дай и мне напиться из этого кувшина! — попросил Жатик.

Девушка подала ему кувшин. Незаметно для девушки Жатик опустил в кувшин кольцо, и девушка, набрав в кувшин воды, ушла. Передала она кувшин дочери падчаха, и та увидела в нем свое кольцо.

— Не встретила ли ты кого-нибудь у родника? — спросила она.

— Там был один молодой человек, — ответила служанка.

— Иди и позови его ко мне, — приказала дочь падчаха.

Служанка привела Жатика, и он сказал:

— Если слово, которое ты мне дала, твердо, ты должна уехать со мной.

Дочь падчаха согласилась. Жатик посадил ее на круп коня и выехал со двора. Сын князя бросился в погоню за ним. Ударом шашки Жатик снес ему голову и увез свою невесту.

— Такого позора я так не оставлю, — сказал падчах.

Тогда Жатик показал ему отрезы геза-дяри и весь урду.

— Почему ты нарушил свое слово? — спросил Жатик у падчаха.

— Сын князя мне сказал, что ты убит черным вампалом, а я знал, что никто другой не сможет убить черного вампала и принести геза-дяри. Поэтому я нарушил слово. Если ты простишь меня, я отдам тебе полцарства.

Сыграли они богатую свадьбу, ели-пили целую неделю и разошлись. Жатик со своей женой и матерью и сейчас хорошо живут.

13. СЫН НАРТА

Сказка, сказка, пастушья сказка! У доносчика пусть язык отсохнет, у сплетника пусть душа оборвется! Плохой хозяин дома пусть умрет! Плохая жена пусть умрет! Если жена хорошая, пусть она, радостная, возвращается к родственникам мужа и чтит своих родителей.

Жила-была княжеская дочь. Один князь надумал на ней жениться. Пришел он к ней и говорит, чтобы она вышла за него замуж.

— Я решила выйти замуж за мужественного и храброго человека, — ответила девушка.

— Мужчина, о котором ты говоришь, — я. Что нужно сделать, чтобы доказать свое мужество и храбрость?

Чтобы вам пожелать всего лучшего[1], недалеко от этой девушки жила старушка-мать с сыном. Отец мальчика был всем известный нарт. Однажды он отправился пригнать табун коней. В бою семиголовый вампал нанес ему тяжелые раны, и отец возвратился домой. Во дворе он вырыл девять ям, поставил в каждой яме по двери, а за ними укрыл своего турпал-коня*. А жене сказал:

— Ничего не рассказывай обо мне и о моем турпал-коне нашему мальчику, пока ему не исполнится пятнадцать лет. — После этого он умер.

Княжеская дочь решила, что и сын должен быть таким же, как отец, и сказала сватавшемуся к ней князю:

— Твое мужество и храбрость я узна́ю, если ты продашь этого юношу и вырученные деньги привезешь мне.

— Хорошо, — согласился князь и отправился к юноше.

— Пойдешь ли ты, юноша, со мной за море? Если пойдешь, узнаешь имя убийцы твоего отца и отомстишь за него.

«Я же молод, какая от меня польза князю?» — подумал юноша, но, чтобы князь не заподозрил его в трусости, сказал:

— Князь, спасибо тебе, что предлагаешь мне пойти с тобой, но у меня нет коня для поездки.

— Это не беда, зайди ко мне и выбери себе из моего табуна лучшего скакуна, — сказал князь.

На второй день юноша пришел к князю. Сел на одного коня — у того спина сломалась, сел на второго — спина тоже переломилась, сел на третьего и четвертого — то же самое.

— Нет, из этого ничего не получится. Лучше я пойду домой и спрошу у матери, кто убийца моего отца и где его конь. Если я не найду коня, то пойду с тобой пешком.

В то время юноше было двенадцать лет.

— Кто убийца моего отца и где его конь? — не давал покоя сын матери.

Мать не отвечала, так как боялась, что сына ее могут легко убить.

«Надо действовать хитростью», — решил юноша и попросил мать:

— Нани, поджарь ячмень.

Мать быстро поджарила ячмень и поставила перед ним.

— Нани, я возьму его только из твоих рук, — сказал он.

— Живи долго, мой сыночек, — сказала она и подала на ладони горячий ячмень.

Сын сжал руку матери, в которой был ячмень так, что она вскрикнула:

— Отпусти мою руку, жжет!

— Кто убийца отца и где его конь?

— Твоего отца убил семиголовый вампал, сидящий в море. Если ты вскопаешь во дворе землю, то увидишь девять ям с девятью дверями; если взломаешь все двери, увидишь коня. Если ударом мизинца осадишь коня — значит, можешь ездить на нем.

Сын отпустил руку матери, взял лопату и вскопал землю. Одну за другой взломал он восемь дверей, а девятая сама открылась. Мизинцем юноша ударил коня, и тот осел на задние ноги. Тут же юноша оседлал коня, надел уздечку и сел на него. Конь почувствовал, что наездник — турпал, и во всем ему повиновался. Очистил юноша коня от навоза, взял со стены шашку, лук и другое снаряжение и выехал во двор. Оторвал от конского хвоста три волоска и передал их матери.

— Нани, что в первую очередь делал отец, когда садился на коня?

— Перескакивал на нем через ворота.

Разогнал юноша коня и перескочил через ворота.

— Нани, я отомщу за отца и вернусь обратно. Если же со мной что-нибудь случится, то возвратится конь, которого ты узнаешь по трем волоскам. С добром тебе оставаться, нани!

Хорошо вооруженные, они с князем отправились к морю за добычей.

По дороге им повстречалось стадо коров.

— Давай угоним этих коров, — сказал князь.

— Нет, хозяева этих коров вместо воды давали моему отцу молоко. Не будем делать плохого хорошим людям!

Далее повстречали они табун коней.

— Давай, угоним этот табун, — предложил князь.

— Нет. В нужную минуту хозяева табуна давали моему отцу лучшего скакуна. Лучше продолжим путь.

Затем им повстречались отары овец.

— Давай угоним эти отары, — снова предложил князь.

— Нет. И отары мы не тронем. Хозяева отар для уставшего отца резали барана и гостеприимно принимали его. Лучше совершим задуманное.

Наконец они доехали до синего моря.

— Что же мы будем делать теперь? — спросил князь.

— Ты оставайся с моим конем у моря. А я пойду на дно морское сражаться с убийцей отца. В четверг взглянешь на море. Я буду сражаться с морскими вампалами, море разыграется и будет все в крови и пене, польет сильный дождь. От скрежета

зубов вампала засверкают молнии. Тогда отпустишь моего коня, и он придет мне на помощь.

— Хорошо, иди спокойно, — сказал лукавый князь.

Опустился юноша в море. В четверг взглянул князь на море — оно бурлило все в крови и пене. Лил дождь и сверкали молнии.

«После такого светопреставления не вернуться юноше, а пойти лишь туда, куда пошел его отец», — подумал злобный князь.

Забрал князь турпал-коня, думая, что юноша погиб, и отправился домой.

А было все вот как.

На дне морском юноша подошел к башням вампалов и крикнул:

— Я пришел мстить за кровь отца, выходите, собаки! Вы думали, что убийство моего отца пройдет вам даром!

Вышел одноголовый вампал. Одним ударом юноша снес ему голову. Вышел двухголовый вампал, и обе его головы слетели. Такая же участь постигла трехголового, четырехголового, пятиголового вампалов. Затем вышел шестиголовый вампал. Юноша снес ему шесть голов. От его грязной крови все море почернело. Выбежал тогда семиголовый вампал величиной с гору — три дня и три ночи бился с ним юноша. Удары шашки высекали от него только искры, а тело его было твердым как камень. От ударов семиголового вампала на теле юноши оставались раны. Вышли они из моря, и юноша понял, что не одолеть ему шашкой семиголового вампала. Отбросил он шашку и взмолился:

— Ва*, заходящее золотое солнце, помоги мне![2] — И, схватив семиголового вампала за пояс, бросил его наземь. Он вынул из его кармана нож и брусок.

Отрежет голову — и поточит нож о брусок. Отрежет — и поточит. Так он отрезал все семь голов. Из вен вампала текла не кровь, а выползали змеи, тараканы и всякая мразь. С тех пор на свете существуют насекомые и разная нечисть[3].

Много ран осталось на теле юноши. С трудом добрался он до пастухов, стерегущих овец, и с их помощью встал на ноги. Потом остановился у хозяев коней, которые дали ему лучшего скакуна, а затем — у пастухов коров. Они утолили его жажду молоком.

Живым и здоровым возвратился он домой и увидел, что двор его зарос бурьяном. В доме никого не было, а из курятника доносился голос:

— Да умри твоя мать, куда делся мой сын?! Разве он вырос до того, чтобы вершить геройские дела? Не успел он и подрасти, как ему пришлось покинуть белый свет и оставить меня, старуху. Куда же он делся?

Юноша зашел в курятник, увидел мать в лохмотьях, ослепшую от пролитых слез.

— Не плачь, папа! Это я, твой сын, живой и здоровый стою перед тобой.

— Не береди сердце матери, оставшейся без сына. Моего сына убил черный вампал.

— Я жив, папа. Если не веришь, дотронься до талисмана, который ты дала мне в детстве.

Дотронулась мать до талисмана и поняла, что сын ее жив. Он вывел мать из курятника, переодел ее и рассказал о том, как отомстил убийце отца. Услышав это, его мать прозрела и на кончиках пальцев пустилась в пляс[4].

В это время возвратился князь и сказал девушке:

— Я продал юношу, и за него мне дали вот этого турпал-коня. Ты должна теперь выйти за меня замуж.

Три дня девушка ждала возвращения юноши. И наконец дала согласие князю.

Хотя юноше исполнилось всего четырнадцать лет, выглядел он тридцатилетним. Так повзрослел он за это время. Пошел юноша во двор девушки на веселье. Грустная сидела она у окна и вдруг заметила его. Она быстро подошла к нему и спросила:

— Разве ты не продан?

— Что это за враки! Я не дам себя так легко продать или купить. Откуда эти слухи?

— Мне рассказал об этом князь.

Юноша тут же сказал князю:

— Ты мой враг. Ты бросил товарища и увел его коня. Хвастался, что продал меня и хотел меня опозорить. Ты не князь, а жалкая вошь!

И сказал чванливый князь:

— Что ты можешь мне сделать, жалкая шубенка, объеденная молью?

— Я вот что сделаю, — сказал юноша, вырвал у него горло и бросил собакам.

— Я своих собак не считаю такими плохими, чтобы они могли сожрать горло столь грязного человека, — сказала девушка и бросила его горло в мусорную яму.

Вокруг стояли удивленные люди.

— Продолжайте свадьбу, — сказала девушка, — я выхожу за этого юношу-турпала.

Они поженились и стали жить счастливо.

14. КНЯЗЬ ТЕПСЫРКО И ВДОВИЙ СЫН ЖОСАРКО

Давным-давно, в далекие времена, — чтобы хорошим вас успокоить, чтобы княжеский сын из колыбели не встал, а волчий

щенок из норы не вылез![1] — два молодых человека — князь Тепсырко и вдовий сын Жосарко — ухаживали, говорят, за одной девушкой.

— Если ты продашь вдовьего сына Жосарко и в подарок принесешь мне дорогие платья, я выйду за тебя замуж, — сказала девушка князю Тепсырко.

Князь Тепсырко расхвастался перед девушкой и пришел к сыну вдовы Жосарко.

— Сын вдовы Жосарко, пойдем в набег и пригоним табуны коней, — сказал он.

— Я не пойду с тобой, князь Тепсырко, — ответил сын вдовы Жосарко. — У меня нет ни одежды, ни коня, ни оружия, чтобы пойти с тобой в набег.

— Я дам тебе коня, одежду и оружие, — приставал князь Тепсырко.

Дал он Жосарко коня, оружие, одежду, но, как только они выехали из села, у коня, на котором ехал Жосарко, сломалась спина, и он тут же упал и сдох.

— Так-так, — сказал сын вдовы Жосарко. — Если нам нужно поехать, то все, что мне потребуется для этого, я найду себе сам.

Вернулись они обратно. Жосарко надел ту одежду, которую надевал его отец, взял оружие, которое носил отец, оседлал коня, на котором ездил отец, и приготовился в путь.

Долго-долго ехали они с князем и наконец очутились у берега моря.

— Князь Тепсырко, войдешь ли ты в море или останешься на берегу? — спросил сын вдовы Жосарко своего спутника.

— Я останусь на берегу, в море не пойду, — ответил князь Тепсырко.

— Жди меня на берегу, пока я не вернусь, — сказал сын вдовы Жосарко. — Если я должен умереть, то на поверхности моря появится пена краснее красной меди. Тогда опасайся беды, которая может постигнуть и тебя. Если же останусь жив, то на поверхности моря появится пена белее белого снега. Тогда жди моего возвращения.

После этого разговора сын вдовы Жосарко бросился в волны моря. В конце второй недели на поверхности моря появилась пена краснее красной меди. Князь Тепсырко так испугался, что не мог бежать и не знал, что делать. Еще через три дня на поверхности моря появилась пена белее белого снега.

Увидев белую пену, князь Тепсырко не находил себе места от радости. Через некоторое время из моря вышел табун коней, погоняемый Жосарко. Погнали они свою добычу — табун коней к дому. В этом табуне было три жеребца, подобных барсу: крас-

ной масти, словно медь; черной масти, словно уголь; белой масти, словно снег.

Не одолели всадники с табуном и части пути, как к сыну вдовы подскакал красный, барсу подобный жеребец. Ударом кнутовища по лбу Жосарко отпугнул его, и жеребец бросился в сторону князя Тепсырко, перепрыгнул через него и скрылся в море. Испуганный князь стал оглядываться назад и сказал сыну вдовы Жосарко:

— Что это за мгла, которая с такой скоростью надвигается на нас?

— Это за нами гонится хозяин коней. Об угоне табуна ему сказал жеребец красной масти. Будешь ли ты гнать табун или останешься и дашь бой? — спросил у Тепсырко вдовий сын Жосарко.

— Я погоню табун коней, — сказал князь Тепсырко.

И сын вдовы Жосарко остался, чтобы отразить погоню. В это время к нему подскакал хозяин коней — черный великан.

— Так-так, сын вдовы Жосарко, — сказал он. — До сих пор нам не давал покоя твой отец, а теперь — ты. Начинай бой!

— Эй, черный великан! Зол на нас ты, покой потерял ты, угнанный табун коней — твой, так ты и начинай бой!

Черный великан натянул тетиву лука и пустил в сына вдовы стрелу. Пока стрела летела, Жосарко подпрыгнул в седле три раза на пятнадцать локтей[2], пропустил стрелу между собой и конем и опять очутился в седле.

Выстрелил он в черного великана и попал ему прямо в сердце, и тот замертво свалился с коня. Отрубил Жосарко голову великану, снял с него дорогие одежды, положил их в талсы и догнал князя Тепсырко.

Не одолели всадники с табуном и части пути, как в сторону Жосарко поскакал черный, как уголь, жеребец, подобный барсу. Ударил его Жосарко кнутовищем по лбу и отпугнул. Тогда черный жеребец кинулся в сторону князя Тепсырко, перепрыгнул через него и скрылся в море.

Спустя некоторое время в погоню за князем Тепсырко и сыном вдовы Жосарко бросился второй брат великана.

— Что это за буря приближается к нам? — спросил князь Тепсырко.

— Это хозяин табуна пустился за нами в погоню. Князь Тепсырко, погонишь ли ты табун коней или останешься отбивать погоню? — спросил сын вдовы Жосарко.

— Я погоню табун коней, — сказал Тепсырко.

И сын вдовы Жосарко стал ждать погони.

Приблизился к нему второй брат великана.

— Так-так, сын вдовы Жосарко! До сих пор твой отец не давал нам покоя, а теперь — ты. Начинай бой!

— Эй, черный великан! Зол на нас ты, покой потерял ты, угнанный табун коней — твой, ты и начинай бой! — крикнул Жосарко.

Пустил черный великан стрелу в Жосарко. Пока стрела летела, сын вдовы подпрыгнул в седле три раза на пятнадцать локтей, пропустил стрелу между собой и конем и опять очутился в седле.

Пустил сын вдовы Жосарко в черного великана стрелу, и тот свалился с коня. Жосарко отрубил ему голову, снял с него дорогие одежды, положил их в талсы и догнал князя Тепсырко.

Не одолели всадники с табуном и части пути, как в сторону Жосарко понесся белый как снег жеребец, подобный барсу. Ударил его Жосарко кнутовищем по лбу, и тот, испуганный, бросился в сторону князя Тепсырко, перепрыгнул через него и скрылся в море.

На этом белом коне в погоню за ними бросился самый старший из братьев великанов. Он сжигал по пути холмы и верхушки деревьев — столь разгневан он был на сына вдовы Жосарко и князя Тепсырко. Князь в испуге спросил:

— Что это за погоня, что это за огненный смерч мчится на нас?

— Это мчится за нами хозяин табуна коней, — ответил сын вдовы Жосарко. — Князь Тепсырко, ты погонишь табун коней или остановишься и дашь бой?

— Я погоню табун коней, — сказал князь Тепсырко.

И сын вдовы Жосарко стал дожидаться черного великана.

Приблизился тот и говорит:

— Так-так, вдовий сын Жосарко! До сих пор нам не давал покоя твой отец, а теперь — ты. Начинай бой!

— Зол на нас ты, покой потерял ты, табун коней — твой, убитые два брата — твои. Ты и начинай бой, черный великан!

Пустил черный великан стрелу в Жосарко. Подпрыгнул он в седле три раза на пятнадцать локтей и опять очутился в седле. В эту секунду стрела, пущенная черным великаном, пронзила Жосарко. Пустил стрелу Жосарко, и раненный насмерть черный великан свалился с коня. Тогда стал Жосарко звать своего друга:

— Князь Тепсырко, снеси с этого черного великана голову и сними с него одежды.

— Я не осмелюсь отрубить ему голову и снять с него одежды, — сказал испуганный князь Тепсырко.

— Отруби ему голову, ничего с тобой не станет, он же мертв, нужно отрубить ему голову! Если я спешусь, обратно мне на коня не взобраться. Видно, насмерть меня пронзила стрела, — сказал сын вдовы Жосарко.

Князь Тепсырко не стал отрубать голову убитого великана и снимать богатые одежды.

Спешился Жосарко с коня, отрубил голову черному великану, снял с него дорогие одежды, уложил их в талс и хотел взобраться на коня, но не смог.

— Князь Тепсырко, — сказал он своему трусливому и коварному спутнику. — Скажешь, что, продав меня, ты приобрел эти дорогие одежды и табуны коней. Все это передай девушке, которую мы оба любим, а эти отрубленные головы отдай моей матери и скажи, что я не вернусь...

Князь Тепсырко оставил сына вдовы Жосарко, а сам вернулся домой и стал хвастаться, что продал сына вдовы Жосарко и за него выручил дорогие одежды и табуны коней. Все это богатство привез князь Тепсырко во двор девушки, а головы трех великанов отдал вдове.

— Смерть сына ничего не значит. Все-таки он отомстил за отца и себя, — приговаривала мать, катала головы трех великанов и этим забавлялась [3].

Но девушка догадывалась, что князь Тепсырко не в силах был бы продать сына вдовы Жосарко. Она собралась в путь-дорогу и поехала по свету искать Жосарко. Где-то далеко-далеко она наткнулась на мертвого сына вдовы Жосарко. Возле него стоял конь, который ослеп от долгого плача над своим хозяином.

Села она возле мертвого сына вдовы Жосарко и так много пролила слез, что тоже ослепла.

В это время неизвестно откуда в подол ее платья упали два белых пятака. Она подумала, что они упали с ее шеи, взяла их в руки и стала тереть глаза кулаками, в которых были зажаты пятаки. Глаза девушки опять стали зрячими. Она подошла к покойному сыну вдовы Жосарко и провела этими пятаками по его глазам.

— Как долго я спал, — сказал Жосарко и вскочил.

Потерли они пятаками глаза коня, и конь стал зрячим.

Сын вдовы Жосарко возвратился с девушкой домой, женился на ней, стали они жить-поживать и были счастливы.

15. ТИМАР

Постарел один человек, согнулась у него спина и пропало зрение.

На поиски лекарств для отца отправился его старший сын. Долго ли, коротко ли шел, дошел он до одного края, где снег был красным. «Вот чудо! Такого никогда не видел», — подумал он.

Возвратился старший сын с красным снегом домой, надеясь вылечить им отца.

Отец спрашивает его:

— Привез ли ты лекарство?

— Дада *, я привез тебе никем не виданный красный снег, — ответил старший сын.

Отец остался им недоволен.

Отправился за лекарством второй сын. Долго ли, коротко ли шел, но миновал он места, где выпадал красный снег, и оказался в краю, где растет белая трава. С белой травой возвратился средний сын домой, думая, что никем не виданной белой травой он вылечит отца.

Отец спрашивает его:

— Что ты привез для моего излечения?

Сын ответил, что привез никем не виданную белую траву.

Отец и им остался недоволен.

Тогда стал собираться в дорогу младший сын. Собирался он три дня и три ночи. Отец сказал, что, отправляясь в путь-дорогу, он должен перепрыгнуть на коне через каменную ограду.

Младший сын разогнал коня и трижды перескочил через каменную ограду. Отец пожелал ему благополучного пути и наказал ничего в дороге не подбирать, иначе его постигнет беда.

Наступил день, и день прошел, а за ночь младший сын миновал места, где выпадал красный снег и росла белая трава. Скачет он на белом коне и видит на дороге золотое перо. Остановил он коня и поднял золотое перо. Конь говорит ему:

— Ты нарушил наказ отца. Он же просил тебя ничего не подбирать.

Но сын взял перо и, спрятав его, поскакал дальше.

Долго ли, коротко ли ехал он, видит на дороге золотой клубок ниток.

Приостановил он коня и подобрал золотой клубок. А конь ему опять говорит:

— Ты снова нарушил наказ отца. Он же говорил тебе в дороге ничего не поднимать. Этот золотой клубок ниток принесет тебе беду.

Но младший сын взял клубок.

На закате солнца доехал он до одного шахара и встретил пастуха коров. Младший сын спрашивает его:

— Кто в этом шахаре считается достойным мужчиной и принимает гостей?

Пастух указал на высокие башни, в которых жил князь, почитаемый людьми и принимавший гостей. Сын направился к нему. После расспросов гость стал на вечернюю молитву. Когда он совершал намаз * и нагнулся, из-за пазухи у него выпало золотое перо. Князь схватил перо и сказал, что, если юноша не достанет ему птицу, которой принадлежит это перо, он умрет. Юноша ответил, что ему надо посоветоваться с конем, иначе он ничего не может ответить. Сын рассказал коню о просьбе князя.

— Поедем посмотрим, — говорит конь. — Пусть князь приго-

товит нам в дорогу легкую вкусную пищу, сахь * проса и курдюк караки.

Князь приготовил им все необходимое, и на второй день младший сын отправился в дорогу.

Долго ли, коротко ли ехал, прибыл он в далекий край. Конь остановился высоко в горах и сказал младшему сыну:

— Если окинешь вселенную взглядом, то увидишь вдали громадину, упирающуюся в небеса. Видишь ли наверху нечто подобное папахе?

— Вижу, — ответил младший сын.

— Это птица, о которой говорил князь. Я постараюсь незаметно привести ее сюда, а ты настрой себя на игру с ней. Она спросит тебя: «Из какого ты аула?», а ты отвечай: «Я из аула, где живет Тимар». Она спросит тебя: «Как себя чувствует Тимар?», а ты отвечай: «У Тимара согнулась спина и пропало зрение». Если птица спросит о коне Тимара, ответь, что если хозяин одряхлел, то конь, пропади он пропадом, не стареет и в чаще лесной пасется. Больше ей спрашивать будет неудобно. Она спустится с высоких гор и станет купаться в речке — чистить свое оперение. Тогда ты вылей из курдюка в речку караку, а просо разбросай вокруг себя.

Все исполнил младший сын.

Птица выкупалась в реке, опьянела и подошла ближе к нему поклевать зерно. Юноша бросился и поймал ее. Она трепещет в его руках, но он не отпускает ее.

Птица спрашивает его:

— Это ты, Тимар?

Юноша ответил, что он — третий сын Тимара.

— Вечерний намаз мне надо совершить, оперение почистить, отпусти меня, — стала просить птица.

И юноша отпустил ее. Почистила птица оперение и села ему на плечо.

Так, с птицей на плече, на закате солнца прибыл младший сын Тимара в аул, в котором жил князь.

Стал младший сын совершать намаз, а из-за пазухи у него выпал золотой клубок ниток. Князь схватил этот клубок и сказал:

— Умру, если не привезут девушку, которая смотала этот клубок.

Юноша все рассказал коню. Конь сказал ему, чтобы князь приготовил им в дорогу вкусную легкую пищу.

На второй день юноша на своем коне отправился на поиски девушки.

Долго ли, коротко ли он ехал и прибыл в далекий край.

Говорит конь младшему сыну Тимара:

— Видишь ли высокие горы, а на них башню без входа и выхода? На верху башни сидит девушка, которая смотала клубок золотых ниток. Клубок неведомым образом начнет разматываться, а ты следуй за ним. Она спросит тебя: «Как себя чувствует Тимар?», а ты отвечай: «У Тимара согнулась спина и пропало зрение». Если девушка спросит о коне Тимара, ответь, что если хозяин постарел, то конь, пропади он пропадом, не стареет и в чаще лесной пасется. Для нее это будет радостной вестью. Девушка скажет: «Я боялась спуститься с башни из-за Тимара и поэтому состарилась здесь». Еще она скажет: «Я сыграла бы на гармошке на нижнем балкончике, если бы ты, гарцуя, сделал несколько кругов на коне». Ты ответь: «Хоть я и спешу, но, чтобы успокоить твое сердце, прогарцую». Сделай три круга, а на четвертом я передними копытами коснусь балкончика (если я не коснусь — пусть мои передние ноги оторвутся), а ты хватай ее.

И сын Тимара отправился к девушке. Та спросила его:

— Откуда ты родом?

Он ответил:

— Я из аула, в котором проживает Тимар.

На вопрос девушки о состоянии Тимара юноша ответил:

— Тимар тяжело болен: у него согнулась спина и пропало зрение.

— А как его конь? — спросила девушка.

— Хозяин постарел, а конь, пропади он пропадом, не стареет и в чаще лесной пасется.

Девушка обрадовалась этой вести.

Она сыграла на гармошке на нижнем балкончике и попросила младшего сына, чтобы он сделал на коне пару кругов вокруг башни.

Три круга прогарцевал юноша, а на четвертом конь коснулся передними копытами балкончика. Младший сын схватил девушку. Она начала биться в его руках, но юноша держал ее крепко.

— Ты, Тимар? — спросила девушка.

— Я не Тимар, а его третий сын, — ответил юноша.

— Я дала клятву быть женой только того, кто снимет меня с этого балкончика, — сказала девушка.

Схватил юноша эту девушку и привез к князю.

Князь пришел к девушке, и она сказала ему:

— Если ты не искупаешься в молоке морской кобылицы, то не имеешь права дотронуться до меня.

Князь призвал всех ему подвластных и потребовал достать молоко морской кобылицы. Люди не могли достать это молоко и сказали князю, что тот, кто привез птицу и девушку, может достать и молоко морской кобылицы.

Князь попросил младшего сына Тимара достать ему это молоко. Младший сын ответил, что посоветуется с конем.

— Вот чего я с самого начала боялся, — сказал конь. — Пусть князь прирежет трех коней. Из их шкур приготовит куски сафьяна и даст меру клея.

Долго ли, коротко ли они ехали и прибыли на берег моря. Конь

попросил вырыть две ямы, где им обоим можно было бы спрятаться. Младший сын смазал клеем три куска сафьяна и обмотал ими коня. Затем конь ударил копытами по воде, заржал и спрятался в яму.

Выскочил из моря жеребец, заржал, стал носиться по берегу и опять опустился в море.

Конь спросил юношу:

— Каков он был, когда выскочил из моря, и каким он стал, когда опускался в море?

— Когда он выскочил из моря, на нем был аркан с тремя узлами, а когда опускался в море, один узел развязался.

Второй раз ударил конь копытами по воде, заржал и спрятался в яме. Как и прежде, выскочил из моря жеребец; поносился по берегу и, ничего не обнаружив, вновь опустился в море. Конь спросил юношу:

— Каким был жеребец, когда вышел из моря, и каким стал, когда опускался в море?

Юноша ответил:

— Когда он выскочил из моря, два узла развязались, а когда опускался в море, остался один узел.

В третий раз ударил конь копытами по воде и спрятался в яму. Выскочил из моря жеребец; поносился по берегу и без единого узла на аркане опустился в море.

Конь копытами взбурлил море и стал на открытом месте. Выскочил из моря жеребец и начал драться с конем юноши.

Морской жеребец срывал с коня куски сафьяна, а конь срывал с морского жеребца куски мяса. Подмял конь морского жеребца.

— Я владыка этой большой земли и этого моря. Я сделаю все, что ты прикажешь, — взмолился морской жеребец.

— Выгони всех кобылиц и жеребят из моря, иначе я расплескаю его! — сказал конь.

Жеребец выгнал всех кобылиц, младший сын Тимара оседлал своего коня и прибыл с кобылицами к князю. Вскипятили они в большом котле молоко кобылиц. Князь сказал, что сначала в этом котле должен искупаться младший сын Тимара, а он выкупается лишь после него. Младший сын ответил, что должен посоветоваться с конем.

Конь юноши ответил так:

— Скажи князю: «Если возле котла поставите моего коня, то я искупаюсь».

Юноша так и сказал князю.

Князь приказал поставить коня рядом с кипящим котлом молока. Юноша опустился в котел, а конь одним дуновением охладил молоко в котле. Увидев это, князь приказал, чтобы рядом с котлом, когда купаться будет он, поставили коня юноши. Конь жарким дуновением убил князя.

Младший сын Тимара собрался ехать домой. Он взял девушку, золотая птица уселась на его плечо, а жеребец погонял кобылиц. В дороге младший сын стал худеть. Девушка спрашивает:

— У тебя золотая птица, какой не видел ни один человек, табун морских коней, да и я в придачу. Почему ты худеешь?

— Я отправился из дому искать лекарство отцу от его недугов. Я не нашел и потому худею.

Золотая птица, сидевшая на его плече, сказала:

— Если ты вырвешь из моего правого крыла перо и потрешь им отца, он станет моложе тебя.

Прибыли они домой. Сын вырвал из правого крыла птицы перо и потер им отцу глаза и спину. Отец стал моложе сына. Оборачивается отец и видит птицу, которую не мог поймать, девушку, которой не мог добиться, и табун кобылиц, о котором мечтал. И сказал отец своему младшему сыну:

— Ты меня во всем превзошел: ты достиг того, чего я достичь был не в силах.

Сын выдал девушку за отца.

Семь дней и семь ночей играли свадьбу. Приготовили такую пищу, которая и зубов не касалась, приготовили такое вино, которым и губ не обмочить.

Я был там, дал им тума * и вернулся домой.

16. ОТЦОВСКОЕ НАСЛЕДСТВО

В селе с двенадцатитысячным населением жил когда-то человек по имени Нельбий Чуара [1], такой бедный, что чуть не умирал с голоду. Раз он сказал своей матери:

— Нет у меня коня, чтобы ездить, нет одежды, чтобы как следует одеваться, нет оружия, чтобы опоясаться. Видно, мой отец был бедным. Едва ли я выйду из бедности!

Мать сказала:

— Отец твой не был беден. После его смерти остался конь; он пятнадцать лет стоит в темной конюшне и кормится только кремнем и железом. Он очень зол и страшен. Если у тебя есть смелость осадить его, то он твой. Осталась также броня. Она тяжела, пятнадцать молодцев только могут сдвинуть ее с места, она твоя, если сможешь носить. Осталась также шашка, если сможешь владеть ею.

Нельбий Чуара оседлал отцовского коня, легко поднял и надел броню, опоясался оружием и, перепрыгнув на коне через три ограды, выехал бродить по белому свету. Долго ли он ехал, коротко ли, наконец наткнулся на семерых братьев нарт-орстхойцев, спавших на дороге крепким сном. При его приближении кони нартов сказали коню Нельбий Чуары:

— Куда путь держишь, бороздя, как плугом, дорогу и, как крот, поднимая землю? Если бы мы не боялись разбудить своих хозяев, то этот день был бы для тебя последним.

— Если бы я не спешил в далекий неведомый край, то я, как росу с травы, стер бы вас с лица земли, — сказал конь Чуары и проехал мимо.

Долго ли, коротко ли ехал Нельбий Чуара, но доехал он до большого шахара. Подъезжая к шахару, он бросил поводья, предоставив коню завернуть во двор, где им обоим было бы хорошо. На другом краю шахара стоял особняком дом вдовы: в этот двор и завернул конь Чуары. Чуара, утомленный с дороги, рано лег спать. Поздно ночью он увидел, как блеснула молния, хотя небо кругом было ясное. На другой день Чуара рассказал вдове о ночном явлении. Вдова объяснила, что шахар этот озаряется светом молнии в тот момент, когда царская дочь во сне переворачивается с боку на бок.

Узнав от вдовы, что дочь падчаха очень красива, Чуара послал старушку к падчаху спросить, не выдаст ли он за него свою дочь. Вдова передала желание Чуары падчаху: последний на это сказал, что он не вправе распоряжаться дочерью, так как едет со ста двадцатью всадниками сын другого падчаха, чтобы увезти ее силой.

Узнав это, Нельбий Чуара сел на коня и поспешил навстречу сыну падчаха. Долго он ехал и наконец встретился с сыном падчаха. Говорит сын падчаха с пренебрежением:

— Что за создание едет нам навстречу?

Чуара с достоинством ответил:

— Ты видишь перед собой Нельбий Чуару, которому пролетающая птица бросает в виде дани перо, а пробегающий зверь — копыто. Такой я, скоро увидите!

Сказав это, он ударил плетью коня и бросился с обнаженной терсмайльской шашкой на тех, кто был вместе с сыном падчаха. Конь давит тех, кто попадается ему под ноги. Кто попадается под руки, того убивает Нельбий Чуара.

Перебив всех, он вернулся обратно в тот шахар и опять послал вдову сказать падчаху, что с ним будет то же, что случилось с сыном падчаха, если он не выдаст за него свою дочь.

Падчах поспешил изъявить согласие. Нельбий Чуара с красавицей невестой в карете поехал к себе домой. Возвращаясь, он опять наткнулся на братьев нарт-орстхойцев. Они его обманули, уверив в своей дружбе. Нельбий Чуара подошел к ним без оружия. Этим воспользовались нарт-орстхойцы. Они сели в его карету и помчались с его невестой.

На своем коне, который случайно отвязался от экипажа, Чуара поскакал за ними. Вмиг он их догнал, но, догнав, не знал, что делать без оружия. Воспользовавшись удобным моментом, невеста

передала ему терсмайльскую шашку. Засверкала шашка, покатились на землю головы нартов.

Со своей невестой без новых приключений прибыл Нельбий Чуара домой, и они поженились. В первую ночь, когда они, обнявшись, мирно спали, жена Чуары неизвестно кем была похищена, хотя двери и окна были закрыты. Проснувшись, он не нашел возле себя своей жены. Тогда он стал плакать слезами, пока слезы не иссякли, плакать кровью, насколько хватило крови. Погоревав, он отправился на поиски жены.

Долго ли, коротко ли ехал, но заехал очень далеко и в стороне от дороги увидел пастуха, пасшего телят. Пастух этот то взбирался на курган смеясь, то спускался с него плача. Странное поведение пастуха привлекло внимание Чуары, и, подъехав к нему, он спросил в чем дело. Пастух ответил:

— Плачу я, опускаясь с кургана, потому, что жалею Нельбий Чуару, у которого в первую ночь украли молодую жену; смеюсь только потому, что мне по возвращении домой дадут хлеба и мяса.

— Кто похитил жену Чуары? Где живет ее похититель? — спросил Чуара у пастуха.

— Неге[2] из села, что неподалеку отсюда, — ответил пастух.

Затем Чуара сказал ему, кто он такой, и попросил совета, как освободить жену из когтей Неге. Пастух дал ему совет:

— В эту ночь похититель собирается впервые пойти к твоей жене. Надень мое платье, под платьем спрячь свою шашку. Вечером отправляйся с телятами в то село. Телята приведут тебя во двор Неге. Там дадут мяса и хлеба. Тогда попроси допустить тебя с этими дарами к невесте с поздравлениями, тебя допустят. Когда войдешь в комнату жены — она тебя узнает; спрячься с ее помощью за ширмы и жди похитителя. Когда он придет, сам знаешь, что с ним делать.

Нельбий Чуара в точности все исполнил. Совет пастуха сбылся: он был допущен в комнату жены. Как только наступила ночь, Неге не замедлил появиться. Войдя в комнату, он стал хвастаться:

— Я краду детей из рук матерей так ловко, что они и не замечают этого, краду молодых жен, хотя мужья спят с ними обнявшись.

Она сказала ему:

— Хоть ты и ловко крадешь детей и жен, но шашкой никто не владеет так, как Нельбий Чуара.

Слова эти рассердили злого Неге, и он ударил ее ногайкой. В этот момент выскочил из-за ширмы Нельбий Чуара и одним ударом отрубил голову Неге. Затем, забрав имущество своего врага, дав добрую часть пастуху, Нельбий Чуара вернулся с молодой женой к себе домой.

17. МЕРИЙ-ТОТАЛ

У одного старика был сын. Люди считали его сумасшедшим. Отправил его пасти овец, а он их всех перережет и возвращается домой. Нарежет он людям, и говорят они отцу:

— Или усмирей своего сына, или выгони.

«Прокляну я его или отдам кому-нибудь даром и освобожусь от него!» — решил отец.

Он запряг в арбу лошадь и отправился в путь-дорогу.

Едет он по лесу, и встречают его семь братьев:

— Кто дал тебе право ездить по нашей земле? Даже птицы в небе боятся пролетать над нашей землей.

Рассказал им старик о своем горе.

— Где нам сыскать такого брата? Он будет нашим восьмым братом, — сказали братья и заплатили старику много золота и серебра.

Приехали они домой и говорят своему новоявленному брату:

— Сейчас мы отправляемся на охоту. Возьми ключи. Можешь открыть ими шесть дверей и осмотреть наше хозяйство. Не открывай только седьмой двери.

Открыл сын старика шесть дверей и решил открыть седьмую. Открыл — из седьмой двери выскочила какая-то тьма. Он схватил ее, а тьма вырвалась, и в руках у него осталось кольцо.

Приходят братья с охоты. Сын старика рассказал им, как убежала тьма и как у него оказалось кольцо. Они остались довольны поступком старика и сказали:

— Наши старики умирали, но боялись открыть эту дверь, а у тебя хватило смелости открыть ее.

Задумали братья продать это кольцо. Когда они продавали его, к ним подошел человек и сказал:

— Откуда вы взяли кольцо? Оно же мое. Верните мне его.

— Ты говоришь, что кольцо твое? Тогда обратимся в кхел *, узнаем судебное решение, — сказали братья.

— Если вы принесете такое же кольцо, то вы правы. Я даю вам шесть недель сроку. Если до конца этого срока вы принесете мне такое же кольцо, то отрубите мне голову. Если не принесете, я вам восьмерым отрублю головы, — сказал судья.

Старший из семерых говорит младшему:

— Мы пойдем на поиски кольца, а ты останешься присматривать за домом.

Сын старика не согласился:

— Вы останетесь дома, а я отправлюсь на поиски кольца.

Старшие братья согласились.

Шел он, шел и увидел море, по берегам которого были две страны. Жители одной гуляли и веселились, а другой — плакали и умирали. Спрашивает у них сын старика:

— Жители той страны гуляют и веселятся, а вы плачете. Почему? Что произошло?

— У жителей той страны есть зерно, а у нас ткани. Мы возили ткани в ту страну и обменивали их на зерно, и все были довольны. Теперь же, когда мы из той страны везем по морю зерно, на нас нападает какая-то тьма, топит наши лодки и забирает все зерно.

— Нагружайте лодки, — сказал сын старика.

— Нет, тьма потопит наши лодки и погубит нас, не поедем.

— Я справлюсь с этой тьмой, нагружайте лодки.

Нагрузили они лодки и поплыли. Когда доплыли до середины моря, на них напала тьма. Сын старика и тьма начали драться; наконец тьма убежала, а в руках сына старика осталась туфля. Нагрузили они лодки зерном и вернулись.

И стали люди просить:

— Мы не отпустим тебя. Ты должен жить с нами. Если ты уедешь, нам нечем тебя одарить [2].

— Мне здесь нельзя оставаться. Я должен достать такое же кольцо и возвратиться до истечения срока к судье, — сказал сын старика.

У жителей не было такого же кольца, и они сказали:

— Все-таки ты должен породниться с нами. Выбирай себе в жены любую из наших девушек.

— У меня семь братьев. Для четырех старших, если вы дадите, на обратном пути я возьму четырех девушек [3].

Засватал он четырех девушек и отправился на поиски кольца. Шел он, шел и дошел до кладбища, где горел костер. Подошел он и увидел у костра могилу, в которой одна девушка дралась с молодым человеком. Схватил сын старика девушку и стал бить ее о надгробную плиту. Девушка вырвалась, а у сына старика остались ее косы. Спрашивает он молодого человека:

— Почему она дралась с тобой? Что ты ей сделал?

— Она дралась со мной вот почему, — ответил юноша. — Вначале она хотела овладеть моей душой, а затем похоронить и сделать меня таким же, как они [4].

— Ты можешь найти дорогу к себе?

— Смогу, — ответил молодой человек, и пошли они к нему домой. Сидят они у него в доме, и в комнату входит мать молодого человека. Увидела она их, заплакала и вышла. Затем вошли три его сестры, и они с плачем вышли. Зашел брат, за ним отец, и они со слезами вышли. Сын старика спрашивает у них:

— Почему вы плачете?

— Мы плачем потому, — сказали они, — что твой товарищ похож на нашего сына.

— Если он вам кажется похожим на вашего сына, то это он и есть.

Обрадованные мать и отец молодого человека стали обнимать и благодарить сына старика.

Рассказал сын старика о цели своего путешествия. Он показал им кольцо, но у них подобного не оказалось. Собрался юноша уходить, а они ему говорят:

— Ты должен породниться с нами.

Сын старика засватал трем братьям трех сестер.

Оставил он их до своего возвращения, а сам отправился на поиски кольца. Идет он и видит башню, которая вверху упиралась в небо, а внизу — в землю. Долго кружил он вокруг башни и наконец увидел на большой высоте окно. Стал юноша взбираться, но стены башни были гладкие, и он истер пальцы рук и ног до крови. От этой крови образовались выступы, и, опираясь на них, он добрался до окна башни. Заглянул в окно и видит стол, уставленный едой и питьем, а вокруг него три стула. Сын старика испробовал все кушанья и спрятался. Только он спрятался, как в башню влетели три голубя, посмотрели друг на друга и превратились в трех красивых девушек. Сели они на стулья, и говорит старшая младшим:

— Давно мы не встречались друг с другом, расскажем о виденном нами.

Рассказывает старшая:

— Я находилась взаперти в темной комнате. Один молодой человек открыл дверь этой комнаты, и, когда я с ним дралась, у него осталось мое кольцо. Мне бы этого человека, вам — все остальное[5].

Рассказывает средняя:

— Меж двух стран было море. Когда лодки из одной страны плыли в другую, то в середине моря я нападала на них, топила лодки и все забирала. Однажды, когда я напала на лодку, меня схватил молодой человек, и в руках у него осталась туфля с моей ноги. Мне бы этого человека, а вам — все остальное.

Рассказывает младшая:

— Я овладела душой одного человека, заставила людей похоронить его, хотела сделать из него своего пособника и дралась с ним в могиле. В это время подошел молодой человек, схватил меня за косы и начал бить о надгробную плиту. Я еле вырвалась, а у него в руках остались мои косы. Увидеть бы мне этого человека, а вам пусть досталось бы все остальное.

— Так это я и есть, — сказал сын старика и вышел из укрытия.

Стали сестры его обнимать и ласкать.

— Мне некогда, — сказал он, — здесь веселиться; приближается срок, когда мои братья будут убиты, если я не принесу точно такое же кольцо. — И он рассказал о цели своего странствия.

Тогда девушки принесли целый чемодан[6] колец. Взяли они кольцо у молодого человека, заставили закрыть глаза и бросили кольцо в чемодан.

— Какое кольцо твое? — спросили они его.

Но он не смог найти свое.

Наполнили сестры этими кольцами два талса и привели коня старшей сестры.

— За сколько минут ты доставишь его домой? — спросили коня.

— За пять минут.

Прогнали его и позвали коня средней сестры:

— За сколько минут ты доставишь его домой?

— За две минуты.

Прогнали его и привели коня младшей сестры:

— За сколько минут ты доставишь его домой?

— Не успеет он и глазом моргнуть, как я доставлю его домой.

Уехал сын старика на этом коне.

Приехал он домой, но не стал входить в дом, а улегся во дворе. Семь его братьев готовились к смерти: остригли ногти, искупались. Вышел один из братьев вылить воду и увидел своего брата. Зашел он в комнату и говорит:

— Наш брат возвратился и отдыхает во дворе.

Позвали они брата в комнату и спрашивают:

— Нашел кольцо?

— Не нашел.

— Тогда искупайся, остриги ногти и приготовься к смерти.

— Не буду я купаться.

Отправились братья утром к судье.

— Нашли вы кольцо?

— Не нашли.

Только положили голову старшего брата на чурбак, младший высыпал кольца.

Убили они судью и вернулись домой, после чего семеро старших братьев женились на засватанных братом девушках.

Тогда они сказали младшему брату:

— Ты всех нас спас от смерти и женил. Поэтому мы женим тебя на красавице — сестре семерых братьев.

Братья этой сестры пили людскую кровь. Их сестра сидела у окна башни, из которого видела все, что происходит на свете. Прибыли братья к ним. Семеро братьев, пьющие людскую кровь, сказали своему младшему брату:

— Пойди посмотри, зачем пришли эти люди, и выпей их кровь.

Братья сказали ему, что они пришли сватать их сестру.

Зашел в башню младший и рассказал старшим о цели их прихода.

— Пригласи их в башню, — сказал старший.

Братья, пьющие кровь, сказали своей сестре, зачем пришли гости.

— Я выйду за этого молодого человека, если он узнает, что случилось с носом Мерий-Тотала, — решила девушка.

И отправился сын старика узнать, что случилось с носом Мерий-Тотала. Он проголодался и устал, когда увидел у моря человека, который пас коня.

Сын старика постелил бурку и лег отдыхать. Тогда встречный оседлал коня и со словами: «Айт *, славный Мерий-Тотал!» — бросился на коне в море.

Увидел это сын старика, быстро оседлал своего коня и со словами: «Айт, славный сын старика!», — бросился в море вслед за Мерий-Тоталом. Они пригнали из моря табун коней.

— Ты погонишь табун вперед или будешь отбивать погоню? [7] — спросил Мерий-Тотал.

— Я буду отбивать погоню, — ответил сын старика.

Один жеребец отстал от табуна и снова бросился в море. Мерий-Тотал сказал:

— Не упускай этого жеребца, а то придется плохо.

Схватил сын старика жеребца и сказал:

— Если ты не скажешь, что случилось с твоим носом, то я отпущу этого жеребца.

— Хоть я умру, хоть ты умрешь, не скажу, — ответил Мерий-Тотал.

Отпустил сын старика жеребца. Бросился жеребец в море. Через некоторое время оттуда вышел дажал *. Накинулся он на сына старика, а тот свалил его и ударом шашки отрубил голову.

Отправил он Мерий-Тотала в село, чтобы тот раздал табун коней: бедным по два коня, богатым — по одному.

Раздал Мерий-Тотал табун коней, вернулся и снова они выгнали из моря табун коней. Когда отбился один жеребец, Мерий-Тотал сказал:

— Не отпускай этого жеребца, упустишь — плохо нам придется.

Поймал сын старика жеребца и сказал:

— Если ты скажешь, что случилось с твоим носом, то не отпущу.

— Хоть я умру, хоть ты умрешь, — не скажу.

Отпустил сын старика жеребца. Бросился жеребец в море, оттуда вышла мать дажала. Убил он ее и отправил Мерий-Тотала раздать коней.

Мерий-Тотал раздал коней и вернулся. Они пригнали из моря еще табун. И когда от табуна отбился жеребец, Мерий-Тотал сказал:

— Теперь нам будет не так легко, как прежде, не упускай жеребца.

Поймал сын старика жеребца и говорит:

— Не отпущу, если скажешь, что случилось с твоим носом.

— Хоть я умру, хоть ты умрешь, не скажу, — ответил Мерий-Тотал.

Отпустил сын старика жеребца, и бросился жеребец в море. Вышел из моря отец дажала. Стали они драться. Дрались так долго, что ноги по колени ушли в землю. Наконец повалил сын старика дажала и ударил шашкой, но шашка не брала дажала. Сказал тогда дажал:

— Не убивай меня так жестоко, возьми бритву, которая у меня под ресницей и ею прирежь.

Сказал Мерий-Тотал молодому человеку:

— Я бы его убил, если позволишь.

— Тогда держи, — сказал сын старика и немного отпустил дажала.

— Нет, нет, сам убивай, — сказал испуганный Мерий-Тотал.

Убили они дажала, раздали табун коней, и Мерий-Тотал пригласил сына старика к себе в гости.

Приехали они к нему, и увидел сын старика на его дворе оледеневшего человека. Спрашивает он у Мерий-Тотала:

— Кто этот человек и как он оледенел?

— Это моя жена. Я пожелал, чтобы она оледенела.

— Разве нельзя ее избавить от этого?

— Можно, — сказал Мерий-Тотал. — Между двух гор лежит сармак, в нем — заяц, в зайце — коробочка, в коробочке — рыбешка. Если потереть ее этой рыбешкой, то она станет прежней.

— Если ты все это знаешь, почему не поедешь туда? — спросил сын старика и сам отправился на поиски сармака.

Говорит ему конь:

— Видишь вон тот лес?

— Вижу.

— Это на сармаке дыбом волосы встали. Видишь вон тот туман?

— Вижу.

— Это пар из его ноздрей валит. Я постараюсь подскочить к нему со стороны, и только он разинет пасть, прыгни в нее и перережь все его внутренности. В потоке крови ты поймаешь зайца.

Они поехали. Сармак обдавал сына старика огнем, разевал пасть, скрежетал зубами, но сын старика проник в его внутренности, перерезал их и в потоке крови поймал зайца. Вытащил из зайца коробочку, а из нее рыбешку. Потер рыбешкой жену Мерий-Тотала, и она ожила. Бросился Мерий-Тотал к сыну старика и стал просить, чтобы он рыбешкой потер его нос.

— Если ты расскажешь, что случилось с твоим носом, то потру, — сказал сын старика.

— Когда я избивал жену, она исцарапала мне нос. Я проклял ее и сказал: «Да превратишься ты в льдину!»

Сын старика потер нос Мерий-Тотала рыбешкой, и нос стал прежним.

Сестра семерых братьев, пьющих людскую кровь, видела из окна башни все, что делал сын старика, спустилась вниз и сказала своим братьям:

— Благословите мое замужество и осушите чаши с вином. Нечего больше испытывать молодого человека.

Так сын старика женился на сестре семерых братьев.

18. ТИМАР С ОБГОРЕВШИМ БОКОМ

В одном ауле жил старый охотник с дочерью. Дочь не с кем было оставить дома, и поэтому он взял ее однажды на охоту. Целый день ходили они в поисках добычи и наконец, голодные и усталые, сели отдохнуть.

Вдруг откуда ни возьмись из лесу выскочила лань. Она не успела скрыться — старый охотник метким выстрелом уложил ее. Решив быстрее накормить проголодавшуюся дочь, старый охотник не стал разделывать лань, а отрезал от ее сердца и печени по куску и бросил их в разведенный костер. Не успел он это сделать, как лань ожила [1], вскочила и бросилась бежать. Удивленный этим охотник сказал:

— Вот чудо! Такого я еще не видел!

Оглянувшись на бегу, лань человеческим голосом проговорила:

— Это не такое чудо. Вот Тимар с обгоревшим боком — это чудо!

Старый охотник поклялся, что не придет домой, пока не узнает о Тимаре с обгоревшим боком.

Шел он, шел и пришел в аул, в котором жил Тимар с обгоревшим боком. В ауле старый охотник увидел много народа, подошел, поприветствовал собравшихся и спросил:

— Не скажете ли вы, где живет Тимар с обгоревшим боком?

Люди не ответили на вопрос охотника и начали расходиться.

Ходил он, ходил по аулу и наткнулся на других людей. Старый охотник подошел к ним, поприветствовал и спросил:

— Не скажете ли вы, где живет Тимар с обгоревшим боком?

Люди не ответили на его вопрос и начали расходиться.

В третий раз наткнулся старый охотник на людей в ауле, подошел к ним, поздоровался и спросил:

— Не скажете ли вы, где живет Тимар с обгоревшим боком?

Люди и на этот раз не ответили на его вопрос и стали расходиться. В это время к охотнику подошел мальчик лет пятнадцати и сказал:

— Иди за мной, я приведу тебя к Тимару.

Мальчик привел охотника к дому, огороженному частоколом. На кольях старый охотник увидел человеческие головы. Как только они поравнялись с домом, мальчик сказал:

— Здесь живет Тимар с обгоревшим боком, о котором ты спрашивал. Он отрубает головы тем, кто называет его Тимаром с обгоревшим боком, — и убежал.

Старый охотник приблизился к воротам и крикнул:

— Ва, Тимар с обгоревшим боком!

Никто не отозвался. Старый охотник подошел еще ближе к воротам и крикнул:

— Ва, Тимар с обгоревшим боком!

И второй раз никто не отозвался. Старый охотник вплотную подошел к воротам и очень громко крикнул:

— Ва, Тимар с обгоревшим боком! Выйди, если можешь!

Не успел охотник произнести эти слова, как хлопнула дверь и из комнаты с обнаженной шашкой выскочил Тимар:

— Кто тут не довольствуется тем, что прокричал мое имя не один раз, а трижды? Будь ты трижды проклят!

— Не спеши сердиться, сперва узнай причину моего прихода. Я пришел к тебе не со злым умыслом, а хотел узнать, как обгорел твой бок.

— Я думал, что ты пришел дразнить меня. Ну что ж, если ты гость, то это твое счастье. Следуй за мной, — сказал Тимар, повел охотника с дочерью в дом и начал свой рассказ:

— Я не могу обвинить тебя в том, в чем ты не виноват. Ты не знал, что означает Тимар с обгоревшим боком, поэтому кричал у моих ворот. Я расскажу тебе, почему меня так называют и почему я отсекаю головы тем, кто смеет меня так называть:

«У матери и отца было нас семеро сыновей. Раз охотились мы в дальних краях. Прошло много времени, и, оборванные, усталые, мы встретили в горах нарта [2], пасшего отары овец. Подошли мы к нарту, поздоровались и попросили принять нас. Нарт не ответил на наше приветствие [3] и сказал:

— Идите по этой дороге. Там найдете мое жилище. Поешьте и отдохните.

Мы направились в сторону, куда указал нарт. Когда мы отошли довольно далеко, нарт снял с головы папаху [4], бросил ее вслед нам и сказал:

— Мое жилище оберегают злые собаки. Они могут разорвать вас. Захватите мою папаху, ею вы отпугнете собак. В таком-то месте вы найдете котел, в котором я варю собакам похлебку. Поешьте сами и собак накормите. Вход в мое жилище завален камнем. Отодвиньте камень, и вы сможете отдохнуть.

Самый старший из нас подошел к папахе нарта, но не смог даже с места ее сдвинуть. К самому старшему подошел следующий, но и вдвоем не смогли поднять папаху. К двум старшим братьям

подошли еще двое. Но и вчетвером не смогли сдвинуть ее с места. Тогда подошли к папахе нарта все мы, семеро, и ухватились за нее. Но и все вместе не смогли сдвинуть папаху. Оставили ее, а сами пошли к жилищу нарта. Пришли к нему во двор. Тут выскочили огромные собаки и стали терзать нас. Кое-как мы успокоили их и взялись за камень, которым был завален вход в пещеру нарта. Камень не поддавался. Оставили мы этот камень и сели отдохнуть. Вспомнили, что надо накормить собак, нашли котел и стали поднимать его с земли. Но как ни старались, поднять котел не смогли.

Вечером с отарами овец вернулся нарт и спросил:

— Накормили ли вы моих собак?

— Мы не смогли даже котел с места сдвинуть, — ответили мы.

Нарт одной рукой легко отодвинул камень, загнал овец в пещеру и впустил нас. Потом затопил очаг, нанизал на вертела семь баранов и бросил их на огонь.

Бараны изжарились, нарт съел их и прилег.

Через некоторое время на эти же вертела нарт нанизал нас и бросил на угли в очаг. Нарту показалось, что мы достаточно изжарились, и он всех семерых бросил в башлык и сказал: «Вами я пообедаю завтра».

Когда нарт бросил нас в очаг на угли, я оказался на вертеле с краю, и обгорел только один мой бок. Поэтому я остался жив. А шестеро моих братьев сгорели.

Утром нарт взял свой башлык, в котором мы находились, накинул его на плечи и погнал отары овец на пастбище. Там он снял башлык с плеч и положил рядом с собой. До обеда я сумел выбраться из башлыка и убежать. Вернулся я в аул с обгоревшим боком. Аульчане проведали об этом и с тех пор стали называть меня Тимаром с обгоревшим боком. Тогда я поклялся, что буду отсекать голову всякому, кто назовет меня Тимаром с обгоревшим боком, и каждого, кто так меня называл, я убивал. Головы убитых я насаживал на колья».

— Я пошел бы к этому нарту, если бы ты пообещал мне сделать то, о чем я тебя попрошу, — сказал Тимару старый охотник.

— Я сделаю все, что ты попросишь, но не советую идти к нарту, — сказал Тимар.

— Я непременно пойду, а просьба моя такая: раз в год до моего возвращения покупай моей дочери по холщовой рубахе и корми ее.

Тимар обещал охотнику покупать его дочери в год по холщовой рубахе и кормить ее до его возвращения.

После этого старый охотник отправился на поиски нарта. Шел, шел старый охотник и пришел к тому самому нарту. Старый охотник приблизился к нарту, поздоровался, рассказал, что от долгого пути он устал, проголодался, и попросил принять его.

Так же, как Тимару и его братьям, нарт не ответил на приветствие, показал рукой, куда следует идти, и сказал:

— В моем жилище поешь и отдохнешь.

Когда старый охотник отошел довольно далеко от нарта, тот снял папаху, бросил ее в сторону охотника и сказал:

— Мое жилище охраняют злые собаки, они могут разорвать тебя. Захвати с собой папаху, ею ты отпугнешь собак.

Старый охотник пинком отбросил папаху нарту обратно со словами:

— Когда будешь возвращаться домой, сам принесешь свой рассадник гнид.

Пришел охотник к жилищу нарта, взял котел, в котором тот варил собакам похлебку, и так ударил им о камень, которым был завален вход в пещеру, что котел раскололся на мелкие кусочки. Увидели это собаки и разбежались в разные стороны. Старый охотник взял камень, которым был завален вход в пещеру, и швырнул его вдогонку собакам. Затем зашел в жилище и лег отдыхать. Вечером вернулся нарт и пригнал овец. Вошел он в пещеру и спрашивает:

— Куда делись мои собаки?

— Какие еще собаки? — спросил старый охотник.

— Те, которые охраняли мое жилище.

— Ты спрашиваешь о тех щенках, которые сидели у этой пещеры? Они разбежались в разные стороны, как только я топнул ногой.

— Ну а где камень, которым был завален вход в пещеру? — спросил нарт.

— Этот камень я бросил вслед твоим щенкам, — ответил старый охотник и добавил: — Готовь баранов, я сильно проголодался.

Нарт пригнал семь баранов. Старый охотник нанизал их на вертела и бросил на угли в очаг, чтобы поджарить. Он не дал нарту ни куска — сам съел семерых баранов.

Тогда нарт бросился на старого охотника. А охотник схватил нарта, поднял его и с размаху вогнал в землю по щиколотки. Нарт выскочил из земли, схватил старого охотника и по пояс вогнал его в землю. Старый охотник выскочил из земли, схватил нарта, высоко поднял над головой и вогнал в землю по самую шею. Как нарт ни бился, но выйти из земли не смог. Старый охотник отсек нарту шесть голов одну за другой. Тогда нарт стал просить его:

— Я знал, что мне постараются отомстить за убитых мною шестерых братьев. Оставь на моих плечах хоть последнюю голову. За это я верну тебе братьев живыми и здоровыми.

— Как ты оживишь их? — спросил нарта старый охотник.

— Я покажу тебе место, где хранятся их кости, и место, где

находится мой оселок. Потрешь им кости своих братьев — они оживут, — ответил нарт и показал старому охотнику, где лежат кости шести братьев Тимара и оселок.

Старый охотник отсек последнюю голову нарта, нашел кости шести братьев Тимара и оселок. Потер он оселком кости и оживил шестерых братьев Тимара.

— Когда будете возвращаться, захватите отары овец этого нарта, — сказал старый охотник братьям Тимара, а сам раньше их вернулся в аул к Тимару.

Старый охотник пришел к Тимару с обгоревшим боком, потер его оселком и вылечил обгоревший бок. И стали они дожидаться прихода братьев. Собрались все семеро братьев и спросили старого охотника:

— Какое доброе дело сделать тебе за то, что ты оживил нас?

— Мне ничего не нужно, — ответил старый охотник. — Спасибо и за то, что Тимар содержал мою дочь до моего возвращения.

— Если ты согласишься взять в жены нашу сестру, мы выдадим ее за тебя, — предложили семеро братьев.

Охотник согласился жениться на сестре семерых братьев.

Три дня и три ночи играли они свадьбу, а старый охотник зашел к своей невесте. Она громко вскрикнула и потеряла сознание. Старый охотник хотел уйти, но сестра семерых братьев, придя в себя, остановила его и попросила выслушать ее:

— Когда я узнала, что шесть моих братьев убиты, я молила небеса, чтобы они дали мне силу превратиться в того, в кого хочу, и я превратилась в лань.

Отдыхал ли ты однажды в лесу у костра вместе со своей проголодавшейся дочерью? Выскочила ли в это время из лесу лань и промчалась ли она мимо вас? Когда ты, ранив лань, отрезал по куску от ее сердца и печени и бросил в огонь, ожила ли лань и убежала ли она? А когда убежала, сказал ли ты: «Какое это чудо!» И ответила ли тебе на бегу лань: «Это не такое чудо, чудо — Тимар с обгоревшим боком»?

— Да, все это действительно было, — ответил удивленный старый охотник.

— Клянусь тебе семью братьями, клянусь небесами, которые услышали эту молитву и исполнили мое желание, когда ты дотронулся до меня, я вскрикнула потому, что раны, нанесенные тобой, когда ты отрезал по куску от моих сердца и печени, еще не зажили, и мне стало больно. В лес я тогда попала случайно. Я искала человека, который отомстил бы за моих братьев нарту. Поэтому я промчалась мимо тебя [5].

Так закончила рассказ сестра семерых братьев.

19. КАК У СИЛАЙМЫ НОС ОТОРВАЛИ

«Я отдам своего коня первому встречному, который попросит его у меня», — решил один всадник.

Долго ли, коротко ли ехал всадник, наконец увидел юношу, идущего навстречу, который пропустил всадника и крикнул ему вслед:

— Кант, дай мне этого коня!

Всадник проворно соскочил с коня и со словами: «Во всем мире нет лучше этого коня, кроме одного», — отдал его юноше.

Юноша сел на коня и тронулся в путь.

Довольный конем, юноша решил не возвращаться домой, пока не найдет своего счастья. Прибыл он к морю, посреди которого увидел башню с золотой крышей и серебряными окнами и дверями. Когда он проплыл по морю около половины пути до башни, конь его стал тонуть.

«Без тебя мне и жизнь не мила», — подумал юноша и сам решил погибнуть.

— Я хотел проверить, насколько ты дорожишь мной, — сказал конь на человеческом языке, снова поплыл к башне и доставил к ней юношу.

Юноша соскочил с коня, привязал к коновязи, а сам смело вошел в башню. Красавица, подобная солнцу, жила в этой башне. После приветствий юноша попросил у девушки напиться воды. Она подала ему воды в фарфоровой чашке и бросила туда золотое кольцо. (Брошенное кольцо означало, что юноша прибыл в башню по дну моря.)

Юноша отпил несколько глотков, бросил в оставшуюся воду соломинку и возвратил чашу. («Я плыл по воде» — означала брошенная соломинка.) Они полюбили друг друга, и юноша предложил, чтобы девушка вышла за него замуж.

— Я выйду за тебя, если ты узнаешь, как у Силаймы оторвали нос, — сказала девушка.

Юноша решил во что бы то ни стало разузнать это.

Отправился он в путь. Долго ли, коротко ли ехал, и вот в пути он встретил одного человека.

— Станем друзьями, — предложил юноша.

— Сначала испытаем силу коней, потом сами померимся силой и только после этого станем друзьями, — сказал встречный.

Ударили конями — конь юноши победил.

— Померимся силой, — предложил встречный.

И здесь юноша победил и положил его на землю. Тогда встречный сказал:

— Лучше станем друзьями.

Подружились они и поехали дальше.

— Теперь мы должны пойти за добычей, — сказал друг.

Юноша согласился, и они отправились за добычей к одному князю. Угнали у него табун лошадей. На обратном пути они услышали мелодию, доносившуюся из одного дома; из него выбежала девочка и сказала им:

— Не шумите у этих дверей. Если Берза Каза[1] выйдет, он убьет вас!

Во всем мире друг юноши не боялся никого, кроме Берза Казы. Но его он боялся до смерти.

— Вот что, — обратился юноша к своему другу, — погонишь ли ты дальше нашу добычу или сразишься с Берза Казой?

— Я лучше погоню добычу, — сказал друг.

А юноша хлестнул своего коня и остановился у ворот Берза Казы. Вышел Берза Каза, и юноша спросил его:

— Мы должны сразиться, и победитель отрубит голову побежденного.

И начали они драться. Час дрались, два дрались, три дрались, и наконец юноша осилил Берза Казу, отрубил ему голову, положил в талс и поскакал вслед за своим другом.

А тот, напуганный Берза Казой, согнал всех коней в лощину в ожидании юноши. С табуном коней отправились они в дом друга. Он усадил юношу в комнате, а сам вышел, чтобы достойно принять его. В это время юноша заглянул в одну из комнат. В ней лежал труп женщины, а от него исходило сияние. Долго стоял удивленный юноша. Наконец, когда пришел хозяин дома, он спросил его:

— Что за труп находится в соседней комнате? Почему ты его не уберешь?

— Это моя бывшая жена. Мне жалко ее хоронить.

«Пока не найду лекарства для ее оживления, не успокоюсь», — решил юноша и выехал.

— Что ты задумал? Куда нам нужно ехать? — спросил конь у юноши.

— Жена моего друга, что красивей лучей солнца, лежит мертвая. Пока не найду лекарства для ее оживления, не успокоюсь, — ответил юноша.

— Это лекарство далеко за горами. Они мгновенно расходятся, и в щель между ними можно проскочить с трудом. Затем они с грохотом сходятся, превращая в пыль целые скалы. Когда мы подъедем к этим горам, ты гикни, словно пятнадцать молодцев, и огрей меня, словно восемнадцать всадников.

И вот прибыл юноша к этим горам. Подобно камню стало его тело, стали уподобилось его сердце, конь гарцевал под ним, не касаясь копытами земли. Только горы раздвинулись, он гикнул, словно пятнадцать молодцев, огрел коня, словно восемнадцать всадников, и пустил коня меж раздавшихся гор. От ударов копыт

коня, казалось, гром гремит и молнии сверкают. Не успели горы сомкнуться, как юноша оказался за горами на синей равнине.

Там увидел он огромного льва.

— Что нам делать? — спросил юноша у коня.

— Этот лев занозил себе лапу осколком камня, — сказал конь, — и поэтому очень свиреп. Мы выроем яму, чтобы спрятаться в ней, а затем будем дразнить льва. Он бросится на нас, перепрыгнет через яму, и осколок камня выпадет из лапы. Тогда лев подружится с нами.

Юноша так и поступил. Опустились они в яму, и тогда юноша закричал, а лев бросился на крик. Осколок камня выпал из его лапы, и боль прекратилась. Юноша вместе с конем вышли из ямы. Лев подружился с ними.

— Ведь это такой край, куда никто не приходит и откуда не возвращаются те, кто здесь был. Почему ты оказался здесь? — спросил лев.

— Я ищу живительное лекарство, — ответил юноша.

— Тогда ступай за мной, — сказал лев.

Дошли они до одной пещеры, и лев сказал юноше:

— Жди меня здесь.

Через некоторое время он принес из пещеры молоко и сказал:

— Если ты три раза искупаешь в молоке мертвеца, он вновь оживет.

Юноша поблагодарил льва и отправился назад. Доехал он до гор. И только они раздались, гикнул, словно пятнадцать молодцев, огрел коня, словно восемнадцать всадников, и пустил коня меж раздавшихся гор. От ударов копыт коня, казалось, гром гремит и молнии сверкают. Не успели горы сомкнуться, как юноша оказался на другой стороне.

Долго ли юноша ехал, коротко ли, наконец прибыл к своему другу. Выкупал он покойную жену друга три раза в молоке. Она ожила, стала прежней. И говорит женщина:

— Увидев меня живую, муж спросит: «Чем отблагодарить тебя?» — «Дай мне вон ту шашку со сломанным концом и серую чесоточную лошадь. Больше мне ничего не нужно», — скажешь. И что бы он ни предлагал, бери только их.

Вошел муж и увидел ожившую жену. Обрадованный, он спросил:

— Проси, что хочешь, я все тебе дам.

— Мне нужна серая чесоточная лошадь и шашка со сломанным концом, — сказал юноша.

Путник, подаривший юноше коня, сказал, что лучше его коня есть лишь один. Этим лучшим конем и была эта серая чесоточная лошадь.

— Зачем так мало просишь, проси что-нибудь подороже! — говорит друг.

Юноша стоял на своем, и другу пришлось уступить.

— Мне бы еще хотелось одно узнать, — сказал юноша, — как у Силаймы нос оторвало?

— Тогда слушай, я расскажу тебе про это. В башне с золотой крышей и серебряными окнами и дверями, что стояла посреди моря, жили две сестры. В старшую из них влюбился я. (Это та, которую ты оживил.) Она мне сказала, что выйдет за меня, если я в приданое угоню у семиголового великана табун коней и красного жеребца, подобного тигру.

Я взял с собой семерых товарищей и поехал за этим табуном. Семиголовый великан спал, и мы угнали табун. Он проснулся и узнал об угоне табуна. Когда мы перевалили за горы, раздался гром, будто все горы обрушились. Это был крик семиголового великана. Он обнаружил нас, оторвал от горы глыбу и бросил ее нам вслед. Ударом этой глыбы убило всех моих товарищей, а осколком оторвало мне нос. Это я — безносый Силайма. Табун коней я отдал в приданое и женился на этой девушке.

Расставшись со своим другом, юноша поехал к морской башне. Ехал он, ехал и доехал до моря. Бросил коня в море и добрался до башни.

— Выполнил ли ты мою просьбу? — спросила девушка. — Узнал ли ты, как у Силаймы нос оторвало?

— Узнал, расскажу тебе обо всем, — сказал юноша.

И он поведал ей о своих приключениях: о дружбе с Силаймой, об убийстве Берза Казы, оживлении жены Силаймы и его рассказе.

— Ты узнал, как у Силаймы был оторван нос, и, невзирая на опасность, достал лекарство и оживил мою сестру, — сказала девушка. — Если ты согласен, я выйду за тебя замуж.

Юноша женился на ней, и стали они жить счастливо.

20. БАЙНАЛ-БУСАНИ

У одной вдовы было семеро сыновей. Старшие шестеро прослышали, что в одном ауле живет очень красивая девушка с солнцем и месяцем во лбу. Решили они узнать, кто она такая, и отправились в дорогу.

Спустя некоторое время они пришли в аул, где жила девушка, и сказали:

— Вышла бы ты за одного из нас?

Девушка ответила:

— Если вы узнаете, что означает Байнал-Бусани, я выйду за одного из вас.

Шестеро братьев сказали, что они не знают, что означает Байнал-Бусани, и тут же превратились в каменные изваяния.

Когда подрос младший брат, он тоже прослышал, что в одном ауле есть девушка с месяцем и солнцем во лбу.

Он сказал матери, что идет сватать эту девушку.

— Не ходил бы ты, ведь там погибли шесть твоих братьев, — сказала мать.

Но сын успокоил мать и отправился в дорогу. Прибыл он в аул и спросил, где живет девушка. Его позвала Жера-Баба. Она рассказала ему, какие вопросы задает девушка женихам, и дала такой совет:

— Зайдешь во двор девушки и скажешь, чтобы она вышла за тебя замуж. Девушка ответит: «Я выйду, если ты узнаешь, что означает Байнал-Бусани». «Это я сейчас узнаю», — скажешь ты ей. Ударь коня плеткой и выскакивай со двора. Выехав со двора, отправишься туда, куда поведет тебя копь. В пути ты встретишь девять нарт-орстхойцев. Восемь из них — потомки старшего нарт-орстхойца. Первый, подняв вьюгу и ветер, размахивая булавой, бросится на тебя. Ты не обращай на него никакого внимания. Еще свирепей будут остальные, но ты не подавай виду, что испугался. Когда прибудешь к последнему нарт-орстхойцу, начни с ним битву, сильно напугай его и заставь рассказать, что означает Байнал-Бусани. Тогда девушка выйдет за тебя замуж.

Приехал младший брат к девушке, поговорил с ней. И сделал так, как посоветовала ему Жера-Баба.

Ему встретились нарт-орстхойцы. Младший из них ударил ветром-вьюгой, махал булавой, но младший брат, не обращая на него никакого внимания, проехал мимо.

Нарт-орстхоец бросился на него. Младший брат приподнял его и так ударил о землю, что все кости переломал. Убил второго, третьего. Наконец приехал к восьмому. От удара его ног земля дрожала, головой он погонял тучи, поднимая в небесах пыль и ветер, и махал огромной булавой. Младший брат спешился, и они начали драться. От пота, который тек с них, грязь стояла по колено.

Три дня и три ночи бились они. Грязь от их пота превратилась в гору. Младший брат приподнял нарт-орстхойца до небес и по пояс всадил его в землю. Выбрался нарт и по плечи всадил младшего брата в землю. Разозлился младший брат и вогнал его по подбородок в землю.

Тогда нарт-орстхоец сказал:

— Не убивай меня, а вытащи из земли и скажи, что тебе нужно.

Схватил его младший брат за ухо, вырвал из земли и сказал:

— Мне ничего от тебя не нужно, только скажи, что означают слова Байнал-Бусани. Если скажешь, то оставлю тебя в живых.

— Следуй за мной, — сказал нарт-орстхоец и повел его в пещеру на отвесной скале. В пещере была черная собака — чернее угля.

— Вот это и есть Бусани. Она моя жена. Из-за того, что она изменяла мне, Бусани стала собакой. Я ее муж — Байнал. Я знаю, ты пришел узнать, кто такие Байнал-Бусани. Эта девушка моя дочь. Ты хочешь жениться и стать моим зятем. Приезжай ко мне с моей дочерью. Здесь вы найдете все, что нужно для жизни. Я знаю, ты убил моих восьмерых братьев. Если они не смогли одолеть тебя, то ты, зять, одолел их и мне люб.

Вернулся младший брат к девушке с солнцем и месяцем во лбу и сказал:

— Девушка, выходи за меня!

— Выйду, если скажешь, что означает Байнал-Бусани, — ответила девушка.

Младший брат сказал:

— Бусани — это твоя мать, принявшая облик черной собаки, а Байнал — твой отец.

В тот же час все каменные изваяния ожили, будто проснулись ото сна. Ожившие люди стали разбегаться. Возвратились домой и шестеро его братьев, а сам младший брат вместе с девушкой прибыл к нарт-орстхойцу, отцу девушки. Девушка-красавица и младший брат поженились и стали жить счастливо.

21. ТИНИН ВИСАГ И ЧЕРНЫЙ ХОЖА

Однажды три брата — Тумин Батиг, Батин Ширдиг и Тинин Висаг — пошли охотиться. Ходили они, ходили по лесу — и вдруг из-за куста выскочил ушастый заяц.

Застрелили они зайца. Старшие братья наказали младшему изжарить зайца на костре, а сами прилегли в тени деревьев отдохнуть. Тинин Висаг не стал вытаскивать внутренности зайца, изжарил его целиком и повесил на куст, чтобы съесть, когда братья проснутся.

Стал Тинин Висаг будить братьев, а заяц в это время ожил и бросился в кусты. Разбудил Тинин Висаг братьев и говорит:

— Я изжарил зайца, повесил его вон на тот куст, но заяц ожил и убежал.

Братья не поверили Тинин Висагу.

— Ты съел ушастого, — сказали они и снова легли спать.

Пока Тумин Батиг и Батин Ширдиг спали, Тинин Висаг умер.

Встали старшие братья и увидели младшего мертвым. Вспомнили они слова брата о кусте, на котором ожил заяц, и положили брата на тот куст.

Ожил Тинин Висаг, открыл глаза, будто после долгого сна.

— О-о, да этот куст оживляет мертвых. Он будет принадле-

жать тому, кто окажется наиболее искусным в состязаниях, — сказал старший брат.

— Я не обладаю большим умением, но если воткнуть в конце поля кинжал, а я пущу в него стрелу из лука, то эта стрела попадет в лезвие кинжала и расколется на две половинки.

— Я бы смог на кончике острия этого кинжала сплясать лезгинку и не поцарапать подошвы новых чувяк, — сказал Батин Ширдиг.

— А ты на что способен? — обратились они к младшему.

— Я смог бы узнать у Черного хожи, отчего у него оторвана половина носа, — сказал Тинин Висаг.

Тумин Батиг и Батин Ширдиг знали, что нет на свете человека, который осмелился бы спросить Черного хожу об этом.

«Если Тинин Висаг осмелится спросить Черного хожу, отчего у него оторвана половина носа, то куст, оживляющий мертвых, отдадим ему», — решили старшие братья.

Воткнули они в конце поля кинжал, и стрела, пущенная старшим братом, попала в лезвие кинжала и раскололась на две половинки.

Средний брат лихо станцевал лезгинку на острие этого кинжала и даже не поцарапал подошвы своих новых чувяк. Самый младший отправился узнать, отчего у Черного хожи оторвана половина носа.

Шел Тинин Висаг, шел и пришел на поле, где Черный хожа пахал на сармаках землю. Вместо кнутов погонял он сармаков змеями. Подошел Тинин Висаг и спрашивает:

— Как ты лишился половины носа?

Схватил его Черный хожа, поднял над головой и бросил оземь так, что Тинин Висаг вошел в землю на пятнадцать локтей.

Выскочил Тинин Висаг из земли и второй раз спрашивает Черного хожу:

— Как ты лишился половины носа?

Вновь поднял его Черный хожа над головой и так бросил оземь, что Тинин Висаг на пятнадцать локтей вновь ушел в землю.

Выскочил Тинин Висаг и опять спрашивает:

— Как ты лишился половины носа?

— Этого мужчину не переспоришь!

И Черный хожа рассказал: «Как-то ночью я разгневался на свою жену, замахнулся на нее и нечаянно задел ногтем свой нос. Вот так лишился я половины носа».

После этого Тинин Висаг отправился домой. Поднялся сильный ветер, прогремел гром и полил дождь. Смотрит Тинин Висаг и видит около себя огромного человека, который говорит:

— Подойди, путник, и садись на то место, где у меня выбит коренной зуб, пока не пройдет дождь.

Тинин Висаг сел в отверстие, где был коренной зуб. Дождь и ветер перестали; он вылез изо рта человека и спросил:

— Расскажи мне, как ты лишился зуба?

Огромный человек рассказал: «Нас было одиннадцать братьев. Однажды странствовали мы в дальних краях. Шли мы и наткнулись на одноглазого нарта. Он всех нас сгреб в кулак и бросил в кисет с табаком. Дома он вытащил моих десятерых братьев из кисета и стал грызть их зубами, словно лесные орехи. Вытащил он меня, повертел между пальцами, хорошенько осмотрел и, сказав, что я слишком тощий, бросил меня на дверной косяк, а сам растянулся на нарах.

До того как он еще не уснул, вокруг него вертелся козел. Нарт частенько поглаживал его по спине, называл козлом дады, а потом уснул. Я зарезал этого козла и его шкуру натянул на себя. Ударом большого камня я выколол нарту глаз и на четвереньках, блея, стал вертеться вокруг него. Нарт выскочил и два раза сказал: «Козел дады! Не выпускай его!» Потом потер меня своей огромной рукой и случайно отодвинул скалу, которой был прикрыт вход в пещеру. Через щель я и выскочил. Пересек я две-три горы и громко крикнул:

— Это я, козел дады, который выколол твой глаз!

Схватил нарт огромную скалу, прикрывавшую вход в его жилье, и кинул мне ее вдогонку. Скала перелетела через меня, ударилась о гору и разлетелась на мелкие куски. Один ее осколок и выбил мне коренной зуб».

Так закончил человек свой рассказ о том, как у него был выбит коренной зуб.

Младший брат Тинин Висаг возвратился домой к старшим братьям и поведал им о том, как Черный хожа потерял половину носа и как огромный человек лишился коренного зуба.

За это братья оставили ему куст, который оживлял мертвых.

22. ПАРЧО

Давным-давно жил один сильный человек с одним глазом во лбу. Его звали Парчо. Когда он пас в лесу овец, на него наткнулись три брата, которые искали место для ночлега. Парчо пригласил их переночевать. Ввел он их в пещеру, съел одного и говорит:

— Завтра утром я съем кого-нибудь из вас, бросьте между собой жребий.

Съел он и второго брата. После этого Парчо бросил в очаг головешку и стал отдыхать. Головешка разгорелась. У очага Парчо уснул. Третий брат взял раскаленную головешку и выколол Парчо единственный глаз. Разъяренный Парчо носился по пещере, но найти третьего брата среди овец не мог.

— Куда ты денешься! Я сейчас выгоню овец и поймаю тебя, — кричал Парчо.

Он стал гонять овец и гладил рукой каждую из них по спине.

Третий брат подвязал себя под брюхо овцы и незаметно вышел из пещеры. Выгнал Парчо своих овец и носится по пещере. А третий брат кричит:

— Не трудись, Парчо, я здесь!

— Ты хитростью превзошел меня, вот тебе в подарок кольцо, — и Парчо бросил кольцо.

Третий брат надел кольцо на палец, и оно стало издавать по лесу невообразимо громкий звук. На этот звук и направился Парчо. Хотел третий брат снять кольцо с пальца, но оно не поддавалось. Тогда он отрубил палец вместе с кольцом и убежал.

Подошел ослепленный Парчо и, думая, что лежит человек, стал наносить удары шашкой. От этих ударов и возник родник, который существует и поныне [1].

23. СКАЗКА ОБ ОХОТНИКЕ И НАРТЕ

В давние времена жили-были муж и жена. Каждое утро муж выводил жену во двор, устанавливал на ее голове яйцо и стрелял в него из ружья. Жена, хотя и боялась, что пуля попадет в нее, не признавалась мужу в этом. Видя свое тяжелое положение, она как-то обратилась к ведунье за советом и обо всем рассказала ей. Ведунья спросила:

— Что он говорит тебе после того, как выстрелит?

— Он говорит: «Какой я молодец и какой охотник!»

— Когда муж завтра произнесет эти слова, ты скажи ему: «Есть молодцы и охотники получше тебя, побродил только по свету, а не сиди все время дома», — такой совет дала ей ведунья.

На второй день после того, как муж выстрелил, жена говорит ему:

— Найдутся молодцы и охотники получше тебя, увидишь их, если отправишься странствовать.

— Ну-ка я посмотрю, есть ли молодцы и охотники лучше меня или нет, — сказал охотник и отправился в дорогу.

В пути он увидел башни. В них жили семь нартов со своей матерью.

— Примете ли гостя? — с этими словами охотник вошел в башню.

Мать нартов пекла лепешки из кукурузной муки, а нартов не было дома. Она ответила:

— Примем, конечно, как же не принять гостя? Но если мои сыновья узнают о твоем приходе, они убьют тебя. Быстро спрячься в подоле моего платья.

И она спрятала гостя в подоле своего платья.

Через некоторое время вернулись домой семь нартов.

— Нани, кто к нам пришел? — спросили они.

— Если вы дадите слово, что не убьете, скажу.

Услышав их обещание, мать вытащила охотника из подола своего платья.

— Это наш гость, нани? — смеясь, стали перебрасывать нарты гостя-охотника из рук в руки.

Натешились они своей игрой, но из-за слова, данного матери, не стали его убивать дома, а решили убить в дороге, когда он выйдет из их дома.

Вышли они и сели в том месте, где должен был проходить гость-охотник. Мать нартов накормила гостя-охотника, указала ему путь-дорогу и посоветовала уйти до прихода сыновей. Быстро оседлал охотник коня и тронулся в путь. Тут нарты заметили его и бросились в погоню.

Убегавший охотник встретил по дороге нарта Гончу [1], который пахал землю на восьми кабанах.

— За мной гонятся семь нартов, которые хотят убить меня. Спаси меня! — стал просить охотник у нарта Гончи.

— Убирайся, не пугай моих кабанов, ты портишь полосу вспашки! — закричал Гонча.

— Разве тебе эта пахота дороже моей жизни? Спаси меня! — снова взмолился охотник.

Тогда Гонча положил его вместе с конем в рот, в дупло зуба. Подскакали нарты и говорят:

— Отдай нашего гостя!

— Гостя, который просит у меня помощи, я вам не отдам. Идите своей дорогой, не портите мне пахоту!

— Если не отдашь гостя, мы не уйдем! — сказали семеро нартов и хотели остановить пахоту.

Гонча прикрикнул на кабанов, и они понеслись на нартов, которые в страхе разбежались. А охотник сидел в дупле зуба Гончи и думал: «Я спрошу у него, как он лишился такого огромного зуба».

Как только нарты убежали, Гонча вытащил охотника вместе с конем из дупла своего зуба. Охотник спросил его:

— Расскажи, пожалуйста, как ты лишился зуба?

— Я занят пахотой и не могу остановиться и рассказывать тебе об этом.

— Я подожду до вечера, если ты мне расскажешь, — сказал охотник.

— Хорошо, вечером расскажу, а сейчас зайди в шалаш и жди меня, — сказал Гонча.

Гонча пахал до вечера, а вечером рассказал вот что: «Нас было семеро братьев, я был самым хилым. Была у нас единственная сестра. Эту сестру украл одноглазый нарт по имени Сарган [2].

Мы, семеро братьев, отправились отбить ее. Пересекли семь гор и оказались в жилище Саргана. Сарган нас хорошо принял, расспросил и развел очаг. После этого воткнул в угли грязный вертел. Дал ему нагреться докрасна, а затем хватал каждого из нас и насаживал на этот вертел. Затем он положил вертел на угли и прилег отдохнуть.

Я оказался на самом краю вертела, и острие его не проткнуло мое сердце. Когда Сарган уснул, я соскочил с вертела, снял с него своих братьев, опять раскалил вертел и воткнул его в единственный глаз Саргана, а сам бросился бежать.

Проснувшись от боли, Сарган носился со страшным криком. Схватил он скалу и бросил ее мне вслед. Скала упала недалеко от меня и ударилась о другую. Несколько осколков от нее попало мне в скулу и выбило зуб. Я похоронил братьев в одной могиле, оставил вопящего Саргана и, не найдя следов сестры, пришел домой».

— Но ты житель гор, а не равнины, — сказал Гонча в конце своего рассказа, — возвращайся назад и живи своим трудом.

24. ХРАБРЫЙ КАНТ

У одного отца был единственный сын. Стал он взрослым и спросил у отца:

— Что это за башни вдали?

— В этих башнях живут семь нарт-орстхойцев.

— Я пойду к ним померяться силой, — сказал сын, взял шашку и пошел.

Юноша еще не дошел до этой башни, а мать нарт-орстхойцев говорит сыновьям:

— Сюда приближается какой-то человек. Видно, он очень сильный. Что будем делать? Натравим на него наших собак. Если он трус, они разорвут его.

И нарт-орстхойцы натравили на него собак. Ударами шашки кант изрубил всех собак.

Испуганные нарт-орстхойцы решили: «Это очень сильный человек, мы сделаем его своим братом».

Кант вошел в башню. Нарт-орстхойцы приветливо встретили его и сказали:

— У кого не было брата, у того он теперь есть.

И они выдали замуж за него свою сестру.

Прошло время, и кант говорит:

— Я давно не видел своих отца и мать. Я соскучился по дому и, если вы не против, то проведал бы их.

— Поезжай, пожалуйста, — сказали нарт-орстхойцы, вместе с ним усадили на арбу сестру и проводили их.

— В дороге вам встретится небольшая речушка, и на вас наведут зеркало. Не бойтесь и смело гоните своих лошадей. Если вы промедлите, то очутитесь в нижнем мире!, — предупредили нарт-орстхойцы.

Отправился кант с женой в путь.

Подъехали они к речушке, а на них навели зеркало. Кант смело погнал лошадей, но лошади и жена провалились в нижний мир, а кант удержался на берегу и не провалился. Ходил он по берегу и не знал, что ему делать. Увидел шалаш и вошел в него. Через некоторое время в шалаш вошли еще трое.

— Пусть будет добрым твой приход! Будь нашим братом! — приветствовали они канта.

— И вас пусть добро не минует! — ответил кант, и они стали друзьями.

Однажды кант охотился и увидел девушку, которая ушла через отверстие в землю. Приехал он и рассказал об этом своим друзьям.

— Эту девушку мы давно приметили. Она живет в нижнем мире, — ответили ему друзья.

— Я обязательно доберусь до ее жилья, — сказал кант.

— В это отверстие не так-то легко пройти. Кто туда спустится, тот сгорит, — сказали ему друзья.

— Что бы ни случилось, я обязательно пойду туда, — настаивал кант.

— Тогда пойдем все вместе, — сказали друзья. — Ты наш гость, одного тебя мы не отпустим и первыми войдем в это отверстие в землю.

Первый обмотал себя веревкой и, спускаясь, сказал:

— Если закричу: «Горю!», то вытаскивайте.

Через некоторое время он крикнул: «Горю!», и они вытащили его.

Спустили в отверстие второго, тот крикнул: «Горю!», и его вытащили. То же произошло и с третьим. Стал спускаться храбрый кант и сказал, чтобы на крик «горю!» его не поднимали, а спускали еще ниже. Через некоторое время он крикнул: «Горю! Горю!» — и друзья стали спускать его еще ниже.

Храбрый кант очутился в нижнем мире. Огляделся он по сторонам и увидел золотые башни, в которых сидели три очень красивые девушки. Две из них бросились обнимать канта и говорить:

— У кого не было брата, у того пусть он будет! Пусть будет добрым твой приход!

Третья девушка сразу влюбилась в него и стояла, повернувшись спиной. После приветствий кант сказал:

— Хотите, я подниму вас в верхний мир?

— Поднимайся вначале ты, а затем поднимешь нас. Твои друзья могут обмануть и не поднять тебя, — стали просить девушки.

— Нет, нет, я хорошо знаю своих друзей. Я не поднимусь первым, оставив вас здесь! — сказал кант и стал по одной поднимать девушек.

Девушки были подняты наверх, друзьям они понравились, и те обрезали веревку, когда поднимали канта. Он опять упал в нижний мир.

Огляделся он по сторонам и видит, что очутился в третьем мире. Ходил он, ходил и оказался в селе. Он встретил старуху и стал расспрашивать ее о житье-бытье. Она сказала ему:

— Дела в нашем селе не очень хорошие. У родника лежит сармак и не дает нам воды. Мы гибнем от жажды.

— Об этом не печалься, старая женщина. Я накажу этого сармака! — сказал кант и отправился к роднику.

От скрежета зубов сармака, казалось, дробятся звезды. Как только он увидел храброго канта, высунул свой двухаршинный язык и засвистел так, что, казалось, земля и небо лопаются, а затем бросился на храброго канта. Храбрый кант ударом шашки рассек язык сармака пополам. От сильной боли сармак стал на конец своего хвоста и снова ринулся на канта.

— Или я умру, или жив останусь! — крикнул кант и шашкой разрубил сармака на девять частей.

Потом он вернулся домой и сказал старой женщине:

— Я лишил его девяти душ. Живи спокойно!

Старая женщина усыновила канта[2], и они стали жить вместе. Прошло много лет, и кант вспомнил своих отца-мать, заскучал и сказал женщине:

— Я сильно скучаю по отцу-матери и хотел бы проведать их, указала бы ты мне дорогу в верхний мир.

— Кому, кроме тебя, я укажу эту дорогу! Я не знала, как и чем отблагодарить тебя. Вон там есть дорога. На ней три барана: черный, белый и серый. Если дотронешься до белого, очутишься в верхнем мире, если до двух других, окажешься в еще более нижнем мире, — сказала старая женщина.

По ее совету кант коснулся белого барана и очутился в верхнем мире.

Шел он и встретил человека, который гонялся за белым зайцем. Ударом пинка храбрый кант убил зайца.

— Почему ты убил зайца? — стал плакать этот человек.

— Я хотел тебе услужить, а мне заяц не нужен. Отчего ты плачешь? — спросил храбрый кант.

— Я плачу не о зайце. Я давно потерял своего сына и ищу его. Некто мне сказал, что если я поймаю белого зайца, то найду своего сына. Я думал вот-вот поймаю его, а ты его убил. Нет в тебе жалости. И теперь я не смогу найти своего сына! — снова стал плакать встретившийся человек.

Кант узнал своего отца.

— Ты нашел своего сына! Я твой сын! — бросился сын в объятия отца.

И они вместе отправились домой.

Коварные друзья канта уже женились на девушках и веселились.

Храбрый кант рассказал обо всем, и старейшины села решили изгнать его бывших друзей из села.

Их выгнали, а храбрый кант женился на любимой девушке.

Три дня и три ночи шла свадьба. И они счастливо зажили.

Удалой храбрый кант не теряется и мужает, когда его постигает неудача. И народ таких не забывает.

25. АЛХАСТ И МАЛХ-АЗНИ

У одного старика было семеро сыновей. Среди аульчан старик всегда был молчалив и задумчив. Обычно он сидел со своими сверстниками-стариками, обхватив голову руками.

Как-то старший из его сыновей, Алхаст, вышел на улицу и увидел среди других стариков своего пригорюнившегося отца. Он отозвал его в сторону и говорит:

— Дада, среди твоих сверстников я вижу тебя всегда опечаленным. О чем ты думаешь? Какое несчастье тебя постигло? Скажи мне, что с тобой?

— Мой любимый сын Алхаст! Не нужда какая-нибудь заставляет меня задумываться, а то, что я должен сделать в ближайшее время. Пока я и твоя мать живы, мне хотелось бы женить вас, моих сыновей. Говорят, у одного князя есть семь дочерей. Как бы вас женить на них — вот о чем я всегда думаю, — ответил отец.

Сын постеснялся после таких слов говорить с отцом и пошел домой[1].

Алхаст позвал к себе младших братьев и сказал им:

— Из-за нас дада всегда сидит унылый среди таких стариков, как и он сам. Он думает о том, как бы женить нас на семи дочерях одного князя. Чтобы исполнить желание дады, я пойду сватать нам этих девушек. А вы оставайтесь дома и следите за хозяйством.

Выслушав старшего брата, самый младший сказал:

— Ты старше всех нас. Нельзя ли сделать так, чтобы ты остался дома, а нам пойти и сосватать дочерей князя?

Алхаст согласился, и они решили, что сватать дочерей князя поедут шестеро младших братьев.

Когда братья собрались в путь, Алхаст сказал:

— Вы оставляете меня дома, но боюсь, что с вами случится какая-нибудь беда. По дороге к князю стоит дом. Когда вы будете проходить мимо него, хлынет дождь. На обратном пути, как только вы поравняетесь с этим домом, опять хлынет дождь. Нель-

зя входить в этот дом, чтобы укрыться от дождя, дважды. Войдите только один раз — или на обратном пути или на пути к князю. Если вы оба раза войдете в дом, с вами случится беда.

— Хорошо, — сказали братья и поехали к князю.

Только братья поравнялись с этим домом, хлынул дождь и насквозь промочил их. Братья решили высушить одежду, прежде чем они приедут к князю. Они зашли в дом. В одной комнате они нашли накрытый стол, но хозяина дома не было. Братья пообедали, высушили одежду, отдохнули и тронулись в путь.

Братья прибыли к князю и, как научил их старший брат, сказали, что хотят посвататъ его семерых дочерей. Князь дал согласие, угостил дорогих гостей разными блюдами и дорогими винами, выдал за них семерых дочерей и проводил в обратный путь.

Счастливые братья возвращались домой. На обратном пути, как только они поравнялись с домом, о котором говорил им старший брат, пуще прежнего хлынул дождь. Хотя самый старший из шестерых братьев и напомнил им о том, что старший брат разрешил им входить в этот дом только один раз, братья сказали:

— Ничего не будет, — и вошли в дом.

Как и в первый раз, братья застали в комнате накрытый стол, но хозяина не было дома. Они пообедали, высушили свою одежду и только хотели выйти из дома, вошел одноглазый нарт.

— Оставьте у меня девушку, которую вы везете Алхасту, а остальные — убирайтесь! — сказал одноглазый и отобрал невесту Алхаста.

Тогда-то и пожалели они, что не послушали совета старшего брата. Делать нечего — отправились братья домой с шестью невестами.

Шестеро братьев приехали домой и рассказали обо всем, что с ними случилось.

Снарядился Алхаст в путь и сказал:

— Если я не вернусь домой через год, можете устроить свадьбы. Но до этого не играйте.

И Алхаст отправился к одноглазому. Он приехал туда, где одноглазый отобрал у братьев его невесту. Алхаст огрел коня плетью и подъехал к дверям дома.

Одноглазый нарт вышел из дома, поздоровался с Алхастом и сказал:

— Иди-ка сюда, Алхаст, и залезай на мои плечи.

Алхаст спешился и залез на плечи одноглазого. Не успел он и глазом моргнуть, как одноглазый принес его в чужой край. Там одноглазый спросил Алхаста:

— Посмотри вон туда. Видишь, там льется какой-то свет? Этот свет исходит от девушки. Ее зовут Малх-Азни. Хочешь добыть ее или умереть — упасть с моих плеч и разбиться?

— Или умру, или добьюсь девушки Малх-Азни.

Не успел Алхаст и глазом моргнуть, как одноглазый доставил его к своему дому и сказал:

— Если ты добудешь Малх-Азни и приведешь ее ко мне, тогда можешь забрать свою невесту.

После этого одноглазый отпустил Алхаста.

Алхаст сказал невесте, что она должна жить у одноглазого до его возвращения, и поехал добывать Малх-Азни.

По пути к Малх-Азни он то и дело натыкался на копны соломы. Возле одного села он заметил горящую копну.

— Жаль такую солому, — сказал Алхаст и принялся тушить огонь.

Крысы, укрывавшиеся в норках под копной, бегали туда-сюда. Алхаст потушил огонь и хотел продолжить свой путь. Тут одна белая крыса преградила ему дорогу и сказала:

— Кант, ты потушил огонь и спас наших жен и детей. Мы все благодарны тебе. Когда тебе понадобится наша помощь, сожги этот волос.

Белая крыса вырвала из своих усов волос, подала его Алхасту и добавила:

— Я вместе со своей армией крыс буду возле тебя.

Алхаст подумал: «Ну какую помощь мне могут оказать крысы»? — и отправился дальше.

Через три месяца после случая с крысами Алхаст вступил на земли Малх-Азни. Он сразу встретил отца Малх-Азни, объезжавшего свои владения, который спросил:

Кто это пришел в мой край?
Кто это — человек или зверь?
В край, куда птицы не залетают,
В край, куда звери не приходят.

— Сын бедного человека пришел в твой край, — ответил Алхаст.

— Отвечай скорее, зачем явился сюда? — спросил отец Малх-Азни.

— Мне неудобно отвечать на твой вопрос. Разреши, старик, ответить кому-нибудь другому[2], — сказал Алхаст.

— В моем крае нет другого человека, которому ты мог бы рассказать, зачем явился. Здесь нет другого властелина, кроме меня. Только я могу ответить на твои вопросы, — сказал отец Малх-Азни.

Тогда Алхаст рассказал, зачем он прибыл.

— Если так, следуй за мной, — сказал отец Малх-Азни и повел его к себе.

Вокруг села была высокая изгородь — на кольях торчали головы людей. Отец Малх-Азни сказал:

— Смотри туда. Видишь на кольях торчат головы? Это головы

тех, кто, как и ты, на разных состязаниях хотел добиться руки моей дочери Малх-Азни. Мне жаль твоей красоты и жаль лишить тебя головы. Лучше возвращайся к себе тем же путем, каким явился сюда.

— За свою голову, старец, я отвечу сам. Разреши и мне состязаться. Если я проиграю, отрубишь и мне голову.

— Ладно, не сумеешь выполнить мое поручение, твоя голова очутится вон на том колу. Иди за мной, — и отец Малх-Азни повел Алхаста к амбару и открыл двери. Амбар до потолка был завален пшеницей, ячменем и просом.

Отец Малх-Азни сказал Алхасту:

— Видишь перемешанное зерно? Если до зари ты наполнишь пшеницей одни мешки, ячменем — другие, просом — третьи, моя дочь Малх-Азни будет твоей. Если не сумеешь до зари разобрать зерно, хоть одно зернышко пшеницы, ячменя или проса окажется не в своем мешке, — твоя круглая голова будет на колу.

Он закрыл Алхаста на засов и ушел.

«Непосильная задача — разобрать столько зерна. Но если я не сумею этого сделать, то моя круглая голова окажется на колу», — думал Алхаст.

Раскладывая зерна пшеницы, ячменя и проса в отдельные кучки, Алхаст просидел до полуночи. Вдруг он вспомнил про волос белой крысы.

«Может быть, из этого что-нибудь получится», — подумал он и сжег волос.

Не успел волос полностью догореть, как амбар наводнила целая армия крыс во главе с белой крысой.

— Какую службу мы сможем тебе сослужить? — спросили крысы у Алхаста.

Алхаст рассказал о случившемся:

— До зари я должен разобрать это зерно: пшеницу собрать в одну кучу, ячмень — в другую, просо — в третью. За это я получу красавицу Малх-Азни. Если не сумею этого сделать, моя голова будет посажена на кол.

— Это нетрудное дело по сравнению с тем, что ты сделал для нас. Проделав долгий путь, мы проголодались. Сначала мы поедим из этой кучи, а потом возьмемся за работу, — сказали крысы.

Они досыта наелись зерна и по команде белой крысы отобрали пшеницу в одну кучу, ячмень — в другую, просо — в третью.

Алхаст поблагодарил крыс, отпустил их домой и принялся наполнять мешки. Закончив работу, Алхаст, радуясь, сел на мешки.

На заре отец послал в амбар свою младшую дочь:

— Иди разбуди этого канта и приведи его ко мне. Наверно, он, пытаясь разобрать зерно, устал и уснул.

Дочь открыла дверь амбара и заглянула внутрь. Она увидела,

что Алхаст сидит на мешках и распевает песни. Дочь так и ахнула от удивления. Не сказав Алхасту ничего, она быстро выскочила из амбара, захлопнула дверь и закрыла снаружи засов. Прибежав к отцу, она сказала:

— Дада, кант, которого ты оставил в амбаре, разобрал зерно, наполнил мешки и сидит на них, распевая песни.

— Так легко выдать за него нашу Малх-Азни мы не можем. Иди, незаметно возьми пшеницы и перемешай с ячменем и просом.

Дочь снова открыла двери амбара и вошла. Когда она явилась второй раз, Алхаст заподозрил недоброе и стал за ней наблюдать.

— Чисто ли ты разобрал зерно? — сказала дочь. — Дай-ка я проверю.

Она развязала мешки, потихоньку от Алхаста взяла зерна пшеницы и смешала с зернами ячменя и проса. Увидев, что она сделала, он вскочил на ноги, подбежал к ней и сильно ударил ее по лицу. Лицо девушки искривилось от удара. Она вскрикнула. Со слезами побежала она к отцу, рассказала, что кант ударил ее и искривил ей лицо.

Отец Малх-Азни побежал в амбар. Он развязал мешки, высыпал зерно на пол и увидел, что зерно разобрано, как он требовал. Только в двух мешках, куда дочь бросила пшеницу, зерно было перемешано. Отец Малх-Азни сказал:

— Алхаст, ты победил в состязании и выиграл мою дочь Малх-Азни. Я прошу тебя только об одном: вылечи лицо моей младшей дочери.

— Я бы не искривил ей лицо, если бы она поступила со мной честно, — сказал Алхаст, ударил девушку по другой щеке, и лицо ее стало прежним.

Отец подарил Малх-Азни много подарков и проводил Алхаста и свою дочь.

Когда они вышли из села, Малх-Азни сказала ему:

— Алхаст, нас так легко не отпустят мои родители и братья. Мои семеро братьев где-то здесь охотятся на зверей. В дороге они заметят нас и помешают нам уехать. Ты должен стать голубем, а я — коршуном.

Сказав это, Малх-Азни достала из своих вещей белое и черное кресала и потерла их друг о друга. Тотчас Алхаст превратился в голубя, а Малх-Азни в коршуна. Они полетели.

Как раз в это время возвращались с охоты ее семеро братьев. Они кроме человеческого языка знали еще языки всех живых существ. Один из братьев сказал тому, кто знал язык птиц:

— Посмотри, брат, как красиво летят вон тот коршун и голубь! Давай подстрелим их!

Брат, владевший языком птиц, посмотрел на летящих и сказал:

— Нужно пропустить их: летящий впереди голубь — наш

зять, а коршун, летящий за ним, — наша сестра. Они летят и радуются друг другу.

Братья не тронули их и пошли своим путем. Малх-Азни и Алхаст полетели дальше. Так они долетели до дома одноглазого. Заметив их, одноглазый вышел им навстречу.

— Алхаст, я давно слышал о тебе как о смелом и красивом канте. Мне хоть и жаль было посылать тебя за Малх-Азни, но очень хотелось, чтобы ты и на ней женился. Веди теперь обеих невест к себе домой. Счастливого пути! — сказал одноглазый.

Алхаст ровно через год вернулся домой. Братья после его возвращения сыграли семь свадеб.

26. ОХОТНИК

Один охотник встретил в лесу медведя. Только он прицелился в него, как тот заговорил на человеческом языке:

— Не убивай меня, я пригожусь тебе.

Охотник не стал убивать медведя.

— Возьми мой волос. В нужный момент сожги его, и я окажусь возле тебя, — сказал медведь.

Охотник взял волос и отправился дальше. В пути он очень проголодался: «Пристрелю первого встречного зверя, зажарю и съем».

Шел он, шел и наткнулся на раненого коршуна. Он хотел пристрелить его, но коршун сказал охотнику на человеческом языке:

— Не убивай меня, охотник. Я пригожусь тебе.

Охотник не стал убивать коршуна.

— Возьми мое перышко. В нужный момент сожги его, и я окажусь возле тебя, — сказал коршун.

Охотник шел дальше и клялся: «Теперь-то я пристрелю любого встречного зверя, зажарю и съем».

И он наткнулся на лису. Охотник хотел ее убить, но она попросила его:

— Не убивай меня, охотник, я пригожусь тебе.

Охотник не стал убивать и лису.

— Возьми мой волос. В нужный момент сожги его, и я окажусь возле тебя, — сказала лиса.

Походил, походил охотник и дошел до какого-то села. Вокруг села стояла высокая изгородь. За ней играли большую свадьбу. На каждый кол изгороди была насажена человеческая голова. Пустовал только один кол. Охотник подошел ко двору, где играли свадьбу, и спросил:

— Какую страшную картину я вижу здесь: на кольях изгороди человеческие головы, а здесь играют свадьбу. Скажите, что это за свадьба, кто женится?

Тогда ему ответили:

— Падчах выдает свою дочь за того юношу, который сумеет спрятаться лучше всех. Ему сначала разрешают три дня и три ночи веселиться с черкешенками [1]. Он вдоволь пьет и ест. После этого соревнующиеся прячутся три раза. Если дочь падчаха находит его в третий раз, то его голову сажают на кол. Вон один кол пустует. Если хочешь, спрячься и ты. Если тебя найдут, то твоя голова очутится на том колу.

Тогда охотник сказал:

— Разрешите и мне участвовать в этих соревнованиях.

Ему разрешили. Он три дня и три ночи веселился с черкешенками, вдоволь ел и пил. По истечении трех дней ему сказали:

— Теперь прячься.

Охотник достал волос медведя и сжег его. Не успел волос догореть, как перед охотником появился медведь.

— Что случилось? — спросил медведь.

— Ты должен спрятать меня. Если они меня не найдут, я выиграю дочь падчаха.

— Залезай на мою спину, — сказал медведь и понес его к морю.

Там медведь спрятал охотника в берлоге у моря, а сам, закрыв берлогу, лег у входа.

На второй день дочь падчаха встала на свою лестницу, постояла немного и сказала:

— Выходи из берлоги медведя у самого моря.

Охотника второй раз накормили, напоили и усадили веселиться с черкешенками, а затем приказали спрятаться. Охотник сжег перо коршуна. Прилетел коршун, усадил его на спину и поднял в небеса выше облаков. Потом он расправил крылья и начал парить.

Дочь падчаха залезла на лестницу искать охотника, постояла там и сказала:

— Ветер всколыхнул полу твоей черкески. Я нашла тебя. Спускайся.

И в третий раз было так, как в первые два дня. В этот раз охотник сжег волос лисы. Не успел волос догореть, как перед охотником появилась лиса.

— Какая помощь тебе понадобилась? — спросила она охотника.

Охотник рассказал лисе обо всем и сказал:

— Ты должна спрятать меня, лиса.

Лиса повела его с собой. Они прошли расстояние в одно поле [2], взобрались на вершину какого-то холма и сели там. Охотник удивился:

— Ты что, лиса, посадила меня на самом видном месте — на вершине холма. Так меня найдут без особого труда. Меня спрятал медведь в берлоге у моря, коршун на спине в небеса поднял

выше облаков — и то нашли! А ты посадила меня на вершине холма!

Лиса ответила:

— Не бойся, охотник. Я сейчас попрошу бога, чтобы он превратил меня в гармониста, а тебя — в комара! Только ты говори со мной: «Аминь!» Превратившись в комара, ты залезешь в рукав моей черкески, а я, превратившись в гармониста, пойду на свадьбу. Там меня будут заставлять плясать лезгинку. Я не соглашусь, пока не станцует со мной дочь падчаха. Когда мы начнем плясать лезгинку, я махну рукой возле груди дочери падчаха. Ты вылети из рукава, залети под ее платье и сиди. Завтра дочь падчаха начнет искать тебя и, не найдя нигде, объявит, что не нашла. А ты после ее слов превратись в человека, опустись на землю и обними ее.

Лиса начала просить бога:

— Преврати меня в гармониста, а охотника — в комара.

Бог превратил лису в гармониста, а охотника — в комара. Комар залетел в рукав черкески гармониста. Гармонист отправился на свадьбу. Когда он несколько раз сыграл лезгинку, его попросили сплясать. Он отказался плясать без дочери падчаха. И дочь падчаха стала танцевать с ним лезгинку. В середине танца гармонист махнул рукой возле груди дочери падчаха. Комар перелетел под ее платье и спрятался. После того как комар перелетел к дочери падчаха, гармонист закончил пляску; отошел в сторону, превратился в лису и убежал.

Дочь падчаха на следующий день начала искать охотника. Она поднялась на свою лестницу. С третьей ступеньки она видела все, что находилось под семью небесами и под семью подземельями, но охотника не увидела. Дочь падчаха спустилась на землю и объявила:

— Нет его на всех семи небесах, нет его под семью подземельями. Не рожала его ни одна мать, нет его ни мертвого, ни живого.

Как только дочь падчаха объявила это, комар превратился в охотника, опустился на землю и обнял ее.

27. КАК СЫН СТАРИКА ПЕРЕСПОРИЛ ДОЧЬ ПАДЧАХА

Жил старик-бедняк со своим сыном.

— Ва, дада, засватай мне дочь падчаха, — просит сын.

— Брось, дурак, о чем говоришь? Разве за тебя выдадут дочь падчаха? — сказал отец.

Но сын настоял, и отправился старик сватать дочь падчаха за своего сына. Падчах сказал, что посоветуется со своими хакимами *, и велел ему прийти в следующую пятницу.

Собрал падчах своих хакимов и стал с ними советоваться — что сделать, чтобы отказать старику. Один из хакимов сказал, что нужно потребовать много золота, другой — много овец.

— Все это можно выполнить, — сказал падчах.

Тогда один из приближенных падчаха посоветовал:

— В нашем крае девяносто девять лисиц одного цвета и величины. Пусть он выловит их всех за день и приведет к нам. Это будет ему не под силу.

Падчаху понравился такой совет. В назначенную пятницу пришел старик. Говорит ему падчах:

— Если твой сын за день поймает и приведет ко мне девяносто девять лисиц одной масти и величины, я выдам за него свою дочь.

Отец все рассказал сыну. Он был уверен, что сын этого выполнить не сможет и на их голову падет позор.

Не сказав ни слова, сын оседлал коня и выехал в далекий край. До обеда он изловил девяносто восемь лисиц одной масти и одной величины. Последнюю же лисицу нигде найти не мог. Солнце уже клонилось к закату. А он не мог найти лисицу потому, что ее поймала дочь падчаха. Сделала она это, чтобы унизить сына старика, показать ему, что он человек незнатного происхождения и потому не может выполнить задание падчаха.

Прибыла она со своей свитой и лисицей к молодому человеку, а он не знал, что она — дочь падчаха. Сын старика обо всем ей рассказал и попросил, чтобы она продала ему лисицу. Но дочь падчаха не соглашалась уступить лисицу ни за какие деньги.

— За что бы ты отдала ее? — спросил сын старика.

— Если позволишь на своей спине поставить отпечаток моего мизинца, тогда я отдам тебе лисицу [1].

— На такой позор я не согласен, — сказал сын старика.

«Если я не получу эту лисицу, то за меня не выдадут дочь падчаха. Владелица лисицы не знает, кто я такой, и о моем позоре никто не узнает», — так подумал сын старика и согласился.

Юноша подошел к девушке, она поставила на его спине отпечаток мизинца, отдала лисицу и уехала.

На второй день сын старика привел к падчаху девяносто девять лисиц одной масти и одной величины. И здесь он увидел дочь падчаха. И признал в ней ту, которая дала ему последнюю лисицу. Спросила у него дочь падчаха:

— Ты зачем явился сюда, ты, с отметиной моего мизинца на спине?

Пристыженный, сын старика убежал.

Уехал он в далекие края и там проводил время. В тех краях он наткнулся на дом, в котором жили три девушки. Они очень удивились его появлению в этих безлюдных местах. У девушек была серебряная курица с двенадцатью цыплятами. Сын старика проводил с девушками время и веселился. Стали девушки просить его, чтобы он увел их из безлюдного края и поселил среди людей.

Одна из них согласилась выйти за него замуж — ее приданым была серебряная курица с двенадцатью цыплятами.

Он поселил девушек среди людей, а одну из них оставил себе. Потом взял у нищего изорванную одежду и с серебряной курицей и цыплятами отправился ко двору падчаха. И там он стал забавляться цыплятами. Служанка дочери падчаха долго смотрела на это чудо-веселье. Когда служанка вошла в покои, дочь падчаха отругала ее. Служанка рассказала дочери падчаха, почему она задержалась.

— Пойди, — сказала дочь падчаха, — и заплати нищему за курицу с цыплятами столько золота и серебра, сколько он захочет.

Однако сын старика не соглашался продать курицу с цыплятами ни за какие деньги. Удивленная этим, дочь падчаха вышла сама, чтобы сговориться с нищим о цене.

— За что уступишь курицу с цыплятами? — спросила она у нищего.

— Если позволишь оставить отпечаток моего большого пальца на твоем бедре, тогда отдам, — ответил сын старика.

Ввела она его в комнату и разрешила сделать отметину на своем бедре.

Сын старика отдал курицу с цыплятами и ушел.

На второй день он надел свои лучшие одежды и явился во двор падчаха. Вышла дочь падчаха и спрашивает сына старика с издевкой:

— Ты зачем сюда опять явился, ты, купивший лисицу за отпечаток моего мизинца на своей спине?

— А ты что хочешь сказать, позволившая сделать отпечаток моего большого пальца на своем бедре за курицу с цыплятами?

Поняла дочь падчаха, с кем имеет дело, и тут же сказала отцу, чтобы он выдал ее замуж за сына старика.

Так сын старика женился на дочери падчаха.

28. КАК ПОБЕДИЛИ ЧЕРНОГО ВАМПАЛА

Седло приросло к коню, сам прирос к седлу, изо рта пламя бьет — так ездил черный вампал.

Однажды напал он на одно село, сжег его, шашкой изрубил всех людей, осталась лишь одна беременная женщина, которая собирала в лесу груши. Она родила мальчика и умерла. У мальчика под мышкой было солнце, из одного пальца текла вода, из другого — молоко, из третьего — масло, из четвертого — мед.

В лесу он сосал свои пальцы и так кормился. Подошел к нему волк и решил съесть мальчика. Только волк кинулся на него, мальчик просунул волку в пасть руку и сломал ему все клыки. Нечего было делать волку. А мальчик вспрыгнул на спину волка и схватил его за уши.

— Я твой всадник, а ты — мой конь, — сказал мальчик.

— Я привезу тебя к моему хозяину, — сказал волк и пустился рысью.

Мальчик верхом на волке подъехал в лесу к шалашу, у которого сидел старик и поджаривал оленя.

— Волчий щенок, откуда ты везешь этого сучьего щенка? — спросил старик волка.

— Один черный вампал разгромил село, изрубил людей, осталась лишь одна женщина в лесу. Она родила этого мальчика, а он сломал мне клыки, оседлал и приехал сюда верхом на мне, — рассказал волк.

Старик стал воспитывать мальчика. Поил его барсучьим молоком, кормил оленьим мясом и лесными орехами.

Этот старик был вещим и мог принять облик любого зверя.

Однажды старик принял облик медведя и стал бороться с мальчиком. Мальчик схватил медведя, притянул его к себе, сломал ему два ребра и с размаху ударил оземь.

— Ну, теперь у тебя достаточно сил, — сказал старик, — чтобы освободить свой край, на который нападает черный вампал. Тебе нужно оружие, которое снесет ему голову, и конь, который одолеет его коня. Вон там живет мой старший брат. Для него зарежешь этого белого оленя. Он большой мастер. Никто, кроме него, не сможет сделать шашку, которая одолеет черного вампала. Тебе я даю имя Берза Дог [2].

Берза Дог взял белого оленя и отправился туда, куда указал старик.

Из одной пещеры курился дым и раздавались звуки — занг-занг-занг. Подошел Берза Дог к пещере и говорит:

— Пусть хозяину будет впрок мясо этого белого оленя!

Выбежал из пещеры железных дел мастер с намерением драться. Увидел, что для него зарезали оленя, и драться не стал. Он был дороден, его борода и усы были опалены, на голове и плечах — сажа.

— Пусть будет твой приход добрым, если у тебя добрые намерения, — сказал он.

— У меня добрые намерения, а прислал меня к тебе твой младший брат. — И рассказал Берза Дог, что ему нужен меч, который мог бы разрубить черного вампала.

— Хорошо, — сказал кузнец. — Только сдвинь-ка с места эту наковальню. — И он показал на большой камень, лежавший посреди кузни.

Напряг Берза Дог все силы, но не смог сдвинуть наковальню с места. Она сидела глубоко в земле.

— Дай-ка я попробую, — сказал кузнец и без труда вырвал камень из земли, а затем вновь всадил его в землю.

— Будешь помогать мне в работе год, — сказал кузнец.

Целый год проработал Берза Дог у кузнеца и каждый день пытался вырвать наковальню, проверить, сколько сил у него прибавилось.

Через год он, как и кузнец, легко вырывал наковальню из земли, а затем обратно ее всаживал. И теперь он вместе с кузнецом начал делать шашку. Семь дней и семь ночей они готовили уголь, мяли сталь, словно тесто, руками. Семь дней и семь ночей ковали шашку, а потом стали бить ею по валунам и скалам.

Шашка рассекала валуны и скалы, словно тыквы. При ударе шашка удлинялась, а когда ее отводили, укорачивалась.

С шашкой Берза Дог вернулся к старику, который его воспитывал, а тот говорит:

— Теперь ты должен пойти к моему самому старшему брату. Приведешь от него сорок буйволиц. — И старик дал ему белого оленя.

Берза Дог приходит к самому старшему брату старика и говорит:

— Пусть хозяину будет впрок мясо этого белого оленя! — И прирезал оленя.

Самый старший брат, пасший овец, выбежал навстречу Берза Догу. Увидел он прирезанного для него оленя и успокоился, поел мясо оленя, и они стали говорить о делах. Пастух швырнул со своей ноги чувяк и попросил Берза Дога принести его. С трудом приволок Берза Дог тот чувяк.

— Ты должен проработать со мной ровно год, — сказал пастух.

Берза Дог ходил за овцами, коровами, буйволицами. Через год он взбегал на гору с одним быком на шее и двумя под мышками. Старик, воспитатель юноши, прирезал сорок буйволиц и выделал сорок шкур.

— Теперь мы пойдем драться против черного вампала. Я превращусь в коня. Когда ты будешь драться с вампалом, я буду драться с его конем. Чтобы удар копыта или укус коня мне не повредил, обернешь меня этими буйволиными шкурами.

И старик превратился в доброго коня.

Сорока буйволиными шкурами обернул его Берза Дог. С ветром споря, поднимались они в поднебесье, приникали к земле, словно проливной дождь. Так прибыли они в село, где жил Берза Дог.

Черный вампал положил тело отца Берза Дога к изголовью, а тела его братьев — под себя и крепко спал.

Конь черного вампала, как увидел Берза Дога, заржал.

Черный вампал проснулся и встал. Изо рта его ударило пламя, из ушей повалил дым. Вскочил он на своего коня и пустил его на Берза Дога.

Стали они драться. Дерутся и их кони. Огнем и мечом бился вампал. Берза Дог уклонялся от ударов, а каждый его удар попадал в цель. Каждый укус коня вампала срывал с коня Берза Дога по одной буйволиной шкуре. А каждый укус коня Берза Дога вырывал у коня вампала по одной жиле. От грохота этой битвы птицы с небес попадали, звери к земле приникли. Берза Дог направил солнце из-под мышки на черного вампала, и тот ослеп от его сияния. Шашкой искромсал Берза Дог вампала и его коня. Бой, начатый утром, продолжался до вечера. Как только вампал испустил дух, все покойники аула ожили. Трех братьев — старика-воспитателя, кузнеца и пастуха — пригласили в аул и устроили большое веселье.

Они стали вместе жить. Пусть им и нам во всем будет удача!

29. ДВА ДРУГА

В давние времена жили два друга — Байбур и Гамбур. Между их жильем было расстояние, которое можно было одолеть лишь за три месяца. На старости лет, чтобы узнать о здоровье друг друга, они пускали стрелы в стену [1].

Однажды Байбур затосковал по своему другу и пустил в стену две стрелы.

«Если Гамбур жив и здоров, на стене выступит капля молока. Если же он занемог, на стене выступят три капли крови», — подумал он.

На стене выступили три капли крови. Желая помочь своему другу, Байбур с железной кровати перешел на деревянную [2]. В дом вошел старший сын Байбура и спросил отца:

— Дада, ведь неудобно перед людьми, если ты будешь лежать на деревянной кровати. Что случилось? Расскажи о своем горе.

— Мой друг Гамбур занемог. Разделяя его горе, я перешел на деревянную кровать, — сказал отец.

— По своему желанию перейдешь на железную, — сказал старший сын и вышел.

Вошел средний сын и спросил о том же, о чем старший.

— Пошел вон! — закричал отец.

Но средний сын настаивал:

— Расскажи о своем горе. Нехорошо, что ты лежишь на деревянной кровати.

Отец рассказал ему о своем горе, и средний сын ответил так же, как и старший:

— По своему желанию перейдешь на железную кровать.

Вошел младший сын и задал тот же вопрос, что и старшие братья.

— Ты не лучше своих братьев, — закричал отец на младшего сына и прогнал его.

Но младший сын настаивал, и отец рассказал ему о своем горе. Тогда младший сын спросил у отца:

10 Заказ № 8620

— Есть ли у тебя конь, есть ли у тебя оружие, чтобы опоясаться, дада?

Отец достал из сундука оружие, передал сыну и сказал:

— Вон под тем холмом стоит конь. Имей в виду: он бросится на тебя, чтобы убить. Не успеет он выскочить из-под холма, стать на дыбы, как ты должен его взнуздать, оседлать и сесть на него.

Как отец и говорил, из-под холма выскочил конь и бросился на младшего сына. Но тот накинул на него уздечку, оседлал и вскочил в седло. Тогда младший сын спросил отца:

— Дада, что ты делал, когда отправлялся в путь?

— Когда я отправлялся в путь, я делал три круга вокруг дома и перескакивал на коне через ограду, — сказал отец.

Отец дал младшему сыну печатку с пальца, чтобы по ней его узнал Гамбур.

Взял младший сын печатку, надел ее на палец, сделал вокруг дома три круга, перескочил на коне через ограду и отправился в путь.

Дорогу, которую Гамбур и Байбур одолевали за три месяца, младший сын Байбура одолел за месяц. Подъехал он к селу, пришел на пхохане * и спросил, где живет Гамбур. И поехал сын Байбура к башням, на которые указали ему люди. Гамбур выглянул в окно и сказал:

— Если ты прибыл за плохим, достанется оно тебе. Если прибыл за хорошим, да не лишишься ты его! [3]

— Я прибыл с хорошим намерением, я сын твоего друга Байбура — Баймурза. — И юноша протянул в окно руку с печаткой на пальце.

Увидя на пальце печатку Байбура, Гамбур вспомнил с любовью своего друга, прижал руку Баймурзы к сердцу. Затем он поспешил к Баймурзе, ввел в дом сына своего друга, обо всем его расспросил. Зарезал барана, усадил гостя за стол. И Баймурза за столом спросил Гамбура:

— У тебя нет дочери или сына?

Гамбур ответил, что у него нет ни дочери, ни сына. После обеда Баймурза решил прогуляться по селу и попросил дать провожатого. Гамбур пригласил своего соседа. Когда Баймурза и сосед вышли, тот рассказал, что у Гамбура были семь сыновей и одна дочь, и эту дочь похитил нарт-орстхоец Асран, а братья поехали за сестрой и погибли.

— Мы не будем больше ходить по селу. Прошу тебя, никому не говори о том, что ты мне рассказал, — сказал Баймурза.

И они разошлись.

Приходит Баймурза к Гамбуру и говорит:

— Я за всю жизнь ни разу не спал в комнате, постели мне во дворе.

Постелили ему во дворе. А посреди ночи Баймурза встал,

оседлал коня и тайно от Гамбура поехал в горы к нарт-орстхойцу Асрану.

Через семь дней и семь ночей он прибыл в горы, где стоял желтый дым от цигарки одноглазого нарт-орстхойца, пасшего отары овец.

— Ассалам-алейкум! Да не будет приплода твоим овцам, злодей! — обратился Баймурза к нарт-орстхойцу Асрану.

— Ва алейкум-салам! Люди желают приплода моим овцам, а ты почему не желаешь? — спросил Асран.

— Я говорю это потому, что не желаю приплода твоим овцам. Скажи мне, где ты держишь своих овец? Где твое жилище?

— Я держу своих овец в таком-то месте. Там и мое жилище. Но сейчас я не могу вернуться с овцами. А ты пойди, но тебя могут не впустить мои собаки. Вот этой шапкой отпугнешь их. — И Асран бросил Баймурзе свою шапку.

— Я не ребенок, чтобы таскаться с твоей шапкой! — И Баймурза пинком отбросил шапку Асрана.

Когда Баймурза направился к его жилищу, нарт-орстхоец сказал:

— Сорви во дворе с яблони яблоко и съешь его. Возьми топор и наруби дров. Выпусти из загона десять баранов. Наполни котел водой. Приготовь кукурузной муки. Пойди в лес и наруби сухих дров для растопки.

Ни один из семерых братьев — сыновей Гамбура — эти поручения не смог выполнить.

Только Баймурза пришел во двор нарт-орстхойца, как на него бросились семь собак, которых он убил ударами шашки. Баймурза потряс яблоню, вырвал ее с корнями из земли, нарубил дров. Принес в котле воды и поставил его на очаг. Взял со стены дечиг-пандар * и долго играл на нем, а затем расколол его на щепки и разжег ими огонь. Потом отодвинул от входа в загоны огромную скалу, вывел баранов, зарезал их и мясо бросил в котел.

В это время возвратился нарт-орстхоец и злобно спросил у Баймурзы:

— Ты почему убил моих собак?

— А что ж, я дал бы им разорвать себя? — спросил Баймурза.

— Ты играл на дечиг-пандаре, но почему сломал его? — спросил Асран.

— А что ж, я должен был, как женщина, собирать щепки для растопки? — спросил Баймурза.

— Воды ты принес?

— Да, принес.

— Куда дел десять баранов?

— Я их зарезал, и мясо варится в котле, — ответил Баймурза.

Нарт-орстхоец не осмелился драться с Баймурзой и вышел. Баймурза съел мясо десяти баранов и лег отдыхать. Когда он ус-

нул, вошел нарт-орстхоец и стал варить себе кашу. Когда каша сварилась, Баймурза проснулся, выгнал нарт-орстхойца и съел всю кашу.

— Лучше умереть сейчас, чем умереть от голода и жить в страхе. Мы должны драться, — сказал Асран Баймурзе.

— Хорошо, будем драться, — сказал Баймурза, схватил нарт-орстхойца и всадил его по колени в землю.

Затем нарт-орстхоец схватил Баймурзу и всадил его в землю.

— Я только теперь вошел во вкус драки, — сказал Баймурза и всадил его в землю по самые уши.

Тогда нарт-орстхоец сказал:

— Что бы ты ни делал, смерть меня не возьмет. Расколи мой череп и вытащи коробку, в которой находятся три ножа. Этими ножами убей меня, я не в силах переносить такие страдания.

Ударом шашки Баймурза расколол череп нарт-орстхойца, вытащил коробку, а из нее три ножа и сказал:

— Я тебя не буду убивать, и ты будешь вечно мучиться, если не скажешь, где семеро братьев и дочь Гамбура.

— Дочь Гамбура на верхнем этаже башни, а семь братьев в подвале башни, зажатые в тисках.

Спустился Баймурза в подвал, освободил из тисков семерых братьев и поднялся к дочери Гамбура на верхний этаж башни. Увидев его, дочь Гамбура вскрикнула:

— Если нас увидит Асран, он убьет нас! Уходи скорее!

— Асран теперь ничего не сделает — я убил его. Я сын друга твоего отца, Баймурза, прибыл сюда, чтобы освободить тебя, — сказал Баймурза девушке.

Баймурза убил Асрана, забрал его отары овец и с семью сыновьями и дочерью Гамбура отправился в обратный путь.

Семь дней и семь ночей царило веселье в доме Гамбура.

После этого решил Баймурза возвратиться к своему отцу Байбуру.

Ехал он, ехал и очутился на развилке дорог. Стоял Баймурза в раздумье, не зная, какую дорогу выбрать, а затем вспомнил слова Гамбура: «Дорога к восходу солнца опасна, дорога к заходу солнца безопасна».

Но все-таки он поехал в сторону восхода солнца. По дороге он увидел башню чернее угля. Из этой башни вышла девушка чернее угля и сказала Баймурзе:

— По этой дороге пройдет Черный хожа. Мне жаль твою круглую голову. Не ходил бы ты по этой дороге!

— Черный хожа пусть делает что хочет, а ты зайди обратно в башню.

И Баймурза поехал дальше и встретился с Черным хожей.

— Птица, пролетающая над моим краем, боится перышко бросить, звери на моей земле боятся след оставить. Так почему же

ты без разрешения ступил в мой край? — закричал Черный хожа.

Баймурза ответил:

— Не вини меня. Я три месяца плутаю, но больше не появлюсь в твоем крае.

— Нет, я не могу простить тебя. Всех, чья нога сюда ступает, я лишаю головы! — сказал Черный хожа.

— Я извинился за то, что очутился в твоем краю. Но если ты так говоришь, то и твою голову должна постигнуть участь других! — сказал Баймурза и шашкой снес Черному хоже голову.

Едет он дальше, и встречается ему в пути красная башня.

Выходит из башни девушка краснее огня и говорит:

— Не ходил бы ты по этой дороге. Сюда идет Красный хожа. Мне жаль твоей круглой головы, которой он тебя лишит.

— Красный хожа пусть делает что хочет, а ты зайди обратно. — И Баймурза поехал дальше.

Встретился он с Красным хожей. Красный хожа повторил слова Черного хожи. Баймурза и Красному хоже снес голову.

Едет Баймурза дальше, и попадается ему в пути белая башня, из которой вышла девушка белее молока и сказала те же слова, что и прежние.

Он ее отправил в башню, а Белого хожу, как Черного и Красного, лишил головы.

Едет дальше Баймурза. Устал и прилег отдохнуть. Во сне он увидел Малх-Азни, дочь падчаха. Проснувшись, он поклялся, что не возвратится домой, пока не найдет ее. Поехал он дальше и встретился с одним человеком.

— Ассалам-алейкум! Кто ты и что здесь делаешь? — спросил Баймурза.

— Я женщина. Зовут меня Тани Гук. Я не могу ответить на твой салам[4]. А очутилась я здесь по одной причине. Ты чем занимаешься? Куда путь держишь? — спросила Тани Гук.

— Я видел во сне Малх-Азни и решил на ней жениться, — сказал Баймурза.

— Ты иди не этим путем, а другим. Если пойдешь этим путем, не добьешься Малх-Азни, так как ее охраняет войско падчаха. Я помогу тебе. Вон видишь холм. Это не холм, а моя мать Жера-Баба. Подкрадись к ней незаметно и скажи: «Баба, я твой кант!» — и бросайся в ее объятия. Тогда она посоветует тебе, как добиться Малх-Азни, — сказала Тани Гук.

По совету Тани Гук Баймурза подкрался к Жера-Бабе и со словами: «Баба, я твой кант!» — бросился в ее объятия.

— Да, ты мой сын! Поведай мне о причине своего прихода, — сказала Жера-Баба.

Выслушала она Баймурзу и говорит:

— Нет, нет, так Малх-Азни не добиться, ведь ее охраняет большое войско падчаха. Но я помогу тебе. Малх-Азни играет с золотой уткой, а я превращу тебя в золотого голубя. Между войском, охраняющим Малх-Азни, и башнями стоит золотой столб. Ты сядь на верх столба. Воины будут в замешательстве, стрелять в тебя или нет. Затем решат поймать, чтобы Малх-Азни тобой забавлялась, и принесут тебя к ней. Только так ты сможешь добиться Малх-Азни.

Жера-Баба превратила Баймурзу в голубя. Он взмахнул крыльями, полетел и уселся на верх столба. Некоторые воины говорили, что надо убить голубя, другие отговаривали. Наконец решили его поймать. Поймали и бросили в комнату Малх-Азни. Голубь примостился в углу комнаты и поглядывал на Малх-Азни. Взглянула на голубя Малх-Азни и сказала:

— Удивительно, если ты действительно голубь. Твои глаза очень похожи на глаза Баймурзы, о котором мне так много рассказывали.

— Я и есть Баймурза, — сказал он, и из голубя превратился в юношу.

Тогда Малх-Азни вышла и сказала воинам.

— Расходитесь, я выхожу замуж.

На рассвете они запрягли коней и собрались ехать домой. Переночевали у Жера-Бабы и поехали.

— Я бы хотел немного отдохнуть, — сказал Баймурза и задремал.

Через некоторое время он проснулся и увидел плачущую Малх-Азни.

— Ты плачешь? Ведь я неволить тебя не стану и снова отведу к твоей башне, — сказал Баймурза.

— Я плачу из-за надвигающихся черных туч. Когда я вышла из башни, меня хотел украсть сармак. Мне кажется, что эти тучи и есть сармак. Вот почему я плачу, — сказала Малх-Азни.

— С малолетства не было человека сильнее меня, кроме моего отца. Можешь смело погонять лошадей, — сказал Баймурза.

Не успели они закончить разговор, как перед ними опустился сармак. На человеческом языке он сказал:

— Давай драться!

Приготовился Баймурза драться. Сармак сказал:

— Оскорби меня! [5]

— Я не буду тебя оскорблять. Я увожу твою любимую Малх-Азни. Ты оскорби меня!

Сармак плюнул в Баймурзу ядом. Тогда Баймурза выхватил шашку и снес сармаку голову.

Без всяких происшествий вместе с Малх-Азни он прибыл домой и рассказал отцу Байбуру, как он освободил семь сыновей Гамбура и дочь и о дальнейших своих приключениях.

Байбур пустил в стену две стрелы — молочную и кровяную: со стены упали три капли молока.

Теперь Байбур взобрался на свою железную кровать.

Семь дней и семь ночей играли свадьбу и от всего сердца веселились на ней.

30. ДЖАНТЕЛЬГ

Жили Джантельг и два его друга. Они прославились мужеством и храбростью. Ходили они по свету, предводительствуемые Джантельгом.

Однажды друзья очутились в диком краю и не знали, где переночевать. Увидели они отверстие в земле, заглянули в него — одна темнота.

— Давайте спустимся в отверстие, переночуем там, — сказал Джантельг.

— Опасно туда спускаться, мы ведь не знаем, что там, — сказали друзья.

— Что мне опасность, я спущусь, — сказал Джантельг и стал спускаться в отверстие, а за ним и его друзья.

Шли они, шли и видят сияние. Подходят — это лежит ешап. Поднялся ешап, сверкнул глазами, заскрежетал зубами:

— Что вам надо, зачем пришли?

— Старый ешап, мы пришли пролить твою кровь, — смело выступил Джантельг.

— У вас не хватит сил пролить мою кровь. Я сам пью кровь людей, подобных вам, — сказал ешап и открыл позади себя двери.

И видят друзья шестьдесят три головы.

— Это головы тех, чью кровь я выпил. Среди них были мужчины и посильнее тебя и твоих друзей, — сказал ешап.

— Да мы пошутили с тобой, где нам пролить твою кровь. Лучше приготовь нам поесть и место переночевать.

Зарезал ешап корову, сварил мясо в котле и угостил друзей ужином, а затем уложил спать.

Легли друзья. Джантельг притворился спящим, а сам чутко ко всему прислушивался. Мало ли времени прошло, много ли, слышит он какой-то шум. Приоткрыл Джантельг дверь и видит: ешап точит нож о свой зуб.

Тихонько разбудил Джантельг друзей. Увидели они, что делает ешап, и от ужаса замерли. Смотрит в их сторону ешап и спрашивает:

— Кто спит, а кто не спит?

— Я, Джантельг, не сплю.

— Почему ты не спишь?

— Не спится что-то. Перед сном моя мать резала мне на ужин

трехгодовалого быка и варила его в большом котле на чистом молоке, — сказал Джантельг.

Привел ешап трехгодовалого быка, зарезал его, сварил на чистом молоке и накормил Джантельга. А Джантельг любил поесть. Поел он мяса и снова лег. Ешап опять стал точить большой нож о свои зубы и спрашивает:

— Кто спит, а кто не спит?

— Я, Джантельг, не сплю.

— Почему не спишь, уснул бы себе.

— Не спится что-то. Перед сном моя мать после трехгодовалого быка варила в таком же большом котле на чистом молоке кашу из муки, — сказал Джантельг.

Варит ешап в огромном котле кашу на молоке и лопатой мешает ее. Каша сильно нагрелась и стала булькать. Ешап стоял, нагнувшись над котлом. А Джантельг потихоньку подошел сзади и толкнул его в кипящий котел.

Ослеп ешап от сильных ожогов, носится по комнате со страшными воплями. Выхватил Джантельг шашку и изрубил ешапа на мелкие куски.

Кровью ешапа он обрызгал шестьдесят три человека, находившихся за дверьми. Все они ожили.

Джантельг прогнал своих трусливых друзей, а этих шестьдесят трех возглавил и продолжал борьбу с врагами.

31. ПРОСЛАВЛЕННЫЙ ЛЕКАРЬ

Жил один падчах. У него была единственная дочь. Она заболела и слегла. Всех лекарей своего края призвал падчах, но никто из них не мог ее вылечить, и падчах по одному убивал их.

В живых оставил падчах лишь двух человек и приказал им:

— Найдите лекарство для моей дочери.

Делали они различные снадобья, но никакой пользы от этого не было. И спросили они у одной гам:

— Есть ли на свете человек, который мог бы вылечить дочь падчаха?

— Такой человек есть. Хоть и не лекарь он, но дочь падчаха сможет вылечить, — ответила гам.

Два лекаря стали просить ее, чтобы она убила этого человека, ибо, если этот человек вылечит дочь падчаха, тот убьет их обоих.

Взяла гам у лекарей деньги и стала наговаривать падчаху на того человека, что он обманщик, может принести царству большой вред и его нужно убить.

— Как его убить? — спросил падчах.

— Я знаю отверстие в земле, которое ведет в нижний мир. Нужно бросить его в это отверстие.

И его бросили в нижний мир. Там он увидел много садов,

фруктовых деревьев и разбросанное на земле золото и серебро. На этом серебре и золоте лежали змеи, сармаки и всякие другие гады. Все сармаки и змеи говорили, что нужно съесть этого человека. У падчаха сармаков было лицо человека, а тело огромных размеров. Голову его украшала шапка, усыпанная жемчугом. Подозвал он этого человека и спрашивает:

— Как ты попал сюда и что тебе нужно?

Ничего на свете не боялся этот человек и смело ответил:

— Я не хотел попадать к вам. Меня бросили сюда по наговору. Мне нужно лишь одно — попасть в верхний мир.

— Ты храбрый человек. Я подниму тебя в верхний мир с условием, что на твоей спине мы сделаем изображение змеи, — сказал падчах сармаков и змей.

Падчах сармаков дал человеку волшебное кольцо, изобразил между лопаток змею, поднял его в верхний мир и сказал:

— Никому не показывай изображение змеи на своей спине.

Поднялся человек в верхний мир и с помощью кольца делал для себя все необходимое.

Двое лекарей так и не смогли придумать для дочери падчаха целебное лекарство. Падчах понял, что они не в силах помочь его дочери и сказал:

— Даю вам неделю срока. Если за это время вы не найдете лекарство, я снесу вам головы.

Отправились лекари со своим горем к гам. Дали ей много денег. Она сказала им, что дочь падчаха можно вылечить двумя способами: напоить ее бульоном, в котором варилось мясо падчаха сармаков или человека, который видел падчаха сармаков, но бульон из падчаха сармаков гораздо лучше.

— Где же мы найдем падчаха сармаков или человека, который его видел? — забеспокоились лекари.

— У человека, который видел падчаха сармаков, на спине между лопаток — изображение змеи. Пусть падчах повелит найти этого человека, — дала совет гам.

Приходят лекари к падчаху и говорят:

— Лекарство для излечения твоей дочери есть. Но мы не в силах его достать. Ей необходимо выпить бульон, в котором варилось мясо падчаха сармаков или человека, видевшего падчаха сармаков. На спине между лопаток у этого человека — изображение змеи. Дай приказ найти этого человека.

Поручил падчах своим людям отыскать человека с изображением змеи между лопаток.

Повсюду искали люди падчаха этого человека, а он купался где-то на краю света. Увидели люди падчаха на его спине между лопаток изображение змеи и привели к падчаху.

— Ты должен привести падчаха сармаков или будешь убит. Выбирай одно из двух.

«Пусть меня лучше убьет падчах сармаков, чем они», — подумал человек и сказал:

— Хорошо, я пойду. Пусть гам сбросит меня в то же самое отверстие.

И сбросила гам его в отверстие, которое вело в тот мир. Подходит падчах сармаков и спрашивает:

— Как и по какой причине ты очутился здесь?

— Чем позволить им убить себя, решил я, лучше умереть от твоей руки, и поэтому очутился здесь, — сказал человек и рассказал обо всем.

— Плохо все обернулось. Я же говорил тебе, чтобы ты никому не показывал изображение змеи на спине. Я сам отправлюсь к тому падчаху.

Падчах сармаков должен был умереть от руки того падчаха. Так было суждено.

И стал он давать советы сармакам, а затем сказал человеку:

— Меня убьют, затем сварят. Из меня получится две-три чаши бульона. Если взять бульон сверху, напоить им человека, он тут же выздоровеет, но если человек выпьет остальной бульон — тут же умрет. Эти два лекаря знают об этом. Они поставят полные чаши бульона и захотят напоить тебя нижним бульоном, а бульоном сверху — дочь падчаха и себя. Нужно заменить эти чаши. Пусть они выпьют бульон, от которого люди умирают, а сам с падчахом и его дочерью выпей бульон, который вылечивает людей. Два лекаря погибнут, а дочь падчаха выздоровеет. Дела твои изменятся, и ты хорошо заживешь. А теперь открой рот.

Человек с изображением змеи на спине открыл рот. Падчах сармаков вдохнул в него свое дыхание и сказал:

— С этого времени ты будешь знать язык всех зверей, птиц, трав и листьев. Все звери, птицы, травы и листья будут говорить тебе о пользе, которую могут принести. Они будут называть свои целебные свойства, которыми можно оживить покойника. Ты их все запиши[1]. Так проживешь шесть лет. Перед смертью приготовь лекарство, которое оживляет, и передай его доверенному человеку. Скажи ему, чтобы после твоей смерти замесили тесто, а потом пусть тесто смешают с вареным мясом и создадут подобие человека. Пусть польют этим оживляющим лекарством. Если поступишь так — снова оживешь. После этого записывай все лекарства, о которых будут говорить звери, птицы, травы.

Такие слова сказал падчах сармаков человеку с изображением змеи между лопаток.

Затем они прибыли к больной дочери падчаха.

Два лекаря сварили падчаха сармаков и наполнили две чаши бульоном. Верхний, целебный бульон они поставили себе, а нижний, убивающий людей, — перед человеком с изображением змеи между лопаток.

— Давай сделаем по одному глотку, — сказали лекари.

Человек с изображением змеи между лопаток серьезно смотрел в потолок.

— Что это ты смотришь в потолок? — спросили лекари.

— Я удивлен одним. Откуда нашлась сила, которая подняла столь тяжелые балки?

Удивленные лекари взглянули вверх, а человек с изображением змеи между лопаток заменил в это время чаши с бульоном.

— Все подвластно силе на этом свете, давайте попробуем бульон, посмотрим его лечебное свойство, — сказали лекари.

После одного глотка они умерли, а человек с изображением змеи между лопаток сделал глоток из другой чаши и стал еще здоровее.

Тогда напоили этим бульоном дочь падчаха, и она выздоровела. По этому поводу падчах устроил той, одарил человека с изображением змеи между лопаток золотом и серебром, и тот стал хорошо жить.

Но этот человек не забывал наставлений падчаха сармаков. На каждом шагу листва, травы, звери сообщали ему о целебных своих свойствах. А он записывал и записывал.

Узнал он и о лекарстве, оживляющем покойника. Прошло шесть лет, и наступил срок его смерти. Он подготовил оживляющее лекарство и передал его своему племяннику:

— Завтра я умру. После моей смерти свари меня, замеси тесто, смешай его с бульоном и мясом и сделай мое подобие, затем полей этим лекарством.

Сказал он это и умер. Племянник исполнил наставление, сделал все так, как просил его дядя.

Вдруг поднялся ветер, замела метель, полил дождь, все смешалось. Водой унесло все записи покойного и его тело. Из подобия его тела стали расползаться лягушки. С тех пор, говорят, лягушек убивать грех[2].

От всех записей этого человека осталось лишь девять листов. Если кто-нибудь сумел бы их прочесть, то знал бы все на свете. По людской молве, эти девять листов разбросаны между книжками всего мира. Поэтому чем больше человек читает, тем больше знает.

Напоследок надо сказать о падчахе сармаков. Когда он поднимался в верхний мир, то всем сармакам сказал, что вернется. На свете много зверей, удавов, но под землей их еще больше. Все подземные сармаки и змеи говорят, что их тамада * находится в верхнем мире, а сармаки и змеи верхнего мира говорят, что их тамада живет в нижнем мире.

32. ДОЧЬ КНЯЗЯ АЙЗАН И МУСА

В одном горном ауле сотни лет назад жил известный в округе князь. У этого князя была красивая дочь. Она не видела небо, кроме как через окно, и не ступала на землю, кроме как на пол в комнате. Ее кормили вкусной пищей, спать укладывали на мягкую постель.

Однажды зимой дети из ее аула катались на санях с горы. Дочь князя Айзан следила в окно за этими детьми и любовалась ими.

Один из мальчишек скатился с горы, упал и сильно ушибся. Увидев, что мальчик упал, Айзан залилась смехом. Разозлился мальчик на смеющуюся Айзан и сказал:

— Чем смеяться над моей бедой, ты бы лучше узнала, где живет красивый юноша по имени Муса, и вышла бы за него замуж.

Когда мальчик сказал о Мусе, девушка представила себе юношу, которого никогда не видела и слышать о нем не слышала. Айзан отошла от окна и задумалась. И стала она думать о юноше Мусе день и ночь, похудела, потеряла цвет лица, перестала есть, пить, спать. Как-то мать спросила у дочери:

— Что с тобой случилось? Какое горе тебя удручает? Как ты похудела, моя дорогая дочь.

Дочь не хотела рассказывать матери о своей тайне. И с каждым днем худела, блекла, но в один прекрасный день она рассказала матери о случившемся:

— Как-то раз я сидела у нашего окна и следила за детьми, катавшимися на санях. У одного из мальчиков сани перевернулись, и он упал в снег. Я рассмеялась. Рассерженный мальчик сказал: «Чем смеяться над моей бедой, ты бы лучше узнала, где живет красивый юноша по имени Муса, и вышла бы за него замуж». С тех пор я влюблена в этого юношу, хотя ничего о нем не знаю и никогда не видела. Его образ во сне и наяву неотступно преследует меня.

Мать пошла к отцу и сказала, что их дочь тяжело заболела.

Князь разослал во все концы гонцов, чтобы те привезли самых лучших лекарей. Когда они явились, князь сказал им:

— Тому, кто вылечит мою дочь, я дам пуд золота.

Лекари принялись лечить дочь князя, но не могли излечить ее от неизвестной для них болезни.

— Что у тебя болит? Где ты чувствуешь боль? — спрашивали они ее.

Девушка отвечала:

— Вы не сможете мне помочь ничем. Пусть аллах отведет мой стыд перед вами. Я влюбилась в юношу, которого никогда не видела и о котором ничего не слышала. Кроме любви Мусы, ничто на свете не вылечит меня.

Лекари пошли к князю и сказали:

— Вылечить твою дочь мы не можем. Она влюблена в юношу по имени Муса. Тебе придется найти того юношу, и только его любовь сможет ее вылечить.

Князь заплатил лекарям за их труд и отправил по домам. А дочь свою Айзан посадил в сундук, накрепко заколотил его и бросил в реку.

Айзан целую неделю плыла по реке в сундуке. А наутро волны выбросили ее на небольшой островок.

Незамужняя сестра Мусы, жившая вместе с ним, каждое утро вставала рано и шла за водой к этой реке. Так пошла она за водой и в это утро. Зачерпнув кувшином из речки воды, сестра Мусы посмотрела на островок и увидела там сундук. Она побежала домой, запрягла волов в арбу и, вернувшись назад, с трудом взвалила сундук на арбу. Она вернулась на арбе домой и привезла сундук. Когда она открыла крышку, то увидела в сундуке очень красивую девушку. Сестра Мусы вскрикнула от радости и сказала:

— Вот это счастье! Я нашла для своего брата невесту, а для себя — сноху!

Сестра Мусы помогла Айзан снять промокшую одежду, переодела ее во все свое, накормила и отвела в кунацкую *. На второй день из путешествия вернулся Муса. Сестра встретила брата, помогла ему спешиться и сказала:

— Мой дорогой брат Муса! Если ты выходишь из дому и говоришь: «Возвращусь через неделю», то возвращаешься через месяц. Если выходишь из дому и говоришь: «Возвращусь через месяц», то возвращаешься через год. Я боюсь одна оставаться дома так долго. Женись на какой-нибудь девушке, чтобы тебе она была хорошей женой, а мне подругой и снохой.

Брату не понравились слова сестры, и он сказал:

— На всем свете нет у меня никого, кроме тебя и самого дорогого друга Гара. И вас мне достаточно! Не уговаривай меня жениться!

После этого разговора Муса вошел в одну из комнат, наспех перекусил и снова куда-то уехал.

Тогда сестра Мусы заплатила одному всаднику деньги и послала его за Терек к другу Мусы Гару. Всаднику она сказала:

— Скажи, что с Мусой приключилась большая беда и он просит, чтобы ты, не задерживаясь, приехал к нему.

Друг Мусы приехал вместе с гонцом и, въезжая во двор, приветствовал сестру Мусы.

Сестра Мусы сказала:

— Ты меня извини, Гар, что я, как мужчина, отвечаю на твой

салам. Мусы нет дома. Но с ним ничего не случилось. Он уехал. Я приму тебя, как родная сестра. У меня к тебе важное дело.

Гар спешился и зашел в дом.

Сестра Мусы показала Гару Айзан и попросила его, чтобы он уговорил Мусу жениться.

В это время вернулся Муса. Он очень обрадовался своему другу Гару.

Прошло немного времени после приезда Мусы домой, и Гар стал уговаривать друга, чтобы тот женился. Муса рассердился и ответил, что ни за что на свете не женится.

Но Гар сказал, что он не уедет от Мусы до тех пор, пока тот не женится.

Тогда Муса рассказал, почему он не хочет жениться:

«Ни у одного канта не было жен красивей, чем две мои жены. В это время не было еще на свете моей сестры и мы с тобой еще не дружили. В то время я часто выезжал странствовать. У меня было три коня, двух из них я оставлял дома, а на третьем выезжал. Когда я возвращался домой, обоих коней я находил изъезженными, исхудалыми. Никак я не мог понять, в чем дело. И дал себе клятву узнать причину этого. Двух своих жен я ни в чем не подозревал.

Однажды я лег спать на неделю и еще не успел уснуть, как из смежной комнаты услышал такой разговор моих двух жен:

— Если Муса ложится спать, ты знаешь, он не просыпается неделю. Пока Муса будет спать, давай съездим к Черному хоже, погуляем и вернемся. А то если мы приедем с опозданием, Черный хожа рассердится на нас.

Жены вышли во двор, оседлали двух коней и ускакали. Я соскочил с кровати, быстро оседлал оставшегося дома коня и поскакал за ними. Впереди две мои жены, тайком за ними я — так мы скакали довольно долго. Проехали несколько речушек и въехали в какие-то горы. Слышу — говорят мои жены:

— Мы любовницы Черного хожи, живущего за вами. Мы жены красивого Мусы. Пока Муса не проснется, мы должны побывать у хожи, погулять с ним и вернуться обратно. Расступитесь и пропустите нас, горы!

Горы тотчас расступились, и жены проскакали через них. Я тоже проскочил через эти горы и поехал вслед за ними. И вот подъехали они к дому Черного хожи, слезли с коней и зашли к нему. Я спрятался за дверью и стал подслушивать их разговор.

— Почему вы так задержались? — закричал Черный хожа и, отобрав у моих жен кнуты, стал бить их.

Избив до полусмерти, он вышвырнул их за дверь. Жены мои с плачем и воем отправились домой.

Я не вынес увиденного, вбежал к Черному хоже, и мы начали драться. Долго мы с ним дрались, наконец Черный хожа оказался

подо мной. Я отрубил ему шашкой голову, положил ее в переметную суму и поехал домой. Поехал я домой другим путем и оказался дома раньше своих жен, лег на свое место, а голову Черного хожи положил под кровать.

Через несколько часов вернулись мои жены. Они опять начали шептаться.

— Муса спит. Он даже не перевернулся на другой бок.

Одна из них взяла веник и стала подметать комнаты, а другая — мыть полы. Я наблюдал за ними. Одна из жен, подметая под кроватью, наткнулась на голову Черного хожи. Голова выкатилась. Та увидела ее и закричала. Увидела и вторая жена. Она тоже закричала, и они обе выскочили из комнаты.

В тот же день я поклялся себе, что больше не женюсь никогда. И я вас прошу, оставьте меня в покое».

Тогда разговор с Мусой начал Гар:

— Муса, и среди мужчин бывают иногда изменники. Разные бывают и мужчины и женщины. Послушай-ка внимательно меня, я расскажу тебе нечто другое. Я считал, что нет на свете канта, равного мне, и что нет на свете ни у одного мужчины коня, равного моему.

Однажды я ехал на своем коне там, где проходит граница Чечни, Грузии и Осетии [1]. Вдруг вдалеке я услышал страшный грохот, увидел смерч, надвигавшийся на меня. Грохот все усиливался, и вдруг из-за скалы появился на коне молодой человек, у которого еще не выросли усы. Он бросил на скаку салам и проехал мимо. Я крикнул ему вдогонку:

— Слушай, юноша, не оставляй меня здесь одного! Я не знаю дороги, возьми меня с собой!

Юноша резко осадил коня, остановился и подъехал ко мне. Он стал привязывать повод уздечки моего коня к седлу своего. Я опять попросил его:

— До сих пор я считал себя самым смелым на свете и не находил коня, равного своему. Прошу тебя, не позорь меня и не привязывай моего коня к седлу твоего [2]. Я бы поехал за тобой, только поезжай чуть помедленней.

Юноша согласился.

Мой конь скакал в полную силу, а конь этого юноши шел рысью. Так мы въехали в какие-то горы. Юноша остановился и сказал:

— Держи моего коня и оставайся тут. Я войду в эту башню. Когда услышишь сильный грохот, не пугайся. Если я не вернусь из этой башни, отпусти моего коня и следуй за ним. Моим родственникам расскажешь, что со мной стало.

Сказав мне это, он пошел к башне.

Вдруг из башни донесся страшный грохот, и вскоре юноша вернулся с головой нарта. Он положил голову нарта в переметную

суму и пошел к другой башне. Прошло немного времени, и опять раздался грохот страшнее, чем в первый раз. Юноша опять вернулся с отрубленной головой нарта, положил и эту голову в переметную суму. Отправляясь в третий раз, юноша опять попросил меня, если с ним что-нибудь случится, следовать за его конем и рассказать обо всем его родственникам.

Из этой башни юноша не вернулся. Не слышно было даже шороха. Что бы со мной ни случилось, подумал я, войду в эту башню и посмотрю, что стало со смелым юношей. Я вошел и увидел двух молодых людей, лежащих на полу: юноша был сверху, а нарт лежал под ним. Нарт насквозь прокусил скулы юноши. Я изо всех сил старался вырвать из его зубов юношу. Но так и не смог. Тогда я отпустил его коня и последовал за ним. Не знаю, долго ли, коротко ли ехал, но приехал в одно село. В этом селе конь завернул во двор какого-то старика. Я спешился, взял своего коня под уздцы и последовал за конем юноши. Навстречу мне вышел старик, произнес салам и, прежде чем я заговорил с ним, начал сам:

— Гость, расскажи мне все по порядку, как случилось все это с моей дочерью. А то, что она погибла, я знаю.

Я удивился, что старик назвал юношу дочерью, и рассказал ему обо всем.

Тогда старик сказал:

— Дорогой кант, тот, с кем ты встречался в пути, был не юноша. Это была моя единственная двенадцатилетняя дочь. Я ей всегда говорил: «Хотя ты и чувствуешь в себе богатырскую силу, ты еще мала, дочка. Воздержись до пятнадцатилетнего возраста от кровной мести. А когда тебе исполнится пятнадцать, тогда ты и отомстишь за своих братьев». Три нарта, которых она одолела, как-то убили в горах моих трех сыновей. Когда моя дочь узнала о случившемся, она поклялась отомстить нартам [3].

Сказав это, старик подарил мне трехлетнего коня и поехал в горы за телом дочери.

— Женщины тоже бывают разные — и плохие и хорошие, — закончил Гар. — Ты должен жениться — исполнить мою просьбу и просьбу сестры.

И Муса дал согласие жениться.

Сестра Мусы обрадовалась решению брата. Она привела из кунацкой девушку Айзан и показала ему. Мусе девушка очень понравилась, и они поженились.

33. ВОЛШЕБНЫЙ СНОП, КОТЕЛ И ШАПКА-НЕВИДИМКА

Однажды дрались между собой два черта. Увидел их один кант и спрашивает:

— О чем вы спорите?

— Мы спорим из-за котла, снопа и шапки-невидимки, — ответили черти.

— Стоит ли из-за этого спорить? — удивился кант.

— Если этому котлу приказать: «А ну, котел!» — он наполняется жижиг-галнашами *; на этом снопе можно доехать до любого места, а если надеть шапку, то тебя никто не увидит, — ответили черти.

— Хорошо, я разрешу ваш спор, — говорит кант. — Идите за ту гору. Кто из вас прибежит первым, тот и получит все три вещи.

Два черта пошли за гору, а кант крикнул: «А ну, котел!», досыта наелся жижиг-галнашами, затем уселся на сноп и очутился во дворе какого-то князя.

Обрадованный его приходом, князь говорит:

— Как хорошо, что ты пришел: у меня на кольях семьдесят голов, теперь на последний кол я посажу твою. Но ты можешь остаться в живых. Слушай меня. Есть у меня дочь. Если ты узнаешь, что она делает, то я оставлю тебя в живых. До вечера она ткет полотно, а вечером уничтожает его. Мне же не хватает полотна.

Кант согласился. Вечером он надел шапку-невидимку и отправился следом за дочерью князя.

Дочь князя направилась к золотых дел мастеру и говорит:

— Дай-ка мне три пары ножниц.

Одни ножницы кант незаметно взял себе. Потом пошла дочь князя к серебряных дел мастеру и взяла у него три шапки. Одну шапку кант незаметно взял себе. Потом дочь пошла к одноглазому человеку и передала ему все вещи. Одноглазый зарезал и съел барана. Ребро барана кант положил себе в карман.

Спустя некоторое время дочь князя возвратилась домой. Вместе с ней вернулся кант. Снял он с себя шапку и рассказал князю о поступках дочери.

И князь согласился выдать свою дочь за канта.

34. АХКЕПИГ

В давние времена жил один человек по имени Ахкепиг [1]. Он воровал людей, убивал их и съедал. Однажды он убил своих отца, мать и двух братьев. Задумал он убить и оставшихся в живых брата и сестру, но они убежали в лес. В лесу они повстречали быка, который не боялся ничего на свете. Даже Ахкепиг побаивался этого быка.

Бык спросил детей человеческим голосом:

— Что вы за люди?

— Человек по имени Ахкепиг убил наших родителей и двух

братьев, а теперь хочет лишить жизни и нас. Вот мы и убежали в лес, — сказал мальчик.

Спустя некоторое время бык повстречался им снова и опять спросил:

— Что вы за люди?

Девочка снова рассказала, почему они оказались в лесу. Тогда бык сказал:

— Дети, садитесь на мою длинную спину, я спасу вас.

Дети уселись на спину быка.

Далеко за лесом было большое море. Бык с детьми шел по поверхности моря так, что они не только не намочили ног, но даже капля воды на них не попала.

Ахкепиг увидел в свою подзорную трубу, что бык спасает детей. Стал он втягивать в себя море и остановил быка на его середине.

Тогда бык сказал:

— Я обессилел, теперь всю оставшуюся в теле силу я передам ногам. Тогда у меня хватит сил перейти море.

Ахкепиг не смог ничего поделать — они перешли море, а он перейти море не мог и сидел на противоположном берегу.

— Теперь я умру, — сказал бык мальчику. — Меня надо прирезать. Есть ли у тебя нож?

— В сумке у нас есть нож, — сказала сестра.

Бык сказал:

— Тогда быстрее прирежьте меня. Шкуру мою положите в том месте, где выберете себе жилье. Положите шкуру внутренней стороной на землю, а волосяным покровом кверху. И будет у вас огромное хозяйство. Кишки мои раскидайте вокруг этой шкуры, и появятся высокие ворота с двумя дверями — для выхода и входа. Поставьте мои ноги копытами вниз в четырех углах — из них вырастут четыре башни. Мои уши бросьте в море — появятся люди и все необходимое для них. Бросьте мои глаза и скажите: «Пусть появятся две храбрые и драчливые гончие. Пусть все, кто увидит гончих, полюбят нас». Бросьте моё сердце в море и будете иметь нужные вам оружие и порох. Все оружие будет в золоте и серебре. Если вам понадобится золото, бросьте в море мою печень и скажите: «Пусть будет золото». Киньте между двумя гончими мою желчь и скажите: «Пусть ненависть к врагам будет такой же горькой».

В одной башне живет девушка, о которой люди ничего не ведают, а если бы знали, то не оставили бы ее в покое. Мальчик, если ты пожелаешь приблизить эту башню, она приблизится к тебе. Девушка заметит тебя, когда ты выйдешь с гончими. Она полюбит тебя и пришлет к тебе свою служанку с приглашением, что, мол, в такой-то день я ожидаю тебя. А ты ответь, что согласен прийти в этот день.

Собравшись к ней в гости, брось оземь мои почки — появится конь, который угонится за утренней зарей. Он будет скакать и останавливаться по твоему желанию, а седло на нем будет из чистого золота и серебра.

Пусть мое слово будет вещим, и дважды его повторять не надо — достаточно произнести лишь раз. Все сказанное мной сбудется. А когда будешь садиться на славного коня, скажешь: «Пусть всегда я узнаю врага. Пусть хватит у меня ума и смелости, чтобы наказать его».

Юноша достал из сумки нож, прирезал быка и исполнил все, что сказал ему бык.

Он основал большое хозяйство — взглядом не окинешь. Оседлал справного скакуна и отправился к девушке.

Приехал он к ней, и девушка в него влюбилась. Юноша с двумя гончими поднялся к ней в башню. И девушка, взяв в свидетели гончих, сказала:

— Даю слово, что под этим небом я выйду замуж только за тебя. Если ты возьмешь меня, я согласна быть твоей женой.

— Даю и я слово, что, пока мы оба живы, женюсь только на тебе, — ответил юноша.

И с девушкой он вернулся домой.

Как только юноша возвратился домой, он бросил в море печень быка, и море выбросило ему несметное количество золота. Наполнил он талсы золотом, взял много других вещей и пришел к девушке.

Сестра юноши между тем каталась на лодке по морю и веселилась. А у берега моря стоял Ахкепиг.

— Девушка, подгони свою лодку ближе к берегу, — крикнул Ахкепиг.

— О чем ты хочешь со мной поговорить? — спросила девушка.

— Будем жить вместе, и я стану твоим отцом, — сказал Ахкепиг.

— Был у меня отец, да ты убил его.

— Я заменил бы тебе мать!

— Была у меня и мать, да ты убил ее.

— Стал бы я тебе братом!

— Были у меня и братья, только ты убил их.

— Если бы ты согласилась, я стал бы твоим мужем, — сказал Ахкепиг.

Девушка сразу же приплыла на лодке к берегу.

Тогда Ахкепиг сказал ей:

— Спрячь меня, пока не пришел твой брат.

Спрятала она Ахкепига в своей большой башне.

Приехал брат и пошел к сестре с двумя гончими. Учуяв запах постороннего, гончие стали разгребать землю.

Говорит сестра брату:

— Зачем ты водишь этих гончих, они только землю разгребают, гони их отсюда.

Брат выгнал гончих, но они не успокоились.

Послал брат гончих к невесте за подарками для сестры.

А сестра сказала Ахкепигу.

— Гончих нет дома, если ты убьешь брата, то мы счастливо заживем.

Брат, отправив гончих, снова вошел к сестре.

В это время на него из засады набросился с большим кинжалом в руке Ахкепиг, а сестра натравляла его.

Взмолился брат:

— Не сносите моей головы, не увечьте мое тело. Убейте меня другим способом!

У Ахкепига был медвежий коготь. Если этот коготь вонзался в сердце — человек умирал.

Ахкепиг повалил юношу, сдавил ему горло, вонзил коготь в сердце и убил его.

— Мы должны его быстро похоронить, — сказала сестра.

Невеста ничего не знала о смерти жениха.

Боясь, что гончие возвратятся, сестра и Ахкепиг вырыли яму и закопали юношу. Гончие вернулись, и сестра стала им плакаться.

— Заболел мой братик и божьей волей покинул этот солнечный мир.

Говорит гончим невеста:

— Ничем он не болел и, когда выходил из дому, был здоров.

Гончие раскопали яму и вынесли из него своего хозяина. Увидели они коготь в его сердце. Одна из гончих вырвала этот коготь и тут же сдохла, а юноша ожил. Бросилась вторая гончая и вырвала коготь у первой. Первая гончая ожила, а вторая тут же сдохла.

Гончая вспомнила, как она первый раз вырвала этот коготь, и поняла, что он вонзается в тело того, кто его вытащит. Гончая пошла на хитрость. Она палкой вытащила коготь, и вторая гончая ожила. Одна гончая побежала за вещами юноши и сообщила радостную весть невесте. Невеста принесла одежду, юноша оделся и с двумя гончими пошел к сестре.

— Ва, сестра, — сказал брат, — если бы я знал, что ты выйдешь за убийцу наших родителей и братьев, я выдал бы тебя замуж. Я не в силах убить тебя; мы с тобой единоутробные брат и сестра. Превратись же в колючку, которой можно занозить руки не в чистом поле, а только в заброшенных местах.

Гончие разорвали Ахкепига, а брат с невестой стали жить счастливо.

35. БАЛАЙ И БОТИ

Говорила мне старая ворона, будто случилось это тогда, когда один богач умер, а его три сына остались живы. Может быть, так, а может, и иначе. Недаром про ворону люди говорили, что она и «лису обманула».

Я хотел было рассказать вам эту сказку по-вороньи — в длинных словах, да вспомнил, что умные люди говорят: «Хороша веревка длинная, а речь короткая». Слушайте и не перебивайте, а то из короткого ничего и не останется.

Умер богатый человек... К его трем сыновьям пришла старуха — и хитрая же была ведьма, потому что повела она такую речь:

— Эх-хе-хе, богатые молодцы, удалые красавцы! Что сидите и молчите, повесивши длинные носы, словно соловей, которому кошка хвост оторвала? Развеселитесь-ка, и меня, старуху, хорошенько наградите, потому что я принесла вам весть о девушке-красавице.

И так рассказала хитрая старуха о красоте этой девушки, дочери царя с южной стороны, так расписала ее, что все три молодца в один голос закричали:

— Я хочу на ней жениться!

А старуха им:

— По очереди, молодцы! Не все сразу. Сперва ты, старший, Берзек, поедешь... Давай мне, старухе, награду за то, что укажу тебе дорогу... Поедешь ты по этой дороге, добудешь себе девушку, твое счастье. Я твоим братьям других невест найду. А не добудешь, как и до тебя никто еще не смог добыть — пусть твои братья по очереди едут. За тобой средний — Оздемир, а за ним младший — Али.

Вот и поехал старший брат Берзек добывать себе в жены дивную красавицу, дочь царя с южной стороны. Поехал прямо. Долго ли, коротко ли ехал, днем гнал, ночью не отдыхал. Нашу гору переехал, вашу перевалил, чужих две-три одолел, холмов четыре-пять перескочил, с десяток ущелий перепрыгнул, таких широких, как от носа до рта...

И вдруг, откуда ни возьмись, старик, такой древний, что в два кольца согнулся и голова из подмышки назад выглядывает.

— Выпрями бог твою дорогу, молодец! За девицей, дочерью царя с южной стороны, едешь? Что дороже: девица или совет?

— Эх ты, старый ослиный сыр, куриная твоя голова! На что мне твой совет! Хочешь я тебе десять советов дам, да еще и жену твою, и дочерей, и внучек, и правнучек прибавлю в придачу за девицу, дочь царя с южной стороны.

А дочь царя с южной стороны давно уже сказала своему отцу:

— Хочешь, чтобы я вышла замуж? Пусть жених осилит меня в борьбе.

Приехал жених Берзек. Ему и говорят:

— Поборешь девушку — твоя будет, не сделаешь — быть твоей голове на коле остром!

Берзек только улыбнулся.

И вот ведут его на борьбу через темную горницу, царскую дочь тоже выводят. Борьба началась... Схватились... И вдруг, точно солнце ударило ему в глаза, когда он взглянул в лицо девушки, так изумительно красива была девушка, а она взяла его и положила на землю.

— Девяносто восьмую голову отрубите от шеи и посадите на кол! — сказала девушка палачам. И по слову ее все было исполнено...

Так же, как старший брат, и Оздемир погиб бесславной смертью; на девяносто девятый кол была посажена его голова.

Седлает младший брат, Али, своего вороного коня, едет по указанной дороге.

— Дай бог тебе прямого пути, молодой удалец! — говорит ему встречный старик. — Знаю, куда и зачем едешь. Что тебе дороже: красавица, дочь царя с южной стороны, или разумный совет?

— Совет мудрого старца дороже сокровища, так же как и добрая жена, — ответил старику молодец Али.

— Слушай же, юноша! Девица, за которой ты едешь, не будет тебе доброй женой. Можешь ли ты отказаться от нее?

— Нет, отец! Сам знаешь: стыдно не довести до конца начатое дело.

— Поезжай же, если так, но помни: станешь бороться с девицей — не поднимай глаз на лицо ее.

По совету старца поступил юноша. Поборол Али девицу, дочь царя с южной стороны, никем еще не побежденную. Тогда стали его чествовать. Устроили ради него богатый пир, и на том пиру невеста угощала Али семилетней бузой, а всех других — семидневной.

— Пусть молоко матери моей будет мне позором, если не пролью я всей моей крови за то, чтобы стала ты моей женой по доброй воле.

— Узнай же, за что гневается Балай на жену свою Боти, — молвила девица жениху, дочь царя с южной стороны.

Не знал молодец Али, кто этот Балай и где его дом. Но слово, данное, что пущенная стрела, назад не возвращается. И поехал он искать неведомого в неизвестном краю.

Много ли ехал Али, мало ли, про то я не знаю, а он позабыл... Дни за днями летели, как сухие листья, что гонит ветер по дороге. И очутился Али в чужой стороне, в таком краю, где и небо другое, и земля невиданная: в жару — грязь, в дождь — пыль... Ночь застигла его среди леса. Под высоким деревом сошел он с коня и расположился ночевать.

В этом дремучем лесу, на том самом дереве, под которым лег Али, свила гнездо орлица. Не простая орлица — каждым крылом она прикрыла бы большую усадьбу и, схватив когтями четырехлетнего быка, она могла унести его в поднебесье. Не было равной по силе той орлице ни среди зверей, ни среди птиц. Был у нее только один лютый враг — серый змей Нал, кольцами тела своего обвивавший вековой дуб от корня до вершины. И тот змей не смел все же вступать с ней в открытый бой. Когда улетала орлица за добычей, он хитро подбирался к ее гнезду и пожирал птенцов ее, малых орлят. Оттого с сотворения мира не было потомства у вековой орлицы.

Ночью вдруг забился, громко заржал вороной конь, привязанный к дереву: подползает змей, серый Нал, смело ползет, потому что великая орлица отлетела от гнезда на добычу.

— Боже богов! Пошли мою стрелу в хорошую цель! — молвил Али и, натянув лук свой, пустил черную стрелу в голову змея. В левый глаз угодила стрела, оперенная орлиными перьями.

Вторую стрелу пустил Али, воткнулась стрела змею в правый глаз. И ослеп огромный страшный змей. Шашкой своей, спасая коня, рубил Али злобно шипящего змея... Затрещали, зашатались деревья от ударов змеиного хвоста, закричали в гнездах громко орлята. На крик, на шум боя, на змеиный свист и шипенье кинулась с поднебесья великая орлица. Своим железным клювом расклевала она голову змея, своими стальными когтями растерзала его тело.

— Чем одарю тебя, молодец, за то, что спас ты мне моих птенцов, помог мне отомстить губителю моего рода? — спросила орлица Али.

Али рассказал ей про то, куда и зачем послала его девица, дочь царя с южной стороны.

— На погибель послан ты, молодец. Воротись лучше домой подобру-поздорову, — сказала ему орлица.

— Я поклялся молоком моей матери, — отвечал ей Али. — И лучше погибнуть, чем вернуться бесславно!

Тогда орлица взяла его на свои могучие крылья, поднялась с ним в поднебесье и понеслась, словно черная туча в бурю, туда, где на дальнем краю света жил страшный Балай с женой своей Боти.

Скоро увидал Али высокие серые башни жилища Балая, зубчатые башни упирались вершинами в небо.

— Слушай, молодец, — сказала ему тогда орлица, — я буду ждать у ворот. Ты войди и скажи, что нужно, спроси, что следует; а потом, улучив минуту, беги ко мне. Если есть у тебя

счастье, Балай не пустит стрелу в тебя, пока мы будем еще близко. А пустит — не спастись тебе, как и прежде никто не спасался и впредь не спасется.

На середине темного каменного двора кормит Балай, свирепый богатырь, собак своих гнилым мясом дохлых овец... И те куски, которые не едят нечистые псы, те гнилые огрызки кладет в рот жены своей Боти. С ног до пояса окаменелая, стоит красавица недвижно перед мужем, слезы горным ручьем льются из ее глаз, но в сердце его нет к ней жалости: он бьет ее раскаленными железными прутьями по белым плечам.

— Мир тебе, богатырь Балай! — молвил Али, переступивший порог. — Пришел к тебе как друг, с добрыми помыслами, и жду от тебя привета...

Но не отдал молодцу привет суровый Балай. Ненавидел он род людской.

— Скажи, что нужно, чужой человек?

Али рассказал Балаю, почему и зачем он приехал.

— Поведай мне, суровый богатырь Балай, отчего гневаешься на жену свою Боти? Возлюбленная моя, дочь царя с южной стороны, мной побежденная в борьбе, обещала стать женой моей по своей доброй воле, если я узнаю это.

Ответил ему суровый Балай, и речь его была такая:

— Я, Балай, сын Баркума, был кроток, как нежный ягненок, сосущий матку-овцу. Гостеприимство мое ведал весь мир — приходили ко мне враги со злыми помыслами и уходили от меня верными друзьями моими, щедро одаренные. А теперь я пущу стрелу мою в сердце друга!

Восемь лет я с любовью смотрел в глаза девицы, говорил ей нежные речи любви, и слава подвигов, что совершил я в честь ее и ради нее, гремела от края до края земли. И стала девица моей женой. Любил я ее, как иссохшая летом земля любит дождь, оберегал, как великая орлица, что принесла тебя сюда, оберегает своих птенцов. И так сберег... Пусть остынет грудь моя — пущу я стрелу в сердце друга!

Раз ночью, проснувшись от чуткого сна, я увидел, что возлюбленной нет возле меня. Я встал, вышел во двор — она отворяла ворота, чтобы ехать куда-то. Глубокой ночью, одна...

Лишь выехала она, я вскочил на коня — и за ней. По дороге стала перед ней стена колючих кустов. Трижды махнула она рукой, трижды промолвив: «Волей лесного царя, что носит острый топор на груди, пусть будет дорога!» — и перед ней открылась тропа. Дальше нам встретились горы, отвесной стеной поднимались они, касались вершинами неба. «Пусть будет здесь путь мне волей царя гор, господина подземных сил!» — закляла те горы жена. И явилась дорога. Перед глубокой пещерой сошла жена моя с коня и вошла туда. В пещере, сидя у костра, ждал ее мо-

лодой нарт Эрстхо. Она кинулась к нему, кинулась быстро... Как быстро пущу я стрелу в сердце друга!

«Отчего так долго не приезжала ты, нечистая псина!» — крикнул он ей. И стал бить плетью по ее белому телу. Она же, и пальцем мной никогда не тронутая, стояла перед ним на коленях, целовала плеть в руках его и, с любовью глядя ему в глаза, говорила: «Прости, возлюбленный! Дьявол-муж долго не засыпал».

О!.. Вспомнил об этом — я пущу стрелу свою в сердце друга!

Я кинулся в пещеру; в сердце моем, как горный ключ, кипела злоба... Но жена моя вырвалась из моих рук, вскочила на коня и умчалась. И нарт Эрстхо, только раненный мной, скрылся от мести моей. Дома, когда я вернулся, жена встретила меня у порога, в руке ее была та самая плеть, которой нарт бил ее. Той плетью ударила она меня, громко воскликнув: «Будь ты псом, по воле царя всех зверей!» Теперь я опять человек, но в сердце моем закипела злоба... И я пущу стрелу в сердце друга!

И я стал собакой. Семь лет бродил я по свету нечистым псом.

Через семь лет жена увидела меня и — безжалостная — обратила в осла.

Семь лет работал я на людей серым ослом и семь лет еще кормился падалью, обращенный женой в бурого коршуна... Она не пожалела меня, когда, измученный, до костей избитый, с глазами, льющими кровавые слезы, я стоял перед женой, опустив покорно длинноухую голову. И я не жалею теперь ее... И пущу стрелу мою в сердце друга.

Научил меня хитрый ведун, сам того не зная, как вернуть человеческий образ. Влетел я коршуном в мой прежний дом, похитил у жены волшебную ее плеть; ударившись об нее трижды, крикнул, как я мог: «Пусть буду я человеком опять, по воле бога богов, Сердцеведа!» И стал человеком. Но в сердце моем трижды семь лет накипела месть. А месть — что буза: чем дольше ты ждешь, тем слаще пьешь...

Я пью теперь месть полной чашей, и одно лишь горчит мое сладкое питье — злодей, мой обидчик, нарт Эрстхо. В подземелье своего отца скрывает его дочь царя с южной стороны — родная сестра моей жены, которая не уйдет от меня теперь, обращенная мной до половины в камень той же волшебной плетью. В крепком подземелье скрывает моего врага дочь царя с южной стороны — оттого и нет еще другого такого несчастливца, как я... Ты хочешь стать ее мужем... Но лучше уж я пущу стрелу мою в сердце друга!

И с теми словами встал бедный Балай, сын Баркума, и вышел в соседний покой... Мгновенье — и молодец Али уже на крыльях великой орлицы, и летит она вдаль от страшного дворца, словно буря несет ее.

Но со свистом догоняет орлицу стрела, с громом ударяет в крыло — посыпались перья, окутавши тучей летящих.

— Ты ранен, Али? — спросила орлица.

— Нет, — ответил молодец, — просвистела стрела мимо уха. А ты?

— Клянусь моими птенцами, ты счастливее всех живущих на свете. И мне стрела прошла сквозь крыло, не тронувши кости... Ты вдвойне счастлив, Али: и остался живым, и узнал о коварстве Боти, сестры той девицы, которую хотел взять в жены. Куда теперь нести тебя? В дом ее? Она злей и коварней сестры. Или в край твой родной, на милую родину?

— Неси, куда знаешь, мудрая орлица, — промолвил Али.

Говорила мне старая ворона и о том, что было дальше с Али: как вернулся он в родные края, как счастливо прожил свой век, взяв себе добрую жену. Все рассказала ворона, ничего не пропустив. И была ее речь длинная.

Но длинная — хороша веревка, а речь, чем короче, тем лучше.

36. МОВСУР И МАГОМЕД

Много времени прошло с тех пор, как подружились Мовсур и Магомед. А когда они подросли, еще больше стали любить друг друга и еще крепче стала их дружба.

Однажды Мовсур вернулся с пастбища и сразу же лег спать. Он увидел сон, будто дочь князя Мусы Жовар, которая жила от села Мовсура на расстоянии трехмесячного пути, назначила ему день свадьбы. В то время, когда предрассветные звездочки разбегаются в небе в разные стороны и наступает третья часть ночи [1], Мовсур, словно олень, которого подстрелили на бегу, соскочил с постели.

«И что это за сон был? В этом сне есть, конечно, какая-то доля правды. Или я умру, или возьму в жены дочь князя Мусы Жовар», — решил Мовсур.

Видя, что сын ее проснулся и сидит в полночь на кровати, мать сказала ему:

— Мовсур, ты сегодня отдыхай, а я пойду за тебя пасти скот.

Не проходило и дня, чтобы Мовсур и Магомед не встречались.

Наутро Магомед оседлал своего коня и поехал проведать друга. В селе, где жил Мовсур, вслед за Магомедом бежали дети и кричали: «Магомед едет к Мовсуру!»

Дети побежали впереди Магомеда к окну Мовсура и крикнули: «Магомед едет к тебе!»

Мовсур задумался и поэтому даже не повернул головы. Магомед въехал во двор:

— Ассалам-алейкум, мой дорогой Мовсур! Почему ты не заехал ко мне вчера? Что-нибудь случилось с тобой за это время?

— Ва алейкум-салам, — ответил Мовсур на приветствие.

Он помог другу спешиться и повел его к себе. Друзья перекусили, и Мовсур сказал:

— Теперь оседлай коня и поедем!

Магомед не спросил Мовсура зачем, и Мовсур не сказал Магомеду, куда они поедут.

Ехали они по лесу, и в пути застала их ночь. В густом лесу друзья заметили тропинку и решили продолжить путь по ней. Недолго им пришлось ехать по тропинке. Они наткнулись на дым, подошли к тому месту, откуда валил дым, и увидели дорогу — она вела в подземелье. Когда они спустились, то обнаружили в подземелье комнату — в ней никого не было, но стол был уставлен яствами.

Ни Мовсур не спросил Магомеда, что это значит, ни Магомед не заикнулся ни о чем Мовсуру. Они сели за стол, плотно поели и легли спать. Прошло немного времени, и в печную трубу кто-то крикнул.

— Что такое? — услышал Магомед человеческий голос, звучавший около них.

Около друзей никого не было. Мовсур в это время спал крепким сном. А Магомед, занятый мыслями о том, куда они едут, еще бодрствовал. Он опять услышал голос.

— Нет у меня времени, чтобы пойти с тобой туда. У меня ночуют чужеземные гости. Отправлю сначала их в путь, потом, может быть, пойду с тобой!

После этого Магомед вовсе не мог уснуть. Опять тот же голос крикнул:

— Гости, что у тебя ночуют, проделали путь в три месяца. Одному из них дочь князя Мусы Жовар, что живет за морем, назначила во сне срок, когда она выйдет за него замуж. Завтра они подъедут к этому морю. Если они срежут ветку дуба, что стоит на самом берегу, и бросят ее в море, то через него будет перекинут мост. По этому мосту они должны пройти на другой берег. Там они увидят дом, в котором живет старуха, и она сделает все, что им необходимо. Но тот, кто услышит этот разговор и расскажет о нем, пусть превратится в кусок льда.

Рано утром друзья пошли смотреть своих коней. Они увидели, что их коней кто-то расседлал и они всю ночь паслись. Друзья удивились и, не говоря ни слова, взглянули друг на друга. Потом они опять спустились в подземелье, чтобы попрощаться с хозяином, и увидели накрытый стол. Но в комнате, как и вчера, никого не было. Позавтракав, как обычно завтракают гости, друзья поднялись наверх, сели на коней и пустились в путь.

Доехали они до моря, о котором кто-то вчера ночью предупреждал. Ни один из друзей не сказал: «Да ведь море это не переплывешь».

Только Мовсур на коне вступил в воду, как Магомед срезал ветку дуба и бросил в море. Тотчас перед ним возник мост.

Друзья переправились на другой берег и пошли к старухе.

— К тебе едут гости, старуха, — сказали друзья.

— Ой, как хорошо, что вы пришли именно сегодня, ведь завтра исполняется ровно три месяца, как во сне Жовар назначила срок, когда она собирается замуж за Мовсура. Если бы вы не приехали сегодня, вы могли бы вернуться ни с чем. Слушайте, юноши, — продолжала старуха, — видите вон те дворцы? Хозяин их — князь Муса. У него много золотых дел мастеров. У одного из них мы закажем для Мовсура кольцо. Магомед, когда ты пойдешь с нами, не оглядывайся. А ты, Мовсур, должен украдкой следить за всем. О твоем прибытии уже знает Жовар. Когда мы будем проходить возле ее дворца, она бросит тебе яблоко. Ты возьми яблоко и положи его в карман. Но смотри не оглядывайся.

Старуха заказала кольцо для Мовсура.

— Мовсур, смотри старайся не заснуть при девушке. Яблоко, которое бросит тебе девушка, означает, что место свидания в саду. Когда она явится, блеск ее красоты озарит сад, ночь превратится в сияние, и тебя невыносимо потянет спать, но ты не смыкай глаз.

Мовсур переоделся, пошел в сад князя Мусы и стал там дожидаться Жовар. Когда она явилась, от блеска ее красоты Мовсур заснул. Жовар подошла к Мовсуру, посмотрела на него, села возле него, потом сказала:

— Мовсур, ты заснул, наверно, потому, что долго ехал!

Жовар расстегнула пуговицы его черкески, чтобы дать знать, что она приходила к нему, и ушла.

Мовсур проснулся и, сильно огорченный тем, что проспал свидание, направился в дом старухи. Старуха сразу поняла, что на свидании Мовсур заснул. Но чтобы больше не огорчать его, она сказала:

— Не огорчайся, все уладится. Но только должна тебе сказать, что Жовар хотят насильно выдать замуж за княжеского сына. Мы не можем находиться около Жовар. Если ее отец узнает о нашей затее, он предаст нас всех смерти. А сейчас мы сходим за золотым кольцом. Ты, Мовсур, по дороге украдкой наблюдай за Жовар.

Когда они получили свое кольцо и пошли мимо дворца князя, Жовар бросила из окна гроздь винограда. Мовсур положил ее в карман и поклялся, что не заснет в винограднике.

В эту ночь Жовар выдали замуж за княжеского сына и устроили большой той в честь этого. И в эту ночь на свидании с Жовар Мовсур заснул и проснулся только утром.

После этого старуха, Мовсур и Магомед решили украсть девушку из дворца княжеского сына.

На свадьбу, которую сейчас устраивал княжеский сын, обычно звали и старуху. А у нее были те же одежды, что и у Жовар.

Старуха, отправляясь на свадьбу, научила друзей, как вести себя, когда невесту повезут через шахар.

Старуха села в карету, а в назначенном месте друзья ждали дальнейшего хода событий. Опьяневшие на свадьбе друзья князя стали танцевать лезгинку и петь. Через некоторое время старуха сказала им, что выведет невесту на свежий воздух. Она вывела Жовар на улицу и отдала ее в руки Магомеду. Он тотчас вместе с Жовар покинул село. А Мовсур, дав старухе большой урду, догнал свою невесту и Магомеда.

Не успел Мовсур перекинуться с Магомедом и словом, как за ними началась погоня. Магомед сразу отрезал ветку дуба и бросил ее в море. Через море тут же перекинулся мост. Как только друзья с невестой очутились на другом берегу, мост исчез.

Жовар спросила, как Магомед сумел перекинуть через такое море мост. Он не мог об этом рассказать и промолчал.

Друзья и Жовар снова очутились в том самом лесу, вошли в подземелье, как и в первый раз, в комнате нашли накрытый для гостей стол. Они поужинали, легли спать. Но Магомед и в эту ночь не мог заснуть: он разгадал смысл слов, сказанных в прошлый раз кем-то.

Во второй половине ночи, как и в первый раз, кто-то крикнул через трубу:

— Слышишь, твои гости вернулись с невестой. Когда они приедут к себе домой, они три дня и три ночи будут играть свадьбу. После этого в ночь, когда невеста войдет в их комнату, из-под пола выползет змея и задушит их. Но тот, кто расскажет о разговоре, который я сейчас вел, превратится в кусок льда.

После этого друзья вернулись домой и сыграли свадьбу. Магомед не уходил и после того, как сыграли свадьбу. Решив побыть здесь эту ночь, Магомед не дал знать Мовсуру, что он находится в их комнате, и ждал появления змеи.

В полночь, когда Мовсур и его невеста уснули, прямо посередине комнаты из-под пола показалась голова змеи. Магомед рубил змею на мелкие части и стоял по колени в крови, ожидая, когда проснется его друг Мовсур. Перевернувшись на другой бок, Мовсур увидел Магомеда, который по колени был в крови, а вокруг валялись куски змеи.

Мовсур попросил, чтобы Магомед рассказал обо всем, что с ним случилось, и о том, как тот узнал, что ночью к ним заберется змея. Магомед не хотел рассказывать об этом, но, уступив просьбе друга, все рассказал ему.

Не успел Магомед рассказать до конца о том, что он слышал, как превратился в кусок льда и покатился по полу.

— Мой дорогой друг, Магомед, без тебя и я не буду жить на этом свете! — сказал Мовсур.

Он вытащил из ножен кинжал и, наставив его рукоять на кусок льда, хотел проткнуть себе сердце. Но от прикосновения рукоятки кинжала Магомед ожил.

И они стали жить счастливо.

37. ГОМБОТ И ЕГО ЖЕНА

В одно время жили два человека — их звали Бибот и Гомбот. Хотя они и жили вдали друг от друга, но были знакомы. Красивый человек был Гомбот. Бибот жил со своей женой и дочерью. Как-то заболела его жена и умерла. А он с дочкой остался. Овдовевший Бибот часто говорил дочке, которая плакала о матери:

— Не плачь, не плачь, когда подрастешь, я выдам тебя за Гомбота.

И дочка переставала плакать. Она стала очень красивой девушкой.

В это время Гомбот сообщил Биботу о своем приезде и прибыл со своими друзьями.

Бибот собрал людей, зарезал скот и устроил пир. Долго сидели они: ели, пили, веселились. Увидев девушку в доме Бибота, Гомбот влюбился в нее, но не решался признаться в этом. И девушке сразу понравился Гомбот. После пира Гомбот с друзьями ушел. После их ухода дочь спросила отца:

— Это не тот ли Гомбот, за которого ты обещал меня выдать, когда я подрасту?

Бибот ответил:

— Да, это тот самый Гомбот, о котором я говорил тебе в детстве. Если он посватается, я выдам тебя за него.

Гомбот встретил девушку еще раз у других людей и еще сильнее ее полюбил. Не выдержал он и послал сватов к Биботу, и тот дал согласие. Вечером девушку засватали, а утром сыграли свадьбу.

Гомбот стал мужем дочери Бибота.

У Гомбота в доме была служанка, которая ухаживала за его женой. Она решила выгнать жену, а сама стать женой Гомбота. После месяца совместной жизни Гомбот отправился странствовать. Жена со служанкой остались дома.

Однажды служанка сказала:

— На синем море есть чугунная плита, на которой Гомбот купает своего коня. Если ты согласна, пойдем туда купаться.

— Это стыдно, я не пойду, — ответила жена.

— Пойдем, ради бога, — стала умолять служанка, и молодая жена после ее настойчивых просьб согласилась.

Стали они купаться на чугунной плите у синего моря, где Гомбот купал коня. Говорит служанка:

— Сядь на край чугунной плиты и повернись ко мне спиной, я помою тебя.

Жена Гомбота села, как просила ее служанка, а та столкнула ее в море, сама оделась в ее одежды и вернулась домой.

Через месяц возвратился Гомбот. Он не обратил внимания, кто хозяйничает в доме: служанка или жена — служанка была в одеждах его жены, подделала ее походку и голос.

Думая, что это его жена, Гомбот спросил ее о служанке.

— Она больше не вернется, — ответила та.

Гомбот не обнаружил обмана и сказал, что можно найти другую служанку.

Через месяц он снова отправился на синее море купать своего коня и увидел у чугунной плиты небольшой зеленый росток. Гомбот удивился. Через месяц этот росток стал деревцем.

— Что это такое? Откуда это деревце? — еще больше удивился Гомбот.

Еще через месяц деревце уже стало в рост человека и распустило крону.

— Какая крона! Из нее получится хорошая балалайка! — решил Гомбот.

Он отрезал ветвь дерева и принес домой. Сделав из нее балалайку, Гомбот заиграл на ней. Когда бы он ни играл, балалайка всегда говорила одно и то же:

— Чаки-чак! В объятиях Гомбота плешивая голова! Чаки-чак! В объятиях Гомбота плешивая голова!

Гомбот удивился этому чуду. Когда он отправился на поиски служанки, испугавшаяся жена-служанка бросила балалайку в огонь очага. Все угольки от балалайки стали говорить:

— Чаки-чак! В объятиях Гомбота плешивая голова! Чаки-чак! В объятиях Гомбота плешивая голова!

По соседству, рядом с домом Гомбота, находился двор вдовой старухи. Остатки золы от балалайки служанка бросила в ее двор. Там, где лежала зола, выросла конопля. Вдовая старуха нарвала коноплю и сделала из нее лепешку. До прихода сына она положила эту лепешку в сундук.

В одном месте пряли шерсть и устроили белхи *. Оповестили об этом многих людей. Сообщили и Гомботу, и сыну вдовой старухи.

— Как я пойду голодный? Дай мне что-нибудь поесть, — попросил он свою мать.

— В сундуке я спрятала лепешку, съешь ее, — сказала она сыну.

Заглянул он в сундук, а в нем оказалась девушка. Это была брошенная в воду жена Гомбота.

— Вот чудеса, нанн! — сказал сын. — Лепешки в сундуке нет, а есть девушка вся из золота и серебра.

— Никому не говори о том, что видел, — сказала мать и закрыла сундук.

— Хорошо, — сказал сын и ушел.

Когда пряли шерсть, он услышал, как люди спорили о том, кто самая красивая девушка. Не выдержал сын вдовой старухи и сказал:

— Нет никого красивей девушки из золота и серебра, которая в сундуке у нас дома.

Люди послали к вдовой старухе двух человек за этой девушкой.

— Пусть отсохнет язык у того, кто сказал вам об этом! О какой девушке вы ведете речь? Это пояс из золота и серебра, — ответила вдовая старуха и отправила их обратно.

Они вернулись и рассказали о том, что ответила им старуха.

— Нет, в этом сундуке была девушка из золота и серебра, — заупрямился сын старухи.

Все решили, что надо на этот раз послать к старухе Гомбота.

Пришел Гомбот к вдовой старухе и поведал ей о причине своего прихода.

— Это моя дочь, а я ее заперла в сундуке, — сказала старуха, решив женить на ней своего сына.

— Дай хоть взглянуть на нее, — стал просить Гомбот.

Старуха уважила его просьбу.

«Как она похожа на мою жену», — подумал Гомбот, а женщина узнала своего мужа.

Гомбот взял ее и повел туда, где пряли шерсть.

Все были изумлены красотой и сиянием женщины. Служанка сразу же признала ее и не находила себе места. Гомбот смотрел на нее, она — на Гомбота.

— Кто ты, откуда, рассказала бы нам! — стали ее просить.

— Я не знаю, о чем вам рассказать. Я выросла в темном сундуке и ничего не знаю. И что я могу знать? Я бы лучше послушала ваш разговор.

— Ради бога, расскажи, нам придется по душе твой рассказ, — снова стали просить ее люди.

— Хорошо, тогда я расскажу вам одну сказку. Жил в одно время...

И все, что мы до сих пор знали, девушка рассказала.

— Эта девушка — я, а тот, о ком я рассказала, — Гомбот, а вон та женщина, которая не находит себе места — служанка, которая столкнула меня в море.

Подлую служанку Гомбот привел к чугунной плите и сбросил в море.

Счастливо и долго жили Гомбот с женой. У них родилось семеро сыновей.

38. ЗОЛОТОЕ ПЕРО И ПЛЕТКА

Жили в старину муж и жена с дочерью. У жены были золотые чувяки. Через некоторое время жена умерла, а перед смертью завещала:

— Женись только на той женщине, которой будут впору мои чувяки.

Жену похоронили, и муж отправился на поиски женщины, которой были бы впору золотые чувяки жены. В странствиях он провел пятнадцать лет и вернулся в родное село. К этому времени его дочь стала взрослой и очень красивой.

Однажды отец увидел ее в то время, когда она возвращалась с родника, и влюбился. Дочь не узнала отца, и отец не узнал дочь.

Он примерил ей золотые чувяки — они оказались впору дочери, но она заподозрила в этом человеке отца. О своем подозрении она никому не сказала. Отец стал свататься к дочери. Тогда дочь сказала:

— Если ты построишь башни из золота, я выйду за тебя.

Отец пригласил искусных каменщиков и принялся за возведение золотых башен.

Тайно дочь сказала строителям, чтобы они поставили полый столб в башне. Строители построили башни, а в стене башни установили полый столб из золота.

Отец женился на дочери. Свадьба кончилась. В первую брачную ночь невеста спряталась в этом столбе, и муж не нашел ее. От злости он сбросил башни в реку. Полый столб не затонул и плавал на поверхности. Река далеко унесла столб.

Эта река протекала через село, и один молодой человек увидел золотой столб. Он не смог его вытащить, пришел домой и рассказал об этом отцу. Отец с сыном вытащили столб и поставили в комнате сына.

Ночью юноша лег спать, а девушка вышла из полого столба, поела и снова спряталась. Наутро юноша удивился: никого в доме не было и дверной засов на месте, а еды уменьшилось. Во вторую ночь все повторилось снова. На третью ночь юноша стал караулить вора. Только девушка вышла из золотого столба, он ее поймал. Девушка рассказала ему обо всем, и молодой человек посватался к ней. Девушка согласилась и стала его женой. С тех пор прошло два года, у них родился сын. Жили они в дружбе и согласии.

Однажды под видом нищего к ним пришел отец девушки. Дочь

дала ему милостыню, а когда тот попросился на ночлег, ответила, что мужа нет дома, поэтому пусть придет попозже. Он снова пришел. Ночью они легли спать. Попрошайка убил мальчика, а нож положил в карман дочери.

Мать удивлялась долгому молчанию мальчика. Встала она и посмотрела в люльку. Мальчик ее был зарезан. Она вскрикнула, и муж ее проснулся. Тогда попрошайка говорит:

— Не волнуйтесь, нож, которым зарезан мальчик, будет в кармане убийцы.

Нож нашли в кармане матери.

Муж выколол жене глаза, отрубил руки, привязал мертвого сына к спине матери и пустил ее по миру.

Сидела она у реки и горько плакала. Бог послал ангела узнать о причине ее слез. Ангел возвратился и обо всем рассказал.

Бог снова послал ангела и наказал:

— Это золотое перо дай матери, а золотую плетку — сыну. Стоит подбросить золотое перо и попросить о чем-либо — все исполнится.

Подбросила мать перо и попросила оживить сына, вернуть ей зрение и восстановить руки.

Через некоторое время мать и сын возвратились в свое село и остановились у одной старушки. Прослышав о красивой женщине, в доме старушки собрались люди. Среди этих людей был и муж женщины.

Когда все веселились, сын засунул золотую плетку под потник седла коня своего отца. Все стали прощаться, и отец мальчика тронулся на коне.

Мальчик закричал ему вслед:

— Эй, ты украл мою золотую плетку!

— Я не воровал, — разгневался отец.

— Нет, ты украл, — сказал мальчик и достал из-под потника золотую плетку.

Растерянный отец не знал, что и подумать, а сын ему говорит:

— И моя мать была столь же невинна, когда ты выколол ей глаза, отрубил руки и меня, убитого попрошайкой, привязал к ее спине и прогнал.

Отец был очень удивлен, но поверил, что это его жена и сын.

Вернулись они домой и стали жить счастливо.

Таков этот белый свет: много в нем чудесного, загадочного, наталкивающего на размышления.

39. БАЛО

В свой черед наступило утро, в свой черед пришел вечер. Глубокая ночь наступила за ними. Когда погрузились в сон жители аула, к Бало обратился его младший брат:

— Вставай, брат, и послушай меня: живет тут недалеко князь. Много имеет он в горах баранты. Много табунов лошадей пасется у него в предгорьях. Много народа он в своей власти держит. Собирает с него дань. Притесняет, губит он аул. Мы должны с тобой поехать, ты — старший мой брат! Поехать во дворец князя. Мы должны наказать его, о брат мой Бало, так, чтобы он никогда народ не обирал. Ты долго странствовал по чужим землям. Ты приехал теперь домой, наш вождь, Бало!

Когда младший брат кончил говорить, быстро вскочил на ноги храбрый Бало.

Снарядили, как невест, они своих коней, сами вооружившись, черной ночью прискакали к двору князя.

Старший брат остался с конями, младший ловко перепрыгнул через ограду. За оградой он увидел каменный дворец. Цепляясь за камни, он влез на крышу, а оттуда спрыгнул во внутренний двор. Золота набрал, сколько мог унести, и вернулся к Бало. Ловко вспрыгнули братья на гнедых коней. Стрелой понеслись они в свой родной аул, словно со стрелой в беге состязались, словно с чернокрылым соколом в быстроте соревновались.

Когда на смену черной ночи наступил светлый день, князь собрал своих приближенных и стал говорить им:

— Слушайте внимательно. Ни дверь, ни окна не взломав, унесли у меня столько золота, сколько может унести один человек. Что делать мне — советуюсь с вами, мои благородные приближенные?..

Тогда позвали его приближенные старую колдунью и привели ее к князю. Он рассказал ей о том, как пропало золото. Тогда стала говорить старая колдунья:

— Слушайте вы меня: принесите мне скорее с базара вату, принесите также масла.

Принесли все просимое и отдали ей.

Она смочила вату маслом, положила посреди комнаты, плотно закупорила двери и окна, подожгла ее. Потом вышла — и остальные за ней вышли из комнаты. Вышла на широкий двор и стала смотреть на крышу той сакли, куда зашел похититель золота. Вскоре из щелей показался дымок. Тогда дряхлая колдунья стала им говорить:

— Послушай меня, ты, князь, похитившие твое золото — дружные молодцы, иначе один бы не взял на себя такую тяжесть. Унесено золота меньше оставшегося. Они не утерпят, чтобы за ним не вернуться. Ты должен приготовить им капкан, но не такой, как для волков. Ты должен приготовить им капкан, как для львов, чтобы выстрелил капкан двадцать раз, чтобы наверняка убил их.

Получила за свой совет от князя старая колдунья и пошла к себе домой. А князь поставил капкан, как для львов, и спокойно лег спать.

Когда наступила ночь, два брата, приехав домой, собрали бедняков и разделили между ними привезенное золото, а потом, коней расседлав, быстро пошли в свой дом и спать легли.

Среди ночи проснулся младший брат, сел у ног своего старшего брата и запел:

Вставай-ка ты, Бало,
Мы привезли казну с тобой для бедняков,
Теперь мы должны поехать с тобой,
Чтобы для себя богатство привезти!..

Когда пропел это младший брат, вскочил на ноги Бало.

Вооружившись, стали в дорогу собираться. Как молодых невест, легких коней снарядили, ловко вскочили на них и за ворота выехали. Когда выехали, Бало говорит:

— Мы вместе в дорогу пустились и как равные товарищи с взаимного согласия тяготы нести должны.

И приехали два славных тех брата к ограде дворца.

Стал говорить Бало:

— Когда мы в первый раз сюда прибыли, ты выскочил вперед и перепрыгнул через ограду дворца. Теперь очередь за мной ту казну забирать.

— Нет, — ответил младший брат, — слушай внимательно, Бало. Будет неправильно, старший мой брат, между нами равенство соблюдать. Тебя осудят, если во дворец меня не пустишь. Будет больно и мне, если с лошадьми ты не останешься...

Сказав это своему брату Бало, он поручил ему славных коней.

Чутко прислушивался Бало. Вдруг он услышал громовой удар, дворец сотрясающий, барабанные перепонки оглушающий.

Удар этот смутил Бало. Он быстро перепрыгнул через ограду и нашел своего младшего брата, крепко схваченного капканами для львов.

Увидев Бало, раненый брат ему сказал:

— Слушай меня внимательно, мой любимый брат: если не снимешь ты круглую мою голову, если на моем теле эту голову оставишь, то не даст тебе жизни князь. Ты должен снять мою круглую голову, положить в суму и скорей-скорей домой отвезти. Кроме того, прошу я тебя, мой брат Бало: если будет возможность, если хватит удачи — отомсти за меня, чтобы быть тебе спокойным.

С тяжелым сердцем из ножен вынул Бало острый кинжал и голову снял любимого брата. Горячая кровь на землю хлынула. Со стесненным сердцем в суму положил голову брата Бало. Домой он поехал, потупившись, суму с головой брата положил на луку.

Своей сестры тонкое платье на себя надев, с длинными краями покрывало на голову накинув и острый кинжал свой в широкий

рукав платья запрятав, в грустном раздумье ждал рассвета Бало.

На второй день князь спешно собрал молодых приближенных, привел к нему ту дряхлую ведьму, и стал говорить князь:

— Старая ведьма, что ты мне говорила? Воры приходившие оказались безголовыми ворами!..

Тогда стала говорить та старая ведьма:

— Слушай хорошенько, князь, приходившие к тебе — не безголовые. Приходившие к тебе — дружные братья. Взял эту голову брата его старший брат. А заставил снять свою голову младший, чтобы ты не напал на след. В аул, где Бало живет, пусти ты необъезженного коня, к его хвосту труп привязав. Своего брата труп увидев, он выдаст себя. И поймаешь ты этих воров...

Сказав это, ушла старая колдунья. Быстро нашли тонконогого, необъезженного коня, к его хвосту привязали безголовый труп и пустили коня по улицам аула.

Когда необъезженный конь с привязанным трупом поравнялся с воротами дома, где жил Бало, он его быстро остановил, отвязал и снял труп своего брата.

Одним рукавом слезы на глазах вытирая, в другом рукаве кинжал крепко сжимая, вокруг трупа метался Бало.

Рассказали все это князю, что сестра, мол, плачет над трупом брата.

Тогда вооружился, говорят, князь и, окружив себя приближенными, в аул Бало приехал.

Во дворе, где лежал безголовый труп, князь стал говорить:

— Вы, наверно, думали, что золото князя можно похищать безнаказанно...

С трудом крепился Бало. Рукавом рот закрывая, сдерживал слезы. Затем выхватил острый кинжал и снял голову князя, и она покатилась. Затем стремительно бросился к старой колдунье, снял он кинжалом и ее дряхлую голову.

После этого окреп Бало. С тех пор не приезжал князь требовать с жителей того аула дань.

40. МЛАДШИЙ ЗЯТЬ ПАДЧАХА

Жили-были отец, мать и сын. Мать тяжело заболела и слегла. Перед смертью она сказала мужу:

— Не бери замуж женщину черноокую и с русыми волосами. Она будет плохо относиться к нашему мальчику.

Отец стал искать себе жену. Однажды в дороге он встретил черноокую женщину с русыми волосами.

— Куда путь держишь? — спросила женщина.

— Я иду искать жену. А ты?

— Я ищу себе мужа. Вот мы и можем с тобой пожениться.

— Перед смертью мне жена завещала, чтобы я не женился на

черноокой женщине с русыми волосами; она будет плохо относиться к мальчику. Я не возьму тебя в жены.

Тогда женщина перекрасила свои русые волосы в черный цвет и снова повстречалась с ним. Мужчина согласился жениться на ней.

Стали они жить вместе. А мачеха не давала покоя мужу просьбами, чтобы он выгнал из дома мальчика. Отец согласился и сказал:

— Завтра утром мы должны отправиться в дорогу, приготовь нам еду.

Обрадованная мачеха с вечера приготовила еду, и отец с сыном засветло выехали из дому. Поднялись они на высокую гору, и отец сказал:

— Проголодались, устали мы, мальчик, отдохнем здесь.

Когда мальчик стал вынимать из талса чурек, он выскользнул из рук, упал в пропасть.

— Иди принеси его, — сердито сказал отец сыну.

Спустился мальчик в пропасть, взял чурек, но обратно выбраться не смог. Отец поставил палку, на которой укрепил бурку, чтобы сын подумал, что он отдыхает, а сам отправился домой.

В пропасти мальчик встретил гарбаш. На одном плече у нее была чинара, а на другом — убитый олень.

— Ах ты, вша вшивая, вшивый муравей, ты зачем пришел сюда? — набросилась гарбаш на мальчика.

— Я твой и бога, я твой и бога![1] — заплакал мальчик и бросился в ноги гарбаш.

— Пусть у того, кто тебя этому научил, язык отсохнет! — И гарбаш забрала мальчика к себе.

Пришли они домой, и гарбаш дала ему девять ключей.

— Разрешаю открыть только одну дверь, если откроешь восемь других — я съем тебя.

Мальчик открыл первую дверь и увидел двух коней: одного с кольцом на морде, другого — без кольца. Конь с кольцом сказал:

— Ассалам-алейкум! Как ты здесь очутился? Тот, кто сюда пришел, не уходил, а тот, кто не приходил — никогда прийти не сможет.

Мальчик рассказал, как он здесь очутился.

— Если ты сможешь кормить меня три дня и три ночи, как коня без кольца на морде, я доставлю тебя в край, где жил твой отец.

Мальчик согласился. А гарбаш была такой, что если съест оленя и уснет сегодня в полдень, то проснется только в полдень на третьи сутки.

Три дня и три ночи кормил мальчик коня, понимающего человеческую речь, и исполнил свое обещание. Тогда конь сказал:

— Открой замки оставшихся восьми дверей.

Открыл мальчик одну дверь — комната полна крови, открыл вторую — комната полна трупов, третью — полна серебра, четвертую — полна одежды, пятую — седел, шестую — оружия, седьмую — бурок, наконец, открыл восьмую — комната полна папах и кнутов.

Рассказал он обо всем коню. Конь сказал:

— Надень на себя одежду, расшитую золотом и серебром, а на меня — расшитую серебром, потри свою голову о золото. А свои старые одежды положи в талс и приторочь к моему седлу.

Мальчик все исполнил.

— А теперь сядь на меня и хлестни так, будто хлестнули девятеро, крикни так, будто крикнули девятеро, пришпорь так, будто пришпорили девятеро, и осади меня так, будто осадили девятеро. Я переброшу тебя за семь морей.

Перебросил конь мальчика за семь морей и сказал:

— Мне не ужиться в этом краю, а тебе не ужиться в моем. Я буду здесь отдыхать. Следом за тобой придет гарбаш. «Умри твоя мать, голодная, я по всему свету искала тебя. Если бы ты оторвал от хвоста коня один волос и бросил мне, то я по нему, как по железному мосту, через реку перешла бы», — плача станет она говорить. Не слушайся ее. Она и тебя и меня съест.

Как конь и предсказывал, через некоторое время появилась гарбаш, стала носиться вдоль реки. Мальчик вырвал из хвоста коня волос и бросил ей, думая, что это его мать.

— Ах ты, вша вшивая, вшивый муравей! Как ты пришел сюда? — крикнула гарбаш и бросилась через мост.

Испуганный мальчик с криком бросился бежать. Конь вскочил и ударом копыта сбросил гарбаш в море.

— Ты не послушал моего совета, — сказал конь, — может, и в дальнейшем не будешь слушаться. Всю одежду, которая на тебе, положи в талсы, а свою старую надень и положи в карман три моих волоса. В случае чего выйди за село и сожги один волос — я сразу приду к тебе на помощь. Пойдешь по селу и будешь кричать: «Кому нужен даровой работник, кому нужен даровой работник?»

Есть один падчах, который не может найти себе не только даровой работника, но и платного. Он возьмет тебя и спросит: «За овцами ухаживать будешь или останешься охранять сады?» Скажи, что согласен охранять сады.

Мальчик подрос и охранял сады.

Однажды пришли в сад три дочери падчаха. Младшая заметила в волосах юноши маленький шарик золота. Она долго смотрела на юношу. Старшие сестры стали ее бранить:

— Разве не стыдно тебе смотреть на него?

В следующую пятницу опять пришли дочери падчаха любоваться садами. Сады благоухали, фрукты наливались соком. Старшая дочь сорвала яблоко и послала своему отцу. Яблоко было гнилым и испорченным. Вторая дочь послала наполовину гнилое, наполовину хорошее яблоко. Третья послала румяное, спелое красное яблоко.

Рассерженный падчах воскликнул:

— Они испортили мой стол, я отказываюсь от дочерей.

Тогда жена сказала:

— Удивительно, что народ избрал падчахом такого никчемного человека. Не знаешь даже, что хотят этим сказать твои дочери.

— Я не знаю, что они хотят сказать, скажи-ка ты, — обратился падчах к жене.

— Самая старшая говорит: «Пора моего замужества прошла, я постарела и замуж не собираюсь». Вторая говорит: «Мне безразлично, быть замужем или остаться в девицах». Третья говорит: «Пришла пора моего замужества».

— Сегодня же я соберу всех подвластных мне людей и выдам дочерей замуж, — сказал падчах.

Собрал падчах всех подвластных ему людей и сказал дочерям:

— Выбирайте себе мужей.

Две старшие нашли себе богатых мужей, а младшая спросила:

— Созваны ли здесь все подвластные тебе люди?

— Все, кроме сторожа садов, — ответили ей.

— Позовите его, — сказала дочь падчаха, — я выйду замуж только за него, так как мне нравится только он.

— Уберите обоих с глаз моих, они унизили мое царское достоинство, они опозорили меня. За жалкого сторожа хочет выйти моя дочь! Если хотите дать им комнату получше, посадите их в телятник, если дадите худшую комнату — посадите в курятник! — воскликнул падчах.

Тогда юноша сказал дочери падчаха:

— Не выходи за меня замуж, если будешь каяться. Я человек бедный, а ты — дочь падчаха.

— Нет, я выхожу за тебя по любви, я своему слову верна, — сказала дочь падчаха.

Они поженились и стали жить вместе.

Однажды младшая дочь падчаха принялась молить бога сделать так, чтобы падчах заболел от желания съесть львиное легкое.

Тяжело заболел падчах. Он жаждал съесть львиное легкое. Два старших зятя обещали достать для него легкое льва. Младшая дочь падчаха сказала своему мужу, чтобы и он из уважения к людям пошел искать легкое льва.

— Как я пойду, если у меня нет ни коня, ни оружия? — сказал юноша.

Тогда дочь сказала своей матери:

— Мой муж тоже хочет пойти. Сказала бы ты, мать, падчаху, чтобы он дал оружие и коня.

Улыбнулся падчах:

— Дайте ему чесоточную лошадь и оружие без затвора.

Оседлал юноша чесоточную лошадь и выехал за село. Отпустил лошадь и сжег один конский волос.

— Чего тебе надобно, мой хозяин? — появился конь.

— Мне нужно легкое льва, — сказал юноша.

— Садись на меня и крикни, будто крикнули девятеро, ударь кнутом, будто ударили девятеро, пришпорь, будто пришпорили девятеро, и я доставлю тебя за девять гор.

Юноша все исполнил. Не успел он и моргнуть, как очутился за девятью горами.

Юноша накинул на палку бурку, на бурку положил папаху, это чучело установил на поляне и из-за ствола дерева выстрелил в льва.

Лев принял чучело за человека и кинулся на него. Юноша распорол льва, достал легкое и печень.

Конь говорит:

— Скажи: «О боже, пусть легкое льва будет вкусным, как мед, а печень будет горькой, как желчь».

Юноша все исполнил и отправился домой.

По дороге он встретил двух свояков — они не знали друг друга в лицо. Спрашивают они:

— Откуда ты едешь?

— Я убил льва, везу своим родственникам его легкое и печень, — ответил юноша.

— Продал бы их нам, они нужны падчаху для выздоровления, — сказали ему свояки.

— Делать нечего, но я продам вам только печень, а легкое не продам, — ответил юноша.

Зятья поговорили между собой и купили у него печень.

Прибыли они домой и говорят, что убили льва и достали его печень. Падчах съел эту печень и занемог еще сильнее.

Как только юноша прибыл в село, он отпустил своего коня, сел на чесоточного коня и приехал домой. Вместе с женой они сварили легкое и подали в окно падчаха:

— Попробуй легкое, которое тебе привез младший зять.

Рассерженный падчах махнул рукой, чтобы ему не подносили это легкое, но один кусочек попал ему в рот.

— Подайте все сюда! — крикнул падчах, съел все легкое и поправился.

Но и тогда падчах не простил своей дочери того, что она вышла замуж за неровню.

Второй раз взмолилась дочь падчаха: «О боже, пусть падчах заболеет от желания выпить молоко косули».

Падчах захотел молока косули и занемог.

Как и раньше, пришли два старших зятя. И младшая дочь

падчаха стала просить мужа, чтобы он поехал и привез молоко косули.

— На чем я поеду? — спросил юноша. — Я же сказал тебе, если будешь раскаиваться, не выходи за меня замуж.

Тогда дочь вновь попросила свою мать, чтобы и ее мужу дали лошадь и оружие.

Падчах опять сказал:

— Дайте ему чесоточную лошадь и оружие без затвора.

Как и раньше, выехал он за село и сжег конский волос.

— Что тебе надобно, мой хозяин? — предстал перед ним конь.

— Мне нужно молоко косули, — сказал юноша коню.

— Садись на меня, — сказал конь, и они ускакали.

Привез конь юношу в один далекий край и говорит:

— Вон пасутся косули. Скажи: «О боже, пусть мясо косули будет горьким, как желчь, а молоко — сладким, как мед», — и выстрели.

Выстрелом из ружья юноша ранил косулю, подоил ее, зарезал и с мясом и молоком возвращался домой.

По дороге его встретили два свояка.

— Ты откуда едешь?

— Я везу для своей семьи молоко и мясо косули, — ответил юноша.

— Продал бы ты нам молоко косули, — стали просить они.

— Нет, молоко я не продам, вот мясо могу, если вы разрешите сделать отметины на своих спинах.

Зятья поговорили между собой и решили, что спины их никто не станет проверять. «Скажем, что косулю убили, и деньги останутся целыми».

И они позволили себе сделать отметины на спинах.

Взяли свояки мясо косули и прибыли домой.

Съев мясо косули, падчах еще больше занемог.

Младшая дочь вскипятила молоко косули и отнесла его отцу.

— Мой муж принес это молоко, — сказала она и подала его в окно.

Рассерженный падчах махнул рукой, нечаянно разбрызгал молоко косули, и одна капля попала ему в рот. Понравилось ему молоко, он выпил все и излечился от болезни.

Но и тогда он не простил свою младшую дочь и зятя.

Третий раз взмолилась дочь: «О боже, пусть он захочет молока белой буйволицы и от этого сляжет в постель».

Как и раньше, старшие зятья обещали тестю найти молоко белой буйволицы.

И тогда младшая дочь падчаха попросила своего мужа тоже поехать за этим молоком.

Юноша, не сказав никому ни слова, пошел на край села, сжег третий волос. Прибыл его конь:

— Что тебе нужно, мой хозяин?

— Мне нужно молоко белой буйволицы, — ответил юноша.

— Белая буйволица находится на седьмом морском дне. Ударь меня кнутом так, будто ударили девятеро, крикни, будто крикнули девятеро, пришпорь, будто пришпорили девятеро, и брось меня в море. Между четырех ног я вытащу со дна морского на поляну белую буйволицу, — сказал конь.

Исполнил юноша наказ коня и бросил его в море.

Через несколько минут конь вытащил белую буйволицу. Подоили они на синей лужайке буйволицу, прирезали ее, содрали с нее шкуру.

Тут подошли к нему свояки.

— Продал бы ты молоко белой буйволицы! — попросили они.

— Молоко не продам, а тушу — могу, — ответил юноша.

За большие деньги продал юноша тушу белой буйволицы, а сам привез ее молоко.

Увидев юношу на прекрасном коне, все удивились:

— Кто этот человек?

Когда падчах излечился от болезни, пришел к нему его младший зять.

— Падчах, я не был настолько известным, чтоб жениться на твоей дочери. Но она по своему желанию вышла за меня. Я ищу свою пропажу. У меня просьба к тебе: собери всех подвластных тебе людей и возврати мою пропажу.

Падчах ничего не ответил. Тогда жена падчаха сказала:

— Ну и дурак же ты; удивительно, что люди избрали тебя падчахом, он же трижды спас тебя от неминуемой смерти, почему ты не исполнишь его просьбу?

— Хорошо, — сказал падчах, — соберите всех подвластных мне людей.

У собравшихся людей юноша стал снимать рубашки.

— Разве нет у тебя больше подвластных? — спросил он, когда осмотрел многих.

— Никого, кроме двух зятьев, — ответил падчах.

— Приведите их, — сказал юноша.

Когда с них сняли рубашки и увидели отметины, юноша сказал:

— Видишь, падчах, твои зятья живут за счет других. Те лекарства, которые они тебе давали, я им продавал за твои деньги. Мне не нужны деньги, возьми их обратно. Больше мне нечего тебе сказать.

Падчах прогнал старших зятьев, отобрал у них дочерей и полцарства отдал юноше.

И стали они жить да поживать.

41. ГЕЗАМА АЛИ И ТОЛАМ-АГО

Гезама и его сын Али происходили из чеченцев. Однажды сын задумал отправиться с овцами в горы, где они давали хороший приплод.

Толам-Аго был среди нартов именитый нарт. Он узнал, что Гезама Али с овцами находится в его крае. Имени Толам-Аго не смел называть ни один житель шахара, в котором горело девять тысяч огней. Он был величиной с половину горы, ездил на коне величиной с гору. Направился он к Гезама Али.

«Придет — по доброй воле приведу, не придет — силой приведу и овец пригоню», — решил Толам-Аго.

К полудню дошел до Гезама Али его конь, а после полудня показался и сам Толам-Аго. Не ожидая приветствия Толам-Аго, Гезама Али первым приветствовал его. После этого робость закралась в сердце Толам-Аго. Гезама Али помог спешиться своему гостю. Окинул его взглядом и подумал: «Сколько баранов стоит зарезать такому гостю? До он не съест больше одного, а если и съест, так этого будет для него достаточно».

Рассуждая так, Гезама Али зарезал ему и себе по барану и стал смотреть, как ест гость, а ел он медленно. Не успел Толам-Аго съесть и половину барана, как Гезама Али съел целого барана, не успел Толам-Аго выпить и одной чаши бульона, как Гезама Али опорожнил весь котел. Утром Гезама Али отогнал своих овец подальше и спрашивает у Толам-Аго:

— Что у тебя за дела? Без причины ты не явился бы. Теперь я к твоим услугам.

— Нет у меня особых дел. Услышал, что ты появился в малообитаемом крае и пришел породниться с тобой, — ответил Толам-Аго и возвратился домой.

Прошло четыре года.

Однажды говорит Толам-Аго своим трусливым нартам:

— У Гезама Али овцы уже расплодились. Я был у него четыре года назад. Пойдите пригоните овец, по доброй воле приведите и его самого.

Прибыли шестьдесят три нарта к Гезама Али и говорят:

— Мы заберем твоих овец, по своей воле можешь пойти и сам.

— Сам я не пойду, а овец забирайте, — сказал Гезама Али.

Нарты взяли овец и ушли.

Когда они скрылись, Гезама Али вскочил на коня и приехал домой. Он сказал отцу, сидевшему на пхохане.

— Дада, у меня к тебе дело.

Отец не обратил на его слова никакого внимания. Тогда он обратился к матери:

— У меня нарты забрали овец, и поэтому я приехал домой. Приготовь мне шестьдесят три стрелы.

Сам Гезама Али поспешно принялся за изготовление лука. Мать посоветовала ему:

— Иди поешь. Один раз поешь — хватит на двадцать дней пути, два раза — на сорок дней пути, три раза — на шестьдесят дней пути.

Трижды он отведал пищу и собрался в погоню за нартами. Мать ему говорит:

— Если будешь быстро ехать по селу и, догнав нартов, возвратишься ни с чем, тебя посчитают трусом. Проедешь по селу медленно, люди скажут: «Он не догнал их потому, что и за селом не спешил».

Гезама Али по селу ехал медленно, а за селом пустил коня вскачь.

Один из самых хилых нартов, оглянувшись, увидел разлетающиеся искры. Он спросил главного среди нартов:

— Что это за огни?

— Это пламя от копыт коня Гезама Али, бьющих о гору.

— А что это за туман стелется?

— Это пар из ноздрей коня Гезама Али, — ответил главный из нартов.

— Оставим овец и убежим?

— Нет нужды бежать, ведь тогда нас убьет Толам-Аго, останемся здесь — убьет Гезама Али, — ответил главный среди нартов.

Догнал их Гезама Али, шестьюдесятью тремя стрелами убил шестьдесят три нарта и направился со своими овцами на кутан. Там забрал он свои вещи и возвратился домой. Дома он говорит отцу:

— В малообитаемом крае у меня есть друг Толам-Аго. Позволь мне съездить к нему.

Отец разрешил и снарядил в дорогу.

Прибыл Гезама Али к Толам-Аго, у которого жена была красавицей. С первого взгляда жене Толам-Аго понравился Гезама Али. Она рассказала ему, что его овец заставил пригнать ее муж. Утром говорит хозяину Гезама Али:

— Я знаю, что ты заставил нартов угнать моих овец, и теперь мы должны драться!

— Как же я буду с тобой драться, когда я величиной с полгоры и тебе меня не достать? — спросил Толам-Аго.

Это ты увидишь, когда мы начнем драться, — ответил Гезама Али.

И они начали драться. Гезама Али приподнял Толам-Аго и по голени вогнал в землю. Толам-Аго приподнял Гезама Али и тоже по голени вогнал в землю. Схватил Гезама Али Толам-Аго и по самую грудь вогнал в землю. Только собрался он снести ему голову, как тот взмолился:

— Не убивай меня, любое твое желание исполню!

— Хорошо, принеси землю и сделай три кургана для меня, а три готовых кургана распаши, — сказал Гезама Али, взял пленников и возвратился к отцу.

И эти курганы были распаханы еще тогда [1].

42. ЗУЛАЙ

В одном селении жили муж и жена. У них было семеро сыновей и одна дочь. Дочь звали Зулай[1]. Она славилась красотой, о ней шла молва, как о единственной сестре семерых братьев. Многие люди сватали ее за своих сыновей. Но она никому не давала согласия. Она знала, что слывет красавицей среди красавиц. Однажды она внезапно исчезла. Семеро братьев и родственники отправились на ее поиски. Они обошли все окружающие села, но нигде не могли ее обнаружить.

Отец, мать и семеро братьев горевали по ней. Прошли год, два, три, но о ней ни слуху, ни духу.

А похитил Зулай полузверь, получеловек, полуптица (умеющий летать) одноглазый нарт-орстхоец [2]. Он увел ее на высокую безлюдную гору, где находилось его жилище. На этой горе у него была башня, вход в которую был прикрыт камнем и деревьями. Даже если девушку обнаружат, войти в башню было невозможно. На самой верхушке башни было небольшое окно, в которую входил нарт-орстхоец.

Вспоминая родителей и братьев, Зулай часто плакала. В таком состоянии она родила сына. Его нечем было кормить, негде баюкать. Тогда Зулай стала просить нарт-орстхойца, чтобы он достал ага *. Отправился нарт-орстхоец в село, где ранее жила Зулай. Подошел он на окраину села и завыл: «У-у, Улай, Зулай! Ага, буга, дига да-а-а!» [3].

Люди с удивлением слушали, но не могли понять смысла его слов. Один старик сказал, что нарт-орстхоец требует ага, но прежде чем дать ага, мы должны узнать, зачем она ему понадобилась. Нужно засыпать в нее золу.

Так и сделали. Насыпали золу в агу и поставили на окраине села. Нарт-орстхоец взял агу и быстро направился в горы, и не замечал, как из нее высыпается зола. На следующий день люди по следу сыпавшейся золы пришли до жилища нарт-орстхойца. Они не могли найти вход в башню. Спросили Зулай о входе, но она не отвечала им, боясь, что из-за нее они могут пострадать, так как скоро должен возвратиться нарт-орстхоец, и он не отпустит их живыми.

Тогда один из братьев сказал: «Зулай, мы не уйдем, оставив тебя здесь. Лучше умереть, чем допустить такое». Зулай рассказала им, где найти вход. Люди очистили вход от камней и де-

ревьев и направились в башню. Зулай обращается к братьям: «Не входите, на мне лишь лохмотья!»

Младший брат дал сестре бурку, она надела ее и обняла каждого в отдельности. Сестра не верила, что долгожданный час наступил. Долго плакала она от радости. Она рассказала, что с ней произошло, как жила с нарт-орстхойцем. Нарт-орстхоец ходил на охоту, ловил зверей и поедал их. Затем возвращался в башню, вырывал съеденное, и этим питалась Зулай, лишь бы не умереть с голода.

Тогда собрались они в дорогу. В пути им встретился возвращавшийся нарт-орстхоец.

— Не уводите ее, иначе я всех вас уничтожу, — крикнул нарт-орстхоец.

— Мы не боимся тебя, ты три года издевался над нашей сестрой. Я тебя убью! — крикнул младший брат, и метким выстрелом из лука выбил единственный глаз у нарт-орстхойца.

С диким ревом катался по земле нарт-орстхоец. От его рева горы шатались, деревья с корнями вырывались. Не успел нарт-орстхоец прийти в себя, как набежавшие мужчины прикончили его.

После этого люди вместе с Зулай возвратились в родное село.

43. ДЕВОЧКА И ГАМ

Пошли дети по ягоды. Нарвали ягод и возвращались домой. Дети очень устали. Одна девочка села у дерева отдохнуть и уснула. У нее были длинные косы. Дети привязали ее косами к дереву и ушли, забрав корзину с ягодами. Проснувшись, девочка посмотрела по сторонам, но никого вблизи не оказалось, не было и корзины с ягодами.

Вдруг к ней подлетел воробей.

— Пожалуйста, воробей, развяжи меня, — сказала девочка, — я дала бы тебе пшеницы.

Воробей вспорхнул и улетел.

Прилетела сова.

— Пожалуйста, сова, развяжи меня, — сказала девочка, — я дала бы тебе красной пшеницы и ячменя.

— Ты, наверно, хотела бы вырвать мои глаза и съесть меня, — сказала сова и улетела.

Прилетел голубь.

— Пожалуйста, голубь, развяжи меня, я дала бы тебе пшеницы, — сказала девочка.

Клевал, клевал голубь косы девочки, развязал их и улетел.

Шла она, шла и дошла до дома, где жила гам со своими дочерьми. Села она на крышу дома и горько заплакала. Слезы ее прошли сквозь потолок и упали на гам.

— Посмотри-ка, Мук-Мукли, на улице дождливо или солнечно. Капля дождя, кажется, на меня упала, — сказала гам одной из своих дочерей.

— Дождя нет, но есть плачущая девочка.

— Иди, приведи ее, — сказала гам Мук-Мукли.

Мук-Мукли силой привела девочку.

Поели они и легли спать.

Гам, думая, что девочка уснула, сказала:

— Завтра зарежем девочку и понесем ее с собой на поле.

Услышав это, девочка уложила дочь гам на свое место, а сама легла на ее место.

В эту ночь гам убила свою дочь, думая, что она убивает чужую девочку.

Дочери ведьмы с девочкой ушли на поле полоть и сказали своей матери, чтобы она принесла им еду, лен, гребешок и масло.

В котле гам сварила свою дочь, взяла лен, гребешок, пришла на поле и стала открывать котел. Вытащила ногу:

— Ой, это же нога моей Мук-Мукли!

Вытащила руку:

— Ой, это же рука моей Мук-Мукли!

Вытащила голову:

— Ой, это же голова моей Мук-Мукли!

А девочка, взяв с собой лен, гребешок и масло, убежала.

Бросилась тогда гам вдогонку за девочкой.

Стала гам ее догонять, девочка бросила лен и сказала:

— Пусть, боже, между нами вырастет густой лес!

Но гам прошла сквозь лес и вновь стала ее догонять. Тогда девочка бросила гребешок и сказала:

— Пусть между нами вырастут колючие акации!

Но гам опять стала догонять ее. Тогда девочка бросила масло и попросила:

— Пусть между нами появятся добрые люди!

Показались высокие башни, в которых жили люди. Гам опять стала ее догонять.

— Если вы не поднимете меня, гам настигнет и убьет меня, — сказала девочка.

Люди спустили веревку и подняли ее. Только они ее подняли, как примчалась гам:

— Я дам вам столько золота-серебра, сколько бы вы ни просили, если вы меня поднимете.

Спустили люди веревку, подняли гам до середины и бросили вниз так, что она развалилась на девять частей.

Добрые люди отвели девочку к отцу-матери, и говорит девочка:

— Откройте дверь!

— Мы не знаем, кто ты такая, — не открывали дверей отец и мать.

— Я ваша дорогая девочка, — сказала она.

— Если ты наша, протяни один мизинец, — сказали они.

Она протянула мизинец, и тогда они узнали свою девочку и вместе с добрыми людьми-гостями впустили ее в дом.

Девочка рассказала родителям про свои приключения. Родители отблагодарили добрых людей и сами стали жить счастливо.

Нож-меч между ними,
Козел-баран между нами!

44. ГАМ

В старину, говорят, жили отец, мать и сын. Жена ждала ребенка, когда муж ушел на войну. И там его убили.

Через некоторое время жена родила девочку с зубами во рту. Один раз накормила грудью — девочка в рост пошла, другой раз накормила — она встала, третий раз накормила — она пошла. Увидит девочка во дворе курицу или барашка — поймает их и живыми съедает. Удивилась мать и спросила о ней у аульчан. Люди сказали, что эта девочка превратится в гам.

— Если ты не уберешь ее из дому, она всех вас и нас съест или убьет.

— Сын мой, — сказала мать, — она из моей утробы, убить мне ее жалко. Уведи ее куда-нибудь и отпусти.

Брату тоже было жаль сестру, но, когда все говорят, делать нечего.

Запряг он арбу, усадил в нее сестру и поехал в лес. В дороге он увидел двух диких кошек. Брат оставил сестру с кошками (она стала с ними играть), а сам уехал домой.

У брата были две гончие. Одну звали Ок-лок Цхок-лок, а другую — Бай-йок Бахи-йок. Кликнет он их по имени и отправляется на охоту.

Через несколько лет мать и сын вспомнили о девочке и решили узнать, что с ней случилось.

— Нани, ты сиди дома, а я пойду, — сказал сын. — Гончих я привяжу, ни в коем случае не развязывай их.

Юноша оседлал коня и поехал в лес.

Видит он свою сестру, а вокруг нее кошки. Она была в три раза выше его, глаза — кошачьи, да и обросла, словно кошка. Изо рта торчали огромные клыки — выглядела она настоящей гам.

— А-а, братик! Это ты? Заходи!

Зашел он, а сестра вышла и съела у его коня одну ногу. Затем вошла и говорит:

— Братик, ты что на трехногом коне приехал?

— Да, я приехал на трехногом коне, — ответил брат сестре-гам.

Снова выскочила сестра-гам и съела еще одну ногу у его коня:

— У твоего коня не три, а две ноги.

— Да, две ноги было.

Выскочила она, съела оставшиеся ноги:

— Да у него ни одной ноги не было! Что он, на брюхе полз?

— Да, ни одной ноги не было, на брюхе полз.

Затем она съела полтуловища коня:

— Ты что на половине коня приехал?

— Да, я приехал на половине коня, — сказал брат и подумал: «Съест коня и за меня возьмется. Что же делать?»

В это время в окно потихоньку вскочила кошка и сказала:

— Твоя сестра часто меня бьет, плохо ко мне относится. Если бы ты увел меня, я спасла бы тебя от ее клыков.

— Я спасу тебя, — сказал брат, и кошка дала ему гребешок, кувшин масла и три иголки.

— Побежим, — сказала кошка. — Когда она побежит вслед за нами, брось гребешок — вырастут густые колючки. Когда ведьма пройдет через колючки, бросишь кувшин с маслом — появится море масла, а вокруг кремнёвые стены. Пройдет она и их. Тогда брось на землю три иголки — поднимутся три чугунных столба. А теперь бежим.

Усадил брат кошку на плечи и бросился бежать. Вошла в комнату гам:

— Братик, ты, оказывается, без коня приехал? — сказала она и посмотрела по сторонам.

Не увидев брата, гам бросилась за ним в погоню.

— Братик, подожди, я пойду с тобой! — кричала она вдогонку.

При ее приближении брат бросил гребешок:

— Пусть между нами вырастут колючки!

Прошла она сквозь густые колючки и стала снова его догонять.

Брат бросил кувшин с маслом и сказал:

— Пусть между нами возникнет море масла с кремнёвыми стенами вокруг!

С трудом прошла гам по разлитому маслу, перегрызла кремнёвые стены и снова стала настигать брата. Он бросил три иголки и сказал:

— Пусть между нами возникнут три чугунных столба, упирающиеся в небо!

Взобрался брат на первый столб. Подбежала к нему гам и говорит:

— Братец, подними меня!

— Нет, не подниму, я тебе не брат и ты мне не сестра. Убирайся отсюда.

Тогда гам стала грызть клыками, словно пилить пилой, чугунный столб. А брат стал кликать своих гончих:

— Ок-лок Цхок-лок! Бай-йок Бахи-йок! На помощь!

Рвались с привязи гончие, лаяли. А гам только перегрызла первый столб, как он перескочил на второй. Стала ведьма грызть второй столб, снова стал кликать он гончих:

— Ок-лок Цхок-лок! Бай-йок Бахи-йок! На помощь!

Гам перегрызла второй столб. Брат перескочил на третий. Гам хорошо наточила свои клыки, стала грызть третий столб. В последний раз он крикнул:

— Ок-лок Цхок-лок! Бай-йок Бахи-йок! На помощь! Хозяина вашего убивают!

Лаяли, рвались с привязи гончие, стали кусать друг друга. Мать решила, что сына убила гам, и подумала:

«Он говорил мне не развязывать собак, но теперь, после его смерти, зачем мне нужны эти гончие?»

Отпустила она гончих, закрыла окна, двери и стала горько плакать.

Бросились гончие со всех ног. Увидела их вдали гам и говорит:

— Ой, братец, эти гончие меня съедят.

— Занимайся своими делами, это не гончие, а хвостатые зайцы.

Не успела гам перегрызть третий столб, как прибежали гончие. В испуге гам, словно змея, обвилась вокруг чугунного столба. Гончие разорвали ее на мелкие клочья.

Вместе с гончими пришел юноша домой.

— Открой дверь, мама! Живым и здоровым вернулся твой сын!

— Мой сын убит, убирайся, не разрывай сердце горемыки.

— Почему ты не веришь? Я же твой сын!

— Просунь палец в отверстие двери, и я узнаю, мой ли ты сын или нет.

По пальцу мать узнала своего сына.

От радости она так легко станцевала, что даже следа муравьиного на поверхности молочной каши не оставила [1].

45. АЛЬТАМАР И ЕШАП

Альтамар и ешап жили недалеко друг от друга. Ешап построила себе в лесу дом, а Альтамар жил на равнине.

У ешап было семь дочерей, у Альтамара — семь сыновей. У ешап было два быка, восемь баранов и ворсовый ковер. А у Альтамара были лишь две черные овчины.

Задумал Альтамар засватать семерым сыновьям семь дочерей ешап. Приходит он с сыновьями ко двору ешап и кричит:

— Ва, ешап!

— Что такое? — откликнулась ешап.

— Я пришел к тебе по большому делу — сватать твоих дочерей. Можно войти?

— Входите, — ответила ешап и приняла гостей.

— Твоих дочерей я хочу засватать своим семи сыновьям, — сказал Альтамар.

Накормила их ешап, напоила и после сватовства приготовила им постели. Своим дочерям она постелила мягкие постели, а Альтамару и его сыновьям — жесткие. Она решила убить гостей.

Альтамар, заподозривший ешап в подлости, уложил своих сыновей на постели дочерей ешап, а их перенес на жесткие постели. Ешап в это время точила ножи о большой каменный брусок.

Альтамар потихоньку следил за ней. Через некоторое время ешап спросила:

— Кто спит, а кто не спит?

— Спит Альтамар и не спит Альтамар, — сказал он.

Ешап пошла и отрезала головы своим дочерям. Она думала, что это сыновья Альтамара.

Поутру ешап поднялась раньше всех, прокралась в комнату дочерей и говорит, обращаясь к старшей:

— Старшая! К обеду осмоли голову и колени старшего сына Альтамара и принеси мне на поле, где я буду косить траву.

Ешап ушла на косьбу. Только она ушла, Альтамар быстро разбудил своих сыновей, и они ушли.

К полудню ешап проголодалась и рассерженная тем, что дочь ее задерживается, подумала: «Ой, неужели Альтамар убил моих дочерей в отместку за своих сыновей?»

И она побежала к своему дому. Вошла она в комнату и видит, что ее дочери лежат на постелях, предназначенных для сыновей Альтамара.

Увидев головы своих дочерей, она запричитала:

— Ой, это же голова моей старшей дочери, а это — второй!

Альтамар в это время вернулся с длинной жердью с гвоздем на конце и стал колоть овец ешап. Надоело ешап блеяние овец и выгнала она их со двора. А Альтамар угнал ее овец.

«Не угнал ли Альтамар моих овец?» — подумала ешап и выскочила со двора, но догнать их не смогла.

От большого горя ешап слегла в постель.

А Альтамар опять вернулся и стал жердью колоть быков ешап, которые подняли страшный рев. Ешап, разозлившись, выгнала и быков. Как овец, угнал Альтамар и быков.

Еще больше разгневалась ешап на Альтамара. Набросила на себя ворсовый ковер и улеглась среди комнаты. А Альтамар вернулся и через крышу стал колоть ешап жердью с гвоздем на конце.

— Будьте вы прокляты, блохи! Покоя от вас нет! — заворчала ешап и вышвырнула ковер через окно.

Альтамар схватил ковер и убежал. Ешап не смогла его догнать.

Через неделю Альтамар залепил воском глаз, прихрамывая пришел к дому ешап и закричал:

— Прими меня, ешап!

Ешап выглянула в окно и сказала:

— Убирайся, уж слишком похож ты на Альтамара.

— Я не Альтамар, у него ведь оба глаза, и он не прихрамывает. Я слышал, что ты бедна, как и я, и хотел остаться у тебя делать ларцы и продавать их. Но ты меня не впускаешь, я ухожу.

— Подожди, ты говоришь, что ты не Альтамар?

— Клянусь, я не Альтамар.

— Входи, — сказала ешап и приняла Альтамара.

Он стал делать ларцы.

Однажды Альтамар, сделав большой ларец, сказал ешап:

— Влезь-ка, ешап, в ларец и посмотри, нет ли там каких-нибудь щелей?

— Нет, нет, влезь-ка ты!

— Как мне влезть в ларец, хромому и одноглазому?

Тогда ешап влезла в ларец. Альтамар прихлопнул ларец крышкой, взвалил его на спину и ушел.

Ешап из ларца кричала:

— Нет, нет, никаких щелей не видно! Ларец хороший, никакая мышка в него не пролезет. Выпусти скорей меня из него!

Ешап кричит, а Альтамар молча несет ее к обрыву. Подошел Альтамар к пропасти и, чуть приоткрыв крышку ларца, сказал:

— А ну-ка выгляни, ешап!

А сам снял с правого глаза воск и продолжал:

— Восемь твоих овец увел я, двух твоих быков увел я! И ворсовый ковер твой унес я, Альтамар! И теперь сброшу тебя в пропасть и уйду я, Альтамар, за то, что ты хотела убить моих семерых сыновей!

И он бросил ларец с ешап глубоко в пропасть, по дну которой протекала быстрая река. Кувыркаясь и подпрыгивая, ларец упал в реку и пошел ко дну.

46. ЧОНЧИЛГ И ЕШАП

В одном ауле жил кант по имени Чончилг.

Однажды он отправился охотиться в глухие места.

«Я дошел до середины леса. Чем приходить сюда вновь завтра, лучше найду место для ночлега и здесь переночую», — решил Чончилг.

Стал он искать жилье и увидел курящийся дым. Пришел он к этому жилью и, заглянув в окно, увидел ешап, которая лежала на кровати, подложив палас.

Ешап очень обрадовалась приходу Чончилга. Приготовила еду, накормила его досыта и уложила спать на мягкой постели.

Ешап задумала съесть Чончилга и, когда решила, что он уснул, спросила:

— Кто спит, а кто не спит?

— Я сплю и не сплю, — ответил Чончилг, — табун твоих коней не дает мне уснуть.

Ешап выскочила, перебила всех своих коней и через некоторое время вновь спросила:

— Кто спит, а кто не спит?

— Я сплю и не сплю, — ответил Чончилг.

— Что же ты не заснешь, Чончилг?

— Твои овцы не дают мне уснуть.

Выскочила рассерженная ешап и перебила всех овец, только случайно один козел в живых остался.

«Теперь-то Чончилг наверняка уснет», — подумала ешап и опять спросила:

— Кто спит, а кто не спит?

Испуганный Чончилг не мог уснуть и снова ответил:

— Я сплю и не сплю.

Раздосадованная ешап спросила:

— Почему же ты, Чончилг, никак не уснешь?

— В такое время моя мать уходила далеко в горы и приносила оттуда в решете воду. Замешав на ней тесто, жарила лепешки и, накормив меня ими, укладывала спать. Поэтому я не могу уснуть, — ответил Чончилг.

Ешап не знала, что принести воду в решете невозможно, и, желая усыпить Чончилга во что бы то ни стало, схватила решето и кинулась в горы за водой. Чончилг выскочил — и бежать. Отбежав на некоторое расстояние, он вспомнил, что забыл у ешап свой ножик. Вернулся Чончилг и взял ножик. В это время возвратилась взбешенная ешап, которой, конечно, не удалось принести воду в решете. Бросилась она на Чончилга, чтобы съесть его, а тот стал убегать. Ешап бросилась за ним. Прибежали они к речке, через которую вместо моста было брошено бревно. Чончилг перебежал по бревну, а ешап побоялась. И спросила разозленная ешап:

— Придешь, Чончилг, когда нужно будет?

— Приду, — ответил Чончилг.

Вернулся Чончилг в свой аул. Но жители этого аула не любили Чончилга за его строптивый характер. Особенно возненавидели его старики. Они любыми путями хотели избавиться от Чончилга и решили сделать так, чтобы его убила ешап.

И говорят они ему:

— Мулла аула сильно заболел. Если бы он поел мясо козла ешап, он бы поправился. Ты, Чончилг, должен принести это мясо.

Ничего не оставалось Чончилгу, как снова идти к ешап.

Прибыл он к ее жилью. Через щелку в заборе Чончилг увидел ешап с козлом. Зная, что только хитростью можно увести козла ешап, Чончилг насадил иголку на длинную жердь и незаметно стал колоть ею козла.

После каждого укола козел блеял: «Б-э-э-э!»

Рассердилась ешап, схватила козла и перекинула его через забор.

Обрадованный Чончилг взвалил козла на спину и бросился бежать.

Вдруг ешап осенило: «А не украл ли Чончилг моего козла?»

Выскочила она и увидела бегущего Чончилга с козлом на спине. Но она не смогла его догнать — Чончилг уже перебежал реку.

«Ничего, Чончилг вернется, когда ему приспичит», — успокаивала себя ешап.

Вернулся Чончилг и отдал козла аульчанам. Удивляются аульчане: «Не убила его ешап, и козла он принес, вот чудо! Еще раз надо послать его к ешап, чтобы он принес палас, на котором она спит».

Чончилг согласился и опять отправился к ешап. Он взял жердь с острой иголкой на конце и стал незаметно колоть ею ешап. После нескольких уколов она подумала, что это колются иголки паласа и, разозлившись, вышвырнула палас в окно. Чончилг только этого и ждал, схватил палас и бросился бежать.

Вдруг ешап осенило: «Не уносит ли Чончилг мой проклятый палас?»

Выскочила она и увидела бегущего Чончилга с паласом. Бросилась вдогонку ешап, но не смогла перейти речку, и Чончилг спасся.

А в это время аульчане веселились, думая, что посланного за паласом Чончилга убила ешап.

Вернулся Чончилг с паласом, и аульчане глазам своим не поверили. Они были очень удивлены тем, что ему так везет, и решили дать Чончилгу еще одно задание: послать его за дровами в лес, принадлежащий ешап. Чончилгу они сказали, что надо приготовить пищу на костре из этих дров, и тогда, мол, мулла излечится.

Чончилг замазал один глаз, сбрил один ус и, прихрамывая, отправился в лес за дровами. Ешап услышала стук топора и крикнула:

— Кто смеет рубить лес в моем лесу, где ни заяц не пробегает, ни птица перо не роняет?!

Видит ешап Чончилга. И сбоку, и сверху осмотрела она его и наконец сказала:

— Если бы ты не был хромым, одноглазым и без одного уса, как бы ты был похож на Чончилга!

— Все это сотворил со мной Чончилг, — пустился на хитрость Чончилг.

Ешап решила узнать, где живет Чончилг, и спросила:

— А где он живет?

— Он живет в нашем ауле, — ответил развеселившийся Чончилг.

Ешап стала просить отвести ее к Чончилгу.

— Кончу рубить дрова, тогда и отведу, — сказал Чончилг.

Ешап стала помогать ему рубить дрова. Чончилг решил привести ее в аул.

— Я отвезу дрова после, — сказал Чончилг.

Усадив ешап в дупло срубленного дерева и уложив дерево на арбу, повез он ее к своему аулу. Когда доехали до аула, Чончилг сошел с арбы, а ешап оставил в дупле. Сам он взобрался на многоярусную башню, принял прежний вид и крикнул:

— Ва, ешап, теперь выходи!

Взглянула ешап и узнала Чончилга.

— Как ты взобрался на башню?

— Если ты со всего разбега ударишься головой о стенку башни, то очутишься на ее верху, — дал совет Чончилг.

Поверила его совету ешап и изо всех сил ударилась головой о стенку башни. Голова ее раскололась, мозги разлетелись, и ешап сдохла.

47. БЕДНЯК И ЗМЕЯ

Увидел падчах сон, что в сторону его владений с небес заблеяли козлы. Он созвал всех своих подвластных и потребовал, чтобы они разгадали его сон, — но никто не мог разгадать. Тогда он спросил:

— Нет ли в моем краю человека, который остался бы не опрошенным?

— Остался лишь один бедняк, — ответили падчаху.

— Позовите его, — приказал падчах.

По дороге бедняка окликнула змея человеческим голосом:

— Слушай, человек, куда ты путь держишь?

— Я иду разгадать сон падчаха.

— А знаешь ли ты отгадку?

— Нет, не знаю, — ответил бедняк.

— Ты скажи падчаху, что он начнет битву с соседним падчахом и победит его.

Обрадованный падчах дал бедняку пуд золота и отпустил его домой. Возвращался бедняк с пудом золота, подошел к норе змеи и крикнул:

— Выходи, змея, мы поделим пуд золота.

Стала змея выползать из норы, а бедняк подумал: «Для чего я буду делиться со змеей, лучше голову ей снесу».

Змея разгадала эти мысли и бросилась в нору, а бедняк ударом шашки успел отрубить ей кончик хвоста и со своим золотом отправился домой.

Второй раз увидел падчах сон, что в сторону его владений с небес кричали лисицы.

Послали снова за бедняком, чтобы тот разгадал сон. Когда он шел к падчаху, бедняка вновь окликнула змея человеческим голосом:

— Слушай, человек, куда ты идешь?

— Падчах видел сон, что в сторону его владений с небес лисицы кричали. Иду разгадать сон.

— А знаешь ли ты, что он означает?

— Нет, не знаю, — ответил бедняк.

— Падчах и его подвластные стремятся лишь к наживе. Вот что означает этот сон, скажешь падчаху.

Падчах дал бедняку еще пуд золота. Бедняк не стал даже проходить мимо норы змеи, а возвратился домой окольным путем.

Увидел падчах во сне в третий раз, что в его стране с небес свисали бараньи курдюки. Вызвал он бедняка для объяснения сна. И вновь спросила змея у бедняка:

— Слушай, человек, куда ты идешь?

— Иду разгадать сон.

— А знаешь, что он означает?

— Нет, не знаю.

— Скажи падчаху, что ты и твои подвластные разбогатели, — сказала змея.

Слова змеи бедняк точно передал падчаху. Тот дал ему еще пуд золота. Бедняк по пути подошел к норе змеи:

— Выходи, змея, бери половину своего золота.

Выползла змея. Бедняк высыпал ей весь пуд золота и сказал:

— Тот раз я встретил одного человека и потому не смог к тебе зайти. Другую половину золота я принесу после.

Тогда змея говорит бедняку:

— Ты ни в чем не виноват. В первый раз, когда ты отрубил мне кончик хвоста, падчах был настроен воинственно, и ты был также настроен. Во второй раз, когда ты окольным путем обошел мое жилье, падчах стремился к наживе и ты стремился. Теперь же я змея. Живи счастливо. Возьми свое золото и отправляйся домой.

48. КНЯЗЬ БИГАЛДИ

Бигалди прокутил свое имущество, дом, одежду. Оставшись в чем мать родила, Бигалди отправился ночью в лес, построил шалаш и стал там жить, питаясь дикими грушами.

Под грушу, где построил Бигалди свой шалаш, ходила лиса ловить мышей. Каждый раз, натыкаясь на Бигалди, лиса уходила ни с чем. Лисе это надоело, и однажды она сказала Бигалди:

— Я ходила под грушу ловить мышей. Но в последнее время натыкаюсь на тебя и ухожу ни с чем, боясь, что ты убьешь меня. Теперь я пришла сказать тебе: давай будем жить вместе. Одному жить скучно, а вдвоем мы жили бы веселей: я ловила бы мышей, питалась ими, а ты питался бы грушами. Будем жить вместе? Я помогу тебе по хозяйству.

Князь Бигалди согласился, и они стали жить вместе.

Прошло немного времени, и лиса сказала Бигалди:

— Мы должны женить тебя на дочери князя.

— Брось ты, глупая лиса! Как же пойдет дочь князя за меня, бедняка, живущего в шалаше?

Но лиса не отставала, и Бигалди сказал ей:

— Ну что ж, делай что хочешь.

С этого дня лиса стала посещать князей, у которых были красивые дочери.

— Князь Бигалди хочет измерить свое серебро. Он собрал людей. Нужна деревянная мерка. Мне сказали, что она есть у тебя, — сказала она одному богатому князю, у которого была красивая дочь.

Князь дал лисе мерку. Целый день ловила лиса меркой мышей, а под вечер отправилась к князю. По дороге лиса нашла двугривенный, просунула его в щель мерки и вернула ее князю. Из щели мерки выпал двугривенный, и князь крикнул вслед лисе:

— Ты деньги оставила, лиса!

— Дети князя Бигалди вместо камней бросают в птиц серебром. Оставьте двугривенный себе, — сказала лиса и побежала в лес.

Через некоторое время лиса опять побежала к тому же князю и сказала:

— Дайте мерку до вечера. Бигалди хочет измерить оставшееся серебро.

Как и в первый день, лиса целый день ловила деревянной меркой мышей, а под вечер отправилась к князю. По дороге лиса нашла рубль. Она просунула в щель мерки рубль и отдала ее князю. Рубль выпал из щели. Князь сказал, что в мерке остался рубль. Лиса ответила:

— Оставьте его себе. Дети князя Бигалди вместо бумаги рвут деньги и топят ими печку!

Однажды лиса опять отправилась к князю, чтобы намекнуть о сватовстве. Пришла и сказала:

— Князь Бигалди — очень богатый человек. У него дворец из золота и серебра. У него бесчисленные табуны коней, отары овец и стада коров. Князь, зная, что и ты богат, хочет посватать твою дочь.

— Если моя дочь и князь Бигалди согласны пожениться, я выдам свою дочь за него, — сказал князь.

Лиса быстро вернулась в лес и сказала Бигалди:

— Собирайся в путь. Сейчас мы пойдем женить тебя на дочери князя.

— Ты с ума сошла! Как же я пойду к князю голый? Я дал согласие жениться только потому, что ты пристала ко мне, — сказал Бигалди.

Но лиса не отставала. И вот они пошли к князю. Отправляясь к князю, Бигалди сзади и спереди обвязал себя стеблями кукурузы. В пути лиса наставляла Бигалди:

— Вот что, Бигалди, по пути мы должны перейти речку. На самой ее середине я толкну тебя с моста в воду. Ты падай. Я буду звать: «На помощь! На помощь! Князь Бигалди, который хочет жениться на дочери князя, тонет в реке! Помогите!» Тогда прибегут люди и оденут тебя с ног до головы.

Как только они дошли до речки, на середине моста лиса столкнула Бигалди в воду, и тот сделал вид, что тонет. А лиса стала бегать вниз и вверх по берегу реки и звать на помощь. Прибежали из села люди, вытащили Бигалди, одели его с ног до головы, и они с лисой продолжали путь. Лиса по пути наставляла Бигалди:

— Дворец князя очень красивый и богатый. Не удивляйся красоте дворца и не разглядывай его. Можешь выдать нас и нашу бедность. Они подадут нам разные кушанья. Не лезь грязными руками в тарелку. Я скажу, что ты у родителей единственный сын и тебя избаловали в детстве, кормили из рук няньки. Я тебя и накормлю.

После этих поучений они прибыли к князю.

Бигалди, хоть и был предупрежден лисой, стал с удивлением и восхищением рассматривать внутреннюю отделку дворца. Лиса решила исправить ошибку Бигалди и сказала ему:

— Почему ты с такой иронией рассматриваешь их дворец? Ты, наверное, удивлен тем, что этот дворец построен не из золота и серебра? Не удивляйся — у людей бывают и такие дворцы.

Бигалди ответил:

— Мне кажется, что этот дворец чуть ниже моего.

Потом их повели к столу, уставленному всякими яствами. Лиса стала кормить Бигалди из своих рук, приговаривая:

— Бигалди единственный сын у родителей. Он не умеет сам кушать.

Лиса завела с князем и его женой разговор об их дочери, а Бигалди и дочь князя договорились между собой. Так они и сосватали дочь князя.

Князь сказал лисе:

— Теперь приходите со своими людьми и забирайте мою дочь.

Лиса сделала вид, что они с Бигалди отправились домой, вышла из дворца, потом вернулась и сказала князю:

— Вот что мне пришло на ум, князь. Если тебе нетрудно, сделай так, чтобы твои люди сопровождали нас. Это не заставило бы нас ходить туда-сюда.

— Ну что ж, я согласен и на это, — ответил князь.

Собралось целое селение. Люди оделись в красивые одежды, сели на прекрасных коней, взяли с собой несколько гармошек и барабанов. Бигалди сел в одну карету с дочерью князя. А лиса бежала впереди и показывала дорогу. Сопровождающие били в барабаны, играли лезгинку, вели стрельбу и с гиканьем неслись за лисой.

Лиса, бежавшая впереди всех, увидела вдали чабана, пасшего овец. Она подбежала к нему и сказала:

— Как мне быть? Как тебе быть? Скачет Гур-Гур падчах, все сметая на своем пути. Того, кто окажется возле него, он убивает из винтовки, того, кто оказывается впереди, топчут его всадники. Если не веришь мне, послушай надвигающийся топот.

Чабан прислушался. Он услышал топот, выстрелы, гиканье приближающихся всадников. Чабан сказал лисе:

— Ты-то, лиса, спрячешься в норе. А как быть мне?

Лиса ответила:

— Если ты попытаешься скрыться от него вместе с овцами, он увидит тебя и настигнет. Беги один и скройся вон в том лесу, а я присмотрю за овцами.

Чабан убежал. К лисе подъехал князь Бигалди и сопровождающие его люди.

Лиса сказала им:

— Отправляясь к вашему князю, мы оставили без присмотра отары овец князя Бигалди. Пригоните, пожалуйста, домой этих овец.

И лиса опять побежала впереди, размахивая хвостом. Теперь она подбежала к пастуху, пасшему стадо коров. Ему лиса сказала то же самое, что и чабану. Пастух испугался и убежал в лес.

— Гоните и это стадо коров, — сказала лиса, обращаясь к людям, сопровождающим князя, и побежала впереди.

На этот раз лиса подбежала к пастуху, пасшему стадо верблюдов[1]. Она сказала ему тоже самое. Пастух убежал.

— Гоните и эти стада верблюдов, — сказала лиса и побежала вперед.

В четвертый раз лиса подбежала к пастуху, пасшему табуны коней, легла перед ним и сказала:

— Как быть тебе? Как быть мне? Скачет падчах Гур-Гур, все сметая на своем пути.

Пастух убежал. И коней пригнали всадники, скакавшие за лисой.

Всадники частенько спрашивали:

— Скоро ли доедем?

— Немного еще осталось, — бросила лиса на бегу и опять побежала впереди всех.

А Бигалди в это время думал: «Какой позор, если мы поедем к моему шалашу!»

Но они проехали мимо шалаша.

Далеко от шалаша, где-то в чужом краю сармак отбил у одного падчаха шахар с золотыми дворцами, лег вокруг него и никого к шахару не подпускал.

Лиса подбежала к сармаку, легла перед ним и начала:

— Как быть тебе? Как быть мне? Скачет падчах Гур-Гур, все сметая на своем пути. Того, кто окажется возле него, убивает он, того, кто оказывается впереди него, — топчут кони всадников.

— Иди сюда, вонючая лиса, я проглочу тебя, — сказал сармак.

— Я не такая счастливая, чтобы быть проглоченной тобой. Если не веришь мне, послушай сам, — сказала лиса.

Сармак приподнял голову и посмотрел в ту сторону, куда показывала лиса. Услышал сармак надвигающийся топот и испугался. Издали надвигались целые тучи пыли. Слышалось гиканье всадников.

— Ты-то, лиса, спрячешься в нору, а как же мне быть? Я слишком огромный, чтобы где-нибудь прятаться.

— Ползком тебе отступать нельзя — они могут настигнуть тебя в пути. Ты вот что сделай, сармак: прыгни с этого места вон на те горы. Там ты и скроешься от погони, — ответила лиса.

Сармак по совету лисы прыгнул и оказался за горами. При падении он стукнулся о скалу и выбил себе глаз.

Тогда лиса вошла в шахар, набрала в рот воды, побрызгала полы дворца, подмела хвостом все комнаты, взяла барабан и начала бить в него.

Тут подъехали всадники с невестой. Кони их стали падать на мраморном полу.

— Разместите овец, коров, коней и верблюдов, — сказала лиса.

Три дня и три ночи играли свадьбу, потом люди князя, сопровождавшие невесту, вернулись к себе домой.

Сноха, согласно обычаю, называла лису «красной девушкой»[2].

Лиса прожила у Бигалди довольно долго, и вот однажды она подумала: «Этого бедного, голого Бигалди я своими руками сделала богатым. Интересно, как бы он вел себя, если бы я умерла?»

Лиса притворилась мертвой и растянулась у входной двери. Жена Бигалди увидела утром на пороге мертвую лису, вбежала к Бигалди и сказала:

— Слышишь, князь, наша «красная девушка» умерла.

— Ну, если умерла, возьми эту вонючую лису за хвост и брось на навозную кучу, — крикнул Бигалди из комнаты.

Услышав такие слова Бигалди, лиса вскочила и, разозленная на него, сказала:

— Вот как ты стал бы горевать после моей смерти! Я женила тебя на самой красивой девушке. Я из побирушки сделала тебя самым богатым человеком на свете! Сейчас я приведу сюда сармака — хозяина этого шахара. Он расправится с тобой.

И лиса побежала за горы, куда скрылся сармак, взяла его за ухо и привела к дворцу Бигалди.

— Слышишь, Бигалди! — несколько раз крикнула лиса.

Никто не ответил. А Бигалди в окно увидел сармака, которого лиса держала за ухо. Не отвечая на зов лисы, он думал: «Если я выйду, то сармак проглотит меня». Но лиса продолжала кричать. Тогда Бигалди вышел и сказал:

— Ну и ну! Так ты об этом сармаке мне говорила, лиса? Этим сармаком ты меня страшила? Да у него нет вдобавок и одного глаза! Подожди-ка, вот я сейчас приведу тебе своего сармака!

Бигалди сильно струсил и вошел во дворец, не зная, что делать дальше. Испугался и сармак:

— Так вот почему ты привела меня сюда! Ты хотела, вонючая лиса, чтобы меня убили?! — сказал он, поднял ее на воздух и ударил с размаху о стену дворца, а сам убежал.

49. МОРСКОЙ КОНЬ

В старые годы, когда на земле Нахчо росли большие черные леса, когда жил Нахчо в тех лесах спокойно и богато, пасли свои табуны у реки Аргун трое братьев: Борз-кант[1], Кюйр-кант[2] и Лом-кант[3].

Старший брат, Борз-кант, владел стадом коров; средний, Кюйр-кант, — стадом овец и младший, Лом-кант, — табуном коней.

Под ногами стад их дрожала земля. Когда пили стада — на три часа ходу вниз по Аргуну воды высыхали... Вот сколько скота пасли братья Борз-кант, Кюйр-кант и Лом-кант!

Хорошие были коровы у старшего: крупные, круторогие, сильные. Кинжал, опущенный в молоко, стоял и не падал.

Хороши были овцы у среднего: мясо — что белый сахар, молоко — что сладкий мед, шерсть — что нежный пушок на щеках красавицы девушки... Но лучше всего были кони у младшего, у Лом-канта: львы-кони, соколы-кони!

Из дальних земель присылали к нему за конями. За них ханы

и султаны сулили золото и дорогие камни. Но Лом-кант не отдавал ни одной кобылицы из своих табунов. Берег он дивную породу своих коней, дорожил чистотою их крови.

— Куда гоняешь ты, брат, свой табун по весне? — спрашивали его братья. — Почему нет у тебя жеребца, вожака твоим кобылам?

Лом-кант ничего не отвечал братьям. Каждую весну тайно угонял он своих кобылиц в глухие лесные дебри за Хинкальским ущельем[4]. На резвого коня садился Лом-кант и быстро гнал табун — как стрела летит... Много смотрели люди, мало видели.

Вот подходит светосеребряная весна: весело шумит оживающий лес, белыми конями бегут по небу облака, радостно поют птицы брачные песни. Но не гонит Лом-кант своих кобылиц. Как черный щит тучи, грусть упала на лицо его — мрачный сидит он на камне.

Подошли к нему старшие братья:

— Что с тобой, молодец Лом? Отчего грустишь ты так, будто потерял самое дорогое на свете?

Отвечал братьям Лом-кант, и такие были его слова:

— Сегодня надо мне гнать мой табун. Сегодня надо мне также увозить себе жену, но не выдаст отец девушки за немилого. Не погоню табуна — потеряю свое счастье: не увезу девицы — потеряю то же...

— Мы поможем тебе, — молвил старший брат, Борз-Кант, — увезем тебе девушку. Кто она?

— Ее имя Коку[5], — ответил ему Лом-кант. — Или вы не знаете нашей золотой голубки? Небесной ласточки не знаете, братья? Она — полная луна моя, освещающая ночью небо... Лебединая у нее шея; как снег днем — ее лицо; как снег горных вершин, окрашенный розовой зарей, — ее щеки. Счастлив я, когда вижу в зареве губ жемчужные ее зубы, когда кинут на меня взгляд ее соколиные очи — в блаженстве умираю...

— Девица Коку, дочь Кур-Корт, нам известна, — молвили старшие братья младшему. — Силен старик, большая у него дружина... А куда гнать твой табун?..

— За Хинкальское ущелье его я гоню, через землю дальней Ичкерии[6] — на Восточное[7] синее море... Через три ночи выйдет из того моря дивный золотогривый жеребец — раз в год он выходит — и надо мне к той поре быть там с табуном моих кобылиц. Пропущу год — уйдет по ущелью мое счастье...

— Мы поведем твои табуны к Восточному морю. Укажешь лишь дорогу, — сказали Лому старшие братья.

Обрадовался Лом-кант, многими словами благодарил братьев. Но не знал он, что злобная зависть давно уже точила их души.

Указал он им путь к Восточному морю и в радости поведал о том, как досталось ему его счастье. Так говорил он:

— Семь осеней прошло с той поры, как был я на охоте в Шалинских дремучих лесах. Целый день, от зари до зари, гнался я по следу за оленем и тогда, когда уже стемнело в лесу, нагнал его и убил верной стрелой. Разложил я костер и только стал свежевать добычу, как вдруг зашумели кусты, закачались деревья, выходит из тьмы огромный старик, весь поросший косматой шерстью. По широкому и острому лезвию топора, что блистало у него на груди, я узнал в том чудовище Гуин-падчаха [8], лесного царя, владыку зверей. А он сел у костра и молча стал смотреть на пламя. Мне сделалось жутко, мороз сковал члены: я знал, что смерти мне не избегнуть, если вдруг засну. А веки слипались, словно залитые медом. Тогда я пошел на хитрость.

Недалеко от костра, в чаще, лежал ствол толстого дуба длиной в человеческий рост. Я покрыл его своей буркой, а на конец положил папаху. Сам же притаился в чаще и замер, борясь с дремотой. При свете костра я увидел, как встал вдруг Гуин-падчах — огромный, косматый, страшный,— и пошел в мою сторону тяжелой поступью. Увидев накрытый буркой ствол дуба и приняв его за меня, он упал на него грудью. Топор на груди его врезался в твердый, как камень, ствол дуба — так разрубил бы он меня пополам. Но из крепкого дуба не мог лесной царь вырвать свой топор, не мог поднять тяжелый брус. Тогда я выскочил из своей засады и занес над головой Гуина меч. Чудовище взмолилось о пощаде. И я пощадил его, а за это Гуин поведал мне о Хорд-Дине [9], дивном морском коне, и рассказал, где и когда он выходит из моря.

— От этого морского коня — мои кони, за которых не жалеют золота и дорогих камней ханы дальних земель и чужестранные султаны.

Так рассказывал Лом-кант братьям своим Борзу и Кюйру о том, как он встретился со счастьем. Он говорил, а зависть грызла и рвала грудь братьев.

Вскочив на коней, подаренных братом, быстро погнали они табун его через Хинкальское ущелье, через земли дальней Ичкерии, к берегу Восточного моря. И сказал дорогой Борз-кант второму брату своему Кюйр-канту:

— Чем лучше нас брат наш Лом? Ему и Коку-девицу, красотой затмевающую солнце, у него и кони, лучше которых не видано на земле... Будет с него и одного счастья — владеть красавицей-женой!

— Все стада овец и баранов своих я отдал бы за это,— отвечал Кюйр-кант старшему брату.

Между прибрежными скалами укрылись братья. Натянуты их самострелы, вложены тяжелые пули, нацелясь, ждут они, когда выйдет на берег к табуну золотогривый конь. И когда, поднявшись с набежавшей волной, осветил он тьму ночи, словно месяц, восходящий над морем, ударили братья Борз и Кюйр в него синими

пулями из своих самострелов. Раненый конь взвился и бросился назад в гневно кипящее море. А за ним, за златогривым конем Хорд-Дином, кинулся с берега и весь табун кобылиц Лом-канта. Все до одной, как безумные, бросились кобылицы и навек погрузились в пучину.

— Дивное мы видели! — воскликнули братья, вернувшись к Лом-канту. — На зов златогривого Хорд-Дина все кобылы твоего табуна бросились в море, и назад ни одна не вернулась. Мы звали и ждали их так долго.

Как одержимый черным духом, оттолкнув от себя красавицу, юную жену, кинулся Лом-кант к своему коню... Птицей, быстрым соколом на коня он взлетел и помчался как стрела в лесные дебри, за Хинкальское ущелье, через землю дальней Ичкерии, к далекому Восточному морю, и с той поры нет о нем слуха.

Только говорят люди, будто то место, где на берегу Восточного моря ранен был Хорд-Дин, стоит скала «Хорд-Дин», да из глубины морской по весне слышны ржанье коней да стук пастуха.

А что сталось с братьями Борз-кант и Кюйр-кант — о том говорят люди по-разному. Одни слыхали от своих дедов, будто быстрая Аргун-река поглотила их вместе с их стадами: отомстила дочь-Аргун за обиду отца-Моря. А другие сказывают, что убили они друг друга: оба хотели взять себе в жены жену брата, Коку. Из-за красавицы вступили братья между собой в смертельный бой, и в том бою оба погибли.

Как знать, что не знаешь? Одно только люди неразно говорят: «Злому и конец злой».

50. МЕДВЕЖЬЕ УХО

Одна женщина шла со своим сыном по лесной тропинке домой к отцу. Навстречу ей показался медведь.

— Пожалуйста, — обратилась женщина к медведю, — пропусти меня.

— Я не пропущу! — сказал медведь, мотая головой.

Он схватил женщину с мальчиком, закинул их к себе на спину и понес через лес, обрывы и кусты к себе в пещеру. Мальчика медведь назвал Медвежье ухо. Ему и его матери ежедневно приносили мясо.

— Кто заходит к нам в пещеру и приносит мясо? — спросил мальчик, когда подрос. — У него четыре ноги, длинные уши.

— Это твой отец, — пошутила мать.

— Разве у моего отца могут быть четыре ноги и такие уши? Нет, он не мой отец.

— Когда я шла с тобой домой к отцу, этот медведь схватил нас и насильно притащил сюда. С тех пор мы и живем в этой пещере.

— А если б я убил этого медведя, нашла бы ты дорогу домой? — спросил Медвежье ухо.

— Конечно, нашла бы, — ответила мать.

Тогда мальчик, притаившись за кустами, откуда медведь должен был возвращаться, стал поджидать.

Через некоторое время мимо прошел медведь с куском мяса во рту. Медвежье ухо выскочил из засады, ударил медведя топором и свалил его. После этого мальчик со своей матерью вернулся домой. Окружающие дети не давали мальчику покоя, дразня его:

— Ухо! Уши! Эй, уши!

— Я все ваше село уничтожу, если разозлюсь, — сказал мальчик старшинам села. — Но я не хочу причинять вам такое зло. Лучше не быть мне здесь, я уйду! — И мальчик Медвежье ухо скрылся в лесу.

Идя через лес, Медвежье ухо набрел на поместье князя.

— Не наймут ли здесь работника? — спросил Медвежье ухо, остановившись у ворот.

— Какую цену берешь? — спросил князь.

— Чуреки * для еды да какую-нибудь одежду, если есть. Этого мне достаточно.

— Ну хорошо, — сказал князь, — завел мальчика в свое поместье и спросил:

— Как тебя зовут?

— Меня зовут Медвежье ухо.

— Так вот, Медвежье ухо, привези дров. В стойле — волы, на дворе — арба, а вот и ремни.

— Хорошо, я доставлю дрова, но волы и арба мне не нужны.

Медвежье ухо взял ремни и ушел. Он выкорчевал огромные чинары, сложил их, обвязал ремнями и поволок. Когда он вошел в село, одному хозяину сшиб ворота, другому — конюшню и затащил чинары в княжий двор.

— Эй, князь! — крикнул мальчик. — Я привез тебе дрова, а ты теперь коли!

Удивился князь такой силе Медвежьего уха и испугался.

«А что, — подумал он, — если этот мальчик разозлится, все мое село уничтожит». — И пустился он искать средство, чтобы погубить мальчика.

Долго разъезжал князь на своем коне, расспрашивал подвластных людей, но никто ничего ему посоветовать не мог. Наконец обратился он к одной старушке, проживавшей на окраине села.

— Там за горою есть дракон, — сказала старушка. — Пошли туда Медвежье ухо и скажи, что дракон якобы должен тебе две меры кукурузы. Пусть он вернет долг. Если он так скажет, дракон не выпустит его обратно.

Возвратился князь домой и говорит мальчику:

— Вот что, Медвежье ухо! Сходи-ка за ту гору, там живет дракон. Он мне должен две меры кукурузы. Принеси мой долг.

— Хорошо, я схожу, — сказал Медвежье ухо и отправился. Когда он поднялся на гору, увидел дровосека.

— Здравствуй! — приветствовал он его. — Да будет счастье в твоем доме!

— Здравствуй! — отвечал дровосек. — Что тебе, надобно, чужеземный гость?

— Что это за ложбина, которая там виднеется? — спросил Медвежье ухо.

— Это пещера дракона.

— А что это там синеет?

— Это озеро, в котором живет дракон.

— А над ним что темнеет?

— Это грива дракона.

— А что это за огонь сверкает?

— Это взлетают искры, когда дракон скрипит зубами.

После этого Медвежье ухо спустился в пещеру, где находился дракон, и крикнул:

— Эй, дракон!

— Сссспп-уй-и-и! — засвистел дракон да так, что пещера затряслась.

— Князь прислал меня к тебе, чтоб ты вернул ему две мерки кукурузы.

— Уходи, молодец! Ты — гость, а потому оставлю тебя невредимым, иначе — узнал бы ты! — сказал дракон.

— Я не об этом говорю с тобой — скорее отдай долг! — повторил Медвежье ухо.

Дракон, скрипнув зубами, набросился на Медвежье ухо. А он схватил его за гриву, взобрался на него и, подгоняя ударами ладони, направил ко двору князя.

— Эй, князь! — крикнул Медвежье ухо.

— Что надо? — спросил князь и выглянул в окно.

— Я не могу отобрать у дракона две мерки кукурузы. Если сможешь, сам отбери!

— Убери его! Убери скорее отсюда! — закричал князь.

— Да не стану я таскаться с ним туда-сюда! — сказал Медвежье ухо и, ударив дракона, отправил его туда, откуда тот пришел. Испугался дракон и скрылся за семью горами.

Князь пуще прежнего испугался и опять отправился к старушке.

— Что мне делать? Медвежье ухо и дракона пригнал ко мне! — сказал князь.

— Вон в том лесу живет страшный старик. Пошли его к нему, и пусть он скажет, что за ним есть твой долг — две мерки куку-

рузы, за которыми пришел от тебя. Старик его выслушает, но ничего не даст и обратно не отпустит, — посоветовала старуха.

Князь вернулся домой и сказал Медвежьему уху:

— Вон там, в лесу, живет старик. Он должен мне две мерки кукурузы. Так вот, сходи к нему и принеси их.

— Хорошо, я схожу и выполню, но не так, как ты предлагаешь! — громко ответил Медвежье ухо и пошел в лес.

— Эй, старик! — крикнул Медвежье ухо. Старик выглянул в окно, потом обернулся, схватил оселок и начал точить свои зубы.

— Выходи, леший! — опять крикнул Медвежье ухо.

— Что тебе надобно! — громко крикнул старик, выходя из своего логова.

— Меня прислал князь. Ты должен ему две мерки кукурузы. Отдай! Я отнесу их.

Старик заскрежетал острыми зубами и накинулся на Медвежье ухо. Медвежье ухо схватил старика за бороду, приволок его под сарай и, нагрузив на него мешок кукурузы, сам забрался на самый верх и направил его ко двору князя.

— Эй, князь! — крикнул Медвежье ухо.

— Что тебе? — выглянул князь в окно.

— Леший не отдает мне кукурузу! — ответил Медвежье ухо. — Ты сам забери, если он тебе должен! — и он поднял лешего к окну.

— Убери его, убери скорее! — крикнул напуганный князь. — Отведи туда, откуда привел!

— Ну да! Стану я таскаться туда-сюда! — рассердился Медвежье ухо и, ударив лешего ладонью, прогнал его. За семь гор, за дальние леса удрал леший, испугавшись Медвежьего уха.

Догадался Медвежье ухо о замыслах князя и сказал ему:

— Если бы я не ел твой хлеб и не носил данную тобой одежду, то отрубил тебе голову и повесил вон на том колу.

Сказав это, Медвежье ухо ушел от князя и отправился в лес.

Подумал-подумал князь и решил вернуть его.

— Подожди! Не уходи! — нагнал его князь. — Останься, пожалуйста, не уходи! Поживем вместе!..

— Нет, — сказал Медвежье ухо, — там где появилось коварство, я жить не стану.

В лесу Медвежье ухо набрел на каких-то трех человек.

— Здравствуйте! — приветствовал он и спросил:

— Кто вы? Что за люди?

— Присоединяйся к нам — вместе будем жить, — ответили три человека. И Медвежье ухо стал с ними жить.

Однажды эти люди сказали одному из своих товарищей:

— Мы пойдем поохотиться, а ты до нашего прихода приготовь нам обед — свари мясо с галушками.

Сказав это, они ушли, взяв с собой Медвежье ухо.

Оставшийся товарищ сделал все, что было сказано, и только хотел прилечь отдохнуть, как вдруг кто-то крикнул во дворе:

— Э-эй!

— Что такое?

— Здравствуй! — сказал хромой нарт[1], приехавший на хромом зайце.

— Здравствуй! — ответил хозяин. — Слезай с коня.

— Я-то конечно слезу, если бы ты даже и не приглашал.

Сказав так, нарт вошел в дом и присел со своим зайцем, а хозяин вытащил из котла мясо и галушки и стал делить на пять частей.

— Что ты делаешь? — спросил нарт.

— Нас двое, да еще трое придут, всего — пять человек. Потому я и делю еду на пять частей, — ответил хозяин.

— А ну тебя с твоими пятью частями! Знать ничего не знаю! — сказав так, нарт выдернул волос из хвоста зайца, связал им крепко-накрепко хозяина, потом схватил мясо с галушками, проглотил сразу всю еду, запил жирным наваром и ускакал на своем хромом зайце.

Хозяин дома с трудом освободился от пут, вновь приготовил еду и лег отдохнуть. Вскоре пришли охотники:

— Что ты улегся? — спросил его Медвежье ухо.

— Что-то живот заболел, — ответил тот.

На второй день они опять пошли на охоту, оставив дома другого.

Не успел он приготовить еду, кто-то крикнул во дворе:

— Эй!

— Что такое?

— Здравствуй! — сказал хромой нарт, приехавший на хромом зайце.

— Здравствуй! — ответил хозяин. — Слезай с коня.

— Приглашай не приглашай, я все равно слезу, — сказал нарт, вошел в дом и присел со своим хромым зайцем. Когда хозяин стал делить галушки и мясо на пять частей, нарт спросил:

— Что ты делаешь?

— Нас двое да еще трое придут, поэтому я и делю пищу на пять частей.

— А ну тебя с твоими пятью частями! Знать ничего не знаю! — сказав так, нарт выдернул волос из хвоста зайца, крепко-накрепко связал им хозяина. Потом он мигом проглотил мясо и галушки, запил наваром, вскочил на своего хромого зайца и ускакал.

Завязанный рвался-рвался и наконец с трудом освободился. Снова сварил пищу и прилег отдохнуть.

— Что с тобой? Что ты лежишь? — спросил Медвежье ухо.

— Голова заболела, — ответил тот.

На третий день Медвежье ухо отправил других на охоту, а сам остался хозяйничать. Как только он закончил свою работу, услышал:

— Э-эй!

— Что такое? — вышел Медвежье ухо.

— Здравствуй! — сказал хромой нарт, приехавший на хромом зайце.

— Здравствуй! — ответил хозяин. — Заходи.

— Я-то войду, если ты и не пригласишь, — ответил нарт.

— Нет, не войдешь, если не приглашу, — сказал Медвежье ухо и мигом схватил хромого зайца и хромого нарта, затащил их в комнату. Потом выдернул из хвоста зайца волос, связал им нарта с его зайцем и, в ожидании товарищей, прилег.

Когда товарищи вернулись с охоты, Медвежье ухо спросил у одного из них:

— Не тот ли это, из-за которого у тебя болел живот?

— Он самый, — ответил товарищ, указав на связанного нарта.

Потом Медвежье ухо спросил у второго товарища:

— Не из-за него ли у тебя болела голова?

— Из-за него, — ответил второй товарищ.

— Если так, убейте его, — сказал Медвежье ухо.

— Пожалуйста, не убивайте меня, — стал умолять нарт. — Отпустите меня. Больше я не приду сюда.

— Ну, смотри, больше не показывайся. Если б ты не был гостем у нас, голову отсек бы твою.

Так сказал Медвежье ухо, освободил нарта, усадил его на хромого зайца и отправил.

Однажды, гуляя в лесу, Медвежье ухо увидел большие башни. Вернувшись домой, он спросил своих товарищей:

— Что это за башни стоят в лесу?

— Там живут очень сильные нарты, — сказали его товарищи.

— Пока не отберу у них башни, не успокоюсь, — сказал Медвежье ухо.

— Не делай этого. Нарты очень сильны: у одного из них — одна голова, у другого — две, у третьего — три, у четвертого — четыре, у пятого — пять, у шестого — шесть, у седьмого — семь, у восьмого — восемь, у девятого — девять голов. Не нам тягаться с ними.

— Как бы сильны они ни были, я все же пойду, — сказал Медвежье ухо и отправился к нартам.

Когда Медвежье ухо пришел туда, двери крепости были открыты. Внутри не оказалось ни одного человека. У стен было расставлено девять мечей. Медвежье ухо выбрал самый лучший. После этого он выкопал за дверью большой ров и спрятался возле него с мечом в руке.

Вернулись нарты. Каждый входивший в дверь падал в ров от

удара меча. Так погибло восемь нартов. Девятый же, потеряв семь голов, полетел вниз с двумя головами.

Медвежье ухо засыпал ров, привез свою мать, младшего брата и остался жить в этих башнях.

51. ПРИКЛЮЧЕНИЕ ГОВДЫ

Давно, очень давно, когда не было на свете не только нас, но и отцов и дедов наших, на одной горе жил человек, по имени Говда. Сила у Говды была такая, что никто из соседей не смел не только обидеть его, но даже посмеяться над ним. Только зазнался он очень и стал хвастаться, что на всем свете нет человека сильнее его.

Раз сказал он своей жене, другой раз сказал, а та не утерпи и ответь ему:

— Напрасно, муж мой, ты хвалишься так своей силой. Слыхала я, что на свете есть богатыри, куда сильнее тебя!

Рассердился Говда на жену за такое слово и крикнул ей:

— Женщина! Собери мужа в дорогу; вот я объезжу весь свет и посмотрю, кто поспорит со мною силой!

Собрала жена мужа в дорогу: оседлала ему коня, подала оружие, плеть. Говда сел на коня и поскакал. Ехал он, ехал — сколько времени, того и сам сказать не мог — и доехал до одного большого города. На окраине города видит двор, а во дворе у столба с кольцами стоят семь оседланных лошадей. Говда поставил около этих лошадей и свою лошадь, а потом направился в кунацкую. Но не сделал он и десятка шагов, как дверь кунацкой отворилась и из нее вышло семь страшных великанов. Один из них подошел к Говде, поднял его на руки и, как щепку, перебросил к другому богатырю, этот перебросил его к третьему, третий — к четвертому, и так они его перебрасывали, пока он не попал в руки последнего богатыря, младшего из семи братьев. Младший великан осмотрел его и потом крикнул остальным:

— Теперь нам нечего хлопотать о закуске: вот она сама явилась к нам! Раскладывайте поскорее огонь и приготовим себе завтрак!

Надо сказать, что великаны были язычники и людоеды.

На счастье Говды, когда братья переговаривались между собою, его увидела мать их и сжалилась над ним. Она выбежала из сакли, вырвала его из рук сыновей и отпустила со словами:

— Скачи отсюда что есть духу!

Говда вскочил на своего коня и полетел, как ветер. Летел он так и заслышал позади себя конский топот. Оглянулся — а это великаны скачут за ним в погоню: должно быть, не захотели остаться без завтрака.

Богатырь наш сильно испугался и стал еще сильнее погонять своего коня. Но великаны ехали быстрее его и, наверное, нагнали бы молодца, если бы он не наехал в лесу на одного слепого великана, который вырывал из земли огромные чинары и строил себе из них шалаш. Говда доскакал до великана и стал просить его:

— О могучий богатырь! Защити меня от злых людоедов, которые скачут за мною!

Слепой богатырь сжалился над нашим молодцем, взял и сунул его себе за пазуху с конем, и людоеды спрашивают его:

— Не проезжал ли тут всадник?

— Кажется, проехал, — сказал слепой и указал людоедам в сторону.

Великаны-людоеды бросились по указанию слепого и вскоре скрылись из виду.

После этого слепец вынул нашего богатыря из-за пазухи, поставил его себе на ладонь и спрашивает:

— Кто ты и откуда?

Говда рассказал все: из какого он аула, как и почему попал в эту сторону.

Великан дослушал его до конца, рассмеялся, а потом и говорит:

— Нас было семеро братьев, и мы тоже думали, что таких силачей, как мы, нет на всем свете. Вот и пустились мы, как и ты, путешествовать, искать, кто бы мог осилить нас. Приехали мы в один город и встретили там таких великанов, против которых сами казались мальчиками. Великаны переловили нас и хотели убить, но пока они решали это дело, мы вскочили на своих коней и ускакали. Великаны помчались за нами в погоню и, наверное, изловили бы нас, если бы мы, к счастью, не заметили впереди себя в степи огромного человеческого черепа. В этом черепе мы и спрятались вместе с конями и оружием. Доскакали до черепа великаны и начали разыскивать нас: искали и не нашли, так мы хорошо спрятались. Великаны махнули рукой и уехали, а мы все еще боялись выглянуть и просидели в черепе до полудня. В полдень к месту, где лежал череп, какой-то пастух пригнал свое стадо. Посидел он около черепа, прикрываясь им от солнца, и когда жара спала, он встал, осмотрел череп со всех сторон и со словами: «Какая хорошая кость, возьму-ка ее и повешу перед своим шалашом», — поднял его и понес одной рукой, как небольшой камушек. До самого вечера пастух таскал череп, а потом — надоел он ему что ли — только он взял да и швырнул его.

Череп попал на камень и разбился на мелкие осколки, при этом шестеро моих братьев разбились насмерть, а я хотя и жив остался, но зато не знаю с тех пор, когда день, когда ночь.

После этих слов слепой богатырь опустил нашего богатыря на землю. Поблагодарил Говда слепого великана и поскакал домой шибче, чем олень бегает от волков. И рад был, что жив остался, а силою своею уж больше не хвастался.

52. ЭШИРП, СЫН ГАРАПА

Жили-были отец и сын. Они всю жизнь свою пасли телят. Были они бедные. Однажды сыну приснилось, что где-то есть какой-то Эширп, сын Гарапа. Если человек научится говорить на языке, которым владеет Эширп, все желания его исполнятся.

Проснувшись, сын сказал отцу:

— Ну, теперь пойдем домой...

Отец с сыном оставили телят и пошли домой.

На второй день сын сказал отцу:

— Пойди сегодня к нашему славному князю и посватай за меня его дочь.

Отец считал это неосуществимым, но, боясь сына, пошел. Когда отец дошел до высокого дома князя, обнесенного большой стеной, он не знал, как войти во двор, опечалился и сел на крыльцо.

Князь, который смотрел в окно, увидел мрачного старика и, подумав, что он пришел за милостыней, послал своего слугу привести его в дом, чтобы накормить.

Когда отец вернулся домой, сын спросил у отца:

— Посватал ли ты мне княжескую дочь?

Отец ответил:

— Князь позвал меня к себе, накормил и отпустил меня. Мне было неудобно сватать его дочь.

Сын вторично сказал отцу:

— Пойди и посватай княжескую дочь за меня. Если ты и теперь этого не сделаешь, то я тебя убью.

Отец направился опять к князю, но, подойдя к его дому, побоялся собак и не вошел. Как и в прошлый раз, сел он на крыльцо.

Увидел его князь и опять позвал к себе, накормил, отогнал собак и отпустил домой. Отец пришел домой.

— Что сказал князь? — спросил сын. — Выдаст ли он свою дочь за меня?

Отец ответил:

— Князь зовет меня к себе, кормит, и мне неудобно становится говорить с ним о таких вещах... Если я буду сватать его дочь, все равно он ее за тебя не выдаст, да и мне не сдобровать.

Сын рассердился на отца, выругал его и сказал:

— Пойди сейчас же к князю, посватай за меня его дочь. Если ты этого не сделаешь, то клянусь тебе, что я тебя убью.

Побоялся отец сына, пошел к князю сватать его дочь и, боясь войти во двор, остановился у крыльца и сел.

Князь увидел старика и послал человека за ним, накормил его, хотел дать милостыню, но старик не принял.

— Почему не принимаешь милостыню? И почему ты такой печальный? — спросил князь.

Старик ответил:

— Я не знаю, как мне быть. Если я передам тебе поручение сына, то боюсь, что ты убьешь меня. Если не передам, то он убьет меня, — и рассказал князю, что сын прислал его сватать за себя княжескую дочь.

Вскочил князь, топнул ногой и стал в гневе говорить:

— Сам тебя не убью! И сыну не позволю убивать! Я брошу тебя собакам! Пусть они загрызут тебя! — с этими словами князь выбросил его на двор — собакам на съедение.

Собаки окружили старика. Дочь князя увидела это и обратилась к отцу:

— Да не будешь ты несчастлив, мой отец! Нельзя так поступать с человеком. Лучше прикажи выполнить невозможное: скажи, что если сделает то-то, можно будет выдать дочку.

— Ты права, — сказал отец и, прогнав собак, притащил старика в дом и сказал ему: — Я выдам свою дочь за твоего сына, если у него хватит богатства построить семиэтажный дом и обнести этот дом плетнем из золота и меди...

Отец очень обрадовался, ибо ему только и нужно было получить ответ, и направился домой.

— Выдаст ли князь свою дочь? — спросил сын.

— Выдаст, — ответил отец, — если у нас хватит силы выполнить то, что он требует, — и рассказал о требовании князя.

— Хорошо, — сказал сын, — я ухожу и не вернусь до тех пор, пока у нас не соберется столько денег, сколько нужно для постройки такого дома, о котором говорит князь. А ты оставайся дома.

Шел он, шел и дошел до места, где проживает известный сын Гарапа — Эширп.

— Будешь ли ухаживать за лошадьми, вывозить навоз и жить у меня? — спросил Эширп.

Малый согласился и на три месяца поступил на работу. В этот день Эширп уехал по делам, поручил малому ухаживать за лошадьми и работать.

Засучив штаны до колен, малый горячо работал, ухаживал за лошадьми и убирал навоз.

Дочь Эширпа из окна увидела малого, так горячо работающего у них во дворе. Она вызвала его к себе в комнату и спросила:

— Знаешь ли ты, кто мой отец?

— Нет, — ответил малый, — не знаю, но знаю, что я беден, а он богат, и я пришел работать у него.

— Я тебе расскажу, кто отец, — сказала дочь Эширпа. — Посмотри в эту комнату, ты видишь — колья торчат, девяносто девять штук, и на них надеты головы. А один кол свободный, вероятно, твоей голове суждено попасть на этот кол. Почему отец мой убивает людей? Все так же, как и ты сейчас, поступают к нему на работу на три месяца. По прошествии трех месяцев отец задает вопрос: «Научился ли ты моему языку?» Тот, считая неудобным сказать, что не научился, отвечает: «Да, я научился». Тогда отец отрубает ему голову и сажает ее на кол. Это он делает потому, что, кроме нас, ни один человек не должен знать его языка, если же еще кто-либо этому языку научится, то или отец должен погибнуть, или тот, кто научился говорить...

Дочь Эширпа взяла малого к себе на услуженне, а на его место до возвращения отца наняла другого работника. Живя у нее, малый быстро научился говорить на их языке.

Когда прошло три месяца и Эширп должен был вернуться домой, дочь его сказала малому:

— Завтра приедет отец. Рано утром ты засучи свои штаны и приступай к работе. Отец мой спросит тебя: «Научился ли ты моему языку?» Отвечай: «Нет, не научился. Как же я научусь, когда в день моего поступления на работу ты уехал и приехал лишь сегодня, когда исполнилось только три месяца».

В день возвращения Эширпа малый засучил штаны до колен и с усердием принялся за свою работу.

Приехал Эширп и сейчас же спросил малого:

— Научился ли ты говорить по-моему?

— Нет, не научился, — ответил малый. — Как же я мог научиться, когда в день моего поступления ты уехал и вернулся через три месяца, как раз в день моего увольнения. Я только второй раз вижу тебя...

— Ты прав, — сказал Эширп, — ты не мог научиться моему языку. Многие люди не смели так отвечать, и я их убивал. Ты можешь сегодня получить все, что причитается, и ехать домой...

Эширп отдал все, что должен был, и отпустил малого домой. Приехал он домой и через два дня, ложась спать, сказал своему отцу:

— Смотри, я превращусь в хорошего коня, утром ты меня отведи к кумыкам и продай. Но помни: недоуздок не отдавай никому, а то я останусь у них. Если же ты вернешься с недоуздком, то следом за тобой вернусь и я.

Утром, как было сказано, малый превратился в коня. Отец, как сказал сын, надел недоуздок, отправился к кумыкам и продал коня за шестьдесят туманов, взял недоуздок и вернулся домой. За ним следом пришел домой и малый.

На вторую ночь он сказал отцу:

— Сегодня я лягу спать, а утром превращусь в красивую девушку. Рано утром отведи меня и продай, но только наброшенный на голову платок не оставляй им, бери с собой — и я вернусь сейчас же. Если же оставишь — я останусь там.

Наутро отец видит, что действительно сын превратился в красивую девушку. Отец пошел с нею и продал ее. Так как девица была очень красива, за нее заплатили триста туманов. Отец получил деньги, взял платок и вернулся домой.

Вскоре вернулся и сын.

После всего этого сын стал угрюмым и задумчивым.

— Что случилось с тобой, почему ты такой грустный? — спросил отец.

Сын ответил:

— Теперь, если и в третий раз будет такая же удача, то я убью Эширпа, а если нет — он убьет меня.

Ночью, ложась спать, малый предупредил отца:

— Утром я превращусь в козла. Возьми меня, перевяжи рога, отведи и продай. Первым тебя встретит Эширп. Смотри только — перевязку не отдавай ему, а то он меня убьет, и я не смогу вернуться домой. Если же перевязку возьмешь с собой, то я сейчас же приду домой...

Утром видит отец — сын в козла превратился.

Он перевязал ему рога и отправился продавать. На дороге встретился Эширп.

— Продаешь козла? — спросил он сердито.

— Продаю, — ответил отец и продал его за семь рублей. Хотел он развязать веревку, а Эширп не дал. Долго они спорили, но веревка досталась Эширпу, и отец вернулся без веревки.

Эширп запер ворота, положил козла на землю и встал на него, заставляя его жалобно блеять. Потом он сказал своей дочери:

— Принеси кинжал — козла надо зарезать!

— Я не найду его, — ответила дочь.

— Ну тогда неси шашку!

— И шашку не нахожу!..

— Тогда неси какое-нибудь оружие.

— Все оружие спрятано! Ничего не нахожу!..

Тогда отец сказал дочери:

— Иди сюда, подержи козла, я сам поищу.

Дочка пришла и стала держать козла, а сама говорит ему:

— Отец пошел искать оружие, чтобы зарезать тебя. Когда он будет возвращаться, я тебя освобожу, и ты убегай.

Отец возвратился с кинжалом, а в это время дочь его, будто не удержав, освободила козла, который превратился в лисицу —

и давай бежать. Эширп превратился в гончую собаку и помчался за лисицей.

В это время князь, у которого сын бедняка сватал себе дочку, стоял на высоком месте и следил за ними, прося бога пощадить лисицу. Вдруг лисица превратилась в голубя, а гончая — в ястреба. Ястреб взвился вверх и не давал голубю хода. Тогда голубь превратился в яйцо и упал на князя, смотревшего на них. Ястреб превратился в красивого человека, сидящего на стуле с пондаром в руке, пел песни и восхвалял князя, умоляя дать ему яйцо. Князь долго отказывался, но наконец отдал ему яйцо.

Тогда яйцо превратилось в зернышки, которые сразу же рассыпались, а пондарист превратился в курицу с девятью цыплятами и стал быстро собирать зернышки. Одно зернышко попало в обувь князя, и курица не могла его достать. Зернышко это превратилось в дикую кошку и моментально задушило курицу с девятью цыплятами. Под конец кот превратился в сына бедняка и обратился к князю:

— Если хочешь теперь, выдай за меня свою дочь, — и направился домой.

Как только он прибыл к отцу, быстро построил дом лучше княжеского. Вокруг дома сделал забор из золота и меди. Дорогу, идущую от дома князя к его дому, превратил в золотую и по этой дороге послал людей к князю — сватать его дочь за себя. Князь дал согласие.

1. СКАЗАНИЕ О СЕЛА САТЕ[1]

У нарт-орстхойцев[2] была одна девушка, которую бог создал такой красавицей, какою только мог. Никто из нарт-орстхойцев не мог жениться на ней, потому что ни один не хотел уступить ее другому. Села[3] небесный тоже хотел обладать ею, но боялся Сеска Солсу[4]. Пришел, наконец, смертный час этой девушки. Умирая, она сказала окружающим:

— Караульте мою могилу три ночи. Если будете караулить, Села не доберется до меня, а после трех ночей от трупа моего будет исходить запах мертвеца, и Села не подойдет к нему. Если же вы не будете караулить, то Села придет и осквернит мою могилу.

После этих слов она умерла.

Ее похоронили, и Сеска Солса три ночи подряд сам караулил ее могилу, но на третью ночь, под самое утро, задремал. Села воспользовался этой минутой, пришел, открыл могилу и осквернил труп девушки. Она тотчас же родила от него дочь. Когда Села собирался уже уходить, Сеска Солса проснулся, схватил свой лук и ранил убегавшего Селу. Из этой раны у Селы выходят внутренности, и урчание их производит гром. Сеска Солса взял дочь Селы и принес ее домой. Нарт-орстхойцы назвали ее Села Сатой. Она стала вдвое красивее своей матери и вышла замуж за человека, жившего на небе вместе с Селой.

Млечный путь, называемый «Ча токхадаь мотт», то есть «Место, по которому пронесена солома», образовался, по преданию, в том месте, где Села Сата пронесла солому для брачной постели. Уходя из дому за соломой, она приготовила из теста треугольный хлеб и положила его в горячую золу с угольками; пока она возвратилась, два угла хлеба сгорели, а один уцелел. На небе теперь видны три звезды, образующие треугольник: одна — светлая, а две — темные; они называются Сата-боджал (или треугольный хлеб Саты). Ингуши, проживающие на равнине, называют их проще: «Кхо ког». («Три ноги», в смысле: треугольник).

2. КАК РОДИЛСЯ СЕСКА СОЛСА

Одна девушка доила коров; близ того места, где она доила, был синий камень. Один молодой человек, любивший эту девушку, сел на этот камень и, глядя на нее, пришел в возбуждение, отчего с ним произошло что-то, и от этого в камне образовался зародыш Сеска Солсы. Об этом знала святая женщина Села Сата; она пошла, разбила камень и взяла оттуда Сеска Солсу.

3. СЕСКА СОЛСА И ТАЗОВАЯ КОСТЬ

Давным-давно жил человек по имени Солса. Люди жили тогда под землею в больших подвалах, выложенных камнем; эти подвалы в некоторых местах сохранились до сих пор. Солса был весьма умный и честный человек; он родился не от обыкновенной женщины, а прямо произошел от бога.

Однажды Солса проезжал по подземелью и ему встретилась на дороге человеческая тазовая кость, такая большая, что Солса на коне проехал сквозь нее. Потом Солса опечалился, что нарушил покой мертвого человека. Солса стал просить бога, чтобы он воскресил этого человека в таком виде, каким он был прежде, и ударил кость плетью. В это время из кости сделался человек, такой большой, как гора; он был слеп и не мог видеть солнца. Солса просил об этом бога для того, чтобы большой человек не сделал ему вреда. Большой человек громко спросил:

— Кто оживил меня?

— Я, Сеска Солса!

— Отчего же ты не дал мне зрение? — спросил большой человек.

— Если бы у тебя было зрение, ты бы съел весь свет, — ответил Сеска Солса.

— Что это за свет? — спросил большой человек. — Здесь прежде был один лес!

— Нельзя тебе рассказать, — ответил Сеска Солса. — Скажи мне, кем ты был прежде?

Вместо ответа большой человек пошарил кругом и, взяв большой камень, растер его между руками и начал есть.

— Мы ели это, — сказал большой человек, — и все, что нам попадалось.

— Как же вы воевали друг с другом? — снова спросил Сеска Солса.

Тогда большой человек вырвал большой чинар, поспешно очистил его и бросил им в Сеска Солсу. Но последний, увидев приготовления большого человека, заранее отскочил в сторону. Большой человек, бросив дерево, сказал:

— Я убил этого муравья за то, что он разбудил меня без зрения.

— Как же ты убил меня, когда я жив? — возразил Сеска Солса.

Большой человек в ответ ему сказал:

— Кто родится после нас, те будут умнее; мы стыдились спасать себя от смерти и убивали друг друга чинарами.

— Как же вы могли храбро воевать между собой, когда у вас такая плохая пища, какую ты показал мне — песок, камень, — говорит Сеска Солса.

Большой человек сказал ему:

— Поезжай по каменному своду до конца, там стоит береза, под ней лежат два хлеба, возьми и принеси их сюда.

Сеска Солса поехал, как сказал большой человек, нашел хлебы и привез их. Тогда большой человек спросил:

— Как тебе кажутся эти хлебы: хороши они? Я был слишком голоден, откусил только кусок и теперь сыт. С этими двумя хлебами мы могли путешествовать четыре месяца, а вы чем питаетесь?

— Мы маленькие, — говорит Сеска Солса, — а все-таки мне кажется, что этих хлебов мало и на один раз.

— Должно быть, плохо на свете, — сказал большой человек, — если вам на один раз идет столько хлеба, сколько нам шло на четыре месяца. Ты меня разбудил, дай мне и зрение, а если не дашь, то сделай меня опять костью.

Сеска Солса махнул плетью, и большой человек стал опять тазовой костью.

4. СЕСКА СОЛСА

Как-то на коне ехал Сеска Солса. Вдали он увидел огромную бедренную кость. Верхом на коне он проехал сквозь отверстие кости.

— О могучий боже, — произнес Сеска Солса, — чьей могла быть эта кость?

Сеска Солса поднял руки и взмолился (сказанное им исполнялось).

— Пусть станешь ты тем же, кем был раньше, но только без глаз, — и ударил кость плетью.

Упираясь головой в небо, встал безглазый, огромный, как мир, человек.

— Как долго я спал, — произнес он, протирая глаза. — Есть ли вблизи живое существо услышать мой разговор?

— Я, Сеска Солса, здесь, и это я оживил тебя.

Стали они разговаривать.

— Как вы раньше жили, как воевали? — спросил Сеска Солса.

Безглазый человек ответил:

— Мы били друг друга вековечными чинарами. Есть ли здесь лес?

Сеска Солса сказал, что есть. Безглазый протянул руку, вырвал огромную чинару, очистил ее от ветвей и сказал Сеска Солсе:

— Стань в определенное место, я покажу тебе, как мы воевали.

Сеска Солса стал в отдалении и крикнул:

— Я стою здесь.

Безглазый метнул чинару в его сторону. Будто пуля из ружья полетела чинара.

Солса, скинув бурку, бросился в сторону. Вместе с буркой вонзилась чинара в землю.

— И теперь ты там же стоишь? — спросил безглазый.

— Не сошел же я с ума, чтобы там же стоять, — ответил Солса.

— Ну и несчастными стали теперь люди, данного слова не держат; по обычаям наших предков следовало стоять на том же месте, слово надо было сдержать. Я слышал, что следующие за нами поколения не будут выполнять обещаний, привыкнут к подлостям.

Затем безглазый нагнулся, взял горсть земли и сжал ее в руке. Три капли масла выжал он из нее.

— И земля обезжирела. В наши времена, если сжать горсть земли, из нее много жира (масла) вытекало, струей будто било.

Затем он сказал Сеска Солсе:

— Преврати меня снова в кость.

— Пусть ты станешь прежней костью, — сказал Сеска Солса и ударил его ногайской плетью.

Безглазый вновь превратился в кость.

5. СКАЗАНИЕ О НАРТЕ СЕСКА СОЛСЕ

В далекие, теперь забытые времена, в горах Ингушетии жил молодой богатырь, нарт Сеска Солса. Он пользовался славой и большим уважением всего народа за свой ум, силу, храбрость и справедливость. Жил Сеска Солса со своей дочерью-красавицей в огромной пещере, находящейся в отвесной стене горного перевала Цай-лоам [1].

Сердца многих молодых джигитов покорила красавица — дочь нарта. Многие из них сватали ее, но безуспешно. Сеска Солса не соглашался выдать ее замуж за обыкновенного, незнатного человека. Тогда один из молодых людей, втайне от отца ставший ее возлюбленным, пошел на хитрость. Предварительно договорившись с красавицей, он решил ее похитить. Но надо было обезопасить себя от бдительности Сеска Солсы.

По наущению своего возлюбленного, красавица сытно накормила Сеска Солсу бараниной, а баранина была приправлена особым соусом, сильно сдобренным цветами азалии. Как известно, цветы азалии одурманивают человека. Наевшись досыта, Сеска Солса быстро уснул крепким сном.

Тогда красавица срезала свои длинные косы и с помощью друзей своего возлюбленного крепко связала ими сонного отца. Затем заговорщики с трудом завалили вход в пещеру громадной плитой, сели на коней и поскакали.

Долго, очень долго спал Сеска Солса. Проснувшись, он не сразу осознал случившееся. Он убедился в том, что своими силами ему не освободиться от связывавших его пут. При малейшем усилии волосяные путы впивались в его крепкое тело и причиняли невероятную боль. И понял тогда Сеска Солса, что он обречен на медленную и голодную смерть.

Но у нарта Сеска Солсы были друзья не только среди людей, которые ничего не знали о заживо замурованном великане. Настоящими друзьями связанного богатыря были птицы и животные. Горный орел приносил в когтях печень и кормил его. Лесной голубь доставлял в клюве воду и утолял его жажду, а полевая мышь медленно перегрызала связывавшие его путы.

Наконец Сеска Солса стал свободен. Расправив свои богатырские плечи, он легко отвалил каменную глыбу, закрывавшую вход в пещеру. Выбравшись в долину и не найдя там дочери, он понял, что его любимая дочь похищена.

Ярый гнев и чувство мести охватили тогда Сеска Солсу. В безумной ярости принялся он рубить своим огромным стальным мечом скалистую вершину Цай-лоам, чуть не ставшую его могилой.

Затем он сел на своего быстроногого скакуна и бросился в погоню за похитителями. Уверенные в успехе задуманного дела, они не очень спешили, и Сеска Солса скоро нагнал их в глубине Ассинского ущелья. Жестоко расправившись с похитителями, он вернул дочь в свое пещерное жилище.

С тех пор сама вершина Цай-лоам превратилась в ряд острых и высоких пик и утесов. Это — следы нартского меча Сеска Солсы. Каждый погожий день в лучах восходящего и заходящего солнца они кажутся кроваво-красными.

6. СЕСКА СОЛСА И ВАМПАЛ

Однажды вверх по ущелью Ассы шел Сеска Солса. Вдруг он увидел ручей крови, словно бьющий из родника.

— О, люди, что это значит? — удивился Солса.

За Эршом [1], поднявшись по течению ручья крови, он увидел огромного, словно гора, вампала.

Стараясь не уснуть, вампал держал перед собой шашку; засыпая, он ударялся головой об ее острие и поэтому текла кровь.

Солса подошел к вампалу и спросил:

— Что ты делаешь? Зачем бьешься об острие шашки?

— Вверх по этой дороге должен проехать один вампал. Он везет с собой отобранную у меня жену. Если я усну, он проедет незамеченным. Поэтому я бодрствую. Как только меня начинает клонить ко сну, я просыпаюсь, ударившись головой об острие шашки, — сказал вампал.

— Можешь спокойно уснуть. Как только покажется твой враг, я разбужу тебя, — сказал Сеска Солса.

— Ты меня не добудишься и ударами шашки. Правда я мог бы вздремнуть под этой чинарой, если при появлении вампала ты свалил бы ее на меня, — сказал вампал.

— Я сделаю все, что ты сказал, — ответил Сеска Солса.

Вампал лег и мгновенно уснул.

Солса остался на посту.

Через некоторое время показался другой вампал. Он был величиной с гору. Сзади вампала на крупе коня сидела такая же огромная женщина, как и он сам.

Солса быстро подрубил чинару; она упала на уснувшего великана, и он проснулся.

Проснувшийся вампал увидел врага и сказал Солсе:

— Теперь мы начнем драться. Если я его осилю, на моей спине между лопатками появятся изображения солнца и месяца. Только не спрашивай меня, что, мол, это такое. Если ты спросишь, я умру в ту же минуту.

— Не буду спрашивать, — обещал Солса.

Тогда вампалы стали драться.

Вырывая с корнями столетние чинары и очищая стволы от ветвей, они били ими друг друга.

Во время их схватки в сторонке спокойно пряла шерсть женщина-вампал.

Наконец вампал, которому удружил Солса, победил, а другой пал замертво. Как только он испустил дух, у оставшегося в живых между лопаток показались изображения солнца и месяца.

Увидев это чудо, Солса замер будто вкопанный.

Придя в себя, он подумал: «Если бы умер и этот вампал, то его жена досталась бы мне».

Сеска Солса вспомнил слова вампала и спросил:

— Что это за изображения появились на твоей спине?

— Зачем ты сделал такую подлость! — воскликнул вампал и тут же умер.

Тогда женщина-вампал стала причитать:

— Как ты мог сделать это?! Я же осталась теперь жалкой сиротой, за кого я выйду замуж?

Солса уселся на коня, ударил его плеткой и сказал:

— Разве я не человек? Ты выйдешь за меня.

— Если бы ты мог дотянуться мне до пояса, я бы вышла за тебя, — ответила женщина-вампал.

Сеска Солса встал носками на луку седла и протянул плетку кверху, но не дотянулся до пояса женщины.

Тут он понял, что женщина-вампал ему не пара. Солса остался взирать на содеянное им, а женщина, причитая о погибшем муже, тихо направилась вверх по ущелью Ассы.

7. СОЛСА И ШИРТКА

— Во что ты оцениваешь моего коня? — спросил Сеска Солса у ширтки[1].

— Твой конь в голодный год стоит коровы, — ответила ширтка.

Недовольный Сеска Солса взмахнул плетью, намереваясь ударить ее, но ширтка юркнула в норку.

— Во что ты оцениваешь меня? — успокоившись, спросил Сеска Солса.

— В опасную ночь ты стоишь собаки, — ответила ширтка.

— Как ты смеешь так говорить?! Что это значит?! — воскликнул удивленный Сеска Солса.

— А я подобна тебе. Ведь и ты говорил, что жеребенок от кобылы Нyртби рожден твоим конем, — ответила ширтка.

Рассерженный ее ответом, Сеска Солса ударом шашки отсек от скалы большую глыбу. Люди становились молиться в том месте, где был сделан удар шашкой, так как это место точно указывало направление на юг.

8. ДВЕ ДОЧЕРИ, МАТЬ И СЕСКА СОЛСА

Сеска Солса, пивший расплавленную медь, происходил из нарт-орстхойцев и гордился этим. На горе Шатой пас он своего коня. Где ни ступит конь Сеска Солсы копытом, там возникал родник. Поэтому на Шатое имеются болота.

На Шатое жили две дочери и мать.

Сеска Солса ухаживал за дочерьми и не давал им покоя. Из любви к ним он гарцевал на коне и перескакивал на нем с одного берега Аргуна на другой.

Не вынеся притязаний Сеска Солсы, две дочери и мать отправились на гору Докой и стали жить на краю этой тающей горы.

Говорят, что подстреленные охотником звери умирать приходили на ту гору. Любого человека, осмелившегося взобраться на Докой-Корта[1], две дочери и мать, усадив на плетень, сбрасывали

в пропасть. «С тех пор, как две дочери и мать поселились у края тающей горы, не слышно было петушиного крика», — говорили жившие там тумгоевцы[2], и поэтому не разводили кур.

9. СКАЗАНИЕ О СЕСКА СОЛСЕ

На горе Тумсой[1], по дороге в Галан-Чож, расположено село Пёша. Недалеко от этого села есть каменная скала, по которой Сеска Солса ударил мечом.

Этот камень, величиной с дом, стоит и поныне. Вокруг нет больше других камней и скал, лишь только сухая трава. О камне рассказывают, что Сеска Солса, пробуя остроту меча, рассек его до пояса.

Недалеко от этого камня есть еще одно место. В нем имеется углубление (подобно ямке), в которое может поместиться головка сахара. Это углубление возникло от удара копытом коня Сеска Солсы. Углубление засыпано землей, чтобы в нее не попала нога человека или скотины.

Вблизи Зонах-Юрта Шатойского района имеется одна балка. По этой балке много сотен лет назад протекала речка.

В шагах тридцати от дороги есть грот, в котором может спрятаться человек.

В этом гроте, говорят, жили три девушки, поэтому он так и называется.

При желании три девушки привязывали к косам своим кувшин и брали воду из речки, протекавшей внизу на расстоянии тридцати шагов.

Напротив горы, где жили три девушки, к западу от Варандоя, есть другая гора. При появлении трех девушек с этой горы Сеска Солса на своем коне, говорят, перескакивал на гору, где жили три девушки, и на этой горе сохранились следы копыт коня Сеска Солсы.

Сеска Солса не давал им покоя, и испуганные три девушки, говорят, убежали с этой горы на Башлам.[2]

10. СЕСКА СОЛСА И СЕЛИЙ ПИРЪА

Сеска Солса и Селий Пиръа были братьями. Старший брат, Сеска Солса, был здоровый и сильный телом человек. Младший, Селий Пиръа, был хилый, но хитрый и умный. Он при желании отправлялся на тот свет и вновь возвращался в солнечный мир. Однажды, отправившись в подземный мир, Селий Пиръа вернулся с водяной мельницей. До этого у людей имелись лишь ручные мельницы, поэтому они и назывались рукомолками. Принесенную мельницу Селий Пиръа поставил на реке и начал молоть зерно.

Люди стали рассказывать об этом удивительном, невиданном чуде.

Слух об этом дошел и до Сеска Солсы. Он решил взглянуть на это чудо. Прибыл Солса к мельнице и, запустив свою ручищу, унес ковш и жернова. По дороге у него упал потрясок от ковша. Он поставил мельницу на реке возле своего дома и стал молоть зерно. Но из-за того, что не было потряска, ему пришлось рукой пропускать зерно из ковша в отверстие бегуна. Сеска Солса из-за этого не мог отойти от мельницы.

Однажды к нему пришел Селий Пиръа и сказал:

— Если ты мне выделишь половину доли от помола, я сделаю потрясок, чтобы не приходилось тебе стоять прикованным к мельнице.

Солса согласился. Если бы Солса не унес мельницу, он все равно получал бы половину доли от помола, так как они были неразведенные братья, а у неразведенных братьев хозяйство бывает общим.

Однажды Сеска Солса надумал разделиться со своим братом.

— Мы должны с тобою разделиться, — сказал он.

— Как мы будем разделяться: при людях или без них? — спросил Селий Пиръа. — Я хорошо знаю, какую долю ты мне выделишь.

— Что же я тебе выделю? — спросил Сеска Солса.

— Ты мне дашь всех белоголовых синих коров и земли, заваленные мусором и навозом, — ответил Селий Пиръа.

«Он знает, что я ему дам только худшее; ведь эти коровы и земли ни к чему не пригодны», — подумал Сеска Солса и удовлетворил просьбу брата.

Так Селий Пиръа хитростью добился у своего брата лучшей доли.

Селий Пиръа, принесший с того света мельницу, во многом облегчил труд людей, которые до этого мололи зерно вручную.

Но одно искусство дал людям и Сеска Солса. Однажды на охоте он потерял глиняную трубку. Когда ему сильно захотелось курить, он, оторвав от липового пенька кору, скрутил закрутку.

Майстинцы[1] и в наше время делали закрутку из коры липового пенька.

11. КАК СЕСКА СОЛСА ПОХИТИЛ ДЕВУШКУ

Жили нарт-орстхойцы Хамчи Патараз, Орзми, Боткий Ширтка и Тахшако, удовольствие от битв получавший.

Возглавлял их Сеска Солса. Его конь никого к себе не подпускал. Если Сеска Солса садился на какого-нибудь коня, то у него ломался хребет. Таким огромным был Солса. Сам он был

в пропасть. «С тех пор, как две дочери и мать поселились у края тающей горы, не слышно было петушиного крика», — говорили жившие там тумгоевцы[2], и поэтому не разводили кур.

9. СКАЗАНИЕ О СЕСКА СОЛСЕ

На горе Тумсой[1], по дороге в Галан-Чож, расположено село Пёша. Недалеко от этого села есть каменная скала, по которой Сеска Солса ударил мечом.

Этот камень, величиной с дом, стоит и поныне. Вокруг нет больше других камней и скал, лишь только сухая трава. О камне рассказывают, что Сеска Солса, пробуя остроту меча, рассек его до пояса.

Недалеко от этого камня есть еще одно место. В нем имеется углубление (подобно ямке), в которое может поместиться головка сахара. Это углубление возникло от удара копытом коня Сеска Солсы. Углубление засыпано землей, чтобы в нее не попала нога человека или скотины.

Вблизи Зонах-Юрта Шатойского района имеется одна балка. По этой балке много сотен лет назад протекала речка.

В шагах тридцати от дороги есть грот, в котором может спрятаться человек.

В этом гроте, говорят, жили три девушки, поэтому он так и называется.

При желании три девушки привязывали к косам свои кувшины и брали воду из речки, протекавшей внизу на расстоянии тридцати шагов.

Напротив горы, где жили три девушки, к западу от Варандоя, есть другая гора. При появлении трех девушек с этой горы Сеска Солса на своем коне, говорят, перескакивал на гору, где жили три девушки, и на этой горе сохранились следы копыт коня Сеска Солсы.

Сеска Солса не давал им покоя, и испуганные три девушки, говорят, убежали с этой горы на Башлам.[2]

10. СЕСКА СОЛСА И СЕЛИЙ ПИРЪА

Сеска Солса и Селий Пиръа были братьями. Старший брат, Сеска Солса, был здоровый и сильный телом человек. Младший, Селий Пиръа, был хилый, но хитрый и умный. Он при желании отправлялся на тот свет и вновь возвращался в солнечный мир. Однажды, отправившись в подземный мир, Селий Пиръа вернулся с водяной мельницей. До этого у людей имелись лишь ручные мельницы, поэтому они и назывались рукомолками. Принесенную мельницу Селий Пиръа поставил на реке и начал молоть зерно.

Люди стали рассказывать об этом удивительном, невиданном чуде.

Слух об этом дошел и до Сеска Солсы. Он решил взглянуть на это чудо. Прибыл Солса к мельнице и, запустив свою ручищу, унес ковш и жернова. По дороге у него упал потрясок от ковша. Он поставил мельницу на реке возле своего дома и стал молоть зерно. Но из-за того, что не было потряска, ему пришлось рукой пропускать зерно из ковша в отверстие бегуна. Сеска Солса из-за этого не мог отойти от мельницы.

Однажды к нему пришел Селий Пиръа и сказал:

— Если ты мне выделишь половину доли от помола, я сделаю потрясок, чтобы не приходилось тебе стоять прикованным к мельнице.

Солса согласился. Если бы Солса не унес мельницу, он все равно получал бы половину доли от помола, так как они были неразведенные братья, а у неразведенных братьев хозяйство бывает общим.

Однажды Сеска Солса надумал разделиться со своим братом.

— Мы должны с тобою разделиться, — сказал он.

— Как мы будем разделяться: при людях или без них? — спросил Селий Пиръа. — Я хорошо знаю, какую долю ты мне выделишь.

— Что же я тебе выделю? — спросил Сеска Солса.

— Ты мне дашь всех белоголовых синих коров и земли, заваленные мусором и навозом, — ответил Селий Пиръа.

«Он знает, что я ему дам только худшее; ведь эти коровы и земли ни к чему не пригодны», — подумал Сеска Солса и удовлетворил просьбу брата.

Так Селий Пиръа хитростью добился у своего брата лучшей доли.

Селий Пиръа, принесший с того света мельницу, во многом облегчил труд людей, которые до этого мололи зерно вручную.

Но одно искусство дал людям и Сеска Солса. Однажды на охоте он потерял глиняную трубку. Когда ему сильно захотелось курить, он, оторвав от липового пенька кору, скрутил закрутку.

Майстинцы[1] и в наше время делали закрутку из коры липового пенька.

11. КАК СЕСКА СОЛСА ПОХИТИЛ ДЕВУШКУ

Жили нарт-орстхойцы Хамчи Патараз, Орзми, Боткий Ширтка и Тахшако, удовольствие от битв получавший.

Возглавлял их Сеска Солса. Его конь никого к себе не подпускал. Если Сеска Солса садился на какого-нибудь коня, то у него ломался хребет. Таким огромным был Солса. Сам он был

из мялхистинцев[1]. Сеска Солса полонил людей. Он брал в плен известных девушек, знатных юношей и возвращал их за выкуп.

Его насилие надоело людям. Они задумали пленить Солсу и решили это сделать так. Люди распустили слух, что есть одна красивая девушка, которую ни за кого не выдают, а сами устроили вокруг нее засаду. Эти разговоры дошли до Сеска Солсы. Своим товарищам он сообщил, что решил похитить эту девушку. Товарищи стали отговаривать Солсу, но он их и слушать не стал и поехал за девушкой. Девушка была помещена на склоне высокой горы. Сеска Солса перелетел на коне через ущелье и опустился на склоне около девушки. Он усадил девушку на круп своего коня и перескочил обратно. Это ущелье, которое Сеска Солса перескакивал на своем коне, находится между двумя селами и называется: «Место, где перепрыгивал конь Сеска Солсы». Там имеются пещеры, оставшиеся от копыт коня Сеска Солсы, в которых могут поместиться два человека.

12. СПОР, РАЗРЕШЕННЫЙ В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ

Послушайте о том, что я расскажу. Много лет прошло с тех пор, много воды утекло с тех пор. Вода вспять не потечет, время вновь не возвратится. Никто не знает, когда это было.

Жил в горах Ингушетии один молодой человек по имени Бятар. Никого у него не было, кроме старой матери. Он кормил ее, кормил себя. Дни проходили для него в повседневных работах: пахота его была длинной, косил он широко, пас своих овец, коров. Вечерами же, после наступления сумерек, Бятар веселил свою мать игрой на пондаре*. Он сторонился подлости и злодейства, с людьми жил в мире и согласии. В нужный момент мог показать и искусство боя, но силой за богатством не гонялся. Люди уважали в нем ум, мужество, силу и добрые мысли.

В те времена жил Сеска Солса. Он был полон сил и энергии и предводительствовал крепкой дружиной. Люди считали, что он от рождения замешан на стали. Он прославился тем, что вел постоянные войны. Бятар и Сеска Солса не знали друг друга. Всегда и во всем удачливый Сеска Солса однажды спросил у своего семиаршинного всеведающего коня:

— Есть ли на свете человек сильнее и мужественнее меня?

Конь, говорящий только лишь правду, ответил:

— Сеска Солса, я давно знаю тебя; много тропинок-дорог мы исходили с тобой в этом мире. Силы и мужества тебе не занимать. Но, не обессудь, живет на свете один молодой человек по имени Бятар. Я не скажу, что он превосходит тебя силой и мужеством, но правда и то, что он ни в чем не уступает тебе.

Сеска Солса знал, что его конь не скажет неправды. Но он

затаил обиду на человека по имени Бятар, который, хоть и не превосходит его, но ни в чем и не уступает ему.

— Старая кляча, еле ноги волочащая скотина, откуда ты знаешь об этом?! — раздраженно воскликнул Солса.

Конь спокойно ответил:

— Лошадь этого человека приходится мне матерью. Она и поведала мне о своем хозяине.

— Вези меня к этому Бятару. Посмотрим, таков ли он, как ты о нем говоришь.

Через семь дней и семь ночей прибыли они к Бятару.

— Ассалам-алейкум! Примите ли гостя?

— Ва алейкум-салам! С добрым приездом! Кто не любит гостя, того и бог невзлюбит. Входи.

Бятар с почтением принял Сеска Солсу, о котором немало был наслышан. После еды и питья для увеселения гостя хозяин стал играть на пондаре.

Три дня и три ночи провел Сеска Солса у Бятара, присматриваясь к его благородному поведению, и, наконец, он поведал ему о цели своего приезда. Бятар согласился состязаться с ним в силе и мужестве. Чтобы ни делали, они не могли решить, кто из них превосходит в силе и отваге. Спрашивали у людей, но те отвечали по-разному: то говорили, что превосходит Сеска Солса, то — что превосходит Бятар. И не знали они, как разрешить спор между собой.

Тогда старая мать Бятара, извинившись, посоветовала:

— На том свете души покойников стережет Владыка царства мертвых. Он знает все, что происходит на том свете, а также и в солнечном мире. Только у него вы можете узнать, кто из вас мужественнее и сильнее.

И старуха объяснила, как попасть на тот свет, где нет ни одного живого человека.

И отправились Сеска Солса на своем коне и Бятар на своей лошади по указанному пути. Достигли они реки Терека, несущего свои воды к далекому морю.

Только одолев Терек, могли они продолжить свой путь. В те времена Терек был полноводнее и быстрее, чем сейчас. А к тому времени, когда они подъехали к нему, он стал еще более бурным и мощным от только что прошедшего дождя. Было очень опасно переходить его: он катил огромные валуны. Все, что попадало в него, подобно пуле уносилось стремительным потоком.

Бятар сказал:

— Опасна эта река, надо найти брод.

Сеска Солса, желавший показать свое мужество, сказал:

— Она не опасна, перейдем и так, — и направил коня в волны Терека. Он хлестнул кнутом его, тот стал на дыбы, но что бы Сеска Солса ни делал, в воду не шел.

Видя неудачу, постигшую Сеска Солсу, Бятар тихонько тронул свою лошадь, и та спокойно стала переходить реку. За ней последовал и конь Сеска Солсы. В середине Терека, там, где быстрее и глубже река, стало уносить коня Сеска Солсы. Трудно было даже такой бурной реке волочить тяжеловесного Сеска Солсу. Тогда, обращаясь к Тереку, Сеска Солса воскликнул:

— Умерь свои воды, и я подарю тебе свой золотой пояс.

Сказав это, он бросил в реку золотой бесценный пояс, сделанный искусными мастерами. Терек остался доволен таким подарком. Любуясь поясом, омывая его и играя им, он уменьшил свои воды.

С тех пор, по мнению людей, Терек стал мелководнее. Но, видя, какой он сильный и глубоководный сегодня, легко представить себе, каким Терек был прежде.

Перейдя реку, Сеска Солса и Бятар отправились дальше. Они пересекли семь гор и семь морей и, наконец, прибыли на край света. Здесь земля кончалась, и дальше некуда было идти. Как и говорила старая мать Бятара, они увидели лестницу, ведущую вниз. Пустив своих коней пастись, они стали спускаться по этой лестнице. Сеска Солса, желавший показать свое мужество, шел впереди, а не менее его гордый Бятар — позади.

Долго они шли, а конца не было видно, кроме черноты и мрака. И, наконец, через много времени добрались они до царства мертвых. У входа в царство мертвых, у дверей из красной меди, сидела девятиглазая страшная ешап[1] с торчащими изо рта клыками, девятью ногами и девятью руками. Огромная, обросшая, как медведь, с длинными космами, вся во вшах (она все время чесалась ногтями), — люди бы ее не видели, во сне бы она не приснилась! Когда соперники рассказали ей о своей цели, ешап усмехнулась и сказала:

— До сих пор я не встречала еще живого человека, желавшего сюда войти. Живым человек не входил в эти двери, входил лишь после смерти; вошедший же никогда не выходил. А я здесь поставлена для того, чтобы не выпустить отсюда ни одного человека, и долг свой несу я верно. Вы можете свободно пройти царство мертвых, но только после вашей смерти.

— Если ты нас не пропустишь, я тебя перерублю шашкой, ешап, не имеющая облика человеческого! — сказал Сеска Солса и вынул шашку.

Не сдержать своего слова и не нанести удар уже обнаженной шашкой — позор! Собрав все силы, Сеска Солса нанес удар своей большой шашкой. Но она, издав звон, с треском переломилась, будто ударившись о крепкий камень, не порезав даже ни одного волоса на теле ешап.

— Если бы я была настолько слаба, меня бы здесь не поставили, — сказала ешап.

Бятар подумал: «Хоть это и ешап, но, вероятно, она женщина».

Обернулся он к ней и говорит:

— Если ты пропустишь нас, я принесу тебе оттуда подарок.

Ешап стала любезнее, но все-таки не пропускала их. Заметив ее нерешительность, Бятар вновь попросил:

— Впустила бы ты нас? Мы тебе, как я обещал, подарок бы сделали. С виду ты такая красивая, у тебя благородное лицо. Тот, у кого такая внешность, не может отказать в просьбе.

До сих пор ешап только и слышала о том, как она страшна и безобразна. А это ей было неприятно. Спросить же ее, так она считала себя красивее всех. Добрые слова Бятара подействовали на ешап, и она стала мягкой, как подошвы чувяк, смазанные маслом. Обрадовалась ешап:

— Проходите, мои дорогие, — сказала она и повернулась, открывая вход в царство мертвых.

Они быстро вошли в приоткрытую дверь. Обеспокоилась ешап тем, что случилось, но делать уже было нечего.

В царстве мертвых было темно и холодно. Кругом были слышны лишь причитания мертвых душ. Души старых женщин плакали, вспоминая детей, оставшихся в солнечном мире. Души детей плакали по своим отцам и матерям. Удивленные Бятар и Сеска Солса внимательно вглядывались в эти души. Одеты они были лишь в саваны. Большинство душ были старики и старухи. Души молодых были похожи на чумных людей или людей с увечьями, полученными на войне. Когда соперники двинулись дальше, к ним стали подходить те, кто проклинал Сеска Солсу. Они были без рук, без ног, без голов или с израненными телами; они наговорили много плохих слов Сеска Солсе. Проклиная, они грозили Сеска Солсе, что после смерти он попадет в их руки, и они тогда рассчитаются с ним.

Сеска Солса и Бятар пошли дальше: теперь к ним стали подходить те, кто хотел поблагодарить Бятара, который при их жизни помогал им, оказывал услуги или встречал добрым словом.

Посреди царства мертвых они увидели башню, сложенную из костей. В ней сидел Владыка царства мертвых и судил мертвецов: того, кто хорошо вел себя при жизни, отправлял в рай; того, кто вел себя плохо — в ад. Увидев живых людей, удивился Владыка царства мертвых.

— Чем вы обеспокоены, какое дело вас привело сюда? Трудно прийти сюда по своему желанию, все хотят отсюда бежать.

Сеска Солса и Бятар рассказали Владыке царства мертвых о цели своего прихода к нему.

Глубоко задумался Владыка царства мертвых и задал им такую притчу-загадку:

«Жили в прежние времена два человека. Все знали их как верных и преданных друзей. Один из них полюбил девушку, и девушка согласилась стать его женой. Второй тоже полюбил эту девушку, не зная, что ее любит его друг, и послал к ее родителям сватов. Родители дали согласие. Первый из друзей не знал об этом. Когда он захотел ласково поговорить с девушкой, она сообщила ему, что ее без ее согласия просватали другому, и что она, в любое назначенное возлюбленным время, готова бежать с ним.

Возвращаясь домой после разговора с девушкой, в необитаемой степи он встретил голодного и мучимого жаждой безоружного кровника, убийцу своего отца».

— Теперь скажите, как бы вы поступили, если бы любимая вами девушка была отдана другому и все-таки осталась верной вам? Что бы вы сделали со встретившимся своим кровником? Скажите, как бы вы поступили на месте этого человека?

Сеска Солса и Бятар задумались на некоторое время. Затем Сеска Солса сказал:

— Если спросишь меня, то я на месте этого человека похитил бы девушку, потому что полюбил ее раньше другого. А с кровником поступил бы так, как он этого заслуживает. Каким бы он ни был — все-таки он мой кровник! Но не окажись у него пороха-оружия, я одолжил бы ему свое.

Бятар сказал:

— Дружба нужна не за обильным столом, не за красивой речью. В горе-беде или при другом деле требуется большая дружба. Девушку следовало уступить другу, всячески его восхвалив. Конечно, говорить об этом легко, но выполнить гораздо труднее. И тем не менее, считаю, что именно так должен был поступить настоящий друг. Отпустить кровного врага, позорно, но в такую тяжкую минуту, в какой оказался он, я бы приветил его хлебом-солью. Убить слабого человека — небольшое мужество.

Выслушав оба ответа, Владыка царства мертвых сказал:

— Ты не огорчайся, Сеска Солса. Если судить о мужестве так, как ты это понимаешь, то мужественнее тебя не найти. По вашим ответам я нашел, что Бятар понимает мужество правильнее. Не из одной храбрости оно состоит; мужество вбирает в себя многое. Для того, чтобы не задумываясь, броситься в Терек, не нужно особой храбрости. Мужество определяется не этим, а умом.

Понял Сеска Солса, что в мужестве он уступает своему сопернику.

Далее сказал Владыка царства мертвых:

— Теперь проверим, кто из вас сильнее.

И он вогнал свой посох в твердый камень. Посох до середины вонзился в камень.

— Кто вытащит, тот и сильнее, — сказал Владыка царства мертвых.

Сеска Солса подумал про себя:

— Теперь-то я покажу, на что способен; если я в силе не одолею своего соперника, то большой мне позор.

Сеска Солса обладал непомерной силой, и поэтому он был уверен в победе.

— Я вырву этот посох, — сказал Сеска Солса.

Упершись ногами, приложив все свои силы, обеими руками потянул он посох. Так много сил приложил Сеска Солса, что камень под его ногами превратился в щебень. Обессиленный, он еле держался на ногах, но вытащить посох не смог.

Подошел Бятар и одной рукой вытащил посох.

Понял Владыка царства мертвых, почему вторым, а не первым стал Бятар вытаскивать посох, и сказал:

— Сеска Солса, в твоем теле много силы. Если силу применять умело, она увеличивается. Ты этого не сумел. А Бятар сумел, потому он превзошел тебя. Мне приходилось говорить не только с человеком из солнечного мира, я привык судить и мертвых, в зависимости от их поступков. Я рассудил вас как мог. Вы пришли помериться силой и мужеством; теперь вы видите, что нужно было спорить об уме, а не о мужестве. Нужен ли я вам еще?

Бятар сказал:

— Благодарим тебя за твои речи. Мы не хотим просить тебя о многом, но если можешь, сделай нам еще одно одолжение. Мы проникли в царство мертвых обманом, пообещав подарок ешап, охраняющей вход, чтобы выйти отсюда, нам нужна твоя помощь. Кроме тебя некому нам помочь.

— Легче этого нет ничего, — сказал Владыка царства мертвых и подал Бятару гребень с толстыми зубьями размером в два локтя. — Давно ешап беспокоят вши. Если вы подарите этот гребень, то большего добра ей вы не сделаете.

Они поблагодарили Владыку царства мертвых и отправились в обратный путь.

Увидела их ешап и стала на страже. Улыбаясь, спрашивает она:

— Где обещанное вами добро, мои детки? Не удастся вам так легко пройти теперь. Выйти отсюда во много раз труднее, чем войти.

Бятар сказал:

— Спасибо тебе, что ты считаешь нас своими детками, вот наш подарок, — и он отдал ей гребень.

Что же вы думаете? Схватила ешап гребень и усердно стала чесать свои космы. От радости она пришла в большой восторг и громко захохотала:

— Проходите с миром благополучно! Лучше этого подарка не

сыскать на том и на этом свете. Живите долго, пусть вам сопутствует удача. Такой подарок и вправду могли принести только мои детки. Проходите.

Словно град падали с нее на землю вши, каждая величиною с палец, и издавали треск: тох, тох!

«Упаси нас бог, чтобы оказаться твоими детьми», — подумали Сеска Солса и Бятар, выскочили за ворота и по лестнице, ведущей в солнечный мир, поднялись из царства мертвых, сели на своих коней и поскакали домой.

Хотя и победил Бятар, но Сеска Солса подавил в душе зависть, установил с ним дружбу, а затем и породнился с ним, выдав за него свою красавицу сестру.

Стал Бятар жить с красавицей женой. Родились у них дети; от них пошли другие, а их потомки дожили до наших дней.

Если встретится благородный, умный и мужественный человек, знай, что произошел он от них.

13. НАРТ-ОРСТХОЙЦЫ И ГОРЖАЙ

Давно это было. Сидели нарт-орстхойцы, и среди них находился Сеска Солса. Они рассуждали: «Есть ли такой край, где бы мы не были и не грабили?»

В то время, когда они вели этот разговор, возвращалась с реки одна вдова с водой. Она невольно подслушала разговор нарт-орстхойцев. Ее заметили нарт-орстхойцы.

— Она, вероятно, смеется над нашей самоуверенностью! Ступай, Боткий Ширтка, может быть она знает страну, в которой мы не были и не грабили?

Боткий Ширтка отправился к вдове, чтобы спросить, знает ли она страну, в которой не были нарт-орстхойцы.

— Я вдова-сирота. Если ответ мой не понравится, нарт-орстхойцы могут оскорбить меня. Кто тогда заступится за меня?

— Не бойся, скажи! — сказал Боткий Ширтка.

— За семью горами пасется стадо Горжая, и на это стадо нарт-орстхойцы не нападали!

— Надо отправиться туда, — сказали нарт-орстхойцы в один голос.

Отправились они в путь. Вот перешли они седьмую гору и увидели громадное стадо Горжая.

— Нам стыдно и недостойно поступать тайным образом! — говорит Сеска Солса. — Надо дать знать Горжаю, что нарт-орстхойцы собираются напасть на его стадо, и пусть он приготовится!

Они послали к Горжаю всадника.

— Как они могут напасть на мое стадо, из которого приносят жертву богу? Не жалею я ничего для гостей своих! Это будет с их стороны святотатством! Я тебе не верю; вероятно, между ними что-нибудь произошло, — сказал Горжай посланному и отправил его обратно.

— Как же нам уверить его, что хотим напасть, чтобы он мог поднять тревогу? — сказал Сеска Солса. — Его может уверить только его невестка, жена его младшего сына; она ходит за водой из того же источника, из которого сам Горжай пьет воду. Если она скажет ему, то он поверит. Кто из вас способен завлечь женщину? — спросил Сеска Солса.

— Я могу, — ответил один из нарт-орстхойцев по имени Тахшако.

Тахшако отправился рано утром к источнику, откуда брал воду Горжай. К его приходу пришла туда любимая невестка Горжая. Тахшако утащил ее, порвал на ней платье. Когда они возвращались, то Тахшако говорит ей:

— Скажи своему свекру, что пришли нарт-орстхойцы с Сеска Солсой угнать его белое стадо. Предупреждаю, что если ты промолчишь, то я разнесу слух, что имел с тобой любовные отношения.

Затем он стал ждать ответа от нее.

— Сегодня меня опозорил один из нарт-орстхойцев, вот доказательство — разорванное платье; он просил, чтобы ты приготовился к нападению на твое белое стадо, — сказала она Горжаю.

— Женщина всегда остается бесстыдною! Я смотрю на тебя, как на женщину, потерявшую стыд; как могут напасть на мое стадо, которое я посвятил с благодарностью своему создателю-богу и высоким святым. Каждый раз, когда приношу жертву, я не жалею лучшего барана. Неужели есть у кого-либо корыстное желание против моего стада?

Горжай не поверил тому, что сказала его невестка. Невестка возвратилась к источнику, где ждал ее Тахшако, и сказала ему:

— Я объявила своему свекру о намерении нарт-орстхойцев напасть на стадо, но он не поверил мне.

Тахшако вернулся обратно к своим.

— Ну, что тебе удалось сделать? — спросили нарт-орстхойцы.

— Я ждал прихода любимой невестки Горжая к источнику, а когда она появилась, я схватил ее, порвал на ней платье, все родственники стали просить ее сказать свекру о наших намерениях. Она возвратилась и сказала, что Горжай не поверил ей.

— Какими средствами вызвать тревогу у Горжая? — и на пригласили нарт-орстхойцы.

Они отправились за советом к пастухам.

— Единственное средство — это убить любимую Горжая, сидящую на его башне, — сказали пастухи. Увидев труп расставаться шедшим во ешили ско-

Тогда Сеска Солса обратился к нарт-орстхойцам с таким вопросом:

—Кто из вас лучше всех умеет стрелять?

— Я, — сказал один из нарт-орстхойцев по имени Орузби.

Едва рассвело, Орузби отправился к дому Горжая и убил его любимую птицу.

— Видно, меня не хотят оставить в покое!

Оседлав своего коня, Горжай поднял тревогу против нарт-орстхойцев. Он обратился к небу со следующими словами: «Нарт-орстхойцы пришли угнать мое белое стадо, из которого я всегда приносил в жертву богу и великим святым лучших баранов. Заступитесь за меня, все святые!»

Его мольба была услышана Селой. Потом поднялась буря, гроза, и все жители тех мест погнались за нарт-орстхойцами. Те из нарт-орстхойцев, которые стреляли лучше, шли последними.

— Надо идти потише, пусть догоняет Села, я помну бока этому святому! — сказал Сеска Солса.

Действительно, их догнал Села, и Сеска Солса схватил святого и поломал ему ребра. После этого святой перестал преследовать нарт-орстхойцев, и небо совершенно очистилось от бури. Когда стало светло, нарт-орстхойцы позволили Горжаю догнать их. Сеска Солса схватил Горжая, связал его и посадил на лошадь лицом к хвосту, потом пустил в поле на смех людям.

Нарт-орстхойцы возвратились со стадом Горжая домой.

14. РАССКАЗЫ ХАМЧИ ПАТАРАЗА И ОРЗМИ

Однажды возвращался я усталый с дальней дороги. Я дал слово, что остановлюсь у того, к кому поведет меня конь. Конь мой остановился у двора вдовы.

— Спасибо, что вспомнил меня, сироту, — сказала вдова и угостила меня самым лучшим образом.

После ужина мы легли спать в одной сакле на разных постелях. В полночь я встал и подошел к ее постели, но вдова сказала:

— Оставь меня! Я уже забыла заниматься тем, чего ты хо-
голос. после смерти своего хозяина.

Отпра должен был оставить ее в покое.

увидели горой раз я встал и опять начал приставать к ней. Тог-

— Н встала, взяла из-под подушки плеть и сказала:

говорит превратишься ты в суку, лежащую возле двери!

орстхойцы вратился в собаку. Я прославился в целом крае, и на-
вится! (о какой-нибудь собаке), добавлял:

Они посл а, как сука, превратившаяся из Хамчи Патараза.

— Как паслось несколько отар овец, и волки их страшно
сят жертву Пастухи вынуждены были обратиться к хозяину.

— Если нам, — говорили они, — вдова не даст суку, превратившуюся из Хамчи Патараза, то все стада будут уничтожены!

Вдова отдала меня. В ту ночь, когда я пришел в горы, подступили волки, и я закричал:

— Я сука, сделавшаяся из Хамчи Патараза! Не подходите к стадам!

Волки не послушались. Тогда я бросился на них, задушил шесть и напал на седьмого, старого волка.

— Дай мне сказать три слова, — сказал волк. — Какая тебе польза, если ты убьешь меня — старого волка? Я дам тебе полезный совет.

— Какой совет ты дашь мне?

— Здесь убито шесть волков, и завтра пастухи будут спорить о том, чья собака убила волков. Ты поставь тогда всех волков на ноги, и собаки разбегутся в разные стороны.

Спор кончился тем, что пастухи поставили волков на ноги, как живых. Собаки разбежались, а я бросился на волков.

— Правда, — говорят пастухи, — эта собака убила всех волков.

Они стали давать мне молоко, но я ничего не ел.

— Любимую собаку вдовы надо отправить домой, — сказали пастухи.

Меня вернули вдове. У хозяйки тоже я ничего не мог есть.

— Что я буду делать? Я живу без хозяина, могу жить и без те
бя! — сказала хозяйка, толкнула меня ногой и легла спать.

Тогда я потихоньку взял плеть, ударил ею себя и превра
ся опять в Патараза, сына Хамчи. Потом я ударил вдову и
зал:

— Превратись ты в кобылицу-шалуху.

И она превратилась.

— Вот что со мной случилось, — сказал Патараз, сы
чи.

* * *

Был я раз влюблен в женщину, и она тоже любила
поклялись не расставаться никогда. Она умерла от
ужасно был поражен горем. Только один стыд — у
смерти любовницы — удерживал меня от самоубийс
ственники и знакомые, как мужчины, так и женщи
ее хоронить. Я попросил у одной вдовы одежду
женское платье, отправился вместе с другими же
хороны. Труп ее лежал посреди двора. Всех же
войти в саклю, но меня — нет. Я остался во д
своей любовницы, я решил исполнить клятву
друг с другом; я лег с нею и укрылся ее сава
двор хозяевам показалось, что труп ее распу

рей похоронить ее. Лежа в могиле, я был доволен, что исполнил свою клятву. Вдруг приползла змея в могилу; я стал бить ее кулаком и убил; через некоторое время приползла другая змея. Увидев, что первая лежит мертвая, она уползла обратно, но спустя немного времени, возвратилась в могилу с травой и провела ею по телу убитой мною змеи: змея ожила. Тогда я опять стал бить их, и они выползли из могилы. «Если трава оживила змею, то отчего ей не подействовать на мою возлюбленную?» — подумал я и провел травой по трупу. Возлюбленная ожила и сказала:

— У меня бок болит, должно быть я долго лежала!

Обсуждая то, что с нею случилось, мы вышли из могилы. Теперешняя моя жена — та самая любовница.

Прежний муж требовал ее обратно. Я говорил только одно:

— Ты ведь похоронил свою жену!

Вот что случилось со мной! Не было еще примера, чтобы мертвый ожил!

* * *

Хамчи Патараз родился на несчастье человечества. Пока он не родился на свет, если брали землю в руки и давили ее, из нее текло масло. До того было хорошо жить до него! Он же, родившись, принес с собой несчастье всему человечеству.

Однажды Хамчи Патараз был в гостях у одной женщины, с ним было еще много других гостей. Хозяйка из двух пригоршней муки испекла хлеб, которого хватило на десять человек. Когда гости, удивившись тому, спросили ее, как она это сделала, то она сказала, что это мука с того времени, пока еще не было на свете Патараза. Тогда Патараз с горя хотел убить себя, но хозяйка удержала его, сказав:

— Все равно теперь не изменишь этого, хотя бы ты и умер, — это воля божья.

К этому прибавлю то, что сообщил мне о Хамчи Патаразе другой старик, Ганыж. По его словам, Хамчи Патараз жил в очень давние времена. С его рождением пропал на земле беркат, т. е. благодать. Когда ему сказали, что беркат не восстановится и по смерти его, то он умер с досады.

15. СЫН ОРШМЫ

Сеска Солса был подобен владыке. Его родственником был Оршма, сын Орзми. Он был вездесущ. Едет он как-то и встречает всадника величиной с бий-дол[1] и бородой с копну. Оршма, сын Орзми, не посчитался с ним, считая его за ничтожество. Карлик величиной с бий-дол проведал об этом. Подскакал он к Орш-

ме, выхватил его с крупа коня и приторочил к своему седлу. А затем на коне въехал в отверстие в земле. Развязал он Оршму, через некоторое время привел к нему девушку и сказал:

— Это моя сестра. Бери ее замуж за себя. Не лишай ее зрения, не калечь. Если же она в чем-либо провинится, то приведи ее к этому отверстию и отпусти.

Стал Оршма с ней жить. Дела его улучшились. Он во всем превосходил Сеска Солсу. Люди относились к нему с уважением. Сеска Солса всем этим был сильно обеспокоен. Призвал он женщину-гам и стал с ней советоваться.

— Я знаю, что предпринять, — сказала гам. — Посади на четырех дорогах четырех одноглазых попрошаек. Пусть они подтвердят, что их владыкой является Оршма. Если же станут о нем расспрашивать, то пусть скажут, что он хороший человек, справедлив, добр, но жена ему все-таки изменяет. Если все четверо так скажут, то Оршма покинет эти края.

На четырех больших дорогах усадил Сеска Солса четырех одноглазых попрошаек. Они говорили всем, обращавшимся к ним, как им посоветовала гам.

Однажды пошел осматривать свои владения Оршма, сын Орзми. Ходил он, ходил и наткнулся на одну из попрошаек.

— Кто ваш владыка? Что он за человек? — спросил Оршма.

— Он хороший человек, справедлив, добр, но жена изменяет ему, — ответила попрошайка.

Дал ей Оршма милостыню и отправился дальше. Одноглазые попрошайки не знали Оршму в лицо.

Встретил он вторую, третью, четвертую, и все они говорили ему одно и то же.

Тогда Оршма усомнился в верности жены и отвел ее к отверстию в земле.

— Дай мне свой нож, — обратилась она к мужу. Он дал ей нож. Этим ножом она вспорола себе живот, вытащила мальчика и передала его мужу со словами: «Корми его только курдюком без костей, хлебом без корки, маслом и молоком».

И она исчезла в отверстии.

Оршма, сын Орзми, положил мальчика в полу черкески, но она тут же сгорела. Положил он мальчика в полу бурки — и она сгорела. Тогда он взял его на руки, принес домой, передал своим отцу и матери и рассказал им, как за ним следует ухаживать.

После этого Оршма бросил свои владения и одичал. Он дал клятву: «Только пойманные моими руками зверь или птица будут принадлежать мне».

Владыкой края стал опять Сеска Солса.

А мальчик рос. Орзми и бабушка хорошо за ним смотрели, вовремя кормили.

Сеска Солса задумал лишить жизни и Орзми. Однажды устроил он пир и пригласил гостей. Позвал он и Орзми, в надежде напоить его ядом или расплавленной медью и убить.

Орзми догадывался об этом, но гордость не позволила ему отказаться, и он отправился к Сеска Солсе. Обеспокоенная этим, бабушка довольно поздно накормила своего внука.

— Почему ты не вовремя меня накормила, что случилось? — спросил внук.

— Твоего дедушку пригласил на пир Сеска Солса, хочет его напоить и убить, — сказала бабушка.

— Дай мне одеться, — сказал мальчик.

Оделся он, пришел на пир к Сеска Солсе и стал позади Орзми.

Сеска Солса прислал Орзми полную чашу расплавленной меди, чтобы он выпил ее. Стали подавать чашу. Мальчик первым протянул руку, взял ее и сказал:

— Я хочу выпить эту чашу вместо своего деда.

Он выпил ее и обратился к Сеска Солсе:

— Я выпил эту чашу. В следующее воскресенье приглашаю тебя на пир к нам.

Прибыл к ним Сеска Солса и не смог выпить предложенной чаши. Тогда владычество его в крае кончилось.

Мальчик расспросил у стариков про отца и отправился на его поиски. Ходил он, ходил и увидел длиннобородого человека, бежавшего за оленем. Когда длиннобородый бросался за оленем в гору, то борода его цеплялась ему за ноги, и он не мог настигнуть оленя. Когда же олень бросался с горы вниз, длиннобородый мог догнать оленя.

Мальчик из жалости к нему уложил бежавшего в гору оленя.

— Почему ты убил оленя? Я же дал клятву питаться лишь тем, что добуду своими руками, — сказал длиннобородый.

— Ты мой отец, а я твой сын, — и мальчик обо всем рассказал ему.

Все они встретились — отец, мать, Орзми, бабушка — и стали счастливо жить.

16. ОРШАМАР ЭРШ

В одно время жили три друга: Сеска Солса, Батар Ширтка и Оршамар Эрш.

Оршамар Эрш ухаживал за одной девушкой. Эту девушку он любил и хотел на ней жениться, но родители девушки не отдавали ее за него. В это время девушка внезапно умерла. Оршамар Эрш сказал находившейся в доме рабыне:

— Как только девушку завернут в саван, дай мне знать.

Когда рабыня сказала, что девушка завернута в саван и в комнате никого нет, Оршамар Эрш вошел, развернул саван, лег рядом с девушкой, и рабыня завернула его в саван вместе с девушкой. Люди, думая, что в саван завернута только девушка, положили их в одну могилу[1] и ушли. Оршамар Эрш откинул саван и сел рядом с трупом девушки. Вдруг он увидел змею, которая вползла в могилу. Оршамар Эрш вынул свой алмаза-кинжал[2] и убил ее. Вскоре в могилу вползла другая змея, цвета кремня, но увидев, что первая убита, уползла обратно. Через некоторое время кремневого цвета змея возвратилась с золотым шариком во рту. Соединив куски убитой змеи, она потерла по ним шариком, и убитая змея ожила. Поняв, в чем дело, Оршамар Эрш убил обеих змей, забрал у них золотой шарик и этим шариком прикоснулся к девушке. Провел по губам — стала дышать она, провел по глазам — открыла глаза, провел по рукам и ногам, и она ожила. Они вышли из могилы. Оршамар Эрш женился на ней, и жить они стали хорошо.

17. БЛАГОДАТНАЯ ПТИЧКА

В Мецхальском шахаре в одно время свила гнездо благодатная птичка. Поэтому там никогда урожай не переводился. Земли по обе стороны Армхи[1] были плодородными и на них выпасали скот.

Однажды ничем плохим не брезгующие люди разрушили гнездо и изгнали благодатную птичку. Она улетела из того края. Улетая, благодатная птичка коснулась крылом земли лячхойцев[2] и башни в Балта[3].

Эти места до сих пор благодатны. Заночевала она в Ларсе[4], а гнездо свила в Грузии.

18. БЛАГОДАТНАЯ ПТИЧКА, ЗВЕЗДА ВЕТРОВ И ЗМЕЯ

Благодатная птичка, звезда ветров и змея не могли жить в разлуке. Благодатная птичка приносила обильные урожаи, звезда ветров не давала дуть ветрам, а змея оберегала скот от зверей. Один горец держал их у себя в сакле. Как-то он поместил звезду ветров и благодатную птичку в одну комнату, а змею оставил присматривать за детьми. Ударом ножика мальчик отсек кончик хвоста змеи. Лишившись кончика хвоста, змея в отместку прошла сквозь тело мальчика и уползла.

Горец знал нору, в которой скрывается змея. Благодатная птичка и звезда ветров отправились к этой норе, к змее, так как они не могли жить с нею в разлуке.

У горца было много овец. Он пошел присмотреть за своими овцами и увидел, что борода козла, стерегущего овец, колышется. Тогда он обеспокоился, предчувствуя беду: горец понял, что ушла и звезда ветров. Он вернулся домой. Дома дети рассказали ему о случившемся. Тогда он решил уговорить змею вернуться и отправился к норе, в которой она скрывалась. Вместе со змеей возвратились бы благодатная птичка и звезда ветров. Змея ему сказала:

— Ты будешь помнить о своем сыне, а я — о кончике хвоста, мира между нами не будет, поэтому я не возвращаюсь.

С тех пор и возникла ингушская пословица: отец помнит о своем сыне, а змея — о кончике своего хвоста.

19. ЖЕНА ПХАГАЛ БЯРИ И НАРТ-ОРСТХОЕЦ

В давние времена Пхагал Бяри, Колой Кант и Сеска Солса охраняли от приходящих с равнины врагов Ингушские Коашке[1]. Их укрепления находились в Ассинском ущелье в Ингушских Коашках рядом с башнями Гагиевых.

Башни Гагиевых стоят на правом берегу Ассы. На противоположном берегу Ассы, прямо над башнями Гагиевых высится башня Пхагал Бяри. Крепко сделана эта башня, и внутри ее есть вода.

Ущелье настолько узко, что между башнями Пхагал Бяри и башнями Гагиевых без ведома их жильцов не пройти ни одному человеку.

Как-то узнав, что Пхагал Бяри нет дома, к его башне пришел один нарт-орстхоец.

— Дома ли Пхагал Бяри? — крикнул он.

— Нет. Кто ты? Пусть будет счастливым твой приход, — ответила жена Пхагал Бяри.

— Я гость, спусти лестницу, впусти меня, — попросил нарт-орстхоец.

— Как же я впущу тебя, ведь хозяина моего нет дома. Пойди к башням Гагиевых и погости у них, — сказала жена.

Немного отойдя от башни, вновь закричал нарт-орстхоец:

— Кто не любит гостя, пусть того бог невзлюбит, — говорили наши отцы. — Где бы я ни оказался, всем поведаю, что Пхагал Бяри не уважает гостей.

Испугавшись, что о ее муже пойдет дурная слава, жена впустила нарт-орстхойца в башню.

Заночевавший гость подло обесчестил хозяйку пристанища. Утром, усадив обманутую женщину позади себя на круп коня, нарт-орстхоец направился к своему дому.

Когда они проезжали по ущелью, где расположен Эрш, женщина сказала:

— Пхагал Бяри возвратился домой и теперь бросился в погоню за нами. До меня донесся запах копыт его коня.

Пхагал Бяри догнал их и отрубил голову нарт-орстхойцу, а сам с женой возвратился домой.

Неудивительно, что в день по нескольку раз переправлявшийся через Ассу Пхагал Бяри смог догнать нарт-орстхойца.

20. ЖЕНЫ ПХАГАЛ БЯРИ И СЕСКА СОЛСЫ

Однажды Пхагал Бяри прибыл к Сеска Солсе и крикнул:

— Ва, Сеска Солса!

Вышла жена Сеска Солсы.

— Где Сеска Солса? — спрашивает Пхагал Бяри.

— Его нет дома. Зачем он тебе нужен?

— Я пришел испытать его мужество и отвагу.

Жена Сеска Солсы говорит:

— Он делает то, что не под силу тебе.

— А что он делает?

— Он подкидывает до небес кинжал острием вниз, а когда кинжал падает, ловит его и затем с кинжалом во рту танцует на острие иголки.

Пхагал Бяри сделал то же самое и сказал:

— Если он такой мужественный, пусть приходит состязаться со мной меж двух гор в назначенный день.

Когда он уехал, жена Сеска Солсы положила в арбу барана и поехала к жене Пхагал Бяри:

— Наши мужья собираются драться. Если они вступят в бой, одна из нас останется вдовой. Если мы станем подругами, они не будут биться.

Жена Пхагал Бяри стала подругой жены Солсы; зарезав в честь этого события барана, они съели его, и жена Сеска Солсы отправилась домой.

Когда Пхагал Бяри вернулся домой, жена ему сказала:

— Ты не должен драться с Сеска Солсой, потому что я и жена Сеска Солсы теперь подруги.

Так и не пришлось Пхагал Бяри и Сеска Солсе помериться силами.

21. НАРТ-ОРСТХОЙЦЫ И БОТКИЙ ШИРТКА

Сеска Солса с прочими нарт-орстхойцами решил переселиться с гор на плоскость. Но так как нарт-орстхойцы не могли обойтись без Боткий Ширтки, то пригласили и его переселиться с ними. Боткий Ширтка переселился, и для своей единственной лошади получил позволение нарт-орстхойцев пасти ее только около дороги. Маштачок его через три месяца разжирел до того, что нельзя было нащупать, где у него спинной хребет; лошади же нарт-орстхойцев, несмотря на то, что паслись на приволье, были худы.

Стали нарт-орстхойцы завидовать Боткий Ширтке. Зависть их дошла до того, что они решили, назло Боткий Ширтке, обрезать губы его лошади. Сын Боткий Ширтки, ходивший часто в поле поглядеть за лошадью, узнал, что нарт-орстхойцы обрезали ей губы, и поспешил сообщить об этом отцу.

Боткий Ширтка, недолго думая, отправился в поле, где паслись лошади нарт-орстхойцев, и обрезал им хвосты. К вечеру он вернулся домой и как ни в чем не бывало сел на пхега и стал смотреть на возвращающийся с поля табун.

— Смотри-ка, — сказали нарт-орстхойцы Боткий Ширтке, — вон идет твоя лошадь и смеется чему-то.

— Да, — ответил Боткий Ширтка, — она смеется над идущими впереди нее вашими лошадьми, похожими на девиц с обрезанными косами.

Нарт-орстхойцы смекнули, что Боткий Ширтка сыграл с ними дурную шутку. Рассерженные, бросились они на него, но он в один миг исчез под землей.[1] Он отправился на тот свет.

Нарт-орстхойцы не могли долго обходиться без Боткий Ширтки: они вызвали его с того света, затаив до поры в душе злобу. Однажды нарт-орстхойцы и Боткий Ширтка с сыном отправились на поминки. Сын Боткий Ширтки на поминках стал около котла, в котором варилось мясо, и нарт-орстхойцы бросили мальчика в котел, а людям сказали:

— Сын Боткий Ширтки не хотел подождать, пока сварится мясо, и полез в котел.

Боткий Ширтка видел, как бросили его сына в котел и как он там сварился, но не подал вида, что заметил это, и молча поклялся в душе отомстить нарт-орстхойцам за этот жестокий поступок.

Прошло немного времени. Боткий Ширтка однажды отправился на охоту в горы. Долго он ходил и нечаянно наткнулся на избу гарбаш. Он вошел в избу и увидел рабыню огромного роста и спрашивает, где ее сыновья.

— Они отправились искать добычу, и вот уже более месяца их нет дома, — отвечает рабыня.

— Послушай, гарбаш, — говорит Боткий Ширтка, — я тебе приведу тринадцать человек, можешь ли ты справиться с ними?

— Пусть между ними будет даже сам Сеска Солса, — отвечает гарбаш, — и тогда я с ними справлюсь.

Боткий Ширтка обрадовался, что нашел случай отомстить нарт-орстхойцам за сына. Возвращаясь с охоты, он зашел к Сеска Солсе и говорит ему:

— Я нашел в горах хорошую добычу, не хочешь ли ты завтра с прочими нарт-орстхойцами отправиться со мною на охоту?

— Я никогда не упускал случая приобрести добычу, и завтра с нарт-орстхойцами отправимся в горы.

На другой день Солса в сопровождении двенадцати нарт-орстхойцев и Боткий Ширтки отправился в горы за добычей. Боткий Ширтка привел их в избу гарбаш[2]. Лишь только они показались на пороге, гарбаш вырвала из своей косы волос и связала им Солсу с нарт-орстхойцами.

— Неужели эта ведьма хочет обесславить меня перед целым светом! — вскричал Солса и рванулся так сильно, что волос, который связывал его, врезался ему до самых костей. Между тем гарбаш преспокойно натачивала свой острый нож, а Боткий Ширтка с удовольствием смотрел на связанных своих врагов. К вечеру возвратились с охоты сыновья гарбаш и говорят:

— Ну, матушка, искали, искали мы, хоть бы на один сутки нашли что-нибудь, но ничего не нашли и возвратились с пустыми руками.

— Эх, дети! Странствовали вы столько времени и пришли домой с пустыми руками, а ко мне вот сами пришли незваные гости. Прошу вас наточить свои ножи, нам хватит этой добычи на целый месяц.

С этими словами гарбаш вышла во двор и стала советоваться с сыновьями, как зарезать гостей — поодиночке или сразу всех вместе. Сеска Солса, видя, что дело разыгрывается не на шутку, стал умолять Боткий Ширтку, чтобы он спас их, дав им совет, как это он всегда делал в опасную для нарт-орстхойцев минуту, и чтобы он забыл нанесенную ему обиду. Боткий Ширтка не мог устоять против просьбы Солсы и, как всегда прощавший нарт-орстхойцам наносимые ему оскорбления, простил им и смерть своего сына. Он твердо решил спасти их от неминуемой гибели.

Вот является гарбаш с сыновьями и хочет зарезать всех нарт-орстхойцев. Боткий Ширтка обращается к ней:

— Послушай, гарбаш, я знаю, ты сильна и не выпускаешь от себя гостей живыми; но прежде чем зажарить вот этих гостей, разгадай загадку, которая была причиною моей с ними ссоры. Загадка эта следующая. На одной горе лежал бык, величина его была такова, что он, лежа на горе, щипал траву на плоскости и пил воду из реки, протекавшей у подошвы горы. Быка этого однажды схватил орел и унес. С этой добычей орел сел на рога козла, под бородой которого сидел пастух. Сидя на рогах козла, орел пожирал свою добычу. От съеденной части он уронил кость, именно лопатку, которая попала в глаз пастуху, сидевшему под бородою козла.

— Посмотри-ка мой глаз, — говорит пастух жене, возвратившись со стадом с поля, — чем это я засорил его нынче?

Жена посмотрела в его глаз и вытащила оттуда лопатку быка.

— Да вот эта лопатка находилась в твоем глазу, — сказала она и бросила лопатку на землю.

На этой лопатке устроился аул с девятью тысячами жителей. Аул этот часто подвергался тряске, как бы от землетрясений, и жители думали, что подземный бог прогневался на них, и для умилостивления его приносили ему различные жертвы. Со временем стали они замечать, что аул подвергается тряске только тогда, когда подходит к нему лисица, которая приходила грызть жилу, оставшуюся на лопатке быка. Жители убили эту лисицу и содрали с нее шкуру, но только с одного бока, потому что не могли перевернуть лисицу на другой бок. При разделке шкуры каждому из жителей аула достался такой кусок, что из него каждый мог сделать себе шубу. В то время, когда жители старались перевернуть лисицу на другой бок, в ауле одна женщина разрешилась от бремени сыном. Спустя три дня после родов женщина отправилась с кувшином по воду на речку, возле которой лежала убитая жителями лисица. Подойдя к лисице, она корцом с длинной ручкой перевернула ее на другую сторону, содрала половину шкуры и сделала из нее своему сыну шубу, но шкуры не хватило, и шуба мальчика вышла без рукавов.

— Теперь отгадай, гарбаш, или пусть твои сыновья отгадают, кто больше по величине и силе: бык ли, который был такой громадный, что, лежа на горе, щипал траву на равнине и на лопатке которого устроился аул, состоявший из девяти тысяч жителей; орел ли, который унес этого огромного быка; козел ли, на рога которого уселся орел; пастух ли, которому лопатка быка показалась пылинкой; лисица ли, подвергавшая аул тряске и из половины шкуры которой каждому жителю аула досталось по шубе; женщина ли, перевернувшая корцом лисицу на другой бок; мальчик ли, которому не хватило половины шкуры на шубу?

Гарбаш и ее сыновья стали разгадывать предложенную Боткий Ширткой загадку. Один говорил, что бык больше всех; другой — орел, который унес этого быка; третий настаивал на том, что козел больше всех по величине и силе. Между матерью и сыновьями произошел самый горячий спор, — в конце концов они схватились за ножи и перерезали друг друга. Тогда Боткий Ширтка развязал нарт-орстхойцев и отправился с ними домой. С этого времени Боткий Ширтка и нарт-орстхойцы стали жить между собою дружно.

22. КТО ПЕРВЫМ ПОСЕЛИЛСЯ В НЯСАР-КОРТЕ

Там, где ныне расположено селение Нясар-Корт[1], на одном из холмов с западной стороны первым поселился спустившийся с гор ингуш по имени Нясарг.

Он имел длинные усы. Если их связать узлом на затылке, то

концы их спускались до самого пояса. Вместе с Нясаргом были его сподвижники.

Опасен и жесток был основатель селения Экажево[2] — Ачамаз со своими сподвижниками.

Его дом находился на Ачамзе-кургане[3], а купацкая — на кургане Дочери[4].

Ачамаз чинил над людьми насилие, совершал разбойничьи набеги, угонял людей, многих убивал, принося всем большое несчастье.

Однажды он задумал сделать себе шубу из людских бород. У каждого встречного он сдирал бороду вместе с кожей. Однажды собрал он всех подвластных ему людей и спросил:

— Чего не хватает в моей шубе?

Среди собравшихся были братья, сестры и отцы тех, у кого он вырывал бороды, чинил насилия и убивал. От страха никто из них не посмел сказать, чего не хватает в шубе. Второй раз спросил Ачамаз:

— Чего недостает в моей шубе? Если кто-нибудь отметит хотя бы один недостаток в ней, я не надену ее.

Там была женщина, у брата которой Ачамаз вырвал бороду, а затем убил. Она сказала:

— Мне известно, чего недостает в твоей шубе, но что значат слова одинокой женщины?

— Скажи, мне достаточно и слова одного человека, — сказал Ачамаз.

— Этой шубе недостает воротника из усов Нясарга, — сказала женщина.

— Кто пойдет оторвать усы у Нясарга? — спросил у собравшихся Ачамаз.

Толпа безмолвствовала. Ачамаз повторил вопрос, но никто не ответил. Спросил он в третий раз:

— Кто пойдет за усами Нясарга?

Все боялись ответить.

Тогда Ачамаз взял лук и сам направился во двор Нясарга.

Вход в дом Нясарга в первой комнате в прихожей был завешен циновкой, которую приподнимали при входе, а войдя опускали. Вход во вторую комнату был свободен.

В этой комнате, где не было двери, в углу стояла шашка. Присев на кровати, Нясарг мыл руки, ему из кумгана поливала сестра, в другой руке она держала горящую свечу.

Услышав шум, сестра Нясарга обернулась и увидела, что Ачамаз натягивает лук, чтобы пустить стрелу в Нясарга.

Она растерялась. Сказать брату не решалась, зная, что они уничтожат друг друга. Внезапно ее осенила мысль — она задула свечу. Нясарг сказал: «Зажги свечу». Она зажгла свечу и вновь увидела Ачамаза с натянутым луком. И снова потушила свечу.

Тогда Нясарг сказал сестре:

— Если ты еще раз потушишь свечу, то я изрублю тебя шашкой.

Оказывается, Нясарг знал, что Ачамаз хочет пустить в него стрелу, но из гордости не хотел даже взглянуть в его сторону.

Когда в третий раз сестра зажгла свечу, пустил стрелу Ачамаз. Стрела попала в грудь Нясарга и пронзила его насквозь: железный наконечник вышел через спину, а деревянный конец его торчал спереди.

Пустив стрелу, Ачамаз бросился бежать. Нясарг быстро обломал спереди и сзади концы стрелы, схватил стоявшую в углу комнаты шашку и, догнав Ачамаза, изрубил его прямо во дворе[5].

Оправившись от раны, Нясарг отправился со своими сподвижниками в поход на Грузию. Они привели оттуда много пленников. Среди них был и сын грузинского князя. Сына грузинского князя Нясарг оставил себе, а других пленников отдал своим сподвижникам.

В течение трех лет он хорошо поил и кормил сына князя, не заставляя работать.

— В течение трех лет ты без всякой пользы для себя поил меня и кормил. Отпустил бы ты меня домой. Я бы тебя отблагодарил в будущем, — стал просить сын грузинского князя.

Нясарг удовлетворил просьбу сына князя. Дал ему коня, оружие и отправил домой.

Через некоторое время Нясарг со своими сподвижниками направился в гости к сыну грузинского князя.

Сын князя с почестями принял Нясарга, устроил ему большой пир. В то время он княжил сам.

Три дня он веселил Нясарга, а затем сказал:

— Я с твоими и своими сподвижниками поеду за добычей. До моего приезда ты побудь у меня дома. Вот тебе ключи. Можешь открыть замки всех дверей, но самую крайнюю не открывай. Если ты откроешь ее, то мы поссоримся.

Оставшись один, Нясарг открыл двери почти всех комнат. Наконец, он подошел к двери крайней комнаты и услышал оттуда стоны. Удивился Нясарг, не стерпел и открыл и эту дверь. Войдя в комнату, он увидел женщину, лежавшую на паднаре*, с привязанным на ней мертвецом.

— Лучше бы ты не входил в эту комнату, — стала говорить женщина, — если не хочешь испортить дружбу с сыном князя.

— Что это? Кто ты? Почему сын князя подвергает тебя таким пыткам? — удивился Нясарг.

— Я вышла замуж за сына князя. Как только я стала его женой, его взял в плен человек по имени Нясарг. Три года Нясарг одевал и кормил моего мужа. Мой муж, находясь в плену,

увидел, что жена храброго Нясарга изменяет ему с пастухом. Теперь он думает, что, если жена храброго Нясарга изменяет ему в его присутствии, то и я изменила ему в его отсутствие с пастухом. Он убил пастуха и привязал его ко мне. Чтобы я не умерла с голоду, мне дают кушать. Вот в каком положении я нахожусь, — рассказала женщина, находившаяся в комнате.

Вышел Нясарг из комнаты и закрыл дверь на замок.

Через три дня и три ночи вернулся сын князя и привез добычу для Нясарга.

Он поставил перед Нясаргом хороший стол. Тогда Нясарг сказал:

— Если ты не удовлетворишь мою просьбу, я не начну трапезу.

— Кроме одной, я удовлетворю любую твою просьбу, — ответил сын князя, заподозрив Нясарга в том, что он побывал в запретной комнате.

— Если ты не удовлетворишь мою просьбу, я не начну трапезу, — настаивал Нясарг.

— Начинай трапезу, твоя просьба будет удовлетворена, — дал согласие сын князя.

— Свою жену ты должен любить как раньше и не подвергать ее таким жестоким пыткам, — сказал Нясарг.

Сын князя удовлетворил просьбу Нясарга.

Когда Нясарг собрался домой, сын князя дал ему такое напутствие:

— В обратной дороге ты скажешь своим сподвижникам: «Я не могу ехать дальше, так как сильно занемог. Вы не задерживайтесь и продолжайте свой путь. В дороге может случиться нападение на нас». Они скажут тебе: «Мы не оставим тебя одного». Но ты их обязательно отправь. Тогда они скажут тебе: «Забрать твоего коня и оружие?» Ты им ответь: «Я дал зарок: живым не расставаться с конем и оружием».

Сподвижники отправились домой и рассказали жене Нясарга о случившемся.

А Нясарг к полуночи прибыл домой, шашкой сдернул крючок с двери и заглянул в комнату. Увидя жену, лежащую с пастухом, он потихоньку вышел, закрыл дверь на крючок, а затем громко постучал. Пастух и жена Нясарга быстро вскочили и встретили его так, будто между ними ничего и не было.

Через два-три дня Нясарг созвал людей и сказал:

— Мы трое должны разделиться: жена будет с моим пастухом, а я — один. Наше хозяйство нужно разделить на три части.

— Что это значит? Не с ума ли ты сошел?! — стали возмущаться люди.

Тогда Нясарг сказал:

— Поступайте по моему велению.

После такого раздела на седьмой день от разрыва сердца пастух умер, а на четырнадцатый от разрыва сердца умерла жена.

23. НЯСАР И КОЗАШ

Давным-давно жил в Козашке нарт Козаш. Он был очень гордый и сильный человек. Его бурка была сделана из бород и усов известных мужчин. Отправляясь в гости или на войну, Козаш накидывал на себя эту бурку. От берегов Терека до Сунжи вся долина Гарма принадлежала ему.

На Ачамза-кургане жил нарт Ачмаз, на Гарма-кургане — Германч. Они были тоже сильны, но им было далеко до Козаша. Они не давали людям, живущим в горах, ни спуститься с гор, ни распахивать поля.

Однажды, ведя за собой людей гор, гарцуя на вскормленном коне по просторам долины Гарма, зверей пугая луком и деля между своими людьми земли этого края, Нясар дошел до истоков реки Нясарг. Там, на берегу, он устроил укрепление.

Козаш прослышал, что Нясар отобрал у него край, в том крае поселил людей гор, а у истоков Нясарг возвел укрепление.

Грозный, рассвирепевший Козаш, собрав свое войско, выехал, чтобы убить Нясара, уничтожить людей гор и вновь отобрать долину Гарма. Когда он прибыл к истокам реки Нясарг, к нему вышел Нясар, соорудивший в его благодатном крае укрепление.

— С добрым приходом, дорогие гости! Вы не с горем ли, вы здоровы ли? Сходите с коней. Я приму вас, как смогу. Обильной пищей угощу, хмельными напитками напою, в мягкие постели уложу. Веселье потребуете — будет и веселье, — приветствовал Нясар гостей.

— Я не голоден, чтобы в пище нуждаться, и жажда меня не мучает, и в веселье я не нуждаюсь — не за этим прибыл я к тебе. А пришел я, чтобы убить тебя, отобрать у тебя мой край, разделенный тобой между людьми гор, — ответил Козаш.

— Сходите с коней. Когда мы пищей насытимся, когда мы напитком утолим жажду, отдыхом удовлетворенные, поговорим, если понадобится, о делах края, — любезно произнес Нясар.

— Я так голоден, что голову готов съесть твою, я так мучим жаждой, что кровь твою готов испить! Начинай бой! — взревел Козаш.

— У нас, у людей гор, говорят: «Оставь легкое, делай трудное». С такими гостями как вы, легче воевать, ибо принять их труднее. Поэтому еще раз прошу: сходите с коней и входите в дом, — любезно предложил Нясар.

— Короткий разговор лучше. Боишься боя — сложи оружие и сдавайся в плен, среди моих пленников ты будешь девятым.

Не хочешь быть пленником — начинай бой! — злобно крикнул Козаш.

— Тебе надобна моя голова! Да, это я отобрал у тебя край, если хочешь боя, так начинай, — ответил Нясар.

Тогда Козаш начал бой. Но не было ему удачи. Верным ударом сразил его Нясар. Воины Козаша, увидев, что предводитель их убит, бежали в страхе. Нясар гнал их, нанося удары, все дальше и дальше.

Прослышав о том, что произошло с Козашом, испуганные Ачмаз и Германч подумали:

— Что не смог сделать могущественный Козаш, нам и подавно не под силу, — и они ушли с долины Гарма.

Нясар со своими людьми остался жить в долине Гарма.

24. ВНУК КОЗАША И ГЕРМАНЧ

Вблизи ингушских селений Долаково и Кантышево находятся два кургана. Их называют курганами Козаша и Германча. Люди говорят, что на кургане Козаша жил Козаш, а на кургане Германча — Германч. Они враждовали между собой.

Однажды Германч со своей дружиной коварно напал на Козаша. Он перебил всех: и Козаша, и всех мужчин его дома, детей и стариков, и даже беременных женщин. Германч хотел полностью уничтожить Козаша. Он поджег все его хозяйство. Решив, что с Козашем покончено, Германч вернулся к себе.

Но род Козаша не пресекся. Одна из его снох, находившаяся в это время в горах у своих родственников, была в положении и там родила мальчика. Когда он вырос, мать рассказала ему обо всем случившемся. Тогда внук Козаша отправился к черкесам. Он пришел к одному князю; тот предложил ему быть пастухом его бесчисленных стад или принимать в доме гостей. Внук Козаша согласился на второе. Он постоянно присматривался к обычаям и нравам черкесов и отлично исполнял свои обязанности.

Во дворе князя росло огромное дерево. В свободное время внук Козаша обычно садился под этим деревом, и, думая о своей горькой доле, оставлял на дереве зарубки. Прошло несколько лет, а он все продолжал это делать. Наконец дерево рухнуло. Тогда князь сказал:

— Давно я заметил, что тебя что-то гнетет. Расскажи мне о своем горе.

Молодой человек тогда поведал ему обо всем: как Германч убил его деда, отца, двоюродных братьев, о том, как остался в живых; рассказал и о долге крови, который необходимо исполнить.

— Я полюбил тебя, как родного сына, — сказал князь. Он положил дерево поперек дороги и добавил: — Я дам тебе

большое войско. Я дам тебе столько коней, сколько нужно для того, чтобы разнести в прах это дерево.

Когда всех княжеских коней погнали по дороге через дерево, оно только наполовину истерлось. Тогда князь попросил коней у своих соседей, родственников и друзей. Только тогда дерево было разнесено в прах. На всех коней князь посадил воинов в полном вооружении и отдал войско молодому человеку.

У курганов Козаша и Германча находится «Холм, с которого угнаны лани». У этого холма остановил внук Козаша свое войско, а сам отправился к месту, где раньше жил Козаш. Там он нашел несколько землянок, в которых проживали несколько женщин. Они поведали ему о том, кто они и что с ними произошло.

Молодой человек же сказал, кто он.

— Когда наступит полночь, взгляните в сторону кургана Германча, и вы увидите кое-что, — сказал внук Козаша.

В полночь он разгромил войско Германча; ни одного мужчины не оставил в живых, все хозяйство Германча предал огню, а самого Германча полонил, связал и передал женщинам, проживавшим на кургане Ачамза. Женщины предали его смерти.

Внук Козаша возвратил князю войско; пригласил князя и его людей на свою землю и устроил большой пир.

В мире и дружбе жили внук Козаша и черкесы.

25. ЛОРСА И СОЛСА

Лорса[1] и Солса, родные братья по отцу, были орстхойцами. Однажды, когда Лорса усталый пришел с охоты, мать Лорсы сказала его жене:

— Иди к Лорсе. Он, наверное, устал. И ложись спать в его комнате, возможно, ему что-нибудь понадобится.

Когда жена вошла, Лорса сказал ей:

— Иди к моей матери и ложись у нее — ведь она одна.

Жена пошла к свекрови, но мать Лорсы уже спала. Она, чтобы не будить ее, вернулась к Лорсе, но и он уже спал. Чтобы не будить их, жена легла на веранде. Тут на нее наткнулись похитители людей[2] и увели ее. Когда ее уводили, жена Лорсы не стала звать на помощь, чтобы не разбудить спящих. Утром Лорса проснулся и увидел, что жены нет. Он понял, что ее увели похитители людей.

Оседлав своего коня, Лорса поехал искать жену. Уставший, голодный ехал он, когда увидел вдали один курган.

«Отдохну-ка я на этом холме», — подумал Лорса и поехал к кургану, больше не останавливаясь.

Взойдя на курган, он пустил коня пастись, а сам, подложив под голову седло, прилег отдохнуть. В то время, когда Лорса спал, мимо холма проезжал один князь с шестьюдесятью тремя

всадниками. Князь увидел лежащего на холме Лорсу и послал к нему своих всадников, сказав:

— Посмотрите, кто он. Передайте этому человеку, чтобы он уходил прочь. Если он не согласится, дайте ему знать, что нас шестьдесят три всадника и один князь, а он только один.

Посланные князем всадники передали все, что им было велено. Лорса же дал такой ответ княжеским всадникам:

— Если вы гостьми приедете — я приму вас как гостей, если придете с враждой — буду с вами биться[3].

Услышав от всадников ответ Лорсы, князь гостем пришел к Лорсе. Лорса зарезал своего единственного коня, поставил котел, сварил мясо и, накормив им гостей, уложил всех спать. Сам, сев на княжеского коня, прихватил шестьдесят три коня всадников, погнал их к отрогам гор, чтобы там пасти. Утром, приведя себе коня, он пристегнул к княжескому коню еще одного жеребца, а к шестидесяти трем коням пристегнул еще шестьдесят три коня. Со всем этим Лорса вернулся к гостям. Поставив вариться оставшуюся половину конины и накормив ею гостей, Лорса оседлал всех их коней и пошел провожать. Когда они расставались, Лорса спросил:

— С какими намерениями, для чего приезжали вы?

— Есть такой человек Лорса, из орстхойцев. Мы выехали узнать, что он за человек и каково его мужество. Мы желаем с ним встретиться.

Тогда Лорса сказал:

— В таком случае вы уже узнали Лорсу и познали его мужество.

Тогда князь спросил:

— У тебя дети есть?

— У меня два мальчика.

— В таком случае, если у меня родится сын, наши сыновья будут названными братьями. Если родится дочь, то наши дети будут мужем и женой, — сказал князь и передал Лорсе свою печать.

Когда, простившись с гостями, Лорса вернулся домой, он узнал, что его старшего сына увели похитители людей. Оттого, что не нашел он жену и сына, Лорса так сильно опечалился, что умер от разрыва сердца. Перед смертью он отдал младшему сыну печать, данную ему князем, передав ему при этом и свой уговор с князем.

После смерти Лорсы его брат по отцу — Солса, пригнав шестьдесят три готы* и шестьдесят три пахаря, начал распахивать земельную долю Лорсы. Сын Лорсы прослышал об этом на пхегате*. Мальчик пошел домой и рассказал об этом своей бабушке по отцу. Затем он отправился туда, где шла пахота, решив не допускать Солсу распахивать землю своего отца.

Когда сын Лорсы пришел, то увидел, как Солса обрабатывал землю. Между ними произошел спор. Они говорили: «Буду пахать!» — «Не будешь пахать!» Потом из-за этой земли началась ссора.

— Будем драться верхами, — договорились они и начали бой.

Когда сын Лорсы выбил из рук Солсы меч, они сошли с коней и стали драться врукопашную. Люди, видевшие это, сказали:

— Только матери могут разнять их.

Когда мать Лорсы и мать Солсы их разняли, то сказали внуку и сыну:

— Почему вы деретесь между собой? Даже когда кто-то из вас воюет с недругом, другой обязан приходить ему на помощь.

Однажды сын Лорсы сказал своей бабушке по отцу, что он идет на поиски матери и брата (которых похитили). По дороге он увидел мальчика, пасшего телят [4].

Мальчик-пастух шел то в одну сторону, где лежал женский головной платок из домотканой шерсти, то в другую, где была поставлена палка. Когда он шел в сторону, где лежал платок, то смеялся, когда шел в сторону, где стояла палка, плакал. Поздоровавшись с ним, сын Лорсы сказал, что он удивлен тем, что он ходит туда и сюда и то плачет, то смеется.

— Истолкуй мне причину этого, — сказал он.

— Идя в сторону, где стоит палка, я плачу, вспоминая свое одиночество. Идя в сторону, где лежит платок, я смеюсь, надеясь, что сегодня вечером мне достанется хотя бы кость или что другое погрызть зубами.

— Ты — мой старший брат, — сказал сын Лорсы. — Ты должен мне посоветовать, как спасти тебя и нашу мать.

Тогда старший сын сказал:

— Эти телята князя. Они все будут забиты сегодня ночью по случаю его женитьбы на нашей матери. В мою одежду переоденешься ты, а твою одежду надену я. Сев на твоего коня, я поеду мимо ворот князя. Увидев меня, князь скажет:

«Не дайте гостю проехать мимо, зазовите его!» Когда вечером ты придешь с телятами, он скажет, чтобы на твоем теле накололи дров. С тех пор как меня привели к нему в рабы, на моем теле всегда колют дрова. Тогда я скажу князю: «Ведь это ночь, когда ты делаешь сага [5], не коли на его теле дрова». Князь скажет: «Гость говорит: не колите. Не колите на его теле дрова!» После этого они захотят запереть тебя туда, где содержат меня. Я скажу князю: «Ведь это ночь, когда ты даешь сага, не запирайте его в эту ночь». Князь скажет: «Гость просит не запирать его в сегодняшний вечер. Оставьте его на свободе». Потом они захотят вытащить из дому лук, но никто этого не осилит. Тогда ты предложи им вытащить лук наружу. В первый раз тебе не ответят. Ты попроси об этом еще раз, а я тоже скажу им, чтобы

разрешили. Когда ты вытащишь лук наружу, спроси: «Ударить ли мне стрелой в небо — и разнести его, ударить ли в землю — и разбить ее, или пустить стрелу в оленя, находящегося за семью горами, — и свалить его? Князь скажет тебе: «Ведь небо и земля нужны нам. За семью горами находящегося оленя ударь и свали его». Тогда сам поймешь, в кого надо пустить стрелу.

Младший сын Лорсы сделал все так, как сказал старший брат. Когда князь сказал: «Свали оленя за семью горами», — младший сын Лорсы, выстрелив из лука, убил князя. Так, забрав с собой княжеское добро, пришли домой два сына и жена Лорсы. Когда они вернулись домой, мать Лорсы сказала:

— Три раза приходил к нам вестовой и говорил: «Невесту забирайте».

Тогда сын Лорсы сел на коня и поехал, проговорив:

— Я остановлюсь в том дворе, где ты остановишься, мой конь, и проведу там ночь.

Лошадь остановилась во дворе одной бедной вдовы. Увидев едущего сына Лорсы, вдова подумала:

— Ко мне гость едет, и хорошо, что едет, да плохо, что угостить его нечем.

Войдя в дом, сын Лорсы увидел, что она бедна, и дал ей золотых денег, сказав, чтобы она купила чего-нибудь поесть. Беря деньги, вдова сказала:

— Завтра дочь недалеко живущего отсюда князя выходит замуж. Она была посватана за другого. Три раза человека посылали к ее сватам с тем, чтобы они забрали невесту. Но они так и не забрали, а теперь она выходит за другого.

— Сначала ты побыстрее принеси что-нибудь нам покушать, — сказал сын Лорсы.

Когда она вернулась, сын Лорсы сказал:

— Я бы тебе и золотой рубль дал, и услугу бы ты мне оказала, если бы отдала эту печать дочери князя, которая завтра выходит замуж.

Взяв печать, вдова пошла к княжескому двору и, несмотря на то, что ее не пропускали, прорвалась туда, где стояла наряженная к свадьбе девушка. Взяв печать, девушка сказала:

— Скажи ему, чтобы он пришел завтра и, объяснив, что он зять этого дома, принялся помогать как родственник.

Утром сын Лорсы так и сделал. Он прислуживал во дворе князя, подоткнув полы черкески за пояс. Все, что нужно было сделать, сделал сын Лорсы во дворе. Тогда всадники передали князю:

— Во дворе есть некий гость, уверяет, что он зять дома. Он делает все, что нужно делать родственнику.

— У меня только одна дочь. Я не знаю, кто он. Надо у девушки спросить, кто он.

Когда князь спросил об этом у дочери, она ответила:

— Я не знаю, кто он. Вчера я получила твою печать.

Тогда князь послал человека навстречу свадебному поезду, сказав:

— Девушка не ваша и не моя, хозяин девушки уже появился. Не приезжайте за ней.

Так приехал сын Лорсы, привезя с собой дочь князя и половину его добра.

26. НЕЖНО ЛЮБИМАЯ АЛЬБИКА

Под предводительством нарт-орстхойца Сеска Солсы находилось, не говоря о лишних, шестьдесят всадников на серых конях. Конь его был высотой в три локтя, имел копыта жеребенка; он мог легко подняться в гору и на второй день к полудню доскакать до Грузии.

У Сеска Солсы был достойный друг по имени Охкар Кант, проживавший в местечке Охкаре[1]. У Охкар Канта была красивая невеста — нежно любимая Альбика. Сеска Солса задумал отбить у Охкар Канта его невесту. На своем сером коне с шестьюдесятью всадниками отправился он в Охкаре. Охкар Кант не знал о том, что у него хотят отбить невесту.

Невеста Охкар Канта сказала Сеска Солсе:

— Сеска Солса, ты владеешь краем ингушей, а Охкар Кант — краем грузин[2]. Предупреждаю тебя: если ты вздумаешь насильно увезти меня, то не сможешь тогда бывать в Грузии, а Охкар Кант — в Ингушетии. Из-за одного желания обладать мною не стоит этого делать. Да, я красивая женщина и с виду справная, лицом приятная. Я сама уйду от Охкар Канта и выйду замуж за тебя.

Успокоив, она отправила его домой, но мужу ничего не сказала о случившемся.

Семь месяцев провел Сеска Солса в беспокойном ожидании, наконец понял Сеска Солса, что Альбики ему не видать, и он решил устроить себе мнимые похороны. Притворившись умирающим, он сказал:

— Не хороните меня, пока не пройдет трех дней и трех ночей. Пошлите к жене Охкар Канта всадника с вестью о моей кончине.

Альбика уважала Сеска Солсу. На третий день его «кончины» она прибыла на похороны для выражения соболезнования. Альбика взяла с собой шило. Когда вокруг «усопшего» столпилось много женщин, она присела рядом с Сеска Солсой и ткнула его шилом, чтобы проверить, жив ли он. Альбика боялась, как бы Сеска Солса не бросился на нее при женщинах. Сеска Солса не бросился на нее; он даже не шевельнулся. Поверив в его кончину, Альбика стала причитать.

— Жаль видеть тебя, Сеска Солса, в царстве мертвых[3]. Ты владел краем ингушей, — восхваляла она его.

Когда все вышли и Альбика осталась одна у его изголовья, Сеска Солса вскочил, чтобы броситься на нее. Альбика же попросила сначала выслушать ее.

— Подожди, я кое-что скажу тебе. Ты, Сеска Солса, владыка целого края, но сегодня ты хочешь уронить свое имя и честь. И, если ты это совершишь, даже дети будут говорить: «Пусть твоя честь упадет, как у Сеска Солсы, который надругался над своей гостьей». Я не хочу, чтобы ты потерял честь и уважение из-за моего тела. Если же ты послушаешься меня, то станешь еще достойнее и известнее, чем был до сих пор. Сейчас я позову людей и скажу им, что Сеска Солса не умер и дышит. А ты сделай вид, что пробудился и начни рассказывать людям что-нибудь такое, чтобы они поверили, что ты побывал в царстве мертвых. Я тоже разнесу весть о том, что ты вернулся с того света в солнечный мир.

(С тех пор и пошла о нем слава, что он обладает свойством отправляться в преисподнюю и возвращаться в солнечный мир).

— Но ты все равно не успокоишься, пока не познаешь вкус моего тела. Охкар Кант на этой неделе едет в Грузию. Ты приезжай в Охкаре со своими шестьюдесятью всадниками, тогда ты и сможешь познать вкус моего тела, — с этими словами Альбика отправилась домой.

В назначенное время Сеска Солса отправился к жене Охкар Канта.

Охкар Канта не было дома, и Сеска Солсу встретила Альбика.

— Возьми с собой для застольной трапезы четырех друзей и войди в башню, а остальные всадники пусть располагаются вокруг башни, — сказала она.

Для шестидесяти всадников Альбика зарезала быка, а Сеска Солсе приготовила девять кушаний. Каждое кушанье имело особый цвет, а вкус был один и тот же. После этого она приготовила ему кашу на молоке, выдавленном из своих грудей, а его четырем всадникам — девять блюд одинакового вкуса, но различных цветов.

Преподнеся угощение, Альбика сказала Сеска Солсе:

— Эту кашу я приготовила тебе. Из уважения ко мне, Сеска Солса, ты должен съесть ее сам, один. Вкуснее ты ничего не пробовал.

Сеска Солса съел кашу.

— Сеска Солса, — говорит Альбика, — я, без ущерба для края, сделала тебя братом Охкар Канта, и тебе, Сеска Солса, не придется избегать края грузин. Я преподнесла твоим сподвижникам быка, а тебе и твоим четырем всадникам приготовила де-

вять блюд, различных по цвету, но одинаковых по вкусу, в знак того, что каждая женщина внешне отличается одна от другой, но на вкус они все одинаковые. Это тебе в назидание. Приготовленная каша (я смотрела, съешь ли ты ее) была сварена на молоке из моих грудей. Сеска Солса, ты посл моего молока и стал мне сыном. А сыну не дозволено делать то, что ты задумал.

Тогда Сеска Солса признал и оценил мудрость Альбики.

27. ЖЕНА БАРАХОЙ КАНТА

В Доархе[1], где и поныне стоит храм Ткобя-Ерда[2], когда-то находился шахар в девять тысяч домов. Выйти из этого шахара можно было только через двое ворот, расположенных на противоположных концах. В шахаре жил Барахой Кант.

Грузинский царь, проживавший недалеко от шахара Барахой Канта, больше своей души полюбил его жену. Однажды он прибыл в гости к Барахой Канту. Хозяин дома зарезал для него жирного барана. Тогда гость сказал:

— Если ты не удовлетворишь моей просьбы, я не притронусь к еде.

— Говори. Просьбу, высказанную за столом, нельзя не удовлетворить, — ответил Барахой Кант.

— Ты должен уступить мне свою жену, — попросил грузинский царь.

Молча встал Барахой Кант, вошел в комнату жены и так тяжело опустился на скамью, что сломал ее.

Жена его, ум которой был под стать ее красоте, спросила:

— Что случилось? Чем ты расстроен так сильно?

Он обо всем рассказал ей. Тогда жена сказала:

— Не расстраивайся. Выполни просьбу царя. Я же клянусь тебе, что вернусь такой же незапятнанной, как и ухожу. А ты же скажи грузинскому царю следующие слова:

«Люди расплодились, скот размножился, в краю стало тесно, поэтому ты или я должны покинуть этот край. Я внял твоей просьбе, но и ты уважь мою. Возьми полюбившуюся тебе мою жену, своих людей и скот и покинь этот край».

Зная свою жену, Барахой Кант поверил ей, вернулся к царю и сказал:

— Будь спокоен и принимайся за еду. Пусть будет по-твоему — вечером возьмешь мою жену и отправишься к себе. Но и ты должен выполнить мою просьбу. Нам стало тесно в этом краю. Людям негде жить, и нет места для пастбищ; ты или я — один из нас — должен уйти. Мне незачем уходить из своей страны, будет справедливее, если уйдешь ты, пришелец.

В этот же вечер царь, взяв с собой жену Барахой Канта, вернулся к себе и объявил людям, что все они должны уйти из этих

мест. Жена Барахой Канта, видя, что царь хочет побыть с нею и повеселиться, сказала ему:

— Всех людей постигли горе и беда: неприлично, если мы станем веселиться. Люди невзлюбят нас. Будет лучше, если ты не будешь прикасаться ко мне, пока мы не прибудем к месту назначения.

Царь согласился. Подвластные царю люди с навьюченными мулами, лошадьми, ослами и скотом тронулись вниз по ущелью Ассы. Когда они стали подходить к Эршу, к царю подъехал человек.

— Нас подвели, — сказал он. — Дорога перекрыта Барахой Кантом, мы замкнуты среди гор, и нам нет пути ни вперед, ни назад.

— Пойдите и посмотрите, — сказала жена Барахой Канта, — как он держит саблю: в ножнах или оголенной.

Ей сообщили, что шашку он держит в руке оголенной[3]. Тогда жена Барахой Канта сказала:

— Если так, то путь для нас неопасен. Пусть люди спокойно спускаются с гор.

Благополучно спустившись в долину, люди царя дошли до моря. Прибыв в Грузию, царь снова стал домогаться любви жены Барахой Канта. Тогда она сказала ему:

— До сих пор ты исполнял мои советы и не ошибался. Позволь мне стать царицей на то время, пока подброшенная шапка не упадет на землю. После этого я сделаю все, что ты скажешь.

Царь, собрав весь народ и войско, во всеуслышание объявил:

— Разрешаю царствовать своей жене на время пока шапка, подброшенная кверху, не упадет на землю. Кто в это время не исполнит любое ее приказание, будет убит!

Как только подбросили шапку, жена Барахой Канта скомандовала:

— Убейте этого царя!

Люди тут же исполнили ее приказ, и жена Барахой Канта стала царицей. Так она сдержала слово, данное мужу, и решила вернуться домой.

Во главе всего войска и людей двинулась она через земли Грузии к себе домой. Подвластные ей люди, приближаясь к Ингушетии, стали думать:

«Эта женщина, обманув царя, лишила нас покоя: мы испытываем столько трудностей, что не пожелаешь и зверю. Теперь она хочет привести нас в Ингушетию и отдать под власть Барахой Канта. Нужно сделать так, чтобы она не могла предстать перед своим мужем. Если бы нашелся мужчина, кто мог бы с ней переночевать, то ее слово было бы нарушено, и она не смогла бы предстать незапятнанной перед своим мужем».

Но среди множества людей и войска не нашлось ни одного человека, кто отважился бы провести ночь с женой Барахой Кан-

та. Наконец вызвался один, самый жалкий и убогий пякирг*, он сказал:

— Я проведу с нею ночь.

Когда жена Барахой Канта уснула, это ничтожество проникло к ней в постель и сблизилось со спящей женщиной.

Проснувшись утром, она спросила, кто это был. Ей ответили, что вот, мол, пякирг. Видя его ничтожество, она ничего с ним не сделала и отпустила. Жена Барахой Канта, забеременев, поняла, что не сможет возвратиться к мужу, и остановилась, не дойдя до Ингушетии. Она родила сына и велела бросить младенца в лесу. Через неделю к ней явился один охотник с ребенком и говорит, что нашел его на охоте, когда он кормился у волчицы.

Тогда мать взяла своего сына и, не смея вернуться к мужу, стала жить в той стране.

28. БАРАХОЙ КАНТ

В стране ингушей Барахой Кант был известным человеком. Барахой Кант жил в Барах[1].

Эркал-царь пошел в Ингушетию к Ткобя-Ерда. У Барахой Канта и Эркал-царя[2] были большие войска.

— Ты грузин, живешь в Ингушетии, а я ингуш, живу в своем краю. Оба мы не можем жить здесь, — сказал Эркал-царю Барахой Кант.

— Если хочешь, померимся силами, и побежденный уйдет. Если согласен, мы можем расстаться и мирно.

У Эркал-царя не было сил, чтобы одолеть Барахой Канта.

— Барахой Кант, — сказал он, — ты засватал дочь известного в Ингушетии человека; такой девушки еще не бывало. Если ты отдашь ее мне — я уйду.

Он сказал это, зная, что тот ни за что не отдаст ему свою невесту.

— Ты просишь у меня невозможное, — сказал Барахой Кант. — Не проси ее у меня. Вместо этой девушки я дам тебе много золота.

Царь Эркал тогда ответил:

— Золото мне твое не нужно. Я знаю, что это нелегкое дело, отдать засватанную девушку другому. Поэтому я прошу ее. Знай, Барахой Кант, мне еще трудней разрушить двадцать сотен ерда и уйти из этого края. Я возил камни из Грузии и построил в твоем краю двадцать сотен ерда, чтобы ты остался доволен.

— Ты прав, Эркал-царь, — сказал Барахой Кант. — Дай мне сроку один день, чтобы посоветоваться с братом, которого сейчас нет дома.

— Барахой Кант, — сказал ему брат, когда он с ним посоветовался, — ты подобен владыке Ингушского края. Ингушей мало, грузин много. Если ты отдашь грузинскому царю девушку и от этого Ингушский край станет свободным, то стоит пойти на это.

Тогда Барахой Кант посоветовался с засватанной ему девушкой:

— Почитаемая в крае девушка, я расскажу тебе о горе, постигшем меня. Для меня оно велико, не знаю, как покажется тебе. Тебя просит в жены Эркал-царь. Если я отдам тебя, то он покинет наш край без войны. Если же ты не согласна, я и все, стоящие за мной, готовы биться с ним до смерти. Решай сама: все будет так, как ты скажешь.

Девушка сказала:

— Барахой Кант, ты меня засватал, и я твоя невеста. Ты и он не одно и то же. Если я уйду к нему, не пройдет и ночи, как я вновь вернусь к тебе. Мне не быть его женой. А ты выполни свой долг. Не оставляй Ингушетию неосвобожденной из-за меня.

Пришел Барахой Кант к Эркал-царю и сказал ему:

— Эркал-царь, ты и я пользуемся грузинским письмом. Я согласен на твои условия, но наш уговор мы закрепим письменно.

Составив бумаги, они подписали их в знак взаимного согласия; после этой процедуры Эркал-царь попросил у Барахой Канта три дня и три ночи, чтобы собраться в дорогу.

В эти дни Эркал-царь закопал в землю деньги и медь, которые он не мог унести с собой. Он закопал 107 мер золота, серебра и еще много меди. После этого он отправил к Барахой Канту человека с сообщением, что уходит.

— Пусть Эркал-царь пришлет за девушкой кого-нибудь из хакимов и одну женщину, и я выдам ему свою невесту, — ответил Барахой Кант.

Эркал-царь послал людей. Барахой Кант отдал свою невесту, после чего грузины отправились в путь. А было это зимой, и ближняя дорога в Грузию, пролегавшая по стране хевсур, оказалась слишком узкой, и Эркал-царь пошел по ущелью реки Ассы в направлении к Ангушту.

Тогда невеста Барахой Канта сказала одному из хакимов:

— Грузинский молодец, хоть этот Эркал-царь и является царем, но мне, как женщине, он кажется противным и уродливым человеком. Если бы ты дал согласие жениться на мне, я бы сама без твоей помощи убрала царя с нашей дороги и вышла бы за тебя замуж. Ты мне кажешься достойным человеком.

Эти слова подкупили молодого хакима.

— Что я должен для этого сделать? — спросил грузинский хаким. — Научи меня, как поступить.

Сказала тогда невеста Барахой Канта:

— Завтра утром, когда пройдет сегодняшняя ночь, я скажу

Эркал-царю: «Эркал-царь, я твоя невеста. Дай мне царствовать вместо себя на время, пока подброшенная тобою вверх шапка не упадет на землю». Он скажет: «Даю».

Он усадит меня, а сам станет рядом.

Я скажу: «Подбрось шапку». Он подбросит шапку и глянет вверх. «Бей царя шашкой!» — скажу я тебе. А ты хорошо наточи свою шашку и, как только я отдам приказ, снеси ему голову. Когда царь будет убит, к тебе обратятся люди. Они спросят: «Почему, мол, ты убил царя?» Вместо тебя отвечать буду я. Я скажу им: «Царя убил не он, а я. Чтобы жениться на мне, он готов был разрушить двадцать сотен ерда; вот почему он заслужил эту кару». Мнения людей разделятся. Одни будут говорить: «Почему убили царя», другие: «Почему он грозился разрушить жилище?» А ты этим временем подумай, как нам лучше уехать. И мы отправимся к тебе в Грузию.

Грузинский хаким согласился с этим.

Когда рассвело, невеста Барахой Канта, собрав людей, сказала Эркал-царю:

— Эркал-царь, тебе не к лицу везти меня, как пленницу; когда мы прибудем в твою страну, грузинские князья станут упрекать тебя, говоря: «Почему ты привез ее, как пленницу!» Позволь мне сесть на твой трон. Подбрось свою шапку вверх и на то время, пока она упадет, дай мне право на царствование. Тогда ты можешь сказать, когда мы приедем в Грузию: «Я ее привез не как пленницу, а как царицу, ибо она сидела на троне».

Царь согласился и усадил ее на свой трон. Подбросил Эркал-царь свою шапку и взглянул вверх.

— Руби шашкой! — скомандовала невеста своему единомышленнику-хакиму.

Тот ударом шашки снес голову царю.

Тогда начался спор между воинами.

— Погодите, не начинайте битвы, я поведаю вам всю правду, — сказала невеста Барахой Канта.—Царь, который поднял вас с насиженных мест из Ткобя-Ерда, где вы жили много лет, из-за пленницы, чтобы жениться на ней, разве может властвовать над всеми? Вам не следует из-за этого затевать битвы!

Но битва разгорелась. Наступила ночь. Погибло много людей.

— Нам же до этой битвы нет дела, давай отправимся в путь, — сказала невеста Барахой Канта грузинскому хакиму.

— Я не знаю дороги, — ответил хаким.

— Дорогу знаю я, — сказала невеста Барахой Канта.

Они быстро навьючили двух мулов, сели на них и отправились в путь по ущелью Гир[3]. Повстречался им Сеска Солса со своим войском. Невеста Барахой Канта сказала:

— Пусть утро будет добрым для тебя, Сеска Солса.

— Да будешь ты жить с миром. С добрым приходом, невеста Барахой Канта. Что это за человек с тобой?

— Это хевсур, живший в Ткобя-Ерда. После битвы, происшедшей у Ангушта, он возвращается вместе со мной к Барахой Канту. Доставь меня, Сеска Солса, до Барахой Канта.

— Хорошо, — сказал он и, окружив их войском, тронулся в путь.

Наконец добрались они до Барахой Канта. Барахой Кант в это время нес охрану в местечке Коашке[4]. Грузины и Барахой Кант отделились друг от друга.

— Возвратись, Барахой Кант, твоя невеста прибыла домой, — сказал ему Сеска Солса.

Барахой Кант прибыл домой.

— Что за войско стоит в нашем ауле? — спросил он.

— Это Сеска Солса, прибывший с твоей невестой, — ответили молодые люди.

Тогда Барахой Кант велел молодцам согнать шестьдесят красных быков с метками на лбу и устроил пир на всю страну.

Предстала перед Барахой Кантом его невеста и сказала:

— Я бы не провела на чужбине и трех дней, если бы не стремилась привести пленников. Хотела захватить трех пленников, но удалось взять только одного.

Так невеста Барахой Канта, не запятнав своей чести, вернулась к своему жениху.

29. КИНДА ШОА И СЕСКА СОЛСА

Кинда Шоа происходил из Шамы[1]. Он со своей матерью поселился жить в местечке Кинда Эмарш.

Как раз в это самое время Сеска Солса, оставив свою семью в Чми[2], отправился за добычей на запад. Кинда Шоа был влюблен в его дочь. Он, хотя и боялся Сеска Солсу, похитил ее. После этого Кинда Шоа послал человека к Сеска Солсе, чтобы он передал ему следующие слова:

— Если Сеска Солса хочет битвы, то пусть приедет в пятницу на этой неделе; если же Сеска Солса хочет перемирия, то пусть прибудет в следующую пятницу.

Могущественный Сеска Солса, как только ему стало известно о случившемся, в первую же пятницу с войском отправился через Ангушт к Кинда Шоа. Когда он с шестьюдесятью воинами стал переходить Ассу, полил дождь, вода в реке поднялась, дороги и мосты были разрушены.

— Делать нечего, — решил тогда Сеска Солса.

Он прибыл в Кинда Шоа в пятницу следующей недели для перемирия.

Они установили мир. Дочь Сеска Солсы родила от Кинда Шоа трех сыновей. Один из них поселился в Эгикале, второй — в Хамхи, третий — в Таргиме. Люди из Кякале[3] тоже происходят от них.

30. КАК КИНДА ШОА ПОХИТИЛ ДЕВУШКУ

Возле Хамхи жил Кинда Шоа. Он прослышал, что у Сеска Солсы очень красивая дочь. Кинда Шоа решил ее похитить, хотя и знал, что Сеска Солса обладает непомерной силой.

Из Ассинского ущелья по Цоринскому ущелью спустился он в Ахки-Юрт. Своих воинов Шоа оставил в потаенном месте, а сам направился к дому Солсы. Во дворе его дома он встретил зирка. На вопрос Шоа, где Сеска Солса, зирк ответил, что его нет дома и добавил:

— Где он — этого никто не знает и знать не может. Если он поедет на день, то возвращается через неделю, поедет на неделю — возвращается через месяц, поедет на месяц — возвращается через год.

— Приедет ли он через неделю, или через месяц, или через год, передай ему, что Кинда Шоа увез его дочь.

Без всякого сопротивления Кинда Шоа со своими воинами увез дочь Сеска Солсы. Проезжая по ущелью Цори, они устроили обвал и перекрыли дорогу.

Возвратился Сеска Солса домой и бросился на поиски дочери. Дорога по Цоринскому ущелью оказалась перекрытой, и Сеска Солса, оставив свою дружину, с тремя сподвижниками направился к Кинда по Арамхинскому ущелью. Сеска Солсу обеспокоило то, что дорога по Цоринскому ущелью была перекрыта. Прибыл Сеска Солса к Кинда Шоа. Встретили люди Шоа Солсу, поддержали стремя, когда он спешился, ввели в башню. После обыденных расспросов Солса спросил:

— Есть ли у меня сват или сваха?

— Свата нет, но есть сваха, — ответили ему.

Сверху из башни спустилась сваха, и они с Сеска Солсой сели за угощение. За чашей вина Солса попросил сказать слово.

— Пусть мой мальчик долго живет, пусть ты, сват, долго будешь жить, — сказала мать Шоа, положила руку на плечо Солсы и сломала ему ключицу.

Произнесла она второе слово и сломала другую ключицу Солсы. Мужественный Солса и виду не подал, что у него сломаны обе ключицы.

Когда Сеска Солса уезжал, в калым ему из базов стали выгонять отары овец и стада коров. Их было так много, что они заполняли тучные поля до самых окраин границы. Тогда Сеска Солса верхом на коне отделил от этих отар и стад третью часть в

калым за свою дочь. Он и третью часть не взял бы, если бы люди потом не распространили молву, что поехавшего за своей дочерью Солсу отправили ни с чем.

31. СЕСКА СОЛСА И КИНДА ШОА

У Ганны был сын Га, у Га был сын Галга, у Галга был сын Кинда, у Кинда был сын Шоа.

Шоа, сын Кинды, жил в селении Эмашка.

Его мать была так сильна, что даже легким прикосновением до бедра человека ломала бедро.

И сам Кинда Шоа был могучий, именитый муж.

Раз Сеска Солса прислал к Кинда Шоа человека с просьбой разрешить приехать к нему. Кинда Шоа разрешил ему приехать, но не через Ассинское ущелье, а по ущелью гор.

Сеска Солса приехал к Кинда Шоа не один. С ним приехал Боткий Ширтка, который мог опускаться в преисподнюю и возвращаться в солнечный мир. Кинда Шоа связал мать, чтобы она не навредила гостям.

Он зарезал барана и приготовил угощение.

Когда угощение поставили перед Сеска Солсой, он сказал:

— Если ты не развяжешь свою мать, я не прикоснусь к этой еде.

— Сказанное гостем не выполнить не могу, — сказал Кинда Шоа и развязал свою мать.

Старуха пошла к гостям, чтобы поприветствовать их.

Сеска Солса встал при ее появлении. Она, желая ему угодить, легонько дотронулась до его бедра и сломала его.

У Кинда Шоа имелся брусок, который стоило лишь смочить и приложить к поломанному предмету, как последний сращивался.

Приложив этот брусок к бедру Сеска Солсы, он вылечил его.

Тогда Сеска Солса сказал Кинда Шоа:

— Я выдам за тебя свою дочь.

Кинда Шоа, довольный его словом, обязался гнать для него столько скота, что поток его не будет прерываться до тех пор, пока Сеска Солса не засмеется от удовольствия.

Утром гости встали и вышли во двор, и тогда Кинда Шоа начал выгонять из базов скот для Солсы как бы в счет калыма за его дочь. Солса, увидев выходящих из базов упитанных на сочных горных пастбищах быков и коров, засмеялся от радости. Как только он засмеялся, Боткий Ширтка бросился к скоту и отделил ту часть, которая успела выйти из базов до того, как Солса засмеялся.

— Что ты делаешь? — спросил у него удивленный Солса.

— Тебе обязались выгонять скот только до тех пор, пока ты не засмеешься. Я хочу отделить твой скот, — ответил Боткий

Ширтка. — И еще, — сказал Боткий Ширтка, — свой скот ты должен разделить на три части. Одну часть — себе, другую — своей дочери, а третью — селу.

— Я не могу не делать того, что говоришь ты, опускающийся в преисподнюю и возвращающийся в солнечный мир, Боткий Ширтка, — ответил Солса, и свой скот, как сказал Боткий Ширтка, разделил на три части.

Так женился Кинда Шоа на дочери Сеска Солсы.

32. ЭШК И СЕСКА СОЛСА

Эшк жил в Эгикале. Он был известный мужчина. Недалеко от Эгикала жил Сеска Солса. Эшк и он были друзьями. Однажды они договорились отправиться вместе за добычей. В назначенный день Эшк прибыл к Сеска Солсе. Он стал звать своего друга. На его голос из дому вышла дочь Солсы и сказала, что отец уже отправился за добычей.

— Принеси мне воды напиться, — попросил тогда Эшк.

В золотой чаше вынесла она ему воду. Эшк выпил воду, чашу положил в талс, схватил девушку и усадил ее на круп своего коня.

— Сеска Солсе пусть будет добыча, а мне — красивая девушка, — сказал он и увез ее.

Сеска Солса, вернувшись с похода за добычей, узнал о случившемся и отправился к дому Эшка. Он стал бранить Эшка.

— Не будем спорить во дворе, зайдем лучше в дом, — предложил Эшк.

К их беседе стала прислушиваться мать Эшка.

— Дочь следует возвратить, не то я сделаю неслыханное, совершу невиданное, — стал грозиться Солса.

— Брось об этом печалиться, девушку следует оставить, — сказала мать Эшка и, притронувшись к плечу Солсы, сломала ему ключицу.

Но Солса не успокаивался.

— Девушку следует оставить здесь, не говори о невозможном, — сказала мать и, притронувшись к другому плечу Солсы, сломала ему и другую ключицу.

— Вы — сильные люди, я не в состоянии с вами тягаться. Дочь ваша, — сказал Сеска Солса.

Эшк стал жить с дочерью Солсы.

33. БИЙДОЛГ-БЯРЕ И СЕСКА СОЛСА

Однажды вечером у родника стоял Сеска Солса. Неожиданно верхом на коне к нему подъехал один человек размером с локоть. Это был Бийдолг-Бяре[1]. После приветствия Бийдолг-Бяре спросил у Солсы:

— Знаком ли ты с Сеска Солсой?

— Знаком, — ответил Сеска Солса, не выдавая себя.

Тогда Бийдолг-Бяре спросил:

— Что он за человек?

Сеска Солса ответил:

— Он очень сильный человек. Если какой-нибудь богатырь со всей своей силы нанесет ему удар шашкой по голове, то она не оставит даже царапины на ней.

Бийдолг-Бяре подставил голову и сказал:

— Нанеси-ка удар своей шашкой.

Сеска Солса со всей силы нанес удар шашкой по голове Бийдолг-Бяре, но тот даже не шелохнулся. Удивился тогда Сеска Солса.

— Что еще может Сеска Солса? — спросил Бийдолг-Бяре.

Сеска Солса ответил:

— Он сталкивает с горы вон ту огромную скалу, забегает вперед, ловит эту скалу и устанавливает ее снова на свое место.

Скала эта была настолько большая, что ее не могли сдвинуть с места даже шестьдесят человек. Бийдолг-Бяре поднатужился и столкнул скалу, а затем, забежав вперед, одной рукой остановил ее и всадил в землю.

Затем Бийдолг-Бяре сказал Солсе:

— Передай Сеска Солсе, чтобы завтра он прибыл сюда со своими эзди. Если он не явится, пусть со своими людьми уходит из этого края, оставив свою семью и хозяйство.

Сеска Солса не был так силен, как Бийдолг-Бяре. С глубокой печалью возвратился он домой, собрал свой народ, оставил семью и хозяйство и, ничего не сказав, собрался уходить.

К опечаленному, бледному Сеска Солсе подошел один из его эзди и спросил:

— Что тебя так гнетет?

Долго молчал Сеска Солса и, наконец, все рассказал.

— Я ему воздам по заслугам, — сказал эзди и ушел.

Он прибыл к Бийдолг-Бяре, который, казалось, будто поджидал его.

Эзди неожиданно со всего размаха нанес Бийдолг-Бяре пощечину. Конь Бийдолг-Бяре, испугавшись, пустился вскачь. Споткнувшись, конь упал и подмял Бийдолг-Бяре. Тогда сказал Бийдолг-Бяре эзди:

— С сегодняшнего дня ты можешь здравствовать, ибо я дал клятву: если кто или что-нибудь меня подомнет, не жить мне на этом свете. На, возьми мою шашку и отруби мне голову, ибо твоя шашка ничего мне не сделает.

Эзди взял его шашку и отрубил Бийдолг-Бяре голову. Очень обрадовался Сеска Солса и сделал эзди своим самым близким другом.

34. КОЛОЙ КАНТ

Жили три брата, и самый младший из них был Колой Кант[1]. С малых лет он не работал и только укреплял свои телесные силы. Семь лет прожил он за счет двух старших братьев. Когда почувствовал в себе значительные силы, он взялся за работу. Его любимым занятием было разведение овец, и он стал пастухом. В это время у всех братьев было всего двадцать овец, среди которых был козел, говоривший по-человечески и прозывавшийся по имени своего хозяина, то есть Колой Кант.

Когда Колой Кант в первый раз отправился пасти своих овец, то заблудился и перешел через несколько гор. Двенадцать лет не было о нем ни слуху ни духу. За это время стадо у Колой Канта увеличилось настолько, что овец невозможно было сосчитать, и, если обозревать пространство, которое они занимали во время пастьбы, то им не было ни конца ни края.

Всех овец Колой Кант загонял в огромную пещеру, имевшую вход наподобие ворот; вместо дверей он приставлял плоский камень, который могли передвинуть только шестьдесят человек: он же сам одной рукой ставил его.

Сеска Солса с шестьюдесятью нарт-орстхойцами пожелал отправиться за добычей, но прежде он заехал, как это делал всегда, к Боткий Ширтке посоветоваться, куда ему лучше отправиться за добычею.

— Поезжай к Колой Канту. Он имеет баранту без счета, но я заранее предупреждаю тебя, что ты не сладишь с ним: он чересчур силен, — сказал Боткий Ширтка.

— Что ты говоришь, Ширтка[2], зачем ты стыдишь меня перед нарт-орстхойцами? Неужели я, Солса, который по силе, отваге, хитрости не находил до сих пор себе соперника, не могу победить пастуха?

Он отправился со своими товарищами к Колой Канту с намерением угнать у него баранту. Когда подошли к пещере, где находился Колой Кант, они общими усилиями отодвинули плоский камень, стоящий при входе в нее. Как только они вошли туда, к ним направился козел, говоривший на человеческом языке, и стал драться с ними.

— Что ты делаешь, Колой, разве ты не видишь, что они гости? — сказал Колой Кант, который только что проснулся.

Он стал отгонять козла, но в это время шестьдесят нарт-орстхойцев кинулись на него со всех сторон, бросился на него и сам Сеска Солса. Колой Кант расправил свои плечи и ударил всех нарт-орстхойцев об стену пещеры, а Солсе дал такую пощечину, что тот закружился, как кубарь. Еле-еле живыми ушли они от Колой Канта.

Сеска Солса пришел к Боткий Ширтке и сознался ему в том,

что существует в мире один человек, который сильнее его — это Колой Кант.

— Но я или он — один из нас должен умереть, — добавил Солса, — нам вместе нельзя жить в одно и то же время!

Солса стал просить Боткий Ширтку, чтобы тот нашел средство, способное как-нибудь уменьшить силу Колой Канта, или же, как его победить.

— Я знаю одно средство, — ответил Боткий Ширтка. — Надо вовлечь Колой Канта в любовную связь с какой-нибудь женщиной, и если он проживет с нею недели две, то потеряет свою прежнюю телесную силу.

— Поэтому, если хочешь победить своего соперника Колой Канта, подошли к нему свою сестру; пусть она постарается завлечь его. Через две недели ты отправишься с прочими нарт-орстхойцами к Колой Канту, и вы смело сможете связать его и угнать всю его баранту.

Солса так и сделал. Он подослал свою сестру к Колой Канту. Колой Кант принял ее и ночью для незнакомой гостьи зарезал барана.

Поужинав, они легли спать отдельно, но, спустя несколько времени, сестра Солсы встала, подошла к тому месту, где лежал Колой Кант, и хотела лечь с ним, сказав, что сама судьба назначила ей быть его женою.

— Поди прочь, — сказал Колой Кант, — знай, что я дал слово никогда не жениться, не иметь дела ни с какой женщиной. Уходи от меня завтра же, если ты желаешь что-нибудь попросить, то охотно отдам тебе половину своей баранты, только отвяжись от меня!

Но она осталась и на другую ночь и опять явилась к постели Колой Канта. Он опять прогнал ее. На третью ночь, когда она подошла к нему, он уже не смог пересилить страсть и позволил ей лечь с собой. С этого времени Колой Кант предался своей страсти — все время проводил с сестрой Сеска Солсы. Он уже перестал пасти баранов; вместо него смотрел за ними и загонял их в пещеру козел, говоривший по-человечески. Чем больше Колой Кант проводил время с сестрой Солсы, тем больше терял он силу. Он уже не мог плотно ставить камень при входе в пещеру; день ото дня вход в пещеру расширялся; через десять дней можно было человеку свободно войти в пещеру.

Между тем Солса не забыл совета Боткий Ширтки. Спустя две недели он отправился вместе с Боткий Ширткой и со своими товарищами нарт-орстхойцами к Колой Канту. Так как вход в пещеру был свободен, то они без препятствий вошли туда и застали Колой Канта спящим на коленях у сестры Солсы. Нарт-орстхойцы немедленно связали его веревкою, сделанной из конских волос. Когда Колой Кант проснулся, он уже был связан; он стал

биться так, что веревка, которая связывала его, врезалась ему до самых костей. Нарт-орстхойцы зарезали его любимца козла. Колой Кант просил у них, чтобы они дали ему какую-нибудь кость от козла, но нарт-орстхойцы отказали ему в этой просьбе.

— Я ему дам, что он просит, — сказала сестра Солсы и подала ему бедренную кость.

Взяв из рук виновницы своего бессилия кость, Колой Кант сделал из нее зурну и заиграл на ней жалобную мелодию[3]. Голос этот был услышан женою старшего брата Колой Канта, когда вечером она во дворе доила коров. Она сказала:

— Это играет не кто иной, как младший брат моего мужа; с ним должно быть случилось какое-нибудь несчастье.

Она пошла сообщить об этом своему мужу и деверю.

Те немедленно помчались в ту сторону, где жили нарт-орстхойцы, предчувствуя, что брата их, вместе с его барантой, увели нарт-орстхойцы. Они уже догоняли нарт-орстхойцев между Джейраховским и Дарьяльским ущельями, но бог, предвидя, что если братья Колой Канта догонят нарт-орстхойцев, то прольется человеческая кровь, провел для устранения кровопролития реку Терек. На правом берегу реки остался Колой Кант с братьями и сестрою Солсы и с половиной своей баранты, а на левом берегу — нарт-орстхойцы с остальной половиной баранты Колой Канта, как бы в калым за сестру Солсы. Колой Кант, видя, что его отделяет Терек от нарт-орстхойцев, и, желая показать им свою силу и ненависть к ним, схватил длинный плоский камень, ударил его о землю, говоря, что он швырнул бы их тоже о землю, если бы они попались ему в руки. Нарт-орстхойцы тоже, как бы в ответ ударили такой же камень о землю[4]. Погрозив и показав свою силу, они разошлись: нарт-орстхойцы отправились в Санаби[5], а Колой Кант с братьями и сестрой Солсы, которую он взял для себя в жены, отправился домой. Прибыв в родной аул, Колой Кант пожелал испытать, сколько у него осталось силы после женитьбы. С этой целью он влез на вершину горы и поставил один на другой три камня громадной величины[6]. С тех пор его никто не трогал и не покушался угнать его баранту.

35. КОЛОЙ КАНТ И СЕСКА СОЛСА

Имя Колой Канта было известно по всей стране. Днем он пас своих овец на горе Колой, а ночью загонял их в пещеру. Вход в пещеру он закрывал скалой, которую не могли сдвинуть с места тысяча человек, и спокойно ложился спать. Вожаком овец у Колой Канта был козел, понимающий человеческую речь. Однажды козел с несколькими овцами отправился с гор в долину, вернулся он через семь лет с бесчисленной отарой.

Сеска Солса вместе с Боткий Ширткой, который мог отправ-

ляться на тот свет и возвращаться в солнечный мир, прибыл к Колой Канту, чтобы познакомиться с ним. Сеска Солса во всем уступал Колой Канту: в уме, чести и силе.

Оскорбленному и обеспокоенному этим Сеска Солсе сказал Боткий Ширтка:

— Лишь хитростью и обманом можно победить Колой Канта.

Возвратились они домой и на следующий вечер, когда Колой Кант гнал овец в пещеру, подослали ему навстречу сестру Сеска Солсы. Увидев девушку, Колой Кант удивился. Он пригласил ее в пещеру и оказал ей хорошее гостеприимство.

Три дня и три ночи не спрашивал Колой Кант у девушки, кто она и откуда. На четвертые сутки он спросил у нее:

— Кто ты, чего тебе надо и как ты очутилась в этой стороне?

Девушка ответила, что она сестра Сеска Солсы, и добавила:

— Меня прислал мой брат, чтобы я стала тебе женой.

Тогда Колой Кант взял ее себе в жены.

После первой ночи, проведенной с девушкой, Колой Кант не смог полностью прикрыть камнем пещеру: в ней образовалась щель, в которую проникал свет. После второй ночи отверстие расширилось настолько, что в него могла проникнуть кошка, после третьей — в пещеру свободно мог войти человек. А на четвертые сутки Колой Кант не встал совсем: он спал крепким сном. Улучив момент, Сеска Солса вошел в пещеру с шестьюдесятью нарт-орстхойцами и сырыми ремнями связал спящего крепким сном Колой Канта. Они убили козла Колой Канта, понимающего человеческую речь, сварили его и съели.

Колой Кант, проснувшись, рванулся, чтобы разорвать связывающие его ремни, но сырые ремни из кожи буйвола только сильнее стянулись и врезались ему до костей.

Нарт-орстхойцы посмеивались над Колой Кантом. Тогда он сказал им:

— Бросьте мне погрызть кость моего козла, мясо которого вы съели.

— Вот тебе кость козла, понимавшего человеческий язык, ешь ее, — сказали они и бросили ему кость.

Ударом пальца сбил Колой Кант верхушку кости, проколол в ней дырочки, удалил костный мозг и сделал из нее зурну. Затем он заиграл грустную-прегрустную мелодию.

Наступило утро. Проснулось село, в котором жил Колой Кант. Жена брата Колой Канта, вышедшая подоить коров, услышала грустную мелодию, которую играл Колой Кант. Заслушавшись, она стала доить корову мимо подойника, затем, вскочив, вбежала в дом и сказала своему мужу и деверям:

— Пойдите и посмотрите, что случилось с нашим мальчиком, неспроста он играет с утра грустную мелодию.

— Брось, что ему сделается, — сказали они.

Она вышла, но опять, заслушавшись, стала доить корову мимо подойника. Затем она снова вбежала в дом и стала звать мужа и деверей поднять тревогу, но они и на этот раз не обратили внимания на ее слова.

В третий раз она стала доить корову, но и опять мимо подойника. Обеспокоенная грустной мелодией Колой Канта, она снова вбежала в дом и воскликнула:

— Чтоб вы носили мой платок![1] Что вы лежите? Если вы не пойдете, то я пойду на помощь нашему мальчику.

Устыдившись слов женщины, они подняли тревогу, прибыли к пещере и увидели связанного Колой Канта.

Разрезав кинжалами ремни, они освободили брата. Колой Кант по следам отары бросился вдогонку нарт-орстхойцам. Нарт-орстхойцы задумали перегнать овец через Терек на свою сторону. Половина отары была уже перегнана, а другая половина и сестра Солсы еще находились по эту сторону берега, когда догнал их Колой Кант.

Сеска Солса в тревоге воскликнул:

— Боже и Села, не дайте мне попасть в руки Колой Канта!

Терек, текший до того маленьким ручьем, вдруг вздулся и заполнил берега настолько, что человек уже не смог бы перебраться через него. С тех пор Терек стал полноводен. Сеска Солса, обрадованный своим спасением, говорят, воскликнул:

— Не надо битвы, Колой Кант! Находящиеся по ту сторону берега овцы и сестра моя — твои, а находящиеся по эту сторону овцы — мне в калым.

Довольный таким решением, Колой Кант схватил большую скалу и бросил ее за Терек, как бы говоря, вот что я сделал бы с вами, если бы настиг.

Сеска Солса в свою очередь бросил скалу со своей стороны, как бы говоря, а я бы сделал вот это.

Обе эти скалы и сейчас, говорят, стоят у Терека чуть выше Балтов. Скала, брошенная Сеска Солсой, вдвое меньше скалы, брошенной Колой Кантом.

36. СТАРИК-БЕДНЯК И НАРТ-ОРСТХОЙЦЫ

В давние времена в горах было одно селение, мимо которого протекала большая река. То были времена, когда нарт-орстхойцы были известны своей силой и могуществом. Они притесняли народы гор; ни один человек не мог оказать им сопротивление. Особенно прославились своей силой и храбростью семеро нарт-орстхойцев, которые жили неподалеку от этого села. Они не давали покоя жителям села. Нарт-орстхойцам на день и ночь не хватало двух быков; село очень страдало от этого: скота становилось все меньше и меньше. Тогда жители села стали советовать-

ся, как бы им избавиться от гнета нарт-орстхойцев. Что бы им предпринять такое, чтобы навсегда отвадить их от села? Но ничего дельного они придумать не могли. Так они и жили в печали и страхе.

Однажды на майдане собрались старейшины села. Пришел туда и старик-бедняк, который никем не был почитаем.

— Я остановлю нарт-орстхойцев, — сказал он. — Но для этого вы должны дать мне творог, шило и чашку муки, а также сумку, куда бы я мог все это сложить.

Старейшины, хотя и не придали значения словам старика-бедняка, принесли ему творог, шило, чашку муки, сумку и проводили его в путь.

Подвесил старик сумку через плечо, вышел из села и стал у реки. Прошло немного времени, и на противоположном берегу показался нарт-орстхоец. Он решил устрашить старика и стал гримасничать, но старик не реагировал на это. Тогда он поднял камень с земли и, сжав руками, выдавил из него несколько капель воды. Старик спокойно достал из своей сумки мокрый творог и сжал его одной рукой: на землю потекла целая струя. Старик превзошел его. Тогда нарт-орстхоец потер в ладонях камень и поднял пыль. Старик же достал из сумки муку, дунул на нее и поднял еще больше пыли. Это озадачило и испугало нарт-орстхойца. Старик, осмелев, приказал, чтобы он на своей спине перенес его через реку. Нарт-орстхоец безмолвно взвалил старика на спину и стал переходить реку.

Перейдя реку, нарт-орстхоец спросил:

— Если ты такой сильный, то почему ты такой легкий?

— Меня бог на небе придерживает цепями, — ответил старик.

— Пусть бог немного ослабит свои цепи, — попросил нарт-орстхоец.

Тогда старик достал из мешка шило и стал колоть им в спину нарт-орстхойца.

— Хватит, пусть бог вновь натянет свои цепи, — взвыл от боли нарт-орстхоец.

Старик убрал шило. До вечера ездил старик верхом на нарт-орстхойце, а вечером заставил его привезти себя домой.

По ранней договоренности с женой, старик крикнул ей у дома:

— Жена, пойди и быстро свари нам мясо нарт-орстхойцев, убитых мною.

Нарт-орстхоец, испугавшись, глубоко вздохнул. Старика при этом подбросило к потолку. Нарт-орстхоец удивился и спросил у жены старика, что это он делает у потолка. Жена старика ответила, что старик хочет вырвать потолочную балку, чтобы ею избить тебя, нарт-орстхойца.

Испугавшись этого, нарт-орстхоец бросился бежать. Прибежал он к себе, а его спрашивают, что это у него висит на шее. Им оказался дверной косяк, который он зацепил, выбегая из дома старика.

Нарт-орстхоец рассказал товарищам о своих злоключениях. Нарт-орстхойцы, говорят, с тех пор, боясь старика, перестали появляться в селе.

37. ТРИ БРАТА НАРТ-ОРСТХОЙЦА

Жили три брата нарт-орстхойца: старшего звали Гебак, среднего — Амир, а младшего — Атай. Гебак владел зерном, Атай — скотом. И был у них топор, которым они пользовались все сообща. Бывало, один нарубит дров и топор перебрасывает другому на расстояние 10—12 километров. У Гебака и Амира выросли двое сыновей, а у Атая — дочь. Оба юноши полюбили эту девушку. Атай — владелец скота, желал выдать свою дочь за сына Гебака — владельца зерном. Они сделали меж собой уговор.

Амир же стал говорить:

— Я владею деньгами, и девушка должна принадлежать лишь моему сыну. Зерно производят для того, чтобы продавать его за деньги, и скот растят для того, чтобы сбывать его за деньги.

Но отец девушки Атай не согласился с такими доводами и решил выдать дочь за сына Гебака.

Тогда в местечке Чхар-готте (узкая скала) Амир дал бой своим братьям. Этот бой погубил всех трех братьев и их потомство.

Гебак жил в местечке «Гебак-Калла», Амир — в «Амир-Корта», Атай — в «Атай-Корта».

38. СКАЗАНИЕ О ДЕВУШКЕ-НАРТ

Чеченцы жили в горах. Когда им не стало хватать своего края, они попросили земли у предводителя нарт-орстхойцев Наура, проживавшего в Ножай-Юрте. Нарт-орстхойцы, считая себя сильными людьми, не откликнулись на эту просьбу. Тогда чеченцы послали им сообщение о том, что если те добровольно не отдадут свои земли, то они придут к ним с войной.

На восьмой день после этого сообщения чеченцы с длинными остроконечными пиками в руках и громкими криками стали приближаться к землям нарт-орстхойцев. Нарт-орстхойцы, испугавшись, бежали за Терек. Там они воздвигли башню и прорыли пещеру.

У Наура была жена по имени Саги. Она жила в ауле Давлет-гири. Бывало, заиграет Наур у одного края пещеры на пондаре, она пускается в пляс у другого края пещеры.

Нарт-орстхойцы жили в шалашах, где находился аул Бан.

Нарт-орстхойцы постепенно вымерли. Говорят, что их уничтожили низкорослые люди. Осталась от них только одна девушка.

Однажды один человек с шестьюдесятью всадниками отправился на поиски людей. Он прошел Дагестан, Нясаре, Хребет Давлетгирея, но никого не встретил.

— Если бы в этих краях жили люди, то где-нибудь курился бы дым, — думали всадники, озираясь по сторонам.

Как-то они заметили, как вдали клубится небольшой дымок.

Подъехав к этому месту, всадники увидели, что это не дым, а пар: он поднимался над (лечебной) водой. Около воды они заметили огромные следы от копыт коня. Они сели у воды в надежде, что конь этот вернется к этому источнику. Прошло некоторое время, и перед ними верхом на коне появился огромный человек. Они быстро окружили его, а предводитель сказал:

— Спешивайся, мы славные чеченцы.

Огромный человек тут же похватал их и побросал в шалаш.

Убедившись, что спастись от него невозможно, чеченцы стали просить нарта, чтобы он отпустил их.

«Они мне ничего плохого сделать не смогут», — подумал нарт и отпустил их.

— Мне отец говорил, — сказал нарт, — что в последующие времена появятся люди с мягкими телами, но с храбрыми сердцами. Этими людьми оказались вы. Не вздумайте сделать мне что-либо плохое. Я не мужчина, а пятнадцатилетняя девушка, — произнесла девушка-нарт.

Она рассказала, что выйдет замуж лишь за того, кто одолеет ее в схватке.

Предводитель предложил приехать через год помериться с ней силой.

Девушка-нарт вырвала с головы волос, связала им предводителя, бросила его наземь и сказала:

— За такого я не выйду, а выйду за того, кто бремя по дому будет нести сам.

Некоторое время спустя в этих краях оказался человек по имени Ногаймирза. Он дал знать, что готов бороться с девушкой-нарт.

— Спешься с коня, — сказала девушка-нарт.

— Я и верхом на коне одолею тебя, — сказал Ногаймирза и одолел девушку-нарт и уселся ей на спину.

Девушка-нарт согласилась выйти за него замуж.

39. СКАЗАНИЕ О НАРТЕ УСЕ

Мой отец Бетаргали рассказывал мне о делах моего прадеда по имени Тони. Он прослыл в селе и во всем крае смелым и храбрым человеком.

В то время возле села Шалажи[1] на вершине соседней с Боралам жил нарт-орстхоец по имени Уса. На этой же горе он пас

своих овец и скот. Уса никогда не спускался с гор на чеченские равнины, говоря, что там проживают джины.

Однажды Тони ушел на охоту и как-то незаметно оказался у горы, где встретился с нарт-орстхойцем Усой. Тони вежливо поприветствовал нарт-орстхойца и затем спросил:

— Это ты Уса, о котором рассказывают люди?

— А как обо мне рассказывают? — спросил Уса.

— Говорят, ты богат, храбр, выносли, воспитан.

— Храбрость всем нужна, а кто хочет жить, тот должен быть выносливым. Но самое главное, пожалуй, вежливость (воспитанность) — она превосходит все качества человека, — сказал Уса.

— Вот во всем этом я и пришел состязаться с тобой, — хвастливо сказал Тони.

— С чего начнем? — спросил нарт.

— С вежливости.

— Хорошо. Подними сначала лежащую перед тобой каменную глыбу, — сказал нарт, указывая пальцем на огромный камень, высотой в пять раз превосходящий Тони.

— Я не шутить с тобой пришел, — недовольно ответил Тони, зная что этот камень ему не поднять, и думая, что нарт подшучивает над ним.

— Я и не шучу. Попробую глыбу поднять сам.

Немного погодя, он добавил:

— Влезь-ка на эту глыбу.

Тони кое-как взобрался на каменную глыбу. Вдруг камень словно взлетел в небо и упал. Свалился Тони с каменной глыбы, огляделся по сторонам и видит, что он находится вблизи своего села. Тогда Тони понял, что нарт бросил камень, которого он даже не мог сдвинуть с места. В мгновение ока пролетел Тони на камне расстояние, которое, охотясь, он преодолел в течение двенадцати дней.

Не стал он возвращаться к нарту и пошел домой.

Каменная глыба, которую бросил нарт-орстхоец Уса, упала возле Шалажи у хутора Эвстари. Там еще не было хутора. Хутор построен много лет спустя после падения этой каменной глыбы.

40. СКАЗАНИЕ О ВЕЛИКАНАХ

Было это давно, но старики передают так. Был в одном селении человек, который в присутствии своей жены поднимал корову за хвост, переносил через забор, опускал на землю, опять поднимал и переносил назад. После этого он всегда бил жену и спрашивал:

— Скажи, кто сильнее меня на свете?

Она не могла указать никого. Об этом узнала жена Пез-Амиева. Она пришла к жене силача и сказала ей:

— Что же ты не знаешь, когда я, последняя женщина в селении, и то знаю это? Пусть он переправится через гору. На той стороне люди удят рыбу, пусть он с ними померится силой — они сильнее его.

Вечером силач приходит домой и, подняв корову за хвост, опять спрашивает жену:

— Скажи, кто сильнее меня на свете?

Жена ответила:

— Переправься через гору, там ты найдешь людей, удящих рыбу, они сильнее тебя.

Силач перешел через гору и увидел трех братьев, удивших рыбу. Он сказал им:

— Давайте силу пробовать!

— Зачем нам силу пробовать? Мы не знаем, зачем ты пришел, иди лучше сюда, а там мы и силу попробуем.

Он подошел к ним. Тогда один из братьев сказал:

— На, держи удочку, пока я вернусь.

Тот взял удочку, тотчас же зацепилась за нее рыба и стала тянуть его в воду. Тогда тот, который сидел поблизости от него, схватил силача одной рукой и привлек его к себе вместе с рыбой.

— А, ты пришел этакую силу пробовать с нами?

Сказав это, он дунул на него и отбросил его к среднему брату, тот дунул и отбросил его к третьему брату, и так он стал летать от одного брата к другому.

— Вот бог послал нам забаву, есть чем позабавиться, — говорили они.

Возвращаясь домой, они также дули на него, и он летел впереди них по воздуху. Остановившись отдыхать, они пообедали и легли спать, намереваясь, когда проснутся, опять поиграть с ним. Когда они заснули, он убежал.

На дороге он встретил одного человека-вампала огромного роста, без одной руки и без одного глаза; одной рукой он вез тринадцать арб сена. Он обратился к вампалу со словами:

— Я твой и божий гость.

После этих слов вампал не мог его не принять, и он предложил ему влезть на арбу и укрыться рогожкой.

— Нет, ты мне дай более безопасное место.

— Куда же поместить тебя? Ну, полезай в штаны.

И силач весь скрылся в его штанах. Вампал пошел себе дальше. Навстречу ему бегут три брата-рыбака.

— Не видал ли ты нашей игрушки?

— Какой игрушки? Ничего я не видел.

— Нет, ты, должно быть, видел, лучше скажи.

— Уходите прочь от меня, а то я побью вас.

— Нелегко нас побить и мало найдется таких, — отвечали те.

Тогда он размахнулся и ударил рукой одного из них по щеке, и все трое повалились от этого удара. Вампал обратился к своему гостю:

— Вырви-ка один волос у меня.

Тот уперся обеими ногами и, надрываясь, насилу вырвал один волос и передал вампалу. Тот взял волос, перевязал трех братьев и сказал:

— Ну теперь расскажите, что такое у вас произошло?

Братья рассказали, как тот человек пришел помериться силой, когда они удили рыбу, как они возвращались домой и как он, когда они легли спать, убежал. Тогда одноглазый вампал говорит братьям-вампалам:

— Вот послушайте меня. Нас было семеро братьев. Мы тоже вышли помериться силой, считая себя сильнее всех на свете. Идем мы и встречаем пастуха, огромного роста, одноглазого, погоняющего громадное стадо баранов. При одном виде его мы перепугались и запрятались в череп лошади, лежавшей тут же недалеко (и лошади в те времена были большие). Подбежала к нам огромная собака пастуха, потащила череп со всеми нами и положила у ног его.

— Спасибо тебе, моя собака, за гостинец, — сказал пастух, продел палку в дыру черепа и, положив ее на плечо, пошел себе дальше, как ни в чем не бывало.

Придя домой, он изжарил шестерых моих братьев на вертеле, съел их и лег спать, оставив меня на утро для закуски. Когда он заснул, я взял шомпол, накалил его в камине и одним ударом пронзил ему глаз.

— А! Ты лишил меня глаза! Погоди же, все равно ты не уйдешь от меня, — сказал пастух и утром стал выпускать баранту по одной штуке.

Он водил рукой по спине каждого барана, ища меня. Видя неизбежность гибели, я зарезал козла и, надев на себя его шкуру, прошел мимо пастуха, обманув его таким образом.

Выйдя из пещеры, я погнал стадо и, отойдя далеко, крикнул ему:

— Ты съел моих шестерых братьев, но я спасся и лишил тебя глаза, отомстив тебе хоть сколько-нибудь, и теперь угоняю твое стадо.

Как только я сказал это, пастух бросил огромную скалу в направлении, откуда слышался мой голос, и этой скалой оторвал у меня одну руку и лишил одного глаза. Так вот вам мой совет: не считайте себя сильнее всех на свете, а живите каждый для себя.

Сказав это, он отпустил их, и все они разошлись восвояси.

41. ТУРПАЛ ТЕРМОЛА

В районе Ножай-Юрта между Курен-Бен и Ялхой-Мохк у реки Гумси было село, в котором жили нарт-орстхойцы.

Вода там считается целебной. Называется она рекой Теши.

Жителей близлежащих сел нарт-орстхойцы угнетали и держали в страхе. Понравившихся девушек и женщин они силой уводили.

Люди не могли противостоять им, жили в нужде и горе. Но терпению их пришел конец.

Однажды вдовая женщина из Ялхой-Мохка, когда нарт-орстхойцы увели ее единственную дочь, подняла тревогу.

На помощь ей пришел Термола из Курен-Бена.

Со своими лучшими товарищами он решил уничтожить нарт-орстхойцев.

В тот день в волны реки Гумси Термолой и его друзьями было сброшено тысяча трупов. Уцелевших нарт-орстхойцев он преследовал до Орз-Калы [1].

Говорят, что Термола со своим конем похоронен в Курен-Бене.

В том месте, где он жил, заметны каменные плиты с изображением следов его рук и ног.

42. КУЛЛУБИ — ПОБЕДИТЕЛЬ НАРТ-ОРСТХОЙЦЕВ

У одной матери был сын Куллуби. Он был настолько труслив, что даже боялся выйти из дому.

Мать была сильно обеспокоена этим обстоятельством, но не знала, что ей делать. Как-то она разбросала лепешки, начиная от комнаты, веранды и до самой улицы.

Проснулся утром Куллуби и видит разбросанные по полу лепешки. Подбирая их, Куллуби дошел до веранды, спустился во двор и вышел за ворота. Здесь перед ним открылся невиданный мир, он увидел людей и, забыв о своем доме, пошел куда глаза глядят. Вскоре ему повстречался нарт-орстхоец, который бродил в поисках добычи для своих детей. Нарт-орстхоец обрадовался, увидя Куллуби, и подошел к нему. Он не стал сразу убивать Куллуби, а предложил ему помериться с ним силой.

— Каждый из нас должен сжать этот брусок так, чтобы из него выдавилось три капли влаги, а на каменной дороге мы должны взбить пыль ногами, — поставил условие нарт-орстхоец.

— Я согласен помериться с тобой силами, но только через три дня, — сказал Куллуби.

На этом оба и порешили.

Каким-то образом Куллуби добрался до своего дома и рассказал матери о своем споре с нарт-орстхойцем. Мать выслушала и дала совет Куллуби:

— Вот тебе брусок и яйцо, чтобы выжать капли влаги, — сказала она, — а вот тебе сумочка золы, чтобы ты мог поднять пыль на каменной дороге.

Взял Куллуби эти вещи и в назначенное время отправился к нарт-орстхойцу.

— Ты готов вступить со мной в спор? — спросил уже ожидавший его нарт-орстхоец.

— Конечно, готов, — ответил Куллуби.

Тогда нарт-орстхоец взял каменный брусок, сжал его, выдавил из него две капли влаги и сказал:

— А ну-ка, покажи теперь ты свою силу, Куллуби.

Куллуби взял яйцо (незаметно для нарт-орстхойца), взял брусок и так их сжал, что даже руки у него стали мокрые.

— В этом споре ты превзошел меня, — сказал испуганный нарт-орстхоец. — Теперь посмотрим, кто из нас больше поднимет пыли на каменной дороге.

Разошлись они в разные стороны на значительное расстояние, а затем бросились бежать навстречу друг другу.

Куллуби незаметно развязал мешочек с золой, висевший у него на поясе, и, вытряхивая ее, поднял много пыли, нарт-орстхоец же не смог поднять пыли. Нарт-орстхойца это страшно испугало, и он стал умолять Куллуби:

— Прошу тебя, не убивай меня!

— Хорошо, — сказал Куллуби, — но с сегодняшнего дня ты должен быть во всем послушен мне.

Нарт-орстхоец усадил Куллуби себе на спину и принес его в свой дом.

Дыхание нарт-орстхойца приподняло Куллуби и стало носить под потолком комнаты.

— Ты что делаешь, Куллуби? Что ты носишься, словно на крыльях, у потолка? — удивился нарт-орстхоец.

— Я слышал, что в этом потолке спрятана ваша прадедовская шашка. Хочу взять ее и снести головы всем нарт-орстхойцам, — отвечал растерянный Куллуби.

Нарт-орстхойцы, испугавшись его слов, бросились бежать из дома. Пробежали они три горы и повстречали лису.

— Кого вы испугались? Куда бежите? — спросила их лиса.

Объяснили лисе нарт-орстхойцы, что бегут они от Куллуби.

— Вы испугались Куллуби, который даже носа боится высунуть из своего дома! — вскричала лиса. — Пойдемте со мной, я нагоню на него страху.

Нарт-орстхойцы поверили ей и следом за лисой двинулись в сторону жилья Куллуби.

А Куллуби в это время висел вниз головой на огромной чинаре, зацепившись полой черкески за сучок.

— Что ты выделываешь, Куллуби? — спросила лиса.

— Хочу вырвать эту чинару и пуститься в погоню за нарт-орстхойцами, — ответил Куллуби.

— Ты хотела, чтобы Куллуби нас уничтожил! — вскричали нарт-орстхойцы.

Они схватили лису и ударили ее оземь так, что она лопнула.

С тех пор, говорят, нарт-орстхойцы исчезли из этого края, словно в воду канули.

43. КОНЕЦ ВЛАДЫЧЕСТВУ НАРТ-ОРСТХОЙЦА

Жили-были семь братьев и сестра. Однажды сестра братьев пропала. Они отправились на ее поиски и набрели на одну пещеру и решили войти в нее. Братья едва успели войти, как тут же на них набросился нарт-орстхоец.

— Вы как здесь очутились! — крикнул он на братьев.

Братья объяснили ему о цели своего прихода; нарт-орстхоец разгневался, убил всех семерых братьев, а трупы внес и положил перед их сестрой.

Долго плакала сестра над трупами своих братьев. Надоело это нарт-орстхойцу и говорит он сестре семерых братьев:

— Сними со своих братьев кожу и сшей мне кафтан.

Сестра не знала, что ей делать, и обратилась за советом к старухе-ведунье, проживающей недалеко от них.

Старуха пожалела ее и дала ей совет.

Сестра вернулась домой и сказала нарт-орстхойцу:

— Для того, чтобы сшить кафтан, мне нужны ножницы матери трех сыновей и волосы от усов ее старшего сына.

Тогда нарт-орстхоец отправился к трем братьям. Когда он пришел к ним, братья пили них* и веселились. На нарт-орстхойца они не обратили никакого внимания, будто это и не человек, а муха, влетевшая в их жилище. Нарт-орстхоец поприветствовал их, но те не ответили на его приветствие. Тогда нарт-орстхоец упрекнул трех братьев в неучтивости.

Тогда старший брат произнес:

— Не обессудь, мы думали, что это влетела муха.

Через некоторое время нарт-орстхоец поведал им о цели своего прихода.

Старший брат насмешливо сказал:

— Если бы мы давали всем просителям ножницы матери, то они затупели бы давно, и если всем просителям давать по волоску с моих усов, то под моим носом ничего не осталось бы!

Нарт-орстхоец рассердился на эти слова и вызвал старшего брата на битву. Они решили драться через три дня на границе соприкосновения их земель.

Через три дня в условленном месте старший брат застал спящего нарт-орстхойца. Он разбудил нарт-орстхойца, чтобы тот не уличил его в подлости, и они стали биться.

На четвертый день битвы старший из братьев снес голову нарт-орстхойца и сравнял его с землей.

Так покончил с владычеством нарт-орстхойца старший из братьев. Сестру семерых братьев он взял себе в жены.

44. НАУР И ГОЖАК

Некогда жили два нарта: Наур и Гожак. Жилище Гожак-нарта и теперь еще видно на земле Нога-Мирза-юртовского аула и называется Гожак-ор, то есть пещера или подкоп Гожака[1].

Гожак имел красивую жену по имени Белашай. Наур влюбился в нее и вознамерился завладеть ею. В этом помог Науру его приятель, кабардинец. Они сварили водки и, разлив ее в сосуды, навьючили на коня; с ним кабардинец отправился к жилищу Гожака. Последнего не случилось дома. Зная дорогу, по которой Гожак возвращался домой, кабардинец расставил по ней сосуды с водкой на некотором расстоянии один от другого. Утомленный Гожак, возвращаясь домой, увидел первый сосуд с водкой и выпил его. Так же точно выпил он и все другие и отуманенный свалился с ног на пороге своего жилища. Кабардинец снял с него голову и отнес к Науру, за что получил сто коней в награду, а Белашай сделалась женой Наура. Наур имел двух жен: первая, Сатайхан, жила на кургане над Тереком, на земле Старо-юртовского аула; другая же, известная уже Белашай, жила в горах Нога-Мирза-юртовского аула, на кургане. Сам же Наур жил в пещере, находящейся на земле Верхне-Наурского аула, то есть жил посреди резиденций своих жен, в расстоянии 40 и 30 верст от них. Однако это расстояние не препятствовало ему забавлять жен музыкой. Он играл по вечерам на балалайке. Звук ее доносился к обеим женам, и для каждой из них у Наура были особые музыкальные звуки. По ним они узнавали, кого он посетит ночью. Он имел такое множество лошадей, что, придя на водопой, они не помещались на лугах Верхне-Наурского аула.

Про его смерть рассказывают так. Жил за Тереком знаменитый богатырь — Ногайский Мирза. У него была прекрасная жена, которую он силой похитил у родителей. Мирза совершал свои поездки на буланом коне, с черной полосой вдоль спины. От частой езды конь исхудал и был оставлен в табуне для поправки. Сев на другого коня, Мирза остался им недоволен, а потому через два месяца, полагая, что любимый конь уже поправился, пошел его посмотреть, но нашел коня еще более худым, да к тому же с больной спиной. Подозрение запало в душу ногайца: «Или жена моя разъезжает на коне к любовнику, или же любовник, посещая мою жену, ездит на нем».

Чтобы добраться до истины, он прибег к хитрости. С этого времени каждый раз, уезжая из дому, он ударял ногайкой жену, приговаривая:

— Знаешь ли ты на свете богатыря, храбрее меня, и жену, красивее тебя?

Наскучила эта выходка, слишком часто повторявшаяся, и жена однажды сказала:

— Затеречный Наур храбрее тебя, его жена Сатай-хан красивее меня.

Ногаец тотчас понял значение этих слов и поехал к Науру.

С высоты гор Наур приметил за рекой ехавшего всадника. В первый раз в жизни робость овладела его душой, и он приготовился на всякий случай. О всаднике он размышлял таким образом: если он робкой души, то будет искать броду, если же храбр и отважен, то зря кинется в воду. С высокого берега ногаец ринулся в воду, переплыл реку и предстал перед Науром.

— Воин, — сказал ему Наур, — ко мне ли лежал твой путь, или ты едешь далее?

Ногаец ответил:

— Теперь я у тебя, захочу — уеду, захочу — останусь у тебя.

Наур принял гостя, убил кобылу, сварил и подал мясо ногайцу. Насытившись, ногаец сказал:

— Послушай, Наур, правым берегом Терека владеешь ты, левым — я. Кони наши пьют общую воду Терека, следовательно, и мы сродни между собой. Эхо теречных гор повторяет твое имя, ветер ногайских степей далеко несет звук моего имени. Чего бы, кажется, не доставало нам, и почему бы не жить нам дружно? Не будем толковать, как бабы или дети, поговорим по-богатырски. Ты обесчестил мою жену и должен позволить мне то же самое со своей.

Наур ответил, что в бесчестьи его жены и виноват и не виноват (виноват тем, что обесчестил, а не виноват тем, что жена ногайца любила Наура больше мужа), но что никому не позволит обесчестить свою жену. Они вступили в бой: один из них — ногаец, молодой и хитрый, другой — стареющий Наур, начинающий сомневаться в своей физической силе.

Они вступили в рукопашный бой. Уже вечерело. Ногаец стал утомляться и прибег к хитрости.

— Посмотри, Наур, в небо, что за птицы летят в нем? Да утри пот с твоего чела.

Наур взглянул на небо. Ногаец же сшиб его с ног и, сев на него, сказал:

— И теперь я не хочу твоей смерти. Богатырь не изменяет данному слову. Но жизнь твоя в моих руках, — позволь лишь ночь провести мне с твоей женой.

Наур отказался и был убит. Положив его голову в торока, ногаец поехал к Сатай-хан, провел с ней ночь и, сняв с ее пальца кольцо, вернулся к жене. Он сказал ей, бросив голову Наура:

— Теперь я уверен, что ты не знаешь богатыря храбрее меня, — а потом, подав ей кольцо, сказал:

— И нет жены красивее тебя.

Жена узнала голову своего возлюбленного Наура, взяла ее в руки, целовала и прижимала к своей груди, а затем, обратясь к мужу, сказала:

— Ты мог его убить или обманом, или же изменой. Он всегда был храбрее тебя.

Уличенный в обмане, ногаец устыдился, отвез жену с почетом к родителям, а сам уехал.

Узнав о смерти Наура, жены его лишили себя жизни. Сатай-хан с кручи кургана бросилась в Терек и погибла в его волнах. В воспоминание этого происшествия, место это и теперь называется ее именем — Сатай-те, т. е. возвышенность Сатай. Белашай же с высокого кургана кинулась в пропасть и погибла. Курган этот и теперь называется ее именем, Белашай-барз, т. е. курган Белашай. Потомство брата Ногайского Мирзы еще существует и рассказывает о Науре.

45. НАРТЫ ИЗ ГЕРМЕНЧУГА

Между Энгель-аулом и Азамат-Юртом есть курган, носящий название Яшарт. Там и в местности, которая называется Герменчуг[1], говорят, жили нарты. Раньше нарты издевались над местными людьми, но постепенно люди стали притеснять их. Люди не давали житья нартам, живущим на Яшарт-кургане, и они пошли жить к герменчугским нартам[2]. Чтобы укрыться, нарты спустились внутрь укрепления Герменчуг. Вынимая землю изнутри, они сделали кругом ров и вал, чтобы люди не добрались до них. После этого тайком от людей нарты прорыли под землей канаву и провели издалека воду, чтобы не выходить из крепости. Запасшись зерном и скотом, они заперлись в укреплении.

Люди, над которыми нарты раньше издевались и насильничали, собрались все вместе и окружили укрепление Герменчуг. Но герменчугское укрепление величиной с хутор было сделано прочно, и люди не могли ни пройти через ров, ни войти внутрь укрепления. Когда люди не смогли ничего сделать, они собрали совет, думая, что предпринять. Посоветовавшись друг с другом, они вспомнили о том, что к нартам откуда-то должна идти вода. Если лишить их воды, то они не выдержат.

Они пошли за советом к одной старухе, чтобы она высмотрела (нашла) место, откуда к Герменчугу подходит вода. Умная старуха, которая знала то, что неведомо людям, сказала:

— Вода откуда бы ни шла, идет под землей. Чтобы обнару-

жить ее, нужно из табуна поймать трехгодовалого необученного жеребца. Три дня и три ночи надо кормить этого жеребца жареным ячменем, не давая ему пить. После того, как у него появится сильная жажда, нужно отпустить жеребца. Если проследить, куда он пойдет, то обнаружится то место, по которому вода поступает к нартам.

Люди сделали, как их учила старуха. Они поймали в табуне трехгодовалого жеребца, кормили его жареным ячменем, а затем, пустив его, пошли следом за ним. Необученный жеребец стал метаться в поисках воды. От жажды у него горело все нутро. Жеребец, принюхиваясь, побежал рысью от Герменчуга до Кошкельды. Добежав туда, вблизи Кошкельды, жеребец пошел под гору и начал ударять передним копытом в одно и то же место. Там, где жеребец ударил копытом, показались сначала гончарные трубы, а затем и вода, которая по ним шла до Герменчуга. Человек, следивший за тем, что делает жеребец, наклонился к воде и обрадованный произнес:

— Ой, Кошкельды[3].

Люди обрадовались этому. Рассказывают, что нарты, жившие в Герменчуге, когда закрыли воду, протекающую к ним под землей по трубам, испытывали большую жажду. Затем наступил голод, и они все погибли, не осмеливаясь выйти оттуда. Некоторые же говорят, что нарты поднялись и тайно ушли куда-то далеко отсюда[4].

46. РАЗГРОМ НАРТОВ

В Курчалоевском районе возле Энгель-аула есть местечко Герменчик, обнесенное оврагом и с ямой посередине. Рассказывают, что когда-то в этом местечке жили нарты.

Между людьми и нартами возникали раздоры и войны. Когда люди стали размножаться, нарты укрепили свой круг, засели в укреплении. Люди никак не могли туда проникнуть. Тогда они спросили у Жера-Бабы:

— Как можно одолеть этих нартов? Откуда к ним поступает вода?

Жера-Баба дала им такой совет:

— Три дня и три ночи кормите жеребца жареным просом, не давая ему воды, а затем отпустите его вблизи укрепления нартов.

Так люди и сделали.

Жеребец, мучимый жаждой, ударом копыта обнаружил место, откуда под землей по трубам шла вода к нартам. Люди разбили эти трубы и остановили воду, поступавшую к нартам. От жажды нарты очень ослабели. Тогда люди и истребили их. На том месте, где жили нарты, люди нашли много золота, серебра, детские колыбельки и другие вещи.

47. СПОР ГЕПАКА И АМИРА

На высоком кургане, на Амзин-каже, северо-восточнее Шир-Юрта, жил нарт-орстхоец Гепак. Существует высокий каменный забор, который, рассказывают, воздвиг он. Есть там и следы копыт коня и рук человека. Гепак выращивал много зерна. Его младшего брата звали Венаг. На одном холме есть место, где, говорят, стояла Венаг-гала — башня Венага.

На хребте, проходящем между Шир-Юртом, Гильяни и Байтарки имеются вершины кургана — одна большая, другая малая. Их называют Амир-кортош (Амир-вершины). Амир также был нарт-орстхойцем. Нарт Амир имел много скота. Его пас он на Аккинской горе[1], и сам жил на ней.

Гепак и Амир стремились во всем превзойти друг друга и поэтому часто враждовали между собой[2]. Гепак, боясь, как бы Амир не превзошел его во всем, рассердился и бросил в него большой камень. Этот камень упал в речку Булк. На нем, говорят, сорок человек могли свободно совершать ламаз*.

Когда между нартами возникла вражда, Гепак сказал:

— Когда я перевожу домой пшеницу, посеянную и выращенную на плоскости, одни потери ее на дороге столь велики, что в пшенице утопают не только полозья саней, но и ноги лошади. Амир, ты не сможешь тягаться со мной!

Тогда Амир ответил ему:

— Среди моего скота имеется только одновременно рожденных, одноцветных и равновеликих 50 бычков[3], потому, Гепак, ты не сможешь спорить со мной!

48. ТЕЧА И ЕГО ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ЦАЙ

В горах, повыше Саясана, между хуторами Алерой и Турты, жили нарт Теча и его возлюбленная Цай. Жилище Теча находилось на высоком склоне Рагний ургаш (Расщелины хребта), что рядом с хутором Турты. И сейчас, если осмотреть эту местность внимательно, можно заметить, что здесь когда-то жил человек. Неслучайно местность эта называется Теча-Корт (Гора Течи).

Цай, возлюбленная Теча, жила на Джамби-Ирзе (Поляне Джамби). Поляну эту называют Цай-Кераг (Камень Цай). Теча и Цай были нартами. Они очень любили друг друга. Жилища их находились на расстоянии 4—5 километров друг от друга.

Однажды вечером Теча на своей стороне на склоне заиграл на дечиг-пондаре и запел песню. Он пел и играл для того, чтобы слышала Цай. Это было время, когда скот возвращался с пастбищ. В местечке Айти-Мохк, на Поляне Джамби, нарт Цай, возлюбленная Теча, доила коров. Цай так заслушалась мелодией, которую наиг-

рывал на пондаре ее возлюбленный, и мысли ее так рассеялись, что она сдаивала молоко от десяти коров на землю.[1]

Нарт-орстхоец Теча увидел это издали и, не сходя с места, оторвал от горного хребта скалу величиной в три-четыре арбы. Ради шутки он бросил скалу к Цай. Она очень обрадовалась этой шутке и в ответ бросила в направлении к Теча, к расщелинам хребта, другой камень. На камне, брошенном Теча, Цай на радостях так [бурно] протанцевала, что, повернувшись на пятках, сделала одну выбоину в камне, а ударив рукой — сделала вторую. После этого на том же камне, который и в ширину и в длину имел по 3 метра, вновь принялась танцевать.

49. НАРТ-ОРСТХОЕЦ КУСКУЗ

Нарт-орстхойцы жили по лощинам близ реки Ясса. И сейчас рассказывают люди о дорогах, по которым якобы они ходили, местах, где они будто бы жили. О них говорят, что были они высокого роста, плотные и каждый был сильнее семерых людей. Если у кого и случалась нужда в каком-либо обломке скалы или в топоре, они перебрасывались ими на расстоянии. На поляне Айга стоит камень, который бросил нарт Вадал, когда он из-за чего-то рассердился.

Говорят, что надгробный камень Кускуз принадлежит нарт-орстхойцу по имени Кускуз. Близ селений Галайты и Заман-Юрт лежат камни, которые будто бы метали нарт-орстхойцы.

50. МЕЛЬНИЧНЫЕ ЖЕРНОВА НАРТ-ОРСТХОЙЦЕВ

Выше Зандак-аула проходит невысокий хребет, который называется Ов-Мохк. За ним протекает речка Ярхсу. Под Амар-вершинами лежат два камня, которые, говорят, были жерновами мельницы нарт-орстхойцев. Они, действительно, по виду напоминают жернова. Некоторые уверяют, что это жернова от ручной мельницы; и действительно, на верхнем камне имеется углубление, будто бы предназначенное для того, чтобы крутить его кистью руки. Камни те такие большие, что, сидя на лошади, можно на них разворачиваться в разные стороны.

На плоскогорье Шамси, близ Зандака, вокруг селений Ножай-Юрт и Дарги, есть места, где, говорят, раньше были могилы нартов.

51. БАШНИ НАРТ-ОРСТХОЙЦЕВ

На противоположных берегах речки Ясса стояли две башни. В одной башне жил молодец, в другой — девушка.

Молодец очень любил девушку, но она не соглашалась выйти за него замуж.

Когда молодец сказал ей, что, хочет она того или не хочет, но все равно должна выйти за него замуж, девушка ответила:

— Я пойду за того, кто в споре со мной одолеет меня силой и доблестью.

Они бросили два камня на спор: кто кинет дальше. Когда посмотрели на брошенные камни, оказалось, что они на одинаковом расстоянии от места, откуда их бросили. Об этих двух камнях и говорят, что когда-то их бросили на спор один молодец и девушка.

52. БАШНЯ НАУРАЗА

Близ дороги, ведущей в Ножай-Юрт, проходит хребет, который называется «Разрушенный хребет» *(«Боьхна-берд»)*. На его гребне, говорят, стояла башня царя, предводителя нарт-орстхойцев — Науразa. На хребте видны какие-то насыпи — будто бы там стояла большая башня. Земля там местами обгоревшая, имеются большие комья, будто бы там были какие-то строения. Старики-сказители из Ножай-Юрта рассказывают:

— Когда с горных высот вайнахи* пошли войной на царя нартов Науразa и уже настигали его, он оттуда (где была крепость) забрал свою золотую казну и унес ее на восток, за речку Ямсу. Вот как он ее переносил: он заставил войти в речку Ямсу подчиненных себе нартов, велел им стать поперек реки и возвести каменный вал; по нему он перенес свою казну к хребту, на котором имеются *Молланийн-бярзанаш* («Холмы муллы»). Там, по воле Науразa, и спрятали эту казну. Он надеялся при удобном случае вернуться и забрать ее оттуда. Однако Науразы и его воины, разгромленные и разогнанные чеченцами, никогда больше не возвратились.

53. ХРЕБЕТ СЕМИ БРАТЬЕВ НАРТ-ОРСТХОЙЦЕВ

В детстве я слышал от предков своих, что в давние времена в краю, где мы сейчас живем, находилось большое село нарт-орстхойцев. Среди нарт-орстхойцев жили семь братьев и одна сестра. Все они были одинаковой силы и доблести. Все это произошло еще до наших семи предков, когда люди переселялись из Нашхи в Ялхой-Мохк.

Место, где постоянно жили братья и сестра, называлось «Хребет семи братьев нарт-орстхойцев». Семеро братьев-нартов обладали неимоверной силой. Жители Ялхой-Мохка не могли ничем противостоять братьям, поэтому терпели притеснения. Тогда люди сговорились хитростью одолеть нартов.

Когда семеро братьев и их сестра улеглись спать в своем доме, люди подождали, пока они уснут, украдкой пробрались в дом и свалили большую опору, стоявшую посреди дома. Кровля обрушилась, и под ней были погребены нарт-орстхойцы.

Близ нашего села есть два больших камня. Рассказывают, что это две опоры от бывших здесь нартских ворот. Говорят, что, когда погибли семеро братьев и их сестра, отсюда ушли и все другие нарт-орстхойцы.

54. СЕСКА СОЛСА И ЛЕСНОЙ ГОЛУБЬ

Когда-то в давние времена жил-был один мужчина по имени Сеска Солса. За один присест съедал он целого барана. Как заснет — неделю спал, а как начнет бодрствовать, так целый месяц не ложился. Был он одноглазым[1]. Он не имел своего дома, потому и странствовал все время по долинам, горам и лесам.

Однажды, бродя по лесу, Сеска Солса увидел голубя[2] с перебитым крылом. Пожалев его, он взял этого голубя и ухаживал за ним целый месяц: нежно ласкал, кормил и поил до тех пор, пока у него не поправилось крыло. После того, как поправилось крыло, голубь, полюбив Сеска Солсу, приручился к нему и не улетел, а все время стал странствовать вместе с Сеска Солсой.

На свете не было человека, кто мог бы одолеть Сеска Солсу. Однажды, когда он спал, его враги предательски выкололи его единственный глаз. Из-за этого Сеска Солса никуда не мог больше пойти и умер. У лесного голубя с тех пор, говорят, и появились золотые перышки в тех местах, которых касалась ласкающая рука Сеска Солсы. Даже и сейчас, если прислушаться, можно услышать, как воркует этот голубь в лесу. Он кричит: *«Iэл кхо-о-нг*[3] *Сеска Солса»* («Для Эла жаль (тебя), Сеска Солса»).

55. СОЛСА И ПАТАРАЗ

Солса и Патараз возвращались из дальней дороги. Они проходили через один большой шахар. Вместе с ними было еще шесть нарт-орстхойцев. Все они остановились у одной престарелой вдовы. С дороги они сильно проголодались. Между тем вдова налила водой котел, вмещавший в себя быка, и бросила туда для варки три ребра. Затем она взяла из мешка щепотку муки, начала ее сеять и приготовлять чурек.

— Что она за сумасшедшая! Неужели она думает накормить нас, голодных, тремя ребрами мяса и щепоткой муки?

Вдруг щепотка муки наполнила целое корыто, а от трех ребер наполнился весь котел мясом.

— Какое чудо! — удивились нарт-орстхойцы. — Из трех ребер наполнился котел мясом, а из щепотки — корыто мукой. Объясни нам причину этого! Нас очень удивляет превращение малого в большое.

— Такая благодать была до рождения Хамчи Патараза. Это ребра быка, зарезанного до рождения Патараза; и мука, смолотая

тоже до рождения Патараза. Но когда появился на свет Хамчи Патараз, вся эта благодать пропала.

— Неужели виновник скудности — Патараз? — спросил Патараз вдову.

Она не знала его в лицо и ответила:

— Да!

— Как же восстановить прежнюю благодать и зависит ли это от Патараза? — спросил он вдову.

— Не знаю, — ответила вдова.

Нарт-орстхойцы возвратились домой. Хамчи Патараз был сильно опечален тем, что его появление на свете есть причина потери благодати для всего человечества. Он решил погибнуть, чтобы не носить на себе больше человеческих грехов. Поэтому по возвращении домой он позвал всех жителей, чтобы они привезли дров. Затем он нажег из этих дров углей и велел вокруг углей поставить меха. Он встал посреди углей и велел жечь их и поддувать мехами. Несмотря на ужасный жар, Хамчи Патараз, хотя раскалился, но не умирал. Тогда он говорит с досадой:

— Бросьте меня в реку. Может быть вода отнимет душу мою!

Его бросили в воду, и тогда он совсем окреп.

56. КУДА ДЕВАЛИСЬ НАРТ-ОРСТХОЙЦЫ

Нарты, пьющие расплавленную медь[1], переселились на небо[2]. На Западе есть семь блестящих звезд[3], это и есть пропавшие нарты.

57. СИРАЯ ВДОВА И НАРТ-ОРСТХОЙЦЫ

Жила в Ичкерии[1] сирая вдова, лишившаяся двух сыновей, которых убили нарт-орстхойцы. Сидя в своей землянке, старуха вспоминала о своем несчастье и горько плакала. Стенания ее были прерваны раздавшимся во дворе шумом. Выйдя из землянки, она к ужасу своему увидела семерых нарт-орстхойцев и готова была бежать, когда один из них задержал ее и попросил накормить их. Делать было нечего; она ввела их в землянку, развесила их щиты и оружие по стене и принялась за стряпню. Положив в маленький котел ребрышко сушеной баранины, она повесила его на огонь и, взяв горсть муки, замесила лепешку. Нарт-орстхойцы забавлялись над таким легоньким обедом, ибо каждый из них съедал по барану. Но каково же было их удивление, когда, принявшись за поданный обед, они не съели всего мяса и хлеба. Они попросили старуху объяснить им это чудо. Старуха отвечала:

— До нашествия нарт-орстхойцев на Ичкерию страна благоденствовала; хлеба, молока и масла было в изобилии; дети наши росли и хорошели. С появлением нарт-орстхойцев все изменилось, видно, бог наказал нас за грехи наши вашим нашествием. Урожаи

прошли, коровы не дают молока, благодать, как река в море, утекла из Ичкерии. Глядя на детей наших, мы выплакали глаза и теперь ускоряем печальные дни нашей жизни. Нарт-орстхойцы убивают мужчин, а дочерей уводят к себе для бесчестья. Да будут прокляты нечестивые нарт-орстхойцы со своим потомством; уж лучше бы бог послал на нас моровую язву и истребил бы всех! Мясо и мука, вам поданные, сбережены еще с того благодатного времени, когда мы не ведали о нарт-орстхойцах.

Услышав этот разговор, нарт-орстхойцы устыдились за самих себя, устыдились того, что они служат карой для народа, что они даже саму природу разгневали своими беззакониями. Раскаяние овладело их жестокими сердцами; они стали названными сыновьями старухи, построили жилища вокруг ее землянки и, поженившись на невестах, ею избранных, слились с этим народом.

58. СМЕРТЬ НАРТ-ОРСТХОЙЦЕВ

Если бывало, нарт-орстхойцы посеют хлеб, то на пашне их вырастала одна чистая трава; если нарт-орстхойцы варили себе мясо дичи (они старались питаться одним мясом после неудач в посеве хлеба), то оно в самом котле превращалось в зловоние. Тогда они решились на отчаянную смерть: они расплавили красную медь и выпили ее. Так отравились нарт-орстхойцы, из которых последним испустил дух Сеска Солса. У Солсы перед смертью появилось желание выпить воды. Когда, будучи в предсмертной агонии, Солса увидел ворону, летевшую мимо него, то он обратился к ней с просьбой, принести ему воды.

— А я думала, — ответила ему ворона, — что ты уже умер и прилетела поклевать твой вкусный глаз.

Солса проклинает ворону и обещает дать бокал напитка тому, кто убьет ее[1]. Проходит мимо него волк. Солса обращается к нему с такой же просьбой, что и к вороне. Волк говорит ему, что он пришел не помогать, а поесть его внутренности, думая, что он испустил дух. Солса и его тоже проклинает и обещает дать три бокала напитка тому, кто убьет волка. Пролетает затем мимо Солсы голубь. Солса обращается к нему с просьбой. Голубь приносит ему в красных чувяках воды; и Солса, утолив жажду, поблагодарив голубя и погладив его по шейке, умирает. Оттого, будто бы, как говорят ингуши, у голубя шея золотистая и кричит он так: *кокъ, Солсан кокъ*, то есть голубь, Солсы голубь[2].

59. ОТЧЕГО ПОГИБЛИ НАРТ-ОРСТХОЙЦЫ

Сеска Солса однажды с несколькими всадниками поехал на охоту. Они убили зайца, передали его нарт-орстхойцу Хамчи Патаразу и велели ему сварить его. Сварив этого зайца, Хамчи Патараз вынул его из котла и положил на куст; заяц ожил и убежал и, когда Сеска Солса возвратился и хотел закусить, зайца не оказалось. Сеска Солса стал требовать отчета у Хамчи Патараза, но тот сказал, что заяц убежал, когда он его сварил и положил на куст. Сеска Солса не поверил ему и говорит:

— Лучше отдай зайца, не может быть, чтобы сваренный заяц убежал; это ты насмехаешься надо мной.

Тот стал уверять его в том, что это действительно так и было, хотя сам не знает отчего. Сеска Солса спросил всадников, верят ли они словам Хамчи Патараза или нет. Те ответили, что это неправдоподобно. Тогда Сеска Солса отсек голову Хамчи Патаразу. Но потом они стали раскаиваться, что убили его, и один из них предложил положить Хамчи Патараза на тот куст, о котором он говорил. Хамчи Патараз ожил. С тех пор убитого товарища нарт-орстхойцы всегда клали на этот куст и оживляли[1].

60. ЯЛХОЙ-МОХКСКОЕ СКАЗАНИЕ

В прежние времена аул Ялхой-Мохк[1] против нынешнего был гораздо больше. В нем жили семь братьев богатырей[2], отличавшихся силой и молодечеством. Все их очень боялись, так как они мужчин убивали, а женщин подвергали насилию. Была у братьев единственная сестра такой красоты, что, пожалуй, красивее всех на свете. Однажды она пошла к роднику и стала мыть в нем вату. Вату она положила на серебряную доску и, поливая ее водой из родника, била потом золотыми палками. В то время, когда она это делала, подошли к роднику пастухи с гор и заметили, что у нее сквозь разорванное платье что-то белеется, как молоко или как только что выпавший снег. Пастухи остановились и спросили сестру богатырей:

— Девушка, что это у тебя белеется: лоскуток платья или тело твое?

Она сказала:

— Тело.

— Ой-ой! Какое белое тело! — удивились пастухи и ушли себе.

Сестра богатырей окончила свое дело и пошла домой, а вскоре после того умерла от дурного глаза пастухов. Братья выкопали могилу и похоронили сестру. Потом младший из них пошел на речку Гумс и отыскал каменный столб для памятника на могиле. Столб был такой тяжелый, что восемь пар быков не могли бы стронуть его с места, но младший брат взвалил его себе на плечи да один и принес на кладбище. Потом он один же и сразу воткнул столб в землю около могилы сестры. Стоит этот памятник и теперь, и на нем ясно видны пальцы богатыря.

Покончив с похоронами сестры, братья сказали друг другу:

— Теперь нам нечего делать здесь, пойдемте путешествовать по свету.

И пошли они путешествовать по свету. Шли очень долго и почувствовали сильный голод. Тогда они завернули в аул и зашли в саклю одной бедной вдовы. Вдова приняла их, как гостей, попросила сесть отдохнуть и начала готовить для них еду. Сначала она разложила огонь и повесила над ним котел, да такой большой, что в нем, наверное, можно было бы сварить целого быка или лошадь, а потом взяла и бросила в котел такой маленький кусочек мяса, что видеть нечего было. Заметив это, братья говорят один другому:

— Что нам в этом кусочке мяса? Она хочет нас оставить голодными.

Между тем мясо сварилось, и вдова стала просить кого-нибудь из братьев снять котел с огня. Пошел старший брат: бился, бился он, но снять котел не мог. Пошел к нему на помощь второй брат, потом третий, потом четвертый, но и вчетвером они ничего не смогли сделать. Тогда вдова пошла сама и одной рукой сняла котел с огня. Начала она выкладывать из котла мясо и выложила его столько, как будто в него был положен целый бык. Затем она бросила в котел галушки, приготовленные из горсточки муки, и опять повесила его над огнем. Когда же и галушки сварились, вдова выложила их вместе с мясом на несколько огромных блюд и предложила гостям закусить. Гости наелись досыта, а мяса и галушек осталось еще столько, что хватило бы на сто человек. Утолив голод, братья спрашивают хозяйку:

— Как это ты сделала, что из положенных в котел маленького куска мяса и горсточки муки у тебя наварилось так много мяса и галушек?

Вдова не знала, что гости ее богатыри, и на вопрос их ответила так:

— Дай бог погибнуть всем нынешним богатырям! С тех пор, как эти люди появились на свет, все в мире стало оскудевать. Теперь уже нет и не будет ни той пшеницы, ни того мяса, которые были прежде, и то, чем я вас накормила, это последние остатки прежней благодати.

И еще раз сказала:

— Пусть будет проклято народившееся племя богатырей!

Печально выслушали братья проклятье старухи и, простившись с ней, отправились обратно в свой аул Ялхой-Мохк, а когда пришли, то почувствовали, что им стало тяжело жить на свете. Подумали они и решили умереть. Отправившись на ялхой-мохкское кладбище, братья вырыли себе там одну общую могилу и натаскали к ней с Гумса много камней. Потом, возвратившись в аул, они собрали все аульное население и объявили ему о своем решении умереть, завещав, чтобы после смерти их всех положили в одну могилу и над могилой сделали курган из заготовленных ими камней.

После этих распоряжений братья расплавили в огромном котле красную медь и начали пить ее из огромных чашек. Младший брат наполнял чашки и угощал шестерых старших, а когда шестеро старших, напившись меди, попадали на пол сакли, он поднял котел и сам выпил все, что в нем оставалось. Но не сразу умерли братья. Они еще долго мучились, восклицая один за другим:

— Ой, все кипит у меня внутри, ой, все кипит!

И сказали они собравшемуся народу:

— Пусть дно котла будет вечно напоминать вам, как кипит у нас внутри.

После смерти братьев народ исполнил их завещание: положил их всех в одну общую могилу и воздвиг на ней курган из заготовленных раньше камней.

Так умерли ялхой-мохские богатыри, предки нынешних ялхой-мохкцев, и дно котла доныне напоминает всем об их страданиях перед смертью. Налейте в котел воды и поставьте его на огонь. Когда огонь разгорится, в котле начнется шум. Этот шум и напоминает нам о том, какой смертью умерли наши (ялхой-мохкцев) предки.

61. КАК НАРТ-ОРСТХОЙЦЫ СГИНУЛИ СО СВЕТА

В то старое время весь мир был благодатным, во вселенной не знали, что такое дуновение ветра. С неба спадала нитка, на конце которой висели лоскутки. Они никогда не шевелились. Да и могли ли они без ветра колыхаться? Все было в изобилии — и посевы, и запасы, и все, что добыто.

В то время в нашем крае появились нарт-орстхойцы во главе с Сеска Солсой. С шестьюдесятью нарт-орстхойцами он нападал на села, разорял их и насильничал над людьми. С появлением нарт-орстхойцев во вселенной появилось зло и стали дуть злые ветры, они уносили уложенное на горных холмах зерно, разносили скошенное сено. Посевы зерна стали малоурожайными; овцы и скот хирели. Все, что создавалось трудом человека, становилось неблагодатным.

В один из дней в большое село прибыл Сеска Солса со своими всадниками, чтобы ограбить людей, унести их богатства, а оказавшего сопротивление — убить.

Следовавшие за Сеска Солсой люди сказали ему:

— Это село слишком большое, много людей живет в нем; если они окажут нам сопротивление, то мы можем пострадать. Нам бы лучше разделиться на группы и назваться их гостями, явиться к ним в гости, сделав вид, что мы ищем пристанища. После этого мы выкрадем из их жилищ оружие и тогда возьмем село без ущерба для себя.

Сеска Солса согласился. Разделившись на группы, нарт-орстхойцы направились в село.

Сеска Солса с тридцатью нарт-орстхойцами оказался в гостях у Жера-Бабы. Жера-Баба пригласила гостей в комнату и принялась готовить еду. Она взяла медный наперсток муки, отломила кусочек от бараньего ребрышка и стала готовить пищу.

— Эй, что ты делаешь? — спросил удивленный Сеска Солса. — Кто насытится пищей, приготовленной тобой?

— Э, мальчик, после того, как вы все насытитесь вдоволь, кое-что останется и мне. Я готовлю пищу из той муки и из того мяса, которые были на земле до появления на свет Сеска Солсы и его нарт-орстхойцев. Тогда на земле еще не было ветра, а была одна благодать. Кто не видел Сеска Солсу, — да не увидит его, кто однажды видел — пусть не увидит больше! Появившись со своими нарт-орстхойцами, он унес благодать с нашей земли. Страна обнищала и люди разорились.

Опечаленный услышанным, Сеска Солса будто прирос к своему месту.

— Эй, что стало с тобой?—спросила удивленная Жера-Баба.— Ты потерял цвет лица и стал как воск. Не ты ли Сеска Солса? Кто не видел — да не увидит, кто видел — пусть больше не увидит его!

— Я и есть тот самый Сеска Солса, — сказал Сеска Солса Жера-Бабе и ушел со своими нарт-орстхойцами не только из села, но и из того края.

С тех пор никто их больше не видел.

62. ГИБЕЛЬ НАРТ-ОРСТХОЙЦЕВ

В горах был очень богатый и сильный аул. Ни один человек не осмеливался нападать на него.

— Я не успокоюсь, пока не возьму этот аул, — сказал Сеска Солса и с шестьюдесятью нарт-орстхойцами напал на аул и завоевал его.

Когда нарт-орстхойцы возвращались домой с богатой добычей, под ними провалилась земля, и они все оказались на большой глубине, откуда не могли выйти. Нарт-орстхойцы съели всю пищу, какая у них была, а затем съели и лошадей.

Тогда Сеска Солса сказал:

— Пусть не говорят люди, что нарт-орстхойцы умерли с голоду с опухшими ногами и головами. Лучше умрем сами по своей воле.

Нарт-орстхойцы согласились с его словами.

Они расплавили медь, и каждый нарт-орстхоец выпил по одной чаше, а Солса, сын Сески, выпил три чаши. Как только выпили медь, нарт-орстхойцы умерли. Солса, выпивший три чаши расплавленной меди, сидел с горящими внутренностями, перенося великие муки.

И он закричал:

— Нет ли в мире кого-нибудь, кто принес бы мне глоток воды?!

Мимо бежавший волк сказал:

— Если бы ты умер, я бы съел твои легкие и печень и выпил бы твою кровь, — стану я тебе воду таскать!

Мимо летевший ворон сказал:

— Если бы ты умер, я бы выколол тебе оба глаза, — стану я тебе воду носить!

Лесной голубь прилетел с глотком воды для Солсы.

Сеска Солса обвязал золотой ниткой шею голубя, принесшего ему воды и сказал:

— Отныне да будет имя твое связано с моим.

Затем Сеска Солса умер.

С того времени лесной голубь имеет вокруг шеи перышки, подобные золотой нитке, которой обвязал его Сеска Солса, и имя его связано с именем Солсы, сына Сески, так как называется он «голубем Солсы».

И с тех пор воркует голубь:

— Іэл кхо Сеска Солса,
Іэл кхо Сеска Солса[1].

63. СМЕРТЬ НАРТ-ОРСТХОЙЦЕВ ОТ ГОЛОДА

У нарт-орстхойцев был неурожай в течение семи лет. Они отнимали хлеб у других людей и кое-как перебивались. И в конце концов им волей-неволей надо было умереть голодной смертью. Поэтому они начали пить расплавленную медь, чтобы поскорее избавиться от мучений. Все они от этого умерли, не умер только один Сеска Солса; ему сильно захотелось пить, но он не имел сил встать и, лежа, стал просить воды у птиц, пролетавших над ним. Ни одна птица не исполняла его мольбы. Один лишь голубь сжалился над умирающим и принес ему воды. За это Сеска Солса оторвал волос от своего уса и привязал к шее голубя, велев ему произносить имя свое до светопреставления. У этого голубя и теперь на шее видна белая полоса от волоса Сеска Солсы, и он постоянно выкрикивает:

— Калиг, Сеска Солса, калиг, Сеска Солса![1]

64. ЧТОБЫ КОТЕЛ ГОВОРИЛ О НАС

По реке Ямсу жил некий нарт-орстхоец. Одна старуха попросила его сходить в лес за дровами. Она сказала:

— Когда вернешься, я тебя обильно накормлю вкусной едой.

Сходив в лес, нарт-орстхоец возвращался к старухе и нес ей три ствола дерева. Один ствол он заткнул за пояс, два других нес

на плечах. Увидел его черт и, чтобы разозлить нарт-орстхойца, сказал:

— Старуха не приготовила еды столько, чтобы ты насытился. Зачем ты несешь ей дрова?

Разозлился нарт-орстхоец и тут же отбросил от себя два ствола, которые он нес на плечах, а про тот ствол, который был у него за поясом, забыл. С ним он пришел к старухе. Она обрадовалась, что ей принесли ствол дерева и дала нарт-орстхойцу три большие лепешки. Нарт-орстхоец был недоволен, считая, что три лепешки для него недостаточно, однако он стал их есть, насытился, а лепешки еще остались. Это удивило его, и он спросил старуху:

— Что за чудо! Я думал, что мне этих лепешек не хватит, чтобы и горло смазать. Думал я, что эти три лепешки у меня в зубах застрянут, а они меня не только насытили, но еще и остались. Почему это так, в чем причина?

Старуха ответила:

— До того, как появились среди нас нарт-орстхойцы, пища была благодатной. А когда вы появились, пропала наша благодать. Мука, из которой я сделала лепешки, была смолота до того, как вы появились. Ты быстро насытился потому, что она благодатная.

Нарт-орстхоец ушел, подобрал брошенные им два ствола дерева и, поблагодарив старуху, отдал их ей.

Когда нарт-орстхойцы узнали, что благодать (изобилие) пропала из-за них, они докрасна расплавили медь и, выпив ее, все погибли. Люди употребляли брагу, а нарт-орстхойцы по гордости своей пили расплавленную медь.

Перед тем, как взять в руку чашу с расплавленной медью и выпить ее, нарт-орстхойцы произнесли:

— Пусть котел говорит о нас!

Поэтому, говорят, что котел, стоящий на огне, шипит «цизз-цизз».

65. ГИБЕЛЬ СЕМИ НАРТ-ОРСТХОЙЦЕВ

В давние времена в Ялхой-Мохке жили семеро братьев нарт-орстхойцев. Они сильно притесняли людей. Бывало, женится молодой человек, а нарт-орстхойцы на время забирали у него невесту. Так они позорили чужих жен.

Женился как-то сын одного старика. Старик очень переживал, потому что боялся позора своего сына и своей невестки; он решил спасти невестку от насильников. Старик выстроил внешне красивый дом, крышу укрепил на столбе, но так, что рухнет кровля, если его выбить. Старик стал таскать большие камни и класть их на крышу. Из них образовался большой холм. Все это старик делал в большой тайне.

И вот однажды старик позвал к себе нарт-орстхойцев, завел их в построенный дом. Усадил их, поставил им пить и есть, а сам вышел. Нарт-орстхойцы стали пить брагу, есть мясо и в скором времени захмелели. Тогда старик послал к ним своего слугу, сказав:

— Возьми их чхонкар (палицу) и бей ею по столбу, что стоит посередине дома. Это развеселит их.

Слуга не знал, что крыша может рухнуть. Вошел он в дом и стал палицей бить по этому столбу и приговаривать:

— Семи братьев палица, семи братьев палица...

Столб вскоре расшатался, крыша дома рухнула и свалившиеся камни погребли под собою братьев-насильников.

Так умный старик освободил людей от нарт-орстхойцев.

1. СПОЕМ ПРО ТУРПАЛА НОХЧО!

Неохотно приближаешься к старости,
Неохотно удаляешься от молодости.
Не хотите ли, добрые молодцы,
Про турпала Нохчо[1] спою вам нашу родную песню?

Как искры сыплются от булата,
Так мы рассыпались от турпала Нохчо.
Родились мы в ту ночь,
Когда от волчицы родятся щенки,
Имена нам были даны в то утро,
Когда ревел барс;
Такими произошли мы от праотца турпала Нохчо!
Когда на небе нет туч, тогда и дождь не идет,
Так и у нас, когда нет думы на сердце,
То и глаза не плачут...

Не утратим славы имени отца нашего турпала Нохчо!

2. БОГАТЫРЬ НОХЧО

Некогда из того места, где теперь стоит город Астрахань, вышел на гору Сюрин-Корт[1] один богатый и сильный человек и поселился на этой горе со своими стадами овец и скота. Пришли откуда-то три брата-охотника и, увидев укрепление, устроенное богатырем вокруг своего жилища, решили воровски забраться в крепость и убить владельца, чтобы завладеть его стадами и имуществом. Подойдя ночью к воротам крепости, которые не имели запоров, а закрывались припертым к стене большим камнем, они попробовали отвалить камень, но все усилия остались тщетными. Братья поняли, что имеют дело с богатырем, и поэтому придумали другой способ действия. Дождавшись наступления утра, они пошли к богатырю в гости и, вкравшись в его доверие, предложили ему породниться с ними, женившись на их сестре. Богатырь принял предложение, и братья ушли домой. Дома они уговорили сестру по выходе замуж

за богатыря убить его. Воспользовавшись благоприятным временем и заручившись согласием, отвели ее к богатырю, где и оставили как его жену. Ровно через год братья снова явились на Сюрин-Корт, чтобы вступить во владения, оставшиеся после убитого, как они думали, богатыря, стадами и имуществом. Но они разочаровались в своих надеждах: богатыря они нашли по-прежнему живым и здоровым, и сестра их оказалась хорошей женой и хозяйкой своего мужа — большою мастерицей делать сыры. Братья стали объясняться с сестрою и получили ответ, что богатырь не только силен, но и осторожен, и, что попытка убить его, наверное, навлекла бы гнев на их головы; и что, главное, сделать такую попытку она не могла, потому что чувствует себя беременной от мужа. Рассерженные братья решили навсегда покинуть сестру-обманщицу и, уходя от нее, обозвали ее с мужем нохчи[2], насмешливо намекая этим на род их занятий. В свое время жена богатыря родила ему сына, названного почему-то Наших, а за первым родила еще шесть сыновей, назвали их разными именами[3]. Все семь сыновей выросли, они разошлись в разные стороны. Первый сын, Наших, поднялся в верховья Аргуна-реки и там между Аргуном и рекою Гехи, построил аул, названный его именем. От этих-то семи сыновей богатыря Нохчо и пошел народ «нохчий» — чеченцы.

3. ПОТОМСТВО ТУРПАЛА

Был человек по имени Турпал[1], что значит богатырь. Мало-помалу, углубляясь в горы, он достиг страны ингушей. В те времена ни зверь, ни птица — никто не был еще в этих диких горах. Здесь он поселился в пещере и завел скот и овец. Утром, уходя со стадом, он заваливал вход в пещеру огромным камнем. Случайно заехал сюда на охоту князь со свитой. Увидев пещеру и громадный заслон у входа, они сказали: «Нам не под силу бороться с человеком, который ворочает такими камнями», и возвратились домой. Здесь они выбрали красивую девушку-рабыню и подослали ее к богатырю. Тот принял гостью как следует и, возвращаясь домой каждую ночь, резал для нее барана. Так прошло три ночи, и богатырь стал расспрашивать девушку:

— Скажи мне, кто ты и откуда ты?

— Я много слышала о тебе и, полюбив, пришла жить с тобой, — ответила она.

— Я не люблю тебя, и жизнь с тобой мне в тягость, — сказал он и отослал ее обратно.

С тех пор повелся обычай: по прошествии трех дней гость лишается права гостеприимства. Тогда князья подослали к богатырю девушку, не рабыню, но и не княжеского рода. И с ней богатырь поступил точно так же. Наконец князь послал к нему свою собственную дочь. Эта сразу пришлась богатырю по сердцу, и по прошествии

трех ночей он стал жить с нею, как с женой. Тогда родственники подговорили ее опоить мужа сонным питьем, связали его и вместе со всеми стадами отправились восвояси. Здесь собрались князья на совет и стали решать, что делать с пленником. Одни предлагали застрелить его из ружья, другие — заколотить в бочку и бросить в воду. Но дочь прислала сказать отцу-князю: «Телом ты, как бык, а умом глупее, чем теленок. Я беременна. Хорошо еще, если родится девочка, если ж родится мальчик, мне с ним не справиться. Близко к сердцу примет он смерть своего отца и отомстит вам за его кровь». Отец и все князья вынуждены были согласиться с этими доводами, выделили часть имущества, приходившуюся на долю княжны, и опять поселили богатыря с женой на старом месте. Здесь родила она ему сына, державшего в руке лист, и назвали его Листом (Га). Второй сын родился с сыром (Нэхч) в руке, и назвали его Нохчуо (т. е. чеченец). Он поселился в месте, называемом Нашах[2]. Третий сын назван был Арстхуо, то есть арстхоец, и поселился в месте, называемом Мерж[3].

Старший сын Га остался жить в месте Маг (в теперешней нагорной Ингушетии). У него был сын Галга (т. е. Унгуш). У Галгая был сын Галмет. У Галмета был сын по имени Эндрий (Андрей). У Эндрия было четыре сына: Цикма, Гюй, Чопа, Чек. От Цикмы произошли: Корбынхуо, Машхуо, Эзди. У Корбынхуо был сын Биск. У Биска — сын Эти, у Эти — Эшк (т. е. Железо), у Эшка — Бочал, у Бочала — Кортыж, у Кортыжа — было четыре сына: Шолдаг, Умыр, Шахмырзы, Фаттыганг. Шолдага сын был наш отец Ганыж. У Ганыжа сын я — Сулейма.

4. ПРЕДОК ГА И ЕГО ПОТОМСТВО

Рассказывают, что восемьсот шестьдесят лет назад жил мужчина по имени Га. Он был весьма могущественным человеком.

У Га было четыре сына: Нохчо, Галга, Мялхе, Акке. Они дали очень большое потомство; от каждого из них образовалось целое племя и каждое из них носило имя своего предка. Никто не осмеливался сразиться с этими племенами. В то время еще не было огнестрельного оружия. Люди носили кольчуги, а воевали стрелами, копьями. Однажды на них напали могущественные, но дикие иноземные люди. Между ними и потомками Га произошло кровопролитное сражение. Потомки Га одержали верх и отогнали врагов далеко от своих границ.

Враги посовещались между собою и поняли, что силою им не одолеть потомков Га, поэтому решили покорить их коварством. Они надумали нарушить мир и согласие между потомками сыновей Га. Враги стали золотом и лестью подкупать одних, а другим раздавать княжеские титулы. Исподволь ввели они среди потомков Га поня-

тия «князь» и «раб». Вскоре те, кто позарился на деньги и титулы, стали переходить на сторону врагов.

Нарушив согласие между потомками Га, враги собрали свою силу и вновь напали на них и довольно легко победили. Оставшиеся в живых потомки Га ушли в горы. Потомки Нохчо, Галгая, Акке, Мялхе поселились в горах сопредельно и стали строить крепкие башни. Но враги, постоянно нападая, и там не давали людям жить. Им не позволялось ни пахать, ни пасти скот. Тогда-то сто двадцать лучших семей, говорят, покинули нашу страну и ушли жить к другим народам.

5. ВАМПОЛОЖ И КАБАРДИНЕЦ

В одно время с Сеска-Солсой жили в горах джелты [1]; они были трудолюбивыми и образованными, также были хорошими строителями и построили много башен и замков. Кроме того, джелты оставили в разных местах большие клады. Они уехали от нас в какую-то другую сторону.

После джелтов жили вамполож [2], между ними были двуротые. Одна из женщин-вамполож родила двух мальчиков: одноротого и двуротого. Однажды братья вышли на охоту; лесов в то время там не было, а рос небольшой кустарник, в Тарской же долине жили кабардинцы. Братья-вамполож напали на одного кабардинца и захватили его в плен. В скором времени вамполож начали умирать. Кабардинец, бывший в плену у вамполож, взял с собою кабардинку, женился на ней и воротился в Тарскую долину, откуда затем они ушли в горы. От этого брака произошли горные ингуши.

В то время умер один кабардинский князь, живший в Тарской долине. Жена его никому не сказала о смерти своего мужа, — днем она прятала его тело в уединенном месте, а ночью приносила в свою саклю и оплакивала его. Вскоре кабардинцы узнали про смерть своего князя и похоронили его. Потом они собрали свое имущество и выселились дальше на плоскость, где и осели вблизи Тулатова аула. Оттуда кабардинцы весьма часто нападали на вамполож, грабили, убивали или же уводили их в плен. Вамполож рассердились на кабардинцев и в ответ напали на них сами. Последние тогда выселились еще дальше на равнину. Вамполож разрушили и забросали камнями их жилища. Эти камни и до сих пор лежат на том же месте. В то время самое употребительное оружие было — луки, а у некоторых — ружья, но не такие, как теперь, а с фитилями.

6. ЭГИ, ХАМХИ И ТАРГИМ

Здесь, в горах, зародились и окрепли роды «трех селений» (кхаькхалахой [1]), ведущие начало от трех братьев: Эги, Хамхи и Таргима. Отец их жил в долине реки Ассы, прорезающей всю горную Ингушетию. Перед смертью он собрал сыновей и стал спрашивать их, что умеют они делать и чем хочет каждый из них заняться. Младший, Таргим, сказал:

— Я могу делать деревянные маслобойки.

— Отдаю тебе свое место, живи здесь и занимайся хозяйством, — решил отец.

Средний, Хамхи, сказал:

— А я могу сделать лук и люблю охотиться.

Отец отдал ему ближние горы. Старший, Эги, сказал:

— А мне нравится место у реки, где бы я мог чистить коня и принимать гостей, больше мне ничего не надо.

Отец отдал ему луга на берегу Ассы. Здесь по главному ущелью Ингушетии построили братья свои башни, и все пути из гор на плоскость оказались в их руках. Всякий, кто проезжал или прогонял свой скот через владения трех братьев, должен был платить им дань, которая исчислялась скотом или пулями и зарядами пороха. Так, за проход с одного человека и с каждой головы скота братья брали по одной пуле и по одному заряду пороха.

Мало-помалу в руках братьев и их потомков скопились богатства, поселения их разрослись и по их именам получили названия селения: Эгикал, Хамхи и Таргим. В союзе с другими соседними родами Баркинхоевых, Евлоевых и родом Ферта-Шоулы, потомки трех братьев, или роды «трех селений», вооруженной рукой распространили свою власть на ряд соседних племен.

7. ТРИ БРАТА

Алу Усман имел крепкую власть над людьми и заставлял их подчиняться себе. Этого не снесли три гордых брата — предков чеченцев. Они ушли от него и дошли до местечка Нохчхаз, что находится на границе Чечни и Кумыкии. Там они обосновались жить. Однажды, некто из жителей Нохчхаза пренебрежительно дернул за ворот бешмета младшего из братьев [1]. От рывка отлетело две застежки. Младший брат не вынес такого оскорбления и тут же убил обидчика. Подошедшие старшие братья спросили младшего:

— Почему ты убил его?

— Он оторвал от моего бешмета две застежки, — ответил младший брат.

— Ну, — решили старшие братья, — пал тогда позор на нашу голову: схватили нас за ворот бешмета. Уйдем из этих мест.

Братья ушли в горы.

8. ЦЕЧО И МЯЛХЕ

Тысячелетие назад в верховьях Терека жило небольшое мирное племя. Отряды разных разбойников совершали постоянные набеги

на них, проникали в горы, уводили людей в плен и продавали их чужеземцам. Горцы вынуждены были возводить каменные башни, чтобы защищаться от врагов. Каждый род строил башню — «гала» для себя. Поэтому они называли себя «живущими в гала», то есть «галгаями» [1]. Это были люди храбрые, гордые и мужественные. К тому же они были и хорошими строителями. Первыми среди горцев начали они возводить башни. Были они разные: и для войны, и для жилья. Запершись в них, легко можно было отражать нападения врагов.

Когда возникала опасность, галган запирались в башни. Неуязвимость галгаев очень злила врагов. Как-то, сговорившись, они решили напасть на галгаев, не оставить от их башен камня на камне, а их самих уничтожить и побросать в Терек. Шли они ночью, а днем же прятались в лесах. На рассвете одного дня они напали на первую башню. Она оказалась незапертой: люди мирно спали в ней. Другие башни были далеко от нее, поэтому никто не успел прийти к ним на помощь. О случившемся они узнали позже.

В крепости разгорелся жестокий бой. Женщины дрались наравне с мужчинами. Врагов было слишком много. Из башни текла кровь. Враги стали брать верх. Давно они мечтали свалить башни галгаев в пропасть. И вот, казалось, настало это время. Начали они валить башню, но не смогли не только разрушить, но даже отбить от нее камень. И тогда враги отступили: не стали углубляться в горы, повернули назад. Услыхав о бое, прискакали мужчины из других родов, но было уже поздно. Они увидели страшную картину: все было перебито и уничтожено.

Но враги убили не весь род этой башни. Прискакавшие стали искать: не остался ли кто в живых. И вот чуть в стороне от башни они увидели убитую женщину и рядом с нею грудного ребенка, лежащего в крови. А далее, на пригорке, лежала другая убитая женщина; вблизи нее также сидел мальчик, который пробовал уже ходить. Обрадовались люди, что погиб не весь род башни, что есть кому его продолжить. Мальчика, лежащего в крови, они назвали Цечо, а сидевшего на пригорке под солнцем — Мялхе [2]. От них двоих и пошли цечоевцы и мелхистинцы.

9. КАЙСАЙ-ДЖУРАЙ

Ближайшим другом Тимура Хромого был храбрый мужчина Кайсай-Джурай [1]. Но однажды они поссорились. У Тимура было большое войско, и Кайсай-Джурай, опасаясь, как бы его не схватили, вынужден был убежать. Но куда бы он ни уезжал и где бы ни останавливался, воины Тимура быстро находили его место пребывания. Наконец Кайсай-Джурай укрылся в наших горах. Тимур не смог его найти и оставил в покое.

Кайсай-Джурай остался жить в горах. Завел хозяйство. У него было две жены: одна черкешка, а другая галгайка. Они родили ему тринадцать сыновей. От них пошло тринадцать родов, которые, говорят, славились своим могуществом и силой.

10. ХИЛДЕХАРОЙСКИЙ ЛЯЧА

Предок наш Амаш родом из Грузии. Некогда оттуда в горы Хилдехароя пришли и обосновались жить два брата и их сестра. Братья охотились, сестра присматривала по дому. В этих местах никто кроме них не жил. Однажды братья, возвращаясь с охоты, на потеху сестре принесли яйца сокола — ляча. До этого девушка никогда не видела яиц. Как-то она ткала на станке, а яйца положила в подол и временами посматривала на них. Девушка отвлеклась и в это время вибрирующая часть станка разбила одно из яиц. Оно потекло, прошло через подол и дошло до тела. Девушка вскоре забеременела от него. Через два-три месяца братья заметили это. Старший сказал младшему: «Сестра опозорила нас, пока она не родила, уведи ее в лес и убей!»

Младший брат повел сестру в лес. Поняла она, что задумали ее братья.

— Послушай, — сказала она брату, — во всех этих местах кроме вас и зверья нет ни единой души. Я же не отходила и шага от дома. Как же я смогла нанести вам позор. Видно, во всем виноваты некогда принесенные вами яйца сокола.

Затем она поведала ему о том, что с нею произошло.

— Да, ты права, — решил младший брат, вернулся с ней домой и все рассказал старшему брату.

Сестра родила сына. Через месяц он стал как трехмесячный, а в шесть лет запросто мог взять под мышку самого крупного быка и нести его в любое место. Если он желал достигнуть видимое глазом какое-то место, он в мгновение ока достигал его. Будучи сыном сокола — ляча, он мог иметь и крылья. Мальчика назвали Ляча. Он был настолько примечателен, что весть о нем разнеслась далеко окрест. Братья матери стали говорить ему: «Ты не наших кровей и тебе нет здесь доли, уходи со своею матерью». Поняв, что с ними ему не ужиться, Ляча прогнал своих дядей.

Грузинские князья прослышали о Ляче. Собравшись, они приехали в горы Хилдехароя, чтобы посмотреть на этого необыкновенного человека. Ляча стал прохаживаться перед князьями, они же все время наблюдали за ним и дивились ему. Погостив, они уехали.

Все хилдехароевцы, говорят, пошли от этого Лячи. Близ аула Керисте стоят башни, которые называются «Башнями Лячи». Грузинские князья прислали в Керисте бумагу, в которой было напи-

сано, что Ляча и его потомство свободные люди. Мой отец в детстве видел эти бумаги. Некоторые буквы на них были выцветшие. И неудивительно, ведь это когда было!

11. ПРЕДАНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФАМИЛИИ БАРКОНХОЙ

Барким был из других мест. Когда он еще жил на прежней родине, ему дали знать, что одна княжна назначила некоему князю ночное свидание за аулом, куда она должна была прийти со своей рабыней, чтобы бежать затем с князем. Барким раньше назначенного времени отправился на место свидания и послал от имени князя человека сказать княжне, что он, князь, давно уже ожидает ее. Княжна тотчас же с рабыней и своими вещами отправилась туда. Но на том месте, конечно, она нашла не князя, а Баркима. Барким схватил ее вместе с рабыней и ускакал верхом на лошади. Но, находясь под постоянным страхом ожидавшей его мести со стороны оскорбленного князя, он не имел покоя на родине и пошел со своей женой странствовать по свету, ища, где бы можно было ему спокойно прожить.

Пришел он в Галгай к галгайцам и стал там жить у одних кунаков. Там прижил он с женой двоих детей: дочь и сына.

После рождения сына княжна стала просить пустить ее к родителям. Но Барким ответил, что он не верит ей: может быть, она не забыла еще того князя, за которого собиралась выходить замуж. Он не пустил ее. Тогда она обратилась с просьбой к кунакам, чтобы они упросили Баркима пустить ее к родителям. Кунаки настояли на этом, говоря, что она уже женщина, имеет двоих детей и изменить уже не может. Барким приготовил для жены все, что нужно на дорогу и в дар родным: баранов, напитков, хлеба и других кушаний и, назначив срок возвращения, отправил ее к родителям. По прибытии к родителям, после окончания пиршества она тайком отправила к князю человека со следующим предложением: «Если я тебе теперь не противна, то выйду за тебя замуж, а двоих детей, прижитых мною с Баркимом, обратим в твоих холопов». Князь ответил, что предложение ее он принимает с радостью. Но она боялась своих братьев и не решалась выходить из родительского дома, а потому отъезд к мужу все откладывала.

Так как жена в назначенный срок не приехала домой, Барким отправился за ней к ее родителям. Когда по приезде его они стали собираться в обратный путь, она дала знать князю, что они уезжают и будут ночевать там-то; она мужа подпоит, и тогда он сможет убить его без особого труда и взять ее себе в жены.

Когда Барким с женой и детьми прибыли в назначенное ею место, то она сказала мужу: «Здесь трава для скотины хорошая, давай здесь ночевать». Муж изъявил свое согласие, и они расположились на ночлег. Она достала из арбы кувшин с напитком и сказала мужу: «Этот напиток я приготовила особо для тебя», — и начала поить его. Она напоила его допьяна. Но он все-таки не доверял своей жене и прилег так, чтобы легко мог проснуться в случае чего. Когда он заснул крепким сном, она тотчас же дала знать князю. Тот пришел, но убивать Баркима не стал. Тогда жена Баркима сказала князю:

— Убей его! Если он останется жив, то будет вредить нам, ибо сильнее и храбрее его нет никого на свете.

Князь ответил:

— Пока Барким не увидит своей жены в моих объятиях и пока он не услышит, что детей его я обратил в холопов, я не убью его.

После этих слов он со своими двенадцатью отборными узденями связал спящего Баркима и начал играть с его женой, удалив предварительно узденей. После продолжительной игры с ней, достаточно насмеявшись над обманутым мужем, они оба заснули самым крепким сном. Когда Барким проснулся совершенно трезвым, то увидел описанную картину и себя, связанным по рукам и ногам.

В это время дети его еще не спали, а играли тут же недалеко. Он обратился к дочери:

— Подай лежащую там шашку.

Дочь ответила:

— Нет, не подам, мама будет ругаться.

Тогда он обратился к малолетнему сыну:

— Подай, сын мой, вон ту шашку.

Сын, не имея сил поднять шашку, притянул к отцу ремень от нее. Барким схватил пояс, кое-как дотянул шашку до себя. Ручку шашки взял в рот, а сыну велел тянуть ножны к себе и, таким образом, обнажив шашку с большими усилиями, перерезал веревки и освободился. Барким тотчас же встал, и сперва убил одиннадцать узденей, оставив одного для того, чтобы он рассказал дома о случившемся. Затем он надел свой панцирь и доспехи и стал будить князя. Когда тот проснулся и встал, он убил его...

Барким прогнал неверную жену и вернулся домой. Галгайцы наделили его землей, и он поселился уже не в качестве гостя, а настоящего члена общества. От него произошла и ныне существующая фамилия ингушей Барконхой, которая подразделяется на следующие группы, или мелкие фамилии (вяры): Котиевы, Канчиговы и Гадаборшевы [1].

12. АЛБОГАЧИЕВЫ И ХАШАГУЛЬГОВЫ

Наши предки не строили башни на ровных местах, потому что они становились тогда доступными со всех сторон. В эти-то времена Албохча и построил башню на ровном месте, — ведь он был очень мужественный человек. У него не было ни родителей, ни

братьев, ни сестер, а были дочь и три сына. Старшею была шестнадцатилетняя дочь, остальные были еще дети.

Однажды были устроены соревнования, по которым всаднику, прискакавшему первым, был положен приз. На этом соревновании Албохча прискакал первым, но посчитал нескромным самому пойти за наградою и уехал домой. Молодежь из сильного рода воспользовалась этим и забрала приз себе. Узнав об этом, Албохча решил вернуться и отомстить за свой позор. Когда он стал собираться, в жилище вошла его дочь и сказала, что у родника лежит какой-то незнакомец, а в стороне пасется его конь.

— Иди, — сказал отец, — пригласи его к нам.

Незнакомец оказался грузином [1], ушедшим из своей страны. Ему поставили кушать, но он не стал дотрагиваться до еды. Албохча спросил: почему он не ест. Гость ответил, что не сможет кушать, пока хозяин первым не примется за еду, потому что ему кажется что хозяин не рад гостю. Тогда Албохча рассказал ему, куда и по какому поводу он собрался ехать.

Несмотря на уговоры Албохчи, грузин отправился вместе с ним. Прибыли они к сильному роду, а там уже пировали по поводу взятой награды. Албохча объявил, зачем он явился, и тогда пировавшие извинились и отдали ему положенный приз. И все же Албохча убил взявшего приз, чтобы не иметь на себе позора.

Албохча и его гость вернулись домой и сели за стол. Албохча расспросил своего гостя, по какой причине он покинул свою страну. Гость рассказал о причине своего ухода из родной страны и добавил, что он не имеет пристанища и поэтому странствует. Албохча предложил ему побрататься, на что гость ответил согласием.

Албохча дал гостю новое имя; он назвал его словом «Хашилг», что значит гость. Албохча и Хашилг жили в одной башне и относились друг к другу как братья. От них и пошли два братских рода: Албогачиевы и Хашагульговы.

13. ОБЪЕДИНЕНИЕ СТРАНЫ

Некогда именитые мужчины фяппинцев, чулхоев, галгаев и цхороев [1] собрались у Места трех крестов [2]. Все они с сожалением говорили, что каждый шахар (общество) стремится жить обособленно, что нет между ними согласия.

В то время в Фяппинском обществе мужчин называли «хурхалы», а женщин — «гарбаши».

О многом говорили собравшиеся, потом от галгаевцев сказал слово некий умный мужчина. Он был хорошо одет. Подпоясывался ременным поясом, а фяппинцы поверх таких же поясов носили еще и широкие матерчатые пояса (кушаки) [3]. Галгаевец говорил очень толково и убедительно. Он говорил:

— Из-за того, что мы разобщены, враги часто нападают на нас; если мы объединимся, то каждый из нас станет сильнее; нам нужно забыть слова «хурхал», «гарбаш»; нужно убрать широкие матерчатые пояса; если мы объединимся в один народ, то подобно другим сможем поселиться на плоскостных землях. — О многом таком говорил он.

После его слов, все, кто был на Месте трех крестов, решили забыть слова «хурхал» и «гарбаш», убрать широкие матерчатые пояса и всех называть одним словом — галга. На память об этом событии они и установили эти три каменных креста.

Вскоре на этом месте состоялось объединение всей страны. И люди в полном согласии стали обживать равнинные земли.

14. ТАНГАХОЙ

У нас, у шаройцев, два рода. Один род Тангахой. Это наш род. А другой — это Перилле́й.

В нашем роду когда-то было семеро братьев. У них была одна сестра. В одну из ночей семеро братьев легли спать на седьмом этаже башни, где обычно вялится мясо. Еду для них всех обычно готовила жена младшего брата.

Враги семерых братьев однажды сговорились убить их. Ночью подошли они к башне, бросили вверх веревочную лестницу и зацепили ее за верх башни. Враги поднялись по этой лестнице, пробрались в башню и убили всех семерых братьев, когда те крепко спали.

В это время на нижнем этаже башни готовила еду жена младшего брата. В чаше для приготовления еды появилась кровь. Увидя ее, женщина поняла, что семерых братьев убили. У нее был мальчик, который спал в люльке. Она взяла его, завернула в разное тряпье и выбросила его в окно, туда, где росла крапива. Затем женщина взяла в руки кувшинчик и, притворившись, что идет по нужде, незаметно прошла к крапиве, схватила ребенка и убежала той же ночью [1]. Пришла она в аул Тангахой. Мальчик вырос, окреп. От него и пошло поколение нашего рода Тангахой.

15. ГИЙ, СИККАМ, ЧИНАХА

В ауле Тумаг жили три брата: Гий, Сиккам и Чинаха. Сиккам и Чинаха были обычными людьми, но их старший брат Гий был человеком необыкновенным: он был огромного роста и двуротый. Один рот у него находился впереди, как и у всех нормальных людей, а второй рот — на затылке. Гий ел мясо передним ртом, а через второй рот выкидывал кости. За один раз он съедал трехгодовалого быка, затем ложился и спал беспробудно целую неделю.

Младшие братья трудились изо всех сил, но хозяйство их никак не налаживалось. Скота и овец становилось все меньше и

меньше. Тогда Сиккам и Чинаха решили продать Гия. Они приготовили трехгодовалого быка. Гий съел его и уснул. Тут братья связали его цепями и буйволиными ремнями и увезли на продажу в Грузию.

— Что это за человек? Что он умеет делать? — спросили грузины.

— Он очень сильный, трудолюбивый, покладистый, исполнительный, — стали расхваливать своего брата Сиккам и Чинаха.

Взяли они плату за брата и пошли домой. Проснулся Гий и спросил, что все это означает. Грузины ему обо всем рассказали. Дернулся Гий, разорвал цепи и ремни, связывавшие его и затем кинулся догонять братьев. Поднявшись на одну из гор, он еще издали увидел идущих домой Сиккама и Чинаха. Не сдержался Гий и крикнул:

— Куда вы денетесь! Я иду домой, и вы получите по заслугам!

Чинаха, испугавшись, убежал в Чечню. Сиккам же остался. Скрутил Гий Сиккама и приготовился убить его. В те времена был обычай: если любая женщина падала на колени и обнимала за ноги мужчину, то он обязан был исполнить любую ее просьбу. Жена Сиккама как раз шла мимо с глиняным кувшином на голове. Увидев, что Гий готовится убить ее мужа, она кинулась ему в ноги. Кувшин сдвинулся и угодил своей кромкой в висок женщины. Она тут же скончалась. Гий пожалел эту женщину и ради нее оставил Сиккама в живых, но приказал, чтобы жить он обосновался подальше от него.

16. ПРО ЖИВУЩИХ В АУЛЕ ДУХАРГАШТ

В ауле Духаргашт, что стоит недалеко от аула Харп, первоначально жили четыре брата: Эржи Майра, Валарг, Вадалг, Гибали. Жена Эржи Майра была в положении. Как-то она шла на мельницу мимо аула Харп. Ей нужно было перейти речку по мостику, сложенному из двух длинных тонких бревен. Когда она ступила на мостик, юноши из Харпа, для потехи, стали раскачивать бревна; женщина свалилась и от ушиба лишилась ребенка. Эржи Майра ничего не сказал своим братьям; он пошел к грузинам, осетинам, черкесам и собрал своих друзей [1]. Они напали на аул Харп и в одну ночь перебили тринадцать мужчин. Так отомстил Эржи Майра. После этого случая братья перессорились. Это было во времена, когда люди ходили в набеги.

Материнским родом братьев были Шахоевы. Они забрали Гибали к себе. Вадалг переселился жить к месту «Цхяча хенашке» близ селения на реке Камбелеевке. Оттуда он переселился в село Даби-Юрт. Валарг стал жить с чеченцами там, где сейчас находится село Валерик. Эржи Майра ушел к осетинам и там его назвали Бирих, что значит — волк. Ваделовы, что живут в Даби-Юрте, считают себя братьями чеченцев из рода Валарг-някан, живущих в Валерике.

Башня Багар-гала в Духаргаште опустела потому, что четверо братьев ее покинули. В этой башне поселились Куштовы, которые побратались с Ваделовыми.

17. ХАЛУНДОЕВЦЫ

По существующим преданиям халундоевцы произошли от трех фамилий. Первая фамилия, самая древняя, пошла от братьев Мартала, явилась из Хевсуретии и с незапамятных времен поселилась в ущелье речки Харгабе-ахк. Там же она основала селение Старый Халундой с тремя высокими башнями, верстах в двух от нынешнего Халундоя вверх по ущелью, где до настоящего времени сохранились развалины башен. Вскоре младший брат не поладил с остальными, переселился на противоположный берег Харгабе-ахк и стал жить отдельно. Затем из Тавлии [1] явились новые выходцы из фамилии Цумадой и с разрешения младшего брата Мартала осели подле его сакли. Так образовалось второе старое селение Халундой. Прошло много лет. Жители обоих селений жили мирно, — земли тогда хватало на всех, — пасли свои стада, работали и размножались. Раз старшие братья послали Мартала на речку за водой. Случайно в кувшин с водою забралась ядовитая змея. Женщины не заметили, сварили кушанье, накормили мужей, детей, поели сами, все отравились и умерли. Остался один грудной сын старшего брата по имени Маха и то случайно. С противоположной стороны жена младшего брата услыхала тревогу, которую подняли умирающие от отравления братья, и стала кричать матери Маха, чтобы она не кормила ребенка грудью. Чувствуя себя действительно отравленной, мать не дала груди сыну, сама умерла, а ребенок остался жив. Осиротевшего мальчика взял на воспитание дядя, бросил несчастное место и вместе с цумадоевцами переселился в нынешний Халундой, где много позднее к ним присоединилась фамилия — шароевцев.

По другому варианту братья умерли не от отравления, а следующим образом. Раз ночью спали они со своими семьями в башнях. Вдруг кто-то расшатал стены башен, они разрушились и задавили всех. Остался один грудной сын младшего брата, по имени Маха, которого мать, прикрывавшая собою сына, была задавлена, а ребенок остался жив.

18. АКБЕРГ

Акберг пришел в наши горы из Тарков. Он поселился в ауле Геличе, что входит в Ялхоройское общество. В красивом месте Мозарг стоят башни. В них жил род Цесе-някан. Акбергу нравилась

их земля и мечтал он заполучить ее. Он искал повод, чтобы затеять ссору с родом Цесе-някан. В Геличе у Акберга умерла дочь. С прибывшими на похороны людьми были и цесе-няканцы. Их женщины присоединились к другим плачущим женщинам и подоткнули подолы своих платьев, чтобы они не мешали им.

После похорон цесе-няканцы тронулись в путь. Кружным путем Акберг вышел на их дорогу и заявил:

— Вы опозорили меня, вы взяли у меня «цет»[1], унесли золотые и серебряные вещи моей дочери.

Цесе-няканцы заявили, что все это неправда.

— Если вы правы, пусть ваши женщины опустят подолы и расстегнут пояса, — потребовал Акберг.

Не подозревая подвоха, они опустили подолы и из них на землю попадали драгоценности, которые, оказывается, были подложены.

— Я объявляю вам вражду! С сегодняшнего дня готовьте свое оружие. В скором времени я пойду на вас войною, — сказал Акберг и ускакал к себе.

Испугавшись войны, цесе-няканцы ушли со своих мест и поселились близ аула Цеча-ахка. Акберг же обосновался в местечке Мозарг. Он нанял строителей, заплатив шестьдесят три отборных коровы, и из лучшего камня воздвиг на этом месте для своей дочери двухэтажный солнечный могильник[2].

У Акберга было четыре сына. «Ты отважен в бою». — сказал он сыну Кей и поселил его на высоком месте, на горе. «А ты мирный человек», — сказал он сыну Итару и поселил его внизу, в ущелье. Сыновей же Зингала и Войгу он поселил между ними. От этих четырех сыновей пошли Зингаловы, Войговы, Кейцы и Итар-калахойцы. Место, где стоят их башенные аулы, называется Аккой.

Меду, живущему в ауле Кей, захотелось стать князем. У него было три брата. Однажды Мед сказал им:

— У нас, как и у других народов, должен быть свой князь, и это не нарушит братское родство. Давайте будем считать меня за князя.

— Нет, — ответили братья, — сейчас-то, может, мы и не поссоримся, но со временем твое потомство будет кичиться перед нашим потомством, говоря, что мы, мол, княжеского рода, а вы — рабы. Нет, из нас никто не будет князем.

Из Акков произошли Газунхоевы (из аула Газун), Толагоевы (из аула Толагой), Велхоевы (из аула Велах) и Мержоевы (из аулов Долте и Герите).

19. ЧАБАРЛО

У одного мужчины было четыре сына: Обзо, Чабарло, Место, Чарамхо. Обзо отделился от братьев и поселился жить там, где сейчас проживают абазинцы.

Чабарло был молод и не женат. Когда во двор его хозяйства забрался вор, чтобы похитить корову, Чабарло убил вора и поселился там, где теперь живут чаберлойцы. Но и здесь он не нашел покоя. Между ним и местными людьми разгорелась вражда. Убив четырех князей, которые притесняли его, Чабарло сбежал, но там остались его четыре сестры. Чабарло укрылся в крепости Кей у князя Меда. Он обнял его очажную цепь[1]. Мед посадил гостя на почетное место, в его честь зарезал быка и устроил пир. Чабарло рассказал Меду обо всем, что с ним случилось. Мед выслушал его, затем созвал всех своих родичей и знакомых. «Этот человек, — сказал он, — защищал свое имущество и свою честь, из-за чего был вынужден покинуть родные места. Мы должны ему помочь». Мед побратался с Чабарло. Тут же была создана дружина, и каждый воин имел полный набор оружия. Затем дружина вышла в поход.

Воины окружили село, из которого бежал Чабарло. Его жители поинтересовались: почему они оказывают Чабарло столько внимания. «Потому, — ответила дружина, — что он пришел к нам за помощью». Воины отбили четырех сестер Чабарло и весь его скот.

В те времена жили два брата: Дахк Гардиев и Чопа Гардиев. Мед передал им Чабарло со всем его имуществом. Дахк и Чопа были князьями[2]. Они приняли Чабарло как гостя, зарезали в его честь барана и разрешили ему жить в их отцовской башне. С четырьмя сестрами и со всем своим имуществом Чабарло стал жить с ними.

Вскоре Чабарло женился. Однажды в гости к Дахку и Чопе пришли черкесские князья. С Дахкой и Чопой они уговорились сделать набег на некоего князя и угнать его табуны. Дахк, Чопа и эти прибывшие князья брали людей в плен и возвращали их только за выкуп, также князья угоняли чужие табуны.

Однажды, когда они готовились выступить в очередной поход, Чабарло попросил, чтобы они и его взяли с собой, но те отказали, сказав, что он не может быть ровней им в ратных делах. «Если бы вы взяли меня с собою, я бы вам пригодился носить ваши вещи и припасы», — сказал Чабарло.

У этих князей был обычай: прежде чем идти в поход, открывать ворота двора, вкладывать засов на место и с места, без разбега, перепрыгивать через него. При этом нельзя было задеть засов даже полою черкески. «Если ты с оружием и припасами перепрыгнешь через этот засов, ты можешь идти вместе с нами», — сказали князья. И Чабарло, как птица, легко перелетел преграду. За ним перепрыгнули все остальные, и они отправились в поход.

Когда Дахк, Чопа и Чабарло отошли далеко от своих башен, они встретились с пятью всадниками; те, видя, что встречных всего трое, решили взять их в плен. Завязалось короткое сражение.

Дахк и Чопа двоих врагов убили наповал и двух других взяли в плен. Пятый ускакал, но Чабарло догнал и взял его в плен. После этого они вернулись домой. Дахк и Чопа сказали Чабарло, чтобы он остался дома охранять трех пленных, а сами решили снова отправиться в поход. На это Чабарло им ответил: «Если их будет охранять хотя бы одна из моих четырех сестер, то и тогда пленные никуда не денутся». Затем, поручив пленных сестрам, он догнал князей.

Вскоре они соединились с черкесскими князьями и вместе угнали табуны некоего князя. Тамада дружины сказал:

— Табун должен гнать тот, кто слабее, а кто мужественнее должен отстать, чтобы отражать погоню. Надо идти быстрее.

— Дайте отстану я, — попросил Чабарло и ему разрешили.

Когда он со своими дружинниками проходил через Ахки-корт, их стала нагонять погоня. Она была очень большой. Дружинники начали поговаривать, что надо бросить табуны, а самим уходить, ибо княжеская погоня слишком большая. «Как же мы бросим табуны, — воскликнул Чабарло, — ведь, перейдя Ассу, мы уйдем от них; они не посмеют дальше идти за нами!» Но дружинники ускакали, сказав Чабарло, что они более не друзья ему.

Чабарло не бросил табуны. Он перегнал их через хребет Саги, другой дорогою вернулся назад и устроил засаду. Когда появилась погоня, он открыл бой и разбил преследователей. Имея пять ран, Чабарло все же погнал табуны и вскоре нагнал своих товарищей у аула Мужичи. Поздоровавшись, он сказал: «Победы вам!» Они ответили: «Ты превзошел нас. Тебя с победой и всегда побеждай!»

Чабарло не стал стыдить дружинников. Они вместе погнали табуны, и, прибыв домой, поделили добычу.

После этого похода Дахк, Чопа и другие князья стали ходить в гости к Чабарло и обращаться с ним любезнее.

Чабарло постоянно мечтал заиметь землю, хотя бы столько, сколько хватило бы для постройки одной башни. Он выдал двух своих сестер замуж за Дахка и Чопу, а сам все переживал, что у него нет своей земли. Сестры знали, что гнетет их брата и однажды об этом поведали своим мужьям.

В те времена хозяева разрешали пришельцам жить на своей земле, но не позволяли строить на ней башен. Иначе пришелец, укрепившись, мог представлять опасность. Несмотря на это Дахк и Чопа решили дать Чабарло землю. «Бери себе земли столько, сколько обскачешь конем», — сказали они ему. Проскакав на коне, Чабарло отмерил от княжеских владений одну треть той земли, что находилась близ горы Кор-лам. Там и зажил Чабарло. Эти места называются горами орстхойцев и мержойцев. Наняв мастеров, Чабарло воздвиг башню.

* * *

Вблизи мержойцев жили мужехойцы. На их горы въехал Чабарло и увидел земли и башни. У одной из башен сидела и ткала на станке красивая девушка. Чабарло стал осматриваться вокруг, и ему понравились эти земли. Он решил поселиться на них. Когда Чабарло стал подъезжать к башне, его увидела девушка. Она подумала: «Какой же он, должно быть, храбрец, коль так уверен в себе, что ездит один по горам». На окраине аула Чабарло опустил поводья коня. Он решил, что поедет туда, куда пойдет конь. Конь прямиком пошел к башне, в тени которой сидела девушка. Она вежливо поприветствовала гостя.

— Все наши ушли пропалывать поля, — сказала девушка. — А я одна осталась дома.

Она дважды попросила гостя сойти с коня.

Девушка поставила гостю еду и напитки.

Чабарло и девушка полюбили друг друга.

— Кто ты? — спросила девушка.

— Знаешь ты Дахку и Чопу? — спросил он.

— Знаю, — ответила она.

— Я их побратим, — сказал Чабарло.

Девушка подумала, что и Чабарло, возможно, князь, раз он побратим князей. На предложение Чабарло уйти из дома и выйти за него замуж девушка ответила согласием и назначила срок. В назначенное ею время Чабарло прискакал, взял девушку и отвез ее к Дахку, а к мужехойцам послал посредников для примирения. Оскорбленные мужехойцы потребовали удовлетворения ценою в шестьдесят три пестрых быка и такого количества меди, сколько потребуется на изготовление трех «кудалов» — больших кувшинов для воды. К тому же, добавили они, она дочь князей, а он низшего сословия.

Дахк, Чопа и дядя Чабарло по матери собрали все требуемые вещи.

* * *

Пастух пас овец и скот Чабарло на земле мужехойцев. Пастух приметил, что один из бычков по утрам отделяется от стада, а вечером возвращается. Однажды пастух проследил за бычком и обнаружил, что он уходит пить соленую воду, вытекающую из земли. Пастух рассказал об этом Чабарло и его молодой жене. Она предложила зарезать и съесть этого бычка, а мужу, когда они остались вдвоем, сказала, что, если эту соленую воду кипятить, то из нее будет выделяться соль. Жена предложила мужу отправить ее к родителям и не разрешать возвращаться до тех пор, пока они не выделят ему ту землю, на которой находится соленый источник. Муж согласился, и жена Чабарло ушла к родителям. Время шло, но она

не возвращалась домой. Люди стали поговаривать, что девушка мужехойцев оказалась неуживчивой и ее, видимо, прогнал муж. Братья стали требовать, чтобы она вернулась к своему мужу. Она же им ответила, что Чабарло не примет ее, если ему не отдадут клочок земли с такого-то места. Мужехойцам надоели людские сплетни, и они отдали Чабарло просимую им землю. После этого жена вернулась к мужу.

На этой земле Чабарло воздвиг башни, а тем временем в семье Чабарло выросло семеро сыновей. Чабарло начал открыто выпаривать соль и вскоре стал богатым и далеко известным человеком. Мужехойцы потребовали доли в соляном промысле, но Чабарло отказал им. Разгорелась вражда, погибли люди. У Чабарло убили двоих сыновей и одного пастуха. Мержойцы занялись примирением враждующих. Чабарло ответил, что он ничего не требует за гибель сыновей, но он не простит им убийство пастуха. При примирении Чабарло оставили всю землю, на которой он поселился, но от него потребовали, чтобы он дал им что-либо в знак его примирения с ними. «Я дам вам только этот футляр от ружья», — ответил Чабарло и дал им его.

20. ХАНБАТЫР

Из горного аула Хан-Келой вышел на равнину мужчина Ханбатыр и поселился жить в самом центре селения Гехи. Ханбатыр умел хорошо вести хозяйство и прославился в округе как умелец на все руки. Особенно он стал известен как золотарь и кузнец. Говорят, что он первым в Чечне сделал для арбы железную ось, а до этого оси были деревянные.

Как-то весною Ханбатыр нашел удобное место для установления мельницы, и начал рыть к нему отводный канал. Работы было много, и поэтому рытье канала затянулось. Прошел месяц, пошел второй. Однажды мимо Ханбатыра проходили какие-то люди. Они предложили Ханбатыру сделку, сказав, что выроют канал, если он уплатит за это определенную сумму. Ударили они по рукам, и вскоре канал был выкопан. Так Ханбатыр поставил мельницу.

Наступили времена Шамиля. Имам прослышал о способностях Ханбатыра и приказал привести его к себе. Ханбатыра назначили златокузнецом. Но Ханбатыр не желал служить Шамилю, ибо как-то видел, как мюриды имама за что-то срезали кожу с пят некого человека и заставили его бегать по стерне. Не стерпел Ханбатыр такой жестокости и сказал Шамилю:

— Да не издевались бы твои мюриды над обездоленными людьми!

Эти слова разгневали Шамиля, и он приказал повесить Ханбатыра. Дело было к вечеру, и поэтому мюриды предложили имаму:

«Пришла пора вечернего намаза, а посему давай перенесем казнь на завтра».

На ноги Ханбатыра набили колодки и посадили в яму. Далеко за полночь Ханбатыр сумел сбить с себя колодки и бежать. В Ингушетии власти Шамиля не было, туда-то и бежал Ханбатыр. Поставил он там себе кузницу и стал жить. Прошло два года. В селении, где он обосновался, ему понравилась одна девушка, но ее родители были несогласны выдать свою дочь замуж за пришельца, хотя девушке Ханбатыр и был мил. Любящие решили бежать из села. Дождались они ненастного дня, и, как только стемнело, тронулись в путь. Дошли они до окраины села. Как человек сообразительный, Ханбатыр взял девушку на руки и пошел от села пятясь. Обнаружив пропажу девушки, ее родственники бросились в погоню, но они не нашли ни одного следа, ведущего из села. И они отступили, не зная, в какую сторону им броситься в погоню.

Ханбатыр и девушка поженились и стали жить в Гехах. Вскоре родственники девушки дознались о том, что он обосновался в Гехах, и потребовали вернуть беглянку. Ханбатыр ответил им отказом. Тогда родственники девушки потребовали ее вернуть у всего села. Сельские старики решили отступить, и Ханбатыр вынужден был подчиниться; но, расставаясь с любимой, он сказал ей: «Через месяц я тайно приду в ваше село, чтобы вновь увести тебя. Когда увидишь на своем плетне повязанный красный лоскутик, знай, что это мой сигнал; в тот же вечер приходи на окраину села и мы с тобой убежим».

Через месяц Ханбатыр вторично увел свою любимую. Когда родственники девушки вновь потребовали у села вернуть ее, старики ответили: «Один раз мы, из уважения к вам, вернули вашу девушку, второй раз — не вернем!»

Тогда родственники поклялись, что все равно вернут свою девушку.

Прошло немало лет. Ханбатыр и его жена зажили хорошо. У них родились четыре сына, которым дали имена Дудар, Асий, Муса, Али. Когда старшему сыну Дудару исполнилось пятнадцать лет, Ханбатыр отправил своих сыновей и жену к ее родственникам. В подарок им он выделил десять коней и десять коров. Перед отъездом сыновей Ханбатыр дал им наставление: Дудару следить за порядком в доме материнских родственников, Асию присматривать за лошадьми, Мусе ухаживать за скотиной, Али же следить за дворовыми делами. Мать и сыновья прибыли в материнское село. Сыновей пустили в дом. Они свято исполняли заветы отца. Прошел месяц. Отец матери сказал ее четырем сыновьям:

— Вы достаточно пожили у нас, пора вам теперь возвращаться домой.

— Мы не уйдем отсюда, если с нами не будет отпущена и наша мать, — ответили братья.

Ничего не оставалось делать материнским родственникам, как отпустить их домой вместе с матерью.

После пленения Шамиля многие люди решили уйти в Турцию. Их обманывали, обещая им райскую жизнь. Говорили, что султан милостив к единоверцам, что бог поможет уходящим в мусульманскую страну. Ханбатыр тоже решил отправиться в Турцию. Как человек рассудительный, Ханбатыр перед отъездом договорился с одним офицером, что он продаст ему дом, мельницу и землю, но с условием, что, если Ханбатыру не понравится в Турции и он вернется домой, офицер должен будет возвратить ему его хозяйство, а Ханбатыр же вернет ему его плату. Он взял с офицера расписку и с семьею ушел в Турцию.

Прибыли люди в Турцию и поняли, что их обманули. Жить там было очень трудно. Ханбатыр решил вернуться домой, но граница крепко охранялась и назад людей не пускали. Тогда Ханбатыр спрятал свою семью в лесу недалеко от пограничной стражи и в течение трех дней и ночей наблюдал за шалашом пограничников. Он установил, что в полночь вся стража засыпает и бдит только один человек. На четвертую ночь Ханбатыр оглушил часового и со своею семьею перешел границу.

Вернувшись, Ханбатыр, согласно уговора, забрал свое хозяйство и стал жить по-прежнему.

21. ХРАБРЫЙ АЛАРО

Цонтаро, Гардало и Аларо — трое братьев искали себе более благодатное место для поселения. В одной местности они увидели большую дуплистую грушу, вокруг которой вились пчелы. Из дупла братья извлекли много меда. Также в этой местности они увидели много фруктовых деревьев. «Вот это и есть воистину благодатное место, давайте здесь и поселимся!» — решили братья. Местность, где они поселились, находится на берегах реки Яссы при ее выходе из гор. Повыше поселился Цонтаро, ниже — Гардало и еще ниже — Аларо. Братья зажили хорошо, особенно — Аларо.

Как-то у Аларо пропали кони, и в поисках их он дошел до владений ногайского князя, у которого, по слухам, и содержались его кони. Гостил Аларо у князя и показал себя настолько мужественно и умеющим вести себя, что ногайский князь поразился и безо всякого вернул коней. Мало того, князь в честь гостя закатил большой пир и подарил Аларо хорошего скакуна. Через некоторое время по приглашению князя у него погостили уже все трое братьев. Затем ногайский князь побывал у них в гостях. Между ними установилась крепкая дружба.

Прошло несколько лет и ногайский князь пригласил братьев на свою свадьбу. Аларо взял хорошие свадебные подарки жениху и невесте и прибыл по приглашению. Аларо был посажен среди са-

мых знатных гостей. Его братья не смогли прийти на свадьбу, и он был один. Пиршество длилось несколько дней, и во все это время Аларо сидел подбоченившись левой рукой и скрестив ноги. Гость был настолько примечателен, что невеста пожелала сама угостить его почетной чашей. Гордая поза гостя и оказанный ему почет очень не понравились князьям, и они решили отравить Аларо, положив яд в его чашу. Он это заметил и, поняв коварные замыслы князей, приготовился к бою. Князья подняли чаши за здоровье молодых. Аларо же отказался пить. Князья начали притворно возмущаться, и Аларо тогда сказал им:

— Подлые вы псы, а не князья! Я в гостях у вас и по обычаю вы должны были бы меня защищать, если бы на меня напали враги, а вы же сами покушаетесь на мою жизнь!

Сказав это, Аларо выхватил кинжал и, размахивая им во все стороны, попятился к двери. Один из рабов, прислуживавших князьям, встал на защиту Аларо. Вдвоем они вышли во двор, но ворота крепости были закрыты, и они не смогли уйти. Начался бой, многих они истребили, но все же их полонили и связали. Жестокие князья бросили пленников в подземелье и обрекли их на голодную смерть. Товарищи сумели освободиться от пут и стали искать выход. Они обнаружили всеми забытый и обрушившийся подземный ход. Расчистили они завал и по этому ходу вышли к реке.

За помощь, оказанную ему в трудную минуту, Аларо дал рабу надел и женил его. Через какое-то время к Аларо пришел какой-то беглый человек. Он не смог ужиться в своем селе и был изгнан. Аларо поселил его в своем селе, но и здесь этот человек со всеми перессорился и оказался очень неуживчивым. Терпение сельчан иссякло, и они изгнали его на противоположный берег реки Яссы, где он и стал первым поселенцем позднее образовавшегося селения Совнаха.

22. ОСНОВАНИЕ АУЛА ЭБАН

Наши предки происходят от орхустойцев; они вышли из Балты, поселились на берегу реки Арамхи и основали аул Эбан [1]. Аул этот был взят врагами и разорен дотла. Только один мальчик остался в живых, да и тот был брошен с высоты берега, но не погиб, хотя и получил девять ран. Мальчик этот был поднят и взят женщиной, возвращавшейся с мельницы в аул Харп [2]. Ему дали название Циск (кошка). А почему ему дали такое название, так это потому, что он был живуч как кошка, хотя и имел девять ран. Циск жил у той женщины, которая его подняла. Когда он вырос и имел уже такую силу, что мог поднять ружье, приехал в Харцу один из тех убийц, кто участвовал в разорении Эбана. «Вот этот гость убил твоих родных! — сказала Циску вскормившая его женщина. — Ступай, возьми ружье и стреляй в него!» Циск еле-еле поднял ружье и сде-

лал выстрел в гостя. «Откуда, в кого и кто сделал выстрел?» — посыпались со всех сторон вопросы. Враг, узнавши, что из разоренного аула Эбан остался один в живых, поспешил домой и дал знать о будущей опасности отмщения со стороны Циска. Он вскоре после того случая оставил аул Харпа и перешел на жительство в свой аул Эбан. Здесь он женился, и от него произошли четыре сына. Самый замечательный из них был Хорс. Однажды Хорс отправился вглубь Кистинского ущелья. Узнавши о его путешествии тринадцать человек из аула Гарак подстерегли его. Между ними был один человек, прославившийся своим крепким лбом, так что мог биться и с бараном. Хорс как одному срубил им головы и побежал домой. За ним поднялась погоня. Его уже догоняли, но он, к счастью, встретил ехавшего верхом человека из Джераховского ущелья. Хорс объяснил всаднику свое безвыходное положение и попросил провезти себя на коне хотя бы на короткое расстояние, чтобы он мог укрыться от преследования. Всадник вошел в положение Хорса, посадил его сзади себя, поехал обратно и спрятал его в дремучем лесу. Затем сам стал возвращаться. Встречает он людей, преследовавших Хорса. «Не видел ли ты человека?» — спросили они все. Всадник ответил отрицательно. Тогда они возвратились домой. Хорс жил в лесу. Он боялся отца и не возвращался домой. Он думал, что Циск будет сердиться за то, что он нажил себе тринадцать кровников. Между тем о необыкновенном побеге Хорса разнесся слух повсюду; об этом узнал и отец его, Циск. Он послал, чтобы тот пришел домой. Хорс от радости, что отец его доволен, одним прыжком был уже на берегу реки Арамхи — прямо скакнул в объятия своего отца. Циск задал большой пир в честь победы своего сына.

Вот каковы были наши предки!

23. ЭГИ, ЭБАН И ЕГО СЫНОВЬЯ

Эги был князем и происходил из армян. В селах Кекалы и тогда жили галгаевцы. Эги имел большие стада овец и скота. Пришел он в Кекалы и предложил: «Я отдам вам половину своих стад, вы же разрешите мне пасти на вашей земле три года оставшуюся половину овец и скота». На таких условиях ему разрешили. Прошло три года, но Эги не уходил; он по-разному оттягивал время: и плату давал, и делал разные посулы. Тем временем выросли его сыновья и поселились в селах Кекалы: Эгикал, Хамхи, Таргим. Они построили башни и закрепились на этой земле. Наконец галгаевцы сказали:

— Хватит, Эги, уходи отсюда.

— Я-то уйду и своего слова не нарушу, но вот своим сыновьям я ничего сказать не могу. Они окрепли, живут самостоятельно, я же постарел, они могут связать меня и положить, — ответил Эги.

— Ты обманул нас, — сказали галгаевцы. — Тогда сам уходи отсюда.

Как ни спорили галгаевцы с сыновьями Эги, ничего у них не получилось. Сыновья сидели крепко. Взял Эги с собою своего младшего сына Эбана и пошел вниз по Ассинскому ущелью. Остановились они на том месте, которое ныне называется Эрш[1]. Хотели они там обжиться, но земли было мало, а трава чахлая. Решив, что жизни у них тут не получится, они переселились на то место, где теперь стоит село Алкун[2]. Но тут им не давали покоя. Надоело отцу и сыну с ними проливать кровь, и переселились они туда, где стоит сейчас Балта[3]. Первыми, кто поселился в этом месте, были они. Здесь умер и был похоронен Эги. На стада Эбана постоянно нападали шайки разбойников. Надоело это Эбану, и он переселился в Джерах, где и побратался с Льяновыми. Там, где теперь стоит аул Эбан, он сделал землянку и стал жить. Эбан дал зарок, что не будет строить башен, пока не вырастут сыновья.

Старший сын Эбана пас овец на склоне между Эбаном и аулом Говзт. Глянув вниз, он увидел, что в их дом вошли гости. Взял он лучшего барана, спустился к дому, зарезал и освежевал барана, поставил котел на огонь, а сам вернулся к стаду. Вышел Эбан во двор и увидел котел с мясом, а по склону вверх—уходящего своего сына. Вошел Эбан в дом и сказал гостям: «Я давал зарок не строить башен, пока не вырастут мои сыновья. Сегодня я понял, что мой старший сын уже вырос настолько, что может принять гостей. Начну я строить башню!»

Бывшие у Эбана трое гостей положили три больших камня в основание будущей башни, четвертый положил сам Эбан. Эти камни и сегодня видны.

Все трое сыновей Эбана выросли, возмужали. Старший стал кузнецом; он умел хорошо ковать железо, делать кольчуги и разное оружие. Второй умел помогать старшему и обеспечивать его всем необходимым. Третий сын много ел, был силен, и его водили на разные соревнования.

Однажды разбойники украли красивую девушку из рода Льяновых, когда она пошла по воду. Льяновы сказали Эбану: «Если вы освободите нашу девушку, мы отдадим ее вам и сверх того дадим вам земли». Эбан и трое его сыновей догнали разбойников. Один из них крикнул Эбану:

— Эбан, отстань от нас со своими ублюдками, иначе мы перебьем вас!

— Мы уйдем, — ответил Эбан, — если вы сможете побороть моего младшего сына. Пусть один из вас выйдет и поборется с ним.

Разбойники выставили от себя силача высотою чуть ли не с верблюда. Долго дрались сын Эбана и разбойник. Наконец, сын Эбана победил. Затем отец и сыновья кулаками и пощечинами разогнали всех разбойников и увели домой отнятую девушку.

Башни Эбана основаны Эбаном и его сыновьями.

24. ХАНОЙ ХИНГ

1. Аул Хяни основал Хано. Его сына звали Хинг. Из него вырос сильный и сметливый юноша. Когда в Хяни возводили башни, камни волоком подтаскивали к месту строительства с помощью быков. Внизу у реки лежал камень длиною в человеческий рост и шириною в три локтя. Он был отесан и готов к закладке; его надо было подтащить к строящейся башне, но быки не могли его тянуть по крутизне. Камень мог так и остаться у реки. Подошел к нему Хинг, поднял камень на грудь и без остановки поднялся в гору. Положил он камень у строящейся башни. И сейчас этот камень виден в стене башни[1]. Неудивительно, что Хинг мог сделать такое, потому что он всегда побеждал во всех соревнованиях.

Было одно место, где молодежь соревновалась в силе. Там, на склоне горы, торчал высокий камень. Молодежь веселилась тем, что, разбежавшись вниз по склону, перепрыгивала через этот камень. Ханой Хинг же сбегал не по склону вниз, а, наоборот, взбегал вверх и перепрыгивал через этот камень.

* * *

2. Хано был очень умелый строитель боевых и жилых башен. У него был сын Хинг. Он у своего отца научился мастерству строителя. Строили они как-то одну башню. Когда отец стал укладывать очередной камень, сын сказал:

— Этот камень надо бы положить не так, а эдак. — И он показал отцу, как это надо сделать.

— Ты уже начал учить меня, — сказал отец. — Ты что же, стал таким искусным мастером?

И тут отец и сын заспорили: кто из них искуснее.

— Хорошо же, — сказал отец, — Хутиевы из аула Ляжги просят воздвигнуть им боевую башню. Все, что нужно для этого, они уже подготовили и дают плату в шестьдесят коров. Иди и построй им башню. А я здесь, в Хяни, воздвигну еще одну боевую башню. Закончим эти башни и посмотрим, кто из нас искуснее.

Пошел Ханой в аул Ляжги. Решил он построить башню лучше всех, что видел до сих пор. Хинг сначала замешивал известь, у реки у него была мельница, которая перемалывала камень в песок. В известь он добавлял молоко, иногда яйца[2] и пр. Приготовив раствор, он брал его на деревянную лопату, переворачивал ее и носил взад и вперед. Если раствор не падал с лопаты, он считался хорошим. Одни из подручных Хинга тесали камни, другие подвози-

ли их к месту стройки. Он построил боевую башню с двумя сводами[3].

Когда Хинг ставил завершающий шпилевой камень, его отец Хано, закончив строить свою башню, пришел в Ляжги, чтобы посмотреть на работу сына. Осмотрел он башню и снаружи и изнутри, проверил раствор и крикнул сыну:

— Ты победил меня и нет мастера лучше тебя!

* * *

3. Морчхоевцы, жившие недалеко от Ляжги, тоже попросили Хинга построить им башню. Построил им Хинг башню. Если посмотреть на нее со стороны, она не выглядит столь внушительно, как башня Хутиевых, возведенная Хингом в Ляжги. Морчхоевцы с обидою сказали:

— О-о, Хинг! Всем, что нужно для строительства, мы тебя обеспечивали. Почему же наша башня оказалась хуже Хутиевых?

На что Хинг ответил:

— Когда я возводил вашу башню, я так прилаживал камни друг к другу, что выступы одного камня ложились в углубления другого. Качество башни не определяется по внешнему виду. Башню Хутиевых я разравнивал известью, чтобы она была красивой, а башню Морчхоевых я сделал столь прочной, что если даже покатить ее под гору, то и тогда она не разрушится.

А получалась башня столь прочной потому, что Морчхоевы лучше чем кто-либо кормили Хинга[4].

* * *

4. В ауле Ляжги некогда жили два брата. У старшего брата было три сына, а у младшего не было ни одного. Известно, что люди, не имеющие потомства, склонны питать к другим черную зависть.

Старший брат попросил мастера Ханой Хинга построить ему боевую башню. Хинг согласился и начал работу. Младший брат устроил для него большой пир. На этом пиру он предложил за плату построить и себе боевую башню, кроме того он пообещал Хингу еще плату, но за это попросил его построить башню его старшего брата так, чтобы она рано или поздно свалилась. Взял Ханой Хинг плату, но тайно обо всем, что поведал ему младший, рассказал старшему. Тогда старший предложил ему еще одну полную плату, но попросил, чтобы его башня при падении упала на башню младшего брата. Прошло много времени. Братья умерли. Однажды башня старшего рухнула и всею своей тяжестью повалилась на башню младшего. Так закончилось соперничество двух братьев.

* * *

5. Хинг был настолько примечательный человек, что его полюбил даже сам Дяла[5]. Опустил Дяла на землю золотую цепь и сказал:

— Взбирайся сюда, ко мне.

Взобрался Хинг на арш (1аьрш) и сел рядом с Дялой.

— Обозревай отсюда землю, — сказал Дяла, — отсюда все видно.

Смотрел Ханой Хинг на землю и удивлялся: все раскрылось перед ним, как на ладони. Решил он взглянуть и на свой аул Хяни и понаблюдать, что делает его семья. Увидел он свою жену, которая шла к сараю, а за нею шел их домашний раб.

— Кажется, не все у меня дома благополучно, отпусти меня домой, — попросил он Дялу.

— Иди, — сказал Дяла, — когда спустишься на землю, можешь от золотой цепи отрубить кусок такой длины, насколько достанет твоя сабля.

Опустившись на землю, Ханой Хинг, желая отрубить цепь побольше, подпрыгнул и отсек от нее довольно длинный кусок. Этот кусок до недавнего времени лежал на верхнем этаже башни в специально для него сделанной нише. Кто поднимется на башню, тот увидит эту нишу. Ханой Хинг пожадничал, когда рубил цепь, и Дяла проклял его за это. Он сказал:

— Пусть потомство твое будет немногочисленным и низкорослым до седьмого колена!

Случилось однажды несчастье с родовым котлом Ханиевых: сорвался он с очажной цепи и разбился. После этого случая Ханиевы стали говорить между собою:

— Нам надо поделить очаг. Необходимо разделиться.

Очажную цепь, котел они поделили на семь частей, также и сами разделились на семь частей, и каждая из них взяла свою долю очага. Затем они разошлись. Один остались в Хяне, другие ушли в села Ангушт и Насыр-Корт. Третьи отправились к черкесам, и сегодня среди них есть жители, которые имеют фамилию, как и ингуши, — Ханиевы; четвертые подались к осетинам, и их потомство имеет фамилию Ханаевы, пятые ушли в Грузию: их называют Ханишвили; шестая часть обосновалась в Моздоке, слилась с армянами и имеет фамилию Ханаянц; седьмая часть ушла к чеченцам и слилась с их родами.

25. О ВОЗДВИЖЕНИИ БАШНИ ЦУРОВЫХ

Чур и его четверо сыновей жили в Джерахе. Сыновей звали: Бек, Чур, Аршха. Имя их четвертого брата я забыл. В давнее время на том склоне, где сейчас стоит Джерах, лесов не было. А на

другой стороне ущелья росли большие леса. Сегодня же наоборот: лес растет на другой стороне, а там, где был лес, раскинулись пастбища.

На тот бывший лесистый склон как-то Чур пошел на охоту. В лесу он увидел голого человека, который доил олениху. Чур не стал стрелять в человека, а выстрелил в животное. Стрела свалила олениху, а человек тот убежал в лес. Со страха он забыл свою чашу, в которую доил олениху. Чур поднял ее и увидел, что она сделана из золота.

Братья договорились построить боевую башню. Они положили чашу и над нею стали возводить башню [1]. Строитель, которого они наняли, был из галгаевцев. Он согласился воздвигнуть башню за шестьдесят быков и коров, которым было по три-четыре года. Мастер воздвиг башню, поставил над нею завершающий замковый камень и сказал, что он не сойдет на землю до тех пор, пока ему не дадут еще одну корову сверх уговоренной платы. Его просьбу пришлось удовлетворить, ибо, если бы его долго продержали на башне, он мог бы ослабнуть, свалиться и разбиться. По обычаю, в таких случаях хозяева несли ответственность за погибшего при строительстве и могли подвергнуться кровной мести. Получив согласие, мастер потребовал, чтобы все они перешли на другую сторону ущелья, а по эту сторону оставили коров, положенных ему за работу. Просьбу мастера исполнили и позволили ему уйти с миром [2].

26. СТРОИТЕЛЬ ДИСХИ И ЕГО НЕВЕСТА

Очень давно в горах жил молодой человек по имени Дисхи, который славился искусством строить высокие башни. В одном из аулов Аккинского ущелья Дисхи засватал девицу. Как-то весною, когда легче всего бывает добыть в горах овчинки с молодых овец, попросил Дисхи свою невесту приготовить овчины и сшить ему шубу. Невеста обещала исполнить просьбу жениха, но дело шло у нее очень вяло: уже лето близилось к концу, начинались холодные утренники, а шубы все не было. Поинтересовался жених, исполнено ли его поручение, и к великому огорчению убедился в полном нерадении своей невесты, оказалось, что еще и овчины не были окончательно выделаны. Желая выразить возможно сильнее негодование за такое невнимательное отношение к своей просьбе, Дисхи стал негодовать и, чтобы проучить невесту, сказал, что он сам приготовит все необходимое и построит высокую башню скорее, нежели будет готова шуба. От слов дошло и до дела: начал Дисхи готовить камни, а затем скоро приступил и к возведению стен. Дабы не ударить лицом в грязь перед невестой и доказать правдивость своих слов, Дисхи, естественно, очень торопился, и работа быстро шла вперед. Вот уже стены закончены, на высоких подмостках навалены каменные плиты; осталось из них свести крышу, как вдруг

бревна подмостков обломились под непомерной тяжестью камня и... Дисхи слетел с пятисаженной высоты вместе с материалом, которым и был убит. Прибежала на тревогу невеста и, увидев обезображенный труп своего жениха, бросилась рядом с ним на кинжал и тоже пала мертвой. Погиб знаменитый мастер, и роковая башня поныне называется Дисхи-воу.

27. УМНАЯ ЖЕНА

Жили отец и сын. Они промышляли тем, что строили боевые и жилые башни. Как-то отец сказал сыну:

— Эх-хе, сынок, состарился я и, видно, помирать мне скоро. Хотелось бы, чтобы ты женился побыстрее, пока я жив.

Сын исполнил волю отца: женился. После свадьбы отец сказал ему:

— С сегодняшнего дня нам надо лучше есть и пить: мы будем строить одному богачу башню за хорошую плату.

Они взяли все, что надо для постройки башни, и отправились в путь. В пути отец обратился к сыну:

— Сын, наш путь длинный, и ты должен укоротить его.

Сын не понял отца.

— Дада, —сказал он, — как я могу укоротить дорогу? Разве такое под силу человеку?

— Ладно. Тогда приведи мне коня, — попросил отец.

— Да откуда же я приведу тебе коня? Тебе хорошо известно, что его у нас нет! — ответил сын.

— Тогда вернемся, — отрезал отец. — Придем домой, разведись с женой.

Сыну подумалось, что отец несколько ослаб к старости умом.

Все же он решил выполнить волю отца. Он развелся с женой и по отцовскому выбору женился на другой. Прошла свадьба, и отец снова позвал сына в путь. Сын безропотно собрал все необходимые инструменты, они вновь отправились в дорогу. Отец снова стал просить сына укоротить дорогу и дать ему коня. Сын опять ответил, что он не может ни укоротить ему дорогу, ни дать ему коня.

Отец повернул домой. Он сказал сыну:

— Разведись и со второй женой.

Сын исполнил волю отца. Это продолжалось пять или шесть раз, каждый раз, вернувшись с дороги, сын разводился с женами. Сын очень переживал, не видя никаких причин для разводов. «Совсем, видно, свихнулся старик», — думал он. Последняя из его жен, видя мужа в печали, спросила его:

— Что за горе у тебя, и почему ты так часто меняешь жен?

Муж рассказал ей все как было: и непонятные просьбы отца, и его странные требования возвращаться с дороги и разводиться с женами.

— Хорошо, что ты рассказал мне об этом. Я растолкую тебе тайный смысл требований старика, — сказала жена. — Когда вновь вы отправитесь в путь, и отец попросит укоротить дорогу, ты начни рассказывать всякие приятные истории, и путь ему покажется короче. Когда же он попросит коня, сруби и дай ему в руки палку — это и есть конь для старика.

После этих советов сын обрадовался, воспрянул духом. После свадьбы они с отцом вновь тронулись в путь. Когда отец потребовал укоротить дорогу, сын начал рассказывать приятные истории. Старик радостно улыбнулся и попросил верхового коня. Сын сошел с дороги и, тут же срубив хорошую палку, протянул ее отцу. Отец все понял и сказал:

— Раз у нас дома сидит умная сноха, нам ничего не страшно, и мы можем смело идти в путь. Теперь тебе досталась настоящая жена.

После долгих странствий пришли они в страну терлойцев. У их князя они спросили работу. Князь терлойцев сказал:

— Я дам вам полную плату, если вы поставите мне пятиэтажную башню.

Майстинцы согласились и тут же заключили договор с князем.

Приступая к работе, отец сказал сыну:

— Да не выползет из норы волчонок, да не встанет из люльки княжеский отпрыск. Это наша пословица. Я хорошо изучил повадки князей. Лишь только мы завершим строительство, они попытаются нас уничтожить, чтобы не выдать положенную нам плату. А чтобы мы знали тайные мысли князя, ты должен поухаживать за его дочерью.

Сын старика был юноша приятной и красивой наружности. По совету отца он стал ухаживать за княжной. Она же потеряла голову: влюбилась в него и даже стала лелеять мысль выйти за него замуж. Князь ежедневно по утрам и по вечерам подходил к мастерам и смотрел, как строится боевая башня. Прошло немало времени, башня поднималась все выше и выше. Мулы приучились к своей работе и возили снизу камень для строительства. Лишь только снимут с них камень, они тут же шли вниз за новым грузом. А оттуда, как только их нагрузят, вновь шли к вершине, где строится башня.

Строительство уже заканчивалось, оставалось свести последний свод, как явилась дочь князя и сообщила молодому майстинцу:

— Отец решил: как только вы воздвигните башню, вас тут же убьют.

— Спасибо за весть, — сказал он, — не теряйся, как только мы завершим строительство, мы вместе убежим отсюда.

Княжна ушла успокоенная, а сын подошел к отцу и все рассказал ему. Тогда отец сказал:

— С сегодняшнего дня вершину башни будем возводить криво.

Отец и сын начали свое задуманное дело. Осматривая, как идет строительство, князь заметил это и сказал:

— Вы криво завершаете боевую башню.

Старик притворно удивился, опустился вниз, обошел башню и ответил:

— Да, действительно, ты прав: верхушка башни получается кривою. Необходимо привезти колесо из нашего дома, с помощью которого выравнивают боевые башни.

Терлоевский князь снарядил в путь своего сына и с ним раба, чтобы они поехали за этим колесом. Провожая их в путь, старый майстинец сказал:

— Прибыв к нам, сообщите жене моего сына, что мы живы и здоровы, скажите также, чтобы не скучали. Передайте, что вершина башни пошла вкось и необходимо колесо, с помощью которого ее ровняют. И главное, скажите: пусть отпустит из дома ворону, но задержит сокола и хорошо содержит его. Сообщите еще, что по завершении строительства, мы вернемся домой.

Посланные доехали до места, нашли невестку старика и передали ей полностью все, что сказал старик. Невестка любезно встретила гостей, зарезала барана и угостила их на славу. Перед сном она пообещала им, что завтра они возьмут нужное колесо и смогут благополучно отбыть. Гости уснули, а невестка стала размышлять над смыслом слов, переданных ей: «У нас дома нет ни злополучного колеса, ни ворон и соколов. Что-то нехорошее приключилось с ними». Тут же невестка обошла родственников мужа, собрала их и сообщила о своих подозрениях. Совместно они порешили задержать дома, как заложника, сына князя. Пока княжеский сын еще спал, люди набросились на него и связали. На рассвете невестка выпроводила раба и наказала передать князю:

— Если ты, князь, отдашь старику и моему мужу полную плату, весь причитающийся скот, твой сын невредимым вернется домой. Если же ты нарушишь уговор, тебе не видать своего сына.

Явившись к князю, раб полностью передал ему слова невестки старика. Услышав такое, вскочил разозленный князь. Но что он мог сделать?

Отец и сын стали теперь строить башню прямо. Князь же не осмелился чинить им вреда, отдал полную плату и отпустил их домой. Когда отец и сын вернулись домой, невестка тут же отпустила княжеского сына.

Хорошо зажили наши майстинцы со своей умной невесткой.

28. О ПРОШЛОМ НАЗРАНИ

Шоа, сына Кинды, женили на дочери Сеска Солсы. Затем, по прошествии от Кинды шести поколений, родились три брата: Эга,

Хамхи и Таргим. Они поселили на своих землях людей и заставляли их платить дань. Со временем трое братьев разделились. Один ушел жить в Таргим, другой — в Хамхи. Эга, как старший, остался на месте. Затем размножилось их потомство и потомство поселенных ими людей. Жить им вместе стало тесно.

Трое знаменитых братьев сделали своим четвертым братом Евло. Прошло время, и потомки этих четырех братьев собрались вместе и стали решать, что делать: ибо жить им стало очень тесно. Договорились они и переселились жить в Ангушт. Там они прожили определенное время. Вскоре люди решили поселиться на том месте, где теперь находится город Назрань, так как эта земля была тогда свободна, а жившие там когда-то черкесы еще ранее покинули ее и ушли далеко. «Как мы поселимся в Назрани? — стали думать люди и порешили. — Мы не сможем обосноваться, если не заручимся защитой Магомета-хаджи». Магомет-хаджи был имам, пришел он с востока, жил в Дагестане. За ним стояло много людей. Выселяющиеся на новые места люди выдвинули своим предводителем Мальсагова Карцхала, сына Орцхо, и сказали ему: «Трудись для нас».

Потрудился Карцхал и привел Магомета-хаджи с войском, который сказал людям: «Основывайте село на этом месте. Если кто нападет на вас, тому от меня будет больно». Пожелав благ, Магомет-хаджи и его воины ушли.

В честь этого события люди произвели обряд заклания белого быка [1]. Бывшие при этом закланий вернулись в Ангушт и сказали: «Мы теперь имеем право основать свое село». Люди не желали выселяться, так как боялись. Тогда провели совет страны и выбрали восемь родов, а от каждого рода по жребию отделили по десять дворов. Всего набралось восемьдесят дворов.

Они поселились по долине, идущей от башни Овлурга, и основали Назрань.

Мирно прожили они там три года. Этим временем туда подселились дворы из именитых людей, и стало в селе более ста дворов. Как-то войско Магомета-хаджи, — он сам не был с ним, — шло в поход на Кабарду. Оно остановилось в Назрани. Воины его убили одну женщину и одну лающую на них собаку. Потом войско ускакало в Кабарду. На обратном пути войско вновь вошло в село. Привязав своих коней, воины расположились обедать. Когда все они были заняты едой, Карцхал и молодежь села выбежали из своих домов и стали избивать их. Назрановцы разогнали все войско Магомета-хаджи.

Воины, уходя, захватили и ограбили село Батоко-Юрт. Двигаясь оттуда, они погнали впереди себя всю скотину, что паслась близ Назрани. Тогда жители Назрани бросились им в погоню, вновь побили их воинов и отобрали все, что у них было. Остатки воинов

назрановцы прогнали через те места, где сливаются реки Яндырка и Сунжа.

Вернувшись к себе, войско стало жаловаться Магомету-хаджи: «Ты сделал плохо для нас, посадив нам в засаду клыкастого кабана»[2]. Услышав это, Магомет-хаджи поклялся: «Создавшим меня богом клянусь, что взрослых мужчин перебью, остальных уведу в плен; а Назрань развею в прах и пущу по ветру!»

Магомет-Хаджи собрал воинов от всех народов, что живут вокруг, начиная от моря и до гор, и двинулся на Назрань, чтобы завоевать ее. Начиная от мавзолея Борга-каш и почти до Назрани тянулось его войско. За Магометом-хаджи было столько людей, что негде было упасть брошенной вверх шапке.

В те времена вокруг Назрани были большие леса. Сквозь них не мог продраться и олень. Леса простирались по всей Сунже.

Лишь забрезжил рассвет, глянули люди и увидели большое войско от мавзолея Борга-каш и далее от него.

Сразу же собралось все село. Затем молодежь попросила Карцхала: «Когда войско войдет в село и начнут плакать и причитать наши женщины и дети, мы не сможем сразиться. Дай нам пойти навстречу врагам и с честью погибнуть».

Заплакал тогда Карцхал: «Неужели Назрань, что мы основали, надеясь на хорошую жизнь, должна обагриться нашей кровью и развеяться по ветру?» Он разрешил молодежи выступить против врага.

Защитники пошли по пойме Сунжи и притаились на склоне горы. В это время Магомет-хаджи и стоявший рядом с ним князь Шу обдумывали, как лучше направить войско на село. Среди вышедшей защитить свое село молодежи был старый охотник Чомак, сын Чожа. Он крикнул врагам: «Везде, где есть овраги или лощины, мы сожжем вас серным синим пламенем». Затем он выстрелил и уложил князя Шу, который стоял вблизи Магомета-хаджи. Со склона молодежь стала палить по вражескому войску. Все выстрелы молодежи достигали цели, выстрелы же врагов ее не достигали. Защитники сидели словно в башнях.

Поняв, что им не одолеть напавший отряд, войско врагов разделилось на три части и за час до восхода солнца ринулось в село.

В селе на четырех сваях стояла башня Тоды. В ней засели Карцхал и другие люди — всего восемь человек. Они стали стрелять из башни. Ответными выстрелами враги убили из них четверых. Оставшиеся в живых телами убитых закрыли все проемы башни и высыпали весь порох на разостланную бурку. Двое заряжали ружья, Карцхал и еще один стреляли по врагам.

Из одной землянки тоже велся огонь по врагу. Это стрелял Ботка, сын Акбе, родом из Зауровых. Не видя возможности победить и, находясь под двойным обстрелом, нападающие притаились у за-

боров, сараев и под сапетками. Они сумели поджечь башню. Из нее выпрыгнули трое и остались невредимыми.

В этом селе в землянке жил слепой Тиймаж. «Наверное и в ней затаился какой-нибудь кабан», — подумал один из врагов и сунул голову в землянку.

Тиймаж наугад ударил его топором по голове и убил.

Этим временем стемнело. Тогда враги покинули Назрань. Из защитников погибло тринадцать человек, остальные стали готовить оружие и порох. «Завтра в бою все погибнем», — думали они.

Перед рассветом Карцхал послал людей в разведку в разные стороны, чтобы узнать, откуда враг начнет нападать. Посланные в одну сторону привели семерых пленных, посланные в другую привели троих пленных. Оказывается, враги воспользовались темнотой и удрали, сняв осаду, остались лишь те, кто заблудился в лесах.

Когда Магомет-хаджи собирался в поход, он говорил: «Я завоюю Назрань». Тогда сидевший рядом с ним муталим, говорят, сказал: «Я дам свою голову на отсечение, если услышу, что Назрань покорена».

После позорного ночного бегства вражеское войско проходило через село Фарта. В нем жила красавица Ака Тотам. Она спросила об их делах у Магомета-хаджи и его воинов. Не ответив на ее вопросы, они молча ушли своей дорогой. Стала она расспрашивать у воинов второго отряда. Но и они не дали ей ответа. В третий раз она спросила у одинокого всадника:

— Что получилось у вас? Почему воины ваших отрядов идут с опущенными головами?

Всадник ответил ей:

— Не одолели мы противника. Отовсюду, где были овраги или лощины, нас выжигали серным синим огнем. Клянусь тебе, из наших ста восьмидесяти арб ни одна не возвращается, чтобы в ней не лежал хотя бы один убитый или раненый.

Враги ушли. Вскоре наибы имама создали новый отряд и двинули его на Назрань. Теперь враги имели пушку, сделанную из дубового ствола, обитого железными обручами.

Со звуком «хар-р-р» вылетали ядра и, не долетая до Назрани, скатывались в низины. От их шума, — а он становился все громче, люди проснулись и вышли из своих домов. Назрановцы собрались и вновь отбили врагов.

Время шло, Карцхала не стало. Отцом Назрани теперь стал Гейтий, сын Бятара. Он пошел и привел русское войско, и заложил крепость с пушками. Назрань укрепилась. Русские стали прибывать и основали в стороне от Назрани город Владикавказ...

29. ОРЦХА КЭРЦХАЛ

По преданию около 200 лет назад спустился с гор, из селения Ангушт, ингуш, по имени Орцха Кэрцхал, из потомков Малсэга, и первый поселился на берегах «Матери-Назрани», сердца теперешней равнинной Ингушетии. Желая основать здесь поселение, он привел предназначенного для жертвы белого быка и стал молиться [1]. Во время молитвы бык сам стал на колени, и с неба полил дождь, что, по мнению ингушей, было проявлением милости божества и служило предзнаменованием, что эта местность не будет взята с боя врагами. Здесь Кэрцхал и основал Назрань. Сам он был богатырь: руками крутил мельничное колесо и, наложив путы на коня, один поднимал его с земли. За занятую землю воевал Кэрцхал с соседями и ни разу не выпустил из своих рук Назрани. Малопомалу враги стали водить с ним дружбу, а ингуши стекались к нему с гор и селились около. К своим Кэрцхал был строг: за кражу набивал он колодки на ноги и сажал в яму провинившихся. Умен он бездетным.

30. НАХОДЧИВОСТЬ КЭРЦХАЛА

Рассказывают, что в старые времена один ингуш по имени Кэрцхал [1], случайно заехал как-то к незнакомому кабардинскому князю. Его встретили как гостя и провели в кунацкую. Однако пришелец имел необычный и довольно дикий вид: почти все лицо его было покрыто густыми волосами, окладистой бородой и усами огромной величины. У всех, а в особенности у женщин, разгорелось сильное желание узнать, что он за человек и какого он происхождения. Но обычай запрещал беспокоить гостя докучливыми и, может быть, нескромными вопросами. Дочки князя решили добыть необходимые сведения другим способом. Они поставили перед незнакомым гостем столик с миской, наполненной медом, и чуреком (хлебом), а сами стали наблюдать в щелку, как примется гость за еду, и, что будет при этом с его бородой и усами. Однако Кэрцхал с честью вышел из испытания и поддержал достоинство ингуша перед кичливым князем: он обмакнул сначала кончики пальцев правой руки в мед, смазал ими волосы возле рта, закрутил усы и пригладил бороду, открыв губы, а затем с аппетитом начал кушать мед, пользуясь вместо ложки куском чурека [2].

31. ИНАРКА

В давние времена Инарка проживал сам на открытой местности. Из дальней страны привел он себе жену. Жили они дружно и хорошо. Вскоре у них пошло потомство. Оно выросло, затем пошло новое поколение, а следом — еще поколение. Потомство Инар-

ки размножилось и обжило большую равнину. Инарка и его потомство жили долго, хорошо и в согласии с соседями.

Но в одну из ночей ударил гром, а с неба морем потекла вода[1]. Это на землю опустился сармак-дракон. Он кольцом опоясал всю эту местность и сказал Инарке: «Если вы меня в продолжение года не будете кормить людьми, я уничтожу вас всех!»

Собрались старики и стали совещаться. Наконец поднялся Инарка и сказал: «Жил я очень долго, видел я только ваше счастье и не видел несчастий. Я пойду к сармаку и сражусь с ним». После этих слов Инарка попрощался со всеми, взял саблю отца и пошел к сармаку.

Бой длился семь дней и семь ночей. От поднявшегося боевого шума рушились горы, пламя из пасти сармака сжигало все живое и иссушало воды. Наконец Инарка отрубил голову сармака, но тут же и сам упал бездыханным.

С тех пор село, где жил Инарка и живет его потомство, называется Инарки. Сейчас там нет когда-то бывшей ровной степи. Село лежит на пологих и возвышенных местах. Сармак, издыхая, дунул в небо, а в ответ с неба вниз ударил ветер и искорежил землю. Вот почему, говорят, степь эта стала гористой.

32. ПРО НИХАЛОЙЦЕВ

Говорят, некогда жили четверо братьев: Чинно, Баши, Гути и Нихи. Они в разных местах построили башни. Все братья поженились. Жена Нихи была из аула Борзе. Вскоре она родила сына. Пришло время жене Нихи, по обычаю, навестить своих родителей. Ее отец был очень самостоятельный человек и имел много земли. Уходя, жена спросила Нихи:

— Что для нас попросить у моих родителей?

— Ничего нам не надо, но если вздумаешь просить что-либо, то попроси земли, ибо это — основное богатство, — сказал Нихи.

Родители жены были очень рады, что их навестила дочь вместе с маленьким сыном. Она была их любимой дочерью. Закончилось положенное время пребывания ее у родителей и, когда она собралась уходить, отец спросил ее:

— Чем тебя одарить, что вам нужно?

Дочь ответила:

— Дай нам земли.

Подумал отец и сказал:

— Пусть поскачут на кобылице. Сколько она обскачет земли, не уставая, та земля и будет вашей.

Поскакали на кобылице. Долго она бежала и, наконец, устав, остановилась на горном хребте. И сейчас граница нихалоевцев считается по этому хребту. Люди и сейчас рассказывают, что нихалоевцы получили земли от отца жены их предка Нихи.

33. НОГАЙ-МИРЗА

В начале нынешнего столетия чермоевец Ногай-Мирза, мой прадед, переселился из Ичкерии на плоскость со своим имуществом, состоявшим из рогатого скота. Он перебывал во многих аулах, но нигде не оставался доволен качеством земли, которое определял следующим средством. У него была мерка для хлеба, называемая гирди[1]. Коровы его не могли нигде, одним удоем каждая, наполнить молоком эту мерку, как бывало в Ичкерии. Отыскивая лучшую землю, он зашел на Терек, где к его радости молоко перешло через края гирди. «Вот та земля, которую я искал», — сказал он и основал аул, существующий ныне и носящий его имя.

34. СЕЛА ГАРДАЛИ, ДАТТАХ, ЭНГАН

Впервые в Нашахе поселились пришлые люди. Имена всех, кто проживал в Нашахе, записывались. Записывали имена отца, деда и других[1].

Запись этих имен называлась «яй» — котел. Человека же, не имевшего запись рода в Нашахе, считали инородного происхождения и неполноправным. Размножилось потомство этих людей и вышло на равнинные земли вплоть до нашего села.

Говорят, что в нем в то время жил народ галмакоев. Выселенцы из Нашаха размножались, и галмакойцам приходилось потесниться, и они отходили все дальше и дальше. Человека, происходящего из села Нашах и имевшего там основу, называли «нохчо». Оттуда произошли три брата: Гардал, Даттах, Энган. Старшие двое были рождены от одной матери, младший от другой матери. Гардал, Даттах и Энган основали селения, которые назвали своими именами. Гардал и Даттах сказали друг другу: «Мы поселим нашего брата Энгана между собою».

Села Гардали и Энгеной находятся недалеко друг от друга. Между ними протекает река Ясси (Аксай). Село Даттах находится от них подальше.

35. ГАРДАЛОЙ

Как рассказывают, в давние времена в наших краях жили нарты. Обитали они в лесах, но когда у них в чем-либо появлялась нужда, они делали набеги на близлежащие села. Они разоряли дома и насильно уводили в плен девушек и молодых жен. Как-то нарты напали на одно село и пленили девушку. Она досталась предводителю нартов. Прошло время и у полонянки родился сын. Ему дали имя Гардалой.

Из того же села, откуда была девушка, какой-то человек пошел на охоту. Наступила ночь, и охотник сел ужинать. Он разжег кос-

тер и стал жарить на углях мясо. Вдруг захрустел валежник, и к огню вышел человек огромного роста. Он попросил у охотника мяса .Охотник понял, что это нарт и накормил его. Нарт повернулся, чтобы сходить за водою. Тут охотник выстрелил в него. С диким криком нарт побежал прочь. Охотник пошел по его следу. Нарт поднялся далеко в горы и подошел к пещере. Вход в нее плотно был закрыт огромным камнем. Кое-как нарт отодвинул камень и зашел в пещеру. Он был настолько обессилен от раны, что не смог поставить камень на место. У входа в пещеру остался проем, в который мог пролезть человек. Охотник протиснулся через этот проем и увидел в пещере молодую женщину с младенцем на руках. Охотник признал в ней девушку, уведенную нартами. Она попросила его не оставлять ее в пещере.

Охотник добил притеснителя нарта и ушел, уведя с собой женщину и ее ребенка. Жители их села наделили мать с ребенком землею и построили им дом. От этого мальчика по имени Гардалой и пошел, рассказывают, род Гардалоевых.

36. ЛОЩИНА, ГДЕ ЗАСТРЯЛ ДУНШИЛГ

В горах есть аул Эрш. В нем некогда жил горец Дуншилг. Он был известный охотник. Обычно он промышлял охотой на оленей. Однажды утром Дуншилг пошел на охоту. Подстрелил он оленя, освежевал его, сложил мясо в суму и пошел в обратный путь. Чтобы сократить дорогу, Дуншилг пошел по ранее неизвестной ему тропе. Она привела его к двум близко стоящим скалам. Тропа проходила между ними. Скалы стояли настолько близко, что не каждый человек мог бы пролезть между ними. Дуншилг через эту щель перебросил оленину, а затем начал протискиваться сам. Протиснулся он наполовину и застрял. Как ни бился Дуншилг, он не мог протиснуться, а застревал все сильнее и сильнее. Он оказался в плену у скал: он не мог даже чуть-чуть протолкнуться ни в ту, ни в другую сторону.

Долго люди искали Дуншилга. Через много дней его нашли мертвым между скал. Тело охотника принесли домой и похоронили. С тех пор это место называется «Лощина, где застрял Дуншилг» (Дуншилг валлийса аьлий).

37. ОСНОВАНИЕ СЕЛА АЛХАН-ЮРТ

На месте села Алхан-Юрт некогда была большая равнина, на которой кое-где рос кустарник. Известный мужчина Алха[1] пришел на эту равнину. Он осмотрелся вокруг, и ему понравилась эта местность. Алха на время вырыл себе землянку. Про себя же решил: «Теперь я посажу здесь два кукурузных зерна. Если они оба взойдут, значит земля здешняя плодородная, и я обосную здесь село». Из посаженных семян к осени выросла хорошая кукуруза. Тогда Алха вбил в землю кол и сказал: «Здесь будет село Алхан-Юрт. Пусть мужчины, которые выйдут из этого села, всегда будут уметь лихо джигитовать, пусть девушки будут красивы, и пусть они всегда подадут путнику напиться!»[2]

Так основалось, говорят, и пошло наше село.

38. КАК ЧАБАРЛО ЗАБРАЛ МЕСТЕЧКО БЕРХАТЕ

В местечке Берхате[1] когда-то жил Гандало. Его овец пас некий Чабарло. Он пас их в пойме между двумя реками. Чабарло как-то приметил, что по утрам из отары уходит одна из овец, а возвращается только к вечеру. Раз Чабарло тайно проследил за овцой и увидел, что она пьет воду из какой-то лужицы. Чабарло попробовал эту воду и ощутил вкус соли. Он понял, что перед ним соляной источник. Чабарло зарезал овцу, бегавшую на это место, источник засыпал землей, а место приметил для себя.

Чабарло пригнал овец домой, похитил дочь Гандало и ускакал в горы. Через год у них родился сын. Пришло время, когда жена, по обычаю, должна была погостить в родительском доме. Когда она собралась в путь. Чабарло сказал ей: «Попроси у своих родителей для нас клочок земли, который можно охватить одной бычьей шкурой. Не возвращайся, пока не дадут».

Жена Чабарло долго гостила у своих родителей, затем она изложила им свою просьбу. Отец ответил: «Даже такой малой земли не дам твоему мужу. Он из такого рода, который быстро размножается». Жена Чабарло, помня наказ мужа, не уходила из родительского дома.

Через каждые три-четыре месяца, она вновь и вновь излагала свою просьбу, желая скорее вернуться домой. Но родители ни за что не давали своего согласия. Прошло несколько лет. В год раз к Гандало приезжали князья. Каждый раз они примечали, что в его доме находится молодая женщина с ребенком. «В чем дело? — поинтересовались как-то князья. — Она незамужняя или овдовела?» Им объяснили причину ее невозвращения в дом мужа.

Князьям накрыли стол. Они, сговорившись, сказали: «У вас просят всего лишь небольшой клочок земли и недостойно из-за этого разбивать семью. Если вы не исполните их просьбу, мы не дотронемся до еды»[2]. Все равно Гандало не дал своего согласия. Князья встали из-за стола и, не покушав, уехали.

Жена сказала Гандало: «Плохо, что гости так ушли. Они перестанут с тобою знаться и везде будут плохо говорить о тебе. Твоя честь будет опорочена. Мы не можем не исполнить их просьбу». Поехал отец вслед гостям и, догнав их, сказал: «Ваша просьба удовлетворена, возвращайтесь». Князья вернулись, а жена Чабарло уехала домой.

Чабарло разыскал самого крупного быка, изготовил его шкуру и ножницами разрезал ее на длинный тонкий ремень. Укрепив конец ремня в одном месте, он начал им отмерять себе землю. Проходя по уклонам, оврагам, он отмерил большую и лучшую часть земли Гандало. Концы ремня сошлись[3]. Ничего не смог сказать тесть — не мог он нарушить данное слово.

Чабарло с семьею и хозяйством основался жить на этой горе и стал ее владельцем и воздвиг башни. Откопав соляной источник, Чабарло, а затем и его потомки стали извлекать себе пользу. От этого Чабарло, поговаривают, и происходят орстхойцы.

39. БАЙНИ-КАШЕТЕ

Три родных брата Дзарах, Марзбик, Шовхал и их брат по отцу Кот произошли из аула Тярш. Оттуда они переселились в Аганты, затем ушли жить в аул Фалхан.

На том месте, где сегодня расположен аул Байни, некогда был аул Йорхаче. Он находился среди лесов и зарослей, в которых бродило много оленей. В ауле Йорхаче жил сильный род Гама-някан[1]. Все, кто проживал в том ущелье, должны были делать то, что прикажут люди рода Гама-някан. Одних только воинов, не занимавшихся трудом, в этом роду было шестьдесят три. Они все были полностью вооружены и имели одинаковых серых коней. Стоило им увидеть красивую девушку или статного коня, как они тут же уводили их себе.

Воины эти опозорили девушку из дома Дзараховых, живших в то время в ауле Фалхан. Братья не могли сносить насилия со стороны рода Гама-някан, и они решили с корнем уничтожить его. Кот не согласился с братьями и удалился жить в Мецхал. Оставшиеся трое братьев, делая вид, что никакого позора не было, однажды, выдумав какую-то причину, пригласили к себе на пир воинов рода Гама-някан. В приготовленные для них пищу и питье братья заранее добавили дурман «шиш»[2]. Из шестидесяти трех воинов на пир явился шестьдесят один. Дурман подействовал на них, они одурели и не ведали, что делают. Брать». перебили всех воинов и уложили их тела в ряд.

С хребта Байни-Кашете они крикнули женщинам тех воинов, чтобы те пришли и забрали тела своих мужей и братьев. Женщины перенесли их и похоронили там, где теперь стоит аул Кашете. После этого случая, все, кто остался от рода Гама-някан, ушли куда-то из этого края. Их род был галгаевским[3]. Двое из шестидесяти трех воинов были посланы вниз по Терскому (Дарьяльскому) ущелью с какими-то поручениями. Когда они возвращались, встретившиеся в дороге путники рассказали им о случившемся. Тогда они не стали возвращаться, а удалились далеко в Чечню и основали там аул Бян-Юрт.

Аул, который основали братья на месте аула Йорхаче, стал называться Байни, потому что там погибло много людей. Место, где они были захоронены, назвали Кашете[4].

40. СЕЛЕНИЕ БУНИ

Очень давно по соседству с землями эзельдоевцев поселились макажоевцы в шалашах и стали теснить соседей. Ни одно стадо эзельдоевцев не могло пройти, чтобы владельцы шалашей не напали и не отбили несколько овец. Не имея возможности справиться собственными силами, эзельдоевцы обратились за помощью к хунзахскому князю, которому в то время все обитатели Чаберлоя платили дань. Приехал князь, а владельцы шалашей закололи быка, сварили его и целым подали князю; наелся, напился князь и совершенно довольный уехал к себе в Хунзах. Думали эзельдоевцы, что делать, бросили землю и переселились в Харкарой, аул, существующий в настоящее время на левом берегу Анцалта, южнее Тундухоя. Владельцы шалашей только этого и ждали: завладели их землями, вместо шалашей построили дома, основав селение Буни (шалаш).

41. ГОРА ТРЕХ СЕСТЕР

Около Шатоя есть гора, которая называется «Горою трех сестер». Вот откуда идет это название.

В одной семье выросли три сестры-красавицы. Многие юноши были в них влюблены. Отец дочерей жил бедно. Некий могущественный человек выкрал старшую из сестер. Но она любила простого юношу. Девушка сбежала от похитителя и вернулась домой. В отместку за ее побег похититель убил родителей девушки, будучи уверен, что ему никто не будет мстить; а трем сестрам, думал он, некуда деться. Сельчане похоронили убитых родителей девушек. Сестры ушли с этого места высоко в гору. С тех пор гора эта называется «Горою трех сестер». Ее видно, если смотреть из Шатоя. Никто не знает, что потом случилось с тремя сестрами.

42. НАДМОГИЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК НАРТ-ОРСТХОЙЦЕВ

В Ялхой-Мохке некогда жили семеро братьев нарт-орстхойцев и их сестра. Братья владели всей Ичкерией и охраняли ее от врагов. Люди боялись их силы. Каждый из братьев за один присест мог съесть целого быка. Людям было трудно кормить их. Сестра их была необыкновенно красива. Как-то она стирала белье у реки, и у нее на плече порвалось платье. Девушка не заметила этого и спокойно продолжала свою работу. Двое прохожих увидели на плече девушки ослепительно белое пятно, и между ними произошел

спор. Один из них утверждал, что это выглядывает нательная рубашка, другой же говорил, что это виднеется ее кожа. Они решили спросить девушку и задали ей вопрос:

— Что выглядывает у тебя на плече: нательная рубашка или кожа?

Девушка, покраснев, вскочила, быстро накрыла рукою плечо и сказала:

— Это, оказывается, порвалось мое платье.

Изумились путники ее красоте и пошли далее. От их сглаза девушка в скором времени умерла.

Младший из братьев пошел к реке Гумс-хи, взял из нее большущий камень, принес его к могиле сестры и ударил оземь: камень переломился пополам. Он взял одну половинку и с размаху вбил ее в землю. Этот камень, высота которого более двух метров, называется надмогильным камнем нарт-орстхойцев.

43. ДВОЕ БРАТЬЕВ И ИХ МАТЬ

Два сильных и смелых брата-богатыря жили со старухой-матерью на высоком холме, что далеко вдавался в пойму Сунжи. Они сеяли хлеб, пасли скот, давали пищу и приют голодным и бедным, сурово наказывали жадных и злых. Однажды пришли из степи враги. Их было так много, что войлочные юрты заняли весь берег Сунжи, куда только хватал глаз. Предложили степняки сдаться богатырям. Презрительный отказ был ответом. И началась битва. Братья-богатыри отбивали натиск несметных полчищ, а мать-старуха по одной ей ведомой тропинке подносила им чистую речную воду, чтобы охладили герои разгоряченные лица, смыли свой пот и кровь врагов. Долго длилась осада. Не смогли силой взять крепость братьев. И тогда придумали враги хитрость. Черной ночью перегородили они реку, изменив ее течение, и равнодушная вода подточила, размыла холм, отделила от него ту часть, где жила мать героев. Захватили враги в плен беззащитную старуху, а богатыри остались без воды. И все-таки они не сдались. А когда почувствовали, что силы покидают их, упали они, обнявшись, с высокой кручи в реку и утонули непобежденными.

С тех пор у окрестных жителей остаток цитадели на террасе зовется «Холмом двух братьев», а отрезанная рекой часть — «Бабушкиной горкой».

44. ВАРАНДЫ

В давние времена из-за моря на нашу землю, говорят, пришли какие-то люди. Затем они вернулись к себе, но один из них остался. Он был мужественным и сильным человеком. На равнинах в те времена жили кабардинские и кумыкские князья. Этот человек пошел в гости к одному из князей. Князю понравился пришелец, видимо потому, что он на равных разговаривал с ним. Пришелец дал понять князю, что он ищет землю своих предков. Через некоторое время пришелец женился на дочери князя. После этого князь уступил ему земли, где позднее основались села Малые и Большие Варанды, Чишки, Чехкари, Алхазурово. Пришелец поселился там, где теперь находятся Большие Варанды (Лакха Варанде).

В то время в Шатоевской котловине жили нарт-орстхойцы. Однажды пришелец поссорился с одним из этих нарт-орстхойцев. Оба они одновременно пустили друг в друга стрелы. Нарту стрела попала в ногу. Стрела же нарта попала пришельцу в бедро. Затем началось примирение. Пришелец запросил с нарта много скота, мотивируя это тем, что он может остаться без потомства. Нарт пошел на уступки, и они примирились.

Вскоре у пришельца родился сын. Нарт, узнав об этом, потребовал свой скот обратно, но пришелец не думал его возвращать. Спор между ними тянулся долго, и все же пришелец настоял на своем. Люди спрашивали пришельца:

— У тебя родился сын?

— Родится-то он родился, — отвечал пришелец, — да вот теперь имею «вражду из-за рождения» (варан дов).

От слов «варан дов», то есть «вражда из-за рождения», и пошло, говорят, название села Варанды; мальчика, по ответам отца, назвали Варандо, его именем назвали и село, в котором они жили.

45. СОДЕРЖАНИЕ СУДЕЙ ХРАМА ТКОБЯ-ЕРДЫ

В горах есть храм Ткобя-Ерды. «Ткобя» — это значит «двадцать сотен», то есть, как говорят сегодня, «две тысячи». Так этот храм назвали потому, что в нем молились представители двух тысяч семейств из четырех обществ: Галгай, Чулхой, Цхорой, Фяппий. У Ткобя-Ерды находился «мехка-кхел» — «суд страны». При этом храме постоянно проживали избранные народом умудренные жизненным опытом старики. Стариков-судей содержал народ. А делалось это так: каждый жених после свадьбы обязан был обеспечить содержание стариков на три дня. Кроме того, близ храма Ткобя-Ерды были начерчены два круга: поменьше в центре, побольше с внешней стороны. Молодожены обязаны были в присутствии судей станцевать в той полоске, что находилась между двумя кругами. Если кто из танцующих хотя бы и слегка задел ногою линию одного из кругов, внутреннего или внешнего, то старики восклицали: «Э-э, нарто!» такой возглас обозначал, что кто-то из танцующих нарушил линию. А жених тогда обязан был по прошествии года вновь дать содержание старикам на три дня и вновь станцевать с женою по этому кругу. Такое могло повторяться ежегодно, пока пара не станцует безупречно.

46. ПОТОМКИ МАГО

В наших горах есть место Маго-те. Там некогда поселился Маго. Сам он был из арабов и происходил от рода Хашим. Первоначально он прибыл и поселился на местности, где граничат Кабарда и Осетия, близ местности Эльхотово. Вскоре он оттуда перебрался жить вверх по ущелью Терека и поселился там, где теперь находится селение Верхний Чми. Оттуда он углубился в горы и пришел на то место, где основал аул Маго-те. Маго женился на галгайке. Она родила ему сына, которого назвали Андро. Он был единственным их сыном. Он вырос, его женили. Вскоре Маго умер.

Жил Андро со своею женою в Маго-те, и у них один за другим родились четыре сына: Чопилг, Чиндаха, Циккам-Буха, Гий.

Младший Гий превосходил своих братьев огромным ростом и непомерной силой. Братья выросли и решили поискать для поселения более подходящее место в окрестностях. Гий взялся найти место, где земля была бы плодородной. Во многих местах Гий брал землю и сжимал ее в кулаке, затем бросал ее, говоря, что это пустая земля. Наконец он прибыл на место, которое сегодня называется Тумаг. Подобрал он там пригоршню земли и сжал ее в руке. От этой земли меж пальцев его руки проступили капельки масла.

— Вот это и есть «тум» (тIум)! — сказал Гий.

С тех пор это место и стало называться Тумаг (ТIумагIа).

Братья из Маго-те переселились жить в Тумаг. Но жизнь братьев огорчал младший богатырского сложения и умный Гий. Он был неуживчив с людьми из соседних аулов, притеснял их и враждовал с ними. Так дальше продолжаться не могло, и братья решили увезти Гия в Грузию к одному своему кунаку — грузинскому князю. Из братьев Чопилг владел грузинским языком. Там братья хотели посулами или даже обманом, но оставить Гия.

Все четверо прибыли в Грузию, погостили, и братья предложили Гию остаться, соблазняя его хорошей жизнью в тех местах. Но Гий наотрез отказался. Тогда братья на прощальном пиру стали подливать хмельные напитки Гию и упоили его так, что он уснул. Братья связали его ремнями и решили, что, проснувшись, он смирится и останется в Грузии, а сами вернулись в Тумаг.

Протрезвел Гий и хотел привстать, но не смог. Увидел он на себе ремни и понял, что было задумано братьями. Дернулся он, и ремни разлетелись в разные стороны. Встал он и спросил, где его братья. Князь ответил, что братья наверное дома, а Гию хорошо бы побрататься и остаться жить здесь. Припугнул Гий князя и побежал в сторону дома. Побежал он не тем путем, которым пришли, а напрямик через ущелье Охкарой-лам, где раньше ингуши пасли скот и коней. Увидя это место, он понял, что идет правильною дорогою, так как раньше бывал в том месте. Оттуда он перешел на

гору Накастхой-лам, а оттуда всего полдня пути до Тумага. С горы Накостхой-лам Гий крикнул в сторону Тумага:

— Я возвращаюсь домой! Куда вы теперь денетесь!

В это время братья только что расположились на отдых после долгого пути. Они услышали крик брата и испугались, зная его крутой нрав. Тут же братья решили покинуть Тумаг и ушли в разные стороны. Чопилг ушел в Грузию к своему побратиму. Чиндахо ушел в Чечню, а Циккам-Буха в Цароевское общество в местечко Озди.

Придя в Тумаг и не найдя своих братьев, Гий очень огорчился, что он крикнул и напугал братьев, которых он теперь лишился. Гий хотел жить с братьями и потому через разных вестников передал братьям, чтобы они возвратились домой, и, что он не таит на них никакой злости. Вернулись братья, повинились перед младшим, но, прожив какое-то время, поняли, что им будет постоянно стыдно за свой поступок. Поговорили братья на семейном совете и решили вернуться в те места, куда они уходили от гнева Гия.

Гий остался в Тумаге, и от него пошел род Тумгоевых. От Чопилга пошла грузинская фамилия Чопикашвили, они и сами знают, кто их предок. От второго брата произошел чеченский род Чиндахой. От третьего брата идут Оздоевы.

47. РОДНИК «ДЕВИЧЬЯ КОСА»

Жили когда-то красавица княжеская дочь и бедный, но храбрый и благородный юноша. Они очень полюбили друг друга. Но случилось так, что за княжною стал ухаживать некий весьма состоятельный мужчина. Он послал сватов к князю и тот, недолго думая, дал свое согласие на брак. Княжна не захотела подчиниться отцу и убежала с любимым далеко в горы.

Шли они, взбираясь по горным кручам. Однажды их увидел некий человек. Он побежал к князю и за большую плату сообщил ему, где находятся беглецы. Князь схватил ружье и поскакал в горы. Когда он стал нагонять беглецов, они пробирались по узкой тропе. Юноша шел впереди, а девушка шла за ним. Обуреваемый яростью, князь выстрелил и попал в свою дочь. Упала она навзничь, и ее коса свесилась с горы. По этой длинной косе потекла девичья кровь, и образовался родник, из которого лентой стала падать вниз вода. Люди назвали этот родник «Девичья коса». И сейчас он течет в окрестностях селения Харачой.

48. СКЛОН МАЖКИ

Лет полтораста назад в селении Гелдаган жил Дудур. Он любил девушку Мажку из селения Бердыкель. Как-то Дудур пошел к ней в гости. Дома у Мажки играла музыка и веселилась молодежь. На

этой вечеринке был мужчина, односельчанин Мажки, который ухаживал за нею. В разгар веселья мужчина этот попросил остановить музыку и прокричал:

— Есть ли среди вас человек, который осмелился бы пойти со мною, чтобы сразиться с сармаком-драконом, обитающим в соседнем лесу?

Ему никто не ответил. Через некоторое время, прервав музыку, вновь прокричал мужчина:

— Кто из вас смел и готов пойти со мною воевать с сармаком?

Опять никто не ответил. Крикнул он в третий раз, — безответно.

Закончилась вечеринка. На улице Дудур подошел к этому мужчине и спросил:

— Ты по правде звал сразиться с драконом?

— Да, по правде, — ответил тот.

— Хорошо. Приходи утром ко мне. Только никому не говори, куда мы с тобою собираемся идти.

Мужчина, который ухаживал за Мажкой, встал с рассветом и пошел через село. Всем встречным он говорил: «Я и Дудур из Гелдагана идем убивать сармака». Дудур, как известно, гостил в этом селе. Явился к нему этот мужчина, и они пошли на охоту. За ними увязалось почти все село, говоря, что эти герои идут убивать сармака. На окраине села народ остановился, а те двое направились к лесу. Не успели они отойти далеко от села, как тот мужчина остановился и сказал:

— Сармак, видимо, обитает где-то здесь. Давай не пойдем дальше. Если сармак нападет, то стоящие от нас невдалеке сельчане помогут нам.

— Я же просил тебя, не говорить никому о нашей охоте, — возмутился Дудур. — Теперь нам остается только одно: или убить сармака, или погибнуть самим.

В это время недалеко от них среди деревьев показался сармак. Он поднялся выше тополя и заревел. Увидя его, влюбленный в девушку Мажку, взмолился: «Бежим к сельчанам!» Он бросился назад и упал без чувств перед людскою толпою.

Налетел Дудур на сармака и отсек ему хвост длиною в рост человека. Из раны его поползли внутренности. Сармак готовился напасть на Дудура, но он опять ударом сабли отсек от него часть. Сармак извивался, пытался укусить Дудура, но он уклонялся и наносил удары. От дракона остался кусок в рост человека. Но и этот обрубок продолжал биться. Он набросился на Дудура. Дудур ткнул ему саблю в пасть. Сармак, сжав челюсти, не отпускал саблю. Тогда Дудур схватил руками голову сармака и сжал ее изо всех сил. Тут ему на помощь подоспели люди из Бердыкеля и добили сармака.

Дудур пролежал у Мажки целый год. Он лежал то в кислом молоке, то в сыворотке. Через год Дудур поправился, и Мажка вышла за него замуж.

С тех пор бердыкельцы называют место боя с драконом в честь девушки «Склон Мажки».

49. ОТКУДА ИДЕТ НАЗВАНИЕ СЕЛА ЯЛХОЙ-МОХК

Как рассказывают, село Ялхой-Мохк основали шестеро воинов, поэтому оно и называется Ялх (шесть), хуо (стражники), мохк (страна).

Рассказывают и по-другому: как-то семеро братьев убежали от преследования врагов, которые стремились убить их. Когда враги стали настигать, братья попросили некоего человека спрятать их. Он шестерых спрятал под яй — котел, а седьмого под гуй — большая деревянная посудина. Рассказывают, что оттуда и пошло название родов яйхой и гуйхой. Шестеро братьев, которые были спрятаны под яй, и основали, говорят, это селение, и оно стало называться Ялхой-Мохк.

50. ПРО ЯЛХОЙ-МОХК И ХРЕБЕТ МУШАН-ДУК

Близ села Ялхой-Мохк есть склон, который называется «Склон, по которому прополз сармак». Так его назвали из-за того, что некогда повыше этого склона обитал огромный сармак. Он уничтожал людей, скот и посевы. Как-то люди увидели, что сармак ползет по склону к реке Гумс-хи. На ходу он валил целые деревья. Сармак попил воды, покувыркался в реке и прежней дорогою уполз обратно. С тех пор этот склон так и называется: «Склон, по которому прополз сармак».

А про хребет Мушан-дук рассказывают, что раньше на нем было много липовых деревьев. Люди снимали с лип тонкую, легко отстающую кору и варили ее. Затем из этой коры делали веревки. Поэтому-то этот хребет и назвали «Мушан-дук» — Веревочный хребет.

51. НАЗВАНИЕ СЕЛА ШОВХАЛ-БЕРД

Тарковский Шамхал притеснял многие народы. В один день он вышел из Тарков, чтобы взять дань с покорных ему народов. Странствуя, он дошел до чеченского села, которое ныне носит название Шовхал-берд. Тарковский Шамхал потребовал у жителей дани. Но село отказалось платить ему дань. Более того, парни этого села, собравшись, пошли войною на Шамхала и его войско. Они уничтожили пришельцев, а самого Тарковского Шамхала пленили. Затем подвели его к обрыву и сбросили с кручи. Вот оттуда-то и идет, говорят, название «Шовхал-берд» — Шамхалов обрыв.

52. О ЦАРИЦЕ ТАМАР

У грузин была царица по имени Тамар. Она была храброй, и ее любил народ. С большим войском в Грузию явился персидский царь. Поначалу ему сопутствовала победа. Тамар вынуждена была отступать. Впереди ее войска гнали баранту, затем шли сами воины. Так Тамар углубилась в горы по Дарьяльскому ущелью. Здесь она засела в своей большой башне. Персидский царь послал сказать Тамар:

— Сдавайся. У меня огромное войско, и ты не победишь меня. Сдашься, я возьму тебя в жены.

— Хотя и огромно твое войско, но любой из моих воинов сможет противостоять твоим десяти воинам. А чем стать твоей женой, я бы предпочла выйти замуж за самого никчемного своего воина.

Тамар сплотила грузин и разные горные народы. С их помощью она разгромила и изгнала из своего края персидского царя.

Тамар поклялась, что ни за кого не выйдет замуж. По ее приказу к ней приводили молодых людей[1]. К утру она убивала их и сбрасывала в Терек. Много разных тайн было в жизни царицы Тамар.

53. ПОХОРОНЫ ТАМАР

Грузинская девушка Тамар славилась умом, благородством и богатствами. Ее считали чуть ли не царицей. Тамар ни за кого не хотела выходить замуж. Шестеро грузин верно служили ей и исполняли все ее желания. Состарилась Тамар и почувствовала, что скоро помрет. У Тамар не было ни сестры, ни брата, и поэтому она еще при жизни позаботилась о своих похоронах и о своих богатствах.

Приказала она вырыть глубокий подвал, выложить его камнем, сделать над ним перекрытие в виде дверей. Если наступить на это перекрытие, двери проваливались, а затем сходились вновь. Над подвалом возвели небольшой каменный домик. На дверях его снаружи и изнутри, повесили замковые петли. Тамар приказала сделать себе гроб из золота. Все свое остальное золото и серебро Тамар припрятала. Перед смертью она разделила своих верных шестерых слуг на три пары и поговорила с каждым в отдельности.

Двоим из слуг, которые были постарше, Тамар наказала похоронить ее у моря в определенном ею месте, забрать у нее ключ, вернуться, открыть домик и в благодарность за службу взять ее золото.

Вскоре Тамар умерла. Двое слуг понесли ее гроб на указанное крестке двух дорог их подкараулили двое других слуг, которым место, похоронили ее, забрали ключ и пошли к домику. На пере- Тамар оказывается, наказала, чтобы, встретив, они убили первых

двух слуг и, взяв у них ключ, золото забрали себе. Они убили их, забрали ключ и радостные пошли к домику. Все думали, что Тамар в нем спрятала свое золото. Слуги дошли до домика, но их там, оказалось, подкарауливала третья пара слуг, которые, также по совету Тамар, убили тех и забрали ключ.

Подошли они к домику и стали все делать так, как наказывала им Тамар. Они открыли ключом двери, вошли, заперли двери изнутри, прошли по коридорчику и одновременно ступили на перекрытие домика. Но оно вдруг провалилось, разделившись надвое, слуги полетели вниз и погибли на острых пиках. Пол вновь сомкнулся.

На перекрестке двух дорог люди нашли двух убитых слуг Тамар, затем у домика нашли тела двух других, но долго не могли найти тела последних двоих. Копаясь в бумагах Тамар, люди узнали про ее замысел, взломали домик и нашли останки погибших слуг.

Навечно осталось тайной: где похоронена Тамар и где спрятаны ее богатства. И люди не могут все это узнать, хотя с тех пор и прошло много веков. А слуг Тамар погубила для того, чтобы сохранить тайну и иметь для себя слуг и на том свете[1].

54. ЦАРЬ ГЕРГАЛ

Гергал[1] был грузинским царем. Он очень много воевал с врагами Грузии. В его войске был некий ингуш. Он участвовал во всех боях, которые велись царем, сражался в первых рядах, уничтожил до тридцати врагов, а сам не пострадал и на иголку. Вот какой он был человек.

Однажды царь Гергал прибыл в Казбеги, туда же он пригласил и ингушей. Закатив большой пир, царь сдружился с ними, а некоторым выдал дарственные бумаги.

Царь Гергал и ингуши договорились: если нападут на грузин враги, ингуши придут им на помощь, если нападут на ингушей, на помощь придут грузины.

Царь Гергал высоко чтил ингушей и считал их мужественными, благородными, деловыми и верными людьми.

55. ХРОМОЙ ТИМУР

Когда Тимур был еще маленьким, у его отца было много овец. Однажды Тимур пас их и заметил, что среди овец бегает заяц. Завидя Тимура, заяц побежал. Тимур бросился за ним, поймал его и пустил среди овец. Тот опять убежал. Тимур и во второй раз поймал зайца. Так в течение дня Тимур ловил его много раз, приносил и пускал его в отару. Вечером вместе с овцами Тимур пустил зайца в загон. Придя домой, он сказал отцу:

— Среди наших овец бегает один барашек. Я не видел никого быстрее него; целый день я гонялся за ним и сильно устал. Надо бы прирезать его.

Выпуская утром овец, отец Тимура сказал:

— Покажи-ка мне этого барашка.

— Вот он, — показал Тимур отцу зайца и отпустил его.

— Поймай тогда, — сказал отец.

Тимур поймал зайца и подал отцу. Отец тотчас же зарезал зайца. После этого отец поломал Тимуру бедро и при этом сказал:

— Если тебя оставить невредимым, ты разоришь все страны.

С тех пор Тимур стал хромым.

Отец умер. Тимур бедствовал, и к тому же у него случилось несчастье: у Тимура украли сына. Однажды Тимур зашел в кузницу и присел. В это время кузнец дремал. Тимур увидел, как из носа кузнеца выползла муха. Она пошла по краям лохани, прошла по клещам, перекинутым через лохань с водой, опустилась на землю и заползла в какую-то дырку. Кузнец тотчас же проснулся.

— Оказывается я заснул в твоем присутствии, Тимур, — сказал кузнец. — Видел я сон: шел я по чистому полю и очутился у моря. По железному мосту я перешел это море. На другом берегу я опустился через отверстие в подземелье. Там я и наткнулся на клады золота и серебра.

Тимур был вещим и догадался, что под кузницей зарыто золото и серебро. Но он не дал знать об этом кузнецу, а только сказал:

— Мало ли что можно увидеть во сне, — и ушел.

Три-четыре дня спустя после этого Тимур вернулся к кузнецу и предложил:

— Я продал бы свои башни.

— Кто купит твой дом и башни, — ответил кузнец. — Ведь они были построены во времена, когда твой отец был богат. Кто в состоянии купить их?

— Если бы ты дал мне свою кузницу и немного денег впридачу, я поменялся бы с тобой, — сказал Тимур.

Тимур поменял свои башни на кузницу. После этого он и его жена построили на месте, где стояла кузница, новый дом и по ночам стали копать землю и отвозить ее на окраину. Тимур не ошибся: они наткнулись на клады золота и серебра.

С тех пор на эти сокровища и начал Тимур копать канавы по всей стране, надеясь, что его имя станет известным людям, украденный сын услышит об этом и, если жив, вернется к нему.

Такие канавы Тимура находятся на Черном хребте, в Грузии, Коазашке[1], Истмале[2] и других местах. Эти канавы так и называются: «Канавы, выкопанные Тимуром в поисках сына».

По всему свету прошла молва, что в поисках сына Тимур роет канавы.

Сын Тимура в то время пас телят у похитившего его князя. Сын

был еще маленьким. Он услышал тоже о том, что Тимур копает канавы и ищет своего сына. Мальчик догадался о том, что тот и есть его отец.

Однажды мальчик увидел в поле череп коня. Он сказал детям:

— Этот череп турпала коня[3]. Эх, имел бы я такого турпала коня! — запричитал мальчик. Он тоже, как и отец, был вещим.

После этого случая дети пришли к князю и сказали:

— Череп коня, который мы нашли в поле, твой пастух назвал черепом турпала коня.

Князь вызвал к себе мальчика и спросил:

— Разве ты можешь узнать турпала коня?

— Могу, — ответил сын Тимура.

Князь повел мальчика в табун своих коней и показал ему каждого из своих коней. Мальчик сказал, что среди них нет турпала коня.

Вдруг сын Тимура увидел человека, едущего на жеребенке. На поясе у этого всадника висела шашка с деревянной рукоятью. Мальчик сказал:

— Жеребенок, на котором едет тот всадник, и есть турпал конь, а его шашка сделана из стали, которая может перерубить железо любой толщины.

Князь купил у этого всадника жеребенка и шашку. Потом князь отправил жеребенка на пастбище в горы с тремя кобылицами.

Через год князь привел домой одну кобылицу и, зарезав ее, посмотрел в большую берцовую кость. В этой кости было много костного мозга шириною с шомпол ружья.

На второй год князь зарезал вторую кобылицу. Там было костного мозга толщиною с иголку.

На третий год князь привел третью кобылицу и, зарезав ее, посмотрел в кость — кость была без костного мозга, как литая.

— Теперь жеребенок подрос и окреп, — сказал мальчик и велел привести его.

Привели жеребца, но никто не мог усидеть на нем, кроме этого мальчика. Князь сделал в пятнадцать локтей высоты изгородь вокруг своего дома и отдал жеребца мальчику, чтобы тот объездил его.

Как-то раз сын Тимура, уже будучи юношей, сказал князю:

— Князь, я до сих пор делал для тебя много полезного. Скажи мне спасибо за все!

— Не делай мне подлости! — лишь успел крикнуть князь, как юноша перемахнул на коне через изгородь и ускакал.

Князь пустил за ним погоню. Когда за юношей скакали на конях, имевших длинные хвосты и гривы, юноша скакал против ветра. Когда скакали за ним на белых конях, юноша скакал по гравию. Когда же скакали на конях с белыми пятнами на лбу, юноша скакал навстречу солнцу. Погоня остановилась.

— Видим, что не нам поймать тебя, юноша. Но скажи, почему ты скакал против ветра, когда в погоню за тобой пускались на конях с пышными хвостами и гривами? По гравию, когда за тобой гнались на белых лошадях? И навстречу солнцу, когда за тобой гнались на конях с белыми пятнами на лбу? — спросил его один из тех, кто гнался за ним.

— Кони с большими хвостами и гривами не могут скакать быстро навстречу ветру, белые кони — по гравию, потому что копыта у них тонкие; кони с пятнами на лбах не могут скакать против солнца, потому что лобная кость у них тонкая и в мозг проникают солнечные лучи, — ответил юноша и ускакал от погони.

Был у князя смышленый человек. Когда люди князя не сумели поймать сына Тимура, этот человек сказал, что он мог бы его поймать. Тогда князь пустил за ним в погоню этого человека. Он настиг юношу в тот момент, когда тот только что въехал в реку. Он стал пускать стрелы в сына Тимура.

Хотя этот человек и догнал его, юноша понял, что тот ничего не смыслит в военном деле. Юноша сказал человеку:

— Если бы ты, столь удачно нагнавший меня, окунул свой лук в воду и после этого стал пускать в меня стрелы, то мог бы легко убить меня и моего коня.

Человек окунул свой лук в воду и стал натягивать тетиву, но мокрый лук тотчас же сломался.

Так юноша ускакал и от него.

А Тимур в это время ехал ему навстречу с войском. Все кони его войска заржали, когда увидели коня этого юноши.

В это утро Тимур дал своим воинам миску золота и повелел:

— Спросите у всех, сколько человек можно накормить один раз на это золото?

Воины вернулись с ответом к Тимуру:

— Одни говорят, что можно накормить шестьсот человек, другие говорят — шесть тысяч.

— Остался ли у вас хоть один человек, которого вы не спросили об этом? — спросил Тимур.

— Мы встретили в лесу одного юношу. Он отдыхал, положив под голову седло. Только его мы не спросили, — ответили воины.

Тимур послал воина спросить у этого юноши.

— На это золото в голодный год нельзя накормить и одного проголодавшегося человека, — ответил юноша.

— Он говорит ерунду, — решили воины и передали слова юноши Тимуру.

— Пойдите, приведите его, — сказал Тимур, поняв, что это и есть его сын.

С тех пор Тимур перестал рыть канавы.

56. БАРКИМ И СЫН ТИМУРА

Барким был одним из приближенных Тимура. Здесь, на Кавказе, между Баркимом и Тимуром произошел разлад. Над Баркимом нависла угроза. Чтобы избежать ее, он ночью бежал из лагеря Тимура. Для своей безопасности Барким похитил и увез с собою сына Тимура. Он знал, что Тимур начнет разыскивать его, но, найдя, не сможет причинить ему вреда, так как его сын у него в заложниках. Барким бежал в наше общество Галгай. На том месте тогда жили дови[1]. И сейчас там есть могилы дови (Дови кашамаш). Силой и хитростью Барким перебил всех дови и обосновался там жить. Многие годы Тимур проходил по Кавказу, везде рассылал своих гонцов, обещая большое вознаграждение тому, кто найдет его сына и Баркима. Тимур так и не нашел их и ушел на Восток. Баркима миновала опасность. Сын Тимура стал постоянно тосковать по отцу, и Барким решил отпустить его вместе с его приближенными, которые также когда-то бежали вместе с Баркимом. Идя по следам, оставленным войском Тимура, они догнали его. Барким же вскоре женился и навсегда обосновался жить в Галгае. От Баркима произошел род Баркинхоевых.

57. РОВ ТАМЕРЛАНА

В различных местах Чечни, за Аргуном, можно и теперь еще видеть ров, от времени уже почти сравнявшийся с землей. Чеченцы приписывают его Тамерлану и называют его Аксак-Темир-ор, то есть «ров хромого Темира». Насчет этого рва предание говорит, что у Тамерлана пропал сын. Чтобы отыскать его, он собрал многочисленное войско и решил: или покорить мир, или отыскать сына. Чтобы вернее возвратиться обратно, он копал по пройденной дороге ров. Войско его было столь многочисленно, что на долю каждого воина во время копания рва досталось только по одной торбе земли. Ров этот простирался от Каспийского до Черного моря и шел на Русь.

Тамерлан предложил своим воинам набрать побольше земли с собой, сказав при этом, что, как взявшие с собой земли, так и не взявшие будут раскаиваться. Воины не поняли слов Тамерлана, а потому некоторые взяли с собой земли, другие же нет. Набранная земля превратилась в золото, и вещие слова Темира исполнились. Набравшие земли воины сожалели, что взяли ее мало; не набравшие же сожалели, что не взяли ее. Потом говорится, что сын его находился табунщиком у тогдашнего хана Тохтамыша. В этом табуне был конь турпал. Сын Тамерлана сел на него; конь чутким ухом услышал шум идущего войска Тамерлана и присоединился к нему.

58. МАЛИ ТАЙМАЗХА

В прошлые времена в селении Гехи был отряд храбрых воинов. Они воевали против царя. Этим отрядом руководили сельские старики. Однажды собрались они и начали решать:

— Наш сельский отряд стал очень большим, стало трудно им управлять, и пора во главе него поставить какого-нибудь предводителя.

Долго думали и решали старики, кого им поставить во главе отряда. В отряде был прославивший себя юноша по имени Мали Таймазха. Хотя и был он настолько юн, что у него еще не начали расти борода и усы, но все же стал известен, как храбрый, щедрый и ловкий воин. Выбор стариков в конце концов пал на Мали Таймазху. Призвали старики его к себе и объявили о своем решении:

— С сего дня ты будешь во главе нашего отряда.

— Не ставьте меня, — стал просить юноша. — В нашем отряде немало воинов, которые храбрее и опытнее меня.

Никакие отговорки Мали Таймазхи не возымели действие, и тогда юноша сказал:

— Как же я возглавлю отряд, если я являюсь переодетой девушкой? — при этом Мали Таймазха сняла папаху и опустила свои косы.

Поразились старики и стали вновь совещаться, но, как ни рядили, лучшего предводителя, чем Мали Таймазха, не смогли найти. Вновь решили они во главе отряда поставить ее, но никому при этом не давать знать, что она является девушкой.

Пришлось Мали Таймазхе возглавить сельский отряд. Далеко она прославилась в народе тем, что смело воевала против царского правительства и причиняла ему немалый урон. Тогда царь объявил большое вознаграждение за голову Мали Таймазхи. Как-то ее отряд после очередного нападения возвращался домой. Время было позднее, отряд проходил мимо Назрановской крепости. Мали Таймазха решила тайно остановиться на ночлег в селе, вблизи крепости. В ее отряде было сорок воинов, и их появление было замечено со стен крепости. Офицеры с солдатами окружили село. Поняла Мали Таймазха, что ее отряд не сможет противиться столь большому войску, и объявила царским офицерам: «Отпустите моих воинов, а я сдамся в плен. Если же вы не отпустите, то мы все погибнем в бою, но уничтожим много ваших воинов». Тогда царские офицеры решили: «Зачем нам губить своих воинов, чтобы получить взамен лишь тела погибших абреков. Нам нужен Мали Таймазха».

Не хотели уходить абреки, но вынуждены были подчиниться воле своего предводителя. Мали Таймазха сдалась в плен. Когда начали ее допрашивать, тогда-то все и узнали, что она является девушкой. Офицеры быстро известили царя, что Мали Таймазха пойман, но предводитель этот оказался девушкой. Такое известие

поразило царя, и он приказал привезти к себе Мали Таймазху в той мужской одежде, в какую она была одета в день пленения.

Девушку привезли в Петербург и там заключили ее в крепость. Ее не убивали, потому что были в восторге от ее храбрости. Она в своей мужской одежде находилась и при царском дворе.

Прошло два года. У царя родился сын и на радостях монарх дал слово, что исполнит любую просьбу, с которой к нему обратятся. Мали Таймазха воспользовалась этим. Она подошла к царю и попросила, чтобы ее отпустили домой. Очень не хотелось царю исполнять ее просьбу. Он боялся, что она вновь сплотит отряд абреков и будет воевать против него. Пришлось Мали Таймазхе дать слово, что этого она делать не будет, и ее отпустили домой.

59. НАЗРАНОВСКИЙ МАЛСАГ И ГЕХИНСКИЙ САДУЛА

Среди наибов Шамиля наибольшим мужеством прославился наиб по имени Саадула. Он не боялся никаких трудностей и исполнял все повеления Шамиля. В то время в Ингушетии жил весьма известный мужчина — Назрановский Малсаг. Он не пошел за Шамилем, и имам за это ненавидел его и все искал возможности расправиться с ним. Однажды Шамилю сообщили, что Назрановский Малсаг едет в Чечню. Тогда Шамиль послал своего наиба Саадулу, чтобы он на пути следования Назрановского Малсага устроил засаду.

— Или приведи мне пленennого Назрановского Малсага с головой на плечах, или принеси голову, снятую с тела убитого Назрановского Малсага, — наказал он наибу.

Пошел Саадула исполнять приказ Шамиля. Он устроил засаду у дороги, выходящей из гор на равнину. Ехал по этой дороге Назрановский Малсаг. Он доехал до места, где Саадула устроил ему засаду. Вышел Саадула ему навстречу, поприветствовал его и сказал:

— Меня послал Шамиль и наказал: или привести тебя пленennого с головою на плечах, или же принести твою голову, снятую с твоего тела.

Тогда ответил ему Назрановский Малсаг:

— Чтобы не смеялись надо мною назрановцы, говоря, что я сдался, чтобы спасти свою жизнь, я предпочитаю, чтобы они плакали, причитая, что мою голову снесли наибы Шамиля.

Разошлись они двое, обнажили сабли, сошлись и начали сражаться. Поединок затянулся, и солнце стало клониться к закату. Никто из них не выказывал усталости. Но Саадуле повезло: изловчившись, он нанес Назрановскому Малсагу опасную рану. И тогда Назрановский Малсаг сказал ему:

— Ты, Саадула, настоящий мужчина; не будь ты таким, тебя не чтили бы столь высоко в Чечне. Ты победил меня. Я прошу тебя

об одном: когда я помру, не уродуй мое тело, лишив его головы. А чтобы Шамиль убедился, что я убит, сними и отнеси ему мои офицерские погоны.

Саадула исполнил завещание Назрановского Малсага. Подождал наиб, пока герой помрет, затем снял с него погоны и поехал к Шамилю. Узнав о возвращении Саадулы, Шамиль сам пошел к нему навстречу и спросил:

— Или ты привез мне пленного Назрановского Малсага с головою на плечах, или ты принес мне его голову, снятую с его тела?

Саадула ответил Шамилю:

— И не привел я тебе пленного Назрановского Малсага с головой на плечах, и не принес его голову, снятую с его тела. И если тебе нужно свидетельство о гибели Назрановского Малсага, вот тебе офицерские погоны, снятые с его плеч.

Увидя погоны, Шамиль, говорят, презрительно усмехнулся:

— У торговцев немало имеется таких погон, мне же нужна была голова Назрановского Малсага.

И ответил тогда имаму наиб Саадула:

— Я скорее готов отречься от тебя и покинуть твое войско, чем, подчинившись тебе и исполняя твою волю, уничтожать лучших мужчин своего народа и быть проклятым среди своих людей!

Так и ушел Гехинский Саадула. А имам из-за своей чрезмерной жестокости лишился своего лучшего наиба.

60. ПРЕДВОДИТЕЛЬ АБРЕКОВ

Зелимхан из селения Харачой и другой Зелимхан из селения Гельдигер вместе с другими абреками собрались, чтобы взять царский банк. В походе на привале один из абреков предложил избрать тамаду — предводителя отряда, который руководил бы ими всеми в предстоящем деле. Зелимхан из Гельдигера был крупного сложения и казался человеком храбрым. Все склонились к тому, чтобы предводителем отряда сделали его. Лишь один Зелимхан из Харачоя ничего не сказал. Тогда все поинтересовались: почему он отмалчивается. Абрек ответил:

— Сейчас нам трудно определить, кто из нас наиболее храбр и искусен в бою. Давайте доедем до места и тогда решим, кому быть нашим тамадой, а кому нет.

Доехал отряд до банка, а там стояла большая царская охрана. Увидев ее, Зелимхан из Гельдигера струсил и сказал:

— На этот раз у нас ничего не выйдет. Нам надо быстрее уходить отсюда.

Зелимхан же из Харачоя сказал:

— Если я когда-нибудь отправлялся в поход, то, струсив, никогда не возвращался обратно. Кто со мною, — вперед! Или погибнем, или победим!

24 Заказ № 8620

Зелимхан из Харачоя и многие другие отчаянные абреки взяли банк, и деньги поделили между бедными людьми. В этом деле поняли абреки, что тамаду надо сначала испытать в деле, а потом избирать.

61. ХАРАЧОЕВСКИЙ ЗЕЛИМХАН

Зелимхан происходил из селения Харачой. Он стал абреком потому, что не мог терпеть притеснений царских начальников. От преследований Зелимхану пришлось уйти из Чечни в горы Ингушетии. Там он остановился у своего друга Довты в ауле Нелх. С Зелимханом было около шестидесяти абреков. В Ингушетии они скрывались шесть-семь лет. Царские начальники собрали из многих аулов по шесть человек своих людей для поиска Зелимхана. Из этих людей получилось целое войско, которое должно было пленить Зелимхана и передать его царю. Дознавшись, что Зелимхана и его сподвижников поддерживают жители аулов Кек и Нелх, они решили, что, если договориться с ними, то им удастся поймать абреков. Пришло войско в горы и сумело пленить семью Зелимхана. Офицер, бывший во главе этого войска, спросил людей:

— Какая из горных дорог самая опасная?

— А почему ты спрашиваешь? — поинтересовались люди.

— А потому, — ответил офицер, — что хочу показать Зелимхану, что я не боюсь его!

— Если так, то самая опасная дорога идет по Ассинскому ущелью; именно там Зелимхан сядет в засаду, ибо он намерен вызволить свою семью, — сказали люди.

— Только по этой дороге я и поведу войско, — решил офицер.

Зелимхан со своими абреками задумал освободить свою семью. Он послал Барахоева Магомета к своему другу Парагульгову Эльмурзе, попросив передать ему: «Дай нам патронов, если не дашь, мы не сможем сразиться с царским войском». Эльмурза прислал много патронов. Утром войско двинулось по ущелью. Прошло оно километров десять. Зелимхан и его воины открыли огонь. Первым выстрелил Зелимхан. Его дочь узнала звук ружья своего отца и от радости пустилась в пляс. Тогда офицер пустил коня вскачь, но меткая пуля Зелимхана попала ему в лоб, и офицер тут же погиб.

62. ЗЕЛИМХАН И БЕДНЫЙ МАЛЬЧИК

Ехал Зелимхан мимо играющих сельских ребят. Среди них абрек заметил одного мальчика, одетого весьма бедно. Подозвал его к себе Зелимхан и спросил:

— У тебя есть родители?

— Да, есть у меня родители, — ответил мальчик.

— А если есть, то почему ты столь бедно одет?

— Нам не на что купить одежду.

— Ладно, — сказал абрек, — а как тебя успокаивают родители, когда ты попросишь их купить себе одежду?

— Родители хитрят, говоря, что за деньгами они послали петуха, и, когда он придет, тогда и купят мне одежонку.

Подхватил абрек мальчика и посадил его сзади себя. Узнав от него, где живут его родители, Зелимхан направил коня к их дому. Поприветствовав родителей мальчика, абрек спросил их, что они обычно обещают мальчику, когда он просит купить себе что-нибудь из одежды.

— Мы говорим, что за деньгами пошел петух, и, когда он их принесет, справим ему обновку, — ответили родители.

— Правильно! — воскликнул Зелимхан. — Посланный вами петух вернулся и передал мне деньги.

Достал Зелимхан деньги и отдал их родителям мальчика, наказав купить ему хорошую одежду, семье — корову и справить обновку в доме.

63. О ЗЕЛИМХАНЕ

Храбрый сердцем Зелимхан ненавидел царя Николая и богачей, живших трудом простых людей, которых Зелимхан очень любил и жалел. Абрек не мог взирать безучастно, как люди, стоящие у власти, притесняют слабых.

Не по своей воле Зелимхан стал абреком. Двоюродный брат его Солтамурад полюбил девушку Зезаг, дочь Хошуллы. Девушку Зезаг полюбил и сын сельского старшины. Он, чтобы она не досталась Солтамураду, похитил ее. Между семьею похитителей и родом Зелимхана произошла вражда из-за этого, и Зелимхану пришлось уйти в абреки. Он враждовал с крупными чиновниками и офицерами. Был он высокого роста и имел большие черные усы.

Как-то некий бедный старик запряг своего единственного быка и поехал в лес за дровами. В то время было и много грабителей. Некоторые из них выдавали себя за знаменитого абрека, позорили его имя, отбирая у людей коней, быков и разные женские украшения. Так вот, навстречу старику, который ехал в лес, вышел некий мужчина. Он назвал себя Зелимханом и потребовал отдать ему быка.

Поверив, что перед ним Зелимхан, старик отдал быка, а сам понуро поплелся домой. Старику встретился еще один мужчина, который поздоровался с ним и пожелал ему доброго пути. Старик ответил на приветствие. После взаимных расспросов старик рассказал, что у него Зелимхан отобрал быка, чем принес ему большое несчастье.

— Что?! — удивился мужчина. — Как он себя назвал?

— Он назвал себя Зелимханом, — ответил старик.

— В какую сторону он ушел? — спросил мужчина.

Старик указал, и мужчина погнал коня вслед за грабителем. Догнал он его и избил так, что тот долго не мог подняться. Мужчина пригнал быка к старику и сказал ему:

— Зелимхан — это я. Иди своей дорогой и никого не бойся.

* * *

Зелимхан и его отец Гушмазуко сидели в тюрьме в крепости Ведено. Зелимхан решил сделать в стене тюрьмы дыру и бежать. Прорыл он ее, но затем стал думать про себя: «Если я и мой отец выйдем через одну эту дыру, то найдутся люди, которые скажут, что Зелимхан вышел из той же дыры, что и его отец». Тогда, рассказывают, Зелимхан прорыл еще одну дыру, и они бежали из тюрьмы.

Зелимхан был не только мужественным, но и умным, умевшим дорожить своей честью.

64. АБРЕК СУЛУМБЕК

Жил, говорят, в селении Сагопши храбрый человек по имени Сулумбек Горовожев. Рассказывают, что он был другом абрека Зелимхана из Харачоя.

Раз брат Сулумбека решил украсть у некоего бедного человека быков. Ночь была темная. Хозяин увидел, что его быков уводят и стрельнул вслед похитителю. Пуля попала точно в цель, и брат Сулумбека был убит.

Сулумбек не раз устраивал кровнику засады, чтобы отомстить за брата. Не одну ночь потерял он, ища момента, чтобы поквитаться с кровником. В одну из таких ночей Сулумбек караулил его под мостом близ селения Сагопши. Среди ночи Сулумбек услышал приближающегося к мосту всадника. Приведя в готовность свое оружие, Сулумбек вышел из-под моста. Пропустил он всадника и поехал за ним. Прошло некоторое время, и Сулумбек крикнул всаднику:

— Я Сулумбек Горовожев. Приготовь свое оружие, я собираюсь отомстить за своего брата [1].

Всадник ехал не оборачиваясь, словно ничего и не слышал. Сулумбек вновь прокричал ему то же самое, но всадник не оглянулся и на этот раз. В третий раз обратился к нему Сулумбек. Тогда всадник спешился, бросил наземь ружье, кинжал, пистолет и сказал:

— Ты прав, Сулумбек, это я убил твоего брата. Знай же: здесь нет никакой моей вины. Я не убивал его подло, из корысти, — и кровник рассказал все как было. — Теперь же, — добавил он, — объявляю тебя безвинным за свою кровь, совершай свою месть. Надоело мне скрываться от тебя, постоянно ты сидел на меня в засаде.

Тогда Сулумбек понял, как все произошло. Будучи настоящим мужчиной, он сказал:

— С сегодняшнего дня живи спокойно и ничего не бойся, никто не посмеет тебе что-либо сказать. Ты ни в чем не виноват.

На второй день во двор Сулумбека пригнали много скота, коней. Это был откуп за кровную месть. Сулумбек быстро созвал родственников, соседей и объявил, что простил кровь своего брата. Затем он сказал: «Человеческую кровь не продают за деньги, скот. Я простил кровь не для того, чтобы получить плату. Гоните обратно скот и коней».

Так он простил безвинного человека, и люди были благодарны ему за это. Но однажды на сельском сходе, на котором был и Сулумбек, некий плохой человек укорил Сулумбека:

— Ты не мужчина, — сказал он. — На тебе лежит позор. Почему ты не мстишь за кровь своего брата?

Понял Сулумбек, чего добивается этот человек, и сказал:

— Знал я, что обязательно найдется какой-нибудь укоритель. Не думай, что твои слова разозлят меня и я пойду убивать безвинного человека. Мое слово нерушимо. Если ты добивался только этого, то твои потуги напрасны.

Бывшие на сходе люди прокляли человека, вздумавшего упрекнуть Сулумбека. Он же никогда не изменял своему слову, то же самое делали и его родственники. Поступок Сулумбека явился хорошим примером для многих людей.

65. ВАЛЕРИК

Мужчина Воккал из горного общества Акки спустился с гор на равнину и поселился жить вблизи галгаевцев, уже проживавших там. Воккал раскорчевал лес и сделал себе «ирзу» — поляну для жилья и ведения хозяйства. Жил он на этом «ирзу» некоторое время, но его затем вытеснили галгайцы. Воккал был одинок и не стал сопротивляться. «Если вырастут у меня сыновья, то я отомщу галгайцам», — решил он и подался обратно в горы. Но у Воккала вырос только один сын. И далее в пяти поколениях сыновья у него не множились. От пятого потомка его Гамболта выросли два сына: Хажа и Дурда. Затем у Хажи выросло пять сыновей, а у Дурды — девять. Отцы и их сыновья, все шестнадцать, потребовали у галгайцев вернуть «ирзу». Но галгайцы отнеслись к их требованию столь пренебрежительно, что в ответ начали танцевать. Тогда они с боем пошли на галгайцев и изгнали их. При этом погибло два сына Хажи: Элаха и Али. Хажи и его оставшиеся сыновья, боясь галгаевцев, не стали жить на отвоеванной земле, а поселились в

местечке Механ Барз, которое находится на границе сел Валерик и Шалажи.

Неоднократно двое братьев с сыновьями и галгаевцы воевали друг с другом. Братьям помогали другие аккинцы, чтобы добыть себе скот. Говорят, что один из галгаевцев сказал:

— «Ирзу» Воккала очень хорошее, и мы должны его отстоять.

Но тамада галгайцев ответил:

— Это «ирзу» скорее гибельное, нежели хорошее (валар ирзо).

Галгаевцы часто выходили за свое село и слали проклятия в сторону Хажи и его сыновей. В дальнейшей борьбе за это «ирзу» у Хажи погибло трое сыновей, а у Дурды — четверо или пятеро. Хажа и Дурда решили, что им не под силу тягаться с галгаевцами и расселились в разных местах, поменяв свои имена, чтобы избежать мести галгаевцев. Галгаевцы «ирзу» Воккала назвали «Валаран ирзо» (поляна гибели, или смерти), а Хажиевых и Дурдиевых, считая, что все равно они их уничтожат, назвали «Валаргхой» (которые погибнут, или гибнущие). Лет тридцать скитались потомки Хажиевых и Дурдиевых от преследований галгаевцев и наконец осели жить на границе сел Валерик и Шалажи. Они думали, что галгаевцы их не знают, но те знали и продолжали мстить, убивая из них то одного, то другого. Галгаевцы назвали их поселение Валаргхойн-Юрт (село тех, кто погибнет); они дали такое название потому, что имели намерение рано или поздно расправиться с ними. И сейчас в тех местах стоят надмогильные камни на могилах Хажи и Дурды [1].

Боясь галгаевцев, потомки Хажи и Дурды стали подселять к себе единоплеменных аккинцев и образовали село. Людей стало настолько много, что вскоре они изгнали галгайцев. Немного менее ста лет до прихода генерала Слепцова, всех галгаевцев изгнали с тех мест до границы, где теперь лежит село Шаами-Юрт.

Все люди знают, что галгаевцы назвали дом Хажи домом Валаргхой. Но они же скрывают это прозвище и утверждают, что Валерик отвоеван ими, а кто были прежние жители, «валаргхой», — они не знают.

Речку, которая протекает близ села Валерик и через поляну Валар-ирзу, аккинцы назвали Валар-хий (речка гибели, смерти).

66. СУЛДА-ВЕНАГ

Фамилия прежних владельцев села Энселишек отличалась гордостью, высокомерием и, будучи довольно многочисленной, подчинила своему влиянию многих соседей. Не могли они распространить свою власть только на одного из потомков Хан-Меда, который с пятью своими сыновьями и близкими родственниками самостоятельно жил в крепких башнях Зингилоя.

Во время одного из набегов пал Хан-Мед с четырьмя сыновьями и все воины зингилоевцы; остался только младший сын главы племени по имени Сулда-Венаг, который, возвратившись домой, собрался устроить по погибшим поминки (тризну). В числе приглашенных были и владельцы Энселишека, навстречу которым вышла мать одинокого властителя Зингилоя с громадным сосудом пива, дабы выразить им большее предпочтение. Но гордые владельцы уже заранее решили воспользоваться несчастьем дома и забрать его остатки, а в том числе и молодого Сулда-Венага под свою власть. И вот, когда поравнялись они со старухой, то в ответ на ее приветствие и предложение откушать пива один из представителей толкнул сосуд ногою и опрокинул со словами: «Нам мало котла, в котором могло бы свариться зараз пять быков, а с этим ведром не стоит и связываться».

Зная вообще грубые нравы этих владельцев, Сулда-Венаг следил за их действиями, укрывшись в башне, и оскорбительный поступок с матерью зажег в нем жажду мести, и только просьба матери удержала его от нее... Тризна была справлена, и после того пропал из дома Сулда-Венаг. Оскорбители сознавали свою вину, а потому, в ожидании должного возмездия, целый год находились в готовности встретить врага лицом к лицу. Время, однако, шло, а о последнем отпрыске зингилоевцев не было и слуха. Мало-помалу о нем стали забывать, а вместе с тем успокоились и галанчожцы... Но Сулда-Венаг отыскался. Покинув родительский дом, юноша отправился в Кабарду, к другу своего отца кабардинскому князю, к которому и явился в одежде нищего. На вопрос, что значит такой наряд, Сулда-Венаг отвечал: «Потерял я в битве отца, братьев и близких родственников, а соседи, оскорбив мою мать, наложили на меня позорное клеймо. Я не мог им отомстить, так как остался один, я теперь хуже нищего».

У князя Сулда-Венаг прожил три года и при его содействии подобрал надежную дружину, которую и повел в родные горы, причем днем укрывался в глухих местах и только ночью делал переходы. Таким образом он незаметно подошел к селению Энселишек, где жили его оскорбители. Расположив воинов в закрытом месте и условившись подать знак к нападению взмахом бурки, юноша отправился на разведку, в которой и провел время до выгона в поле первого стада овец. Здесь около него проходили два пастуха, и один из них, заворачивая отбившуюся в сторону овцу, выбранился и сказал: «Чтоб тебе пропасть, как пропал Сулда-Венаг!». Товарищ упрекнул пастуха за такое неуместное упоминание имени последнего из зингилоевцев, старуха-мать которого оплакивает сына, считая его погибшим. По сигналу воины напали на полусонный Энселишек врасплох и разграбили имущество. Не был тронут только дом пастуха, сочувствовавшего матери Сулда-Венага.

67. БАШНЯ ГОНАТА

В местечке Баши-Кала стоит гора Башингин-лам. Ее вершина уходит в облака, и если глядеть на нее вверх, — папаха сползает на шею. С одной стороны гора как бы обрублена и представляет собою огромную каменную стену. На этой стене когда-то могущественные люди воздвигли башни. Они находятся на такой высоте, что едва ли долетит до них пуля из кремневого ружья.

Войска хромого Тимура, говорят, назвали их Башнями Гоната.

Ни для кого не было мира в те трудные времена. Племена враждовали между собою. Те, кто жили в крепких башнях, притесняли других людей. Многие стремились с помощью обстрела взять и разрушить эти башни, но люди, живущие в башнях, камнями отражали нападение своих врагов. Иногда они делали вылазки, уводили людей в плен и возвращали их только за большой выкуп деньгами или скотом. Если взятого в плен человека у них не выкупали, его или увозили в другую страну на продажу, или же превращали в раба.

Народам, живущим вокруг, надоели постоянные разбои тех, кто жил в башнях. Однажды, собравшись, они решили, что надо применить какую-нибудь хитрость и уничтожить это гнездо. Они убили в лесах пять медведей и сняли с них шкуры. Недалеко от Башен Гоната находились посевы. Пятеро из окрест живущих влезли в медвежьи шкуры и пошли травить эти посевы. У каждого из них имелось при себе припрятанное оружие.

Наблюдатель, обозревавший из башни окрестности, заметил медведей среди посевов. По его тревоге все мужчины из башен выбежали с луками на легкую охоту. «Медведи» же продолжали травить посевы, делая вид, что не видят приближающихся к ним людей. Сидящие в медвежьих шкурах подпустили своих врагов поближе, сбросили с себя шкуры и открыли бой. Остальные из нападающих были в засаде в ближнем лесу. Они быстро выбежали и тоже напали на врагов. Они перебили всех мужчин-разбойников из ненавистных им башен и ушли, взяв в плен женщин и детей и разрушив дорогу, ведущую по скале к башне.

С тех пор никто не живет в Башнях Гоната, и они стоят заброшенными.

68. ПОБЕДА ДОШХАКЛОЙЦЕВ

Жил мужчина по имени Бака. Он имел свою собственную башню и был старшим в роду. Между землями его аула и аула Дошхакле проходил только ров. Сам Бака уехал в Грузию на базар, а своим воинам приказал тем временем захватить аул Дошхакле. Бака этого желал потому, что находился с жителями этого аула в неприязненных отношениях. Отряд из 63 воинов, посланный Баkой, остановился недалеко от Дошхакле, и, приготовившись к бою, они крикнули дошхаклойцам: «Выходите, если вы мужчины, мы пришли захватить ваш аул!»

В Дошхакле женщины попрятали всех своих мужчин, взяли с собою глиняные кувшины и пошли к воде. Там они сказали: «Все наши мужчины уехали за зерном, остались одни мы, женщины. Как же вы будете воевать против женщин, дождитесь наших мужчин и тогда ведите бой!» Хотя женщинам и не надо было столько воды, они трижды ходили по воду и заодно высматривали: не уходят ли воины Баки. Воду же они разливали во дворах. В четвертый раз женщины вышли из аула с полными кувшинами водки. Женщины позволяли ухаживать за собой и обманывали врагов. День и ночь носили женщины водку, а воины ее пили. Наконец, воинство Баки перепилось и уснуло. Мужчины из Дошхакле стрелами перестреляли шестьдесят из этих воинов, только троим удалось бежать. Вернувшийся Бака четыре дня сам один воевал с дошхаклойцами и погиб.

69. ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ДУДАРА

По общему признанию. Дудар родом из селения Кий или Аки. В Ингушетию вошел он с небольшой дружиной. Для избежания столкновения с местным населением, минуя Цори, он двигался по горным хребтам, граничившим с Хевсуретией. Поселился Дудар в селении Бисp, в верховьях реки Арамхи, засватал девушку из фамилии Тумгоевых и женился на ней. В этом селении и теперь сохранилось место, связанное с его именем и названное «Дудар-бей» — луг Дудара. С местными жителями у Дудара произошла ссора из-за земли, и он переселился из Бисра сначала в Салги, где прожил недолго, затем в селение Мекалте, находившееся на левом берегу реки Арамхи, близ Шуана. Имея кровников, Дудар, теснимый ими, продвигался на запад и по пути строил замки близ селений Ляжг, Харпе, Духаргишт и наконец перешел за Терек и поселился в Чми. Находясь в родстве с ингушами, он впоследствии не прерывал с ними дружественных отношений и посещал праздники, совершавшиеся в урочное время возле известных в крае святилищ — Мятцели, Тушоли и Маги-Ерды. То же делали и его потомки еще в XIX веке. Дудар приписывается возведение башен и замков в различных местах; надземных склепов он не строил, так как ингуши запрещали ему это. В замках Дудара после него никто не жил.

70. ГИБЕЛЬ СЫНОВЕЙ ДУДАРА

Дудар был родом из селения Кий. Обладая редкой отвагой, силой воли и властолюбием, он не уживался с местным населени-

ем, постоянно враждовал с ним. Теснимый ингушами, он, с небольшой наемной дружиной переселялся из одного места в другое и вот, покинув Ассинское ущелье, укрепился в Мецхальском обществе, близ аула Харпе. Здесь, у подножия утеса, на котором расположен этот аул, он воздвиг крепкий замок, подчинил себе ближайшие селения и брал с них дань — по одному бревну с каждого воза дров, проезжавшего мимо него. Один юноша приехал из Галгая в Харпе погостить к своему дяде. Дудар, пользуясь отсутствием родственников этого юноши, взял его в плен и заковал в цепи. Во владение Дудара зашла с какой-то просьбой женщина из Харпе. Хозяина в это время не было дома. Пленнику удалось обмолвиться с нею несколькими словами. Он сказал ей: «Передай харпиевцам, что меня повезут продавать в рабство. Когда будем ехать в долине, я закричу, подражая крику черного ворона»[1]. Женщина передала это родственникам пленника. Те устроили засаду. Когда сыновья Дудара везли юношу по долине, он крикнул, подражая крику черного ворона. Харпиевцы напали на сыновей Дудара, убили их и освободили пленника. Победители отрубили головы врагам и на следующий день утром крикнули Дудару с вершины: «Дудар, смотри, вот козлиные головы!» В это время Дудар стоял возле своего замка, покуривая большую трубку. Головы сыновей покатились к ногам отца, одна из них упала в ручей и была унесена течением. Дудар ответил: «Не буду пить воду, смешанную с кровью моих детей». Он покинул замок, переселился в соседний аул Духаргишт и выстроил там башню. Через некоторое время Дудар уехал в Ларс и вернулся с богатой добычей. Куштовым, проживавшим в Духаргиште, он привез в дар быка, к хвосту которого был привязан осел, нагруженный шелком и золотом. Дудар побратался с Куштовыми и потом, с их помощью, напал на Харпе и взял в плен всех мужчин. После этого набега, опасаясь мести, Дудар переселился за Терек, в Осетию.

71. ЗАМОЕВ УЦИГ

В своей башне в Шоане жил храбрый мужчина Замоев Уциг. Люди в то время жили охотой. В Гули, Бялгане и Тарше почти не было лесов и трудно было с топливом. И все же любой, кто возвращался с охоты, был обязан отдать Уцигу ребра и переднюю ногу с лопаткой от каждой убитой дичи, а с поклажи каждого осла — разрубленную половину бревна.

В то же время в Тарше жил мужчина, которого также звали Уциг. Когда его дочь выходила замуж, родственники жениха послали в дар к нему для пиршества трех баранов. Их гнал один человек. Выйдя из дому, Замоев Уциг из Шоана приметил его, остановил и спросил:

— Кто ты?

— Я человек, который везет подарок для пиршества по поводу выхода замуж дочери Уцига из Тарша, — ответил он.

— Когда дойдешь до места, скажешь, что все отобрал у тебя Замоев Уциг из Шоана, а пиршество по поводу выхода замуж своей дочери Уциг из Тарша пусть сделает сам.

Получив такое известие, Уциг из Тарша сказал, что Замоев Уциг из Шоана прав. Справив пиршество на свои средства, он выдал свою дочь замуж.

Прошло немало времени, и Уциг из Тарша пошел в Шоан. Войдя в село, он повстречал Замоева Уцига.

Они вступили в кинжальный бой и погибли. Говорят, что с того времени в стране галгаев перестали взимать дань друг с друга.

72. КОЛОЙ КАНТ И БАРАХОЙ КАНТ

Поспорили между собою Колой кант и Барахой кант. Каждый утверждал, что он превосходит другого. Решили они стать друг против друга и стрелять из луков. Встали, но ни один не хотел стрелять первым.

Наконец Барахой кант выстрелил первым. Его стрела прошла через полу черкески Колой канта, но не задела тела. И тогда Колой кант не стрелял.

Глянул Колой кант на Барахой канта и пробуравил его взглядом так, что через его тело увидел росший сзади лес. Схватил Колой кант Барахой канта, утащил к себе в башню и посадил в темницу. Но затем из-за разных увещеваний родственников Барахой канта храбрый Колой кант освободил его.

73. КОХЕ ГОНАТ

Жили отец и семеро его сыновей. Одним из них был Кохе Гонат. Первоначально он поселился в местечке Дзуса, но ему не понравилось там и он перешел жить в Бовли. Оттуда, в поисках лучшего места, он пришел жить в Терли. Всюду, где появлялся, он воздвигал башни, так как был хорошим мастером по камню. Он получал хорошую плату за свой труд. В свободное время Кохе Гонат любил посматривать по сторонам и при этом часто говорил про себя: «Эх, ну что за богатые места! Имей я земли хотя бы столько, сколько займет котел, я бы отхватил всю эту землю, которую огибает вон та речка». И правда, место то было очень удобное; расположено оно было в низине между горами, с которых легко можно было доставлять добычу и лес. В то время люди воевали луками. Гонат же принес с собою кремневое ружье и пороховницу, сделанную из рога.

Жившим в Терле людям Кохе Гонат сказал: «Я строю для вас

башни и прочие сооружения. Мне приходится жить и спать с вами, меня стесняются ваши жены, их стесняюсь я, — и указав на место чуть выше аула, добавил: — если вы позволите, я бы на том месте поставил для себя землянку или домишко». Посовещавшись, жители разрешили ему это. Когда Гонат расчистил это место и стал подумывать о постройке башни, живущие по соседству, начали наушничать: «Вот воздвигнет он башню, и вы лишитесь своей земли и своего аула», — говорили они. Тогда жители высказали свои опасения и предложили Гонату уйти из их аула. Гонат спросил их:

— Я на вас работаю?

— Да, — ответили они.

— Если пастух князя, пасет ли он скот или косит сено, поставит для себя какой-нибудь шалаш, разве этот шалаш не остается князю, когда пастух возвращается в свои места?

—Остается, — ответили ему.

— Так останется и то, что будет построено мною. Наушничающие вам знают, что у меня есть кремневое ружье. Похоже, что они не прочь ограбить вас. Но вы не хозяева своему слову, и я ухожу от вас.

Взяв ружье и другие пожитки, Гонат тронулся в путь.

Люди начали совещаться между собою, говоря, что Кохе Гонат для них не опасен, что он нужный им человек и необходимо его вернуть. Они с трудом уговорили Гоната остаться. При этом Гонат сказал им: «Пошлите со мною всех, кто старше пятнадцати лет, а с ними и всех волов. В тех местах растет хороший сосновый лес». Кохе Гонат и мужчины из Терле срубили двенадцать самых высоких прямых деревьев и очистили их стволы. Вдоль дороги, идущей в Терле, проходит длинный хребет. На него и подняли эти стволы. Гонат к концам каждого из них приделал по жернову. Затем он установил эти стволы на колесах наверху по длине хребта и сказал терлойцам: «Днем я буду отсыпаться, а по ночам строить башню. Вы же пустите слух, что я ушел из ваших мест».

В лунные ночи Гонат строил башню, днем отлеживался. Любители грабежей, прослышав, что Гонат ушел, решили сделать набег на аул Терле. Двинулся отряд грабителей во главе с бяччой — предводителем. Все, что было в селе: золото, серебро, медь, овец, скот, людей, забрали грабители и двинулись в обратный путь. Гонат упредил их и взошел на хребет, где лежали сосновые стволы. Когда отряд вышел на дорогу, предводитель отстал от него, чтобы подтянуть подпругу седла. Пропустив угоняемых людей, Гонат один за одним стал скатывать с горы стволы деревьев. Несясь с большой скоростью, они уничтожили весь отряд. В живых остался лишь отставший предводитель. Он пытался ускакать. «Стой!» — крикнул Гонат и, выстрелив, перебил переднюю ногу его коня. Предводитель слетел с него.

Гонат одною рукою схватил предводителя за поясницу, поднял его как ребенка и посадил рядом с собою. «Вот что, — сказал он ему, — куда бы ты ни пошел, везде приглядывай мне невесту из именитых людей. Везде рассказывай, что я один с помощью стволов и ружья разбил целый отряд, а по завершении строительства своей башни, захвачу все места, какие огибает эта река. И еще рассказывай, что я выколол тебе глаз, чтобы все мною сказанное ты не забыл». С этими словами он лишил предводителя одного глаза.

Слух о Гонате разнесся далеко окрест. За него стали сватать дочь князя Берак Бича, который жил в крепости Кирдий-бовнаш. Дочери князя не нравился Кохе Гонат, так как он был, по ее мнению, недостаточно красив. Княгиня стала советоваться с некой вещей старухой, как бы ей избавиться от Гоната. Старуха ответила, что ей необходимо посоветоваться со своим стариком. Поговорив с ним, старуха посоветовала: «Когда Гонат явится к вам, ты должна поставить ему такую еду, какую будет трудно кушать. Поставь ему мед и хлеб. Мед будет липнуть к его усам, бороде, ему станет стыдно и он откажется от тебя».

У Гоната были такие длинные усы, что их можно было скрутить, завести за голову и связать, сделав узел. Пришел Гонат в гости, и княгиня поставила ему мед и хлеб. Гонат попросил воды, вымыл руки, скрутил усы и связал их концами на затылке. Слегка окунув кусок хлеба в мед, он провел им вокруг рта и уложил волосы, а затем преспокойно стал поедать хлеб и мед.

Из затеи княгини ничего не вышло. Тогда она вновь стала искать совета, но все говорили, что теперь ей остается только выйти за него замуж.

Женившись на княгине, Гонат стал жить в своей башне. Каждый год в его семье появлялось по одному сыну. Всего их родилось семеро. Когда они возмужали, Гонат сказал жителям Терле, чтобы они выселились в другие места. «Мы не уйдем, это наша земля, ты пришелец, ты и уходи!» — сказали они и отказались подчиниться воле Гоната. Он и его сыновья пошли на них с войной, упорных побили, а другие разбежались кто куда.

От всех этих людей в ауле остался только один единственный мальчик. Гонат увидел, как его старший сын поднял мальчика за ухо и изготовился отрубить ему голову. «Стой, — сказал отец, — мальчик сирота. У тех, кто убивает сироту, вырастает плохое потомство. Оставь его». Мальчик остался жить с ними. Кохе Гонат поделил землю на девять частей. Семь из них он раздал сыновьям, одну оставил себе, а девятую часть отдал сироте, которого звали Бошка. Его доля земли находилась на окраине села.

Потомство этого Бошки постепенно стало многочисленнее потомства семи сыновей Кохе Гоната.

74. НАХОДЧИВЫЕ БРАТЬЯ

От кровной мести трое братьев бежали из Грузии и пришли в Хилдехарой. Все трое они были от одной матери, но отцы у братьев были разные: двое были рождены от одного, а третий брат от другого. Когда они пришли в Хилдехарой, третий брат сказал, что он рожден от другого отца, и поэтому не должен бояться кровной мести, и он поселится жить в ауле Цацаг. Двое других братьев построили себе за аулом землянку и стали в ней жить. Эти двое братьев были красивыми, предупредительными, сметливыми и храбрыми.

Жителей аула Цацаг часто беспокоили разбойники, поэтому аульчане решили поселить меж собою этих двух братьев. Весь аул пошел просить их прийти в их аул и поселиться вместе с ними. Братья согласились, пришли в аул и построили на возвышении дом на колесах. Затем они познакомились с разбойниками и пригласили их на большой пир по поводу новоселья. Когда пир был в разгаре, хозяева незаметно покинули дом, и гости-разбойники остались одни. Братья выбили из-под колес опоры, и дом стремительно покатился с горы и упал в пропасть, на дне которой все разбойники и погибли.

Братья, женившись, породнились с аульчанами и стали жить себе в Цацаге.

75. МЕРЖОЙ КАЗИЛГ

В давние времена жил мужчина по имени Мержой Казилг. Табуны его коней, которые паслись высоко в горах, охранял жеребец с тремя ушами. Сам Мержой Казилг ездил в разные места и занимался своими делами. Где-то проживало семь ученых муталимов. Они прослышали, что Мержой Казилг не принимает мусульманскую веру, не держит пост, не молится и содержит свиней. Решили муталимы увести его табуны. С этой целью они направились в аул Мераж.

На горе Болой-лам, что находится во владениях ялхоройцев, косил сено некий Мусий Юсуп.

— Что вы за люди и куда вы едете? — спросил он муталимов.

— Мы едем к Мержой Казилгу. Говорят, он держит свиней. Мы хотим его ограбить, — ответили муталимы и назвали себя.

— Лучше вам не ходить по такому делу, ибо вы не добьетесь своего, — посоветовал им Мусий Юсуп.

— Нет, мы поедем туда и тебе выделим долю, если поедешь с нами, — сказали муталимы.

— Я не поеду и вам не советую, — с сомнением ответил Мусий Юсуп.

Муталимы настаивали. Воткнув свою косу, за ними все же поехал и Мусий Юсуп. Доехали они до аула Дятта-Бух, где проживал Мержой Казилг. В селе стояло веселье: танцевали девушки и юноши, играла зурна. Казилг был в отлучке. Муталимы присоединились к веселящимся. Поговорив с ними о том и о сем, повеселившись немножко, муталимы решили взяться за дело. Среди веселящихся они приметили девушку по имени Мержой Залейха, за которой, как им было известно, ухаживал Мержой Казилг. Муталимы поднялись в горы, чтобы угнать табун. С ними в бой вступил треухий жеребец. Они убили его, погнали табун и пленили Мержой Залейху.

Вскоре Казилг вернулся домой. Он и брат Мержой Залейхи помчались в погоню. Они нагнали грабителей, когда те подъезжали к аулу Даттых. Разгорелся бой. Поняв, что они будут биты, грабители попытались убежать, но Мержой Казилг и его товарищ никого не упустили, всех перебили, а с ними заодно убили и Мусий Юсупа.

Все, что они награбили, Мержой Казилг и его товарищ вернули домой.

76. СКАЗАНИЕ О БЕССТРАШНОМ МУЖЕ И НАХОДЧИВОЙ ЖЕНЕ

Случилось это в незапамятные времена, когда крупные ингушские фамилии и даже отдельные селения враждовали между собою. И когда верх брали сильные, слабые в разной форме подчинялись им. Некогда жители селения Гули попали в зависимость к эгикальцам и салгинцам и вынуждены были платить им дань. Как-то салгинцы приехали в Гули, но не нашли приготовленной дани. Тогда они, как бы в залог, взяли в плен одну молодую красавицу — жену наиболее богатого и влиятельного в ауле жителя. Муж в это время отсутствовал. Кое-кому, правда, было известно, что он в это время был в селе Эрзи.

Его пастух отправился к хозяину передать весть о случившемся с его женой. Встретив возвращавшегося домой хозяина уже на перевале, около аула Белхане, пастух рассказал ему о пленении его жены салгинцами. Взбешенный хозяин, с возгласом «как ты осмелился поведать мне такую позорную для меня весть!», одним ударом сабли зарубил пастуха на месте. Между прочим, с тех пор это место стало называться «кровавое пятно».

Сам же немедля отправился в погоню за похитителями — салгинцами. Незаметно обогнав группу, ехавшую внизу по ущелью, он спрятался вблизи дороги в сложенное из камней убежище для скота и стал стрелять из лука по противнику. Сам он был совершенно недоступен для вражеских стрел. Как меткий стрелок, он быстро уложил нескольких человек своими стрелами. Но вдруг... у

него лопнула тетива, и он перестал стрелять, наблюдая в бессильной злобе, как у него на глазах увозят его жену.

Красавица догадалась о причине прекращения его стрельбы. Она была ему верная жена и горячо его любила. Чтобы не быть понятой врагами-похитителями, она крикнула ему насмешливым голосом: «Прощай, неудачник! Если ты голоден, поищи у себя в кармане пышки на масле!» Муж полез в карман своего платья и, к большой своей радости, обнаружил не пышки, а запасную тетиву.

Быстро натянув тетиву на лук, он очень скоро меткой стрельбой перебил оставшихся врагов и освободил жену из плена.

С тех пор за этим местом закрепилось название «Эшк-Кольк», что значит «железный дворик».

77. ИВИЗДЫ ГАЗД

Испокон века жили ингуши в Галгайском ущелье. Поперек ущелья была сделана каменная стена и стояла их стража у единственного входа. Без разрешения часовых никто не мог ни войти, ни выйти.

Начальником у входа был некий Пхягал Бярий[1]. Стража и вся страна находились под управлением «отца» (т. е. старшины — старшего в роде) «трех селений»[2], «отца» Беркимхоевых, отца Евлоевых и Ферти-Шауль, устанавливавших законы. Однажды пришла им в голову мысль: «Сколько ни живет на свете людей — у всех есть князья. Не лучше ли и нам поставить над собой князя?» И каждый из четверых в сердце своем мечтал сделаться князем. Тогда собрали они всех галгаев. Три дня и три ночи продолжалось их совещание на лугах Соу.

Один лишь ингуш по имени Ивизды Газд не явился на всенародное собрание, несмотря на то, что за ним послали вестника. Когда же он узнал, что собравшиеся готовятся метать жребий, кому быть князем на Ингушии[3], то решил поехать на выборы. На себя надел он шелковый халат, оседлал лучшего коня, взял отделанную золотом шашку. Свою роскошную шелковую одежду опоясал он грязным вьючным ремнем, которым увязывается груз на спине осла. В таком виде явился он на собрание, где сошлась вся страна галгаев. Здесь его спросили:

— Скажи, почему не являлся ты эти три дня на собрание? Ведь мы несколько раз посылали за тобой?

— А что мог бы я сделать, если бы и пришел? — отвечал Газд.

— Почему ты на коне, почему надел шелковые одежды, почему привесил к поясу отделанную золотом шашку и почему опоясался грязным ослиным ремнем?

— Не идет разве мне этот грязный ремень? — спросил Газд.

— Как может идти ослиный ремень к шелковой одежде? — ответили собравшиеся.

— Клянусь моим отцом! — воскликнул Газд. — Как ослиный ремень к шелковым одеждам, так князь и раб не идет ингушам![4]

Тогда все собравшиеся единодушно постановили: «Пусть вырастет негодное потомство у того, кто отныне предложит поставить над ними князя». И разошлись собравшиеся со словами: «У кого есть рабы, пусть сейчас же отпустит их на волю».

78. СЛЕПОЙ ГАН

Борга, похороненный где-то в окрестностях Назрани, является далеким предком Фаргиевых, Белхароевых, Кориговых, Булгучевых.

У Гана, отца Белхара и Булгача, были семь сыновей и одна дочь. Однажды эта сестра семерых братьев произнесла проклятье в адрес снежинки, попавшей ей за пазуху в день свадьбы. За ее гордость тут же напал мор на ее братьев, и они умерли в ту же ночь. Их отец Ган от горя ослеп. Друг Гана, пришедший выразить ему соболезнование, сказал:

— Смирись, Ган, да не будет тебе еще большего горя.

У Гана вырвалось:

— Какое еще большее горе может постичь меня?

В ту же ночь померла его жена. Тогда ослепший Ган сказал:

— Как бы тяжким ни показалось человеку свое горе, его может постигнуть еще более тяжкое.

Гану посоветовали жениться на девушке мелхистинке. Женился Ган, и она родила ему сыновей Белхара и Булгуча. У Булгуча родились два сына: Зайт и Кориг. От Зайта ведут свое начало Фаргиевы. Между Фаргиевыми, Кориговыми, Булгучевыми редко заключаются браки. Роды эти относятся к племени орстхой. У селения Арштy имелась башня Албака, сына Фярга.

Фаргиевы являются потомками Булгучевых. Жили Фаргиевы в аулах Берашке и Арштy. В Берашке у них была башня, внутри которой имелся родник. Башня построена Фаргиевым Керимом, сыном Исмаила. Его потомки проживают теперь в селении Алхасты. В Чечне, в селении Шали, живут Шовхаловы и Магомедовы, являющиеся выходцами из рода Фаргиевых. Некогда один Фаргиев был женат на чеченке, после его гибели жена с двумя сыновьями переехала жить в Шали. От ее сыновей пошло потомство этих чеченских фамилий.

Фартанг Фаргиев убил своего однофамильца и бежал на жительство в то место, где течет река, названная по его имени Фортангой.

79. ЗЕМЛЯ ЗА КРАСАВИЦУ

Двое ичкеринцев, преследуя оленя, зашли на плоскость, где были схвачены калмыками и представлены хану. Он расспрашивал

слово, разговор зашел о красоте женщин — чувствительной струне калмыцкого владыки. Ичкеринцы говорили, что у них в Ичкерии, в Дишиевской фамилии, есть девица чудной красоты. От света ее очей, добавили они, ночь становится днем; так не мешало бы ему достать эту красавицу, не щадя денег. Хан заочно воспламенился любовью к этой девице и просил их содействия к ее приобретению. Желание хана было объявлено дишиевцам. Собрав совет из умнейших людей страны, они составили условия и отправили девицу с послами в путь. Узнав, что девица в дороге, высокомерный хан унизился до того, что сам выехал к ней навстречу и взял под уздцы верблюда, на которого пересадили девицу. Приславные сказали, что он не иначе получит руку ее, как с условием, что уступит ичкеринцам страну и переберется за Терек. «Хочешь иметь ее своей женой, отдай нам землю, а не хочешь, мы отправим ее к султану». Хан согласился, но просил полгода сроку; время это он желал спокойно провести в объятиях новой супруги. Он сдержал свое слово; через полгода чеченцы заняли плоскость.

80. СКАЗАНИЕ О ЗНАТНОМ ИНОЗЕМЦЕ ЕРДЕ[1]

Много, много лет тому назад районы в верховьях реки Ассы были густо заселены ингушами. Близ аула Таргим существовал крупный меновой центр — «шайтан-базар», а неподалеку от него доныне сохранившегося святилища «Ткобя-Ерды» (святого двух тысяч), точнее между аулами Пуй и Хайрах, находилась каменная крепость.

В этой крепости жил знатный иноземец Ерд со своей дружиной (войском). Среди подвластных ему людей был и старый пастух — ингуш Еркал[2]. Сами ингуши не любили Ерда.

Как-то Ерд был в гостях в ауле Бархин (за Ассой) у богатого и авторитетного среди ингушей Барахоя. Увидя красивую жену Барахоя, Ерд безумно влюбился в нее. Хорошо зная древний кавказский обычай — не отказывать гостю в любой просьбе — Ерд обратился к Барахою с настойчивой просьбой — подарить ему красавицу-жену. Между прочим, жена Барахоя страдала, никому кроме мужа не известной, сонной болезнью, то есть, она была летаргичкой.

Не находя выхода из весьма затруднительного положения, улучив момент, Барахой обратился к своей разумной жене за советом: «Как быть?» Как мудрая женщина, красавица понимала, что Барахою нельзя нарушить никами узаконенного обычая предков. Это повредило бы его авторитету в ингушском обществе. И она посоветовала мужу подарить ее Ерду, но при одном непременном условии, чтобы Ерд в течение ближайших девяти дней покинул пре-

делы Ингушетии: при этом Ерд мог взять с собою только то, что сможет вывезти с собою за эти девять дней. Все же невывезенное имущество должно остаться во владении Барахоя. Сама красавица клятвенно заверила Барахоя, что она, как верная жена, принадлежит только ему и ни при каких обстоятельствах с Ердом жить не будет.

Обуреваемый сильной страстью к жене Барахоя, Ерд согласился на предложенные условия и, взяв красавицу в свою крепость, через девять дней удалился со своей челядью.

В пути жена Барахоя верно выполняла клятву, данную мужу. Очень часто в этом ее выручала странная для Ерда ее болезнь — летаргический сон. Таким образом, ей долгое время удавалось сдерживать свое слово и обещание Барахою.

Наконец, когда они прибыли в страну Ерда, красавица поняла, что рано или поздно она должна будет подчиниться настойчивым требованиям Ерда на сожительство с ним. Выбрав удобный момент, она сказала ему об этом, но обусловила свое согласие на сожительство с ним одним требованием — чтобы он предварительно исполнил все, что она пожелает.

Горя страстным желанием скорее овладеть ею, Ерд быстро согласился. Тогда она попросила его собрать всю его дружину и всю челядь и публично перед всеми заявить, что отныне не он, Ерд, а она является их госпожой и повелительницей.

Полагая, что это лишь прихоть капризной и легкомысленной красавицы, Ерд все исполнил в точности. Ерд собрал всех подвластных себе людей и полушутя, полусерьезно повторил то, что сказала красавица.

Получив публичное признание Ерда в своих неограниченных правах, красавица тут же обратилась к воинам со строгим приказанием стрелять в своего слабого и безвольного властелина. Не осмеливаясь не выполнить твердого и категорического приказа, воины тут же убили Ерда из тугих своих луков.

Красавица стала полновластной госпожой всех людей Ерда. Убедившись в мудрости красавицы, люди были довольны ею. Вскоре, улучив благоприятный момент, красавица с группой верных ей людей бежала обратно к мужу Барахою.

Обнаружив исчезновение красавицы, приближенные Ерда догадались об истинных целях умной и коварной красавицы и пустились на ее розыски. Скоро они нагнали ее по дороге в Ассинское ущелье.

Возможно от нервного потрясения, она в это время заснула летаргическим сном. Стремясь во что бы то ни стало вернуть ее к себе на родину правительницей, посовещавшись между собой, они решили войти с нею в половое общение, надеясь тем самым заставить ее вернуться к себе. Не считаясь с ее сонным состоянием, один из дружинников Ерда овладел ею.

него лопнула тетива, и он перестал стрелять, наблюдая в бессильной злобе, как у него на глазах увозят его жену.

Красавица догадалась о причине прекращения его стрельбы. Она была ему верная жена и горячо его любила. Чтобы не быть понятой врагами-похитителями, она крикнула ему насмешливым голосом: «Прощай, неудачник! Если ты голоден, поищи у себя в кармане пышки на масле!» Муж полез в карман своего платья и, к большой своей радости, обнаружил не пышки, а запасную тетиву.

Быстро натянув тетиву на лук, он очень скоро меткой стрельбой перебил оставшихся врагов и освободил жену из плена.

С тех пор за этим местом закрепилось название «Эшк-Кольк», что значит «железный дворик».

77. ИВИЗДЫ ГАЗД

Испокон века жили ингуши в Галгайском ущелье. Поперек ущелья была сделана каменная стена и стояла их стража у единственного входа. Без разрешения часовых никто не мог ни войти, ни выйти.

Начальником у входа был некий Пхягал Бярий[1]. Стража и вся страна находились под управлением «отца» (т. е. старшины — старшего в роде) «трех селений»[2], «отца» Беркимхоевых, отца Евлоевых и Ферти-Шауль, устанавливавших законы. Однажды пришла им в голову мысль: «Сколько ни живет на свете людей — у всех есть князья. Не лучше ли и нам поставить над собой князя?» И каждый из четверых в сердце своем мечтал сделаться князем. Тогда собрали они всех галгаев. Три дня и три ночи продолжалось их совещание на лугах Соу.

Один лишь ингуш по имени Ивизды Газд не явился на всенародное собрание, несмотря на то, что за ним послали вестника. Когда же он узнал, что собравшиеся готовятся метать жребий, кому быть князем на Ингушии[3], то решил поехать на выборы. На себя надел он шелковый халат, оседлал лучшего коня, взял отделанную золотом шашку. Свою роскошную шелковую одежду опоясал он грязным вьючным ремнем, которым увязывается груз на спине осла. В таком виде явился он на собрание, где сошлась вся страна галгаев. Здесь его спросили:

— Скажи, почему не являлся ты эти три дня на собрание? Ведь мы несколько раз посылали за тобой?

— А что мог бы я сделать, если бы и пришел? — отвечал Газд.

— Почему ты на коне, почему надел шелковые одежды, почему привесил к поясу отделанную золотом шашку и почему опоясался грязным ослиным ремнем?

— Не идет разве мне этот грязный ремень? — спросил Газд.

— Как может идти ослиный ремень к шелковой одежде? — ответили собравшиеся.

— Клянусь моим отцом! — воскликнул Газд. — Как ослиный ремень к шелковым одеждам, так князь и раб не идет ингушам![4]

Тогда все собравшиеся единодушно постановили: «Пусть вырастет негодное потомство у того, кто отныне предложит поставить над ними князя». И разошлись собравшиеся со словами: «У кого есть рабы, пусть сейчас же отпустит их на волю».

78. СЛЕПОЙ ГАН

Борга, похороненный где-то в окрестностях Назрани, является далеким предком Фаргиевых, Белхароевых, Кориговых, Булгучевых.

У Гана, отца Белхара и Булгача, были семь сыновей и одна дочь. Однажды эта сестра семерых братьев произнесла проклятье в адрес снежинки, попавшей ей за пазуху в день свадьбы. За ее гордость тут же напал мор на ее братьев, и они умерли в ту же ночь. Их отец Ган от горя ослеп. Друг Гана, пришедший выразить ему соболезнование, сказал:

— Смирись, Ган, да не будет тебе еще большего горя.

У Гана вырвалось:

— Какое еще большее горе может постичь меня?

В ту же ночь померла его жена. Тогда ослепший Ган сказал:

— Как бы тяжким ни показалось человеку свое горе, его может постигнуть еще более тяжкое.

Гану посоветовали жениться на девушке мелхистинке. Женился Ган, и она родила ему сыновей Белхара и Булгуча. У Булгуча родились два сына: Зайт и Кориг. От Зайта ведут свое начало Фаргиевы. Между Фаргиевыми, Кориговыми, Булгучевыми редко заключаются браки. Роды эти относятся к племени орстхой. У селения Аршты имелась башня Албака, сына Фярга.

Фаргиевы являются потомками Булгучевых. Жили Фаргиевы в аулах Берашке и Аршты. В Берашке у них была башня, внутри которой имелся родник. Башня построена Фаргиевым Керимом, сыном Исмаила. Его потомки проживают теперь в селении Алхасты. В Чечне, в селении Шали, живут Шовхаловы и Магомедовы, являющиеся выходцами из рода Фаргиевых. Некогда один Фаргиев был женат на чеченке, после его гибели жена с двумя сыновьями переехала жить в Шали. От ее сыновей пошло потомство этих чеченских фамилий.

Фартанг Фаргиев убил своего однофамильца и бежал на жительство в то место, где течет река, названная по его имени Фортангой.

79. ЗЕМЛЯ ЗА КРАСАВИЦУ

Двое ичкеринцев, преследуя оленя, зашли на плоскость, где были схвачены калмыками и представлены хану. Он расспрашивал

...х, что они за люди, чем занимаются, как живут. Слово за слово, разговор зашел о красоте женщин — чувствительной струне калмыцкого владыки. Ичкеринцы говорили, что у них в Ичкерии, в Дишниевской фамилии, есть девица чудной красоты. От света ее очей, добавили они, ночь становится днем; так не мешало бы ему достать эту красавицу, не щадя денег. Хан заочно воспламенился любовью к этой девице и просил их содействия к ее приобретению. Желание хана было объявлено дишниевцам. Собрав совет из умнейших людей страны, они составили условия и отправили девицу с послами в путь. Узнав, что девица в дороге, высокомерный хан унизился до того, что сам выехал к ней навстречу и взял под уздцы верблюда, на которого пересадили девицу. Присланные сказали, что он не иначе получит руку ее, как с условием, что уступит ичкеринцам страну и переберется за Терек. «Хочешь иметь ее своей женой, отдай нам землю, а не хочешь, мы отправим ее к султану». Хан согласился, но просил полгода сроку; время это он желал спокойно провести в объятиях новой супруги. Он сдержал свое слово; через полгода чеченцы заняли плоскость.

80. СКАЗАНИЕ О ЗНАТНОМ ИНОЗЕМЦЕ ЕРДЕ[1]

Много, много лет тому назад районы в верховьях реки Ассы были густо заселены ингушами. Близ аула Таргим существовал крупный меновой центр — «шайтан-базар», а неподалеку от него доныне сохранившегося святилища «Ткобя-Ерды» (святого двух тысяч), точнее между аулами Пуй и Хайрах, находилась каменная крепость.

В этой крепости жил знатный иноземец Ерд со своей дружиной (войском). Среди подвластных ему людей был и старый пастух — ингуш Еркал[2]. Сами ингуши не любили Ерда.

Как-то Ерд был в гостях в ауле Бархин (за Ассой) у богатого и авторитетного среди ингушей Барахоя. Увидя красивую жену Барахоя, Ерд безумно влюбился в нее. Хорошо зная древний кавказский обычай — не отказывать гостю в любой просьбе — Ерд обратился к Барахою с настойчивой просьбой — подарить ему красавицу-жену. Между прочим, жена Барахоя страдала, никому кроме мужа не известной, сонной болезнью, то есть, она была летаргичкой.

Не находя выхода из весьма затруднительного положения, улучив момент, Барахой обратился к своей разумной жене за советом: «Как быть?» Как мудрая женщина, красавица понимала, что Барахою нельзя нарушить веками узаконенного обычая предков. Это повредило бы его авторитету в ингушском обществе. И она посоветовала мужу подарить ее Ерду, но при одном непременном условии, чтобы Ерд в течение ближайших девяти дней покинул пределы Ингушетии: при этом Ерд мог взять с собою только то, что сможет вывезти с собою за эти девять дней. Все же невывезенное имущество должно остаться во владении Барахоя. Сама красавица клятвенно заверила Барахоя, что она, как верная жена, принадлежит только ему и ни при каких обстоятельствах с Ердом жить не будет.

Обуреваемый сильной страстью к жене Барахоя, Ерд согласился на предложенные условия и, взяв красавицу в свою крепость, через девять дней удалился со своей челядью.

В пути жена Барахоя верно выполняла клятву, данную мужу. Очень часто в этом ее выручала странная для Ерда ее болезнь — летаргический сон. Таким образом, ей долгое время удавалось сдерживать свое слово и обещание Барахою.

Наконец, когда они прибыли в страну Ерда, красавица поняла, что рано или поздно она должна будет подчиниться настойчивым требованиям Ерда на сожительство с ним. Выбрав удобный момент, она сказала ему об этом, но обусловила свое согласие на сожительство с ним одним требованием — чтобы он предварительно исполнил все, что она пожелает.

Горя страстным желанием скорее овладеть ею, Ерд быстро согласился. Тогда она попросила его собрать всю его дружину и всю челядь и публично перед всеми заявить, что отныне не он, Ерд, а она является их госпожой и повелительницей.

Полагая, что это лишь прихоть капризной и легкомысленной красавицы, Ерд все исполнил в точности. Ерд собрал всех подвластных себе людей и полушутя, полусерьезно повторил то, что сказала красавица.

Получив публичное признание Ерда в своих неограниченных правах, красавица тут же обратилась к воинам со строгим приказанием стрелять в своего слабого и безвольного властелина. Не осмеливаясь не выполнить твердого и категорического приказа, воины тут же убили Ерда из тугих своих луков.

Красавица стала полновластной госпожой всех людей Ерда. Убедившись в мудрости красавицы, люди были довольны ею. Вскоре, улучив благоприятный момент, красавица с группой верных ей людей бежала обратно к мужу Барахою.

Обнаружив исчезновение красавицы, приближенные Ерда догадались об истинных целях умной и коварной красавицы и пустились на ее розыски. Скоро они нагнали ее по дороге в Ассинское ущелье.

Возможно от нервного потрясения, она в это время заснула летаргическим сном. Стремясь во что бы то ни стало вернуть ее к себе на родину правительницей, посовещавшись между собой, они решили войти с нею в половое общение, надеясь тем самым заставить ее вернуться к себе. Не считаясь с ее сонным состоянием, один из дружинников Ерда овладел ею.

Проснувшись через некоторое время и убедившись в совершившемся, красавица была повержена в страшное уныние и печаль. Не сдержав слова, данного мужу Барахою в своей верности, добродетельная красавица не считала для себя возможным явиться к своему законному и любимому мужу. После недолгого раздумья, она добровольно вернулась к воинам Ерда.

Спустя положенное время, тайно от всех родив и выходив ребенка — мальчика, она как-то отвезла его в родные горы и оставила в лесу. Брошенного ребенка нашли пастухи во главе с Еркалом.

По фамильному амулету, находившемуся при ребенке, Еркал сразу узнал в нем сына Ерды и жены Барахоя. В тайне от всех Еркал и его товарищи-пастухи воспитали мальчика и вырастили из него храброго джигита...

81. НЕ МУТИ ВОДУ

Некий пховец пришел в Эги-кал и сказал: «В вашей стороне жить легко, а в нашей трудно. Давайте проведем состязание, и выигравшей стороне достанется лучшая земля». Тут же они оговорили сроки предстоящего состязания. Галгаевцы от себя решили выставить наиболее сильного. Им оказался Гуй. Он был высотою в восемь аршин, а по талии — восемь вершков. На склоне горы стояла маленькая сакля. Чтобы испытать силу Гуя, галгаевцы сказали ему, чтобы он дважды перепрыгнул через эту саклю. Побежав под уклон, Гуй перескочил через нее, а побежав в гору, — не смог.

Гуя стали откармливать к состязаниям. В день ему давали трехгодовалого бычка и полторы мерки зерна. Гуй много бегал по горам, прыгал через эту саклю. За день до начала состязаний Гуй сумел перепрыгнуть через нее, разбежавшись снизу вверх, в гору.

Люди из Галгая и из Пховии встретились у места Трех Крестов. От них к реке Ассе и побежал Гуй и пховец. Того из них, кто первым перейдет реку у храма Ткобя-Ерды, должны были назвать победителем. Гуй бежал босиком. Он и пховец одновременно подбежали к Ассе и только должны были перейти ее, как Гуй крикнул: «Эту воду пьют люди, не загрязняй ее своими грязными чувяками, сними их».

Пока пховец снимал чувяки, Гуй опередил его и победил. Пховцы ушли к себе.

82. БОЛЬШЕ НЕ БУДЕМ СПОРИТЬ

Некогда грузинский князь побывал в Галгайче. Ему очень понравилась земля галгайцев. Самый почитаемый из галгайцев, посетив Грузию, также пожелал земли грузин. Между грузинским

князем и предводителем галгайцев разгорелась вражда. От нее страдали обе стороны.

С помощью посредников их склонили к перемирию. Грузинский князь был в летах, галгайский предводитель же был моложе. Поэтому он первым пошел к князю, но того не оказалось дома. Предводителя встретила красивая и молодая жена князя. Она пригласила его в дом вместе с товарищами, сказав, что муж скоро вернется. Галгаевский предводитель загляделся на грузинскую княжну. Он вошел в гостиную, сел и начал разговорами обхаживать ее. Княжна была умной женщиной: она тут же поняла, куда он клонит. Когда он попросил воды, княжна пообещала принести хорошего молока. Через некоторое время она принесла вкусное и теплое молоко, которое и выпил галгаевец. Тогда княжна сказала: «Ты выпил мое грудное молоко, теперь ты знаешь, кто я и кто ты»[1]. Он поблагодарил ее, хотя и не был доволен за такой обман.

Вскоре пришел домой грузинский князь. Не успел он еще войти, как княжна успела предупредить его о том, что она сделала.

— Почему ты так поступила? — спросил ее князь.

— Чтобы скрепить вашу дружбу и заиметь нам друга, — ответила она.

Грузины и прибывшие галгайцы пропировали у князя целую неделю. Предводитель галгайцев, уезжая, пригласил к себе в гости князя со свитой и назначил время.

В условленный день князь и его свита прибыли к галгайцам. До их прибытия предводитель галгайцев рассказал своей жене, что ему сделала грузинская княжна. Жена предводителя поставила князю чашечку каши, сваренной на ее грудном молоке и сказала: «В знак уважения к тебе я по особому приготовила эту кашу и есть ее должен только ты».

Князь съел кашу и похвалил ее. Жена предводителя сказала, что она была сварена на ее молоке. Понял князь, что их родство укрепилось еще более. На этом пиру наш предводитель и грузинский князь договорились о мире.

Галгайский предводитель и его люди проводили князя и его свиту до границы. По эту сторону встал галгаевец, а по ту сторону — грузинский князь. Они протянули друг другу руки и поклялись быть верными друг другу.

С тех пор граница между Галгайче и Грузией не нарушалась.

83. ЧА И ЧЕРБАЖ

В Эрзи жили два брата: Ча и Чербаж. Однажды они пошли на охоту вверх по Орцхоевскому ущелью. До обеда ходили и лишь одного зайца убили. Оставив младшего брата готовить обед, Ча решил, пока обед будет готов, пойти и поохотиться еще. Чербаж зажег костер, изжарил зайца, покушал и прилег. Лежа он задремал.

Проснувшись через некоторое время и убедившись в совершившемся, красавица была повержена в страшное уныние и печаль. Не сдержав слова, данного мужу Барахою в своей верности, добродетельная красавица не считала для себя возможным явиться к своему законному и любимому мужу. После недолгого раздумья, она добровольно вернулась к воинам Ерда.

Спустя положенное время, тайно от всех родив и выходив ребенка — мальчика, она как-то отвезла его в родные горы и оставила в лесу. Брошенного ребенка нашли пастухи во главе с Еркалом.

По фамильному амулету, находившемуся при ребенке, Еркал сразу узнал в нем сына Ерды и жены Барахоя. В тайне от всех Еркал и его товарищи-пастухи воспитали мальчика и вырастили из него храброго джигита...

81. НЕ МУТИ ВОДУ

Некий пховец пришел в Эги-кал и сказал: «В вашей стороне жить легко, а в нашей трудно. Давайте проведем состязание, и выигравшей стороне достанется лучшая земля». Тут же они оговорили сроки предстоящего состязания. Галгаевцы от себя решили выставить наиболее сильного. Им оказался Гуй. Он был высотою в восемь аршин, а по талии — восемь вершков. На склоне горы стояла маленькая сакля. Чтобы испытать силу Гуя, галгаевцы сказали ему, чтобы он дважды перепрыгнул через эту саклю. Побежав под уклон, Гуй перескочил через нее, а побежав в гору, — не смог.

Гуя стали откармливать к состязаниям. В день ему давали трехгодовалого бычка и полторы мерки зерна. Гуй много бегал по горам, прыгал через эту саклю. За день до начала состязаний Гуй сумел перепрыгнуть через нее, разбежавшись снизу вверх, в гору.

Люди из Галгая и из Пховии встретились у места Трех Крестов. От них к реке Ассе и побежал Гуй и пховец. Того из них, кто первым перейдет реку у храма Ткобя-Ерды, должны были назвать победителем. Гуй бежал босиком. Он и пховец одновременно подбежали к Ассе и только должны были перейти ее, как Гуй крикнул: «Эту воду пьют люди, не загрязняй ее своими грязными чувяками, сними их».

Пока пховец снимал чувяки, Гуй опередил его и победил. Пховцы ушли к себе.

82. БОЛЬШЕ НЕ БУДЕМ СПОРИТЬ

Некогда грузинский князь побывал в Галгайче. Ему очень понравилась земля галгайцев. Самый почитаемый из галгайцев, посетив Грузию, также пожелал земли грузин. Между грузинским

князем и предводителем галгайцев разгорелась вражда. От нее страдали обе стороны.

С помощью посредников их склонили к перемирию. Грузинский князь был в летах, галгайский предводитель же был моложе. Поэтому он первым пошел к князю, но того не оказалось дома. Предводителя встретила красивая и молодая жена князя. Она пригласила его в дом вместе с товарищами, сказав, что муж скоро вернется. Галгаевский предводитель загляделся на грузинскую княжну. Он вошел в гостиную, сел и начал разговорами обхаживать ее. Княжна была умной женщиной: она тут же поняла, куда он клонит. Когда он попросил воды, княжна пообещала принести хорошего молока. Через некоторое время она принесла вкусное и теплое молоко, которое и выпил галгаевец. Тогда княжна сказала: «Ты выпил мое грудное молоко, теперь ты знаешь, кто я и кто ты»[1]. Он поблагодарил ее, хотя и не был доволен за такой обман.

Вскоре пришел домой грузинский князь. Не успел он еще войти, как княжна успела предупредить его о том, что она сделала.

— Почему ты так поступила? — спросил ее князь.

— Чтобы скрепить вашу дружбу и заиметь нам друга, — ответила она.

Грузины и прибывшие галгайцы пропировали у князя целую неделю. Предводитель галгайцев, уезжая, пригласил к себе в гости князя со свитой и назначил время.

В условленный день князь и его свита прибыли к галгайцам. До их прибытия предводитель галгайцев рассказал своей жене, что ему сделала грузинская княжна. Жена предводителя поставила князю чашечку каши, сваренной на ее грудном молоке и сказала: «В знак уважения к тебе я по особому приготовила эту кашу и есть ее должен только ты».

Князь съел кашу и похвалил ее. Жена предводителя сказала, что она была сварена на ее молоке. Понял князь, что их родство укрепилось еще более. На этом пиру наш предводитель и грузинский князь договорились о мире.

Галгайский предводитель и его люди проводили князя и его свиту до границы. По эту сторону встал галгаевец, а по ту сторону — грузинский князь. Они протянули друг другу руки и поклялись быть верными друг другу.

С тех пор граница между Галгайче и Грузией не нарушалась.

83. ЧА И ЧЕРБАЖ

В Эрзи жили два брата: Ча и Чербаж. Однажды они пошли на охоту вверх по Орцхоевскому ущелью. До обеда ходили и лишь одного зайца убили. Оставив младшего брата готовить обед, Ча решил, пока обед будет готов, пойти и поохотиться еще. Чербаж зажег костер, изжарил зайца, покушал и прилег. Лежа он задремал.

Во сне он увидел одного старика, который вышел из лесу и подошел к нему. Он был приятной наружности, а вся его одежда была белее снега. Старик своим посохом ткнул в спину Чербажа и сказал:

— Идет шайка похитителей людей. Приготовьте свое оружие-порох.

Чербаж вскочил, но никого не увидел. Решив, что это проделки шайтана, он выстрелил вверх и опять лег. Лежал, лежал и уснул. Как и в прошлый раз, опять подошел этот старик. Ткнув своим посохом Чербажа в спину, он вновь сказал:

— Не лежи! Идет шайка похитителей людей. Приготовьте оружие-порох.

«Что за чудо!» — сказал молодой человек и сел. Вокруг не было ни души. «Пусть гнев Дяды падет на шайтана», — сказал он, выстрелил вверх, лег опять и уснул. Старик подошел в третий раз, ткнул посохом в спину и сказал:

— Ведь я, желая добра, говорю вам: приготовьтесь биться с шайкой похитителей людей.

Только сказал — и опять пропал этот старик.

Младший брат не мог более уснуть и пока думал: «Что бы это все значило?» — из лесу пришел старший брат. Он принес тура.

— Что это были за выстрелы? Случилось здесь что-нибудь? — спросил он.

Младший брат рассказал все, что он видел во сне и что сказал ему старик. «Подойди сюда», — сказал брат Чербажа и поднял его рубашку. Посреди лопаток он увидел рядышком три пятна.

— Мы должны сделать то, что нам сказано. Приготовься биться с шайкой, — сказал старший брат.

Они съели тура, хорошо отдохнули и тронулись в путь. Солнце клонилось к вечеру. Вдруг они увидели шайку, идущую вверх по ущелью Терека. Там, где ущелье было наиболее узким, Ча и Чербаж устроили две засады: одну вверху, другую внизу. Если шайка бежала вверх по ущелью — ее бил Ча, если она убегала вниз по ущелью — бил Чербаж. Так они уничтожили всю шайку. Оставили в живых лишь одного человека. Забрав его папаху, они сказали ему:

— Знай, почему ты оставлен в живых. Рассказывай везде, что мы, Ча и Чербаж, два брата из Эрзи, уничтожили всю вашу шайку. А не будешь рассказывать, будем людям показывать твою папаху и позорить тебя.

Тот рассказывал, и все люди узнали об этом, и наконец молва дошла до начальства. Шайки причиняли большой вред, и начальство не знало, что поделать. Оно пригласило Ча и Чербажа.

— Все, что вам надо, все, что вы пожелаете, скажите, — говорили царские начальники. — Мы вам дадим бумагу, свидетельствующую, что мужчины вашего потомства — князья, а женщины — княгини, — предлагали и другое. Тогда братья сказали:

— Ничего нам этого не надо. Да мы и не рабы, стремящиеся стать князьями. Если даете, то дайте лучше землю.

Тут же им дали землю в том месте, где сейчас находится Гилт (Гвилети). Ча и Чербаж со своими близкими переселились туда жить.

84. ПОГИБШИЕ ИЗ-ЗА ЗЕМЛИ

В горах, невдалеке друг от друга, стояли две башни. Одна из башен принадлежала роду Гагиевых. У них была дочь. В другой башне жил молодой человек. Достигнув зрелого возраста, они полюбили друг друга. Молодой человек не имел земли. Молодые поженились, и зять попросил у рода жены себе землю. Дали им землю, чтобы они обрабатывали ее в течение года. Прошло три года, но молодая семья не соглашалась вернуть землю. Из-за земли разгорелась вражда, и многие люди погибли.

85. СИКСОЛСА И ГУЙ

В ауле Лялах жил Сиксолса[1], а Гуй жил в ауле Тумаг. Они были известными мужчинами и соперниками. Сиксолса пошел в аул Кязи и стал там беседовать с некой вдовой. А скот, который он пас, оставшись без присмотра, зашел на поля Гуйя. Гуй согнал весь этот скот во двор к себе. Проведав об этом, Сиксолса вызвал Гуя и предложил провести с ним поединок. Дрались они только врукопашную. Сиксолса одолел Гуя, поставил колено на его грудь и приготовился убить его. «Не убивай меня, — попросил Гуй, — я отдам тебе от своей земли столько, сколько ты обежишь за час».

Сиксолса согласился, отпустил Гуя и побежал. За полчаса он добежал до аула Салги. Житель этого аула, боясь, что Сиксолса заодно отхватит и их землю, крикнул ему: «О-о-а, Сиксолса, пока ты здесь бегаешь, у тебя дома рухнула крыша, и под нею лежит твоя семья!»

Сиксолса поверил этому, не стал бежать дальше и повернул обратно. Так хитростью салгинцы спасли свою землю.

Хотя Гуй и был чрезмерно высоким и большим, но Сиксолса был гораздо ловчее его.

86. ЧЕРКЕССКИЕ ХРЕБТЫ

Хребты, простирающиеся от Кабарды вдоль Терека до селения Брагуны, в народе называются Черкесскими. По этим хребтам некогда жили черкесы, ногайцы и чеченцы.

У ногайцев, что жили по Терским хребтам, имелись большие

стада скота. Из-за них оскудели источники, и табунам коней, пасшимся на хребтах, не хватало воды.

Лошади стали метаться в поисках воды. Тогда жеребец, их предводитель, собрал всех лошадей в одно место, а сам стал скакать в поисках воды. В лощине Калаус жеребец почуял влагу, стал долбить землю копытами и пробил ров. В нем выступила вода. Все табуны утолили жажду и успокоились. С тех пор там есть вода.

Ногайские князья проведали о том, что черкесами обнаружена вода, и у них стало привольно содержать скот. Они пришли к черкесам и сказали:

— Вы должны уйти отсюда и оставить нам эти хребты и эти места. А если вы не уйдете добром, мы выдворим вас силой.

— Мы не уйдем по своей воле, и лишь силе может попытаться увести нас отсюда, — ответили недовольные черкесы.

— Мы явимся сюда через неделю и приведем нашего самого сильного борца. За это время ищите меж собой достойного противостоять ему мужа. Пусть поборются наши борцы. Хребты останутся за той стороной, борец которой выйдет победителем. Побежденная сторона уйдет, — сказав это, ушли посланцы ногайских князей.

Собрались черкесские князья и стали думать, советоваться. Не могли они выискать достойного мужчины-силача.

Видя их горе, к ним приблизился один старик и сказал:

— Не надо так убиваться. И среди нас найдется богатырь, способный противостоять ногайскому. Мы одолеем их.

Собравшиеся разошлись, не веря ему и в страхе перед своим будущим.

Через неделю, в условленный день, явились ногайцы и привели своего богатыря.

Черкесы разослали гонцов и собрали людей. На огромной поляне встали на одной стороне ногайцы, на другой — черкесы.

Ногайский князь крикнул:

— Пусть поборются ваш и наш богатыри. Если в бою выйдет победителем наш — мы победили, а если победителем станет ваш, значит победили вы.

Поневоле пришлось черкесам на это условие согласиться. Их князь тоже вывел своего богатыря. Начали бороться черкесский и ногайский богатыри. Боролись они и до обеда, и после обеда, уже и солнце стало опускаться, а они продолжали поединок. Ногаец старался измотать силы черкесского богатыря. Надоело черкесскому богатырю так долго возиться, озлился он, закричал, набросился на ногайского богатыря, схватил его мертвой хваткой и бросил вверх. Лишь коснулся тот земли, как черкесский богатырь сел на него, схватил его за талию и так сдавил, что ногайский богатырь умер.

Черкесским богатырем-победителем оказалась жена сына того

старика, что утешал князей. Сбросив мужскую одежду, она обнаружила себя. Ногайцы уважили черкесов и ушли.

— Вот теперь вы настоящие черкесские хребты, — сказали люди и спокойно зажили на этих местах.

Говорят, что поэтому чеченцы называют терские хребты Черкесскими.

87. ЖЕНЩИНА ПОМИРИЛА МУЖЧИН

Турпал Тинавин-Вису, красивый молодец, жил в каменной башне. У другого турпала, по имени Гуно Карколой, была жена замечательной красоты. Как-то Карколой спросил свою жену: любит ли она его? Она отвечала, что очень любит, но прибавила: «Я хотела бы обнять и поцеловать Тинавин-Вису». Карколой вспыхнул и тотчас поскакал к Тинавин-Вису, сжигаемый ревностью. Подъехав к башне, Карколой громко три раза прокричал вызов на бой. Тинавин-Вису в это время спал, и жена, быть может, опасаясь схватки или по чему другому, не разбудила мужа. Карколой, не получив ответа, подошел к углу башни и вынул оттуда три камня, которые и сложил в кучу: такой поступок в то время считался жестоким оскорблением хозяину. Тинавин-Вису проснувшись, увидел вынутые из его башни камни и, узнав от жены, кто осмелился сделать это, бросился к башне Карколоя и вызвал его на бой. Но во время боя, жена Карколоя, бросившись между ними, обняла и поцеловала Тинавин-Вису, что тотчас же прекратило бой, так как по обычаю того времени враг, которого поцеловала жена, делался другом мужа...

88. КАК ЖЕНЩИНЫ ОДОЛЕЛИ ВРАГОВ

Если подняться в гору повыше аула Эрзи, то можно увидеть развалины стен некогда бывшей там башни. Называется она Кирбите. К ней ведет лишь единственная, крутая и сплошь каменная тропа.

Прежде, когда в Кирбите жили люди, промышляли шайки разбойников. Одна такая шайка состояла из тринадцати человек. Они боялись людей, живущих в Кирбите, и стремились уничтожить их. Однажды мужчины из Кирбите отправились куда-то в поход. Об этом проведали разбойники, они решили, что теперь легко захватят женщин и детей, а затем продадут их.

Сели разбойники на коней и поехали к Кирбите. Когда они поднимались по крутой тропе, следуя один за другим, их заметили женщины, сидящие в башне. Они поняли, что разбойники смогут захватить их башню. В башне, напротив входа, стоял большой ларь с горохом. Спереди ларя находились вставные липовые доски. Одна умная женщина сказала: «Быстро откройте двери башни и

выньте вставные доски ларя!» Так они и сделали. Разбойники, было, подошли уже почти к входу, двигаясь по крутой каменной тропе, как вдруг сверху на них посыпался горох. Копыта коней заскользили, и кони вместе с всадниками полетели в пропасть, где все и погибли.

89. ДЕВУШКА ИЩЕТ СУЖЕНОГО

У одного именитого человека выросла красавица дочь. Ее полюбили трое юношей. Двое из них были состоятельными, а третий был бедным. Никому из них девушка не давала своего согласия: она решила испытать их. Она надела одежду брата, вооружилась, села на коня и поехала к первому из трех юношей. Подъехав, вызвала его и сказала: «Я еду за Терек, чтобы угнать княжеские табуны. Мне нужен товарищ». Юноша испугался и ответил, что не может поехать с ним. Поехала она ко второму и тоже предложила стать ей товарищем и поехать с нею за добычею. Юноша отказался, сославшись на болезнь.

Тогда девушка поехала к третьему. Только она прокричала его имя, как бедный юноша вышел, схватил коня под уздцы, завел во двор и ввел незнакомца в дом. Еды, питья — всего что у него было, юноша поставил перед гостем, а когда тот наелся и отдохнул, спросил: чем он может помочь.

— Собираюсь поехать за Терек и взять добычу. Мне нужен товарищ, — сказала девушка.

— Я буду тебе товарищем, — ответил юноша и снарядился в путь.

Поехали они и пригнали табун коней. Когда въехали в село, девушка дала знать, кто она. Юноша очень удивился.

— Возьми коней себе, а я поеду домой, — сказала девушка.

— Я поехал с тобою не ради добычи, а чтобы быть тебе товарищем, — ответил юноша и отогнал всех коней за Терек.

На второй день в селе была вечеринка, где среди других сидели эта девушка и те трое юношей. Девушка спросила первого: «К тебе в гости кто-нибудь приходил вчера?» Он ответил, что никого не было. Так же ответил на этот вопрос и второй юноша. Тогда девушка обратилась ко всем и сказала: «Юноша, которого вы все отталкивали от себя, вчера помог мне. Кто бы ко мне ни сватался, мои мысли будут с ним. Я готова делать все, что он пожелает. Если он возьмет меня, я выйду за него замуж».

Этот храбрый и благородный юноша женился на ней.

90. КАК ДЕВУШКА ОБМАНУЛА РАЗБОЙНИКОВ

В прежние времена в горах водились разбойники (гярахой). Они грабили людей, брали их в плен и продавали. Многие люди от

разбойников прятались по лесам и лощинам. В одну из ночей один горец сказал своей дочери:

— Сходи за водой.

— А что я буду делать, если появятся разбойники? — спросила дочь.

— В небе ярко светит луна, и ты заранее увидишь их, если появятся, — ответил отец.

Взяла девушка кудал [1], маленькую чашечку для зачерпывания воды, и пошла к источнику. А под мостом на пути ее следования сидели спрятавшиеся разбойники. Лишь только девушка подошла к реке, они выскочили из-под моста, полоснули ее ножом по ребрам и отпустили.

Поняла девушка, чего хотят от нее разбойники: днем пойти по кровавому следу, увести в плен всю семью, разграбить хозяйство.

Девушка подставила чашечку под ребра и пошла домой. Отцу она сказала: «Месяц был в небе, а шайка была под мостом. Разбойники хотели, чтобы я оставила след, но я ни капли крови не уронила».

91. СЫН ДОЛЖЕН БЫТЬ ДОСТОЙНЫМ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ

К одному чеченцу прибыли гости, которые собрались в набег на княжеские табуны. Чеченец отправил с ними своего единственного сына и наказал ему, чтобы он по возвращении предстал перед ним без единой царапины.

Во время набега на сына чеченца бросился лев и ударом лапы сорвал с его ворота бешмета три петли (вета). Сын чеченца заколол льва и без трех петель предстал перед отцом.

Чеченец, несмотря на все просьбы гостей, продолжал настаивать на предании своего единственного сына смерти. Недоумевавшим гостям отец рассказал следующее:

— Мною была засватана девушка. Не успел я на ней жениться, как жестоко убили моего брата. Отложив свадьбу, я отправился на поиски кровника, чтобы принести долг крови в свой дом. Я устроил засаду у аула кровника. В это время ко мне подъехал какой-то всадник и, узнав мои заботы, предложил мне свою дружбу. Он вызвался помочь мне в деле отмщения моему кровнику, но я не дал согласия. Всадник уехал, но через некоторое время возвратился, отомстив моему кровнику. Он открылся мне, сняв с себя папаху. Это, оказывается, была засватанная мною девушка. Как же сын, носящий мое имя и рожденный такой женщиной, мог допустить, чтобы какой-то лев мог сорвать с ворота его бешмета три петли!

Отец, конечно, не убил сына, но дал ему хороший урок.

92. МЕХКА АСТБИ

Когда-то в Дошхакле жил Астби. Из-за показанных им необычайного мужества и храбрости везде его стали называть Мехка [1] Астби. Когда он вместе с товарищами делал набеги на княжеские владения и добычу делили, он забирал две доли: одну для себя, а вторую как бы для коня.

Однажды, когда он пошел в Грузию, он увел в плен дочь грузинского князя. Среди черкесов у Мехка Астби был верный друг. Он отдал ему девочку на воспитание. Прошло немало времени, и вместе с товарищами Мехка Астби пошел к черкесам повеселиться. Хозяева устроили большой пир и шумный большой ловзар [2]. Когда Мехка Астби сидел на пиру, его глаза остановились на одной красивой девушке. Они полюбили друг друга и объяснились при помощи жестов.

— Ты должна выйти за меня. Скажи мне, кто твой отец? — спросил Мехка Астби.

— Меня увел в плен Мехка Астби, и я в его руках, — ответила она.

— Мехка Астби — это я. При свидетельстве этих людей я объявляю, что с сегодняшнего дня ты не пленница. А теперь скажи, согласна ли ты?

— Я согласна, — сказала девушка.

Они вернулись домой и стали жить как муж и жена.

Для Мехка Астби один человек строил башню. Он ровнял, обтесывал камни, разглаживая известью, возводя углы, как по ровно натянутой нити. Между ним и Мехка Астби был уговор: мастеру должны были отдать любую вещь, какую он назовет из вещей, принадлежащих Мехка Астби, как только будет закончено строительство башни.

Раз Мехка Астби ушел за Терек, чтобы угнать табуны князей. Когда его не было дома, один из картоевцев [3] пришел к мастеру с советом: «Во всех этих горах только у Мехка Астби есть ружье. Ты попроси его, окончив строительство башни. Он будет настойчиво предлагать тебе и скот, и баранту, но знай: лучше ружья ничего нет». Когда Мехка Астби вернулся и принес две доли: свою и своего коня, мастер уже устанавливал на башне последний камень. Когда он спустился вниз, Мехка Астби сказал ему:

— Назови, что тебе нужно.

— Кроме твоего ружья, мне ничего не нужно, — был ответ.

— Зачем тебе ружье? Ты строишь башни и живешь этим, а я без ружья не могу. Очень прошу: забери всех овец, весь скот и что еще есть, но ружье оставь, — сказал он.

— Я не изменю сказанного. Если ты хочешь исполнить наш уговор, отдай мне ружье, — сказал мастер.

Мехка Астби отдал ружье, и было ему это больнее, чем ото-

рвать от себя руку или ногу. «Чтобы язык стал шершавым у того, кто тебе это посоветовал!» — сказал он. Мастер ушел. Мехка Астби не мог успокоиться. Он устроил засаду на дороге, по которой должен был пройти мастер, а когда тот приблизился, убил его. Умирая, мастер проклял его: «Да будет ничтожным твое потомство, да захиреет твой род!»

Это проклятие пало на голову Мехка Астби. Его потомки выросли никчемными. Уходя за добычей, они еле-еле приносили одну долю и не ухаживали за своим отцом. От плохого ухода, от горя отец рано состарился и сильно стал бедствовать. «Гордый пес не умер во дворе своего хозяина», — сказал он как-то, сел на своего состарившегося коня и поехал к черкесскому другу.

Когда Мехка Астби доехал до его дома, он увидел ловзар в полном разгаре. Веселящиеся люди не приметили старика в старой одежде. Это был день свадьбы сына черкесского друга. Сам же он скончался три-четыре года назад.

Когда гости хорошенько повеселились, из дома вынесли лук. Ни одного гостя не осталось, кто бы не пытался натянуть этот лук. Но никто не смог этого сделать. Подойдя к этим людям, Мехка Астби сказал:

— Дайте и мне натянуть лук.

— Уходи, старик. Ты хочешь сделать то, чего не смогли сделать сильные люди?

Но Мехка Астби был настойчив, и ему, наконец, дали лук. Натянув его, он выпустил стрелу и разнес в труху чинару, росшую на краю двора. Люди удивились.

— Это мой лук, — сказал Мехка Астби, — я его когда-то дал в подарок своему черкесскому другу. Только я и он могли его натягивать.

Сын черкесского друга узнал Мехка Астби. Обрадовавшись, он обнял его, поднял, занес в дом и одел в одежду своего отца. Мехка Астби стал выглядеть, как достойный мужчина. В его честь пир был продолжен еще на три дня. Сын черкесского друга не отпускал Мехка Астби, и тот пробыл у него три года. А когда вернулся, вскоре умер.

93. ТУРПАЛ ЕГ

Река Асса течет по Ассинскому ущелью. Маленькие речки ущелья постепенно сходятся в один поток, и дальше течет уже большая река. По пути ее следования есть одно очень узкое место. Тому, кто едет в ущелье или из него, невозможно проехать мимо этого места; это место как бы на замок закрывает вход и выход из ущелья. Тот, кто обладал бы ключом от этого «замка», мог бы стать сильным и могущественным. Это понял некий храбрый человек по имени Турпал Ег.

Турпал Ег взял и поселился на том месте, построил высокую башню из камней одинаковой величины, как в ширину, так и в длину.

После этого Ег стал взимать подать с проезжающих по дороге людей. Он запрашивал столько, сколько он хотел. Люди платили Егу большую подать, хотя она и была тяжелой.

Турпал Ег держал двух волкодавов; они никого близко не подпускали к нему и моментально раздирали на куски того, на кого натравливал их Ег.

Так прожил Ег, обирая народ в течение многих лет.

Однажды трое братьев отказались заплатить Егу подати более, чем положено. Они сочли требование его унизительным и вступили с ним в бой. И вот они сошлись: трое братьев с одной стороны, а с другой — Турпал Ег с двумя своими собаками.

Очень долго они сражались. Турпал Ег и две его собаки были убиты, а из трех братьев в живых остался один.

Так погиб Турпал Ег, а башня его и до сих пор стоит в Ассинском ущелье, там, где многие реки сходятся в одну.

94. МАГОМАТ МЕСКЕТИНСКИЙ

Магомат Мескетинский и с ним двое чеченцев поехали в Грузию за добычей. Оттуда они привезли в виде заложника знатного грузинского князя. Этого князя они должны были кормить по очереди до тех пор, пока не объявится желающий взять его за большой выкуп. Как-то этот князь ночевал у Магомата. В эту ночь, оставив дома князя, Магомат уехал далеко в набег. Оставшемуся князю ночью показалось, что жена Магомата изменяет мужу с пастухом и что она любит этого пастуха. Князь сказал сам себе: «Хотя у Магомата хватило мужества взять меня в плен в Грузии, однако у него не хватает мужской смекалки проверить поведение своей жены».

Проходили дни за днями, недели за неделями и, наконец, Магомат приехал домой с большой добычей.

Дав возможность Магомату несколько отдохнуть с дороги, князь сказал ему:

— Магомат, как тебе известно, прошло уже много времени с тех пор, как вы меня привели сюда. Пока нет никого, кто хлопотал бы за меня (да и вы не имеете от меня никакой пользы), отпустили бы вы меня домой; я вернулся бы с выкупом, назначенным тобой, и порукою тому, что я вернусь, — мое мужское слово, кроме того, если я не вернусь, у тебя я знаю, хватит мужества снова пленить меня.

Магомат, не желая отпустить его в присутствии жены, а с другой стороны, не считая нужным согласовывать дело со своими то-

варищами (да и сам он не против предложения князя), ответил ему:

— Если ты оправдаешь свое обещание и вернешься в назначенный срок с назначенным выкупом, тогда мы будем кунаками и я отпущу тебя домой. В случае, если ты не сдержишь своего слова и будешь там спокойно жить, то имей в виду, что у меня хватит мужества снова тебя взять в плен.

С особым усердием убрав своего коня, Магомат посадил на него князя и проводил в дорогу.

Два-три дня спустя после этого друзья Магомата узнали, что князь отпущен домой, и спросили Магомата:

— Почему ты отпустил князя домой?

Магомат ответил:

— Князь просил меня отпустить его домой; я разрешил ему поехать на родину, думая, что вы не будете возражать против этого; в назначенный срок он, несомненно, вернется к нам.

Друзья сказали:

— Наверное, ты получил от него деньги и поэтому отпустил его домой.

Магомат страшно рассердился и сказал своим товарищам.

— В таком случае мы поедем в Грузию, чтобы забрать снова князя.

Магомат и с ним два товарища собрались ехать в Грузию. Когда прошла часть ночи, они доехали к месту назначения.

Оставив своих двух товарищей неподалеку от того места, где жил князь, Магомат обещал вернуться вместе с пленником и отправился к князю один.

Весьма осторожно, незамеченным вошел он во двор князя и, осторожно подойдя к окну, начал подслушивать.

В эту ночь в княжеском доме по поводу его приезда было большое пиршество, на котором было много приглашенных князей. Магомат подслушивал у окна. Собравшиеся князья расспрашивали у вернувшегося:

— Что из себя представляет взявший тебя в плен Магомат и какой он человек?

На это князь ответил:

— У себя на родине он известен как доблестный мужчина, однако он не может разоблачить тайную связь своей жены с его пастухом и сделать так, как я поступил. Как вам всем известно, мою жену, которая вела развратную жизнь, я приковал к стене, заколотил ее руки гвоздями, повесил ей на шею любовника и отрубил ему голову. Жива она или нет, мне неизвестно.

Притаившийся у окна Магомат, услышав такой разговор, тихонько отошел от окна и, вернувшись к своим друзьям, сказал им:

— Я был во дворе у князя и, когда стал подслушивать у окна, то услышал в комнате плач и слезы; я счел неудобным в такую

минуту забирать князя и вернулся один. Отправимся теперь домой, а в следующий раз вернемся и заберем князя.

Они направились домой.

Поздно ночью прибыли они в свой аул. Товарищи Магомата отправились восвояси, а Магомат все время думал о том, что его жена, по словам князя, находится в тесной связи с пастухом.

Он потихоньку слез с коня и привязал его за воротами, а сам, крадучись, подошел к окну и стал подслушивать. Через окно он увидел свою жену и пастуха, которые обнимались и целовались, и тут же было большое количество чапильгаш.

Увидев такую картину, он тихо вернулся к лошади и задумался.

«Что бы мне предпринять? — подумал он. — Если я их обоих убью, то люди будут упрекать меня, говоря: «Магомат убил своего пастуха и жену». «Нет, я этого не сделаю», — проговорил он, отвязал свою лошадь, сел на нее и умышленно проехал мимо двора, чтобы жена и пастух услышали топот лошади, и, подъехав к воротам, постучался.

Догадавшись о приезде мужа, жена привела комнату в надлежащий вид и, после того, как пастух пошел к себе и лег спать, она вышла к воротам и отворила их. Магомат въехал во двор; жена помогла ему сойти с лошади и, привязав ее к коновязи, вместе с мужем вошла в комнату.

Магомат сказал жене:

— Разбуди пастуха и скажи ему, чтобы он убрал лошадь.

Жена ответила:

— Смогу ли я его разбудить? Он жаловался, что сегодня много работал, и поэтому рано лег спать.

Магомат сказал:

— Все равно надо разбудить.

Жена пошла и разбудила пастуха; заставив его убирать лошадь, сама вошла в комнату и спросила мужа:

— Почему ты так скоро вернулся домой? Привез ли ты какую-нибудь добычу?

Магомат ответил:

— В дороге мне досталась большая добыча и удалось скоро вернуться. Из золота и серебра, которые я привез, хочу часть уделить твоему брату; иди скорее к нему и приведи его сюда.

Отослав свою жену, Магомат вызвал пастуха и послал его за муллой.

Прошло немного времени, и жена его явилась со своим братом, за ними явились и пастух с муллой. Тогда Магомат сказал, обратившись к жене:

— Скорее приготовь им кушать!

Жена, сделав вид, что она только что приготовила, подала то, что было уже приготовлено для пастуха и для себя. Мулла и брат

жены принялись кушать и, по их настоянию, за трапезу сел и Магомат.

Когда кончили кушать, Магомат вызвал пастуха и жену и в присутствии муллы и брата жены сказал:

— Так вот, мулла, если ты или все вы сейчас при мне ночью не будете делать то, что я прикажу, или будете порицать то, что будет сделано по моему желанию, будете убиты, и в этом мое слово будет крепко.

После этого, встав перед ними, он заявил:

— В присутствии вас и бога я даю развод моей жене.

После такого обращения ко всем он повернулся к брату жены и сказал:

— Ты должен выдать замуж за этого пастуха свою сестру, а обряд венчания совершит мулла [1].

Брат тут же уполномочил муллу выдать его сестру замуж за пастуха.

— Обвенчай их, — обратился к мулле Магомат.

Мулла совершил обряд венчания, и женщина эта стала женою пастуха. После этого Магомат сказал пастуху и бывшей своей жене:

— Не выезжайте с моего двора, поселитесь в соседнем помещении и живите за мой счет.

Пастух с женой так и сделали: они поселились у Магомата.

Мулла не выдержал и как-то спросил Магомата:

— Скажи, чем вызвано то, что ты сделал?

Магомат ответил:

— Больше об этом не может быть и речи; если я сделал это, то надо полагать, что вынужден был так поступить.

Не затевая больше никаких разговоров, мулла и брат жены ушли домой.

Сильно расстроенный, Магомат лег спать. Через короткое время Магомат услышал стук.

— Кто стучит? — спросил Магомат.

— Это я, — раздался женский голос. — Если откроешь, я бы вошла.

Когда Магомат встал и открыл дверь, перед его глазами предстала красавица, подобная солнцу.

— Доброй ночи, Магомат, — сказала она, держа в руках узелок.

— Добро пожаловать! Приветствую тебя, — ответил Магомат и, пригласив гостью в комнату, спросил ее: — Что тебя привело? Зачем пришла?

Девица ответила:

— Я и сама не знаю, зачем пришла. Сегодня ночью, придя откуда-то домой, мой отец-мулла разбудил нас, трех дочерей, нашу мать и сказал нам, трем сестрам:

— Слушайте, есть ли среди вас, трех моих дочерей, хоть одна, которая была бы готова умереть по первому моему желанию?

Мои две сестры — старшая и средняя — не дали никакого ответа. Я же, учтя то, что отец вырастил нас, и, думая, что наше молчание может обидеть отца, ответила:

— Я готова и умереть, и броситься с кручи, если это тебе нужно.

Тогда отец сказал:

— В таком случае, собери свои вещи и отправляйся к Магомату, чтобы стать его женой. Вот таким образом я и пришла к тебе, и больше мне ничего неизвестно.

Лицо Магомата просияло. Быстро собрав почетных стариков, он послал их к отцу своей новой невесты, чтобы оформить этот брак. После этого он провел с молодою женою часть брачной ночи и в ту же ночь ушел к своим товарищам, с которыми отправился в Грузию, чтобы вторично пленить князя.

Поздно ночью они приехали в Грузию. Оставив своих друзей неподалеку от того места, где жил князь, Магомат пошел во двор князя. Крадучись, он приблизился к окну и стал подслушивать. Убедившись, что князь дома, Магомат стукнул в окно и крикнул:

— Приветствую! Выйди ко мне!

— Приветствую и тебя! — сказал князь, увидев Магомата. — Почему ваши чеченцы так нетерпеливы, Магомат? Почему ты так рано приехал за мной? Ведь я и так бы приехал в срок с выкупом, который ты назначил.

На это Магомат сказал:

— Я не заслуживаю такого упрека: мои товарищи заподозрили меня в том, что я получил от тебя выкуп и потому отпустил тебя домой; из-за этого мне пришлось явиться сюда, оставив товарищей недалеко отсюда.

— Ну что же, пусть будет так, — ответил князь. — Ты войди в жилище, здесь для тебя безопасно, а я пойду и приведу твоих друзей. Раз уж вы приехали, я дам вам обещанное имущество и потом отправлю домой.

Усадив Магомата, князь отправился за его двумя товарищами.

Устроив им ночью обильное угощение, а утром передав им условленный выкуп, князь сказал Магомату:

— Ты оставайся дома, а я с твоими двумя товарищами поеду на добычу, чтобы вы не вернулись домой без наживы.

Выезжая из дома, князь передал Магомату ключи от комнат.

— Во всем этом доме ты волен распоряжаться по своему усмотрению, — сказал князь, — однако, я не передаю тебе ключа от одной комнаты, так как у тебя не будет надобности входить туда. — Сказав так, князь передал ему, кроме одного — все ключи и собрался в путь.

Здесь, в доме князя, донесся до Магомата человеческий стон

из той комнаты, ключ от которой забрал с собой князь. Услышав этот стон, Магомат подошел к той комнате и спросил через дверь:

— Кто здесь находится?

Послышался ответ:

— Если бы ты вошел сюда и посмотрел на меня, то ты бы узнал, кто здесь находится.

Когда Магомат сломал замок комнаты и вошел, то он увидел у стены женщину, руки которой были прибиты к стене гвоздями и на шее которой висело туловище с отрубленной человеческой головой.

— Что ты за существо? — спросил Магомат.

Женщина ответила:

— Я была женой князя, хозяина этого дома. Узнав, что я нахожусь в любовной связи с одним человеком, туловище которого висит на моей шее, он подверг меня таким ужасным пыткам, отчего я — ни жива ни мертва.

Магомат немедленно снял женщину со стены, повел ее в комнату и уложил в кровать.

В тот момент, когда Магомат пригласил лекаря, приехал князь и с ним два товарища Магомата с большой добычей.

Узнав, что Магомат освободил его жену, пригвожденную к стене, князь сильно разгневался и сказал Магомату:

— Вы не можете не злоупотреблять доверием; несмотря на то, что я просил тебя не входить в одну из моих комнат, ты все-таки вошел туда, освободил женщину и сидишь, как будто бы ничего не случилось. Ты бы лучше распорядился у себя дома: возможно, что и у тебя дома так же не все благополучно.

Магомат ответил князю:

— Ты не особенно расходись и не злись, так как ты оказался не мужчиной и не князем; если бы ты был мужчиной, ты бы не подверг свою жену таким пыткам за то, что она изменила тебе, и не повесил бы ей на шею туловище человека, с которым она изменила тебе. Ты и мне бросил вызов, сказав, что и в моем доме, возможно есть измена. Теперь я тебе расскажу, как я поступил по такому же делу. Откровенно говоря, я и не подозревал, что жена мне изменяет с моим пастухом, но впоследствии мне все стало ясно. На второй день после того, как я тебя отпустил домой, мы поехали за тобой. Оставив товарищей в стороне, я пробрался к окну твоей комнаты. Здесь я стал прислушиваться, чтобы выяснить, дома ли ты или нет. У тебя в гостях были князья, которые тебя спрашивали кое о чем. Между прочим они тебе задали вопрос: «Что за человек Магомат?» Ты ответил, что про Магомата ничего нелестного сказать нельзя, но что он, мол, не может разоблачить тайную связь своей жены с его пастухом. Услышав это, я немедленно отошел от окна и вернулся домой, где и убедился в справедливости твоих слов.

Убедившись в том, что жена мне изменяет, я послал за сельским муллой и за братом моей жены, и в их присутствии я дал развод жене и тут же приказал мулле обвенчать пастуха с моей женой.

Выдав мою бывшую жену замуж за пастуха, я предложил им поселиться в моем дворе и затем приехал к тебе, чтобы предотвратить всякую огласку этого позорного случая. Если бы ты был мужчиной, ты бы выдал свою жену замуж за человека, с которым она тебе изменяла, и поселил бы их у себя же.

— Пусть будет так, — промолвил князь, — ты прав, Магомат. То, что было, прошло, теперь я даю тебе право распорядиться моею женою так, как ты захочешь.

Магомат продолжал приглашать лекаря, и в конце концов, когда она совсем поправилась, он собрался ехать. Князь выделил им часть добычи и поехал их провожать.

Когда они проехали границу княжеских владений, Магомат поблагодарил князя и заявил, что дальше они в нем не нуждаются, просил князя вернуться домой.

Один из двух товарищей сказал Магомату, что ему очень понравилось ружье, которое висело за плечами у князя, что он хочет нагнать князя и, с его ли согласия или без этого, забрать у него это ружье.

На это Магомат ответил:

— Он нас хорошо угостил и хорошо одарил, этого делать не надо.

Несмотря на это, его товарищ повернул коня, с целью отобрать у князя ружье.

Убедившись в том, что его товарищ так или иначе хочет осуществить свое желание, Магомат снял с плеча ружье и выстрелил в своего товарища, тот свалился. Магомат с другим товарищем слезли с лошадей и подошли к раненому. Достав из кармана трубку и закурив, Магомат сказал товарищу:

— Стоять над ним, пока раненый умрет, у нас нет времени, а для того, чтобы он скорее умер и удобнее было бы навьючить его на лошадь, ему надо сломать спинной хребет.

С этими словами он согнул его спину и сломал ему спинной хребет. Затем они привязали его к седлу его же лошади, и два товарища тронулись дальше.

Услышав выстрел, князь вернулся обратно и, нагнав двух товарищей, спросил:

— Кто убил вашего товарища? Кто на вас напал?

На это Магомат ответил:

— На нас никто не нападал, товарищ убит случайным выстрелом из своего же ружья. Ты поезжай домой, так как в твоей помощи мы не нуждаемся.

Князь снова спросил:

— Скажи мне правду, кто убил твоего товарища? Вы едете от меня, и я не имею права вернуться обратно, не узнав правды.

Убедившись в том, что князь не отстанет, пока не узнает правды, Магомат рассказал ему, как их товарищ хотел нагнать его, чтобы отобрать ружье, и о том, как он его убил. Князь сказал:

— Если он погиб из-за моего ружья, я поеду вместе с трупом и отдам себя в полное распоряжение его родственников, и пусть они убьют меня в отместку за своего человека.

Никакие уговоры не помогли; князь привязал свое ружье к седлу лошади, на которой был труп, и вместе с трупом тронулся в путь.

Они въехали во двор родителей убитого. Не было предела горю отца, матери и братьев убитого.

Открыли тязет-похороны. Затем начали задавать вопросы Магомату и его товарищу, как и кем убит их сын. Князь заявил, что их сына убил он и что приехал он для того, чтобы дать им возможность убить себя в отместку за сына. Вмешался Магомат и сказал, что заявление князя неверное и что сына их убил он, Магомат, и рассказал им, при каких обстоятельствах это случилось.

— Когда ваш сын собрался ехать за князем, чтобы отобрать у него ружье, я его просил не делать этого, так как князь оказал нам большое гостеприимство. Тем не менее, не слушая моих увещеваний, он собрался ехать за князем, и тогда выстрелом из ружья я убил его.

Узнав эти подробности убийства, родственники отменили тязет, и, поблагодарив Магомата, отец и мать убитого заявили:

— Во всем случившемся вы не виноваты. Убитого вами сына нашего мы теперь не признаем за своего сына: он должен был во всем слушаться Магомата, как старшего руководителя.

Товарищи приняли меры к погребению убитого, разделили его именем милостыню, а князь повесил свое ружье на памятнике погребенного.

Магомат вернулся к своей красавице-жене и счастливо стал с нею жить.

Мужество заключается в том, чтобы в своих действиях не горячиться, а подумать раньше о последствиях поступка.

95. МУЖЕСТВО ХАДАЖКИ

Хадажка и некий чужеземный князь были клятвенными друзьями. Хадажка высоко чтил эту дружбу. Однажды чужеземный князь из-за какого-то пустяка проявил спесь. Хадажка попросил его не вести себя столь спесиво, на что князь сказал ему:

— Хадажка, я уведу коня прямо из-под твоего седла.

— Этого я не знаю, но из-под твоих подмышек я уведу твоего сына, — сказал Хадажка и увел с собой князя и его сына.

Дойдя до границ Ингушетии, Хадажка отпустил князя, а сына его оставил с собой. Раскаялся князь в своем поступке и послал людей к ингушам с обещанием дать Хадажке за своего сына пятьсот коней. Люди сказали:

— Хадажка, уважение и почет к тебе возросли, верни князю сына и возьми у него табун коней.

— Если бы мне ранее князь сказал: убей своего сына, я готов был это сделать ради нашей дружбы; сердце же князя, к сожалению, не было столь открытым ко мне. Я за плату не продам своей чести, — ответил Хадажка.

И все же старики забрали коней. «Теперь верните сына», — потребовал князь. Люди для закрепления перемирия попросили у него еще пятьдесят коней. И их дал князь. И на этот раз не получив сына, князь сам пришел к границе Ингушетии. С собою он привел сто воинов. К ним подъехал Хадажка, имея за собою двенадцать всадников. Князь приветствовал его, Хадажка в ответ сказал:

— Если бы даже ты наполнил золотом каракулевую папаху, и то бы я не стал отвечать на твое приветствие. Каким я был открытым с тобою, и каким оказался ты. Твой сын и кони, а теперь и вы все в моей власти. Погибну ли я, но вас не отпущу.

Князь вздрогнул. Он хорошо знал Хадажку.

— Я не видел, чтобы ты не исполнял то, что задумал. Но если сейчас ты сделаешь то, что сказал, ты совершишь коварство и осиротишь сто семей, — сказал князь.

Хадажка настолько поник после этих слов, что у его коня прогнулась спина. Он понял, что чуть было не совершил злое дело. Хадажка отпустил князя и его войско, но сына князя, все же оставил у себя.

96. ГАЙТЕ ШУТАР

Гайте Шутар славился своей силой, к тому же он был столь ловким, что мог обогнать коня, скачущего во весь опор. Люди рассказывают о многих его подвигах.

В селении Эги-Кал была свадьба. Со многих мест и из близлежащего аула Хамхи пришли туда люди. Шайка разбойников задумала воспользоваться свадебной суматохой и ограбить аул Хамхи. Разбойники решили: «Многие ушли из Хамхов на свадьбу, и мы можем взять легкую добычу». Напали они на Хамхи, убили некоего Дурса, взяли с собою все, что могли, и скорым ходом побежали в горы. Тревожный клич пришел в Эги-Кал. Поднялся шум. Одни говорили: надо послать погоню и уничтожить разбойников, другие утверждали, что они уже ушли далеко и поэтому нет надобности спешить, лучше хорошо приготовиться и назавтра нанести шайке ответный удар.

Гайте Шутар не стал долго слушать эти споры. Он подошел к «шуна да» — хозяину столов — и сказал: «Дай мне хлебцев столько, чтобы я мог наполнить ими свои карманы». Дали ему хлебцев, положил он их в карманы и побежал. На бегу он ел хлеб и набирался сил. Не успели люди собраться в Хамхах и начать похороны, как уже вернулся Гайте Шутар и сказал: «Двух псов я уничтожил, а все награбленное ими вернул».

97. ГАЙТЕ ШУТАР И БАРС

Про Гайте Шутара рассказывают, что он был удачливый охотник. Ходил он раз по лесу, и навстречу ему выпрыгнул барс. Шутар, было, изготовился его убить, но барс вдруг стал жалобно скулить, ластиться, как котенок, и ползком приближаться к нему. Шутар понял, что зверь ищет у него помощи. Барс протянул к нему лапу. Она была ранена; в ране были грязь, песок и гной. Понял Шутар, чего у него просят. Отложил он оружие и начал лечить лапу барса. Чистой водой очистил он рану от гноя и грязи, наложил подорожники и перевязал. Барс лизнул его руку и ушел.

Вновь пошел Шутар на охоту и снова он увидел барса. Лапа его зажила; барс обошел вокруг Шутара, проревел и ринулся вперед. Шутар подумал, что зверь зовет его за собой и побежал следом. Барс стал пригонять зверей, а Шутар только и успевал убивать их. С тех пор и пошло у них: барс пригонял добычу, Шутар бил ее, оставлял ему долю и возвращался домой.

Сельчане стали удивляться тому, что он всегда приходит домой с большой добычей. Поведал им Шутар, что ему помогает барс. Но люди не поверили ему. «Но это правда, — утверждал Шутар. — Верьте мне и не дайте мне убить этого барса!» Но люди смеялись над ним.

Пришлось Шутару идти в лес и смертельно ранить барса, чтобы доказать людям, что он не врет. Барс бросился на Шутара, успел пастью схватить его за бедро, но, обессилев, свалился и сдох.

Только тогда люди поверили, что Шутар говорил правду. А сам Шутар мучился от раны в бедре и, наконец, умер, не выздоровев.

98. ХРАБРЫЙ ИДИГ

Чеченцы, узнав о нашествии «несметных полчищ врагов на лошадях, которые закрыли их землю, как черные тучи в ненастье закрывают солнце», решили уйти в недоступные для врага места. Все ущелья и горы, окружающие эти племена, были осмотрены, но нигде не нашлось надежного места, где бы можно было встретить

и разбить врага. Старики пришли к единодушному мнению: лучшим местом для укрытия от врагов является гора Тебулос-Мта. С этой горы чеченцы будут внезапно спускаться и уничтожать врагов. Были выделены наиболее опытные и отважные охотники-горовосходители, которые знали подходы к этой вершине. Приготовив длинные веревки, сделанные из конского волоса, двенадцать молодых чеченцев во главе с пятидесятилетним охотником Идигом пошли отыскивать наиболее легкий путь восхождения. Первоначально они осмотрели Тебулос-Мта с той стороны, «откуда появляется солнце», то есть с востока. Но там они увидели отвесные скалы и ледники. Несмотря на это, Идиг предложил попытаться подняться именно по этому, кажущемуся невозможным, пути. После многих дождливых дней, наконец, они увидели синее небо, все залитое солнцем... А когда чеченцы начали преодолевать крутые стены скал, мгла окутала их. Задул сильный ветер, пошел снег. Найдя небольшей выступ скалы, группа укрылась под бурками от непогоды. Три дня и три ночи свирепствовал буран. Снег покрыл толстой пеленой склоны и вершину Тебулос-Мта. Путь чеченцев лежал к черному скалистому массиву, покрытому снегом, с серебряными извилинами замерзших ручьев... Сначала карабкались по сильно разрушенным мягким скалам. По ним было идти легко. Чеченцы перешли на скалолазание. До вершины оставалось двести-триста шагов, но в это время налетевшая снежная лавина смела их со скал. Из тринадцати человек только трое остались в живых, но и те были покалечены. Через несколько дней пришедшие их искать люди, нашли смельчаков в жалком состоянии. Так трагически закончилась первая попытка покорить Тебулос-Мта. Однако, несмотря на неудачу, старики сразу же послали другие группы на восхождение, так как в в это время золотоордынские отряды Субеда, а затем Сарта вторглись в страну асов (осетин), а войска Менга и другого начальника золотоордынцев завоевали землю черкизов. Перед отправлением группы на восхождение израненный во время падения со скал Тебулос-Мта Идиг рассказал собравшимся идти в поход чеченцам, почему не сумел подняться на вершину его отряд. Он посоветовал начать восхождение с того места, откуда дует горячий ветер, то есть с юга, ибо на этих склонах меньше бывает снега. Послушавшись совета Идига, чеченцы начали подниматься на Тебулос-Мта с юга. Путь оказался не трудным...

В первый день чеченские воины дошли до предвершинного гребня. Здесь они нашли удобные площадки для размещения войск. Укрывшись бурками, воины всю ночь проспали крепким богатырским сном. С восходом солнца чеченцы вновь пошли на вершину. Крутые скалы-стены сменились вершинным гребнем... Всю местность окутал нахлынувший с запада туман. Почти наощупь в густеющем тумане вышли они по гребню прямо к верши-

не. Чтобы не сорваться, воины остановились, связались веревками и укрепились ими за камни. Почти целый день вынуждены были просидеть восходители в ожидании улучшения погоды. Во второй половине дня вершина очистилась от тумана, и они бодро начали продвигаться вверх. Вершина оказалась совсем близко. Собравшиеся на самой высшей точке воины громко прокричали боевой клич. Попробовали пустить вниз стрелу из лука, а затем копье, которые были видны почти до самого места их падения. Дорога, откуда ждали врагов, была видна на десятки агачей[1].

Посоветовавшись, решили устроить на вершине горы наблюдательный пункт, откуда следить за приближающимся неприятелем и сообщать криками или другими сигналами о его появлении. К горе подошли несметные полчища врагов. Они запрудили все ущелье. Не ожидавшие нападения враги остановились на ночлег у подножия Тебулос-Мта. Ночью на них обрушилась каменная лавина, сброшенная чеченцами с высоты. Многие враги были убиты, а оставшиеся в живых, давя друг друга, начали в панике убегать из опасного места. Днем собравшиеся враги пошли в наступление на чеченцев. Но и днем, несмотря на яростные атаки, они, потеряв много убитых и раненых, вынуждены были отступить. Более месяца длилась кровавая битва чеченцев с врагами. Пришла глубокая осень. В горах выпал снег, враги вынуждены были уйти зимовать на юг, так как в покрытых снегом ущельях не было корма для лошадей. На следующий год, с наступлением лета вновь пришли вражеские полчища уничтожить горцев. Но и в этот год им не удалось захватить гору, на которой засели отважные чеченцы. Битва продолжалась двенадцать лет. Основное богатство чеченцев — скот — был угнан врагами. Людей захватчики уничтожали сотнями. Опустели ущелья и горы, только разжиревшие от людского мяса птицы летали над вершинами Кавказа... Испытывая недостаток в продовольствии и вооружении, многочисленный отряд чеченцев, засевший на Тебулос-Мта, мужественно продолжал борьбу.

Понимая, что не в состоянии одолеть чеченцев силой, враги решили взять их хитростью. Для этой цели в осажденный в горах лагерь чеченцев они послали лазутчиков, которые начали уговаривать их спуститься с крепости и сложить оружие. По уверениям лазутчиков, золотоордынцы не сделают вреда мужественным воинам, добровольно сдавшимся в плен. Горцы разгадали коварный замысел. Ночью, сделав вылазку, они перебили многих врагов и заставили их отступить. На следующий день враги подошли к чеченцам в пешем строю без оружия и предложили прекратить военные действия, пообещав отпустить взятых накануне в плен детей и женщин, находившихся в «тайном укрытии», а со спустившимися с укрепленной горы воинами всегда держать мир и дружбу. После долгих споров, положившись на обещание

врагов отпустить женщин и детей, а также не чинить расправы над воинами, чеченцы решили спуститься с гор. На горе остались Идиг да несколько наиболее верных ему сподвижников-друзей. Однако враги нарушили обещание. Когда чеченцы спустились с горы, выскочившие из засады многочисленные вооруженные отряды вражеских конников перебили в жестоком бою всех до одного чеченцев, а затем уничтожили женщин и детей. Оставшиеся в живых чеченцы были угнаны в рабство...

Не плененный врагами хромой Идиг с небольшим отрядом впоследствии рассказал о постигшей печальной участи чеченцев, о коварстве золотоордынских поработителей.

99. ПОБЕДА ХОЙЦЕВ

Но и здесь, высоко в горах, людям не давали мирно трудиться на отвоеванных у скал клочках земли. И сюда в бурное время средневековья вторгались враги. Много раз воины Хоя бились насмерть, закрывая доступ вглубь ущелья. Живет в памяти народа случай. Хойские башни были врасплох захвачены сильными врагами. Попытались хищники развить успех, но на их пути встал замок Алдам-Гези. И тогда решили пришельцы выждать время, закрепившись в Хое. Прошла неделя, другая. Несколько раз пытались горцы отбить крепость. Но только трупы собратьев приносили от могучих стен, сложенных руками дедов. Что ж! Где бессильна сила, там поможет смекалка, воинская хитрость!

Удивились враги, не видя больше попыток вступить с ними в бой. Удивлялись и тревожились. Сделали вылазку сами: их с потерями отбили. А тут еще приполз окровавленный перебежчик. Криком кричал об обиде и насилии, учиненном над ним чеченцами, говорил о желании помочь врагам, а заодно рассказал, что ликуют-де горцы, ожидая от соседей несметного полчища себе на помощь. Неспокойные ночи наступили для пришельцев. От первой до последней звезды несли они усиленные караулы. Тихо было вокруг, только в глубине ущелья раздавались какие-то стуки, вроде строили что-то. Занимался рассвет, и пустынным выглядело ущелье. Страшно жить в ожидании неведомого!

И поэтому, когда однажды ночью дозорные в ужасе завизжали на башнях, пришельцы недолго раздумывали. Увидев, как из мглы ущелья с грохотом и гиканьем наползает на них какая-то искромечущая, пышущая огнями колонна, они взлетели на неоседланных коней и бросились в смертном страхе прочь, голося от испуга.

Так победили горцы. Победили малой кровью, да большим умом: темными ночами вымостили они дорогу вдоль ущелья привезенными издалека булыжниками кремня. Заново перековали

боевых коней стальными подковами. Подослали к врагам верного человека, вроде как перебежчика: пусть встревожит их слухами о могучей помощи. И когда ринулись по дороге конники, выбивая долгие сине-красные искры из кремня и стали, а горное эхо во сто крат умножило ратный гомон, победа была завоевана: увидели горцы, как по освещенному луной гребню мчались прочь трясущиеся от страха враги.

100. ДОВТИЕВ ХУЧБАР

В давние времена в горы Ингушетии пришло известие о приближающихся врагах. Они одолели народы, которые встречались им в пути, и теперь двигались по пойме реки Сунжи в ту сторону, где ныне находится селение Сурхохи. Вражеское войско остановилось на отдых на широкой ровной поляне. Шли слухи о том, что враги безжалостны, что они до основания разрушают села, людей убивают, а оставшихся в живых угоняют в плен. Услышав это печальное известие, которое передавалось из уст в уста, тамады и старики ингушских сел собрались на совет. Они решили, что лучше не ждать, пока враги придут в горы, а надо пойти навстречу и дать им бой. В дни войны предводителем народного войска обычно становился всеми признанный Довта Евлоев. И на этот раз старики сказали ему: «Становись впереди, веди за собою людей». Довта ответил: «Оставьте меня, я уже стар. Без помощи людей я не могу ни сесть на коня, ни слезть с него. Найдите себе предводителя помоложе».

Сколько ни просили, Довта отказывался. Тогда старики решили сделать предводителем народного войска Хучбара, сына Довты. Его отцу, Довту, они сказали:

— Мы хотим, чтобы военным предводителем нашего войска стал твой сын Хучбар.

— Вы избираете его потому, что он мой сын, но он слишком молод, и я прошу вас, не делать из него предводителя, — ответил Довта.

— Нет, — сказали старики, — не потому мы делаем его своим предводителем, что он твой сын, а потому, что он, видимо, научился у тебя военному искусству.

Сына Довты Хучбара всенародно избрали предводителем народного войска. Хучбар собрал всех воинов, разослал вестников ко многим племенам. Отовсюду стали приходить воины. Собралось у Хучбара огромное воинство. Довта на виду у всех передал сыну саблю и знамя предводителя.

Войско двинулось по Ассинскому ущелью. Когда оно дошло до войска вражеского, разгорелся жестокий бой. Врагов было очень много, но воины Хучбара были храбрее. Они сражались без сна и отдыха; бой длился несколько дней. Никто не остался в живых

ни от воинов Хучбара, ни от врагов. Поднялся один Довтиев Хучбар, весь израненный и истекающий кровью.

Он крикнул:

— Есть ли кто в живых, чтобы встать рядом со мною?

Никто ему не ответил. Тогда вновь крикнул Довтиев Хучбар:

— Я жив! Жив ли кто из врагов, чтобы сразиться со мною?

Не было никого, кто мог бы ответить ему. Хучбар одною рукою оперся на меч, а другою на боевое знамя и крикнул по-волчьи. Умер Хучбар, но тело его стояло, а руки были на сабле и на знамени. Стоял он как живой, словно желая показать, что его войско победило.

Говорят, что раньше про Довту и Хучбара пели песни.

101. КУР-ГАЛА

Старики рассказывают, что повыше того места, где в Терек впадает река Арамхи, стояла сторожевая башня. В ней воины поочередно несли охрану. Как только в Дарьяльском ущелье появлялись враги, стражники зажигали на башне огонь, и поднявшийся дым давал знать людям о приближающейся опасности. Недалеко от этой сторожевой башни, там, где теперь находится Эзминское озеро, стояла сильная крепость, в которой жило много людей. В той крепости было и большое войско.

Раз в ущелье появилось турецкое войско. Со сторожевой башни дали знать о приближающейся опасности. Все окрестные жители, сбежавшись, укрылись в крепости, ибо знали, что турецкие воины могли прийти в их края только с целью войны. Авторитетные мужчины решили, что жителям крепости надо либо победить врага, либо же всем погибнуть; врагов слишком много, и против должны подняться все, кто старше пятнадцати лет, и все остальные, кто в силах держать оружие. И еще они решили: «Если случится, что погибнут все наши воины, а враги победят, то женщины должны вместе с детьми броситься в пропасть, а девушки выйти замуж «за огонь».

— А что должны делать мы, лишившиеся своих сил? — спросили дряхлые старики.

— Вы должны пустить по кругу чашу с ядом, — сказали им, — и пить его, произнося тосты.

Начался бой. Сражающиеся не различали ни дня и ни ночи. Дети по ночам жгли большие сосновые лучины, чтобы врагов было видно лучше. Бой был настолько кровопролитным, что тела врагов запрудили Терек, и он вышел из берегов. Из защитников крепости никто не остался в живых.

Все женщины с детьми бросились в пропасть и погибли на ее дне. Старики сели в круг и, произнося тосты, распили чашу с ядом и померли тоже. Девушки разожгли большой костер, выбрали Мялха Азу, выпили дурманящий напиток, и стали кидаться в огонь. Все они сгорели в нем. Прыгая в огонь, девушки говорили, что они выходят замуж за огонь.

Оставшиеся враги до основания разрушили все их башни. Из жителей никто не остался в живых.

102. КАК ИНГУШИ ОТБИЛИ КНЯЗЕЙ

В давние времена богатые князья простирали свою власть на ингушские земли. Они препятствовали ингушам селиться на равнинных землях и притесняли их.

Это было время появления огнестрельного оружия. Прослышали ингуши, что есть такое оружие «топ» — ружье, которое далеко стреляет и убивает. Пошли они за горы, и принесли оттуда три ружья, три коробки пистонов, три коробки пороха и три сумки пуль.

Князья приходили к ингушам по канаве Тимура. По обеим сторонам длинной канавы ингуши сложили камни, а сами затаились. Они договорились: при звуке ружейного выстрела с обеих сторон одновременно закидать князей камнями. Что и было сделано.

Ингуши уничтожили князей, освободились от их насилия и зажили свободно.

103. ИЗГНАНИЕ КНЯЗЕЙ ИЗ ЧЕЧНИ

В Зунги-Юрте (теперь это село Валерик) жила семья Айдамира[1]. Славилась эта семья и в селе, и во всей стране. Ее мужчины, говорят, были сильными и имели богатырское сложение. Без согласия членов этой семьи на сельском сходе не решалось ни одно дело.

Было у Айдамира два сына: Гурбани и Дурка. Известность о славе и почете этой семьи из Чечни дошли до богатого и сильного рода князей. Князья решили съездить в это село и убедиться: правда или нет все то, что рассказывают об этой семье. Заодно еще они хотели разведать и многое другое. Они также хотели прибрать Чечню к своим рукам.

Пришедших гостей хорошо встретили. Погостив в свое удовольствие, князья дали знать, что хотели бы посоревноваться в меткости стрельбы. Начали соревноваться, и князья проиграли. Они уехали домой, а через некоторое время вернулись вновь, но уже с хорошо вооруженными воинами. На этот раз князья пришли, чтобы ограбить Чечню. Они захватили село Зунги-Юрт и увели в плен всех его жителей. Дом Айдамировых стоял далеко в стороне от этого села, и они не знали ничего о том, что там произошло.

Среди уводимых людей был некий юноша; он смог скрыться

от князей, ускакал на белом коне и дал знать Айдамировым о случившемся. Не прошло и малого времени, как этот юноша, Айдамир и его сыновья Гурбани и Дурка поскакали в погоню. Нагнав князей, отец и сыновья сказали юноше, чтобы он отошел и смотрел, что они делают с похитителями. Отец и сыновья начали стрелять по рукам и ногам князей. Многие из них попадали на землю, остальные, бросив пленников и награбленное, ускакали к себе.

104. КАК АГАЧИЙ ЯРАЧ УНИЧТОЖИЛ ТРИНАДЦАТЬ РАЗБОЙНИКОВ

Некогда шайки разбойников стали часто нападать на селения Морч, Ляжг, Олгетты, Шоан и другие ингушские села. Надоели жителям этих сел постоянные набеги, и они, сговорившись, выбрали наиболее храбрых мужчин и поставили их нести дозоры на путях, по которым проходили разбойники.

Мужчины установили очередность, и жители всегда знали: кто и в какую ночь находится в дозоре. А если кто-либо из выбранных выказывал трусость, — позор падал на весь род. Поэтому каждый, кто находился в дозоре, старался не пропустить мимо себя даже зверя или птицу. Если показывались враги, дозорный обязан был кричать: «Идут!», что давало возможность быстро оповестить все селения.

После установления дозоров разбоев стало меньше. Установленная очередность никем не нарушалась. Наконец, пришла очередь и Агачий Ярача. Он был храбрый и доблестный мужчина.

Обследовав место своего дозора, глубокой ночью он пошел в Олгетты, чтобы встретиться со своею любимою. Проходя по аулу мимо одной сакли, он услышал плач ребенка и разговор его матери. «Что такое? Неужели люди еще не уснули?» — удивился Агачий Ярач и притаился у стены башни. «Ну, что ты орешь, чертенок, — ругала мать ребенка, — я надеялась, хотя бы в эту ночь, когда в дозоре стоит Агачий Ярач, выспаться».

«Оказывается, люди считают меня хорошим мужчиной», — подумал Агачий Ярач и быстро помчался на свой пост. На подходе к нему, он приметил шайку разбойников. Разбойники стояли в нерешительности: уйти им или двигаться далее. Они выделили из своей шайки двоих и послали их разведать путь. Ярач понимал их язык, и он подслушал все их разговоры. Затем он незаметно пошел за двумя разбойниками, отправленными разведать путь.

Когда разбойники удалились от своих товарищей на достаточное расстояние, Агачий Ярач натянул лук и убил их: сначала того, кто шел вторым, а затем и первого. Схватив папаху убитого разбойника и надев ее на голову, он пошел навстречу шайке.

Ярач знал из подслушанного, что разбойники не разбираются в дорогах.

«По этой тропе, — сказал он им, — можно пройти только по одному человеку. Эй, ты, — он назвал имя, услышанное им, — веди своего коня за мной». Взяв под уздцы коня разбойника, он повел его к пропасти и столкнул вниз. Затем он вернулся за следующим разбойником, затем повел третьего, четвертого, и так он уничтожил их всех. А было разбойников тринадцать человек. Их коней и цет Агачий Ярач из Морча распределил между мужчинами, стоявшими в дозоре. Полное боевое снаряжение с каждого разбойника превышало цену восемнадцати коров.

С тех пор прекратились набеги разбойников на ингушские села.

105. ИТАР

Первым в ауле Эрзи башню построил Итар. Затем он переселился в Олгетты. Там он тоже воздвиг башню и стал в ней жить. Про Итара говаривали: «Итар, попадающий в цель ранее, чем раздастся звук выстрела». Таков был Итар: и мастер, и охотник. Его разрушенный временем склеп и сейчас стоит в центре аула Олгетты. До недавнего времени, говорят старики, его высохшее тело было еще в сохранности.

Итар мог всаживать пулю в пулю так, что они сплющивались в один ком. Он мог, не моргая, смотреть на солнце, и он не имел коленных чашечек. Места его охоты находились по Олгеттинскому ущелью.

Эрзи было столь большое поселение, что в нем проживало до шестидесяти дымов (вяры). А когда надо было идти воевать, то из аула выходило шестьдесят шесть всадников с полным вооружением. Эти воины во главе с Итаром как-то поехали за добычей. Они перешли границу князя Еркала и угнали табун коней и стадо скота.

Через гору Охкаре пролегала тропа, которая называлась «Тропою смерти». По ней они отправлялись в поход и по ней же возвращались. Однажды, когда они возвращались, за ними увязалась погоня. Итар отстал от отряда, чтобы отбиться от погони. Когда Итар увидел погоню во главе с князем Еркалом, он крикнул своим уходящим дружинникам: «Как мне лучше поступить: убив князя, обезглавить погоню, или обезоружить его?» В ответ ему крикнули: «Не убивай князя и не обезглавливай погоню, ибо преследователей много, а нас мало, и нам трудно будет их одолеть. Обезоружь князя, сбив кинжал, висящий у него на боку!»

Итар прицелился из своего длинного кремневого ружья в скачущего впереди погони князя Еркала и выстрелом оборвал ремешок, которым был привязан его позолоченный и посеребренный

кинжал. Понял тогда князь Еркал, что среди угонщиков стада находится и Итар. Крикнул Еркал своим товарищам:

— Из-за табуна коней и стада скота не сделаем сиротами своих детей, не обрушим горе на наших старых родителей! Если перед нами Итар, а за ним воины, то в наши дома может прийти большое горе.

Погоня князя Еркала повернула обратно. Добычу же Итар и его воины поделили между сиротами и вдовами.

105. АКМЕРОВ МЕД

Акмер и его сын Мед, жившие на плоскости, там, где жил и Шовхал Тарковский, ушли в горы и обосновались в местечке, где теперь находится село Акка. Акмер имел товарищей, с которыми он ходил в набеги за княжескими табунами. Однажды, когда они собрались в очередной набег, тринадцатилетний Мед попросил отца взять его с собою. Отец ответил, что Мед еще мал и ему рано ходить в походы.

Акмер и его товарищи тронулись в путь, следом за ними пошел и Мед. Таясь и прячась, он шел за ними. Когда они стали приближаться к месту, где находится село Гозан, отец, оглянувшись, случайно увидел сына. За ослушание и неисполнение его воли, Акмер направил на сына ружье, с намерением убить его. Но товарищи остановили Акмера и сказали ему, что его сын уже далеко отошел от дома, и пусть он идет вместе с ними, пусть догоняет их. Отец разрешил.

Доехали они до места, где находится аул Дот-бух, недалеко от аула Цеча-Ахка. Там из леса выбежал олень, за ним бежал волк. Пока ехавшие сообразили, в чем дело, Мед быстро снял с плеча рядом ехавшего всадника винтовку, приложил ее к плечу и выстрелил: олень упал; вторым выстрелом Мед уложил волка. С тех пор про Меда начали говорить: «Акмеров Мед, за раз убивающий оленя и волка».

Мед вырос. Сначала он жил в Акках. Как-то его корова в период течки ушла со двора. Он нашел ее в местечке Зингал. Опустилась ночь, и Мед устроился там на ночлег. Воткнув в землю свой посох, он лег. Утром Мед увидел, что на его посохе голубь свил гнездо. Понял Мед, что это место очень благодатное, построил там башню и стал в ней жить.

В Акках жил некий муж по имени Воккал. Жители аула Шедал угнали весь его скот вместе с пастухами. В то же время друзья Меда, не давая Меду знать об этом, сватали за него дочь Воккала. Но отец отказал им. Он сказал: «Они люди без доли и без пашен, живут там, куда приткнутся. Не выдам я свою дочь за Меда». О проводимом друзьями сватовстве и о словах Воккала Мед ничего не знал, но ему было известно, что у него угнана

скотина. Мед начал скликать людей и вместе с ними пошел по следу шедалойцев.

Между местечками Гулоевское Омче и Мелхинское Омче имеется большой холм. На нем шедалойцы остановились на ночлег. Недалеко от них с людьми остановился и Мед. Он послал к шедалойцам посыльного сказать: «К вам явилась волчица с двенадцатью волчатами, она просит у вас ужина». Один из шедалойцев был более понятливым, чем другие, и поэтому он предложил своим товарищам: «Пошлите ужин и верните скот хозяевам, иначе нам не сдобровать». Но товарищи ответили, что они никого не боятся и ничего не вернут. Тогда этот шедалоец сказал им: «Если вы поступаете так, то я не участвую в доле этой добычи. Я и мой сын уходим». Они ушли.

Лишь начал брезжить рассвет, Мед со своими людьми словно туча налетел на шедалойцев. Разгорелся бой, и все шедалойцы были перебиты. Весь отбитый скот и бывших при нем пастухов Мед отвел в Акку и пустил во двор Воккала. Воккал узнал, что это дело рук Меда. Он позвал сватов, ходивших к нему ранее. Воккал сказал им, чтобы они забрали невесту. Так женился Мед.

Шедалойцы очень переживали, что их постигли такая беда и такой позор. Один из них выделялся своей силой и храбростью. Он сказал: «Надо пленить Меда. Позор нам. Я сам схвачу его. Расскажите, какой он из себя». Один из шедалойцев рассказал все, что ему было известно о Меде: «Конь у него серый с черными коленами. Сам он роста большого, любит напевать песни. За добычею он ездит мимо аула Гозан, а далее — по земле галгайцев. Возвращаясь с добычей, едет мимо Гозан вверх, затем въезжает на местечко Муйт-кера, едет по средней горе и спускается в аул Зингал. По этой дороге ты и сможешь найти Меда».

Шедалоец сел в засаду у местечка Муйт-кера. Он увидел Меда, который ехал и напевал песенку. Мед должен был проехать между двумя огромными камнями. Как только он оказался между ними, шедалоец выскочил из-за камня, вскочил на коня Меда и уселся сзади него. Затем он из-за спины Меда потянул повод уздечки в ту сторону, где жили мелхинцы; шедалоец считал, что Мед его пленник, и он позволит отвезти себя в Шедал. Но Мед не обратил на него никакого внимания, словно это села муха, и потянул повод в сторону Зингал. Шедалоец во второй раз потянул повод в свою сторону. Мед потянул в Зингал. Когда шедалоец в третий раз потянул повод, Меду надоела эта игра. Он правой рукою схватил за шею шедалойца, сидевшего сзади, притянул книзу и зажал его голову под свое правое колено. Говорят, что позже шедалоец сам рассказывал: когда Мед нажимал колено, он не мог вздохнуть, если Мед отпускал колено, то кое-как еще мог дышать.

Мед привез шедалойца в Зингал и посадил его на верхний

этаж своей башни. Оттуда пленник не мог спуститься. Мать шедалойца узнала, что ее сын пленен. Она прибыла в Зингал с подарками для Меда и его матери. Для матери она привезла шелковое платье, а для Меда шелковый бешмет. Плечи матери не пролезли через подаренное платье, в рукав бешмета не вместилась даже кисть руки Меда. Мать Меда попросила сесть гостью на свой стул; когда гостья села, ее ноги и на половину не доставали до пола. Такие были рослые люди в семье Меда. Мать пленника приняли как почетную гостью; в ее честь Мед зарезал барана, спустил вниз пленника. С тех пор Мед и шедалоец стали побратимами, и это родство соблюдалось их потомками вплоть до недавнего времени.

Шедалоец и его мать собрались ехать домой. Расставаясь, шедалоец сказал: «В память о себе хочу вашим людям оставить одну примету. Сидя наверху башни, я приметил за эти семнадцать дней: когда ляжет туман на вершину Кайба-Корта — быть непогоде, когда же туман ляжет на вершину, где убит Алда — установится хорошая погода».

В ущелье Акка справа стоит белый солнечный могильник. Он имеет два этажа. Пришло время, Мед умер и его положили в этот могильник. Люди и сейчас называют этот могильник «Медкаша».

107. ГАЙДАКОВ ДЗЕЙТ

В давние времена жил в наших горах один очень благородный, храбрый и умный человек. Звали его Гайдаков Дзейт. Однажды князья угнали его баранту. Самого Гайдакова Дзейта в это время не было дома. Вернувшись домой, он, не мешкая, поскакал в погоню. Когда князья гнали баранту, их тамада остановился и прислушался: нет ли погони. Издали заметил он скачущего Гайдакова Дзейта. Тамада быстро нагнал своих товарищей и подбросил камушек. Когда он упал, тамада спросил:

— На кого упал камушек?

— На меня, — сказал один из его товарищей.

Тамада двумя горстями набрал камушки, подбросил их и вновь спросил:

— На кого упали камушки?

— На меня, на меня, — раздались голоса с разных сторон.

— Если мы будем в таком же согласии, то мы уничтожим Гайдакова Дзейта, — сказал тамада шедалойцев.

Подскакав к ним, Гайдаков Дзейт сказал:

— Я не позволю угнать баранту. Начинайте сражение.

Князья ответили:

— Мы нанесли тебе урон, угнав твою баранту, поэтому бой первым должен начать ты.

— Нет, — ответил Гайдаков Дзейт, — вы еще находитесь на нашей стороне, за вами право начинать бой.

Князья начали сражение. Каждый удар Гайдакова Дзейта был неотразим. Многих он уложил в этом бою. Тогда один из воинов крикнул тамаде:

— Эй, ты, подбрасывать камушки ты был смел, а сейчас-то нас одолевают!

— Он не из тех, кого можно одолеть в открытом бою, — ответил тамада.

После этого князь, подкравшись сзади, убил Гайдакова Дзейта. Его тело родственники отнесли в солнечный могильник.

108. ИСТРЕБЛЕНИЕ КОВАРНЫХ ВРАГОВ

Если подняться по Арамхинскому ущелью, то там на горе Богка-Корт стоит святилище Амага-ерда. К нему на поклонение ходили люди. Они останавливались на ночь внизу, в ущелье, а непорочных и нравом чистых юношу и девушку отправляли на ночь в святилище. Люди считали, что в святилище встречаются тарамы[1], и они наводят на юношу и девушку вещие сны; эти сны считались правдивыми и толковались жрецами.

Однажды люди, расположившись у подножья горы, на которой стояло святилище, послали к нему юношу и девушку. Промышлявшие в те времена разбойники знали, когда люди молятся и где при этом они ночуют. Решили разбойники пховцы, подкравшись, напасть на них. Ночью поднялись они на гору и стали окружать спящих. У одного из разбойников случайно из рук выпал щит, и тот со звоном покатился вниз. Он упал прямо посреди спящих людей. Видимо, все это подстроил, чтобы дать весть людям, Амага-ерды. Люди разгадали коварный замысел. Тогда мужчины без всякого шума обошли врагов и засели повыше их. Лишь только посветлело, как они ударили сверху и побили всех разбойников, а тела их захоронили в расщелинах горы Бийсархлам.

109. КАК В ИНГУШЕТИИ ВПЕРВЫЕ БЫЛА ПРОЩЕНА КРОВЬ

Впервые в Ингушетии кровь была прощена Элмарзе, сыну Овша. Он убил из своего тайпа человека, доводившегося братом Бики, сына Газда. После убийства этого человека, не имея возможности жить в родном Эгикале, он ушел далеко в горы, построил там башню и стал жить.

Так прожил он некоторое время, преследуемый Биком, сыном Газда.

Однажды зимой у Элмарзы во дворе по случаю смерти одного человека был тязет (траур, поминки). Желая убить Элмарзу, Би-

ка оделся в женское платье и отправился на эти поминки. Элмарза со своего двора приметил среди женщин сошедшего с саней и отправляющегося в его сторону переодетого Бику. По широким плечам и по походке он узнал его. Тогда Элмарза крикнул со двора:

— Вон ту высокую женщину с надвинутым на глаза платком, остановите.

Опознанный Бика остановился.

После этого еще раз крикнул Элмарза:

— Ты надел женское платье и прибыл на траур лишь ради моего убийства, поэтому тебе я отдам себя, Бика. Не в эту, а в следующую пятницу я приду к тебе сам, — и указал Бике место встречи.

«Элмарза хороший мужчина, данное слово не нарушит», — подумал Бика и отправился домой.

В условленную пятницу Элмарза пришел на место встречи, повесил свое оружие на дерево и, одевшись в саван, улегся.

Вскоре пришел Бика и увидел спящего в саване Элмарзу. Бика ткнул его кнутовищем и разбудил.

Элмарза проснулся, увидел Бику и сказал:

— Не к лицу тебе было, Бика, так поступать: я же отдал тебе себя, почему ты не убил меня сонного?

Бика ответил:

— Ты честно в саване! отдал себя в мое распоряжение и поэтому я прощаю тебе кровь. По возвращении домой собери весь народ и пришли ко мне с просьбой о прощении крови. На санях привезите медные и другие вещи, а сам спрячься под перевернутым медным котлом в санях. Пришедших ко мне просителей я буду оскорблять, когда они будут выходить со двора, ты выскочи из-под котла, вбеги в мой дом и прижмись к груди моей матери.

Элмарза так и сделал. Возвратившись домой, он собрал народ, погрузил на сани много медной и другой покупы, а сам спрятался под медным котлом, и вот они отправились просить прощения крови у Бики.

— Как могут просить у меня о прощении крови брата! — вскипел Бика перед людьми и, выбранив, выгнал их.

Когда испуганные люди стали выбегать со двора, Элмарза выскочил из-под котла, вбежал в комнату и прижик к груди матери Бики. Тогда мать Бики взяла и сказала своему сыну:

— Элмарза прижик к моей груди. Ты не можешь не простить ему кровь?

Тогда Бики, сын Газда, позвал людей, удовлетворил их просьбу и простил Элмарзе кровь.

«Впервые так была прощена кровь», — говорят люди.

110. НЕПОКОРНЫЙ ЦОГОЛ

По Шаро-Аргунскому ущелью, неподалеку от селения Шарой, есть гора Сырчи-Хи, а на горе и поныне сохранились развалины древней башни, известной под названием Цогола-хе-хе. Предание говорит, что когда один князь стал требовать дани, то все шароевские фамилии, не чувствуя себя в данный момент достаточно сильными, чтобы вступить с князем в борьбу, подчинились, кроме одной — Цогол — представитель которой, не желая подчиниться князю, на высокой горе Сырчи-Хи построил башню и стал в ней жить. Узнал об этом князь и, опасаясь, как бы примеру Цоголы не последовали другие данники, поспешил смягчить непокорного: снарядил посольство из тридцати человек и велел передать Цоголу, что желает с ним жить в мире и от дани навсегда отказывается. Цогол принял посланников с почестями, устроил для них сиденья на тридцати бурдюках из турьих шкур и щедро угостил. Обилие турьих шкур свидетельствовало, что Цогол имеет хорошее оружие, что он искусный стрелок и храбрый воин, а на хороших и храбрых стрелков редко кто решался нападать. Кто знает, с какими трудностями сопряжена охота на туров, которые водятся на самых неприступных высотах, чаще всего вблизи ледников, тому станет понятно, почему шкурами именно этого зверя Цогол вздумал похвастаться перед послами.

111. ПУГЛИВЫЙ КНЯЗЬ

Князь, присланный от Шеами-хана наместником, не довольствуясь получаемой им платою, заменил назначенную чеченцами меру другою, несколько большею. Один чеченец, заметив подлог и видя разницу в величине сабы[1], швырнул ее у него же на дворе и разбил вдребезги. Испугавшись такого явного негодования, князь бежал со своими приближенными, опасаясь народного волнения и новых оскорблений. Но представители тех фамилий, которые должны были отвечать перед Шеами-ханом за неприкосновенность особы присланного им князя, бросились за ним в погоню и настигли его в том месте, где теперь лежит Хасав-Юрт. Они уговорили его вернуться в Аксай и остаться у них правителем.

112. НАРТ-ОРСТХО САИД

Говорят, в нашем селе жил нарт-орстхоевец Саид. У него были очень длинные усы. Он связывал их на затылке, но и после этого концы усов свисали на спину. Также, говорят, волос от его бороды был прочнее булата. Как-то Тарковский Шамхал послал войско, чтобы схватить его. Но войско Шамхала испугалось Саида и не посмело даже подойти к нему. Тогда Шамхал послал

к Саиду свою дочь и наказал ей, чтобы она стала его женою, а затем, когда он уснет, связала бы его. Для этого Шамхал дал ей веревку из шелка, которую свивали два года.

Девушка стала жить с Сандом. Однажды, когда он уснул, она связала его. Утром, проснувшись, Санд потянулся и легко порвал связывавшие его путы. Жена спросила его:

— Есть ли что-нибудь такое, чтобы ты не смог порвать, если бы связать тебя?

— Нет ничего такого, чем меня можно было бы связать, кроме волоса из моей бороды.

Взяла дочь Шамхала у отца ножницы, которыми разрезают булат, и ими отрезала волос от бороды Санда. Этим волосом она связала его руки. Проснувшись, муж дернул руки, но волос впился ему до самых костей и не разорвался. Вот так, говорят, Тарковский Шамхал пленил нарт-орстхойца Санда.

113. ДВА ПОБРАТИМА

В давние времена жили два побратима в разных местах Ингушетии. У одного из побратимов была единственная сестра, молва о красоте которой шла по всей Чечне и Ингушетии.

Брат этой девушки как-то был в отлучке. Князья проведали, что его нет дома, и явились со своим войском в Ингушетию. Напали они на его жилище и похитили его единственную сестру.

Дня через три брат вернулся домой. Лишь только он ступил за ворота, к нему вышли навстречу и сообщили:

— Твою единственную сестру, которой не было равной во всей Чечне и Ингушетии, похитили князья со своим войском.

Не заезжая даже домой, брат на своем коне пустился в погоню за похитителями. Он нагнал их в одном ущелье и вступил с ними в бой. Тем временем его побратиму сообщили:

— Единственную сестру твоего побратима, — сказали ему, — составляющую красу Чечни и Ингушетии, похитили княжеские войска.

Он быстро собрался и поскакал на помощь своему присяжному брату, решив: «Мой единственный побратим находится в тяжелом положении, ему нужна моя помощь!» Он нагнал своего побратима, когда бой с княжеским войском был в самом разгаре, и сходу ринулся в гущу врагов. Побратимы победили войско князей, но оба были ранены и их развезли по домам.

Брат сестры получил смертельные раны. Когда почувствовал, что умирает, он позвал сестру и сказал ей:

— Меня ожидает смерть, я уже не поправлюсь и оставляю тебе одно завещание: во всей Чечне и Ингушетии нет человека достойного тебя; я тебе никого не избираю, потому что не вижу среди нашей молодежи такого, который мог бы сравниться с моим единственным побратимом. Чтобы мой смертный путь стал легким, завещаю тебе выйти за него замуж. Если же не произойдет этого, тебе совсем не следует выходить замуж. Когда он явится к нам, ты сделай так, чтобы он женился на тебе. Сначала мой побратим будет отказываться, ссылаясь на то, что мы с ним присяжные братья, но затем, может быть, он и согласится. Если же ты не выйдешь за него замуж, то, повторяю, тебе не следует вообще выходить замуж, ибо нет никого достойного тебя.

Брат умер. Похоронили его. А тем временем побратим поправился и явился к единственной сестре своего побратима, чтобы выразить ей свое соболезнование. После сокрушений и соболезнований девушка сказала ему:

— Твой побратим оставил завещание: никто, мол, не достоин меня, кроме тебя. Посватаешь ли ты меня? Если же нет, то, по завещанию брата моего, я никогда и ни за кого не выйду замуж.

Боль утраты побратима была еще сильна, и он не согласился.

Прошло два-три года. Всем сватавшимся девушка отказывала, и тогда побратим засватал ее. Женились они и стали жить. Их потомство разрослось и образовался целый род, который пользовался большой известностью.

Убитого побратима звали Мади Джамирза, сестру его звали Мади Элбика[1]. Побратима Мади Джамирзы звали Идрисом.

Вот какими настоящими людьми они были.

114. ЦЕПА

Некогда над мелхистинцами был князь. Кто бы из них ни женился, его невеста должна была первые три брачные ночи провести с князем. Он сам утвердил этот обычай. Как-то женился молодой человек по имени Цепа и не отослал своей невесты к князю. Прошло более трех ночей. Князь явился на пхегат и сказал старикам: «Цепа нарушил установленный обычай и тем самым лишает меня княжеских преимуществ».

В этот момент Цепа побывал в доме князя, выкрал его меч, на вид несколько изменил его и показал князю. Тот, посмотрев, сказал, что этот меч похож на тот, который принадлежит ему. Цепа взмахнул мечом и, произнеся: «Голову князя сносит княжеский меч», — снес ему голову[1]. Близ того места протекала речка с высокими берегами. Покатившаяся голова три раза ударилась о тот и об этот берега и при этом трижды произнесла: «Пусть в Мелхистах не будет голода, пусть в Мелхистах никогда не будет князей, пусть в Мелхистах никогда не прекратятся вражда и войны!»

Другой князь Когархо заставлял людей работать на себя. В село, где жил Цепа, он на зиму пригонял шестьдесят коров, и сельчане были обязаны бесплатно содержать их, а весною воз-

вращать князю весь скот вместе с приплодом. Это надоело Цепе, и он после одной из зим не вернул князю ни коров, ни их телят. Кагархо приказал, чтобы пригнали его скот. Цепа ответил, что не пригонит. Разозлившийся князь схватил лежавшую вблизи него высохшую бычью шкуру и перетер ее в ладонях: шкура превратилась в пыль. Этим князь как бы говорил: «Вот что я с тобою сделаю». Цепа разогрел железный лом и, взяв его голыми руками, начал сгибать и разгибать. Князь понял, что хотел сказать Цепа.

Когда Цепа был на пахоте, мать с запозданием принесла ему обед. Цепа поинтересовался: почему она принесла его не вовремя.

— Если скажу правду, лишусь тебя, а не скажу — лишусь села, — ответила мать.

Сын настоял, чтобы она рассказала ему все как есть, и мать поведала.

— Князь угоняет все, что есть в нашем селе.

Глянул Цепа и увидел, как по хребту князь угоняет все село. Цепа схватил соху с впряженными в нее четырьмя быками и поволок за собой в гору. Когда Цепа взбирался на гору, он один раз уперся рукою в колено. Смотревшая ему вслед мать сказала: «Из принесенных мною чуреков один ты не успел съесть».

Цепа разгромил дружину князя и вернул домой людей и скот.

115. МУЦУЛ И СЕККИ

Жил-был когда-то богатырь джайцев[1], князь по имени Муцул[2]. Он ходил на чеченцев и брал с них дань. Так же поступал он и в Мелхистах.

В те времена в Мелхистах был аул, населенный шестьюдесятью семьями с шестьюдесятью лошадьми[3]. В этом селении у старой вдовы рос сын богатырь по имени Секки. Секки обладал неимоверной силой, он был очень храбр. Об этом стало известно Муцулу и его народу.

Однажды, когда Муцул пошел на мелхистинцев за данью, по пути на горе Кул-Лам он сделал привал и послал к ним людей, чтобы они узнали настроение мелхистинцев: дадут ли они ему дань, допустит ли до этого их герой Секки.

Когда послы прибыли к месту, Секки сидел около бога Цуу и мял в руках цельную бычью кожу. Когда эти люди ему сообщили о том, что Муцул идет на них, он от гнева побледнел, разорвал кожу на два куска и бросил на землю. При этом он сказал, что ни он, ни мелхистинцы поныне не платят ни Муцулу, ни какому другому князю никакой дани. Когда Муцулу передали слова Секки, он покинул гору Кул-Лам и отступил домой.

Как-то Секки пахал вдали от селения на паре волов; одной рукой он держал соху, другой сеял семена, а к ноге была привязана борона. К нему с пищей пришла жена и сообщила, что князь джайцев Муцул вошел в их селение и угоняет скот жителей. Как услышал об этом Секки, бросил работу и, схватив лемех, погнался за шайкой Муцула. Он их победил, скот у них отобрал и вернул жителям.

Убедившись в силе Секки и храбрости его, мелхистинцы выбрали Секки своим князем. И когда мелхистинцы обратились к нему с просьбой установить сумму налога, он сказал, что каждый дом ему обязан дать по мерке зерна и что невесты, которые будут выходить замуж на территорий Мелхистана, должны будут провести с ним первые трое суток, и только после этого они получают права на мужа.

Население приняло эти требования, и жизнь пошла своим чередом.

Одного жениха тревожила предстоящая свадьба: он не знал, каким образом спасти свою невесту от Секки. Тогда этот молодой человек обратился к одному старику и спросил у него, может ли он сделать так, чтобы спасти свою невесту от Секки. Старик ему ответил, что для этого нужно убить Секки, а убить его можно только его собственной шашкой, ибо другая шашка его не возьмет.

Молодому человеку удалось украсть у Секки шашку, отдал он ее мастеру для переделки — изменить вид — и с этой шашкой пошел к Секки.

— Ты наш великий князь! Я хочу стать тебе верным воином и хочу купить у одного грузина вот эту шашку. Ты посмотри и скажи мне, можно ли эту шашку купить?

Секки посмотрел на шашку с одной стороны, а затем посмотрел с другой стороны и сказал, что это его шашка. Молодой человек уверял, что шашка украдена у грузинского князя, и он ее привез в Мелхисты, чтобы продать ее. Тогда Секки передал эту шашку молодому человеку и сказал:

— Если эта шашка моя, то она поразит меня, если не моя — не поразит. Поэтому для пробы ударь меня этой шашкой.

Он отдал шашку и стал к нему спиной. Молодой человек этого и хотел; ударом большой силы отсек он у Секки голову. Голова покатилась с горы вниз и дважды пробормотала:

— Поныне нет князя в Мелхистах! Поныне нет князя в Мелхистах!

Вслед за этим все мелхистинцы вторили:

— И не будет князя в Мелхистах! И не будет князя в Мелхистах!

Люди похоронили Секки в глубокой пещере. А того молодого человека, который отсек голову, женили на той, которую он любил, и живут они и множатся.

116. СМЕТЛИВЫЙ ЮНОША

В прежние времена юноши, собираясь в отряды, угоняли табуны лошадей и стада коров у князей, живших в других местах. Надоело это князьям, собрались они и порешили: поставить над чеченцами князя, породниться с ним и с его помощью прекратить набеги на свои земли. Все эти князья пришли к чеченцам и стали убеждать их избрать себе князя, но народ не пожелал этого, и князья ушли ни с чем.

Обо всем этом прослышал кумыкский князь Шамхал Тарковский и объявил:

— Хочу проверить, насколько сметливы и умны чеченцы, если им и князь не нужен. Приглашаю к себе в гости самых известных мужчин.

Собрались человек десять чеченцев и поехали к нему по его приглашению. Хорошо их встретил Шамхал Тарковский. Попировали они, и затем князь сказал:

— Я задам вам один вопрос: «Кто отягощен заботами, а кто не знает забот?» Если не хотите ответить сразу, то можете оставаться у меня десять дней. Все это время вы будете жить в лучших комнатах и за вами будут ухаживать так, что вы ни в чем не будете нуждаться. Тому же, кто правильно ответит на мой вопрос, я дарю вот эту золотую саблю, — сказал так Шамхал Тарковский и повесил на ковер саблю.

Согласились чеченцы и начали думать. День проходил за днем, а прийти к согласию они никак не могли, потому что каждый давал такой ответ на вопрос, который другие отвергали. Вот уже и последние дни настали. А тем временем сын одного из этих мужчин решил проведать отца и прибыл к ним. Это был юноша лет пятнадцати.

Узнал он, в чем дело и сказал, что может дать верный ответ на вопрос Шамхала Тарковского. Мужчины обрадовались возможности не посрамить себя и сказали, очень хорошо, что ответ даст безусый юнец. Затем они спросили его об ответе, и когда он им его назвал, все мужчины признали ответ правильным. Призвали они князя, и самый старший сказал ему:

— Ты нам предложил такой вопрос, на который у нас может ответить любой мальчик. Вот послушай, что скажет этот юноша.

Юноша ответил:

— Заботами обременен тот, кто желает быть в числе лучших людей, забот не имеет тот, кому все в жизни безразлично.

Снял князь саблю со стены и подарил ее юноше. Понял Шамхал Тарковский, почему чеченцы могут обходиться без князей. А все же прошло время, и у чеченцев стали появляться князья.

117. ЗУМСОЕВЫ

Когда-то в ауле Зумсой, что находится в горах за Итонкалой, жил один род. Он был небольшим, и поэтому более сильные роды притесняли его. Обычно сильный соседний род пригонял к ним на зиму свой скот, чтобы жители Зумсоя бесплатно содержали его, а весною возвращали вместе с приплодом.

Случилось как-то, что вблизи Зумсоя поставили шатер и стали жить в нем трое братьев, пришедших из Черкесии. Братья были как на подбор стройные, сильные, храбрые. Старейшины аула Зумсой посовещались и пошли к трем братьям. Они сказали им:

— Скоро наступит зима, и в шатре вам жить будет холодно. Идите жить к нам. Мы выделим вам и землю, и угодия.

Посовещались братья и ответили:

— Мы согласны, если вы будете обращаться с нами не как с пришельцами, а так, как обращаются с князьями.

Зумсоевцы задумались. Одни из них считали, что ничего зазорного не будет, если они братьям окажут княжеские почести, другие же говорили, что потомство братьев может и вправду посчитать себя княжеским и чинить притеснения аулу. Все же согласных с условием братьев оказалось в большинстве, и их поселили в ауле.

В скором времени наступила зима, и сильный соседний род пригнал в Зумсой своих коней, чтобы жители аула содержали их всю зиму. Братья вместе с сельчанами остригли гривы и хвосты коней и погнали их обратно. Видя силу братьев и сплоченность жителей Зумсоя, род притеснителей пошел на мировую и оставил зумсоевцев в покое. Потомство этих трех братьев и жителей аула со временем перемешалось, и образовался известный зумсоевский род.

118. ИТОН

Из восточных стран Итон пришел в Грузию. Живя там, он однажды пошел прогуляться в наши края и пришел в те места, где живут ныне хилдехаройцы. В местечке Берте Итон присел отдохнуть, а посох воткнул в землю. Сидя, Итон уснул. Проснувшись, он увидел, что на его палке ласточка свила гнездо. Итон сказал про себя: «У меня есть мул, чтобы носить камень, и здесь течет Аргун, по которому можно сплавлять лес». Итон основался здесь жить и женился на женщине из аула Тусхара.

Тусхаройцы пригоняли свой скот на пастьбу к Итону. Он и его близкие безвозмездно пасли его, откармливали и возвращали тусхаройцам. У Итона выросли два сына. Они возмутились тем, что их заставляют пасти чужой скот. Они перебили все рога у

пригнанного скота и отогнали его обратно. За это род Дышни объявил им вражду, и его воины пошли на Итона и его сыновей.

С семьей Итона жила женщина по имени Наналг. Она заметила приближающихся врагов и дала знать об этом. Итон и другие сели в засаду и перебили многих врагов. В этом бою погибла и Наналг. Ее похоронили на холме Ханоле. После этого Итон жил в Итум-кале. Оттуда он переселился в Мелхисты, а затем ушел в Грузию и стал там жить.

119. СЕСТРА СЕМЕРЫХ БРАТЬЕВ

В большой крепкой башне жили семь братьев и сестра. Братья уходили за добычей или ходили на охоту, а сестра присматривала по дому. В одно время с ними жили сильные и жестокие князья. Не много прошло времени, как они перебили по одному всех семерых братьев. Не осталось мужчины, кто бы мог отомстить за их кровь. Ни одной слезинки не проронила сестра. Взяв одежду одного из любимых братьев, надев ее на себя, свернула она свои длинные волосы под папахой, села на коня и отправилась в ту страну князей. Она была похожа на отрока, у которого на лице еще не появились борода и усы. Приехав к ним, девушка спросила:

— Кто в вашей стране может ежедневно давать мне на ужин по одному барану?

— В том селе[1] живет человек по имени Ахло. Он может ежедневно закалывать по одному барану.

Девушка поехала к нему, поздоровалась, тот ответил и, забив одного барана, встретил гостя. Так прошло несколько дней. Ахло не спрашивал, кто она и откуда, и как ее зовут[2].

Однажды, сев на коней, девушка и Ахло вместе выехали в поле. На краю села пасся сельский табун. Они увидели, что одна невзрачная худая лошаденка, отделившись от табуна, паслась на том месте, куда все село сбрасывало навоз. В том месте трава была выше и сочнее. Девушка сказала:

— Посмотри, Ахло! Это не обычная лошадь, это богатырский конь. Если ты отдашь своего коня за эту клячу, даст ли ее нам хозяин?

— Как же нет! Конечно отдаст, — сказал Ахло.

Девушка погнала эту лошаденку, та забежала во двор своего хозяина. Прискакав вслед за ней, всадники остановились у дома, и, когда вышел хозяин, Ахло спросил:

— Отдашь ли ты за моего коня свою лошадь? Если согласен, мы поменяемся.

Хозяин был весьма доволен. Ахло отдал ему своего коня, а сам сел на лошаденку и вместе с девушкой поехал домой. И тогда девушка сказала:

— Три года держи этого коня на привязи в конюшне, куда не проникает ни один солнечный луч.

Она научила Ахло, как нужно ухаживать за ним, какой корм задавать, из какого родника поить. Сказав все, что нужно, и, пообещав через три года приехать, девушка уехала восвояси.

Три года ухаживал Ахло за богатырским конем так, как советовал гость, но сквозь соломенную кровлю конюшни, через отверстие величиной с иголку, которое Ахло не заметил, в полдень проникал солнечный луч. Он постоянно падал на широкий круп лошади. Через три года, надев на себя одежду брата и скрыв волосы под папахой, девушка вновь поехала к Ахло. После приветствий и расспросов Ахло сказал, что, соблюдая совет, три года ухаживал за конем. Пошли они в конюшню. Только вошли, девушка подошла к коню и поставила палец на то место крупа, куда падал солнечный луч. Затем сказала:

— На это место падал солнечный луч. Надо еще три года содержать этого коня.

Когда Ахло внимательно осмотрел кровлю, он обнаружил щель величиной с иголку. Он утроил кровлю, и девушка уехала.

Через три года она вернулась. Посмотрев на коня, она признала, что теперь он в полной силе. Затем она сказала Ахло, что пора собираться в путь. Девушка не сказала куда, а Ахло не стал спрашивать. Перейдя через Терек, проехав через песчаные и каменистые земли, доехали они до одной реки. С другого берега начиналась княжеская земля.

— Вот что. Ты останешься на этом берегу, а я, побывав на том берегу, вернусь обратно. Через два дня и две ночи ты посмотри на реку. Если по ней будут течь кровь и пена, ты во всю мочь, без оглядки уходи отсюда, — сказала девушка.

— Хорошо, — сказал Ахло и остался, а девушка перешла реку. Из табунов, которые блуждали по княжеским владениям, она согнала три табуна в один и погнала его. Одному человеку не под силу управлять даже одним табуном, его должны гнать трое: двое по бокам и один посредине. Но богатырский конь позволял ей скакать от одной стороны табуна к другой. Таким способом она одна справилась с табуном и гнала его быстрее ветра. За ней в погоню ринулись княжеские слуги. Согнав весь табун, она поскакала им навстречу. От одной ее стрелы падало трое, от одного удара меча — шестеро. Разбив слуг князя, она погнала табун далее в свою сторону.

В это время Ахло с берега посмотрел на реку. Вода несла и кровь, и пену. Когда же он посмотрел вдаль, то увидел, что движется пылевая буря. По мере ее приближения он стал различать, что это мчится табун лошадей и что гонит табун его друг и гость.

Сердце не позволило ему уйти. Когда табун приблизился к реке, вдали показалась вторая погоня. Желая помочь своему гостю, Ахло только собрался перейти реку, как девушка сказала:

— Ни с места! Иначе я пущу в тебя свои стрелы.

Ахло остался на месте. Полтабуна перешло реку, а другая половина только еще переходила. Оставив табун, девушка опять поскакала навстречу погоне. Стрелами и мечом она уничтожила всех врагов. Не вытерпев более, Ахло пошел в реку и перегнал оставшихся коней угнанного табуна. Так за кровь каждого брата девушка уложила по шестьдесят врагов и перешла на этот берег реки. Погоняя табун с двух сторон, привели они коней во двор Ахло.

— Весь этот табун остается тебе за твое товарищество. Эти кони имеют такие-то, такие-то качества, — сказала девушка и поведала ему обо всех их достоинствах. — А теперь я ухожу. Прощай и будь здоров.

Оставив богатырского коня и сев на свою лошадь, она поехала домой. Радостный Ахло остался с табунами. Но вдруг он вспомнил: «Ведь я так и не спросил, что он за человек, откуда он и как его зовут. Не успокоюсь, пока не догоню и не расспрошу». Сев на богатырского коня, Ахло поехал по следу, оставленному лошадью девушки. На второй день после полудня увидел он вдали своего гостя. Не успел Ахло догнать его, как девушка въехала во двор. Ахло видел, как молодой человек вошел в дом. Девушка сняла одежду брата и оделась в женское платье. Взойдя на самый верхний этаж, она распустила по ветру свои слежавшиеся волосы и стала расчесывать их латунным гребнем. Ветер далеко относил длинные пряди ее волос. Когда Ахло подъехал к башне, он увидел наверху девушку. «Какая же ты красавица!» — сказал он про себя. Затем крикнул ей:

— Позови мне того молодца, который въехал в этот двор.

— Ахло, то был не молодец, это была я. У тебя не достало сообразительности спросить меня, кто я, откуда и как меня зовут. Твое благородство покинуло тебя, когда ты увидел коней. Не случись этого, я могла бы стать твоей женой. А теперь езжай обратно.

— Нет, как же! — стал говорить Ахло.

— Ничего не выйдет, уезжай, — твердо сказала девушка.

Скрепя сердце поехал Ахло обратно, но немного проехав, он вернулся обратно и сказал:

— Выходи за меня — прошу тебя!

— Ахло, уезжай! Лучше будет, иначе я могу применить силу.

Зная, что силой ему девушку не одолеть, он уехал к себе.

Девушка осталась жить в своей башне. Она находится в Ассинском ущелье и называется Девичьей башней[3].

120. ПОЧИТАНИЕ ГОСТЯ

Некие братья пленили своего самого большого врага. Он жестоко покончил с их отцом, а им причинил много вреда, и потому братья решили убить его, но сделать это как-нибудь по-особому. Крепко перевязали они его веревками и заперли в доме. Они должны были по срочному делу отлучиться из дома и потому наказали матери:

— Мы уходим на три дня и три ночи. Вернувшись, мы воздадим должное нашему врагу. В наше отсутствие не давай ему ни пить, ни есть. Ничего не давай, как бы он ни просил.

Братья ушли. Прошел день, за ним второй. На третий день пленник попросил у старухи:

— Принеси мне хоть немного еды и воды, не давай мне умереть в мучениях.

— Наши наказывали ничего тебе не давать, — ответила старуха.

— Да отлучит тебя твой бог от себя, если ты будешь столь жестока ко мне! Завтра убьете меня, я готов к смерти, но сегодня дай мне глоток воды и немножко еды, — попросил пленник.

Пожалела его старуха и дала ему воды и еды. Пришли братья домой и, как только увидели пленника, спросили у матери:

— Дала ли ты ему воды и еды?

— Да, — призналась мать.

— Что же ты наделала? Как же мы теперь убьем человека, вкусившего наш хлеб. Придется отпустить его, — сказали братья и отпустили пленника с миром, чтобы потом изловить его вновь.

Раз он отведал пищу в их доме, он уже не являлся пленником, а был гостем.

121. ОТЦА ДОСТОЙНЫЙ СЫН

Было это в далекие времена. Жил тогда прославленный мужчина Ахиев Темарко.

В одном селе проживал некогда бывший очень прославленный старый дада (старик). У него выросла дочь по имени Цветом Красивая Шекар. Когда она шла по воду, парни смотрели ей вслед. Каждый из них говорил: «Эх, была бы ты моей!» О девушке Шекар подумывали и Ахиев Темарко, и Зайтов Шахмирза. По рассказам людей в Цветом Красивую Шекар влюбился и падчах[1]. С огромным войском он явился и окружил селение, в котором жила Шекар. Никто не мог ни пробраться в село, ни вырваться из него. Царь объявил людям: «Вы должны отдать за меня Цветом Красивую Шекар. Если отдадите по согласию, дам золота и серебра, если нет, — будет жестокая битва, и все погибнете».

Начали совещаться все именитые мужи. Пошли они к дому Цветом Красивой Шекар и стали советоваться с нею:

— Что ты решила? Если ты хочешь выйти за падчаха, мы дадим тебе подарки, но если ты не хочешь, скажи, и мы, готовы всем селом сражаться за тебя.

— Да умножится ваша слава, именитые мужи, — ответила Цветом Красивая Шекар, — я пойду за падчаха, не дам ему разрушить наше село. Как дочь старого дады, я не могу пойти за падчаха без подарков и прочих вещей. Попросите у царя сроку три дня и три ночи, чтобы могла я приготовиться.

Сельчане сообщили ее просьбу падчаху. Тот ответил, что будет ждать требуемого срока. У Цветом Красивой Шекар словно угли горели в груди: не было ей покоя. Сядет писать на ватной белой бумаге и плачет; встанет, садится обратно — и вновь плачет. Письмо она писала в надежде на то, что дойдет оно до Ахиева Темарко или Зайтова Шахмирзы. Она написала, что село окружено, что падчах хочет жениться на ней и что ей слаще смерть, нежели это замужество. И добавила, что она согласна выйти за того, кто освободит ее и их село от падчаха и его войска. «Если вы такие славные люди, как говорят о вас, — писала она, — придете и поможете нам».

Взяв кувшин и ватную белую бумагу, Шекар вышла из дома. Увидела она стоящих недалеко от их дома молодцев. «Эх, была бы ты моей», — говорил из них мысленно каждый, но завидев письмо, — разошлись. Тогда к Цветом Красивой Шекар подошел плешивый, бедно одетый мальчик. Он был единственным сыном старых родителей. Его отец Таймиев Бибулат[2] был настолько стар, что еле ходил.

— Отдай мне письмо, и я доставлю его тому, кого ты назовешь, — сказал мальчик.

— Живи ты, мальчик, долго, — ответила Цветом Красивая Шекар, — ты единственный, кто должен продолжить ваш род, и поэтому я не дам тебе своего письма. Попозже я одарю тебя, а сейчас уходи.

Шла она далее по селу и увидела вторую группу юношей. Они тоже, лишь только завидели Цветом Красивую Шекар с письмом в руке, разошлись в разные стороны. Тогда к ней вновь подошел и попросил письмо сын Таймиева Бибулата. Как и прежде она отказала ему. И третья группа юношей, завидев Шекар, разбрелась. «Одинока я, и некому мне помочь», — думала Цветом Красивая Шекар, стоя посреди села. Мальчик подошел к ней снова и попросил письмо. Опять девушка стала говорить ему о его роде, о том, что он слишком молод, что он и конем-то не сумеет владеть как следует.

— Не беда, что мал, и с родом будь что будет, а могу ли я владеть конем, ты увидишь сама.

Мальчик рванул из рук Шекар письмо, сел на высокого отцовского коня и пустил его быстрее ветра. Солдаты падчаха, стоявшие в окружении села, ничего не успели понять: то ли ветер промчался, то ли пуля просвистела. Мальчик несся к Ахиеву Темарко.

А Ахиев Темарко в это время шел в поход с отрядом в сорок человек, предводителем которого он и был. Он и его воины увидели впереди скачущего во весь опор всадника. Ахиев Темарко посмотрел в трубу и узнал коня Таймиева Бибулата, бывшего своего тамады. Удивился Ахиев Темарко: «Стар Таймиев Бибулат, чтобы так скакать на коне, а сын же его настолько мал, что и взобраться на коня не сможет... Кто же это скачет?» Ахиев Темарко остановил своих товарищей. К нему подскакал мальчик и вручил письмо от Шекар. Прочел его Ахиев Темарко.

— Канты, меня зовут на помощь, а вы идите в поход без меня. Тамадой вашим будет он, — Ахиев Темарко указал на одного из своих товарищей.

Канты же ответили ему:

— Этому не бывать. Мы тоже пойдем с тобою на помощь.

— Не нужно, уходите. Делайте как я сказал, — ответил он.

Но канты его не послушались и поехали следом. Поняв, что они не отстанут, Ахиев Темарко сказал:

— Я должен говорить с падчахом; держитесь от меня подальше, на расстоянии равном длине вспаханного поля.

Мальчик не отставал от Ахиева Темарко. Они оба вошли в шатер падчаха.

— Это ты, падчах? Это ты пришел увести Цветом Красивую Шекар? — стал расспрашивать Ахиев Темарко.

— Да, я, — ответил падчах.

— Цветом Красивая Шекар сирота, и за нее в ответе все, кто живет в селе. Я сам должен спросить девушку: согласна ли она выйти за тебя замуж, — сказал Ахиев Темарко. — Если она согласна, я сам сделаю ей подарок, если не согласна, то ты уходи, иначе будет бой.

— Люди уже спрашивали Цветом Красивую Шекар, и она ответила, что выйдет за меня замуж. Не ваша печаль в этом деле, проваливайте! — прикрикнул на них падчах.

Мальчик в мгновенье ока выхватил саблю и снес голову падчаха. Вспыхнул бой: и ружьями стреляли, и саблями рубились. Никого не осталось в живых от войска. Подскакавшим кантам уже нечего было делать.

Смертельные раны были и на теле мальчика. Ахиев Темарко и его дружинники подняли его и пошли к Таймиеву Бибулату. И глазом не глянув на мальчика, Таймиев Бибулат стал заботиться о гостях. Прибежала туда Цветом Красивая Шекар. Попросила она допустить ее к мальчику. Вошла она к нему и сказала:

— Да облегчатся твои страдания. Нет молодца лучше тебя. Пусть я со временем стану твоей, а ты станешь моим суженым.

— Ты говоришь то, чего не следует, — ответил мальчик. — Не надевал еще папахи мужчина, который был бы лучше Ахиева Темарко. Да будете вы желанными друг для друга.

Слова сына привели Таймиева Бибулата в восторг. «Ведь говорят же наши отцы, — воскликнул он, — что птица большого полета уже птенцом громко кричит из гнезда! Если умрет — умрет, как мужчина, останется жить — мужчиной будет».

Мягкими руками стала Шекар лечить мальчика и вылечила его. Таймиев Бибулат даже помолодел от гордости за сына. А Цветом Красивая Шекар и Ахиев Темарко зажили в дружбе и согласии.

122. ГИХОЙ БИЙМАРЗА

Большие князья задумали уничтожить князя Кагермана. Крепость Эльбазара[1] находилась там, куда не доходил человек, а дошедший не возвращался. Князья дали Кагерману письмо и сказали: «Доставь его в крепость завтра к обеду!» К крепости вела лишь одна дорога, а на ней хозяйничал Актемир, который из пятнадцати врагов ни одного не оставлял в живых.

Князь Кагерман сидел, держа письмо в руках и сильно задумавшись, когда в дом вошла его любимая дочь Баса.

— О чем ты горюешь и что это за письмо у тебя? — спросила она.

— Завтра до обеда я должен доставить это письмо в крепость Эльбазара, — ответил князь Кагерман.

— Не пойдет ли туда кто-нибудь из кантов? У кого не было оружия, тому ты давал его; у кого не было коня, ты давал коня, — сказала Баса.

Собрал князь Кагерман кантов и спросил:

— Кто из вас повезет это письмо?

— Мы не можем сознательно идти на смерть, — ответили канты.

— Нет ли юноши, который бы ухаживал за тобою или который нравился бы тебе? Может ли он отвезти письмо? — спросил отец у дочери.

— Мне никто не нравится, но за мною ухаживает Гихой Биймарза. У него конь никчемный, оружие его ржавое и сам он не нравится мне, — ответила Баса.

— Быстро подойди к нему и попроси его, чтобы он явился ко мне, — сказал князь.

Пошла Баса к дому Гихой Биймарзы и сказала ему:

— Отец просит тебя прийти попить с ним чаю. Приходи быстрее.

— Сейчас я приду, — ответил он.

Баса ушла. Гихой Биймарза, зная, что ему предстоит куда-то ехать, как следует оседлал своего коня. Пришел он к дому князя Кагермана.

— Заходи, поешь со мною, — пригласил его князь.

— Я не войду. Скажи мне, что за дело я должен исполнить? — сказал Гихой Биймарза.

— Можешь ли ты с друзьями отвезти это письмо в крепость Эльбазара? — спросил Кагерман.

— Тебе не надо думать о моих друзьях, подай скорее письмо, — сказал Гихой Биймарза.

Взяв письмо, он ускакал.

«Может быть он взял письмо только для того, чтобы не показать свою трусость, а сам побоится?» — подумал Кагерман. Поднялся он на башню и стал смотреть, не повернет ли Гихой Биймарза обратно в село.

Выскочил Гихой Биймарза за село и во всю мочь пустил коня по дороге, ведущей к крепости Эльбазара.

Актемир спросил своих товарищей:

— Не скачет ли там кто-нибудь, с кем можно было бы поиграть ружьем?

— Кто-то едет. От быстрой скачки его выбрасывает из седла, а от тяжести оружия вновь прижимает в седло, — ответили ему его товарищи.

— Это, верно, Гихой Биймарза. Он будет сражаться до победного конца, пропустим его, — сказал Актемир.

Они не успели и привстать со своих мест, как Гихой Биймарза уже проскакал мимо. Примчался он в крепость Эльбазара и отдал офицеру это письмо. Когда офицер увидел письмо, он с удивлением посмотрел на человека, принесшего его.

— Не смотри на меня так и не затевай коварства, а дай мне ответ на письмо, — сказал Гихой Биймарза офицеру.

— Я не хочу делать тебе ничего дурного. А смотрю я на тебя так, потому что знаю, что кроме Гихой Биймарзы никто не смог бы доставить это письмо. С ним я и хотел бы сдружиться и угостить его, — ответил офицер.

— Я и есть Гихой Биймарза.

— Я окажу тебе прием, мы сдружимся, а потом мои солдаты проводят тебя, — предложил офицер.

— Сегодня-то твои солдаты проводят меня, а кто проводит меня завтра? Ничего мне не надо, дай быстрее ответ, — сказал Гихой Биймарза.

Взял он ответ и поскакал обратно.

— Пропустим его, — предложил Актемир.

— Если скачет Гихой Биймарза, мы его пропускаем, а если

кто другой — не пропускаем. Это несправедливо, — недовольно сказали товарищи Актемира.

— Если он отдаст нам коня, а с тела оружие, пропустим его, — решил Актемир.

Встал Актемир перед Гихой Биймарзой и потребовал коня и оружие, пригрозив, что в противном случае он убьет его.

— Нет у меня для вас ни коня, ни оружия, — ответил Гихой Биймарза.

Актемир пустил стрелу в него. Приподнялся в седле Гихой Биймарза, и стрела прошла под ним. Тут же он саблею зарубил Актемира, снял его голову, положил ее в переметную суму и поскакал далее.

Лишь появился Гихой Биймарза во дворе Кагермана, как отец крикнул дочери:

— Если ты не возьмешь его из седла, как мать берет дитя из люльки, я не прощу тебе!

Подошла Баса и только хотела помочь ему спешиться, как он попросил подождать, достал голову ненавистного Актемира и бросил ее на землю.

Баса помогла ему легко спешиться и ввела в дом.

Кагерман выдал Басу за Гихой Биймарзу и дал ему половину своих владений.

123. ХАЖАЛКА И ЗАЛЕЙХА

Некий богатый и известный мужчина Элдарха ухаживал за дочерью Бембулата Залейхой. Ее же любил и одинокий юноша Хажалка. На пхегате Элдарха горделиво сказал Хажалке: «Бывал ли ты в лесу? Видел ли ты ствол дерева без ветвей? Как он одинок в лесу, так и ты одинок среди людей. Нет у тебя и одного брата». При этих словах Элдарха с гордостью повернулся в сторону своих семерых братьев, стоявших рядом.

Надвинул Хажалка папаху на глаза, вытащил саблю и, опираясь на нее, направился к дому. Навстречу вышла старая мать и спросила:

— Что ты такой понурый? Что случилось?

Рассказал ей все Хажалка и добавил:

— А теперь оставь меня одного: у меня сердце разрывается.

Жил в то время жестокий человек по имени Мос-падчах[1]. Он приказал отобрать у родителей девятьсот девушек и привести их к себе. Никто не посмел противиться его воле. Когда Мос-падчах прибыл сюда, старая мать заперла Хажалку, не имеющего брата. Старцы села стали совещаться: «Позор нашему селу, нет у нас никого, кто стал бы против Мос-падчаха. Даже Элдарха с братьями убежали. Пойдем, попросим защиты у Хажалки».

Пришли старцы к его дому, навстречу им вышла мать Хажалки и сказала им: «Вас много, а у меня один единственный сын».

«Пойдем к Залейхе, дочери Бембулата, и попросим ее. Если она нам не поможет, то делать нам больше нечего», — договорились старцы и пошли к ее дому.

— Залейха, мы пришли к тебе. Мы знаем, что двадцать два года ты даже в окно не выглядывала. Село просит тебя выйти в этот трудный день.

— Чем просить у меня Хажалку, вы бы лучше попросили мою сладкую душу или семерых моих братьев. Стесняюсь я старой матери Хажалки, но если я попрошу ее, она отдаст своего сына.

Пошла Залейха к матери Хажалки и говорит ей:

— Если я буду тебе невесткой вместо невестки, дочерью вместо дочери, отдашь ли ты для села своего сына?

Мать Хажалки отдала ей ключи. Вышел Хажалка из дому и сказал:

— Этим врагам не надо было соваться в страну, где живу я. Сегодня они узнают меня!

Поскакал Хажалка вслед врагам. Мчится Мос-падчах с добычею и спрашивает одного из сподвижников:

— Скачет ли кто за нами?

— Один скачет нам вслед. От скрипа его зубов разлетаются искры, а поднятая им пыль застилает все небо!

— Он не оставит из нас ни одного, кто мог бы поведать о нашей печальной участи! — ужаснулся Мос-падчах и велел отпустить девушек.

Мать стала просить Хажалку остановиться, но он поскакал дальше.

В страхе Мос-падчах оставляет на дороге деньги. Хажалка кричит матери:

— Здесь столько золота, что хватит тебе на всю жизнь и даже схоронить с собою. Оставшееся золото раздай в селе. Я не буду прятаться в лесу, как Элдарха, и нагоню врага.

— Я еду один, а вас много! — крикнул он вслед Мос-падчаху. — Я лечу словно по воздуху. Приготовьтесь к бою! Вам не надо было соваться в мою страну!

А этим временем Залейха с тремя мужчинами скакала ему на помощь. Но они подоспели только к концу боя. Девять сотен из царского войска было уничтожено. Хажалка же имел смертельные раны, но увидев Залейху, он тут же выздоровел. Прибыли они в село, и мать Хажалки выстрелами стала созывать народ на свадьбу.

Хорошо зажили Залейха и Хажалка.

124. ОВТАРХА АХМЕТ С ВОЛЧЬИМИ ГЛАЗАМИ

Жил некий князь. Из потомства он имел только одну дочь. Каби, так звали его дочь, никому не показывала своего лица, хотя бы часть его величиною в серебряную монету. Ни разу не ступала нога Каби по земле. Многие приходили сватать девушку, но отец, не желая расставаться с дочерью, ни за кого не выдавал ее. Она росла, живя на самом верхнем, предназначенном для боя этаже башни.

Волчеглазый Овтарха Ахмет любовался ею издали или же, подходя к башне, давал знать ей о своих сердечных волнениях. Однажды отцу Каби предложили куда-то в очень далекое место доставить письмо, завернутое в вату. В противном случае, сказали, что лишат его княжеского звания. А скакать туда надо было три дня. Князь объявил, что тому, кто доставит письмо по назначению, он отмерит золота и серебра фунтами и пудами столько, сколько потребуют. Однако не находилось смельчака, готового отвезти письмо. Видя, какое большое горе навалилось на отца, Каби спустилась с башни и ступила на землю.

— В таком-то месте живет волчеглазый Овтарха Ахмет, который любуется мною издали, или, подходя к башне, дает знать о своих сердечных волнениях. Если предложить ему, он согласится отвезти это письмо, — сказала Каби отцу.

— Ничего из этого не получится, — ответил отец, боясь, что откажется и он.

Уговорив отца, Каби села в эмалью крытую карету и доехала до двора дома Овтарха Ахмета. А он лежал дома, израненный в тяжелом бою.

— Мир и здоровье тебе, — сказала Каби и вошла в дом Ахмета.

Очень удивило Ахмета, что в его дом вошла Каби, которая ни разу не ступала ногой на землю.

— Да живи и ты с миром и во здравии, — ответил он на приветствие. — Каби, что вынудило тебя покинуть башню?

Поведала Каби о том, что ее привело к нему.

— Да умер бы я четырежды и четырежды воскрес, чтобы умереть в пятый раз, если бы не уважил твою просьбу! — воскликнул Овтарха Ахмет и вскочил с постели.

Взял он письмо, оседлал коня, перебросил за кривое седло стамбульское ружье и тронулся в путь. Когда Овтарха Ахмет отпускал повод, конь несся по земле, как сокол по небу, когда он оттягивал повод, конь возносился выше туч, и оттуда Овтарха Ахмет просматривал свой дальнейший путь. Оставив далеко внизу стражников, стоявших на границе, прискакал он к царю. За три дня Овтарха Ахмет закончил все свои дела и поскакал обратно. Подъехал он к границе. Встали перед ним двенадцать стражни-

ков. Они сказали, что он не имеет права пересекать чужую границу. Овтарха Ахмет дал знать, что он мирный посланник князя, но если его не пропустят, он готов сражаться.

Схватил Ахмет стамбульское ружье и оттянул его курок. Все двенадцать стражников разом выстрелили и нанесли Ахмету одну рану. Дулом ружья Овтарха Ахмет поднял старшего из стражников вверх и выстрелил: пуля вышла у того у лопатки и там зазияла рана величиною с ладонь. Пустил Ахмет коня вскачь. Все это видела Каби, сидевшая в своей башне. Она сразу же послала туда войско, а сама села в сверкающую, эмалью крытую карету и поскакала навстречу Овтарха Ахмету. Она уложила его в карету, коня его пристегнула сзади, а чтобы воину было удобнее, положила руку ему под голову.

Привезла Каби Овтарха Ахмета к себе в башню. Собрал князь со всей страны известных врачей, выбрал из них десятерых и объявил:

— Если он умрет, умрете и вы. Если он выздоровеет, то возьмете золота без меры!

Коня Овтарха Ахмета поставили в конюшню отдельно от других лошадей, а седло повесили в доме, где он лежал. В день, когда исполнилось две недели после боя, выздоровел и вышел во двор волчеглазый Овтарха Ахмет. Князь сказал:

— Посадите его в сверкающую, эмалью крытую карету, усадите рядом с ним Каби и отвезите их к дому Овтарха Ахмета.

Это известие дошло до Овтарха Ахмета. Он оседлал коня и ускакал, передав князю:

— Если Каби выдают за меня только потому, что я отвез письмо, я не женюсь на ней!

Но князь все же усадил Каби в сверкающую, эмалью крытую карету и отправил ее вслед Овтарха Ахмету.

125. АХМЕТ И КАЗАК

В своем селе Автуры не мог ужиться гордый Овтарха Ахмет. Любил он девушку Зазу. Но однажды ему приснилась несказанно красивая девушка Гяла Гизарха. На поиски ее и выехал Овтарха Ахмет. В дальней безлюдной степи он вынужден был заночевать под открытым небом. Ахмет пустил коня пастись, рядом с собою положил ружье и приготовился спать. В это время подъехал храбрый казак и сказал:

— Я казак и человек я не чванливый. А ты кто и откуда?

— А я, не ужившийся в Автурах, гордый Овтарха Ахмет! — ответил он.

— Что привело тебя в эту страну? — спросил казак.

Такой вопрос возмутил Ахмета, и он бросился на казака. Но тот остановил его словами:

— Пристрелить человека в своей стране — это не мужество, говори свое дело, и я помогу тебе!

Тогда Овтарха Ахмет поведал ему, что он вышел в путь найти Гяла Гизарху, которую видел во сне. И добавил, что не вернется домой, пока не найдет ее. Тогда казак предложил пойти к нему в гости и спокойно обдумать это дело.

Пришли они к его дому. Казак крикнул матери, что с ним прибыл гость. Мать откликнулась из дома, что она не выйдет встречать гостя, если это не Овтарха Ахмет, не ужившийся в Автурах, которого она видела во сне. Узнав же, что это и есть тот самый Ахмет, она вышла, и они все трое вошли в дом.

Стали они думать, что делать. Мать казака сказала:

— Гяла Гизарха просватана за полковника. Вокруг же крепости, где она живет, стоит большое войско. Вам надо надеть студенческие формы, представиться людьми, только что закончившими учебу, иначе вы не сможете ни увидеться и ни переговорить с девушкой.

Казак и Овтарха Ахмет достали форму и отправились в крепость. Казак сказал Ахмету, чтобы он оставался снаружи, а сам вошел в крепость. Пришел он к Гяла Гизархе и сказал:

— Тебя не достоин твой жених. Лучшей парой для тебя будет гордый Овтарха Ахмет.

— Не нужен он мне. Не пойду я за него, — ответила девушка.

Под окном стоял Овтарха Ахмет. Казак, схватив девушку, вытащил ее в окно. Подхватили они Гялу Гизарху и помчались. За ними была большая погоня, им стреляли вслед, но герои ускакали. Ахмет женился на Гяле Гизархе, а казак уехал к себе.

Прошло время и девушка попросила Ахмета:

— Ради бога, отпусти меня повидать отца с матерью.

Ахмет разрешил ей. Гяла Гизарха же задумала бежать.

Через некоторое время от казака пришло письмо, в котором говорилось, что его собираются повесить. С тринадцатью друзьями поехал Ахмет на его выручку. Казак стоял уже у виселицы, когда они прискакали на место казни. Тут же перебили они всю охрану, и Ахмет сказал своему другу:

— Живи долго. Мне этот свет был не мил, если бы не стало тебя.

Прибыли они все в дом Ахмета. Ночью казак тайно ускакал и вторично привез Гялу Гизарху к Ахмету. Друзья стали жить в дружбе и согласии.

126. СЛАВНОЕ ИМЯ АХМЕТ АВТУРИНСКИЙ

Имя Ахмета из селения Автуры было далеко известно и чтимо в народе. Это не нравилось одному из жителей селения, потому что считал, что он умнее, сильнее и храбрее Ахмета и что не Ах-

мета, а его должны называть Автуринским. Это дошло до Ахмета Автуринского, и как-то при встрече с этим мужчиной он сказал ему:

— Поговаривают, что ты считаешь несправедливым, что меня называют Автуринским и хотел бы сам называться этим именем. Верно ли это?

— Это верно, потому что я сильнее и храбрее тебя, — ответил мужчина.

— Хорошо же. Как ты знаешь, в соседнем лесу живет медведь, который причиняет людям много вреда. Пойдем туда вместе и убьем его, но не из ружья, а кинжалами, — предложил Ахмет Автуринский, и они пошли в лес.

Нашли они логово медведя и раздразнили его, чтобы он вышел оттуда. Разъярился медведь, взревел, встал во весь свой огромный рост и двинулся на них. При виде столь страшного зверя, мужчина, который говорил, что он сильнее и храбрее, струсил и стал пятиться. Ахмет же Автуринский пошел на медведя и убил его своим кинжалом. Тогда тот мужчина сказал:

— Я был неправ. Ты действительно достоин называться славным именем Ахмет Автуринский.

127. ОКИ-АКИ

Через Итум-Кале шли майстинцы. За селом они увидели княжескую дочь, набиравшую воду из ручья. Понравилась она майстинцам, и они сказали:

— Эх! Как бы ты подошла Оки-Аки, который подобен дневному солнцу и ночной луне.

Княжеская дочь быстро пошла домой и попросила отца, чтобы он пригласил к ним в гости майстинцев, которых она видела у ручья. Их привели к князю. Майстинцы стали спрашивать, почему их остановили и в чем они провинились. Князь поинтересовался, говорили ли они кому-нибудь что-либо особенное. Майстинцы ответили, что они видели у ручья очень красивую девушку и при этом воскликнули: «Как бы она подошла Оки-Аки!» Князь сказал майстинцам:

— Если вы мне дадите двух быков, которых ни разу не запрягали, сани и дань медью, я выдам за него свою дочь замуж.

Не веря сказанному, майстинцы быстро нашли все, что он затребовал, передали все это князю и забрали его дочь для Оки-Аки, подобному дневному солнцу и ночной луне. Привели майстинцы княжескую дочь к Оки-Аки. Невеста увидела, что живет он в доме без крыши и без полов, а единственное достояние жениха — это его многочисленные овечьи стада. Княжеская дочь растерялась и сказала:

— Как же я буду жить в этих глухих горах! Не останусь я здесь, отведите меня домой!

Боясь, как бы княжеская дочь не убежала, майстинцы связали ее. Прошло некоторое время и связанная невеста родила трех сыновей. Тогда княжеская дочь попросила развязать ее, сказав, что никуда она уже не уйдет, а будет растить своих детей. Исполнил Оки-Аки ее просьбу: развязал и дал свободу своей жене. Шло время, и однажды жена попросила разрешения съездить к родителям. Разрешил Оки-Аки своей жене с детьми навестить родителей, но при этом он сказал, чтобы она принесла от родителей три вещи, которых нет в его стране.

Прошло время, и дочь князя собралась в обратный путь. Отец спросил ее:

— Что тебе приказали принести с собою из дома?

— Мне сказали принести то, чего нет в их стране и принести не одну, а три таких вещи.

— Да отсохнет язык у того, кто тебе посоветовал такое! — воскликнул князь.

Отец дал дочери трех рабов и дань, которую он собрал с трех сел. С детьми и подарками жена вернулась домой.

От тех трех сыновей у Оки-Аки пошли три рода: Коратхой, Жарахой и Саханхой.

128. ПРИСТАВ И АНДИЕЦ

Шалинский пристав, сам из чеченцев, послал человека к известному андийцу с предложением стать ему побратимом. Андиец со своим сыном прибыл в Шали. Одеты они были в хорошие черкески, на ногах ноговицы, оружие у них было золоченое. Но все это скрывалось под шубами «корч». Они были со свисающими рукавами и в длину доходили до пят. Андиец спросил пристава. Ему ответили, что он на сельском сходе. Оставил андиец сына с конями, а сам пошел на сход. Он остановился в стороне, прикрытый шубой «корч», поэтому его приняли за простого дагестанца.

Говорил пристав. Он вовсю угрожал именитым мужчинам села. Если они не сделают то-то и то-то, говорил пристав, то он их, якобы, предаст суду, сгноит, сошлет в Сибирь. А именитые мужчины перемаргивались и усмехались. Вел себя пристав неблагородно, а именитые мужчины были не из пугливых. Окончился сход, и мужчины стали приглашать в гости дагестанца. Он ответил, что уже является гостем. Спросил его пристав:

— Ты чей-нибудь гость?

— Нет, — ответил андиец.

Тогда пристав повел его к себе. Когда андиец и его сын сняли

шубы, пристав узнал, что это и есть тот именитый андиец, за которым посылал человека.

— Значит — это ты? — сказал пристав.

— Я-то это я, да лучше бы мне лишиться руки, чем явиться сюда, — ответил андиец.

— Почему же? — поинтересовался пристав.

— Я слышал твои речи на сходе. Ты вел себя неблагородно, низко. Сельские мужчины не боятся тебя. Если бы ты говорил с ними без угроз, попросил бы у них то, чего ты хочешь, они бы тебе сделали все. А так ты и дела не сделал, и уважение потерял. Я бы стал твоим побратимом, но люди подумают, что я тоже такой же, как и ты. Почернели сегодня твое и мое лица.

Стыдно стало приставу от этих слов, и он устроил пир в честь гостя, пригласил именитых мужчин села. Люди ели, пили, веселились. Тут старики обратились к андийцу с просьбой рассказать что-нибудь интересное. Андиец согласился:

— Вы рассказывали разные истории, слышанные вами от кого-то. А я расскажу вам случай из своей жизни.

«В Андии есть один известный князь. У него была красавица дочь. Я влюбился в нее, но она не принимала мои ухаживания. К князю приезжали гости из самых дальних мест, чтобы посидеть и поговорить с девушкой. Захотел я послушать, что она будет говорить им, и попросился к князьям. Приезжие сказали мне, что я сгожусь им прислуживать на правах младшего, и повели с собою. Девушка проявила ко мне уважение. Князья спросили ее:

— За кого она выйдет замуж?

Она ответила:

— Я выйду замуж не за золото и серебро, а за того, кто исполнит мое желание. На сунженских хребтах есть село (это там, где ныне находится станица Петропавловская). В ней живут семеро братьев-богатырей и сестра их Сейлах. Я много слышала о ней и полюбила ее, как сестру. За того, кто приведет ее ко мне и познакомит с ней, я и выйду замуж.

Князья встали и ушли, сказав:

— Мы можем делать свои дела с помощью золота и серебра, а воевать с семью богатырями не можем.

Я тут же сел на коня и, никому не говоря ни слова, поехал в то село. За околицей стояли скирды. Среди них я приторочил своего коня и пошел в село. Расспрашивая, я быстро нашел дом, в котором жила Сейлах. Я притаился у ворот и стал ждать: не подвернется ли какой-нибудь подходящий случай. В это время в дом Сейлах зашла соседка; вскоре она вышла, ведя с собой девушку. Теперь я стал ждать у ворот соседки. Вскоре Сейлах вышла оттуда и направилась к своему дому. Я перехватил ее на дороге и сказал:

— Сейлах, дай сказать тебе несколько слов.

Она согласилась, и я рассказал ей, кто я и зачем приехал. Сейлах изъявила готовность помочь мне не откладывая.

— Как мы доберемся до Андии? — поинтересовалась она.

Я ответил, что за селом стоит мой конь. Она сказала, что придет, когда только уснут ее братья. Свою готовность рискнуть и помочь мне она объяснила стремлением уважить меня, как гостя.

Поехали мы той же ночью в Андию, и я представил Сейлах княжеской дочери. В честь гостьи три дня и три ночи длился пир. Затем Сейлах всех пирующих повела в свое село. А там братья Сейлах точили свое оружие, разослали людей искать сестру. У Сейлах пир продолжался тоже три дня и три ночи. За это время я и Сейлах полюбили друг друга. Когда мы собирались возвращаться, братья сказали:

— Если наша сестра и ты ехали вместе на коне в далекую Андию, пировали и веселились, то кто поверит, что за это время вы были равнодушны друг к другу. Женитесь, мы согласны выдать ее за тебя.

Тут же произошла свадьба, которая продолжалась уже у нас в Андии. Живем мы дружно, и у нас уже подрастает сын».

Все подивились мужеству андийца, благородству Сейлах и ее братьев, а пристав сидел пристыженный. Он понял, что рассказ андийца — укор для него.

129. ДЖУНИД И ЕГО НЕВЕСТА

В селении Шали жил юноша по имени Джунид. В восемнадцать лет он полюбил дочь вдовы девушку Петимат. Юноша дал ей знать о любви и стал ухаживать за нею. Так прошло два года. Наконец, они договорились жениться, как только Джуниду исполнится двадцать лет. Ждать оставалось недолго. В залог данного слова Джунид получил от Петимат кольцо. Когда до свадьбы оставалось совсем немного времени, внезапно заболел отец Джунида. Умирая, он завещал жене передать сыну свою волю, а именно, чтобы сын не женился, пока ему не исполнится двадцать пять лет. Отца похоронили, до назначенного ранее срока оставалось всего две недели. Обидно было Джуниду, что так случилось; думал он, что бы такое сделать, чтобы ускорить срок свадьбы, но ничего не мог придумать. Взял он дареное кольцо и отправился к Петимат. Вызвал ее к роднику и все ей рассказал, затем протянул кольцо и добавил, что она может когда угодно и за кого угодно выйти замуж. Петимат ответила, что готова его ждать и эти пять лет. Еще более полюбил ее Джунид и радостный ушел домой.

Во взаимных ухаживаниях прошло четыре года. На пятом году к Джуниду прибежал его друг и сказал:

— Что ты сидишь, твою Петимат выдают замуж!

Тяжело стало Джуниду от этих слов; оделся он во все лучшее и пошел к матери Петимат. Он застал ее плачущую. Джунид пожелал ее дочери счастливой семейной жизни, но мать стала плакать еще пуще.

— Я надеялась, что именно ты будешь моим зятем, — проговорила она.

— Не женат я на твоей дочери, и все же с сегодняшнего дня считай меня своим зятем на всю жизнь, — сказал Джунид и, взяв своих двух друзей, пошел на свадьбу к Петимат.

Стояло веселье, гостей провели на почетное место и усадили. Со своего места Петимат их узнала и поняла, что не для веселья они пришли на эту свадьбу. Когда станцевали двое из друзей Джунида, тамада предложил сделать перерыв в танцах, чтобы послушать песню для слуха[1]. Джунид попросил позволить ему исполнить такую песню. Взял Джунид пондар и запел песню, в которой поведал все, что было между ним и Петимат, он только не назвал имена. Заплакала невеста, стоявшая за занавеской, а вслед за нею заплакали и другие женщины. Чтобы не омрачать свадьбу, Джунида попросили остановить песню. Хозяева удивились поведению невестки и решили поговорить с Джунидом. Они послали юношу и пригласили его выйти во двор. Там под навесом сидели старики. Они спросили Джунида:

— Почему наша невеста заплакала, когда ты запел песню? Не было ли чего между вами?

Джунид не вынес своего горя и все как было, от начала и до конца, рассказал старикам. Задумались старики, а затем один из них сказал:

— Джунид, держи себя в руках. Считай, что Петимат приведена сюда твоим лучшим другом для тебя.

Джунид был поражен их благородством. Он ответил им:

— С сегодняшнего дня Петимат я считаю женою своего друга, а ее — своею сохою.

После этого Джунид преподнес им свадебный подарок.

Вот такие молодцы бывали в прежние времена. Джунид жил девяносто шесть лет, но так и не женился.

130. ОРСТХОЕВЕЦ-НОХЧО И ОРСТХОЕВЕЦ-ГАЛГА

Люди рассказывают, что после длительных странствий по свету вернулись домой два друга: орстхоевец-нохчо и орстхоевец-галга. Они стали клятвенными побратимами и зажили хорошо. Но случилось, что оба они полюбили одну девушку. Орстхоевец-нохчо, хотя и любил ее очень сильно, но способствовал, тому, чтобы на ней женился его побратим орстхоевец-галга, который ничего не знал о чувствах своего побратима. Засватанные девушки в давние времена до свадьбы долго сидели дома. А тем временем у орстхоевца-нохчо померли родители, хозяйство его пришло в упадок, и, наконец, он разорился. Настало время свадьбы орстхоевца-галга, и побратим пошел к нему, но орстхоевец-галга и на порог не пустил орстхоевца-нохчо. Мало того, послал людей, которые выгнали его от ворот взашей.

«Остался я без побратима», — думал орстхоевец-нохчо, уходя от бывшего друга. Через какой-то час пути ему повстречались двое неизвестных всадников, у которых было две полных переметных сумы золота. Поприветствовали путники друг друга, сели, поели вместе, поговорили о том и о сем. Когда настало время прощаться, те двое попросили орстхоевца-нохчо охранять их золото, пока они по делам пойдут за Терек и вернутся, и еще сказали, что, если завтра к утру они не вернутся, он волен забрать их золото себе и идти, куда ему вздумается.

Не только до утра, но целых два дня и две ночи ждал орстхоевец-нохчо этих, случайно ему встретившихся товарищей, но они не вернулись. Делать больше было нечего, и он взял себе две переметные сумы с золотом. Шел он далее и увидел сидящего у дороги бедного старика. Орстхоевец-нохчо дал ему слиток золота и поведал, как оно ему досталось. Старик стал просить его, чтобы он взял его себе в отцы. Согласился орстхоевец-нохчо, и они пришли к нему домой.

Прошло два года. Орстхоевец-нохчо уважал старика и прислушивался к его советам. Старик оказался прилежным хозяином. С каждым днем их хозяйство налаживалось, и они зажили очень хорошо. Как-то старик-отец сказал своему сыну, чтобы он женился, и даже начал сватать для него подходящую девушку.

В день свадьбы орстхоевца-нохчо на его порог явился бывший побратим орстхоевец-галга. При всем собравшемся народе орстхоевец-нохчо рассказал, как с ним поступил орстхоевец-галга. Народ возмутился и стал требовать, чтобы непрошеного гостя вышвырнули вон. Но орстхоевец-галга попросил разрешить ему сказать несколько слов. Ему разрешили, и он поведал:

— Мой побратим орстхоевец-нохчо прав. Когда он бедный и обездоленный пришел ко мне, я, зная, что он у меня не возьмет золота, подстроил так, что навстречу ему пошли от меня двое людей и дали ему золота. Не будучи уверен, что он с его помощью сможет наладить хозяйство, я подстроил так, что его отцом стал мой отец, который весьма опытен в хозяйственных делах. И еще, девушка, на которой он женится, моя сестра. Скажите теперь, могу я зайти в этот дом и быть на свадьбе?

Конечно, все были согласны и приветствовали его. Вот какими мужественными людьми были эти побратимы!

131. АЧАМЗА-КУРГАН (СЫН ЛОАМАН ХА)

Раньше, когда наши отцы жили в горах, эта равнина была в руках богатых князей. Князья не только отбирали друг у друга добычу, но, по их приказанию, собирались отряды, которые возглавляли сыновья князей и их сподвижники. В те далекие времена они чинили разбой, производя всюду опустошение. Немало горя вынесли от плоскостных князей и горные люди. Чтобы отбивать их нападения, лучшие мужчины ставили у подножия гор свои посты. Одним из таких постов в те времена был Ачамза-курган, который расположен близ села Экажево.

Ингушский Лоаман Ха[1], Нарт Нясар и Нарт Орстхо, сговорившись между собой, в то время несли там караул, охраняя покой горных людей. Говорят, что этот курган они и возвели. Обнаружив шайку, они отбивали награбленное ею, бродячему не давали прохода, сами брали набегами добычу, так и жили. Далеко славились их имена.

Один князь часто ходил за добычей. Когда, однажды заблудившись со своими наездниками, он ночью въехал на хребет, то увидел огонь на Ачамза-кургане.

— Сам бог дал нам это! Добыча оттуда не будет лишней. Мы поедем туда, — сказал князь.

— Я слышал об этих людях, — сказал князю один из его сподвижников. — Говорят, они очень отважные люди, лучше бы нам не ходить туда. Ингушский Ха, Нарт Нясар и Нарт Орстхо там живут; один из них выходит против шестидесяти воинов и побеждает их, говорят люди.

— Если они такие люди, то нам не мешает с ними завести дружбу, — сказал князь и направился к Ачамза-кургану.

Ингушский Лоаман Ха только что вернулся с добычей и привел целый табун скакунов. Подумав, что за ним идет погоня из-за уведенного табуна, он вскочил на коня и выехал навстречу князю.

— На вражду выйдя, к тебе не иду как враг. Я заблудившийся путник, и если ты примешь, буду твоим гостем, — сказал князь.

— Мой дом для тебя открыт, — сказал Лоаман Ха и принял князя, напоил и накормил его.

— Я рад твоему приезду и смогу одарить тебя из моей добычи, — сказал он. Половину табуна отделил шестидесяти участникам его похода, а другую половину, ради новой дружбы, выделил самому князю.

Когда они сидели за трапезой на Ачамза-кургане, князю сообщили, что у него родилась дочь. И из гор пришло известие, что у Лоаман Ха родился сын. Здесь они нарекли дочь и сына и породнились, а половину табуна скакунов посчитали за калым. После этого сватовства князь уехал домой.

Дети еще не успели подрасти, когда Лоаман Ха скончался. Князь прослышал, что его зять вырос плохим человеком. Тогда он решил выдать свою дочь за князя из Саллоевых[2]. Об этом узнала мать сына Ха. Ей было тяжело, и все-таки она ничего не говорила сыну. Она боялась, что, узнав об этом, он поднимет тревогу, нашумит и уронит свое достоинство среди людей.

— Лицом ты похож на отца, делами своими только непохож. Не было такого народа, которого не знал бы твой отец, не было страны, где не слышали бы о нем. Хоть из уважения к нему будь его достойным. Узнай, как живут люди, поезжай к родственникам своей невесты, — стала говорить мать своему сыну.

— Ты больше меня беспокоишься, — ответил сын, вывел коня своего отца, оседлал его, положил в одну переметную суму золото, в другую — серебро, птицей взвился на коня и тронулся в путь.

— Отдохну там, где остановится мой конь, — решил он.

Миновав горы, его конь остановился возле Ачамза-кургана.

— Это место, где жил мой отец, — сказал он и дал отдохнуть коню.

От Ачамза-кургана он доехал до страны, где проживал князь из Саллоевых. Конь остановился у ворот полуразрушенного дома на самом краю села. В этом большом шахаре одна половина населения веселилась, устроив пир, другая пребывала в горе и печали. Конь остановился там, где люди были в печали.

— Что это? — спросил он у своей хозяйки-вдовы. — Проезжая через это большое село, я видел, что половина села веселится, а в вашей половине все печальны, ходят понурив головы?

— Эх, да живи ты долго! Тебе неизвестны свалившиеся на нас горе и стыд, — сказала вдова. — Когда ингушский Лоаман Ха был жив, наше село было посвящено ему. Он поддерживал нас, мы не испытывали гнета князя Саллой. После его смерти в нашем селе стал жить со своими людьми князь Саллой. Он-то со своими пришельцами и устроил это пиршество.

— По какой же причине пал на вас позор? Ведь Лоаман Ха умер, — вновь обратился к хозяйке-вдове гость.

— Как же не позориться нам? Сын нашего дорогого Ха плохим вырос. И невесту сына Ха князь выдает за князя Саллой. По этому случаю в одной половине села и состоится праздник.

Сын Ха понял, как обстоят дела, но не растерялся.

— Ты не знаешь, в какие одежды наряжена невеста? — спросил сын Ха у хозяйки-вдовы.

— Не знаю, — ответила хозяйка-вдова.

— Сходи, пожалуйста, посмотри на ее одежду, — попросил гость.

— Да разве в моем жалком отрепье меня впустят к невесте князя? Там ведь охрана стоит, — сказала вдова-хозяйка.

Сын Ха положил ей в один рукав золото, в другой — серебро и сказал:

— Если тебя встретит охрана, выбрось из рукавов золото и серебро, и пока охрана будет его собирать, ты незаметно проскочишь к невесте.

Как он сказал, так вдова и сделала. Узнала, во что одета невеста, и вернулась. В ту же минуту он послал ее к мастерицам, они сшили ей одежды точно такие же, в какие была облачена невеста князя. В этих одеждах он направил ее к невесте.

— Если тебе невеста будет говорить что-нибудь об одежде, то скажи: «Кто бы мог сделать такую одежду, кроме сына Лоаман Ха? Если ты согласна, сегодня ночью он появится».

Вдова выполнила поручение и принесла ответ невесты: «Я готова». Когда зашло солнце и сгустились сумерки, сын Лоаман Ха ворвался во двор князя Саллой. Нанося удары коню с правой и левой стороны, гарцуя, носился он по двору. К нему подошли люди, чтобы ввести его в дом, но он привел их всех в смятение, и они не знали, куда деться.

«Откуда, кто он, как его имя?» — спрашивали растерявшиеся люди, а молодец, конем сшибая передних, из ружья убивая других, схватил свою невесту и скрылся, подобно падающей небесной звезде. Саллойцы остолбенели, не поняв, что произошло. Бросились туда-сюда, но никого уже не было. Тогда заподозрили во всем сына Ха.

А он, взбираясь на гребни гор, когда туман окутывал горы, и спускаясь в долины, когда туман застилал их, лаская по дороге свою невесту, прибыл, наконец, домой. От радости его мать, налив в гий горячую кашу, легко протанцевала на ней.

На третий день свадьбы сыну Ха сообщили, что на его земле Сеска Солса начал вспахивать землю своими плугами.

«Нельзя же туда не поехать», — решил сын Ха, оседлал коня и поехал. Приехал и видит — пашут его землю Сеска Солса и его люди.

— Перестал бы ты, Сеска Солса, пахать землю моего отца, — сказал сын Ха. — Ты старый человек, и мне не к лицу говорить тебе что-нибудь плохое. Нехорошо ты делаешь!

— О какой пахоте ты говоришь, что ты разболтался? Ты и твой отец откуда взяли эту землю? — злобно говорил Солса, хотя и знал, что был неправ.

Сын Ха собрал все, что было приготовлено для пахоты в одно место, распряг быков и погнал их перед собой. Солса и его люди, выехав на пахоту, были без оружия. Давя погнавшихся за ним людей копытами коня, нанося удары плеткой, сын Ха всех разогнал и вернулся с быками домой. На третий день свадебного пиршества он зарезал этих быков, угостил всех людей селения, а затем прилег, думая, что хоть теперь отдохнет. Уснув, он увидел

сон: солнечный день превращая в пасмурный, вокруг села кружило соколиное войско, с другой стороны было орлиное войско, а на третьей стороне — войско воронов. Проснувшись, сын Ха рассказал этот сон своей матери.

— Да умрет твоя мать! Не падай духом! Увиденное тобой соколиное войско — это дружина Сеска Солсы, орлиное войско — дружины князя, воронье войско — дружина саллойцев. Они идут, чтобы сражаться с тобой.

— Хорошо, что они настолько считаются со мной, — ответил сын Ха и вновь улегся спать, чтобы выспаться.

Наутро он увидел, что его селение окружено войском трех видов. Оседлав коня и взяв отцовский терсмаймальский[3] меч, он вышел навстречу врагам. Вперед поскачет — одних разобьет, назад поскачет — других уничтожит. Конем топтал передних, соседних мечом рубил. Три рода войск стали редеть. Тут он заметил воина, который кинулся в гущу сражения и стал уничтожать врагов. Приглядевшись, он узнал своего красного, барсу подобного жеребца, который был оставлен дома и стоял на просяном корму.

«Кто бы ты ни был, ты — мой гость, и дерешься ты замечательно», — подумал сын Ха.

И довольный этим, забыв о битве, он пришел в восторг. Когда нападавшие убежали, убитые остались лежать и вся окрестность освободилась от врагов, они встретились и, заговорив, узнали друг друга. Это была жена сына Ха. Мать, следившая за ходом боя издалека, с возвышенности, спустилась к ним. Когда она приблизилась, то увидела, что они еле-еле стоят на ногах. Тут они оба умерли. Мать, не проронив ни одной слезинки, похоронила их вместе.

132. ВАХА И УМАР

У братьев Вахи и Умара было много овец. Старшим из братьев был Ваха. Умар погнал баранту на горные пастбища. В один из дней часть овец перешла через границу княжеской земли. Слуга князя узнал это и донес своему хозяину. Князь, собрав своих воинов, прискакал к Умару.

— Почему твои овцы пасутся на моей земле? — крикнул князь.

— Не вини меня, произошло это потому, что овец много, и я не смог управиться с ними, — ответил Умар.

— Смог ты с ними управиться или не смог, не мое дело. Я угоняю твои отары.

— Если бы овцы были разумны, если бы я смог управиться с ними, этого не произошло бы. Не надо грозить мне и уводить моих овец, — сказал Умар.

Заспорили они сильно. Кинулся Умар к своему шалашу, сбросил бурку и взял в руки ружье. Направил он его на князя и сказал:

— А теперь угони моих овец, если ты мужчина!

Князь и его воины стали стрелять в Умара. Его собаки пустились бежать в село, где жил Ваха. Прибежав домой, собаки стали лаять и поворачивать головы в ту сторону, где находился Умар. Не понял Ваха собак; он решил, что они голодны и дал им мяса. Но собаки не обращали на мясо никакого внимания, а продолжали лаять, указывая в горы. Понял тогда Ваха, что не все благополучно с его братом. У него был конь, которого он берег на черный день. Конь этот летом пасся в горах, а зимой его кормили красной пшеницей. Сел на него Ваха и подумал: «Если я поскачу по селу, люди подумают, что я растерялся». И он поехал шагом. Выехав за село, трижды хлестнул он коня и сказал: «Пас я тебя на горных пастбищах, кормил отборным красным зерном, берег для такого дня, который настал сегодня. Скачи, что есть сил к моему брату!»

Лишь только Ваха отпускал повод, конь перепрыгивал через горы, лишь только он оттягивал повод к себе, конь взмывал к тучам. Прискакал он к Умару. Вся грудь его была набита свинцом, и лежал он почти бездыханный. Начал его выспрашивать Ваха, но все что Умар смог — это слабеющей рукою указать вслед уехавшим врагам. Ваха вскочил в седло и что есть силы поскакал вслед за врагами. Он нагнал князя и его воинов, когда они уже подъезжали к своему селу. Один за одним стали падать враги от метких выстрелов Вахи, а конь его стал в ярости топтать их своими копытами. Завершился бой, и лишь князь остался в живых. И тогда стал он просить у Вахи свою душу:

— Оставь мне мою душу, и я дам тебе столько золота, сколько ты сможешь унести, дам тебе столько буйволов, сколько овец в твоих отарах.

— Я не старуха, чтобы доить буйволиц и не вдова, чтобы сидеть и любоваться золотом. Мой брат лежит убитый тобой, но и ты не уйдешь живым, — сказал Ваха и зарубил князя.

Вернулся Ваха к Умару и увидел, что его брат скончался. Не мог Ваха вынести кончины своего брата. Поставил Ваха рукоять кинжала на грудь брата и только хотел налечь на лезвие кинжала, как внезапно ожил Умар. Оживила его братская любовь.

133. МУЖЕСТВО АДИЕВА СУРХО

Когда Адиев Сурхо убил князя Мусоста и разделил среди людей его земли[1], имя его стало известным повсюду. Он стал настолько знаменит, что тринадцати мужчинам из чеченцев и ингушей захотелось поехать к нему. Когда они приехали, Сурхо хозяйничал у себя во дворе: он убирал навоз. На голове у него была крестьянская шапочка, одет он был в латаную рабочую одежду, штанины его брюк были засучены до колен. Роста Сурхо был невысокого.

Навстречу гостям вышла его жена. Гости после приветствия спросили:

— Дома ли Сурхо? Мы приехали познакомиться с ним.

— Входите, — сказала жена, — пока вы расположитесь на отдых, он вернется домой.

Гости замешкались, не зная как им быть. Сурхо воткнул лопату в навоз и подошел к ним. После приветствий и расспросов он сказал:

— Слезайте с коней, сейчас вернется и Сурхо.

Гости спешились. Всех тринадцать коней Сурхо поставил в стойле и насыпал им кукурузы. Все это он делал на виду у гостей. Затем Сурхо взял у них все оружие и ввел их в дом. Дав им возможность удобно расположиться, он вышел. Пока для гостей накрывали столики для еды, Сурхо помылся, оделся в хорошую одежду, вернулся к гостям и снова поприветствовал их. Ответив на приветствие, гости стали внимательно рассматривать его.

— Это ты убирал навоз, когда мы подъехали? — спросили они.

— И навоз я убирал, и Адиев Сурхо, которого вы ищете, тоже я, — сказал Сурхо.

Удивились этому гости, стали перешептываться между собою, говоря, что это не Адиев Сурхо, а наемный пастух, убирающий навоз. Не притронувшись к приготовленному барану и другой еде и напиткам, гости встали и ушли[2]. Когда они отъехали далеко, Адиев Сурхо быстро снарядил своего коня, вооружился, прикрыл лицо башлыком и по другой дороге поскакал навстречу тем мужчинам. Догнав, он начал гонять их взад и вперед. Сурхо отобрал у них тринадцать коней, столько же сабель, патронташей, поясов[3]. С этой добычей он вернулся домой и снова стал убирать навоз.

Глубоко переживая свой позор, мужчины пешком вернулись к дому Сурхо. Как и в прошлый раз, их хорошо встретили: приготовили барана и все прочее.

— Не дотронемся мы до еды. Если ты на самом деле Адиев Сурхо, сними с нас позор и лишь потом мы станем есть твой хлеб, — сказали они.

Тогда повел Сурхо их в прихожую и показал им их оружие и пояса, повел в конюшню и показал их лошадей.

— Теперь не верите, что Адиев Сурхо — это я? — спросил он. — Встреченный вами на дороге всадник, тоже я. Огненная головешка Селы[4], говорят, величиною всего с просяное зернышко. Что из этого, что я невысок ростом? Я убирал навоз, так что из

этого? Вы думаете, рука, умеющая работать лопатой, не сможет управляться с оружием?

Нечего было сказать этим известным мужчинам. Они стыдливо опустили головы.

134. МАДИЕВ ДЖАММИРЗА И ЕГО ЖЕНА

Однажды в Чечен-аул прибыли трое добрых молодцев-чужестранцев, искавших случай прославить свои имена. Подойдя к месту схода аульчан, они спросили, кто в ауле наиболее достойный, у которого они могли бы остановиться без ущерба для своей чести. Последовал ответ: «Вас примет с радостью любой из нас, но коль скоро вам нужен наидостойнейший, идите к Джаммирзе, сыну Мади».

Аульские отроки отвели молодцев к дому Джаммирзы, который как раз в этот момент вместе с женой скирдовал сено у себя во дворе. Гости-странники пришли в недоумение, увидев, как достойнейший из аульчан занимался столь недостойным для его имени делом, да еще вместе с женой. Недоумение это перешло в удивление, когда они дальше стали свидетелями сцены, совершенно несовместимой с горским понятием о мужском достоинстве: супруги о чем-то заспорили и, после некоторой перебранки, жена с вилами наперевес кинулась на мужа, который, к негодованию наблюдающих, обратился в бегство. Так они и стали кружиться вокруг скирды: впереди со смехом убегающий муж, а за ним с громкими угрозами и бранью разъяренная жена.

Возмущенные такой унизительной для мужчины картиной, гости немедленно покинули усадьбу Джаммирзы и остановились на ночлег у первого попавшегося им аульчанина.

Рано утром отдохнувшие странники, поблагодарили хозяина за гостеприимство и покинули аул, не подозревая, что их ждет впереди.

Не успели они отъехать и версту от чечен-аульских земель, как неожиданно попали в ловко устроенную им кем-то засаду, от которой ушли, в самом плачевном виде: без оружия и коней, живыми свидетелями собственного позора.

Искателям приключений не оставалось ничего другого, как вернуться к хозяину, у которого гостили, и с его помощью постараться возвратить утраченное, а затем поскорее убраться восвояси подальше от этих мест.

Когда они, вернувшись в аул, обратились за помощью к хозяину, то последний высказал уверенность, что это дело рук Малиева Джаммирзы, единственного в ауле человека, способного оказать такую ловкость: одному спешить и обезоружить трех добрых молодцев.

Хозяин, выполняя свой долг[1], отправился к Джаммирзе и,

извинившись за бестактность, допущенную его гостями, попросил его вернуть им снаряжение и этим заодно спасти и его, хозяина, честь, не сумевшего уберечь своих гостей. Джаммирза успокоил хозяина, сказав, что все уладится благополучно, и велел попросить гостей, чтобы они остались в ауле еще на одну ночь и погостили на сей раз непременно у него.

В доме Джаммирзы гости были приняты со всеми подобающими почестями, стол ломился от изобилия разнообразной и вкусной еды, крепких напитков. В честь гостей была устроена веселая вечеринка, где солнцеликие девицы и ловкие парни пением и танцами ласкали сердца молодцев-гостей. Богатый, шумный пир длился до полуночи.

Когда гости насытились едой, питьем и, утомленные весельем тела их стали проситься на покой, Джаммирза призвал свою жену и попросил ее убрать со стола. Затем он обратился к гостям со словами: «Вы вчера, желанные мои гости, увидев мою с женой невинную стычку, поставили под сомнение честь и порядочность этого дома, изменив первоначальное намерение, ушли в другой дом. Я не оспариваю у достойных моих аульчан честь оказывать лучшее гостеприимство кому бы то ни было. Каждый из нас сделает это с радостью и должным образом. Но, коль скоро дело приняло такой оборот, считаю необходимым внести в него некоторую ясность, чтобы не оставить вас, дорогих гостей, в заблуждении».

Сказав это, он повелел своей жене-молодице собрать и принести орудия ее занятий. На одну половину стола легли: ложки, чашки, поварешка, сито, веник, верстено, перстень, ножницы, иглы, краски, пудреницы и т. д. Затем он предложил вынести его собственное оружие. Другую половину стола заняли: ружья, пистолеты, газыри, кинжал, сабля, плеть, рог-пороховница и т. д.

Окинув взором стол и предложив присутствующим мысленно сравнить возможности этих двух арсеналов, Джаммирза сказал: «Перед вами личное оружие сильного и слабого полов. Скажите, пожалуйста, о чем может спорить обладатель первого с хозяйкой второго? Вчера я отступил перед гневом жены, памятуя, что не дело мужчин вступать в драку с женщиной. Кроме того, должен вам сказать, что лучшая половина славы Джаммирзы, сына Мади, соткана руками той, чья щедрость и усердие доставили нам сегодня возможность коротать время за этим столом. Говорят, сын Мади здоров, силен и ловок, а его конь вынослив и быстр. Я всегда и своевременно обеспечен вкусной, здоровой пищей и приятным, беззаботным отдыхом в часы досуга. Коня моего жена кормит не у общего стойла и поит его лишь ключевой водой. Мои ружья бьют метко, сабля всегда остра, а порох в пороховнице всегда сух, ибо они хранятся в чистоте и тепле, под-

держиваемых в доме стараниями жены. Не было еще случая, чтоб любой страждущий, будь он голодный путник или высокий гость, равно не нашел щедрого приема с теплым приветом под кровлей этого жилья. Наконец, я спокоен без тени сомнения за одну половину чести своего дома — супружескую верность жены — и потому мне сподручнее добывать другую в мирской суете за пределами его стен. Разве все это не результат достатка и благонравия в доме, где хозяйничает женщина?

Перед отходом ко сну Джаммирза с пожеланиями спокойной ночи сообщил гостям, что утром они могут получить в целости и невредимости свое снаряжение, как-то оставленное ими у края чечен-аульских земель.

135. МЕСТЬ АДЫ

Жил когда-то состоятельный старик Ада. У него было две тысячи баранты. Ада послал своего сына в горы пасти овец, а сам остался дома. Какой-то богач-грабитель убил сына Ады. Помимо двух тысяч овец у сына Ады было много козлов-вожаков и хороших овчарок. Грабитель стал отгонять овчарок и произнес проклятие: «Чтоб вы стали голодными волками!» Овчарки тут же превратились в волков. Затем грабитель отогнал козлов-вожаков и проклял их: «Чтоб вам превратиться в диких коз!» Козлы-вожаки тут же превратились в диких коз. Баранту же затем грабитель погнал к себе домой.

Ада узнал, что его сын убит и лежит в горах, овчарки превращены в волков, а козлы-вожаки в диких коз. Тогда Ада сказал дочери: «Поймай моего коня, оседлай его и подержи стремя, я хочу сесть на него. Подай мое оружие, я еду в горы, а вы оставайтесь с миром».

Старый Ада направился в горы. Когда он прибыл на место, то увидел своего убитого сына, волков и диких коз. Ада очень разгневался; он отпустил своего коня, бросил оружие, взял в руки палку, перекинул через плечо переметную суму и пошел, как нищий, в то село, где жил грабитель.

Придя в село, в одном из дворов Ада увидел свою баранту. Завидя Аду, овцы заблеяли. Ада подошел к забору и крикнул.

— Эй, богач, подай нищему!

На это богач ответил:

— Я дам тебе милостыню, если ты станцуешь.

Ада согласился и предложил убийце его сына сыграть на пондаре.

Грабитель начал играть на пондаре — Ада пошел по кругу. Танцуя, Ада незаметно извлек свой старый кинжал и снес им голову грабителю. Поднял он ее и положил в свою суму, а затем

созвал своих овчарок и козлов-вожаков, поймал своего коня, собрал оружие, положил тело сына на коня и погнал баранту в свое село.

136. ГАЗИ, СЫН АЛДАМА

До пятнадцати лет недоставало трех лет Гази, сыну Алдама.

Однажды в сумерки к нему подскакал всадник и сообщил:

— Сегодня в полночь по такому-то мосту будет проезжать враг вашего народа и убийца твоего отца.

Не прошло и нескольких минут, как подскакал другой всадник:

— Сегодня насильно выдают за князя тобой любимую и прекрасную Зазу.

Не успел Гази хорошенько подумать, что ему вначале предпринять, как появился еще один всадник:

— Сегодня ночью к тебе прибывают друзья отца твоего.

Печальный направился в саклю Гази.

— Что ты приуныл, какие мысли беспокоят тебя, мой мальчик? Поведай их родившей тебя матери, — сказала ему мать.

Рассказал Гази о причине своего горя.

Тогда стала говорить ему мать:

— Если врагу нашего народа и убийце твоего отца суждено погибнуть от руки твоей, это всегда успеется. Если прекрасная Зазу, дочь Анзора, любит тебя, то ты всегда успеешь на ней жениться. Но если ты сегодня со всеми почестями не примешь друзей отца, то будешь опозорен на всю жизнь.

Гази достойно принял друзей своего отца. Тепло встретил их у порога сакли, накормил, напоил и спать уложил. Затем той же ночью оседлал коня и устроил засаду у того места, по которому должен был проехать враг народа и убийца его отца. В полночь к мосту на черном коне подъехал враг народа и убийца его отца. На мосту конь злодея стал спотыкаться.

— Будь ты проклят, почему ты стал спотыкаться?! Нам некого бояться! Ведь Гази, сыну Алдама, до пятнадцати лет еще трех лет недостает! — и наносил удары плеткой черный всадник.

— До пятнадцати лет трех годов недостает Гази, сыну Алдама, но он перед тобой. Готовь свое оружие к бою! — крикнул Гази, сын Алдама.

В честном бою одержал победу над врагом Гази, сын Алдама, и в знак свидетельства срезал его усы.

Затем Гази отправился к прекрасной Зазу, дочери Анзора. Входит он в дом и здоровается с присутствующими там князьями.

— Пусть будет покой ваш мирным, я забираю свою невесту.

— Перестань шутить, — говорят князья.

— Шутки — начало ссоры, говорит пословица, но не упрекайте меня в подлости, — сказал Гази, забрав свою невесту, и до начала рассвета возвратился домой и сказал:

— Вот она, родившая меня мать, твоя сноха.

Затем вытащил из-за пояса усы:

— А это усы убийцы твоего мужа и врага всего нашего рода.

На радостях мать Гази станцевала вокруг очага так легко, что на золе не осталось даже следа муравьиного.

Некоторое время спустя прибыли князья:

— Мы на вес дадим тебе золота, не унижай нас перед другими князьями, возврати нам Зазу, дочь Анзора, — просят они Газги, сына Алдама. — Если ты не отдашь ее волею, силою ее заберем.

Все это услышали гости, друзья отца Гази. Вышли они и сказали:

— Золото и серебро — украшение князей; прекрасная Зазу — украшение дома Гази. Если вы с миром пришли, то встретим вас как гостей, если вы с боем пришли, то и к бою мы готовы.

Поняли князья, что им ничего не удастся, и убрались восвояси, а свадебный пир во дворе Гази, сына Алдама, сейчас только по-настоящему разгорается.

137. АЧХОЙ-МАРТАНОВСКИЙ ДУДА ИСМАИЛОВИЧ

Дуда Исмаилович был мужественным человеком. При его жизни люди думали, что нет на свете ничего, что ему не было бы под силу. И вот заболел Дуда болезнью, исходом которой бывает обычно смерть. Начали к нему сходиться люди. Выражая сожаление, они спросили его:

— Дуда, ты опасно болен, но ты был очень мужественный и на многое способный человек. Скажи, умирая, есть ли у тебя какое-нибудь сожаление, осталось ли что-нибудь такое, чего ты не смог сделать?

И тогда поведал им Дуда:

— Ездил я прежде на Терек к князьям за добычей. Были со мною и товарищи. Однажды мы дошли до перепутья двух дорог. Одна из них была наезженная, людьми облюбованная. Другая дорога была старой, заброшенной. Хотелось мне поехать по этой забытой дороге, да не хотел подвергать опасности своих товарищей. Наступила ночь. Светила луна. Мы остановились на ночлег. Тут, проезжая мимо, нас приветствовал некий молодой человек. Одет он был бедно, папаха была без верхушки, а ножны сабли были без всякой облицовки. Поприветствовав нас, он поехал по старой опасной дороге. Я не сдержался, и, сказав друзьям, что

еду разведать проторенную дорогу, поскакал по ней, а затем, вдали, свернул на опасную дорогу.

Ни неба вверху, ни земли внизу видно не было, настолько были густы лесные заросли. Ехал я по этой дороге, а чтобы ветви и сучья не повредили мне глаза, я держал перед собою кнутовище. Внезапно конь остановился и захрапел. Я стеганул его, но он не тронулся с места. Стал я прислушиваться. До меня донесся человеческий голос:

— Ну, гадина, схватила же ты меня подло!

— Кто ты, — крикнул я удивленно, — человек или шайтан? К тебе боится приблизиться мой конь!

— Я человек, и судьба моя уже решена, скачи отсюда, что есть мочи! — услышал я в ответ.

— Мой конь, — вновь крикнул я, — боится к тебе приблизиться. Что бы мне сделать?

— Ко мне не приблизится твой конь. Если бы он был конем Дуды Исмаиловича из Ачхой-Мартана, он бы приблизился, — услышал я в ответ.

Я соскочил с заупрямившегося коня и пошел на голос. Вышел я к болотистому месту. Посреди него стояла высокая верба. Обвив ее телом, а хвостом обвив проезжавшего юношу, сармак таскал его по болоту. Изловчился я и ударил сармака саблей, ударил в другой и третий раз, но сабля не брала его.

— Не берет сармака моя сабля, что же мне делать? — спросил я.

— Уходи! Моя судьба уже решена, не стремись к погибели, — сказал он.

— Нет, — ответил я, — не уеду! Я Дуда Исмаилович из Ачхой-Мартана!

— Если ты Дуда Исмаилович, то попытайся вынуть мою саблю. Может, она поразит сармака.

Изловчился я и, ринувшись между деревом и юношей, вытащил саблю юноши, лишь слегка задев его. Взмахнул я саблей. «Не бей его изо всей силы!» — крикнул юноша. Ударил я не сильно и не слабо — рассек сармака на две части. Подхватив юношу, я отошел, потому что от сармака шло страшное зловоние.

Когда юноша стал прощаться, я спросил его:

— Кто ты и откуда? Как зовут тебя?

— Я забыл свое имя, которое мог бы назвать тебе, ибо мне стыдно перед тобой. Я не совладал с сармаком и очернил свое лицо. По Тереку лежат хутора, если там спросишь, то тебе назовут меня, — ответил юноша, но при этом не сказал, из какого он хутора.

— Возьми свою саблю, — сказал я.

— Она не моя и принадлежит тебе, — отрезал юноша.

ешка, считая, что он опозорился, стыдясь, что не смог одолеть сармака, не подходил ко мне. Так мы с ним и не стали товарищами. Об этом я только и сожалею, и больше не о чем мне сожалеть, — заключил умирающий Дуда Исмаилович.

уехал. С тех пор я все на-
ждет меня, так как он был моложе меня.

138. НЕ ХВАЛИСЬ СДЕЛАННЫМ

Между Ачхой-Мартаном и Гойтами раньше были большие леса, в которых росло много груш. В Гойтах жили двое грабителей. Они прослышали, что в лесах завелся медведь, который чрезмерно осмелел и вредит людям. Грабители решили сделать на медведя засаду и убить его. Было время, когда груши созрели и падали на землю. Грабители спрятались недалеко от большой груши, к которой обычно медведь приходил на кормежку. Он появился внезапно и совсем недалеко от притаившихся грабителей. Двое храбрецов струсили. Они не решались даже выстрелить, потому что боялись ранить медведя и не убить его. А раненый медведь очень опасен.

Сидящие в засаде увидели едущего по лесу всадника. Он приближался к пасущемуся медведю. Двое грабителей сидели и смотрели в ожидании того, как медведь разорвет всадника. Медведь, увидя всадника, двинулся на него.

— Уходи, не приближайся, иначе не сдобровать тебе, — сказал всадник.

Это слышали двое грабителей. Угрозы всадника не остановили медведя. Вскинув передние лапы, он двинулся на всадника.

— Не понимаешь ты мирных речей, — сказал всадник и прямо из ножен полоснул саблею медведя и развалил его надвое.

— Не успокоился ты, пока тебя не убили, — сказал он, вытирая саблю о медвежью шерсть. Затем всадник спокойно двинулся своим путем...

Один из сидевших в засаде грабителей сказал другому, что не успокоится, пока не узнает, кто этот всадник, и пойдет за ним в село ли, в город ли, куда бы тот не поехал. Он увидел, как всадник свернул во двор дома, стоящего на краю села. Грабитель не пошел в тот двор, а зашел в соседний, желая там узнать: кто же этот всадник. Во дворе разговаривали люди и сообщали друг другу, что к соседям приехал Ачхой-Мартановский Дуда Исмаилович и сегодня вечером встретятся у них. Грабитель лишь тогда узнал, кто был этот всадник.

Вечером собрались сельчане и начали говорить о разном; грабитель тоже явился. Он слушал с интересом все, что ни рассказывал Дуда Исмаилович. А тот, хотя время уже уходило за полночь, ни разу не обмолвился об убитом медведе. Грабителю

очень понравилась сабля Дуды Исмаиловича, и он как-то дал знать ему об этом. Прозорливый Дуда сказал:

— Эту саблю подарил мне некий юноша с притеречных мест, если бы она была куплена, то подарил бы тебе.

Тогда грабитель сказал, что он хотел бы кое о чем спросить у Дуды Исмаиловича. Он начал:

— Некие двое сидели в засаде на медведя, но он подошел к ним настолько близко, что они не решались даже выстрелить, потому что боялись поранить и не убить медведя. В это время мимо проезжал всадник, который легко разрубил медведя надвое. После того случая он ни разу не похвалился этим. Скажи, Дуда Исмаилович, почему этот всадник утаил свой храбрый поступок?

— Видимо, он посчитал, что не скромно ему хвалить себя, ибо мужчине не подобает хвалиться сделанным, — ответил Ачхой-Мартановский Дуда Исмаилович и улыбнулся.

139. ДОБРОЕ ДЕЛО НЕ ПРОПАДЕТ

У Дуды Исмаиловича украли коня. В поисках его пошел он на восток. Дойдя до села Шали, он спросил жителей:

— Кто у вас слывет хорошим наездником и имеет хорошего коня?

Дуда Исмаилович прибыл в Шали пешком, ибо посчитал постыдным просить у людей коня. Шалинцы ответили ему, что сын такого-то некий такой-то славится у нас и имеет хорошего коня. Они же указали и дорогу. Пошел Дуда Исмаилович прямиком к дому названного шалинца. Затем вызвал его.

— В поисках своего коня иду на восток. Дай мне своего коня. Если я найду своего, твой вернется к тебе, а если же я там погибну, то не беда, что ты лишишься своего коня.

Шалинец ни словом не обмолвился, даже не спросил: кто он и откуда. Он спокойно прошел во двор, полностью снарядил своего коня и вывел его Дуде Исмаиловичу. Пожелав счастливого пути, он при этом даже не спросил, когда он вернется.

Прошла неделя. Братья и родственники начали попрекать шалинца. «Убить тебя мало, кому отдал коня!» — сетовали они. Шалинец же отвечал, что тот, кто взял коня, вернется, если будет жив, а нет — жаль будет его, а не коня. В таких препирательствах прошла и вторая неделя. И тогда к дому шалинца на своем коне подъехал Дуда Исмаилович, рядом с ним был пристегнут конь шалинца. Вызвал он хозяина коня, сказал ему, что его конь несколько устал, но дня через два будет таким, каким был прежде. Не стал шалинец спрашивать, кто его гость, где живет, Дуда Исмаилович не стал благодарить и, попрощавшись, уехал.

Прошло какое-то время, и случилось так, что брат шалинца

попал в беду: в каком-то деле был убит его друг, а сам он арестован. Ему грозил расстрел. Шалинец пошел советоваться к людям: что бы ему сделать, как бы спасти брата. Расспрашивая, он дошел до города. Люди ему сказали, что в Ачхой-Мартане живет Дуда Исманлович, которому знакомы и генерал из Владикавказа и полковник из Грозного. Они посоветовали сходить к Дуде Исманловичу — тот не откажет в помощи.

Явился шалинец в Ачхой-Мартан к дому Дуды Исманловича и в человеке, который вышел ему навстречу, узнал того, которому он давал своего коня.

— Так это ты, Дуда Исманлович? — удивился гость.

— Да, это я. Будь гостем. Что тебя привело?

— Я явился не потому, что некогда дал своего коня, а потому, что люди посоветовали. Ты можешь обо мне подумать плохо, и мне не хочется говорить о своей просьбе.

— Не говори так, — ответил Дуда, — я знаю, что ты явился не для того, чтобы требовать услугу за услугу, говори, что тебя гнетет.

Шалинец изложил свою печаль, и тогда Дуда сказал ему:

— Ранее тебя ко мне приходил некий человек, которому я обещал помочь. С его делом я управлюсь до рассвета, а ты тем временем располагайся отдыхать.

Прямиком поскакал Дуда во Владикавказ. Когда он прибыл, с коня текла пена. Сидевшая у окна жена генерала увидела Дуду. Вошел он к ним в дом. Генерал предложил откушать чаю.

— Нет, — ответил Дуда, — арестовали моего брата и над ним нависла смертельная опасность. Если ты его не вызволишь, уйду, не притронувшись к еде.

Тогда генерал написал письмо в Грозный и отправил его с почтой.

— Его отпустят, пей теперь чай, поешь, — сказал генерал.

Они посидели немного, и Дуда поскакал в обратный путь. Мучимый мрачными мыслями в его доме сидел шалинец. К рассвету вернулся Дуда и говорит ему:

— То дело я закончил, теперь возьмемся за твое. Поехали.

Доехали они до Грозного и пришли прямо к тюрьме. У ее ворот среди двух офицеров стоял узник, в котором шалинец узнал своего брата.

Обрадовался и удивился шалинец:

— Скажи мне, Дуда, что все это значит?

— В прошлую ночь по твоему делу я ездил во Владикавказ, генерал направил в Грозный письмо с приказом освободить твоего брата. Но поскольку слова генералов и полковников расходятся с их делами, я тебе ничего не стал говорить: вдруг они не исполнили бы свое обещание? Ты бы мог принять меня за обманщика и подумал бы, что я своими обещаниями задержал дело,

упустил время, и поэтому погиб твой брат. Только убедившись, что дело сделано, я сообщаю о нем, — ответил Дуда Исманлович.

140. МЕСТО СУДИЛИЩ

В незапамятные времена каждый род горцев жил отдельно, имел свои башни, свои владения, и по ним никто не мог проходить без позволения главы фамилии свободно, безопасно. Недостатка в храбрых молодцах тоже не было...

Для решения всяких спорных дел и установления условий собирались в то время наши почетные старики — представители племен ингушей, карабулаков, чеченцев, мелхастинцев и даже отдельные тушинцы и хевсуры на граничной горе Муйты-кер. Со стороны Аккинского общества на склоне этой горы есть большой плоский камень, который служил местом для главы таких совещаний, а имя его было Муйты. Предметом занятий совещаний бывало: установление цены на выкуп пленных, платы за охрану во время переходов по районам чужих племен, цен на скот и т. п.: о времени собрания члены оповещались заблаговременно. Муйты, как самому умному, опытному в делах и влиятельному человеку, предоставлялось право согласиться или отвергнуть постановление совета. Согласие он выражал взятием себя за нос и уши, а отрицание—вставанием на ноги на камне. В последнем случае представители обязывались пересмотреть вопрос снова и решить его иначе или непосредственно, или же по указанию своего главы, Муйты. Утвержденные постановления советов были обязательны для членов всех племен и исполнялись беспрекословно.

141. СУД БЕКБУЗАРА[1]

Как-то произошел такой случай. Один из Хамхоевых спал в поле. К нему подошел один из Тергимхоевых и, желая в шутку напугать его, изо всей силы ударил палкой оземь около головы спящего. Тот от неожиданности и испуга внезапно умер. Из-за этого между Хамхоевыми и Тергимхоевыми началась тяжба. Первые говорили, что Тергимхоев виновник смерти члена рода Хамхоевых; Тергимхоевы считали, что обвиняемый невиновен, так как не коснулся спящего и ударил лишь о землю. Тогда Хамхоевы обратились за помощью к Бекбузару. Тот приехал из Хевсуретии[2] и, расспросив об обстоятельствах дела, велел принести чашку с нетронутым кислым молоком, поставил ее на землю и попросил Тергимхоева, обвинявшегося в убийстве, сильно ударить палкой о землю, не задевая чашки. Тот ударил, и пленка молока в чашке треснула. Тогда Бекбузаров сказал, что точно так же и у спящего Хамхоева должен был от сотрясения повре-

диться мозг, что и послужило причиной его смерти. Все присутствовавшие, в том числе и обвиняемый Тергимхоев, признали справедливость решения Бекбузара. Тергимхоевы уплатили Хамхоевым то, что следовало отдать за убийство члена их фамилии. После того Бекбузар попросил у жителей селения Хамхи маленький клочок земли, на котором можно было бы построить башню. Ему позволили, и он построил жилую башню. Спустя некоторое время Бекбузар обратился к хамхоевцам с просьбой дать ему еще небольшой клочок земли, чтобы он мог косить траву для своего скота. Хамхоевцы не хотели исполнить этой просьбы. Бекбузар обратился к народному суду, и тот признал требование Бекбузара правильным, потому что, если человек имеет целую башню, то ему для хозяйства нужна и земля. Так Бекбузар получил участок земли и навсегда переселился в Ингушетию.

142. ВОГА И ДОГГА

На одной горе жил Вога, на противоположной горе обитал Догга. Обе эти горы находятся близ горы Мят-лам. Жена Догги была очень красивой. Задумал Вога отбить ее у него. Жена Догги спустилась с горы вниз к реке, чтобы набрать воды. Вога схватил ее и привязал к колесу, затем ударом ноги загнал колесо на верх своей горы. Тут же он приготовился к бою. А раньше был обычай не убегать с того места, где мужчина совершил что-либо оскорбительное для другого.

— Догга, вооружись и спускайся! Я увел твою жену, — крикнул Вога.

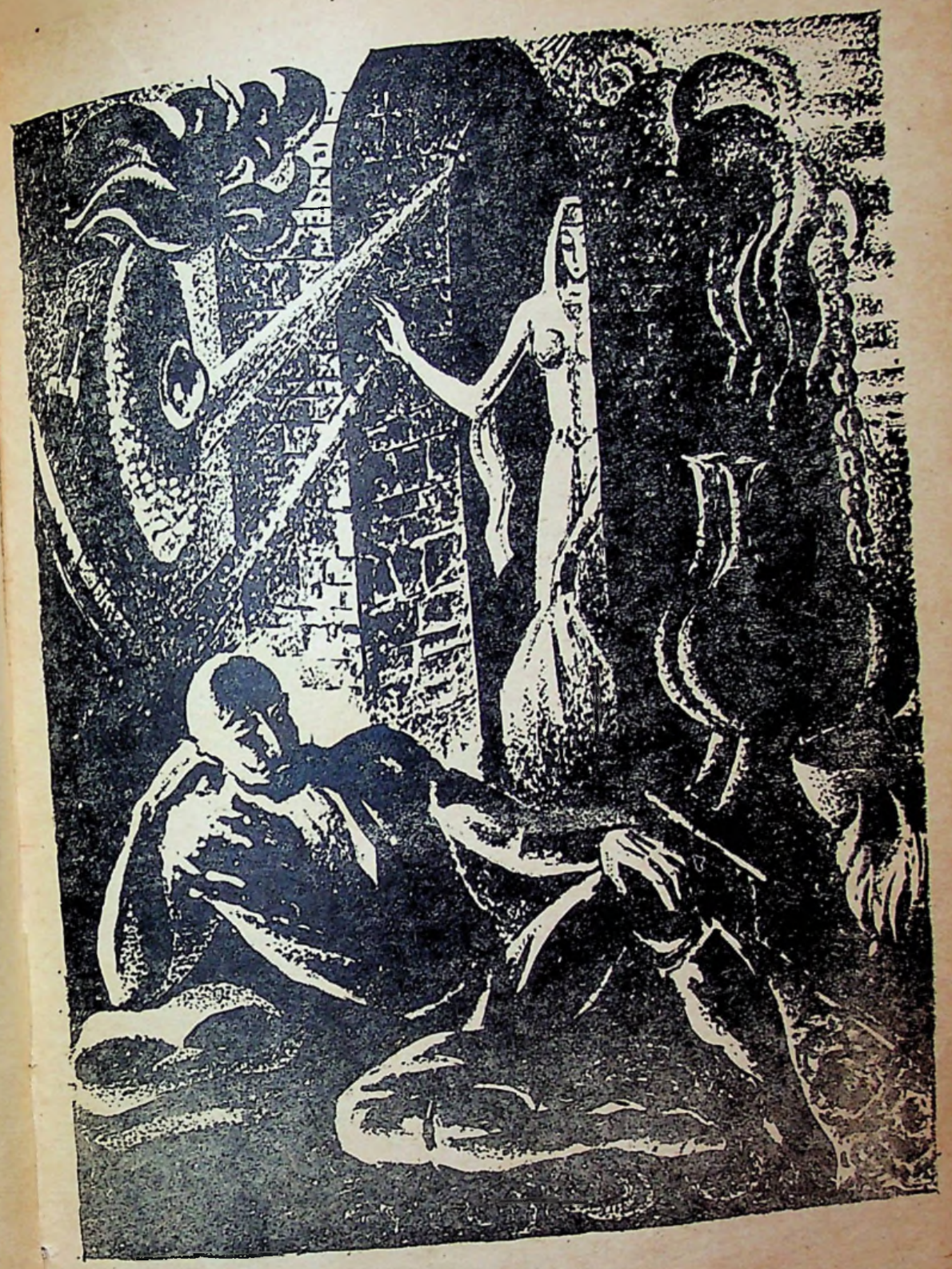
Даже то время, какое было необходимо для того, чтобы вооружиться, показалось вечностью для Догги: стремглав сбежал он вниз к своему обидчику.

— Будем драться «кулаком-пощечиной»! — воскликнул Догга и начал бой.

Враги наотмашь били друг друга. Дрались они долго, и Вога, наконец, победил. Догга лежал без сил. Вога побежал за саблей, чтобы отрубить голову Догги. Взяв саблю, Вога сказал жене Догги: «Сейчас я принесу его голову».

Пока Вога ходил за саблей. Догга взмолился: «О-о, бог — золотое солнце, дай мне сил и не дай позора! Дай мне отомстить!»

Почувствовал Догга, как его руки наливаются силой. Только Вога приблизился, как Догга протянул руки и ухватился за голени своего врага. Одну он переломил, а со второй вырвал икру. Вога на коленях удрал в гору. А в это время жена Догги, освободившись, побежала на помощь мужу. Колесо, к которому она была привязана, покатилось с горы и убило бежавшего вверх на култышках Вогу.

Как ни старалась жена вылечить Доггу, он не выздоровел: скончался от ран. Она не вынесла этого и от разрыва сердца умерла около мужа.

143. КАМЕНЬ-КРЕСТ

Если идти из Нихалоя в Итум-Кале, справа от дороги стоит каменный крест. Появился он, говорят, давно. Некая девушка каждый вечер стирала у реки шерсть. Она любила одного молодого человека, который ухаживал и любезничал с нею, когда она стирала шерсть. Случались сильные дожди, и тогда Аргун очень вздувался. Именно в такое время юноша стал перебираться через реку, вдруг он сорвался, и поток понес его. Девушка, возившаяся с шерстью, услыхала крик любимого, взывавшего о помощи. Она не могла ему ничем помочь, и в ужасе крикнула: «Да превращусь я в холодный камень!» Тут же девушка превратилась в камень. Так она и стоит, окаменев, с простертыми руками, и камень этот очень похож на крест.

Про этот же камень-крест рассказывают и другое. Мать дала дочери веник и шерсть, наказав идти к реке и быстро выстирать шерсть. Там же собрались девушки, юноши; были шутки, смех. Дочь настолько увлеклась весельем, что совсем забыла про сказанное матерью. Мать же, не дождавшись дочери, пошла к реке и увидела, что ее дочь беззаботно веселится, забыв обо всем. В сердцах мать произнесла проклятие: «Чтоб тебе стоять камнем, что холоднее льда!» Только она произнесла эти слова, как проклятие тут же сбылось, и девушка превратилась в камень.

144. ЧОПАЙ ГАРШ

Из Итар-Кала ведет тропа, которая идет по-над обрывом высокой горы. Когда идешь по этой тропе, то от нее невозможно подняться вверх, невозможно и спуститься вниз, потому что над тропою — отвесная скала, а под тропою — глубокий обрыв. Тропа ведет к пещере Койвса. Перед самой пещерой стоит башня. Вершина этой башни когда-то соединялась с отвесной скалой, посредством переброшенного мостика. Пройдя по нему, можно было попасть в другую башню, вделанную в скале. Эта башня имеет одно окно.

В башне некогда жил Чопай Гарш. Каждый, кто проходил по той тропе, был обязан давать долю с того, что он везет, а если путник шел без ничего, с него полагались одна пуля и заряд пороха к ней. Если кто не клал дани за проезд, Чопай Гарш сверху кидал на него камни.

Однажды по этой тропе ехал Солта. Чопай Гарш прокричал ему, чтобы он положил плату за проезд. Солта не обратил внимания на его слова. Чопай Гарш начал кидать камни. И на них Солта не обратил внимание. На краю дороги стоял большой камень. Солта разрубил его саблей и крикнул вверх: «Ты что же, хочешь напугать меня, такого мужчину!» Камень тот и сегодня называют «Камень, разрубленный Солтой»[1]. Этот камень разрублен так, словно ножом разрезали головку сыра.

Как-то выдался голодный год. Чопай Гарш пошел в селение Велах, что находится на границе с ялхоройским обществом. Он договорился в селе купить зерно. Хозяева взяли плату за определенное количество мешков и сказали Чопай Гаршу, чтобы он сам наполнил эти мешки. Хозяева ушли по делам. Дома осталась их дочь. Зерно находилось на втором этаже башни, девушка сидела на первом. Чопай Гарш наполнял мешки и слегка ударял их, чтобы зерно лучше утряслось. По стуку отбиваемых мешков девушка отсчитывала их количество и обнаружила, что Чопай Гарш берет мешков больше, чем было уговорено. Девушка подняла тревогу, сбежались люди, завязалась борьба, и Чопай Гарш погиб.

О случившемся несчастьи узнала жена Чопай Гарша. Она вышла из башни, встала на тот мостик и крикнула:

— Тому, кто захочет поселиться здесь или поднимется осмотреть башню, да не будет ни счастья, ни удачи!

Она была в положении. Женщина ударом ноги отцепила мостик и вместе с ним упала далеко в пропасть, где и погибла.

145. МОГИЛА БЕКСУЛТАНА БОРОГАН

Еще не так давно жила девица, происходящая из фамилии князей. Предки ее жили на правом берегу реки Сунжа. Местность эта называется Гязей Каув (что значит «усадьба Газия»). Недалеко от названной усадьбы находился большой курган (ЙиІий боарз), насыпанный, по преданию, этой самой княжной. Немного дальше, к северу от кургана, есть в балке родник, называемый «Сув-хьаст». Над этим родником находится камень, а на камне есть чашеобразная выбоина, куда, говорят, княгиня клала мыло во время стирки белья.

Бексултан Бороган[1] жил в том месте, где теперь находится село Яндырское. Он был влюблен в княжну, да и княжна была неравнодушна к нему. Бексултан обычно спал, стреножив лошадь, подложив седло под голову и подостлав под себя бурку на том самом месте, где теперь находится мавзолей Борога-каш (могила Борога). На этом месте он пас свой скот и следил за тем, чтобы как-нибудь не напала шайка разбойников и не угнала его. Княжна часто выходила на курган ЙиІий-боарз и смотрела на Бексултана, а Бексултан на нее, и так они любовались друг друг

гом. Недалеко от станицы Карабулакской находится курган Гаьсни-Іуна-боарз, где однофамилец Бексултана пас телят.

Однажды с той стороны, где жили уздени, вышла шайка наездников и направилась к Бексултану с целью угнать его скот и лошадей. Но Бексултан не потерял присутствия духа и стал стрелять из ружья по врагам. Брат его, пасущий телят, тоже стал стрелять. Они победили и погнались за врагами с обнаженными шашками в руках. Когда они истребили всех, за исключением одного человека, Бексултан погнался за этим человеком. Этот последний сказал ему:

— Не гонись за мной! Если получишь рану от пули моего ружья, ты непременно умрешь, потому что ружье мое из ружей Пяси-лача. Но Бексултан сказал:

— Пока не перебью всех, не вернусь домой!

Он не переставал преследовать его. Тогда разбойник выстрелил из ружья и убил Бексултана. Княжна же на том самом месте (около села Яндырского), где спал Бексултан, выстроила существующий и поныне мавзолей Борога-каш, для чего она из Тифлиса на мулах возила камни. Когда часовня была готова, и тело Бексултана перенесено в нее, княжна поставила рукоять кинжала на грудь Бексултана, а сама налегла на острый конец и таким образом покончила с собой. Тело ее было положено рядом с телом Бексултана. Таково предание стариков о Борога-каш.

тела героя, и
предания, ечны, стано-

2. Три б

С

Кг

КОММЕНТАРИЙ

СКАЗКИ

1. Золотые листья

Опубл.: ИФ. Грозный, 1967. Т. II, с. 182.

Записал писатель М.-С. Плиев в 1962 г. на ингушском языке от М. Плиевой, г. Грозный.

1 «Подпрыгивать на пятнадцать локтей три раза» — постоянный стереотип волшебных сказок, означающий «подпрыгивать очень высоко».

2 В сказках вайнахов представление о трех мирах встречается довольно часто. Герой сказки и эпоса попадает в нижний мир и там продолжает совершать героические поступки, которые он совершал в солнечном (верхнем) мире. В подземном мире положительный герой встречает трех сестер (дочерей князя, падчаха), похищенных злым чудовищем; выполняет их поручения и вызволяет из беды. В роли злого чудовища выступает змей (сармак), а в роли помощника героя — орел (эрзи). «В этом находит проявление одна из основных мифологосказочных оппозиций: змея (символ нижнего мира) — птица (символ верхнего мира) и их вечный антагонизм». Дунганские народные сказки и предания. М., 1977, с. 433. В своих странствованиях герой иногда попадает и в третий, подземный мир.

3 Шестьдесят три (а также 3, 7, 9, 13, 15) — одно из эпических чисел сказок вайнахов.

4 По языческим верованиям вайнахов, после смерти душа продолжает существовать, в чем проявились анимистические представления.

5 Белый цвет у вайнахов, как и у многих других кавказских народов, всегда был почитаем. Белое и черное в вайнахском фольклоре — цвета, олицетворяющие борьбу дня и ночи, света и тьмы, добра и зла. Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972, с. 419.

6 «Умри, тебя не родившая мать!» — идиоматическое выражение, передающее чувство радости.

7 Сармак — змей, дракон, иногда многоголовый. Обычно он лежит у реки или у источника и разрешает людям взять воду лишь в том случае, если ему принесут в жертву девушку. Появляется безымянный герой и побеждает дракона силой и отвагой, а иногда хитростью. Аналогичен адыгскому бляго и армянскому вишапу.

8 Гость для горца священен, и даже сармак соблюдает по отношению к нему обычай гостеприимства.

9 «Да умри у твоего отца семь человек!» — идиоматическое выражение, проклятие.

10 Следует согласиться с Б. Л. Рифтиным, который пишет, что у большинства народов в этом сюжете в заключительной части «герой спасает птенцов какой-либо могучей птицы, в благодарность птица выносит его на поверхность, но требует, чтобы он кормил ее мясом во время пути; когда взятого с собой мяса не хватает, герой дает птице кусок своего бедра (голени и т. д.), и они выбираются на поверхность. После этого птица отхаркивает съеденный кусок

тела героя, и он чудесным образом прирастает». Дунганские народные сказки и предания, с. 433.

2. Три брата

Опубл.: ЧФ. Грозный, 1964. Т. II, с. 34.

Записал С. Эльмурзаев на чеченском языке от М. Абдуразакова, с. Дубай-Юрт ЧИАССР.

3. Чайтонг — сын медведя

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 226.

Записал С. Эльмурзаев на чеченском языке от М. Абдуразакова, с. Дубай-Юрт, г. Грозный.

1 Чайтонг — букв. «медвежонок».

2 Ешап — чудовище, злое существо. В сказках вайнахов ешап антропоморфен и выступает в мужском или женском обличье. В данном сюжете у ешап борода, а в других ешап — женщина. Его половая (родовая) принадлежность определяется из контекста сказок.

В нартских сказаниях ешап — бесполое существо, имеющее отношение к загробному миру и пребывающее на страже двух миров. (Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 414). По мнению А. Грена, первоначальное значение слова «вишап» — дракон, летящий змей. (Грен А. Чеченские тексты. Сказки и легенды чеченцев в русском пересказе. — СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22, с. 24).

Н. Дахкильгов считает ешап персонажем хтоническим и соотносит его с гвелвешапами у грузин. (Дахкильгов Н. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный. 1978, с. 70). Данный образ фигурирует также в фольклоре армян (вишап), абхазов (агулшап).

Решить вопрос о том, когда этот образ (понятие, слово) проник в чечено-ингушский фольклор, что он первоначально обозначал и как приобрел здесь значение «чудовище, злое существо», пока трудно.

4. Чудный мальчик, бросавший железный столб

Опубл.: Утро гор, 1965, № 3, с. 52.

Записал А. О. Мальсагов в 1962 г. на ингушском языке от Л. С. Мальсаговой, г. Грозный.

1 «С ножа раба польется жир, а нож князя накалится» — общее место, означающее, что раб настроен миролюбиво, а князь — воинственно.

5. Тамаш-Таштамир

Записал И. А. Дахкильгов в 1974 г. на ингушском языке со слов З. Цурова, г. Грозный.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

1 Тамаш-Таштамир — двойное имя; значимая часть — «Тамаш» означает «чудо».

2 Превращение сказочного персонажа от удара волшебной плети в различных животных и птиц — широко распространенный мотив сказочного и нартского эпоса вайнахов, как и других народов Кавказа.

6. Мальчик с солнцем во лбу и месяцем между лопаток

Записал А. О. Мальсагов в 1963 г. на ингушском языке от А. Ахриева, г. Грозный.

Личный архив А. О. Мальсагова.

1 Упоминание о рогатке — явная модернизация.

2 По обычаю горцев, человек, коснувшийся губами груди женщины, становился ее «молочным» сыном и пользовался ее покровительством.

7. Храбрый Пахтат

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 237.

Записал Н. А. Дахкильгов в 1964 г. на ингушском языке от Ф. Ханиевой, г. Грозный.

1 Контакты людей с птицами и зверями нашли широкое отражение в сказках вайнахов, в чем проявились представления о связи человека с тотемными животными. В данной сказке мотив рождения героя связан с домашними животными: коровой и кобылой, но отцовство героя затемнено, поэтому, видимо, героя обращается к жеребцу, подобному тигру, со словами: «Теперь тобой будет повелевать сын, не имеющий отца!»

2 Фарфоровый двор, фарфоровые заграждения — употребление подобных метафор свидетельствует о богатстве и крепости сооружений.

3 По обычаю горцев, в знак уважения мужчина должен был не только приветствовать встречного, но и расспросить о делах и предложить свои услуги.

4 «Когда из этой пули ударит струя крови» — эпическое клише в сказках вайнахов, означающее приближение опасности. А выражение «когда из пули ударит струя молока» символизирует покой, миролюбие.

5 Бийдолг-Бяре — букв. «крошечный всадник», размером с локоть; мифическое существо, обладающее непомерной силой.

6 Подобное обращение героя и его противника во время битвы к солнцу или месяцу (луне) можно расценивать как «атрибут древнеастральной религии и солярного культа, отражение чего довольно часто в памятниках материальной культуры народов Дагестана и Чечено-Ингушетии. Астральная религия культивировалась в древней Албании, в состав которой, по имеющимся историческим данным, входила и часть территории нынешнего Дагестана» (Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 142).

Этот мотив широко представлен в сказочном эпосе многих народов Кавказа.

7 Как видно, вампал обещает женщине-ведьме вполне земные радости, прежде всего богатство и достаток.

8 Плач и смех полоненного брата, пастуха или похитителя девушки — эпическое клише в сказках народов Кавказа.

8. Овдилг

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 84.

Записал Н. А. Дахкильгов в 1964 г. на ингушском языке от Ш. Ханиевой, с. Нясар-Корт ЧИАССР.

Текст данной сказки — яркий пример современной записи сказочного сюжета: контаминация ряда сюжетов, нарочитость и искусственность.

1 Овдилг — букв. «дурачок», «глупец».

2 Хотя вообще в чечено-ингушском фольклоре волк ассоциируется с положительным героем (особенно в героико-эпических песнях вайнахов), в данном контексте «волчьи ночи» — это «страшные темные, опасные ночи», так же как и далее «волчья палица» — это грозное оружие.

3 После таких слов просьба гостя обычно удовлетворяется.

4 «Стал кричать красным криком» — стереотип, означающий, что он кричал яростно; букв. — «кровью».

5 Обычай молочного родства, побратимства, куначества и дружба по клятве (вступающие в дружбу выпивают из одного стакана молоко, в которое брошена золотая монета, или просто дают клятву на хлебе, что отныне будут «дув биа доттагIий», т. е. «друзья по клятве») широко распространены на Кавказе. Эти обычаи проникли и в фольклор.

[6] «Бросили уголек обратно в очаг», чтобы огонь в очаге не погас — примета, связанная с культом огня. Этот культ был широко распространен среди горцев Кавказа. Самым страшным проклятием считалось: «Да погаснет огонь в очаге твоего отца!». Хранительницей очага являлась обычно женщина, и в определенные дни (в среду) огонь никому не давали. Если кто-нибудь просил горящий уголек, то давали несколько, а один из них бросали обратно в очаг (символический акт возвращения огня).

[7] Брусок, три пера, оселок — чудесные предметы, которыми излечивают больных и оживляют покойников, встречаются в прозаическом фольклоре вайнахов. В данном случае колесо ешап не оживляет, а, наоборот, убивает все живое — оно напоминает колесо Бальсага из осетинских нартских сказаний или жан-шерх из адыгского нартского эпоса.

[8] В средневековой Чечено-Ингушетии было принято строить боевые и жилые башни. Они возводились в неприступных местах и имели оборонительный характер. Боевая башня была в пять этажей, жилая — в два. Как правило, башни принадлежали одному роду, и по имени владельца башни называлось все поселение. В горной Чечне и Ингушетии встречаются башенные комплексы, в которых проживало несколько родов; они в совокупности составляли отдельные этнические группы. По многим преданиям, строителями башен, или, как их называли, «мастерами по камню», были представители целого рода или одной фамилии, причем строительство одной боевой башни должно было закончиться в течение года (Щеблыкин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. — ИИНИИК. Владикавказ, 1928. Вып. 1, с. 142). Позднее название башни приобрело более широкий смысл и стало пониматься как аул, поселение. Это явление отразилось в сказках и преданиях вайнахов.

9. Черный хожа

Опубл.: ЧФ. Т. II, с. 130.

Записал Я. Эсхаджиев в 1959 г. на чеченском языке от своего дяди Магомеда, Толстой-Юрт ЧИАССР.

[1] Родник в ауле — место, куда приходят молодые люди, чтобы познакомиться с девушками.

[2] «Да умрет у тебя сестра!» — идиоматическое выражение, обозначает ласковое обращение к брату или сыну со стороны сестры (матери).

10. Семеро товарищей

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 101.

Записал И. А. Дахкильгов в 1963 г. на ингушском языке от Ш. Ханиевой, с. Нясар-Корт ЧИАССР.

[1] «Пусть умру я вместо тебя!» — данное выражение означает, что мать или сестра готовы умереть вместо сына или брата.

[2] В классической форме рабство не имело распространения в Чечено-Ингушетии. Рабами, как правило, становились пленные, которых можно было выкупить. Гарбаш у вайнахов — обыкновенная прислуга. Со временем этот образ приобрел более широкое значение: колдунья, людоедка.

11. Князь и Жера-Баба

Записала Н. Точиева в 1976 г. на ингушском языке от С.-А. Бахаргиева, с. Бамут ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

[1] Жера-Баба — вдовая старуха, всегда выступает в положительной роли: матери, советчицы, ведуньи.

[2] Толокно — мука из жареной кукурузы или пшеницы.

12. Сын вдовы Жатик

Записала Ж. Торшхоева в 1978 г. на ингушском языке от своей матери А. Торшхоевой, с. Галашки ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

[1] Как уже отмечалось (примеч. 2 к № 8), волк в героико-эпическом фольклоре вайнахов — символ храбрости и отваги и следовать за поджарым волком считается почетным. В животном эпосе волк является отрицательным персонажем.

[2] «...пусть молоко моей груди будет тебе ядом» — эпический стереотип в сказочном фольклоре вайнахов.

[3] «...так легко пустилась в пляс, что не оставляла следов на поверхности золы» — эпический стереотип, выражение большой радости.

Ниже приводится вариант этого сюжета.

Записал И. А. Дахкильгов в 1970 г. на ингушском языке от Б. Гомботова, г. Грозный.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Кант в свиной шкуре

Давным-давно жили старик и старуха. У них не было детей. Скучной была их жизнь. Старик иногда говорил:

— Разве это жизнь? Нельзя так жить.

Однажды старуха пошла к знахарю попросить совета, и он сказал:

— Если съешь легкое и печень свиньи, то родишь сына.

Пришла старуха домой и, как посоветовал знахарь, съела печень и легкое свиньи [1].

Через некоторое время она родила сына. Днем мальчик был в свиной шкуре и ходил по двору, словно поросенок, а когда ложился спать, то снимал ее. Так он подрос и стал статным, красивым молодцем.

Однажды он сказал отцу:

— Засватай за меня дочь падчаха.

— Разве падчах выдаст свою дочь за тебя? Не будем говорить о невозможном, — сказал отец.

Но сын настаивал, чтобы отец посватал ему дочь падчаха.

Отец часто приходил к падчаху, но о просьбе сына не заикался.

Как-то позвал падчах старика, и тот заикнулся о сватовстве. От злости падчах даже подпрыгнул, обругал старика и выгнал его.

Приближенные падчаха сказали:

— Так прогонять старика не следовало. Люди могут подумать, что наш падчах груб.

Дочь же падчаха знала, что кант в свиной шкуре очень красив и статен.

— Не прогоняй так старика, лучше дай ему невыполнимое задание и скажи, что если он не выполнит его, то сватовство не состоится, а если выполнит, то состоится, — сказала дочь падчаха.

Когда на другой день старик пришел сватать дочь падчаха, его не прогнали.

— Подожди, старик. В эту ночь до рассвета в моем дворце должны стоять двадцать две золотые кареты, полные жемчуга. Если это будет — тогда я выдам дочь за твоего сына, а если нет — голову с плеч сниму. — И падчах отпустил старика.

9. Черный хожа

Опубл.: ЧФ. Т. II, с. 130.

Записал Я. Эсхаджиев в 1959 г. на чеченском языке от своего деда Магомеда, Толстой-Юрт ЧИАССР.

1 Родник в ауле — место, куда приходят молодые люди, чтобы познакомиться с девушками.

2 «Да умрет у тебя сестра!» — идиоматическое выражение, обозначает ласковое обращение к брату или сыну со стороны сестры (матери).

10. Семеро товарищей

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 101.

Записал И. А. Дахкильгов в 1963 г. на ингушском языке от Ш. Мальсаговой, с. Нясар-Корт ЧИАССР.

1 «Пусть умру и вместо тебя!» — данное выражение означает, что мать или сестра готовы умереть вместо сына или брата.

2 В классической форме рабство не имело распространения в Чечено-Ингушетии. Рабами, как правило, становились пленные, которых можно было выкупить. Рабами у вайнахов — обыкновенная прислуга. Со временем этот образ приобрел более широкое значение: колдунья, ведьма.

11. Князь и Жера-Баба

Записала Н. Чочиева в 1976 г. на ингушском языке от С.-А. Бахартиева, с. Баку; ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

1 Жера-Баба — вдовая старуха, всегда выступает в положительной роли: матери, советчицы, ведуньи.

2 Толокно — мука из жареной кукурузы или пшеницы.

12. Сын вдовы Жатик

Записала Ж. Торшхоева в 1978 г. на ингушском языке от своей матери А. Торшхосвой, с. Галашки ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

1 Как уже отмечалось (примеч. 2 к № 8), волк в героико-эпическом фольклоре вайнахов — символ храбрости и отваги и следовать за пожарым волком считается почетным. В животном эпосе волк является отрицательным персонажем.

2 «...пусть молоко моей груди будет тебе ядом» — эпический стереотип в сказочном фольклоре вайнахов.

3 «...так легко пустилась в пляс, что не оставляла следов на поверхности золы» — эпический стереотип, выражение большой радости.

Ниже приводится вариант этого сюжета.

Записал И. А. Дахкильгов в 1970 г. на ингушском языке от Б. Гойбатова, г. Грозный.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Кант в свиной шкуре

Давным-давно жили старик и старуха. У них не было детей. Скучной была их жизнь. Старик иногда говорил:

— Разве это жизнь? Нельзя так жить.

Однажды старуха пошла к знахарю попросить совета, и он сказал:

— Если съешь легкое и печень свиньи, то родишь сына.

Пришла старуха домой и, как посоветовал знахарь, съела печень и легкое свиньи [1].

Через некоторое время она родила сына. Днем мальчик был в свиной шкуре и ходил по двору, словно поросенок, а когда ложился спать, то снимал ее. Так он подрос и стал статным, красивым молодцем.

Однажды он сказал отцу:

— Засватай за меня дочь падчаха.

— Разве падчах выдаст свою дочь за тебя? Не будем говорить о невозможном, — сказал отец.

Но сын настаивал, чтобы отец посватал ему дочь падчаха.

Отец часто приходил к падчаху, но о просьбе сына не заикался.

Как-то позвал падчах старика, и тот заикнулся о сватовстве. От злости падчах даже подпрыгнул, обругал старика и выгнал его.

Приближенные падчаха сказали:

— Так прогонять старика не следовало. Люди могут подумать, что наш падчах груб.

Дочь же падчаха знала, что кант в свиной шкуре очень красив и статен.

— Не прогоняй так старика, лучше дай ему невыполнимое задание и скажи, что если он не выполнит его, то сватовство не состоится, а если выполнит, то состоится, — сказала дочь падчаха.

Когда на другой день старик пришел сватать дочь падчаха, его не прогнали.

— Подожди, старик. В эту ночь до рассвета в моем дворце должны стоять двадцать две золотые кареты, полные жемчуга. Если это будет — тогда я выдам дочь за твоего сына, а если нет — голову с плеч сниму. — И падчах отпустил старика.

Пришел старик домой и стал прощаться с жизнью.

— Завтра день моей смерти. Падчах велел к утру привезти двадцать две золотые кареты, полные жемчуга. Только тогда он согласится выдать свою дочь за тебя. И если не выполнить его требование — он снесет мне голову. Жить мне осталось всего вечер и ночь.

— Это не тяжело выполнить, иди, отец, отдыхай, — сказал сын в свиной шкуре.

Желание сына исполнилось.

На рассвете во дворе отца стояли двадцать две золотые кареты, полные жемчуга, с ними и отправился старик к падчаху. Падчах сдержал слово, и кант в свиной шкуре женился на его дочери.

Дочь падчаха знала, что кант носит свиную шкуру только днем, а ночью становится красивым юношей.

Пойдет дочь падчаха по воду, а над ней люди насмехаются за то, что она вышла замуж за кабана. Надоели ей эти насмешки, и она бросила ночью свиную шкуру в огонь. До утра ворочался в постели кант и все время повторял:

— Горю я, горю я!

Перед рассветом он ушел из дому, сказав:

— Кто меня любит, тот меня найдет.

Дочь падчаха решила найти мужа и собралась в дорогу.

Свекор и свекровь сказали ей:

— Закрой нас в доме, чтобы даже свет к нам не проникал.

Закрыла она их и отправилась в дорогу.

Шла она, шла и встретила пастухов, стерегущих овец. Спросила у них:

— Видели ли вы сокола? Видели ли вы дым в горах?

— Вчера в сторону гор быстрее сокола прошел один человек, — ответили пастухи.

Пошла дочь падчаха в указанную сторону.

Шла она, шла и встретила пастухов, стерегущих коров, и спросила:

— Видели ли вы сокола? Видели ли вы дым в горах?

— Ничего мы не видели. Если хочешь узнать что-либо, то обратись к нашим братьям — пастухам табунов коней. Они знают лучше нас.

Пришла дочь падчаха к этим пастухам и спрашивает:

— Видели ли вы сокола? Видели ли вы дым в горах?

— В горах, где обитают лишь олени, мы видели, как вчера из одной пещеры курился легкий дымок.

Дошла дочь падчаха до гор, где обитают лишь олени, и заметила, что из одной пещеры курится легкий дымок.

Вошла она в пещеру: там в огромном котле варится олень, половина пещеры завалена костями оленей, на столе всякие яства. Выглянула из пещеры и видит своего мужа — он идет по тропинке. В одной руке несет убитого оленя, в другой — чинару.

Дочь падчаха спряталась. Вошел муж в пещеру и думает: «Что бы это значило? Кто может здесь быть? Только трое могли вспомнить обо мне: мать, отец и жена».

Подумал он и произнес:

— Кто бы ты ни был — покажись. Если стар, будешь мне отцом или матерью, если молод — будешь мне братом или сестрой.

— Я в твоей и божьей власти, — сказала дочь падчаха, выходя из укрытия, и стала умолять мужа: — Возвратись домой, твои отец и мать доживают последние дни.

Молодой человек согласился. Перед сном он произ[нес]

— Пусть к утру здесь будет карета.

Утром у пещеры стояла карета. Они сели в нее и направились домой.

— Мы приехали, открывайте двери, — сказали они отцу-матери.

— Нет, мы не откроем, сына и невестки нет дома. Только мы, старики, дома.

— Ваши сын и невестка вернулись.

— Не верим, — ответили родители. — Просунь в отверстие палец, тогда узнаем.

Просунул сын палец, и по нему старики сразу узнали своего сына.

От пролитых слез родители ослепли, но, узнав, что сын и невестка вернулись, от радости прозрели и стали жить счастливо.

1 Вайнахи — мусульмане; упоминание о том, что они ели свинину, — явно раннее. Древние представления о связи человека с животными в этой сказке утрачены. Герой рождается не от свиньи, а от того, что женщина съела печень и легкое свиньи.

13. Сын нарта

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 147.

Записал И. А. Дахкильгов в 1963 г. на ингушском языке от С. Гандалоевой, г. Грозный.

1 «Чтобы вам пожелать всего лучшего!» — традиционное обращение сказителя к слушателю.

2 «Ва, заходящее золотое солнце, помоги мне!» — обращение к солнцу, месяцу (луне) и другим небесным светилам; связано с космогоническими представлениями вайнахов в прошлом. См. также примеч. 6, № 7.

3 Редкий случай, когда в волшебную сказку вплелись этнологические мотивы.

4 «На кончиках пальцев пустилась в пляс» — см. примеч. 3, № 12.

14. Князь Тепсырко и вдовий сын Жосарко

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 38.

Записал Х. Осмиев в 1938 г. на ингушском языке от Х. Нашхоева, с. Гуй ЧИАССР.

1 Зачин данной сказки, как и предыдущей, — обращение к слушателям; значение «волчий щенок» имеет здесь отрицательный оттенок, что объясняется поздней классовой дифференциацией в обществе: ему уподобляется сын князя. Это выражение стало пословицей вайнахов (см. № 58).

2 См. примеч. 1, № 1.

3 «Катала головы трех великанов и этим забавлялась» — горе материнское настолько велико, что она хочет его облегчить, катая головы великанов, убийц ее сына и мужа. В данном мотиве нашел отражение обычай кровной мести.

15. Тимар

Записал А. О. Мальсагов на чеченском языке в 1976 г. от Х. Башиева, с. Шали ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

16. Отцовское наследство

Опубликован на чеченском и русском языках: СМОПМК, Тифлис, 1901. Вып. 29. Записал и перевел Т. Эльдарханов.

Пришел старик домой и стал прощаться с жизнью.

— Завтра день моей смерти. Падчах велел к утру привезти двадцать две золотые кареты, полные жемчуга. Только тогда он согласится выдать свою дочь за тебя. И если не выполнить его требование — он снесет мне голову. Жить мне осталось всего вечер и ночь.

— Это не тяжело выполнить, иди, отец, отдыхай, — сказал сын в свиной шкуре.

Желание сына исполнилось.

На рассвете во дворе отца стояли двадцать две золотые кареты, полные жемчуга, с ними и отправился старик к падчаху. Падчах сдержал слово, и кант в свиной шкуре женился на его дочери.

Дочь падчаха знала, что кант носит свиную шкуру только днем, а ночью становится красивым юношей.

Пойдет дочь падчаха по воду, а над ней люди насмехаются за то, что она вышла замуж за кабана. Надоели ей эти насмешки, и она бросила ночью свиную шкуру в огонь. До утра ворочался в постели кант и все время повторял:

— Горю я, горю я!

Перед рассветом он ушел из дому, сказав:

— Кто меня любит, тот меня найдет.

Дочь падчаха решила найти мужа и собралась в дорогу.

Свекор и свекровь сказали ей:

— Закрой нас в доме, чтобы даже свет к нам не проникал.

Закрыла она их и отправилась в дорогу.

Шла она, шла и встретила пастухов, стерегущих овец. Спросила у них:

— Видели ли вы сокола? Видели ли вы дым в горах?

— Вчера в сторону гор быстрее сокола прошел один человек, — ответили пастухи.

Пошла дочь падчаха в указанную сторону.

Шла она, шла и встретила пастухов, стерегущих коров, и спросила:

— Видели ли вы сокола? Видели ли вы дым в горах?

— Ничего мы не видели. Если хочешь узнать что-либо, то обратись к нашим братьям — пастухам табунов коней. Они знают лучше нас.

Пришла дочь падчаха к этим пастухам и спрашивает:

— Видели ли вы сокола? Видели ли вы дым в горах?

— В горах, где обитают лишь олени, мы видели, как вчера из одной пещеры курился легкий дымок.

Дошла дочь падчаха до гор, где обитают лишь олени, и заметила, что из одной пещеры курится легкий дымок.

Вошла она в пещеру: там в огромном котле варится олень, половина пещеры завалена костями оленей, на столе всякие яства. Выглянула из пещеры и видит своего мужа — он идет по тропинке. В одной руке несет убитого оленя, в другой — чинару.

Дочь падчаха спряталась. Вошел муж в пещеру и думает: «Что бы это значило? Кто может здесь быть? Только трое могли вспомнить обо мне: мать, отец и жена».

Подумал он и произнес:

— Кто бы ты ни был — покажись. Если стар, будешь мне отцом или матерью, если молод — будешь мне братом или сестрой.

— Я в твоей и божьей власти, — сказала дочь падчаха, выходя из укрытия, и стала умолять мужа: — Возвратись домой, твои отец и мать доживают последние дни.

Молодой человек согласился. Перед сном он произнес:

— Пусть к утру здесь будет карета.

Утром у пещеры стояла карета. Они сели в нее и направились домой.

— Мы приехали, открывайте двери, — сказали они отцу-матери.

— Нет, мы не откроем, сына и невестки нет дома. Только мы, старики, дома.

— Ваши сын и невестка вернулись.

— Не верим, — ответили родители. — Просунь в отверстие палец, тогда узнаем.

Просунул сын палец, и по нему старики сразу узнали своего сына.

От пролитых слез родители ослепли, но, узнав, что сын и невестка вернулись, от радости прозрели и стали жить счастливо.

1 Вайнахи — мусульмане; упоминание о том, что они ели свинину, — явно раннее. Древние представления о связи человека с животными в этой сказке утрачены. Герой рождается не от свиньи, а от того, что женщина съела печень и легкое свиньи.

13. Сын нарта

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 147.

Записал И. А. Дахкильгов в 1963 г. на ингушском языке от С. Гандалоевой, г. Грозный.

1 «Чтобы вам пожелать всего лучшего!» — традиционное обращение сказителя к слушателю.

2 «Ва, заходящее золотое солнце, помоги мне!» — обращение к солнцу, месяцу (луне) и другим небесным светилам; связано с космогоническими представлениями вайнахов в прошлом. См. также примеч. 6, № 7.

3 Редкий случай, когда в волшебную сказку вплелись этнологические мотивы.

4 «На кончиках пальцев пустилась в пляс» — см. примеч. 3, № 12.

14. Князь Тепсырко и вдовий сын Жосарко

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 38.

Записал Х. Осмиев в 1938 г. на ингушском языке от Х. Нашхоева, с. Гуй ЧИАССР.

1 Зачин данной сказки, как и предыдущей, — обращение к слушателям; значение «волчий щенок» имеет здесь отрицательный оттенок, что объясняется позднейшей классовой дифференциацией в обществе: ему уподобляется сын князя. Это выражение стало пословицей вайнахов (см. № 58).

2 См. примеч. 1, № 1.

3 «Катала головы трех великанов и этим забавлялась» — горе материнское настолько велико, что она хочет его облегчить, катая головы великанов, убийц ее сына и мужа. В данном мотиве нашел отражение обычай кровной мести.

15. Тимар

Записал А. О. Мальсагов на чеченском языке в 1976 г. от Х. Башиева, с. Шали ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

16. Отцовское наследство

Опубликован на чеченском и русском языках: СМОПМК, Тифлис, 1901. Вып. 29. Записал и перевел Т. Эльдарханов.

[1] У чеченцев и ингушей человека называют только по имени. В фольклорных произведениях сначала ставится имя отца, а затем сына.

[2] Неге — ногаец, черный ногаец — распространенный персонаж эпоса вайнахов. Полумифическое существо, всегда враждебное герою. Сказочная трактовка мифологизированного Ногая (его жестокость, враждебная герою) соответствует облику исторического Ногая. Здесь можно отметить тот факт, что исторические сведения о воздвижении Ногаем трех холмов из тел убитых им людей нашли отражение в сказочном эпосе (Дахкильгов И. А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей, с. 42).

17. Мерий-Тотал

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 188.

Записал М.-Г. Аушев в 1960 г. на ингушском языке от А. Аушева, с. Сурхохи ЧИАССР.

[1] «Продам-ка я его или отдам кому-нибудь даром» — общее место в фольклоре вайнахов.

[2] По обычаю горцев, уезжающего гостя полагалось одарить.

[3] По обычаям вайнахов, младший брат может жениться только после старших. Вот почему герой сначала засватал невест для старших братьев.

[4] Здесь нашли отражение древние представления о том, что духи могут убивать людей и овладевать их душой.

[5] «Мне бы этого человека, вам — все остальное» — каждая из трех сестер мечтает стать женой сказочного героя.

[6] Упоминание о чемодане — явная модернизация.

[7] Традиционная формула, которой обмениваются герои сказки при угоне табуна коней. Обыкновенно за табуном едет герой сказки. Он готов отбить погоню и тем самым демонстрирует свое мужество и отвагу.

18. Тимар с обгоревшим боком

Опубл.: ЧФ. Грозный, 1964. Т. III, с. 83.

Записал М. Кибиев в 1960 г. на чеченском языке от Х. Солтагиреева, с. Гелдаган ЧИАССР.

[1] Оживление оленя, лани, зайца и покойников — постоянный сюжетный мотив сказочного эпоса вайнахов.

[2] Нарт-орстхойцы — герои в фольклоре вайнахов, известные многим народам Северного Кавказа под именем нарты. Нельзя отождествлять эпических нартов со сказочными. В последнем случае они, как правило, выступают в роли злых и глупых великанов. Такая тенденция особенно наглядно проявляется в чеченском языке. Основное занятие нарта — разведение овец в горах. На ночь он загоняет овец в пещеру, а чуть свет отправляется пасти их. Это и нашло отражение в сказке.

[3] Не ответить на приветствие, по обычаю горцев, — нанести большое оскорбление.

[4] Папаха, брошенная нартом, — общее место в эпосе и сказках вайнахов. Обычно шапка очень тяжелая, и ее не могут сдвинуть с места несколько человек.

[5] Когда в роду не остается мужчин, чтобы отомстить за убийство родственника, мстительницей выступает и женщина. В данном случае она совершает месть не сама, а с помощью встреченного ею охотника.

19. Как у Силаймы нос оторвали

Опубл.: ИФ. Грозный, 1940, с. 65.

Записал Х. Осмиев в 1939 г. на ингушском языке от С. Осмиева, с. Кантышево ЧИАССР.

[1] Берза Каза — букв. «волчий щенок».

20. Байнал-Бусани

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 79.

Записал М. Кибиев в 1960 г. на чеченском языке от Х. Солтагиреева, с. Гелдаган ЧИАССР.

21. Тиниш Висаг и Черный хожа

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 110.

Записал М. Кибиев в 1960 г. на чеченском языке от Х. Солтагиреева, с. Гелдаган ЧИАССР.

[1] См. примеч. 1, № 19.

22. Парчо

Записал М. Мальсагов в 1978 г. на ингушском языке от А. Гуднева, с. Алхасты ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

Данная сказка позволяет судить о трансформации сюжета «богатырь в пещере циклопа», которая привела к его деформации и фрагментарности.

[1] В сказке отразился древнейший мотив поклонения камням и родникам, возникновение которых связывается с различными эпическими героями.

Возникновение родников ударом копыта коня широко представлено и в нарт-орстхойском эпосе вайнахов.

23. Сказка об охотнике и нарте

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 85. Перепечатана: У. Б. Далгат. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 285.

Записал К. Чокаев в 1969 г. на чеченском языке от С. Ахмадова, г. Грозный.

[1–2] Гонча и Сарган — имена этимологии не поддаются. Последний сказителем С. Ахмадовым назван нарт-орстхойцем. Он не нарт-орстхоец, а одноглазый великан (примеч. К. Чокаева).

24. Храбрый кант

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 121. Напечатана на русском языке под названием «Храбрый сын» в сборнике «Чудесные родники» (Грозный, 1963, с. 142).

Записал И. Арсаханов в 1958 г. на чеченском языке от В. Сулейманова, с. Хасав-Юрт ДагАССР.

[1] См. примеч. 2, № 1.

[2] Герои в своих скитаниях встречаются с Жера-Бабой, которая не имеет детей и усыновляет юношу. По ее совету юноша добивается своей цели.

Ниже приводится современный вариант сказки, в которой деформированы многие сюжетные линии.

Записал И. А. Дахкильгов в 1974 г. на ингушском языке от З. Цурова, с. Джайрах ЧИАССР.

Как сын нашел отца

Муж отправился пасти коров, а жена осталась дома. У них не было детей. И вдруг жена в отсутствие мужа родила семерых сыновей. Они быстро возмужали. Младший сын спросил у матери:

— Нана, есть ли у нас дада?

— Есть, — ответила мать. — Вон на той горе он пасет коров.

Младший сын отправился туда. Увидел он отца, стал между его ног и сказал:

— Ва, дада!

«Не черта ли это проделки»? — подумал отец.

А сын снова:

— Ва, дада!

Подумал про себя отец: «Если еще раз услышу, посмотрю, кто такой».

И снова слышит:

— Ва, дада!

— Кто ты такой, чего хочешь? — спросил отец.

— Я твой сын. Пришел к тебе. — сказал младший сын.

— Брось, откуда у меня сын? Ты, наверно, ублюдок чей-то.

— Нет, я твой сын. Семерых сыновей родила твоя жена.

— В таком случае надо уходить, я не смогу их прокормить, — сказал отец и убежал.

А сын пригнал домой всех коров и рассказал матери о разговоре с отцом.

Мать одна без отца вырастила семерых сыновей. Они стали известными людьми, особенно прославился младший.

Однажды возник спор, и младшего сына упрекнули:

— Разве ты достойный человек? Отец твой одичал, а вы не хотите вернуть его.

Младший сын спросил у матери:

— Осталось ли у нас что-нибудь от отца?

Мать дала ему кольцо отца. С этим кольцом младший сын отправился на поиски отца.

Шел он, шел и очутился в далеком краю. Там он увидел старика с бородой до земли и длинными волосами. Он гонялся за ланью. Из жалости к старику сын убил лань.

— Да умри твой отец! Что ты наделал?! Я до вечера гонялся за ланью и так проводил время, а вечером, поймав лань, доил ее, — стал жаловаться старик.

— Не переживай, старик, лучше скажи, кто ты?

Старик рассказал ему, как в один прекрасный день жена родила ему семерых сыновей. И он, боясь, что не сможет прокормить их, убежал и одичал.

— Я твой сын, — сказал молодой человек.

— Где мне такого сына иметь?! Не выдумывай, — сказал старик.

Тогда сын показал ему кольцо.

Старик понял, что перед ним его сын. Посадил сын отца, побрил ему голову, бороду, усы, привез домой и усадил на тахту.

Днем и ночью в задумчивости сидел старик.

— О чем ты печалишься? — спросили сыновья.

— Вы все повзрослели, и всех надо женить.

Как-то раз отец встретил человека, всего исколотого ножницами.

— Что с тобой случилось? — спросил отец семерых сыновей.

— У меня выросли семь дочерей. Они требуют, чтобы я нашел им мужей, и поэтому искололи всего меня ножницами.

Поговорили они, договорились, и отец семерых сыновей привел в дом шесть невест. Седьмая дочь спряталась в высокой башне.

В это время у башни лег сармак и сказал, что не уйдет до тех пор, пока ему не приведут младшую дочь, спрятавшуюся в башне.

Младший сын спросил у сармака:

— Что нужно сделать, чтобы ты покинул наше село? И как попасть в башню?

— Далеко-далеко находится огромная гарбаш. Кто приложится к ее груди, тот проникнет в башню, — сказал сармак.

Отправился младший брат к гарбаш. Седло его приросло к коню, а сам он прирос к седлу, так долго он ехал. Очутился он в одном месте и увидел там шалаш. Вошел юноша в него и видит женщину. Она стала стряпать и замесила тесто на грязной воде.

— Что ты делаешь? — удивился младший сын.

— Родник захватил злой сармак. Если в пятницу ему не приведут в жертву человека, он не даст людям воды.

Младший сын повесил по ведру на палец и отправился по воду. Когда он набрал воду, сармак сказал:

— Как гостю разрешаю тебе три раза набрать воды. Если придешь в четвертый раз — съем тебя.

Дважды юноша раздавал воду ребятишкам, а на третий раз принес своей хозяйке. Женщина обрадовалась и стала его расспрашивать. Младший сын рассказал ей обо всем, и женщина сказала ему:

— Это край, куда никто не приходит, а пришедший никогда не уходит. Видишь вон вдали лес? На его краю сидит гарбаш к нам спиной, к ее груди ты должен приложиться. Свои большие груди она перебросила через плечи. Подойди незаметно для гарбаш и прикоснись к ее груди. И тогда она исполнит твое желание. Если ты не сможешь этого сделать, тебе придется плохо.

Долго шел младший сын, днем он спал, а ночью незаметно шел. Через три дня и три ночи он сзади подошел к гарбаш и приложился к ее груди.

— Пусть язык отсохнет у того, кто научил тебя этому! Какая нужда привела тебя ко мне? — спросила гарбаш.

— Один сармак захватил башню, в которой сидит засватанная мною девушка. Я должен проникнуть в башню и спуститься оттуда вместе с ней, — сказал младший сын.

— Это нетрудно, — сказала гарбаш. — Я превращу тебя в красивого голубя. Ты прилетишь на окно башни, где сидит девушка. Увидев, какой ты красивый, девушка впустит тебя в комнату, тогда ты снова обратишься в человека. Потом вы спуститесь с башни. — И гарбаш дунула на него.

Младший сын превратился в красивого голубя, прилетел к окну башни, где сидела девушка, и начал ворковать.

Девушка выглянула, ей понравился голубь. Она открыла окно и впустила его.

Голубь тут же превратился в юношу. Спустились они с башни, и сармак убежал из этих мест. Они устроили большой той, и семеро братьев стали счастливо жить со своими женами и родителями.

25. Алхаст и Малх-Азни

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 54.

Записал С. Эльмурзаев на чеченском языке от Х. Цугаева, г. Грозный.

1–2 По обычаю вайнахов, сыну не положено говорить о сватовстве с отцом или будущим тестем.

26. Охотник

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 84.

Записана на чеченском языке от З. Хамхоевой, г. Грозный.

1 Многие обычаи и нормы поведения вайнахи с давних пор заимствовали у черкесов, поэтому проводить время с черкесскими княжнами считалось почетным.

2 «Они прошли расстояние в одно поле» — т. е. небольшое расстояние.

27. Как сын старика переспорил дочь падчаха

Записал И. А. Дахкильгов в 1974 г. на ингушском языке от З. Цурова, с. Джайрах ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

1 Возможно, в сказке отразился древний обычай клеймения, существовавший у многих народов. «Любопытно, что в ряде европейских версий этого сюжета (русской, немецкой) ни о каком клеймении противником героя не упоминается, в румынском варианте оно есть. Клеймо там ставится на спину, как и в дун-

ганском и казахском вариантах (так и в нашем варианте «Младший зять падчаха». — *А. М.*), где в конце сказки герой требует у хана его зятьев, так как «оба они имеют на спине наши родовые тамги», а в молдавском варианте заметны как бы следы этого мотива. Герой каждый раз дает своим противникам пощечины... Пощечина заменила здесь клеймение, которое, например, было весьма распространено в старом Китае, где рабам клеймили лоб, преступникам ставили клеймо на руке». (Дунганские народные сказки и предания, с. 444).

28. Как победили черного вампала

Записал И. А. Дахкильгов в 1966 г. на ингушском языке от Ж. Шовхалова, с. Бейни ЧИАССР.

Личный архив И. А. Дахкильгова.

[1] Берза Дог — букв. «волчье сердце», т. е. храбрец.

29. Два друга

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 104.

Записал К. Чокаев в 1958 г. на чеченском языке от С. Ахмадова, г. Грозный.

[1] Мотив магического пускания стрел (пуль) непонятен, но герой, находясь в неведении, таким путем узнает о состоянии своего друга или родственника.

[2] Железо почиталось у вайнахов, и поэтому предпочтение деревянного ложа железному свидетельствовало о тяжелом душевном состоянии героя.

[3] «Если прибыл за хорошим, да не лишишься ты его!» — общая формула благопожелания типа «добрый день», «добрый вечер!».

[4] По обычаю, не принято женщине отвечать на салам мужчины.

[5] Обычно при столкновении положительного героя с отрицательным персонажем рукопашной схватке предшествует словесная перепалка, в которой обе стороны не хотят, по народному этикету, первыми начинать бой.

30. Джантельг

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 115.

Записал И. А. Дахкильгов в 1964 г. на ингушском языке от Ш. Ханиевой, с. Нясар-Корт ЧИАССР.

31. Прославленный лекарь

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 111.

Записал И. А. Дахкильгов в 1964 г. на ингушском языке от Ф. Ханиевой, г. Грозный.

[1] Вероятно, «записи», о которых идет речь, — позднейшая вставка в сказочный сюжет.

[2] По народным верованиям, лягушек убивать нельзя. Здесь, как и во многих других случаях, отражены тотемистические воззрения вайнахов.

32. Дочь князя Айзан и Муса

Опубл.: ЧФ. Т. II, с. 61.

Записал Н. Бушуев от своего дяди Амисолты на чеченском языке.

[1] Упоминание в сказке географических названий, присущее скорее преданию, — более поздняя вставка.

[2] Вести коня на поводу или привязать его к чьему-нибудь седлу считается оскорбительным.

[3] В фольклоре вайнахов девушка (мать, сестра) довольно часто выступает в роли кровного мстителя за убийство отца, брата, любимого. Она обычно переодевается в мужской костюм, и только в конце сюжета выясняется, кто она на самом деле.

33. Волшебный сноп, котел и шапка-невидимка

Записала студентка ЧИГУ в 1976 г. на чеченском языке от П. Януркаевой, с. Старые Атаги ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

Сюжет сказки фрагментарен.

34. Ахкепиг

Записала А. Чахкиева в 1977 г. на ингушском языке от отца М. З. Чахкиева, г. Грозный.

Личный архив А. О. Мальсагова.

[1] Ахкепиг — букв. «полкопейки».

35. Балай и Боти

Опубл.: ЧИФ. М.: ГИХЛ, 1940, с. 180; Чудесные родники. Грозный, 1963, с. 270.

Записана в 20—30 годах О. Мальсаговым.

36. Мовсур и Магомед

Опубл.: ЧФ. Т. II, с. 54.

Записал С. Эльмурзаев на чеченском языке от Х. Магомадова, с. Шали ЧИАССР.

[1] «Третья часть ночи» — считается, что в это время бывает самый крепкий сон.

37. Гомбот и его жена

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 106.

Записал И. А. Дахкильгов в 1963 г. на ингушском языке от Ш. Ханиевой, с. Нясар-Корт ЧИАССР.

38. Золотое перо и плетка

Записала студентка ЧИГУ Ф. Исламова в 1976 г. от С. Дашаева, с. Рошни-Чу ЧИАССР.

Личный архив А. О. Мальсагова.

39. Бало

Опубл.: ЧИФ, с. 160; Чудесные родники, с. 171.

Записана в 1930 году в г. Грозном со слов С. Бадуева.

40. Младший зять падчаха

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 167.

Записал А. О. Мальсагов на ингушском языке от Л. Мальсаговой, г. Грозный.

[1] «Я твой и бога!» — идиоматическое выражение, после произнесения которого удовлетворяется даже просьба врага.

41. Гезама Али и Толам-Аго

Опубл.: Ленинский путь, 1967, 24 мая; Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 317.

Записал А. О. Мальсагов в 1966 г. на чеченском языке от И. Ибрагимова, г. Грозный.

[1] «И эти распаханные курганы были распаханы еще тогда» — вероятно, здесь ошибка информатора — нужно «насыпанные курганы».

42. Зулай

Записала Шамсадова Зайнап в 1985 году на чеченском языке от Шамсадовой Х. З. (55 лет), пос. Новогрозненский Гудермесского района.

Личный архив А. О. Мальсагова.

[1] Зулай. Имя Зулай — позднего происхождения. Оно никак не вяжется с этим древним сюжетом. Сказительница Шамсадова никак не комментировала проникновение этого мусульманского имени в данный сюжет.

[2] Одноглазый нарт-орстхоец — в сказочном эпосе вайнахов данный герой представлен как отрицательная личность; он не имеет даже родовой принадлежности и передан в класс неразумных существ, то есть в класс «д». Этот образ аналогичен ешап, вампалу, Черному хоже. В данном сюжете он полузверь, получеловек, полуптица (умеющий летать).

[3] «Ага, буга дига да-а-а» — данное выражение подчеркивает, что нарт-орстхоец плохо владеет чеченским языком и смысл передает приблизительно, звукоподражательно. Вместо ага он произносит буга и т. д. А возможно, что эта речь не что иное, как убаюкивание младенца.

43. Девочка и гам

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 187.

Записал А. О. Мальсагов в 1961 г. на ингушском языке от Л. Мальсаговой, г. Грозный.

44. Гам

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 122.

Записал И. А. Дахкильгов в 1964 г. на ингушском языке от Ш. Ханиевой, с. Нясар-Корт ЧИАССР.

[1] См. примеч. 3, № 12.

45. Альтамар и ешап

Опубл.: ЧФ. Т. II, с. 137.

Записал М. Кибиев на чеченском языке от неизвестного лица, с. Ведено ЧИАССР.

46. Чончилг и ешап

Опубл.: ЧФ. Т. II, с. 93.

Записал Ш. Дацаев на чеченском языке от В. Абдулаева, с. Белгатой ЧИАССР.

47. Бедняк и змея

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 165.

Записал А. О. Мальсагов в 1963 г. на ингушском языке от Л. Мальсаговой, г. Грозный.

48. Князь Бигалди

Опубл.: ЧФ. Т. II, с. 82.

Записана на чеченском языке от З. Хамхоевой, г. Грозный.

В этой сказке удачно сочетаются элементы волшебной сказки и сказки о животных.

[1] Известно, что верблюды, львы, крокодилы на Кавказе не водились, но в сказках вайнахов они встречаются довольно часто. Сами названия животных «лев», «верблюд», «крокодил» на чеченском и ингушском языках заимствованы из арабского языка.

[2] По обычаю вайнахов, невестка из уважения к родственникам мужа называет их не собственными именами, а описательно. В данном случае лиса, по горскому обычаю, называется «красной девушкой».

49. Морской конь

Опубл.: ЧИФ, с. 146; Чудесные родники, с. 119.

Записана в 1935 году со слов С. Бадуева.

[1] Борз-кант — имя собственное, досл. перевод «сын волка».
[2] Кюйр-кант — досл. перевод «сын сокола».
[3] Лом-кант — досл. перевод «сын льва».
[4] Хнкальское ущелье — ущелье в горах Чечни.
[5] Коку — имя собственное. досл. перевод «голубка, горлинка».
[6] Ичкерия — юго-восточная часть горной Чечни.
[7] Восточное море — Каспийское море.
[8] Гуин-падчах — лесной владыка.
[9] Хорд-Дин — морской владыка.

50. Медвежье ухо

Чудесные родники, с. 123.

Записана в 1958 году И. Арсахановым.

[1] Хромой нарт. Нарты — эпические богатыри, известные многим народам Северного Кавказа. Здесь они выступают в роли великанов-карликов. Ничего общего с эпическими нартами они не имеют. Они скорее напоминают богатырей Дагестанского эпоса.

51. Приключение Говды

Опубл.: ЧИФ, с. 152; Чудесные родники, с. 138.

Записана Н. Семеновым в Ичкерии во второй половине XIX века.

52. Эширп, сын Гарапа

Опубл.: ЧИФ, с. 131; Чудесные родники, с. 161.

Записана в 1936 году в селении Шатой.

СКАЗАНИЯ

1. Сказание о Села Сате

Опубл.: Далгат Б. Первобытная религия чеченцев. — Терский сборник. Владикавказ, 1893. Вып. 3, кн. 2, 420 с. Публикация текста на русском языке Б. К. Далгата.

[1] Села Сата редко встречается в сказаниях нартского эпоса. Поэтому приведем «Старинную песню», в которой воспевается любовь к земной жизни и созидательному труду. В этой песне проявляется религиозный синкретизм. Наряду с Села Сатой, упоминаются и мусульманские пророки, уподобленные землепашцам:

В том необитаемом мире, где нет матери, чтобы причитать,
В той вражеской стране, где нет сестры, чтобы оплакивать,
Разве не мать причитает по тебе, поджарый голодный волк,
Разве не сестра оплакивает тебя, черный тот ворон,
Наступившим вечером застигнутый, синей птице подобно,
На опасной войне останавливающийся храбрый кант?
Взглянув вверх, видимое нами синее то небо,
Как бурку накинув, кто износил, кто износит?
Глянув вниз, видимую нами черную ту землю
Подошвами чувяк кто истер, кто изотрет?
Если мы в этом мире не вкусим сладкой любви,
В узкой могиле, где с боку на бок негде повернуться,
Кто вкусил и кто вкусит?
Если мы песни не скажем, если мы веселья не сделаем,
Села Сата египетской иглы не продернет.
Если мы песни не скажем, если мы веселья не сделаем,
Пророков пахота не начнется.
Олень кричит, чувствуя лесных ланей,
Сокол поет, чувствуя голубок Солсы.
Это не олень кричал лесным ланям,
Это не сокол пел голубкам Солсы —
За добычей устремившиеся храбрые канты метались.

(Опубл.: Красные искры. Орджоникидзе, 1931, с. 92. Записала поэтесса Ф. К. Мальсагова со слов Берсановой К. в 1930 году в сел. Нясар-Корт ЧИАССР).

[2] В тексте говорится об орстхойцах, как о термине идентичном словам нарты, нарт-орстхойцы. Здесь и далее мы будем употреблять термин во втором его значении, более близком к народному произношению, хотя сказителями и исследователями он употребляется в разной форме: орхустойцы// орстхойцы//, орштхойцы// наьрт-орстхой//, наьрт-орхустой// наьрт-арштхой// наьрт-аьртхой// наьрт-аьрашхой// аьрт-маьстхой//. Термин нарт-орстхойцы неизвестен ни одной другой версии нартского эпоса народов Северного Кавказа, кроме чечено-ингушской.

[3] Села, Стела (чеч., инг.) — бог грома и молнии, божество языческого пантеона.

[4] Солса, Сеска Солса — имя нартского богатыря. Исследователи по-разному передают его имя (Сиска Солса, Соска Солса, Соскан Солсан и т. д.). Сеска Солса отвечает нормам вайнахских языков; так называют его и сказители. В дальнейшем без оговорок мы будем придерживаться этой формы.

2. Как родился Сеска Солса

Опубл.: ЭО, 1901, № 1, с. 35. Публикация текста на русском языке Б. К. Далгата.

Сюжет сказания «Происхождение Газдиевых (Базоркиных)», аналогичен сказанию «Как родился Сеска Солса», только в последнем место эпического богатыря Сеска Солсы отведено ингушскому роду Газдиевых: «В одном месте был раздвоенный камень. Один молодой человек лег на этот камень и заснул; в это время мимо него прошла любимая девушка; он ее увидел во сне и имел с ней сношение; семя его упало в трещину камня. Когда он встал, то камень сомкнулся, и наверху образовалась шишка. Он спросил знающих людей, что это значит? Ему сказали, чтобы он всегда следил за камнем. Шишка все росла и на девятый месяц растрескалась, и оттуда вышло дитя. От него произошли Газдиевы». (Опубл.: ЭО. М., 1901, № 1, с. 35. Публикация текста на русском языке Б. К. Далгата).

3. Сеска Солса и тазовая кость

Опубл.: ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 7, с. 5. Публикация текста на русском языке Ч. Э. Ахриева.

4. Сеска Солса

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 135. Записала на ингушском языке А. Цишкиева со слов своего отца в 1965 году в г. Грозном.

Перевод А. О. Мальсагова.

Вариант данного сказания на русском языке опубликовал Б. К. Далгат под названием «Гарбаши» (великаны-чудовища). «Гарбаши были до того огромны, что громадный нарт Сеска Солса верхом на коне проехал через отверстие тазовой кости одного из них. Сеска Солса удивился и стал просить бога, чтобы он воскресил великана. Великан же стал молить бога, чтобы он дал ему глаза. Тогда Сеска Солса испугался, как бы бог не исполнил просьбу великана и стал молить, чтобы тот опять умер. Гарбаш умер. Эти великаны жили на земле раньше нартов». (Опубл.: ЭО. М., 1901, с. 50).

5. Сказание о нарте Сеска Солсе

Опубл.: Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1968. Т. II, с. 254. Публикация текста на русском языке Е. И. Крупнова. Сказание записано в начале 30-х годов в горной Ингушетии.

[1] Цай-лоам (ЦIай-лоам — инг.) — гора Цай, священная гора.

6. Сеска Солса и вампал

Опубл.: Радость сердца. Фрунзе, 1957, с. 242. Записал Д. Д. Мальсагов в 1928 году со слов Богатырева Магомета.

[1] Эрш — бывший населенный пункт в Ассиновском ущелье.

Аналогичный сюжет опубликован на русском языке под названием «Сеска Солса и сторожевой воин»: «Сеска Солса проезжал однажды из гор на равнину. При входе в Ассиновское ущелье увидел он человека, сидящего на камне. Человек этот был хорошо вооружен. Сидя на камне, он держал обнаженную шашку острием к лицу. Когда голова склонялась, острие шашки ранило лицо и текла кровь.

Это удивило Солсу. Он подъехал к человеку и спросил его, почему он так спит. Человек ответил, что ожидает появления врага и боится заснуть. Враг должен прийти с равнины. Когда он появится, поднимется сильная буря.

Сеска Солса предложил этому человеку заснуть, обещая покараулить за него. Стерегущий человек согласился, если Сеска Солса будет сидеть так же, как он. И хотя это было нелегко сделать, Сеска Солса последовал его примеру.

Как только из ущелья повеяла буря, Солса стал будить сторожевого человека. Пока тот просыпался, буря разыгралась со страшной силой. Вскоре показался вооруженный человек. С ним была женщина, его жена. Когда враги встретились, то сразу же вступили в смертельный бой. Шашки быстро переломились. Отбросив их, они стали вырывать деревья с корнями и бросать их друг в друга. Наконец, оба пали мертвыми.

Во время боя женщина стояла в стороне. Когда оба врага погибли, Солса подошел к ней и сказал:

— Ты теперь осталась одна, а эти собаки лежат мертвыми. Пойдем со мной и будешь ты моей женою, я всем известный Сеска Солса.

Женщина посмотрела на него и ответила:

— Нет, ты не годишься мне в мужья. Ты для меня слишком молод. Сидя на коне и подняв кверху плеть, ты едва достанешь до того места, где у меня раздваиваются ноги.

Солса попробовал и не достал. Так они и разошлись. Женщина пошла назад по ущелью, а Солса вернулся в горы». (Опубл.: ЧИФ, с. 22).

7. Солса и ширтка

Записал А. О. Мальсагов на ингушском языке со слов Мальсаговой Кайпы (85 лет) 12 марта 1967 года в г. Грозном.

1 Ширтка — в данном случае означает ласку — быстрого и ловкого в движениях зверька.

Перевод А. О. Мальсагова.

Ниже приводятся несколько коротких фрагментов о деяниях Боткий Ширтки.

* * *

Однажды Сеска Солса проезжал мимо аула Накыст и попросил у жителей напиться воды, но получил отказ. Тогда конь его, как бы по указанию своего хозяина, ударил копытом в землю и из-под ног его хлынула вода и образовала родник, который до сих пор носит название Солса. За отказ в гостеприимстве Солса проклял жителей аула Накыст.

* * *

Говорят, что Боткий Ширтка, умирая, сказал:

— Я сожалею, что забыл показать народу благое дело для всего человечества: научить косить сено с такою же быстротою, с какою сгребается оно, и научить пахать землю с такою же скоростью, с какою поле взборонивается.

* * *

Известно, что Боткий Ширтка был посредником между этим светом и тем светом. Хамчи Патараз обратился к Боткий Ширтке, чтобы он взял его с собой на тот свет. Ешпор же (бог жертв) не принял их.

— Ты прежде времени пришел сюда, — сказал Ешпор Хамчи Патаразу, — поэтому я не принимаю тебя сюда.

— Если не принимаешь, то уничтожь скудость, порожденную между людьми из-за моего появления на свет, — сказал Хамчи Патараз, — иначе я останусь здесь!

— Я сниму только одну треть скудости, а именно: одну часть я оставлю на вершинах гор, другую на кобылицах, третью на женщинах и две части на всем человечестве; ты же должен возвратиться отсюда назад до захода солнца!

Хамчи Патараз успел вернуться обратно, когда еще на вершинах гор светило солнце. И этот свет называется: «Свет Хамчи Патараза».

* * *

Перед смертью Сеска Солса позвал к себе Боткий Ширтку и спросил:

— Что стоит моя лошадь, которая перепрыгивает через башню, когда я рассержусь?

— Сколько стоит дойная корова, когда бывает засуха и голод среди людей, столько стоит твоя лошадь, — ответил Боткий Ширтка.

— А сколько стоит моя шашка, которой я разрубаю скалу?

— Шашка твоя стоит столько, сколько стоило бы одно ребро трехлетней нетельной коровы в год, когда люди готовы отнимать пищу друг у друга.

— Сколько будет стоить мое ружье, пуля которого доходит до неба?

— Ружье твое стоит столько, сколько стоит в неурожайный год ствол ружья, наполненный просом.

— Ну, хорошо, я-то сам сколько стою?

— Я тебя не сравню и с последним человеком, так как ты против бога войну вел.

— Подобных насмешек я никогда не переносил, — сказал Сеска Солса и положил руку на рукоятку шашки.

— Ну, если так, я сам не останусь в этом мире, — сказал Боткий Ширтка и скрылся на тот свет.

8. Две дочери, мать и Сеска Солса

Опубл.: Радость сердца, с. 239. Записал Д. Д. Мальсагов от неизвестного лица в сел. Шатой ЧИАССР в 1935 году.

Перевод А. О. Мальсагова.

1 Докой-Корта — горная вершина в Аргунском ущелье.

2 Тумгосвцы — жители горной Ингушетии.

9. Сказание о Сеска Солсе

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 21. Записал Х. Д. Ошаев на чеченском языке со слов Эльдерханова Хамида в горной Чечне.

1 Тумсой-лам — гора в Аргунском ущелье.

2 Башлам — гора Казбек (букв. «тающая гора»).

Перевод А. О. Мальсагова.

10. Сеска Солса и Селий Пиръа

Опубл.: Радость сердца, с. 237. Записал Д. Д. Мальсагов со слов Путоева Шахмарзы в 1936 году в ауле Пхуга Майстинского ущелья.

Перевод А. О. Мальсагова.

1 Майстинцы — жители горного местечка Майсти.

11. Как Сеска Солса похитил девушку

Записал И. А. Дахкильгов на ингушском языке со слов Махаури П. Д. в 1973 году в сел. Бамут ЧИАССР. Архив ЧИНИИИСФ.

Перевод А. О. Мальсагова.

1 Мялхистинцы — жители горного местечка Мялхиста.

12. Спор, разрешенный в царстве мертвых

Опубл.: Утро гор, 1965, № 1, с. 55. Записал И. А. Дахкильгов на ингушском языке со слов Бековой Гошмахи Дордагановны в 1964 году в г. Грозном.

1 Ешап — чудовище, злое существо. Оно (он или она) дано в классе «?», т. е. классе неразумных существ, и передать его половую (родовую) принадлежность можно лишь исходя из контекста сюжета. В сказаниях и сказках вайнахов ешап антропоморфен и выступает в мужском и женском обличье. Данный образ фигурирует в фольклоре армян (вишап), грузин (гвелвешап) и абхазцев (агулшьап). Установить связь между сказаниями армян, грузин, абхазцев о вишапах (гвелвешапах, агулшьапах) с аналогичными произведениями чеченского фольклора о ешапах пока также трудно, как и решить вопрос о том, когда этот образ (понятие или слово) возник, что он первоначально означал, и как здесь приобрел значение чудовища, злого существа и т. д.

В данном сюжете ешап, по словам Бятара, выступает в облике женщины («Хоть это и ешап, но, вероятно, женщина»), поэтому понятие «ешап» мы передаем на русском языке в женском роде. В сказке «Овдилг», например, ее половая принадлежность подчеркнута сочетанием слов: мать-ешап (нана-ешап).

13. Нарт-орстхойцы и Горжай

Опубл.: ССКГ. Вып. 8, с. 38. Публикация текста на русском языке Ч. Э. Ахриева.

1 Горский этикет, когда эпический персонаж дает знать о своем появлении и не начинает бой первым.

14. Рассказы Хамчи Патараза и Орзми

Опубл.: ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8, с. 42.

[1] Превращение эпических персонажей ударом волшебной плети в животных и птиц — мотив, распространенный в фольклоре чеченцев и ингушей.

[2] Шалух — название породы лошадей. (Прим. Ч. Ахриева).

Данные рассказы Ч. Ахриевым опубликованы вместе, наше деление условное.

Паспорт тот же.

15. Сын Оршмы

Записал И. А. Дахкильгов на ингушском языке со слов Мержоева Мурциала Мусиевича (1900 г.) в 1973 году в сел. Бамут ЧИАССР. Архив ЧИНИИИСФ.

Перевод А. О. Мальсагова.

[1] Бий — кулак, дол — локоть.

16. Оршамар Эрш

Опубл.: Утро гор, 1965, № 1, с. 56. Записал И. А. Дахкильгов на ингушском языке со слов Ханиевой Фатимы в 1964 году в г. Грозном.

Перевод А. О. Мальсагова.

[1] В прошлом чеченцы и ингуши хоронили покойников в склепах — небольших каменных сооружениях.

[2] Алмаза-кинжал — кинжал особой прочности.

17. Благодатная птичка

Опубл.: Радость сердца, с. 244. Записал Д. Д. Мальсагов на ингушском языке со слов Ахриева Генардуко Пхугиевича в 1920 году.

Перевод А. О. Мальсагова.

[1] Армхи — правый приток Терека.

[2] Лячхой — жители аула Ляччах в горной Ингушетии.

[3–4] Балта и Ларс — аулы на Военно-Грузинской дороге.

18. Благодатная птичка, звезда ветров и змея

Данное сказание или легенда приводится для более полной характеристики благодатной птички из предыдущего сказания.

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 20. Записал А. У. Мальсагов со слов Цицкиева И. Б. на ингушском языке в 1965 году в г. Грозном.

Перевод А. О. Мальсагова.

19. Жена Пхагал Бяри и нарт-орстхоец

Опубл.: Радость сердца, с. 238. Записал Д. Д. Мальсагов на ингушском языке со слов Барханоева Мусы в 1927 году в сел. Галашки ЧИАССР.

[1] Ингушские Коашке — топоним в верховьях реки Ассы в горной Ингушетии.

Образ Пхагал Бяри встречается в трех текстах, поэтому приведем еще один вариант (восходящий, видимо, к одному и тому же подлиннику под названием «Пхагал Бяри»), поскольку сюжет его представляет интерес как со стороны этнографической, так и с художественной. Оба текста опубликованы в монографии У. Б. Далгат «Героический эпос чеченцев и ингушей».

«Пхагал Бяри был из рода Барахоевых.

В Галгаевском ущелье, на левом берегу Ассы, находится пещера Пхагал Бяри, а перед ней — его башня с родником во дворе. Под этой башней, внизу, на правом берегу Ассы, находятся башни Гагиевых.

Только с позволения владельцев башен Барахоевых и Гагиевых люди могли ездить по Ассинскому ущелью.

Во времена Пхагал Бяри в Галгае не было ни одного аула (в Эгикальской котловине), даже аула Эгикал тогда не было.

Пхагал Бяри жил до того, как галгаевцы поселились в Галгае.

Пхагал Бяри, Колой Кант и Солса, сын Сески, были побратимы. Раз, когда Сеска Солса был уведен в плен людьми, побратимы отбили его.

У Пхагал Бяри была жена такая красавица, что молва о ней прошла по всей стране.

Как-то один нарт-орстхоец, узнав, что Пхагал Бяри нет дома, прибыл к его дому (дверям).

— Дома ли Пхагал Бяри? — позвал он.

— Нет, уехал, — ответила жена Пхагал Бяри.

Тогда спросил нарт-орстхоец:

— Принимаете ли вы гостя?

— Пхагал Бяри нет дома. Нельзя принимать гостя, — сказала женщина.

— Люди говорят: кто гостя не любит, того пусть бог не любит! Прими меня, — стал просить нарт-орстхоец.

— Гостя мы любить любим, но Пхагал Бяри нет дома, — не хотела женщина принимать нарт-орстхойца.

— Тогда я ославлю Пхагал-Бяри, что он не принимает гостей, — сказал нарт-орстхоец и отправился со двора.

Испугавшись этих слов женщина приняла нарт-орстхойца.

Нарт-орстхоец соблазнил и увез жену Пхагал Бяри.

Когда Пхагал Бяри приехал домой, он не нашел свою жену и пустился в погоню за ней.

Женщина почувствовала запах копыт коня Пхагал Бяри, который уже нагонял их.

Испугавшись, она сказала нарт-орстхойцу:

— Мой муж идет за нами, я слышу запах копыт его коня.

Прежде чем беглецы достигли Эрша, догнал их Пхагал Бяри. Там он убил нарта, положил его голову в талс и вместе с женой поехал домой». (Хранится: архив ЧИАССР, ф. 586, оп. 53, п. 29).

20. Жены Пхагал Бяри и Сеска Солсы

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 131.

Записал А. У. Мальсагов на ингушском языке со слов Буржуева Юсупа в 1962 году в сел. Ольгетты ЧИАССР.

Перевод А. О. Мальсагова.

21. Нарт-орстхойцы и Боткий Ширтка

Опубл.: ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. 5, с. 38. Публикация текста на русском языке Ч. Э. Ахриева.

[1] Во многих сказаниях Боткий Ширтка обладает способностью отправляться на тот свет («Іэл дуне»), возвращаться в этот солнечный мир («Маьлха дуне»), что напоминает хтоническое божество. Ширтка на чеченском и ингушском языках означает ласку, маленького зверька, о котором в народе существует поверье: «Ширтка дика, дахка во аьлча, ширткъа ловзадоал» (Ласка хороша, мышка плоха, если сказать, то ласка начинает танцевать).

[2] Гарбаш (гІарбаш) — слово гІарбаш в разных значениях («ведьма», «рабыня», «невольница», «оборотень», «баба-яга») сохранилось как в чеченском, так и в ингушском языках. В сказках оно означает чаще всего «ведьма», хотя и не забывается и его исконное значение гІам («баба-яга»). Вероятно, оно восходит к тюркскому карабаш (ср. балк. карауш — рабыня) — «черноголовый».

22. Кто первым поселился в Нясар-Корте

Опубл.: Утро гор, 1964, № 3, с. 44. Записал М. Гелисханов от неизвестного лица.

Перевод А. О. Мальсагова.

1–2 Нясар-Корт и Экажево — села в Ингушетии.

3–4 Эти курганы расположены вблизи селения Экажево, расстояние между ними около пятисот метров. (Прим. сказителя).

5 Начинается второй сюжет сказания.

23. Нясар и Козаш

Опубл.: Утро гор, 1964, № 3, с. 43. Сказание записал Д. Д. Мальсагов на ингушском языке со слов Астемирова Кураза в 1963 году в сел. Нясар-Корт ЧИАССР.

Перевод А. О. Мальсагова.

1 Гарма — «жаркая» равнина.

24. Внук Козаша и Германч

Записал И. А. Дахкильгов на ингушском языке со слов Балхаева Мусы в 1966 году в сел. Долаково ЧИАССР. Архив И. А. Дахкильгова.

Перевод А. О. Мальсагова.

25. Лорса и Солса

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 131. Сказание записано М. Лушевым в 1962 году на ингушском языке со слов Османа Аушева в сел. Сурхохи ЧИАССР.

Перевод и примечания У. Б. Далгат. (Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 382).

1 Лорса — это типичный «местный герой». Он напоминает Лоаман Ха из сказания «Ачамза-курган»; Лорса также оказывает гостеприимство иноплеменному князю и тоже идет вызволять из плена свою невесту. В сказании говорится, что Лорса и Солса братья и оба орстхойцы. Это утверждение несколько противоречиво по следующим соображениям: Солса, стремящийся отторгнуть землю Лорсы, поступает совсем не по-братски. Типология образа Сеска Солсы в данном сказании вообще нарушена.

2 Похищение людей и торговля ими широко практиковались на Кавказе в прежние времена. В Дагестане, например, центром торговли похищенных людей был Эндрей-аул. У чеченцев и ингушей есть немало преданий о похищении людей. Похитители иногда возвращали свои жертвы за большой выкуп, либо продавали их в восточные страны, а иногда оставляли себе в качестве домашних рабов. Похищенных людей называли «есар».

3 В чечено-ингушских сказаниях это постоянное эпическое место.

4 Во многих чечено-ингушских сказаниях телят пасут похищенные дети. Выражение: «шел к платку — смеялся, шел к палке — плакал» является общим местом многих произведений чечено-ингушской эпической прозы.

5 «Сага» — по-ингушски означает пожертвование. Это то же, что мусульманское (арабское) «садака». Пожертвование делается в ночь на пятницу.

26. Нежно любимая Альбика

Опубл.: ИФ, с. 11. Записал Х. Осмиев на ингушском языке со слов Чантиева Умара Атиевича в 1938 году в сел. Ангушт ЧИАССР, ныне сел. Тарское СОАССР.

Перевод А. О. Мальсагова.

1 Охкаре — долина реки Кистинки.

2 В данном случае смещение героев по территориальной принадлежности непоследовательно. Ведь в сказании говорится, что Сеска Солса жил в местечке Мцхета, следовательно, отнесение Сеска Солсы к ингушам, видимо, ошибочно, ибо Мцхета находилась под Тбилиси. Проживая там, Сеска Солса мог скорее быть владельцем Грузии, а Охкар Кант — владелец края ингушей, так как он последний из тех, кто проживал на территории горной Ингушетии. Но с другой стороны, в начале сказания говорится и о том, что на своем коне Сеска Солса на второй день прибывает (откуда?! — *А. М.*) в Грузию.

3 В данном идиоматическом выражении явственно звучит ритм народных причитаний — один из древних жанров языческого периода.

Идентичный мотив причитания встречается и в сказании «Гибель нарт-орстхойцев», в котором причитает лесной голубь над умершим героем.

В более кратком виде этот сюжет опубликован и Б. К. Далгатом под названием «Сказание о нарте Сеска Солсе и Охкар Канте»: «Сеска Солса приехал в Охкаре, где жил Охкар Кант. Сеска Солса хотел отнять у него жену. Охкар Канта не оказалось дома. Жена Охкар Канта, узнав, что Сеска Солса приехал увезти ее, выдавила из груди молоко, приготовила кашу и послала эту кашу со своей матерью гостю. Солса начал есть и хвалить кашу, спрашивая, из чего она приготовлена. Мать ответила, что каша приготовлена на молоке ее дочери. Тогда Сеска Солса увидел, что обманут, так как стал с того времени молочным братом жены Охкар Канта и молочным сыном ее матери. Затем он уехал прочь». (Опубл.: ЭО. М., 1901, № 1, с. 37).

Сеска Солса, по обычаю, должен стать не «молочным братом» жены Охкар Канта, а ее «молочным сыном». Вероятно, здесь допущена ошибка. Сеска Солса должен был выпить молоко не жены, а матери Охкар Канта.

27. Жена Барахой Канта

Опубл.: Радость сердца, с. 249. Записал Д. Д. Мальсагов на ингушском языке со слов Барахоева Хадиса в 1928 году в сел. Барах ЧИАССР.

Перевод А. О. Мальсагова.

1 Дорхе (Доарахе) — населенный пункт в Ингушетии.

2 Ткобя-Ерда (инг. Ткъобlаь-Ерда) — двадцати сотен ерда, христиано-языческий храм в верховьях реки Ассы.

3 Обнаженная шашка означает нечто вроде салюта, символа того, что ее обладатель настроен миролюбиво.

28. Барахой Кант

Опубл.: ИФ, с. 7. Записал Х. С. Осмиев на ингушском языке со слов Гатиева Умара в 1938 году в сел. Ангушт ЧИАССР, ныне сел. Тарское СОАССР.

Перевод А. О. Мальсагова.

1 Барах (Бlарах) — наименование населенного пункта в горной Ингушетии.

2 Эркал-царь — вероятно, грузинский царь Ираклий.

3 Гир — название горного ущелья в Ингушетии.

4 Коашке (Гlалгlай коашке) — букв. «ворота ингушей», наименование места в верховьях реки Ассы.

29. Кинда Шоа и Сеска Солса

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 138. Записал А. У. Мальсагов на ингушском языке со слов Евкурова Ахмета в 1965 году в сел. Ольгетты ЧИАССР.

Перевод А. О. Мальсагова.

1 Шама — Сирия. В данном варианте встречаются мусульманские наплавания.

2 Чми — название места на Военно-Грузинской дороге.

3 Кякале (инг. Кхаькхале) — букв. «три покрытия», три населенных пункта (Эгикал, Хамхи и Таргим).

Следующий одноименный предыдущему (Кинда Шоа и Сеска Солса) сюжет записал М. К. Аушев на ингушском языке со слов 80-летнего Аушева Довта. Отец Довта, Нартби, жил до 135 лет и принимал участие в основании сел. Нясаре.

«Кинда был выходец из Шамы. Он поселился в Ингушетии. Его сыну Шоа засватали дочь Сеска Солсы. Через шесть колен у них появились сыновья Эги, Хамхи, Таргим. В Ингушетии они поселили людей и брали с них дань. Через некоторое время они разделились. Один поселился в Таргиме, другой — в Хамхи, третий, как старший, остался в Эги. Поселенные ими люди и они сами до того расплодились, что жить им стало там тесно». (Опубл.: А. Г. Мартиросян. История Ингушии. Орджоникидзе, 1933.)

30. Как Кинда Шоа похитил девушку

Записал С. Патиев на ингушском языке со слов Костоева Мурада в 1974 году в сел. Альтиево ЧИАССР. Архив А. О. Мальсагова.
Перевод А. О. Мальсагова.

31. Сеска Солса и Кинда Шоа

Записал Д. Д. Мальсагов на ингушском языке со слов Ахриева Генардуко в 1931 году. Архив краеведческого музея ЧИАССР, оп. 21, д. 65.
Перевод Д. Д. Мальсагова.

32. Эшк и Сеска Солса

Записал И. А. Дахкильгов на ингушском языке со слов Евлоева М. С. в 1965 году в сел. Али-Юрт ЧИАССР. Личный архив И. А. Дахкильгова.
Перевод А. О. Мальсагова.

33. Бийдолг-Бяре и Сеска Солса

Опубл.: Утро гор, 1963, № 3, с. 65. Записал А. Султыгов на ингушском языке в 1962 году в сел. Яндырка ЧИАССР со слов своего отца.
Перевод А. О. Мальсагова.

[1] Бийдолг-Бяре — всадник величиной с кулак и локоть («бий» — кулак, «дол» — локоть, г — уменьшительный суффикс, «баьри» — всадник).

34. Колой Кант

Опубл.: ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 4, с. 4. Публикация текста на русском языке Ч. Э. Ахриева.

[1] Колой — название аула, который в настоящее время находится в Галгаевском ущелье, Кант — означает по-ингушски и по-чеченски «молодец», «юноша» (прим. Ч. Ахриева).

[2] Ширтка — ласка; здесь: каламбур (прим. Ч. Ахриева).

[3] Мотив этот известен у горцев под названием «Колой Кант» и в ходу у пастухов (прим. Ч. Э. Ахриева).

[4] Камень, которым, по преданию, ударил Колой Кант, стоял на правом берегу Терека. Когда в 1856 году прибыли в Джейраховское ущелье русские отряды, то он был раздроблен солдатами на бруски, а камень, брошенный нарт-орстхойцами, стоит и доныне на левом берегу Терека, возле Джейраховского укрепления (прим. Ч. Э. Ахриева).

[5] Санаби — села под таким названием находятся в Ингушетии и Осетии.

[6] Эти камни вместе составляют нечто вроде довольно высокой башни и достигают пяти метров.

35. Колой Кант и Сеска Солса

Опубл.: Радость сердца, с. 239. Записал Д. Д. Мальсагов со слов Барахоева Хадиса на ингушском языке в 1928 году в ауле Барах ЧИАССР.
Перевод А. О. Мальсагова.

[1] Любая просьба, по обычаю, после таких слов («Чтобы вы носили мой платок»), унижающих достоинство мужчины, удовлетворялась.

Опубликовано несколько вариантов сказания о Колой Канте: Далгат Б. К. Странчка из северо-кавказского богатырского эпоса. — ЭО, 1901, № 1, с. 37; В. Гатцук. Как погибли нарт-орстхойцы. — Юная Россия, 1907, май; Аушев А. Колой Кант. — В кн.: Фольклор вайнахов. Орджоникидзе, 1932, 26 с.; Ахриев Л. Колой Кант. — В кн.: Фольклор вайнахов. Орджоникидзе, 1932, 26 с. Осмиев Х. Колой Кант. — В кн.: ИФ, с. 46.; Колой Кант. — ЧИФ, 86 с.

Все это свидетельствует об устойчивом сохранении данного сюжета и о его большой популярности в народе.

36. Старик-бедняк и нарт-орстхойцы

Записано на чеченском языке со слов Говдиева В. в Турти-хуторе ЧИАССР в 1970 году. Архив А. О. Мальсагова.
Перевод А. О. Мальсагова.

37. Три брата нарт-орстхойца

Записано студентом ЧИГУ им. Л. Н. Толстого на чеченском языке со слов Атаева Т. (1913 г.) 26 января 1975 года в Татай-хуторе ЧИАССР. Архив А. О. Мальсагова.
Перевод А. О. Мальсагова.

38. Сказание о девушке-нарт

Записал студент ЧИГУ им. Л. Н. Толстого на чеченском языке со слов Эльмурзаева М. (97 лет) в 1971 году в сел. Шали ЧИАССР. Архив А. О. Мальсагова.
Перевод А. О. Мальсагова.

39. Сказание о нарте Усе

Записал студент ЧИГУ им. Л. Н. Толстого на чеченском языке со слов Бетаргирсева Бусы (83 года) в 1971 году в сел. Шалажи ЧИАССР. Архив А. О. Мальсагова.

[1] Шалажи — село в Чечне.
Перевод А. О. Мальсагова.

40. Сказание о великанах

Опубл.: ЭО, 1901, № 1, с. 43. Публикация текста на русском языке Б. К. Далгата.

41. Турпал Термола

Опубл.: Грамматика и книга чтения для 3 класса. Грозный, 1974, с. 180.
Перевод А. О. Мальсагова.

[1] Орз-Калы — прежнее название станицы Червленной.

42. Куллуби — победитель нарт-орстхойцев

Опубл.: Аргун, 1977, № 1, с. 46. Записал С. Джамирзаев со слов Алимхановой Амант (91 год) в г. Грозном в 1972 году.

43. Конец владычеству нарт-орстхойца

Опубл.: Аргун, 1977, № 1, с. 45. Записал Джамирзаев со слов Мирзакаева М. в 1970 году в г. Гудермесе ЧИАССР.

44. Наур и Гожак

Опубл.: ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. 6, с. 44. Публикация текста на русском языке У. Лаудаева.

[1] Отверстие этого подкопа выходит на отвесную кручу и имеет один аршин в диаметре; потом подкоп расширяется и простирается более полторы версты в длину, представляя множество комнат, которые имеют в высоту до сажени. Земля выносилась из отверстия под кручу, где таким образом образовался большой курган. Подобная пещера видна на земле Верхне-Наурского аула и называется Наур-ор, т. е. пещера Наура. Эти два нарта господствовали на земле надтеречных чеченцев (прим. У. Лаудаева).

45. Нарты из Герменчуга

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 14. Записал С. Эльмурзаев в 1960 году на чеченском языке со слов Мехтиева Адама в сел. Энгель-Юрт ЧИАССР.

Перевод и прим. У. Б. Далгат. (Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 342).

[1] Герменчуг, Герменчик — тюркское слово, чаще обозначающее крепость, укрепление. В данном случае — название населенного пункта. В Чечне имеется два «Герменчика» — около сел. Шали и между аулами Энгель-Юрт и Азамат-Юрт. Такое же село имеется у кумыков в Дагестане и «Холм Германча» — Германч-Боарз — в Ингушетии.

[2] Расстояние между этими двумя местностями равно 9—10 км. Герменчуг лежит в километрах двух к югу от Энгель-Юрта (замечание сказителя).

[3] По-кумыкски «кошкельды» означает: «да будет счастливым твой приход». На этом месте, говорят, основано село Кошкельды, которое существует и ныне. Слова, произнесенные в момент обнаружения воды, остались за названием села (замечание сказителя).

[4] Много времени спустя там находили оружие, которое они носили, их посуду и другие вещи (пояснение сказителя).

Иногда враждующие местные этнические группы или роды в борьбе за землю прибегают к помощи нарт-орстхойцев, сила которых явно гиперболизирована. В предании гунойцев и айткалойцев говорится: «Между гунойцами и айткалойцами возник однажды спор. Тогда айткалойцы наняли двух нарт-орстхойцев. В бою с нарт-орстхойцами погибла тысяча гунойцев. Тогда побежденные поставили последний труп вверх ногами и решили, что их больше нельзя убивать. (У чеченцев есть поверье, что последний из тысячи убитых становится на голову).

Айткалойцы сказали вдовам гунойцев, что они пришли бы к ним, если вдовы отдадут им свой край.

Вдовы гунойцев приняли айткалойцев, напоили их ядом, и все они погибли. Так тысяча гуноек отомстила за своих погибших мужей.

Спустя много лет между гунойцами и айткалойцами вновь возник спор из-за земли. Во время боя между враждующими сторонами поднялся огромный холм, разделивший их земли.

— По сказанию, этот холм стоит и поныне в ауле Ларчашке и живут там айткалойцы». (Опубл.: Мальсагов А. О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970, с. 128).

Об этом же повествуется и в другом предании «Гунойцы и энкалойцы», в котором место айткалойцев заняли энкалойцы, но побежденными с помощью женщины оказываются нарт-орстхойцы: «Нарт-орстхойцы не проживали в крае гунойцев. Гундал основал Гуни-Юрт, но гунойцы — потомки Гундала, не уживались с соседями.

Как-то энкалойцы поехали в Ведено за невестой. Гунойцы устроили засаду, отбили невесту и захватили цIет [1]. Этот позор, нанесенный гунойцами, энкалойцы не могли смыть. Они продали много скота и за эту сумму призвали на помощь нарт-орстхойцев. Нарт-орстхойцы стали убивать гунойцев. В это время замужем за энкалойцем была одна женщина-гунойка. Она не вынесла убийства гунойцев, пригласила, говорят, на трапезу нарт-орстхойцев, напоила их ядом и всех умертвила». (Опубл.: Ахмет Мальсагов. Чеченские сказания о нарт-орстхойцах. — Аргун, 1977, № 1, с. 49.)

По словам сказителя Гайтуркаева Мани, брак между гунойцами и энкалойцами — редкость. Против Гуни была «Белая дорога», которая после битвы гунойцев с нартами стала называться «Красной дорогой».

[1] ЦIет — увечье, трофей.

46. Разгром нартов

Опубл.: Ленинский путь, 1959, 19 августа. Записал А. Абдулаев на чеченском языке со слов Адаева Сурхо.

Перевод У. Б. Далгат (Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 342).

47. Спор Гепака и Амира

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 8. Записано со слов Витаева Хамиса.

Перевод и примеч. У. Б. Далгат (Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 288).

[1] Действие происходит на территории, где проживало племя аккинцев, ныне считающихся чеченцами.

[2] Речь идет о столкновении скотовода и землепашца (горцев и плоскостных жителей).

[3] Это выражение — эпическая форма множества.

48. Теча и его возлюбленная Цай

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 10. Записано в 1960 году в сел. Алерой на чеченском языке со слов Болтукаева Ханмагомеда.

Перевод и прим. У. Б. Далгат (Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 289).

[1] Здесь, как и в сказаниях о Колой Канте, о Науре и Гожаке, имеет место «мотив Орфея», но в специфической интерпретации: женщина, увлекшись музыкой, доит коров не в подойник, а на землю, чем подчеркивается высшая степень ее сосредоточенности и увлеченности.

49. Нарт-орстхоец Кускуз

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 11. Записано в сел. Ишхой-Юрт ЧИАССР в 1960 году со слов Татаева Магомеда на чеченском языке.

Перевод У. Б. Далгат (Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 288).

50. Мельничные жернова нарт-орстхойцев

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 9. Записано в 1959 году в сел. Зандак Ножай-Юртовского района со слов Мартынкаева Алимпаши.

Перевод У. Б. Далгат (Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 288.)

51. Башни нарт-орстхойцев

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 9. Текст записан в сел. Мескеты в 1959 году со слов Айдамирова Абузара.

Перевод У. Б. Далгат. (Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 288).

32 Заказ № 8620

52. Башня Науразa

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 13. Записал С. Эльмурзаев на чеченском языке со слов Муллаева Муски (80 лет) в сел. Ножай-Юрт ЧИАССР в 1959 году.
Перевод У. Б. Далгат (Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 341).

53. Хребет семи братьев нарт-орстхойцев

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 12. Записал С. Эльмурзаев на чеченском языке со слов Рааса Саламова в сел. Ялхой-Мохк ЧИАССР.
Перевод У. Б. Далгат (Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 341).

54. Сеска Солса и лесной голубь

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 146. Записал И. А. Дахкильгов на ингушском языке со слов Ханиевой Шишхи в сел. Нясар-Корт ЧИАССР в 1965 году.
Перевод и примечание У. Б. Далгат, с. 336.
[1] В ингушских сказаниях это единственный случай, когда Сеска Солса изображен одноглазым великаном.
[2] В предании нашло отражение древнее почитание голубя у ингушей. Изображения или чучела голубей встречались и в языческих святилищах. Убить голубя считалось (и сейчас считается) большим грехом.
[3] Здесь «нг» — уменьшительный, ласкательный суффикс ингушского языка.

55. Солса и Патараз

Опубл.: ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8, с. 35. Публикация текста на русском языке Ч. Э. Ахриева.

56. Куда девались нарт-орстхойцы

Опубл.: СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22, с. 12. Публикация текста на русском языке со слов И. Магомаева.
[1] Иногда нарты, по сказаниям, пьют медь, как обыкновенный напиток. Напиток из расплавленной меди, гибель нартов от меди и медные наперстки, которыми Жера-Баба отмеривает благодатную муку для приготовления хлеба — все это приближает сказания к раннебронзовому периоду жизни человечества.
[2] Здесь традиционный мотив гибели нартов отсутствует, речь идет об их переселении на небо.
[3] Это, по всей вероятности, Большая Медведица, о которой у горских народов Северного Кавказа (в том числе у вайнахов) существуют различные мифы (прим. У. Б. Далгат).

57. Сирая вдова и нарт-орстхойцы

Опубл.: ССКГ. Тифлис, 1872. Вып. 6, с. 44. Публикация текста на русском языке У. Лаудаева.
[1] Ичкерия — чеченцы считают себя выходцами «из гор» Ичкерии.

58. Смерть нарт-орстхойцев

Опубл.: ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 4, с. 2. Публикация текста на русском языке и примечания Ч. Э. Ахриева.
[1] Дать бокал какого-либо напитка у горцев — значит благодарить.
[2] Если послушать, как кричит лесной голубь, то кажется, что он произносит по-ингушски свое собственное имя и имя Солсы.

59. Отчего погибли нарт-орстхойцы

Опубл.: ЭО, 1901, № 1, с. 40. Публикация текста на русском языке и примечания Б. К. Далгата.
[1] Смысл сказания таков, что нарт-орстхойцы были истреблены богом за то, что они пошли против законов природы, против бога и не хотели умирать.

60. Ялхой-Мохкское сказание

Опубл.: Семенов Н. Тузсмцы Северо-Восточного Кавказа. СПб, 1895, с. 115.
[1] Ялхой-Мохк — небольшой ичкеринский аул.
[2] Под «богатырями» здесь следует подразумевать нарт-орстхойцев.

61. Как нарт-орстхойцы сгинули со света

Записал Д. Д. Мальсагов на ингушском языке со слов Мальсагова И. Х. в 1964 году в сел. Гамурзиево ЧИАССР. Архив А. О. Мальсагова.
Перевод А. О. Мальсагова.

62. Гибель нарт-орстхойцев

Записал на ингушском языке и перевел на русский язык Д. Д. Мальсагов. Архив ЧИАССР, ф. 586, п. 29.
[1] Дословный перевод этих строк означает: «В царстве мертвых жаль быть Сеска Солсе», то есть голубь сожалеет о смерти Солсы.

63. Смерть нарт-орстхойцев от голода

Опубл.: ЭО, 1901, № 1, с. 40. Публикация текста на русском языке и примечания Б. К. Далгата.
[1] Это означает «бедный Сеска Солса».

64. Чтобы котел говорил о нас

Опубл.: ЧФ. Т. III, с. 11. Записал С. Эльмурзаев со слов Болтукаева Ханмагомеда в 1960 году в сел. Алерой ЧИАССР.
Перевод У. Б. Далгат (Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 334).

65. Гибель семи нарт-орстхойцев

Записал на чеченском языке студент ЧИГУ Х. Бурчаев со слов Умаева Ш. в 1976 году в сел. Ялхой-Мохк ЧИАССР. Архив И. А. Дахкильгова.
Перевод А. О. Мальсагова.

ПРЕДАНИЯ

Предания приводятся из дореволюционных и советских публикаций, произведенных на русском, чеченском и ингушском языках. Если далее в текстах не указан адрес публикации, то текст представляет собой архивную запись. Все тексты в публикации и в архивной записи на чеченском и ингушском языках даны в нашем переводе. В текстах, опубликованных до революции, нами сделаны незначительные стилистические правки, ибо стиль этих записей уже устарел и затрудняет восприятие текста. Впрочем, сделанные правки нисколько не повлияли на содержание произведений и их художественную структуру. Этнографические, топонимические и другие реалии, требующие пояснения, получают его в данном комментарии. Встречающиеся в текстах изоглосы приведены в

конце книги в специальном словаре. Если литературный источник, из которого взят тот или иной текст, повторяется более чем один раз, то в последующих комментариях библиографические данные источника приводятся неполные. То же и с указанием данных об информаторе: если данные о нем один раз приведены полностью, то в последующем мы ограничиваемся приведением имени, отчества и фамилии информатора.

1. Споем про турпала Нохчо!

Опубл.: Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, с. 129.

Имеющиеся в тексте поэтические образы свидетельствуют о том, что данный текст является переложением народной героической песни. Без изменений содержания нами эта песня приведена в строфическом виде.

[1] Нохчо. В тексте дано «Нахчууо» — такое написание имеет большее звуковое соответствие чеченскому произношению этого имени, но такое написание не привилось. В дореволюционных публикациях имя героя дано в разной огласовке: Нахчууо, Нахчи и другие подобные варианты. Во всех случаях нами это имя унифицировано в написании «Нохчо».

2. Богатырь Нохчо

Опубл.: Сказки и легенды чеченцев. Владикавказ, 1882, с. 5—6.

[1] Примечание в публикации поясняет, что Сюрин-Корт находится близ города Грозного.

[2] Нохчи. Здесь в тексте наличествует наивная народная этимология самоназвания чеченцев «нохчий», трактуемого как происходящего от слова «сыр» (нахча). Отсюда понятно появление фольклорного мотива: предок чеченцев был сыроделом. Данная народная этимология, разумеется, не имеет ничего общего с действительностью.

[3] Здесь в опубликованной записи дано пояснение: «Рассказчик их не помнит».

3. Потомство Турпала

Опубл.: Яковлев Н. Ф. Ингуши. М.—Л., 1925, с. 39—40.

[1] Здесь примечание Н. Яковлева: «из рода корейшитов».

В своем исследовании Н. Яковлев справедливо отмечает, что мотив происхождения предков от арабов и чуть ли не от рода Магомета-Корейшитов, является привнесенным в народную среду клерикалами, которые стремились данное ложное утверждение использовать для своих проповедей.

[2] Здесь примечание Н. Яковлева: «оттуда по преданиям выселились на плоскость соседи ингушей — чеченцы».

[3] Здесь примечание Н. Яковлева: «где рядом на плоскости жило родственное ингушам и чеченцам племя арстхойцев, или карабулаков, позже выселившихся в Турцию».

4. Предок Га и его потомство

В 1974 г. рассказал Гапур Элбазкиевич Ахриев (1905 года, житель аула Джерах, малограмотный). Записал И. Дахкильгов.

5. Вамполож и кабардинец

Опубл.: Ахриев Ч. Э. Ингуши (их предания, верования и поверия). — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1875. Т. 8, с. 6—7.

[1] Джелты. Ч. Ахриевым совершенно произвольно этот мифический народ назван греками. Никаких доказательств в пользу этого суждения им не приводится, оно же не подтверждается никакими другими источниками. По нашему мнению слово «джелты» скорее всего идет от тюркского «джалча» — работник, батрак. Не зря в предании сказано, что они были и трудолюбивы, и строили башни и замки.

[2] Вамполож. Название этих мифических персонажей здесь дано во множественном числе. В единственном числе — вампал. Это мифический, сказочный великан, иногда находящийся в союзе с людьми, но чаще враждующий с ними.

6. Эги, Хамхи и Таргим

Опубл.: Яковлев Н. Ф. Ингуши, с. 99.

[1] «Кхаькхалахой» — слово сложное, «кхоъ» — три, «кхала» — башня, укрепление. В прошлом — мощный феодального типа союз родов.

7. Три брата

В 1973 году рассказал Магомет Гакашевич Гакашев. Записал И. Дахкильгов.

В этом предании особенно наглядно виден наивный характер предания о происхождении народа.

[1] «Дернул за ворот бешмета младшего из братьев» — подобный поступок расценивался как одно из тягчайших оскорблений.

8. Цечо и Мялхе

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 54—55.

[1] Объяснение этнонима «галга» от слов «живущие в галабашне» (гIалахой) необходимо признать народной этимологией, так как не имеет никаких научных подкреплений.

[2] В преданиях названия родоплеменных групп «цечоевы», «мелхистинцы» объясняются с помощью народной этимологии от слов «цIий» — кровь, «малх» — солнце.

9. Кайсай-Джурай

В 1968 г. рассказал ашуг Идрис Боскарович Цицкиев (1912 года, житель г. Грозного, безграмотный). Записал И. Дахкильгов.

[1] Данное имя не встречается в ономастике вайнахов. Скорее всего это имя восходит ко временам владычества на Северном Кавказе Золотой Орды.

10. Хилдехаройский Ляча

В 1973 г. рассказал Исраил Горгиевич Хилдехароев (1912 года, житель сел. Бамут, безграмотный). Записал И. Дахкильгов.

11. Предание о происхождении фамилии Барконхой

В 1882 г. со слов жителя села Плиево Данила Котиева предание записал Б. Далгат и опубликовал его: ЭО, 1901, № 1, с. 54; вторая публикация: У. Б. Далгат. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 360—362.

Имеется неопубликованное предание, в котором утверждается, что Баркин был сподвижником Тамерлана. Они якобы поссорились, и Баркин бежал в горы Ингушетии, где он со временем стал предводителем военной дружины.

[1] Здесь примечание Б. Далгата: «Предание носит фамильный характер. Рассказ записан со слов представителя этой фамилии Котиева, одного из потом-

конце книги в специальном словаре. Если литературный источник, из которого взят тот или иной текст, повторяется более чем один раз, то в последующих комментариях библиографические данные источника приводятся неполные. То же и с указанием данных об информаторе: если данные о нем один раз приведены полностью, то в последующем мы ограничиваемся приведением имени, отчества и фамилии информатора.

1. Споем про турпала Нохчо!

Опубл.: Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859, с. 129.

Имеющиеся в тексте поэтические образы свидетельствуют о том, что данный текст является переложением народной героической песни. Без изменений содержания нами эта песня приведена в строфическом виде.

[1] Нохчо. В тексте дано «Нахчууо» — такое написание имеет большее звуковое соответствие чеченскому произношению этого имени, но такое написание не привилось. В дореволюционных публикациях имя героя дано в разной огласовке: Нахчууо, Нахчи и другие подобные варианты. Во всех случаях нами это имя унифицировано в написании «Нохчо».

2. Богатырь Нохчо

Опубл.: Сказки и легенды чеченцев. Владикавказ, 1882, с. 5—6.

[1] Примечание в публикации поясняет, что Сюрин-Корт находится близ города Грозного.

[2] Нохчи. Здесь в тексте наличествует наивная народная этимология самоназвания чеченцев «нохчий», трактуемого как происходящего от слова «сыр» (нахча). Отсюда понятно появление фольклорного мотива: предок чеченцев был сыроделом. Данная народная этимология, разумеется, не имеет ничего общего с действительностью.

[3] Здесь в опубликованной записи дано пояснение: «Рассказчик их не помнит».

3. Потомство Турпала

Опубл.: Яковлев Н. Ф. Ингуши. М.—Л., 1925, с. 39—40.

[1] Здесь примечание Н. Яковлева: «из рода корейшитов».

В своем исследовании Н. Яковлев справедливо отмечает, что мотив происхождения предков от арабов и чуть ли не от рода Магомета-Корейшитов, является привнесенным в народную среду клерикалами, которые стремились данное ложное утверждение использовать для своих проповедей.

[2] Здесь примечание Н. Яковлева: «оттуда по преданиям выселились на плоскость соседи ингушей — чеченцы».

[3] Здесь примечание Н. Яковлева: «где рядом на плоскости жило родственное ингушам и чеченцам племя арстхойцев, или карабулаков, позже выселившихся в Турцию».

4. Предок Га и его потомство

В 1974 г. рассказал Гапур Элбазкиевич Ахриев (1905 года, житель аула Джерах, малограмотный). Записал И. Дахкильгов.

5. Вамполож и кабардинец

Опубл.: Ахриев Ч. Э. Ингуши (их предания, верования и поверия). — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1875. Т. 8, с. 6—7.

[1] Джелты. Ч. Ахриевым совершенно произвольно этот мифический народ назван греками. Никаких доказательств в пользу этого суждения им не приводится, оно же не подтверждается никакими другими источниками. По нашему мнению слово «джелты» скорее всего идет от тюркского «джалча» — работник, батрак. Не зря в преданиях сказано, что они были и трудолюбивы, и строили башни и замки.

[2] Вамполож. Название этих мифических персонажей здесь дано во множественном числе. В единственном числе — вампал. Это мифический, сказочный великан, иногда находящийся в союзе с людьми, но чаще враждующий с ними.

6. Эги, Хамхи и Таргим

Опубл.: Яковлев Н. Ф. Ингуши, с. 99.

[1] «Кхаькхалахой» — слово сложное, «кхоъ» — три, «кхала» — башня, укрепление. В прошлом — мощный феодального типа союз родов.

7. Три брата

В 1973 году рассказал Магомет Гакашевич Гакашев. Записал И. Дахкильгов.

В этом предании особенно наглядно виден наивный характер предания о происхождении народа.

[1] «Дернул за ворот бешмета младшего из братьев» — подобный поступок расценивался как одно из тягчайших оскорблений.

8. Цечо и Мялхе

Опубл.: ИФ. Т. II, с. 54—55.

[1] Объяснение этнонима «галга» от слов «живущие в галабашне» (plaitait) необходимо признать народной этимологией, так как не имеет никаких научных подкреплений.

[2] В преданиях названия родоплеменных групп «цечоевы», «мелхистинцы» объясняются с помощью народной этимологии от слов «цIий» — кровь, «малх» — солнце.

9. Кайсай-Джурай

В 1968 г. рассказал ашуг Идрис Боскарович Цицкиев (1912 года, житель г. Грозного, безграмотный). Записал И. Дахкильгов.

[1] Данное имя не встречается в ономастике вайнахов. Скорее всего это имя восходит ко временам владычества на Северном Кавказе Золотой Орды.

10. Хилдехаройский Ляча

В 1973 г. рассказал Исраил Горгиевич Хилдехароев (1912 года, житель сел. Бамут, безграмотный). Записал И. Дахкильгов.

11. Предание о происхождении фамилии Барконхой

В 1882 г. со слов жителя села Плиево Даниила Котиева предание записал Б. Далгат и опубликовал его: ЭО, 1901, № 1, с. 54; вторая публикация: У. Б. Далгат. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 360—362.

Имеется неопубликованное предание, в котором утверждается, что Барким был сподвижником Тамерлана. Они якобы поссорились, и Барким бежал в горы Ингушетии, где он со временем стал предводителем военной дружины.

[1] Здесь примечание Б. Далгата: «Преданье носит фамильный характер. Рассказ записан со слов представителя этой фамилии Котиева, одного из потом-

ков Баркима, героя рассказа». Перечисленные в предании фамилии являются ответвлениями рода Баркинхой. Наряду с ними можно еще назвать Точиевых, Банхаевых.

12. Албогачиевы и Хашагульговы

В 1976 году рассказал Шимоха Юнусович Албогачиев (1929 года, житель г. Назрани, образованный). Записала Р. Ш. Албогачиева.

[1] Здесь предок рода Хашагульговых назван грузином. Это единичный случай. Также известно одно предание, по которому этот предок предстает выходцем из Осетии. Большая же часть вариантов этого предания утверждает, что этим гостем был черкес (представитель адыгов).

13. Объединение страны

В 1974 г. рассказал Инал Керимович Цуров (житель аула Джерах, безграмотный). Записал И. Дахкильгов.

[1] Здесь перечислены родоплеменные образования, которые консолидировались в одну народность — ингушей — и выработали самоназвание по имени племени «галгай».

[2] «Место трех крестов» представляет собою три высокие стелы с процарапанными на них изображениями крестов и стоящие на перевале к Галгайскому обществу у вершины горы Цай-Лам, которой поклонялись в языческо-христианские времена. По рассказам стариков, эти три стелы символизируют факт объединения разных племен.

[3] То, что поверх кожаных поясов вынуждаемы были носить еще и кушаки, указывает, надо полагать, на факт разделения родов по социальному признаку, ибо ношение на талии ременного пояса было привилегией полноправного человека. Этого преимущества лишались рабы и неполноправные единоплеменники. На социальные признаки указывает и наличие таких терминов как «хурхал», «гарбаш».

14. Тангахой

В 1964 г. рассказал Сабраил Жовбатыров (1891 года, житель сел. Самашки, безграмотный). Записал А. С. Куркиев.

[1] Обычно в преданиях, посвященных кровавой резне родов, женщины не уничтожаются, ибо продолжателем рода считался только мужчина. Отсюда был обычай, по которому женщину нельзя было убивать даже как ответчицу за кровную месть, но сама женщина имела, по обычаям, право на свершение кровной мести.

15. Гий, Сиккам, Чинаха

В 1975 г. рассказала Асет Харсиева (1927 года, жительница сел. Мужичи, малограмотная). Записал И. Дахкильгов.

Данное предание имеет многочисленные варианты. По одним из них бежавшим от гнева Гия был его брат Чопик. От него, по родовому преданию рода Казбеги, и идет их род, ранее называвшийся родом Чопикашвили. Это же указание имеется и у ингушского рода Тумгоевых, предком которого, по родовому преданию, считается Гий.

16. Про живущих в ауле Духаргашт

В 1973 г. рассказал Джарап Бириханов (70 лет, житель г. Назрани, безграмотный). Записал А. О. Мальсагов.

[1] Герой предания приводит себе на помощь друзей от грузин, осетин и черкесов. В этом отразился факт широко бытовавшего раньше на Кавказе обычая побратимства (куначества). Побратим должен был помогать своему присяжному брату. Наличие большого круга присяжных братьев, особенно среди других родов, расценивалось как большое могущество личности.

17. Халундоевцы

Опубл.: Россикова А. Путешествие по центральной части горной Чечни. — Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис, 1896, с. 195.

[1] «Тавлинцы», «Тавлия» — такие понятия не существуют, ибо нет такого народа и такой страны. Эти названия происходят от тюркского слова «тау» — гора. В предании имеются в виду горные районы Чечено-Ингушетии.

18. Акберг

В 1973 г. рассказал Висха Хасанович Кагерманов (1918 года, житель сел. Бамут, образованный). Записал И. Дахкильгов.

[1] Цет (цIет) — в давние времена от тела убитого врага брался цIет: или скальпирование бород, или отрезание правой кисти вместе с предплечьем, или отрезание уха. Обычно такие «трофеи» вывешивались перед башней. Взятие цет с живого человека (скажем, отрезать ухо) считалось наравне (иногда и более) убийства. В предании инсценированная кража драгоценностей преподносится не как обычное воровство (тогда это был бы не столь тяжкий поступок), а как взятие цет с целью нанесения оскорбления.

[2] Этот могильник действительно имеется в Галанчоже и хорошо сохранился.

19. Чабарло

В 1973 г. рассказал Махма Губажкович Гандалоев (1885 года, житель сел. Бамут, безграмотный). Записал И. Дахкильгов.

[1] Очажная цепь считалась священной. Вблизи нее не должна была пролиться кровь, нельзя было произносить дурных слов. Даже кровную месть не свершали вблизи очага. Любой из кровников, если ему удавалось дотронуться до очажной цепи, должен был быть принят как гость. Обнять же чужую очажную цепь означало, что человек ищет защиты, желает стать названым братом.

[2] Когда местные герои называются словом «аьла», часто переводимое как князь, то чаще всего имеется в виду не княжеское происхождение героя, а его высокий этикет, родовитость, могущество.

20. Ханбатыр

В 1980 г. рассказал Баудин Магомадов (1900 года, сел. Гехи). Записал Абдурахман Дударов.

21. Храбрый Аларо

В 1980 г. рассказал Джабраил Джанбеков (1901 года, сел. Ножай-Юрт). Записал Ахмет Дадуллаев.

22. Основание аула Эбан

В записи Ч. Ахриева опубл.: Ахриев Ч. Э. Ингуши, с. 26—27.

[1] В тексте написано «Оббоно». Нами исправлено на «Эбан», ибо такое произношение имени более соответствует.

[2] В тексте написано «Ффарп». Нами исправлено на «Харп» по вышеназванной причине.

23. Эги, Эбан и его сыновья

В 1966 г. рассказал Ю. Б. Доскиев. Записал И. Дахкильгов.
1 Заброшенный горный аул в ущелье реки Ассы.
2 Селение у выхода из Ассинского ущелья.
3 Селение в Дарьяльском ущелье.

24. Ханой Хинг

Здесь приводится пять преданий. Первое, второе, третье и пятое записаны И. Дахкильговым; четвертое записано А. А. Гандалоевой. Первая часть рассказана Ахметом Ханиевым на пасеке в ныне необитаемом ауле Хяни; информатору в 1966 году было 35 лет. Второе и третье предания рассказаны жителем аула Ляжги в 1966 году стариком Солсбеком Патиевым. Четвертое предание рассказал в 1976 году 45-летний житель аула Олгетты Ахмет Хадзиев. Пятое предание рассказано 80-летним жителем г. Грозного в 1968 году Магометом Абдулаевичем Ханиевым.

1 Действительно, такой большой камень находится в стене одной из башен аула Хяни.
2 Добавление в раствор яиц имело скорее магическое значение.
3 Обычно внутри боевой башни имеется один каменный свод, остальные этажные перекрытия делались из дерева. Наличие двух сводов позволяет строить башню выше и прочнее.
4 Во всех «строительных» преданиях большое значение придается кормлению строителя, как выполняющего тяжелую и сложную работу.
5 Дяла — здесь имеется в виду верховный языческий бог вайнахов в домусульманский период.

25. О воздвижении башни Цуровых

В 1974 г. рассказал Эси Орцхоевич Цуров. (84-х лет, житель аула Джерах, безграмотный). Записал И. Дахкильгов.
1 В основание башни всегда клали золотые, серебряные вещи и прочее, что является отголоском «строительной» жертвы.
2 Такое условие было поставлено мастером потому, что, как рассказывается в преданиях, мастера, случалось, даже убивали, чтобы не дать условленную плату.

26. Строитель Дисхи и его невеста

Опубл.: Иванов М. А. Верховья реки Гехи. — Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис, 1902, с. 286.

27. Умная жена

Записал Х. Д. Ошаев. Опубл.: ЧФ. Т. II, с. 121—125.
Сюжет данного предания весьма широко распространен в Чечено-Ингушетии, есть предания, когда подобный сюжет увязывается с конкретным родом, личностью, хотя сам сюжет является международным.

28. О прошлом Назрани

Рассказал Довт Аушев. (80-ти лет, житель г. Назрани). По его словам его отец прожил 135 лет и был мальчиком среди первых поселенцев Назрани. Предание опубл.: Чудесные сказания. Орджоникидзе, 1931, с. 23—26. Записал Магомет Керимович Аушев.
1 Хотя герой назван Магометом-Хаджи, но, вероятнее всего, он являлся человеком, близким к дому феодалов Тарковских Шамхалов, которые часто враждовали с кабардино-черкесами. Он по своему имени является ревностным побор
ником ислама (к собственному имени добавлялось «хаджи» только тем, кто с
вершил паломничество в Мекку).
2 Обряд заклания белого быка имел в прошлом широкое распространени
На рога жертвенного животного часто наворачивали белую материю, часто
шелковую ткань.
3 Слова «посадив нам в засаду клыкастого кабана» надо понимать в то
плане, что в то время жители Назрани были язычниками (с примесью христиа
ства), а воины Магомета-Хаджи были мусульманами.

29. Орцха Кэрцхал

Опубл.: Яковлев Н. Ф. Ингуши, с. 25.
1 Из данного текста получается, что заклание быка было произведено пре
водителем колонизировавших равнинные земли людей Орцха Кэрцхалом, а
Магометом-Хаджи (см. предыдущий текст).

30. Находчивость Кэрцхала

Опубл.: там же.
1 Здесь примечание Н. Яковлева: «основатель Назрани».
2 Мотив подобного поедания меда имеется и в целом ряде преданий о др
гих героях.

31. Инарка

В 1974 г. рассказал Осман Хамчиев (1929 года, житель ссл. Инарки). З
писал Д. Кортоев.
1 Не только в сказках, а и в преданиях с «сармаком» связывается во

32. Про нихалойцев

В 1976 г. рассказала Сайхат Межиева (1920 года, жительница поселка
ды г. Грозного, безграмотная). Записала Зара Баталова.

33. Ногай-Мирза

Опубл.: Лаудаев У. Чеченское племя. Тифлис, 1872, с. 40.
1 Гирди — здесь У. Лаудаев дает пояснение: «около 5 гарнцев».

34. Села Гардали, Даттах, Энган

В 1980 г. рассказал Али Пуцигов. (1922 года рождения, сел. Надтеречно
Записала Т. Бураева.
1 «Записывали имена отца, деда и других» — данное сведение идет отт
что некогда на общеплеменном (общеродовом) котле ставились клейма (тем
родственных тайпов (родов, племен).

35. Гардалой

В 1980 г. рассказал Али Пуцигов (1922 года рождения, сел. Надтеречн
Записала Т. Бураева.

36. Лощина, где застрял Дуншилг

В 1979 г. рассказал Дулда Магометович Бесаев (1922 года рождения,
Мужичи). Записала М. Дзаурова.

37. Основание села Алхан-Юрт

В 1980 г. рассказал Али Пуцигов (1922 года рождения, сел. Надтеречное). Записала Т. Бураева.

[1] «Известный мужчина Алха» — у чеченцев и ингушей имеется немало песен о героической личности Лячий Аьлаха.

[2] Пожелание того, чтобы девушки всегда давали путнику напиться, говорит о том, что девушки ценились по этикету.

38. Как Чабарло забрал местечко Берхате

В 1973 г. рассказал 78-летний житель сел. Бамут Азн Успаевич Терлоев. Записал И. Дахкильгов.

[1] Берхате — это название идет от слова «берхIа» — соляной раствор. Соленую воду из этого источника выпаривали, получали соль, которая пользовалась большим спросом и в горах, и на равнине.

[2] «Мы не дотронемся до еды» — по старым представлениям, если гость отказывался от предложенной ему еды, то хозяин заслуживал самого сурового осуждения.

[3] «Концы ремня сошлись» — этот мотив является очень распространенным, и впервые он был зафиксирован в Древней Греции.

39. Байни-Кашете

В 1974 г. рассказал Султан Магометович Дзарахов (1913 года, житель аула Байни, малограмотный). Записал И. Дахкильгов.

[1] Род Гама-Някан. О том, что это вымышленное название враждебного рода свидетельствует то, что название это является производным от слова «гам» — так называется демонический персонаж чечено-ингушской мифологии, по своим функциям соответствующий русской ведьме.

[2] Шиш — здесь: так называется кустарник, плоды которого содержат дурманящее вещество.

[3] «Их род был галгаевским» — должно означать, что в прежние времена этот род был антагонистичен в феодальном отношении.

[4] «Назвали Кашете» — т. е. назвали «кладбищенскими».

40. Селение Буни

Опубл.: Россикова А. Путешествие по центральной части горной Чечни, с. 82.

41. Гора трех сестер

В 1976 г. рассказала Рахмат Баматгиреева (1913 года, жительница сел. Асланбек-Шерипово). Записала А. Гайрбекова.

42. Надмогильный памятник нарт-орстхойцев

В 1976 г. рассказал Жупойда Умаев (старик, житель сел. Ялхой-Мохк). Записал Х. Бурчаев.

В этом предании далее идет мотив гибели братьев из-за исчезнувшей благодати: братья по старшинству пьют расплавленную медь и умирают. Младший из братьев последним выпивает свою чашу, затем ударом ноги обрушивает на себя дом.

Один из вариантов этого предания был опубл.: Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа, с. 115.

Повторная публикация этого варианта была осуществлена: Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 332—334.

43. Двое братьев и их мать

Опубл.: Виноградов В. Б. Тайны минувших времен. М., 1966, с. 25.

44. Варанды

В 1967 г. рассказал Абдурахман Амаевич Амаев (1882 года, житель сел. Варанды, безграмотный). Записал Я. З. Амаев.

Предание построено на народной этимологии: название селения Варанды объясняется от слов «вар» — рождение и «дов» — вражда.

45. Содержание судей храма Ткобя-Ерды

В 1981 г. по памяти записал 55-летний житель сел. Дачное (Яндиево) Муса Терботович Албаков.

46. Потомки Маго

Паспорт тот же, что и в предыдущем предании.

47. Родник «Девичья коса»

В 1980 г. рассказал Султан Шадиев (1912 г. рождения, сел. Ведено). Записал Абуязит Ашаханов.

48. Склон Мажки

В сел. Ведено записано М. Кибиевым. Опубликовано: ЧФ. Т. II, с. 132—135.

49. Откуда идет название села Ялхой-Мохк

В 1976 г. рассказал Магомет Керимов (1909 года, житель сел. Ялхой-Мохк). Записал Х. Бурчаев. Здесь имеется ненаучная народная этимология.

50. Про Ялхой-Мохк и хребет Мушан-Дук

В 1976 г. рассказал Бачар Газихаджиев (1901 года, житель сел. Ялхой-Мохк). Записал Х. Бурчаев.

51. Название села Шовхал-берд

В 1977 г. рассказал Ахмет Мамадиевич Мамадиев (1902 года, житель сел. Гардали, безграмотный). Записал А. А. Аюбов.

52. О царице Тамар

В 1974 г. рассказал Гапур Элбазкович Льянов (1905 года, житель сел. Джерах). Записал И. Дахкильгов.

[1] «Водила к себе молодых людей». Имеется неопубликованная запись из нашего архива, содержание которой направлено на оправдание якобы имевшихся эротических склонностей царицы.

53. Похороны Тамар

В 1973 г. рассказал М. Г. Гакашев. Записал И. Дахкильгов.

[1] «Иметь для себя слуг на том свете» — по древнеязыческим верованиям неотмщенные убитые на том свете становились рабами своего убийцы.

54. Царь Гергал

В 1974 г. рассказал Гапур Элбазкович Ахриев. Записал И. Дахкильгов.

[1] Гергал — искаженное имя грузинского царя Ираклия. Обычно в чеченских и ингушских сказаниях его называют Еркал-падчахом.

55. Хромой Тимур

Это один из многочисленных вариантов сказаний о Тамерлане. Запись писателя Х. Осмиева. Публикация его записи: Ингушский фольклор. Грозный, 1959, с. 16—18.

[1] Коазашке — вблизи селения Долаково есть курган, который называется «Къозаша боарз».

[2] Истмале — Стамбул.

[3] Турпал конь — богатырский конь. Восходит к тюркскому названию богатырского коня «тулпар».

56. Барким и сын Тимура

В 1967 г. рассказал Хаджи-Бекир Банхаев (35-ти лет, образование высшее, представитель рода Баркинхоевых). Записал И. Дахкильгов. Опубл.: Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 231—232.

[1] Дови — мифические злые великаны, подобные грузинским дэвам.

57. Ров Тамерлана

Опубл.: Лаудаев У. Чеченское племя, с. 41. Повторная публикация Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 398—399.

П. И. Головинский зафиксировал сюжет, героями которого являются Тимур и предводитель нартов Сеска Солса (Опубл.: ССТО. Тифлис, 1878. Вып. 1. с. 257).

Жил-был между галгаевцами турпал по имени Солса, сын Сески. На крылатом коне, перескакивая с горы на гору, разрубая своим богатырским мечом скалы, разгуливал Солса по всем Кавказским горам. Впадины на скалах — от копыт коня Солсы, щели в скалах — от меча его — сохранились до сих пор. Но для Солсы были тесны Кавказские горы, и пустился он странствовать по белому свету. Прискакав в Самарканд, Солса познакомился с ханом Тимур-Аксаком, который получил прозвище Аксака потому, что в молодости, гоняясь за козой, поломал себе одну ногу, и она, после сращения, сделалась короче другой. Солса жил, пировал у Тимур-Аксака да показывал свою удаль. Но как-то Солса поссорился с Тимуром, который при этом пригрозил ему. Солса, в отмщение за угрозу, схватив сына Тимура, ускакал на родину, на Кавказ, и продал его галашевцу по имени Ганш. Тимур с огромным войском пустился преследовать Солсу и по следам его дошел до Галашевского ущелья. Но он опасался быть разбитым в горах; переговорив через лазутчиков с сыном, на выкуп которого Ганш не согласился, Тимур посоветовал сыну бежать при случае и отступил на Кумыкскую равнину. На обратном пути Тимур приказал войску рыть канаву от Галашевского ущелья до Кумыкской равнины для того, чтобы сын его, во время своего бегства с гор, не запутался в непроходимых и безлюдных чеченских лесах, а бежал по направлению канавы, которая указывала бы ему путь. И действительно, в предании говорится о том, что она довела его до стана отца, что на Кумыкской равнине.

58. Мали Таймазха

В 1980 г. рассказал Шуди Магомадов (1918 года, сел. Гехи). Записал Абдурахман Дударов.

59. Назрановский Малсаг и Гехинский Саадула

В 1980 г. рассказал Асхаб Тагаев (1910 года, сел. Урус-Мартан). Записал Апти Бисултанов.

60. Предводитель абреков

В 1980 г. рассказал Б. А. Сайгираев (1928 года, сел. Алхан-Кала). Записала Ранса Сайгираева.

61. Харачоевский Зелимхан

В 1979 г. рассказал Дулда Магометович Бесаев (1922 года, сел. Мужичи). Записала М. Дзаурова.

62. Зелимхан и бедный мальчик

В 1980 г. рассказал У. Накаев (старик, сел. Урус-Мартан). Записала М. Дзулгаева.

63. О Зелимхане

В 1976 г. рассказал Хасмагомет Хамидович Мусаев (1926 года, житель сел. Асланбек-Шеripово). Записала А. Гайрбекова.

64. Абрек Сулумбек

В 1977 г. рассказал Абдул-Керим Муниевич Акмурзиев (1904 года, житель сел. Сагопши). Записала С. Н. Гандалоева.

[1] По обычаям чеченцев и ингушей убийство безоружного, даже если он был кровник, считалось позором.

65. Валерик

В 1977 г. рассказал Магомет Эльмурзаев (90 лет, житель села Валерик безграмотный). Записал З. Мумадов.

В этом предании отразились локальные столкновения между отдельными представителями выселившихся из гор родоплеменных групп. Преданне неисторично, оно, скорее, имеет целью как-то объяснить топоним «Валерик» («Гибельнос») — вспомним стихотворение М. Лермонтова «Валерик».

[1] В фольклоре, как известно, отразились, наряду с прогрессивными, демократическими воззрениями народа, представления и обычаи, порожденные эпохой давнего и длительно существовавшего родового строя. Например, обычай кровной мести, «возникший и развившийся в догосударственном обществе, как универсальное средство защиты жизни, чести, имущества сородичей» (соплеменников), — (Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. XIII, с. 1377) был некоторым регулятором во взаимоотношениях родов и на определенной стадии развития имелся у многих народов. В догосударственный период, когда отсутствовали различные органы, карающие преступников, жестокая кровная месть являлась следствием стремления рода к самосохранению. Разумеется, с появлением государственности обычай кровной мести, который нередко слепо обрушивался не только на самого преступника, а и на ни в чем неповинного его сородича, исчезал не сразу, а постепенно. Так, например, еще первый юридический документ Киевской Руси «Русская правда» не могла ее полностью ликвидировать, но во многом ограничила необузданный характер слепой кровной мести. Вплоть до Октябрьской революции кровная месть, о которой говорится в ряде преданий («Валерик», «Сулда-Венаг», «Победа дошхаклойцев», «Гибель сыновей Дудара», «Сын должен быть достойным своих родителей», «Старая месть

«Тебулос-Мта», «Как в Ингушетии впервые была прощена кровь», «Примирение Эги и аккинцев», «Галгайцы и фяппинцы»), являлась настоящим бичом народа, его большим несчастьем. Одним из благотворных последствий революции для чеченцев и ингушей, как и для других народов Кавказа и Средней Азии, была ликвидация кровной мести, которая преследуется советскими законами. Теперь она, к счастью, сохранилась лишь в «преданиях старины глубокой».

66. Сулда-Венаг

Опубл.: М. А. Иванов. Верховья реки Гехи, с. 295—296.

67. Башня Гоната

Записал Х. Д. Ошаев. Опубл.: ЧФ. Т. II, с. 110.

68. Победа дошхаклойцев

В 1974 г. рассказал Султан Патиев (25-ти лет, житель санатория Арамхи, образование среднее). Записал А. О. Мальсагов.

69. Переселения Дудара

Опубл.: Семенов Л. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963, с. 70.

Л. Семенов слышал это предание от информаторов Бунхо Шанхоева, Тоха Марзиева, Билала Эльджеркиева, Мочуко Шовхалова.

70. Гибель сыновей Дудара

Опубл.: Семенов Л. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах, с. 24—25.

[1] По рассказам стариков некоторые люди раньше употребляли «хьаргIий мотт» — вороний язык. Скорее всего это был или охотничий язык или какой-то другой тайный язык криков.

71. Замоев Уциг

В 1962 г. рассказал Юсуп Буружев (1902 года, житель сел. Ольгетты, малограмотный). Записал А. У. Мальсагов. Опубл.: ИФ. Т. II, с. 19.

72. Колой Кант и Барахой Кант

В 1970 г. рассказал Хусен Абукарович Эсмурзиев. Записал А. Х. Танкиев.

73. Кохе Гонат

В 1973 г. рассказал Азам Успаевич Терлоев (1895 года, житель сел. Бамут, безграмотный). Записал И. Дахкильгов.

По приведенной информатором родовой генеалогии Кох, отец Гоната, предстает тринадцатым предком.

74. Находчивые братья

В 1980 г. рассказала Мелижа Целиева (1883 года, гор. Грозный). Записала Л. Х. Мусаева.

75. Мержой Казилг

В 1973 г. рассказал Мурцал Мусиевич Мержоев (1900 года, житель сел. Бамут, безграмотный). Записал И. Дахкильгов.

76. Сказание о бесстрашном муже и находчивой жене

Записал Е. И. Крупнов от жителей сел. Шуан в 1929 году. Опубл.: Археолого-этнографический сборник. Т. II, с. 259—260.

77. Ивизды Газд

Опубл.: Мартиросиан Г. К. История Ингушии. Орджоникидзе, 1933, с. 28—29.

[1] Пхагал Бяри — герой чечено-ингушского героического эпоса. В преданиях предстает как реальная личность и даже причисляется к конкретному роду (Барханоевы). В переводе это имя означает «заячий всадник». Заметим, что и у абхазо-адыгов имеется персонаж «заячий всадник» — гномообразное хтоническое существо, обладающее необоримой силой. Естественнее предположить, что перед нами одно существо, восходящее к прамифологической основе кавказских народов. Отметим, что у чеченцев и ингушей слово «заяц» и сегодня табуизируется. В пользу нашего предположения говорит и наличие на святилищах изображения всадника, у которого неестественно длинные уши.

[2] Эги-Кал, Хамхи, Таргим.

[3] Ингушия. В 20—30 годах наравне со словом Ингушетия вводилось в научный обиход и слово «Ингушия», но оно не привилось.

[4] В этом предании утверждается, что якобы князей в Ингушетии не было, хотя известно, что некоторые ингушские общества временами находились в своеобразной зависимости от тарковских шамхалов, кабардинских князей. Такое утверждение в предании появилось после ликвидации засилия князей (после вхождения Чечни и Ингушетии в состав России) и выражало желание народа впредь не иметь у себя феодальных порядков.

78. Слепой Ган

В 1975 г. рассказал Лорс Фаргиев (1877 года, житель сел. Алхасты, безграмотный). Записала А. Мальсагова.

79. Земля за красавицу

Опубл.: Лаудаев У. Чеченское племя, с. 34. Подобный мотив имеется и в фольклоре кабардинцев.

80. Сказание о знатном иноземце Ерде

В 1929 году рассказал Гасан Аушев, житель сел. Эгикал. Записал Е. И. Крупнов. Опубл.: Археолого-этнографический сборник. Т. II, с. 255—257.

[1] Ерд — словом «ерд» чеченцы и ингуши, как и многие народы Кавказа, обозначали языческо-христианских божков, а также и посвященные им святилища. Действие предания локализуется вблизи храма Ткобя-Ерды, в связи с этим, можно предположить, что в запись Е. Крупнова вкралась ошибка: превращение слова «ерд» в имя собственное. Сам Е. Крупнов в вводном слове к своим записям отмечает, что записаны они неточно и подверглись некоторой обработке.

[2] Еркал — здесь Еркал назван ингушом. Во всех известных остальных вариантах этого предания «Еркалом» называется грузинский царь Ираклий II.

81. Не мути воду

В 1974 г. рассказал Гапур Элбазкович Льянов. Записал И. Дахкильгов.

82. Больше не будем спорить

В 1975 г. рассказал Али Эдалбиевич Балаев (1910 года, житель сел. Мужичи). Записал И. Дахкильгов.

[1] Здесь говорится об обряде заключения молочного родства. Выпивший грудное молоко становился как бы сыном женщины и братом ее детей. Раньше таким образом завершалось примирение кровников.

83. Ча и Чербаж

В 1965 г. рассказал Магомет Куркиев (1941 года, уроженец аула Гвилети, житель г. Назрани, образованный). Данное предание М. Куркиев слышал от своего отца. Записал И. Дахкильгов. Опубл.: У. Б. Далгат. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 396—397.

84. Погибшие из-за земли

В 1977 г. рассказал Хати Илезович Дзейтов (1897 года, безграмотный). Записал Б. Хаматханов.

85. Сиксолса и Гуй

В 1974 г. рассказал Абдула Алиевич Ханиев (1933 года, пасечник аула Хяни). Записал И. Дахкильгов.

[1] Имя Сиксолса скорее всего происходит от имени героя нартских сказаний Сеска Солсы.

86. Черкесские хребты

Записал А. Дадуев от жителя сел. Верхний Наур старика Алаудина Асабаева. Опубл.: ЧФ. Т. II, с. 115—116.

87. Женщина помирила мужчин

Опубл.: Головинский П. И. Чеченцы. — Терские ведомости, 1870, № 40.

88. Как женщины одолели врагов

В 1974 г. рассказал Асхаб Ховдиевич Евкуров (1905 года, житель сел. Ольгетты, безграмотный). Записал И. Дахкильгов.

89. Девушка ищет суженого

В 1976 г. рассказал Саламу Сатуевич Алдамов (1930 года, житель сел. Серноводск, образованный). Записал М. М. Умаев.

90. Как девушка обманула разбойников

В 1975 г. рассказала Асет Харсиева (1927 года, жительница сел. Мужичи, малограмотная). Записал И. Дахкильгов.

[1] Кудал — длинный латунный кувшин с узким горлышком.

91. Сын должен быть достойным своих родителей

В 1971 г. рассказал Ихван Ибрагимов (1926 года, житель г. Грозного, малограмотный). Записал А. О. Мальсагов.

92. Мехка Астби

В 1966 г. рассказал Саварбек Джамбулатов (1947 года, житель г. Назрани, образованный). Записал И. Дахкильгов.

Опубл.: Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 370—372.

[1] Мехка — от слова «мохк» — страна.

[2] Ловзар — вечеринка.

[3] Картоевы — жители аула Карт, находящегося по соседству с башнями Дошхакле.

93. Турпал Ег

В 1942 г. рассказал 60-летний Магомет Тауботович Дзейтов. Записал Г. А. Дзагуров.

94. Магомат Мескетинский

Записано в 1926 году в сел. Кошкельды. Опубл.: ЧИФ, с. 219—226.

[1] До Октябрьской революции у чеченцев и ингушей браки и разводы осуществлялись муллами по теперь уже отжившим адатско-шариатским нормам.

95. Мужество Хадажки

В 1974 г. рассказал Кахарма Цуров (1920 года, житель сел. Джерах, малограмотный). Записал И. Дахкильгов.

96. Гайте Шутар

В 1975 г. рассказал Сайт Саадович Богатырев (60-ти лет, житель сел. Мужичи, безграмотный). Записал И. Дахкильгов.

97. Гайте Шутар и барс

Паспортные данные приведены к предыдущему тексту.

98. Храбрый Идиг

Опубл.: Краснов А. И. Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии. Грозный, 1962, с. 121—125. Перепечатано с небольшими сокращениями.

[1] Здесь примечание А. Краснова: агач — мера длины. Пеший агач равен четырем верстам, конный — семи верстам.

99. Победа хойцев

Опубл.: Виноградов В. Б. Время, горы, люди. Грозный, 1980, с. 65—66.

100. Довтиев Хучбар

В 1975 г. рассказал Шамсуддин Асланбекович Кодзоев (1953 года, образованный, житель г. Грозного). Записал И. Дахкильгов.

101. Кур-гала

В 1975 г. рассказал Шамсуддин Асланбекович Кодзоев. Записал И. Дахкильгов.

102. Как ингуши отбили князей

В 1971 г. рассказал Хамид Тохиевич Мержоев (1877 года, житель сел. Сагопши, безграмотный). Записал А. Х. Танкиев.

103. Изгнание князей из Чечни

В 1976 году в сел. Валерик от стариков записал А. Цугаев.
[1] Одно время в Чечне имелись князья Айдамировы (из кумыков).

104. Как Агачий Ярач уничтожил тринадцать разбойников

Рассказал А. Э. Ярыжев (более ста лет, житель сел. Шолхи, безграмотный). Записал Х. Х. Эгиев.
Опубл.: ИФ, Т. II, с. 22—23.

105. Итар

В 1970 г. рассказал Башир Богданович Алдаганов (старик, житель сел. Олгетты). Записал А. Х. Танкиев.

106. Акмеров Мед

В 1973 г. рассказал Исмаил Медович Мурадов (1929 года, житель сел. Бамут, малограмотный). Записал И. Дахкильгов. По приведенной информатором генеалогии Мед является его девятым предком.

107. Гайдаков Дзейт

В 1973 г. рассказал Рамзан Багаевич Дзейтов (1916 года, житель сел. Бамут, безграмотный). Записал И. Дахкильгов. Информатор добавил, что тело Дзейта лежало в склепе вплоть до сороковых годов.

108. Истребление коварных врагов

В 1974 г. рассказал Аюб Магометович Евкуров. Записал И. Дахкильгов.
[1] Тарам — мифический дух-двойник человека.

109. Как в Ингушетии впервые была прощена кровь

Записал Магомет Керимович Аушев. Опубл.: Красные искры, с. 14.
[1] Явление кровника в саване символизировало в магическом плане его кончину.
[2] Произвести мнимый акт приложения к груди означал заключение молочного братства, а кровная месть на братьев не распространялась.

110. Непокорный Цогол

Опубл.: Россикова А. Путешествие по центральной части горной Чечни, с. 186.

111. Пугливый князь

Опубл.: Берже А. П. Чечня и чеченцы, с. 136—137.
[1] Саба — старинная объемная мера зерна.

112. Нарт-орстхо Саид

В 1977 году рассказал Ахмед Мамадиевич Мамадиев (1902 года, сел. Гардали, безграмотный). Записал А. А. Аюбов.

113. Два побратима

В 1942 г. рассказал Магомет Тауботович Дзейтов. Записал Г. А. Дзагуров.
[1] Мади Джамирза и Мади Эльбика являются также персонажами героико-эпических песен.

114. Цепа

В 1973 г. рассказала Рахмат Юнусовна Хациева (80-ти лет, жительница сел. Бамут, безграмотная). Записал И. Дахкильгов.
[1] По обычаям кровной мести часть ответственности за нее приходилась на хозяина оружия. Этим и объясняется то, что юноша стремится убить князя его же собственным оружием.

115. Муцул и Секки

Записано в 1930 году в сел. Итум-Кале.
Опубл.: ЧИФ. М., 1940, с. 249—251.
[1] Джайцы — аварцы.
[2] Муцул — в преданиии это слово предстает как имя собственное. На самом деле слово «муцул», должно быть, идет от слова «нуцал», так называли себя аварские ханы.
[3] «Населенный шестьюдесятью слепыми с шестьюдесятью лошадьми» — этими словами информатор дает знать, насколько велик был аул, исходя из следующего мнения: если одних слепых в ауле шестьдесят, то сколько же должно быть зрячих.

116. Сметливый юноша

В 1980 г. рассказал Б. А. Сайгираев (1928 года, сел. Алхан-Кала). Записала Раиса Сайгираева.

117. Зумсоевы

В 1980 г. рассказал Увайс Абдулкадыров (1920 года, сел. Самашки). Записал Абуязит Ашаханов.

118. Итон

В 1964 г. рассказал Даут Бетигов (90 лет, житель сел. Итум-Кале, безграмотный). Записал А. С. Куркиев.

119. Сестра семерых братьев

В 1967 г. рассказал Исмаил Бириханов (30-ти лет, житель сел. Верхние Ачалуки). Записал И. Дахкильгов.
Опубл.: Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 374—377.
[1] По-ингушски это село и сегодня называется Ахло-Юрт.
[2] По горскому этикету не положено было расспрашивать гостя о его имени и его делах, ибо возможно, что он и то и другое желает сохранить в тайне по каким-то своим соображениям.
[3] Девичью башню и сегодня показывают горцы. Она находится на очень труднодоступной скале.

120. Почитание гостя

В 1972 г. рассказал А. Хамхоев (1910 года, сел. Алкун, малограмотный). Записал И. Дахкильгов.

121. Отца достойный сын

В 1973 г. рассказал Ибрагим Зовлиевич Гандалоев (1895 года, житель сел. Бамут, малограмотный). Записал И. Дахкильгов.
[1] Падчах. От слова «падишах».
[2] Таймиев Бибулат — действительная историческая личность, много содействовавшая организации объединенной борьбы горцев против царского самодержавия.

122. Гихой Биймарза

В 1965 г. записал И. А. Оздоев от Ахмета Тешиевича Евкурова из сел. Олгетты.

[1] Крепость Эльбазара (по другим вариантам — Белкъазура) — предположительно крепость у Кизляра.

123. Хажалка и Залейха

В 1975 г. рассказал Бийсолта Борзов (60-ти лет, житель сел. Кантышево). Записала Л. Кодзоева.

[1] Мос-падчах — тут возможны два толкования: от слова «мос» — косматый; мос — московский; падчах — царь.

124. Овтарха Ахмет с волчьими глазами

В 1965 г. рассказал Хасан Баадалович Аушев (1915 года, сел. Сурхохи). Записал М.-Г. Аушев.

Опубл.: ИФ, с. 264—267.

125. Ахмет и казак

В 1975 г. рассказал Бийсолта Борзов. Записала Л. Кодзоева.

126. Славное имя Ахмет Автуринский

В 1980 г. рассказал Султан Мадиев (1912 г. рождения, сел. Ведено). Записал Абуязит Ашаханов.

127. Оки-Аки

В 1975 г. рассказала Аманти Дашаева (1888 года, сел. Рошни-Чу, безграмотная). Записал А. О. Мальсагов.

128. Пристав и андиец

В 1973 г. рассказал М. Г. Гакашев. Записал И. Дахкильгов.

129. Джунид и его невеста

В 1975 г. рассказал Азиз Домашев (1888 года, сел. Шали, безграмотный). Записал Р. Х. Джабраилов.

[1] Песня типа баллады.

130. Орстхоевец-нохчо и орстхоевец-галга

В 1980 г. рассказал Ахмет Биботович Евлоев (1890 года, сел. Али-Юрт). Записал М. Муталиев.

131. Ачамза-курган (сын Лоаман Ха)

Записал Т. Д. Беков. Опубл.: Красные искры, с. 45—51. Повторная публикация: Беков Тембот. Избранное. Грозный, 1966, с. 64—71. Повторная публикация книги в 1974 г. Публикация на русском языке: Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей, с. 378—382.

[1] Лоаман Ха — это не имя собственное, хотя и преподнесено таким; эти слова переводятся как «горный страж», то есть человек, стоящий на посту, которые горцы выставляли на отрогах гор.

[2] Саллоевы князья — должно быть, имеется в виду дагестанское общество Сала-Уздени.

[3] Терсмаймальский меч — такое название имели сабли особой прочности, на лезвиях которых стояло тавро в виде оскаленной морды животного. Горцы считали, что это изображение ревущей обезьяны, отсюда и название сабли: «терса» — реветь и «маймал» — обезьяна.

132. Ваха и Умар

В 1975 г. рассказал Иса Вахитович Мамергов (старик, житель г. Малгобека). Записала З. А. Барниева.

133. Мужество Адиева Сурхо

В 1973 г. рассказал Ибрагим Зовлиевич Гандалоев. Записал И. Дахкильгов.

[1] Здесь имеется в виду содержание героико-эпической песни, в которой Адиев Сурхо убивает ненавистного князя и делит земли среди сельских общинников.

[2] Покинуть дом, не отведав приготовленной хозяином еды, означало позор на голову хозяина и расценивалось, как объявление вражды и ссоры.

[3] Лишить мужчину оружия и пояса считалось нанесением ему тяжкого оскорбления. Таким образом, как видно, Аднев Сурхо отомстил за нанесенное ему оскорбление.

[4] Села — бог грома и молнии языческого периода. Считалось, что весною земля прогревается и ее можно пахать тогда, когда в нее бог Села ударит своей головешкой, которая была невидима, ибо была величиною с просяное зернышко, но обладала огромной силой тепла. Удар молнии также считали ударом головешки Селы.

134. Мадиев Джаммирза и его жена

Опубл.: Вопросы чечено-ингушской литературы. Грозный, 1978. Т. VII, с. 139—141.

Предание записано и опубликовано А. Исламовым. В комментарии к своей записи он отмечает, что вместо Мадиева Джаммирзы «фигурируют, например, Адиев Сурхо из Надтеречья, Джанхот из Аккы и др.»

[1] По старым обычаям, хозяин несет ответственность за честь и невредимость своих гостей.

135. Месть Ады

В 1964 г. записал А. С. Куркиев от представителя чаберлоевцев.

Подобный же сюжет был зафиксирован в переводе с ингушского Г. Лопатинским в 1912 году. Его запись опубл.: Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Баку, 1930. Т. III, с. 197—198.

136. Гази, сын Алдама

Записал А. Куркиев в 1966 году в сел. Гамурзиево.

Первая запись этого варианта в переводе с ингушского осуществлена Л. Г. Лопатинским в 1912 году и опубл.: Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Т. III, с. 198—201. Вариант этого предания опубликовал и Н. Яковлев: Яковлев Н. Ингуши, с. 15—16.

137. Ачхой-Мартановский Дуда Исмаилович

В 1973 г. рассказал М. Г. Гакашев. Записал И. Дахкильгов.

138. Не хвались сделанным

В 1973 г. рассказал М. Г. Гакашев. Записал И. Дахкильгов.

139. Доброе дело не пропадет

В 1973 г. рассказал М. Г. Гакашев. Записал И. Дахкильгов.

140. Место судилищ

Опубл.: Иванов М. А. В горах между реками Фортангой и Аргуном. — ИКОРГО, 1904, т. 17, № 1, с. 49—50.

141. Суд Бекбузара

Записал Л. Семенов от Б. Эльджеркиева в 1932 г. Опубл.: Семенов Л. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963, с. 118—119.

[1] В начале этого предания Л. Семенов делает пояснение, что ингуши, жившие в Хевсуретии, «были известны как хорошие знатоки обычного права; они умели искусно разобрать самые трудные тяжбы. Ингуши обращались к ним за помощью в тех случаях, когда сами не могли разобрать какие-нибудь спорные дела».

[2] «Тот приехал из Хевсуретии...» Эти слова означают, что Бекбузар был из ингушей, проживавших в Хевсуретии. Скорее всего здесь имеется в виду представитель майстинцев или мелхистинцев, проживавших в соседстве с Пшав-Хевсуретией и нередко признававшихся самими вайнахами во многом родственными пшавам и хевсурам. К тому же представители этих двух племен славились как искусные народные судьи.

142. Вога и Догга

В 1966 г. рассказал Жена Мочукаевич Шовхалов (1888 года, житель сел. Байни, безграмотный). Записал И. Дахкильгов.

143. Камень-крест

В 1975 г. рассказал Баудди Насруддинович Баташов (1900 года, селение Курчалой, безграмотный). Записала Петимат Сайдулаева.

144. Чопай Гарш

В 1975 г. рассказал Висха Хасанович Кагерманов. Записал И. Дахкильгов. Имеется ряд вариантов этого предания, опубликованных в дореволюционных источниках.

[1] Солта — возможно это искаженное имя нартского богатыря Сеска Солсы. С именем этого героя связываются зазубрины горы Цай-лоам, якобы оставленные мечом Сеска Солсы. Сегодня эти зазубрины уже увязываются с мусульманским святым турпалом Али.

145. Могила Бексултана Бороган

В 1892 г. от жителя селения Плиево Исупа Наурузова-Ажигова записал Б. К. Далгат. Опубл.: ЭО, 1901, № 1, с. 57. Имеются повторные публикации.

[1] Имя Бексултан Бороган, надо думать, появилось от прочтения на мавзолее Борга-Каш надписи о том, что в нем захоронен человек по имени Бексултан.

СЛОВАРЬ

ага — люлька
айт — восклицание, выражающее восторг
аллаху-акбар — слова молитвы
ассалам-алейкум — приветствие, означающее «мир вам», и ответ
ва алейкум-салам — «и вам мир»
белхи — букв. «помочь», «работа»; помощь, оказываемая односельчанами тому или иному лицу
беркат — благодать, изобилие, благоденствие
ва, вай — обращение, соответствует русскому «эй»
вампал — букв. «великан»
вета — пуговица из ниток для застежки ворота рубахи
гам — ведьма, колдунья, оборотень
гамсельг — женщина-ведьма
гарбаш — рабыня; ведьма, колдунья, Баба-Яга
геза-дяри — шелк особых, дорогих сортов, парча
гулиг — сказочный конек
дада — отец, дедушка
дажал — злое существо огромных размеров
дечиг-пондар — чеченский национальный инструмент типа трехструнной балалайки
джин — злой дух, бес
жижиг-галнаш (инг. — дулх-халтамаш) — национальное блюдо из мяса и галушек с чесночной подливой и бульоном
захал — сват, сваха
зурна (чеч.-инг. — зурма) — музыкальный инструмент типа свирели
кант (канат) — букв. «сын»; юноша, удалец, молодец
карак — хмельной напиток; водка
кхел — суд; решение спорных вопросов по обычному праву
намаз (чеч.-инг. — ламаз) — молитва у мусульман, совершаемая пять раз в день в определенное время
нана (наш) — букв. «мать», «бабушка»; ласковое обращение
нихха — напиток, брага
паднар — топчан
падчах — царь, государь у восточных народов
пандар — гармоника, балалайка
пхегата — место, где встречаются мужчины села; инг. — пхъегIа; осет. — нихас; даг. — годекан; кабард. — хаса
пхохане (чеч.) — см. пхегата
пякирг — мелкий, презренный человек
сахь — мера зерна, равная восьми пригоршням
талс — переметная сума
тамада — старший, руководитель, главный
терсмайла — шашка, меч из дамасской стали с изображением на клинке морды волка или обезьяны
тума — десять рублей, червонец
турпал — герой, богатырь
турпал конь — богатырский конь
тязет — букв. «траур»; похоронный ритуал, место поминок во дворе, куда приходят родственники и знакомые покойника для выражения соболезнования
уздень — см. эздий
хаким — начальник
халтамаш — см. жижиг-галнаш
хежа — нечто вроде ведуньи, колдуньи
хожа — чудовище, иногда многоголовое
шахар — населенный пункт; город
эздий, уздень — сподвижник, соратник
энджал — чудовище огромных размеров

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИЖС — Ингушские сказки о животных. Грозный, 1961 (на ингуш. яз.).
ИКОИРГО — «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества». Тифлис.
ИИНИИК — «Известия Ингушского научно-исследовательского института искусства и краеведения». Владикавказ.
ИФ — Ингушский фольклор. Грозный, 1940 (на ингуш. яз.).
ИФ, т. II — Ингушский фольклор. Сост. Абу Мальсагов. Т. II. Грозный, 1967 (на ингуш. яз.).
ИЧИНИИИЯЛ — «Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы». Грозный.
СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 1—44. Тифлис, 1881—1929.
ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах». Вып. 1—10. Тифлис. 1868—1881.
ССТО — Сборник сведений о Терской области. Владикавказ.
ТГАИМК — «Труды Государственной Академии истории материальной культуры». Л.
ФВ — Фольклор вайнахов. Орджоникидзе, 1932 (на ингуш. яз.).
ЧИГПИ — Чечено-Ингушский государственный педагогический институт.
ЧИГУ — Чечено-Ингушский государственный университет.
ЧИНИИИСФ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии.
ЧИФ — Чечено-Ингушский фольклор. М., 1940.
ЧФ II — Чеченский фольклор. Сост. С. Эльмурзаев. Т. II Грозный, 1964 (на чечен. яз.).
ЧФ III — Чеченский фольклор. Сост. С. Эльмурзаев. Т. III. Грозный, 1964 (на чечен. яз.).
ЭО — Этнографическое обозрение. М.

СОДЕРЖАНИЕ

Р. С. Ахматова. Сила мечты и страдания 3
И. А. Дахкильгов, А. О. Мальсагов. Сказки, сказания и предания . . 7

Сказки

1. Золотые листья 23
2. Три брата 29
3. Чайтонг — сын медведя 34
4. Чудный мальчик, бросавший железный столб 39
5. Тамаш-Таштамир 43
6. Мальчик с солнцем во лбу и месяцем между лопаток 46
7. Храбрый Пахтат 49
8. Овдилг 58
9. Черный хожа 75
10. Семеро товарищей 80
11. Князь и Жера-Баба 85
12. Сын вдовы Жатик 86
13. Сын нарта 92
14. Князь Тепсырко и вдовий сын Жосарко 96
15. Тимар 100
16. Отцовское наследство 105
17. Мерий-Тотал 108
18. Тимар с обгоревшим боком 114
19. Как у Силаймы нос оторвали 119
20. Байнал-Бусани 123
21. Тинин Висаг и Черный хожа 125
22. Парчо 127
23. Сказка об охотнике и нарте 128
24. Храбрый кант 130
25. Алхаст и Малх-Азни 133
26. Охотник 138
27. Как сын старика переспорил дочь падчаха 140
28. Как победили черного вампала 142

29. Два друга 145
30. Джантельг 151
31. Прославленный лекарь 152
32. Дочь князя Айзан и Муса 156
33. Волшебный сноп, котел и шапка-невидимка 160
34. Ахкепиг 161
35. Балай и Боти 165
36. Мовсур и Магомед 170
37. Гомбот и его жена 174
38. Золотое перо и плетка 178
39. Бало 179
40. Младший зять падчаха 182
41. Гезама Али и Толам-Аго 189
42. Зулай 191
43. Девочка и гам 192
44. Гам 194
45. Альтамар и ешап 196
46. Чончилг и ешап 198
47. Бедняк и змея 201
48. Князь Бигалди 203
49. Морской конь 208
50. Медвежье ухо 211
51. Приключение Говды 217
52. Эширп, сын Гарапа 220

Сказания

1. Сказание о Села Сате 227
2. Как родился Сеска Солса 228
3. Сеска Солса и тазовая кость 228
4. Сеска Солса 229
5. Сказание о нарте Сеска Солсе 230
6. Сеска Солса и вампал 231
7. Солса и ширтка 233
8. Две дочери, мать и Сеска Солса 233
9. Сказание о Сеска Солсе 234
10. Сеска Солса и Селий Пиръа 234
11. Как Сеска Солса похитил девушку 235
12. Спор, разрешенный в царстве мертвых 236
13. Нарт-орстхойцы и Горжай 242
14. Рассказы Хамчи Патараза и Орзми 244
15. Сын Оршмы 246
16. Оршамар Эрш 249
17. Благодатная птичка 250
18. Благодатная птичка, звезда ветров и змея 250
19. Жена Пхагал Бяри и нарт-орстхоец 251

. 252
20. Жены Пхагал Бяри и Сеска Солсы 252
21. Нарт-орстхойцы и Боткий Ширтка 255
22. Кто первым поселился в Нясар-Корте 259
23. Нясар и Козаш 260
24. Внук Козаша и Германч 262
25. Лорса и Солса 266
26. Нежно любимая Альбика 268
27. Жена Барахой Канта 270
28. Барахой Кант 273
29. Кинда Шоа и Сеска Солса 274
30. Как Кинда Шоа похитил девушку 275
31. Сеска Солса и Кинда Шоа 276
32. Эшк и Сеска Солса 276
33. Бийдолг-Бяре и Сеска Солса 278
34. Колой Кант 281
35. Колой Кант и Сеска Солса 283
36. Старик-бедняк и нарт-орстхойцы 285
37. Три брата нарт-орстхойца 285
38. Сказание о девушке-нарт 286
39. Сказание о нарте Усе 287
40. Сказание о великанах 290
41. Турпал Термола 290
42. Куллуби — победитель нарт-орстхойцев 292
43. Конец владычеству нарт-орстхойца 293
44. Наур и Гожак 295
45. Нарты из Герменчуга 296
46. Разгром нартов 297
47. Спор Гепака и Амира 297
48. Теча и его возлюбленная Цай 298
49. Нарт-орстхоец Кускуз 298
50. Мельничные жернова нарт-орстхойцев 298
51. Башни нарт-орстхойцев 299
52. Башня Наураза 299
53. Хребет семи братьев нарт-орстхойцев 300
54. Сеска Солса и лесной голубь 300
55. Солса и Патараз 301
56. Куда девались нарт-орстхойцы 301
57. Сирая вдова и нарт-орстхойцы 302
58. Смерть нарт-орстхойцев 302
59. Отчего погибли нарт-орстхойцы 303
60. Ялхой-Мохкское сказание 305
61. Как нарт-орстхойцы сгинули со света 306
62. Гибель нарт-орстхойцев 308
63. Смерть нарт-орстхойцев от голода 308
64. Чтобы котел говорил о нас 309
65. Гибель семи нарт-орстхойцев 309

Предания

1. Споем про турпала Нохчо! 313
2. Богатырь Нохчо 313
3. Потомство Турпала 314
4. Предок Га и его потомство 315
5. Вамполож и кабардинец 316
6. Эги, Хамхи и Таргим 316
7. Три брата 317
8. Цечо и Мялхе 317
9. Кайсай-Джурай 318
10. Хилдехаройский Ляча 319
11. Предание о происхождении фамилии Барконхой 320
12. Албогачиевы и Хашагульговы 321
13. Объединение страны 322
14. Тангахой 323
15. Гий, Сиккам, Чинаха 323
16. Про живущих в ауле Духаргашт 324
17. Халундоевцы 325
18. Акберг 325
19. Чабарло 326
20. Ханбатыр 330
21. Храбрый Аларо 333
22. Основание аула Эбан 334
23. Эги, Эбан и его сыновья 335
24. Ханой Хинг 337
25. О воздвижении башни Цуровых 339
26. Строитель Дисхи и его невеста 340
27. Умная жена 341
28. О прошлом Назрани 343
29. Орца Кэрцхал 347
30. Находчивость Кэрцхала 347
31. Инарка 347
32. Про нихалойцев 348
33. Ногай-Мирза 349
34. Села Гардали, Даттах, Энган 349
35. Гардалой 349
36. Лощина, где застрял Дуншилг 350
37. Основание села Алхан-Юрт 350
38. Как Чабарло забрал местечко Берхате 351
39. Байни-Кашете 352
40. Селение Буни 353
41. Гора трех сестер 353
42. Надмогильный памятник нарт-орстхойцев 353
43. Двое братьев и их мать 354
44. Варанды 354

Содержание судей храма Ткобя-Ерды 355
отомки Маго 356
дник «Девичья коса» 358
лон Мажки 358
куда идет название села Ялхой-Мохк 360
Ялхой-Мохк и хребет Мушан-Дук 360
азвание села Шовхал-берд 360
царице Тамар 361
охороны Тамар 361
арь Гергал 362
хромой Тимур 362
56. [illegible] и сын Тимура 366
57. Ров Тамерлана 366
58. Мали Таймазха 367
59. Назрановский Малсаг и Гехинский Саадула 369
60. Предводитель абреков 370
61. Харачоевский Зелимхан 370
62. Зелимхан и бедный мальчик 371
63. О Зелимхане 372
64. Абрек Сулумбек 373
65. Валерик 374
66. Сулда-Вепаг 376
67. Башня Гоната 376
68. Победа дошхаклойцев 377
69. Переселения Дудара 377
70. Гибель сыновей Дудара 378
71. Замосв Уциг 379
72. Колой Кант и Барахой Кант 379
73. Кохе Гонат 382
74. Находчивые братья 382
75. Мержой Казилг 383
76. Сказание о бесстрашном муже и находчивой жене 384
77. Ивизды Газд 385
78. Слепой Ган . . . . . [illegible]
79. Земля за красавицу . . . . . [illegible]
80. Сказание о знатном иноземце Ерде . . . . . [illegible]
81. Не мути воду . . . . . [illegible]
82. Больше не будем спорить . . . . . [illegible]
83. Ча и Чербаж . . . . . [illegible]
84. Погибшие из-за земли . . . . . [illegible]
85. Сиксолса и Гуй . . . . . [illegible]
86. Черкесские хребты . . . . . [illegible]
87. Женщина помирила мужчин . . . . . [illegible]
88. Как женщины одолели врагов . . . . . [illegible]
89. Девушка ищет суженого . . . . . [illegible]
90. Как девушка обманула разбойников . . . . . [illegible]

91. Сын должен быть достойным своих родителей 396
92. Мехка Астби 397
93. Турпал Ег 398
94. Магомат Мескетинский 399
95. Мужество Хадажки 406
96. Гайте Шутар 408
97. Гайте Шутар и барс 409
98. Храбрый Идиг 409
99. Победа хойцев 412
100. Довтиев Хучбар 413
101. Кур-гала 414
102. Как ингуши отбили князей 415
103. Изгнание князей из Чечни 415
104. Как Агачий Ярач уничтожил тринадцать разбойников . . . 416
105. Итар 417
106. Акмеров Мед 418
107. Гайдаков Дзейт 420
108. Истребление коварных врагов 421
109. Как в Ингушетии впервые была пролита кровь 421
110. Непокорный Цогол 423
111. Пугливый князь 423
112. Нарт-орстхо Саид 423
113. Два побратима 424
114. Цепа 425
115. Муцул и Секки 426
116. Сметливый юноша 428
117. Зумсоевы 429
118. Итон 429
119. Сестра семерых братьев 430
120. Почитание гостя 433
121. Отца достойный сын 433
122. Гихой Бийарза 437
123. Хажалка и Залейха 439
124. Овтарха Ахмет с волчьими глазами 441
125. Ахм[illegible] 442
34. Села Гардали, Да[illegible]хмет Автуринский 443
35. Гардалой 444
36. Лощина, где застрелец 445
37. Основание села А[illegible] невеста 447
38. Как Чабарло забра[illegible]о и Орстхоевец-галга 448
39. Байни-Кашете (сын Лоаман Ха) 450
40. Селение Буни 453
41. Гора трех сестер[illegible]диева Сурхо 454
42. Надмогильный [illegible]аммирза и его жена 456
43. Двое братьев [illegible] 458
44. Варанды [illegible]Алдама 459

1 р. 90 к.